

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МУЗЕЙ-УСАДЬБА Л. Н. ТОЛСТОГО «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

12

Санкт-Петербург
«Росток»
2024

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5
Т30

Издание осуществлено попечением Дениса Норенко

Редакционный совет альманаха «Текст и традиция»

Евгений Водолазкин (*Санкт-Петербург*) — главный редактор

Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*) • Павел Басинский (*Москва*) •
Алексей Варламов (*Москва*) • Игорь Волгин (*Москва*) •
Андрей Дмитриев (*Санкт-Петербург*) • Оливер Реди (*Оксфорд*) •
Татьяна Руди (*Санкт-Петербург*) • Владимир Толстой (*Ясная Поляна* —
Москва) • Роберт Ходель (*Гамбург*) • Елена Шубина (*Москва*) •
Леонид Юзефович (*Санкт-Петербург*)

Т30   Текст и традиция: альманах, 12 / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом)
Рос. Акад. наук, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». —
Санкт-Петербург: Росток, 2024. — 531 с.
ISBN 978-594668-414-9
DOI 10.31860/978-5-94668-414-9

Альманах «Текст и традиция» издается Пушкинским Домом и Ясной Поляной, двумя известнейшими «литературными домами» России. Одной из важных его задач является рассмотрение современной русской литературы в контексте литературной традиции — классической и древней. В определенном смысле альманах соединяет в себе черты научного и литературного («толстого») журналов: в соответствующих разделах публикуются исследования академического типа и литературные эссе. Особое место в издании занимают диалоги участников литературного процесса на историко-культурные темы, а также публикация архивных материалов.

УДК 82.161.1(051.4)
ББК 83.3(2РОС=РУС)6Я5

ISBN 978-5-94668-414-9

- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2024
- © Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2024
- © Е. Г. Водолазкин, концепция, составление и редактирование, 2024
- © Коллектив авторов, 2024
- © ООО «Издательство «Росток», 2024

Содержание

ACADEMIA

<i>Лидия Соколова (Санкт-Петербург)</i> Загадочная пейзажная картина в «Слове о полку Игореве» (история толкования)	7
<i>Владимир Иванов (Берлин)</i> Проблематичный Ренессанс	34
<i>Светлана Межеричкая (Санкт-Петербург)</i> Михаил Кузмин — переводчик «Илиады» Гомера	72
<i>Андрей Ранчин (Москва)</i> Булгаков, Воланд и Иешуа	98
<i>Анатолий Кулагин (Коломна)</i> Путешествие в прошлое Высоцкий и «Фома Гордеев»	121

VOX SCRIPTORIS

<i>Иван Родионов (Камышин)</i> Религиозное мироощущение лирического героя Маяковского: от богоискательства к атеизму	131
<i>Павел Нерлер (Москва)</i> На фоне одной переписки Надежда Мандельштам, Николай Харджиев и все-все-все	141

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Владимир Березин (Москва)</i> ЖПТ	213
Кто начал — не начинающий! Первокурсники Литературного института о «дебютном романе» Екатерины Манойло «Отец смотрит на запад» <i>Вступление, подготовка текстов и комментарии</i> <i>Сергея Дмитренко (Москва)</i>	221

ИСТОРИЯ КНИГИ. ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

<i>Арина Обух (Санкт-Петербург)</i> «Муха имени Штигилица»	259
<i>Ася Володина (Москва)</i> «Протагонист»	265
<i>Евгений Кремчуков (Чебоксары)</i> Инакомыслящий тростник (о романе «Волшебный хор»)	270

АРХИВ

<i>Татьяна Руди (Санкт-Петербург)</i> Из истории поздней русской агиографии: Житие Симеона Белобережского	281
<i>Елизавета Давыдова (Пастернак) (Москва)</i> А. С. Хомяков в записках В. И. Хитрово	327
<i>Наталья Грякалова (Санкт-Петербург)</i> Барышня с белым тюльпаном (Письма Ирины Куниной-Александр к В. Н. Орлову)	421
<i>Алексей Ремизов. «Обращение к народу русскому»</i> <i>Вступительная заметка, публикация текста</i> <i>и комментарии Аллы Грачевой (Санкт-Петербург)</i>	444

СОДЕРЖАНИЕ

Неопубликованная пьеса Александра Володина
«Дневники королевы Оливии»
Подготовка текста, публикация и комментарии
Елены Гушанской (Санкт-Петербург) 451

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 523

ACADEMIA

Загадочная пейзажная картина в «Слове о полку Игореве» (история толкования)

Всё изменилось на земле. Но закаты,
грозы, туманы не меняются. И наши
чувства в эти часы схожи с чувствами
наших далеких предков.

Игорь Шкляревский

«Слово о полку Игореве» написано усложненным стилем, типологически сопоставимым, как отметил Р. О. Якобсон, с «темным» стилем европейской поэзии второй половины XII — начала XIII в.¹ По удачному выражению А. А. Гогешвили, «доведенный почти до предела символизм, многозначная лаконичность и сознательная “темнота”, эзотеричность авторского стиля составляют существенную часть тайны “Слова” и его автора и, одновременно, секрет его очарования, делают “Слово” произведением искусства, явлением подлинной поэзии».² В связи с авторской установкой на сознательную «темноту» стиля³ некоторые неясные места памятника исследователи пытаются объяснить вот уже

¹ Якобсон Р. О. 1) Изучение «Слова о полку Игореве» в США // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 108–109; 2) Роль языкознания в экзегезе «Слова о полку Игореве» // Якобсон Р. О. Избранные работы: Переводы с англ., нем., фр. яз. / Вступ. ст. В. В. Иванова; сост. и общ. ред. В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1985. С. 421.

² Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. М.: Белые альвы, 1999. С. 380.

³ Поэтическим приемам затемнения смысла в «Слове» мы посвятили две работы: Соколова Л. В. 1) Стиль «*ornatus difficilis*» в «Слове о полку Игореве» // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 1. С. 7–34. [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/journal/content_list.php?id=86901; 2) Композиционные и синтаксические прие-

225 лет. Истории толкования одного из таких фрагментов посвящена настоящая статья.

Автор «Слова о полку Игореве» перед первым сражением русских с половцами рисует следующую поэтическую картину:⁴

Длѣго ночь *мръкнетъ*;⁵
Заря свѣтъ запала,
мѣгла поля покрыла.
Щекотъ славиі успе,
говоръ галичь *убуди*.⁶

Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша,
ищучи себѣ чти, а князю — славы (с. 46).

В исследовательской литературе данный отрывок получил разные объяснения. Одни комментаторы видят здесь картину наступающей ночи, другие — наступающего утра, а третьи — постепенный переход от заката к рассвету. По-разному толковались буквально все составные части живописной картины. Высказывались противоречащие друг другу мнения о том, что значит «долго ночь меркнет» (темнеет или светлеет), о какой заре идет речь (о вечерней или об утренней), какая «мгла» покрыла поля (ночная тьма или утренний туман), что символизирует умолкнувшее пение соловьев и пробудившийся крик галок (наступление ночи или, напротив, утра) и, наконец, когда и с какой целью русичи перегородили поля своими щитами: утром, приготовившись к бою, или расположившись на ночлег в ночь перед первым сражением.

мы затемнения смысла в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Пушкинский Дом, 2024. Т. 71 (в печати).

⁴ Текст «Слова о полку Игореве» здесь и далее цитируется по изданию 1967 г. с изменением знаков препинания и с ритмической разбивкой на строки. См.: Слово о полку Игореве / Вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и подгот. текстов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева; примеч. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. Л.: Советский писатель, 1967. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). При дальнейшем цитировании «Слова» по этому изданию страницы указываются в тексте, в скобках.

⁵ В цитируемом издании это слово приведено по Екатерининской копии (далее — *Е*), в Первом издании (далее — *П*) — «мркнетъ». См.: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича... М.: Сенатская тип., 1800. С. 10. Фототипическое воспроизведение Первого издания см.: Слово о полку Игореве / Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

⁶ В цитируемом издании это слово исправлено по смыслу на «убудися», что нарушает ритмику строфы.

Детальный обзор высказанных мнений и предложенных переводов этого фрагмента, начиная с первых издателей «Слова» и до середины 30-х гг. XX в., привел Н. Н. Зарубин в объемной статье 1935 г. «Заря утренняя или вечерняя?»,⁷ что избавляет нас от подробного изложения различных точек зрения. Отметим лишь основные толкования.

В Первом издании слово «дльго» в древнерусском тексте выделено в отдельное предложение, а в переводе присоединено к предшествующему тексту и передано как «далеко»: «О Русские люди! *далеко* уже вы за Шеломянем⁸». Перевод всего рассматриваемого фрагмента в Первом издании в соответствии с этим был таким: «Ночь меркнетъ, свѣтъ зари погасаеъ, мглюю поля устилаются, пѣснь соловьиная умолкаеъ, говоръ галокъ начинается».⁹ Из перевода ясно лишь, что, по мнению первых издателей, речь идет о вечерней заре и ночной мгле, устилающей поля.

Следуя за первыми издателями, большинство исследователей и переводчиков «Слова» видели в нарисованной автором картине вечер, постепенное наступление ночи, при этом одни толковали поведение соловьев и галок как свидетельство глубокой ночи,¹⁰ а другие — как переход от наступившей ночи к раннему утру (подробно см. в статье Зарубина).

Поэт Аполлон Майков в 1870 г. первым высказал мысль, что автор «Слова» рисует здесь картину наступающего утра: «Ночь мръкнетъ и прочее. Обыкновенно эту картину принимают за изображение ночи. По-моему, это раннее утро. Померкнутъ — говоря о чем-нибудь блестя-

⁷ Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? (Из комментария к «Слову о полку Игореве») // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. Т. 2. С. 95–150.

⁸ По мнению первых издателей, Шеломянь — это русское село в Переяславской области на границе с Полем Половецким, поэтому слово написано с заглавной буквы. См.: Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича... С. 10.

⁹ Там же.

¹⁰ Жуковский, например, видел в рассматриваемом фрагменте картину вечерней зари, переходящей в позднюю ночь, и перевел *убуди*, вопреки оригиналу, как *затих*:

Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор *затих*.

(Жуковский В. А. Переложение «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. С. 123 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.)).

щем, значит угаснуть; но вместе с тем значит и потерять свой цвет, по-
линять, побледнеть, словом, в обоих случаях выражает убыль, ущерб.
Следовательно, “ночь меркнет” значит, что ночь убывает, бледнеет,
т. е. стало светать». ¹¹ Слово «длѣго» Майков по традиции относил
к предшествующей фразе-рефрену: «О Русская земле! Уже за шеломя-
немъ еси *длѣго!*» и переводил его лексемой «давно», хотя Пожарский
еще в 1819 г. предложил относить слово «длѣго» к следующей фразе
(«длѣго ночь мръкнетъ»). ¹²

Весь пассаж Майков перевел так:

Ночь редеет. Бел рассвет проглянул,
По степи туман понесся сизый;
Позамолкнул щекот соловьиный,
Галчий говор по кустам проснулся...
В поле Русь, с багряными щитами,
Длинным строем изрядилась к бою,
Алча чести, а для князя славы. ¹³

Ср. у Пушкина в «Медном всаднике»:

Редеет мгла ненастной ночи
И бледный день уж настаёт... ¹⁴

Слово «запала» в предложении «заря свѣтъ запала» долго понимали
как производное от «запасть» — зайти, скрыться. Емельян Партицкий
в 1883 г. предложил рассматривать форму «запала» в качестве аориста
от глагола «запалати», лексему же «заря» — как стоящее в родительном

¹¹ Майков А. Н. «Слово о полку Игореве». Несколько предварительных замечаний об этом памятнике // Заря. 1870. № 1 (Январь). С. 132. То же: Майков А. Н. Объяснительные примечания к тексту «Слова о полку Игореве» // Майков А. Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. 5-е изд., испр. и доп. автором. СПб.: А. Ф. Маркс, 1888. Т. 2. С. 475.

¹² Пожарский Я. О. Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгорода Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний. СПб.: В тип. Деп-та нар. просвещения, 1819. С. 51, 53.

¹³ Майков А. Н. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. С. 151 (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). Курсив мой.

¹⁴ Пушкин А. С. Медный всадник // Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Правда, 1969. Т. 3. С. 174–175.

падеже зависимое слово, относящееся к существительному «свѣтъ» (т. е. свет зари запылал).¹⁵

Поддержавший его А. В. Лонгинов в 1892 г. отметил, что слово «запала» имеет двоякий смысл в зависимости от того, производить ли эту форму от глагола «запалати» или глагола «запасти», и указал, что от последнего была бы форма «западе», а не «запáла». Лонгинов отметил также, что вечерняя заря не западает, а *гаснет* или тухнет. Поэтому, по мнению исследователя, за исключением фразы «Длѣго ночь мркнетъ», весь остальной отрывок, оканчивая словами «...говор галичь убуди», следует относить к утру. Что же касается фразы «ночь меркнетъ», то она, по его мнению, означает *сгущение мрака*.¹⁶

Однако Е. В. Барсов и после этого полагал, что выражение «заря свѣтъ запала» следует переводить как «заря скрылась, погасла». ¹⁷ При этом ученый счел необходимым аргументировать свое понимание поэтической картины как переход от вечерних сумерек к утру следующего дня. Он пишет: «Автор разделяет ночь на две половины и указывает крайние моменты той и другой. Ночь *смелькающаяся*: она начинается постепенным угасанием света, смельканием, которое продолжается довольно долго (sic! — Л. С.). Момент, которым кончается эта половина, — потухание зари. С угасанием последнего ее луча начинается *глубокая ночь*. Ночь эту автор называет мглою, т. е. густым непроглядным туманом, при котором ни зги становится не видно. Моменты — которыми определяется этот период — суть следующие. С одной стороны, умолкание соловья. С наступлением глубокой ночи он перестает петь и засыпает. А с другой — переклик галок: *галки просыпаются еще до утренней зари* и своим криком дают знать, что ночь кончилась и наступает уже раннее утро». ¹⁸ (Курсив мой. — Л. С.)

Перевел этот фрагмент Е. В. Барсов следующим образом:

Долго ночь смелькает,¹⁹
Заря свет заронила,

¹⁵ [Партьцкий О.] Темні містця в «Словѣ о плѣку Игоревѣ» / Пояснив Ом. Партьцкий. Львів: [Б. и.], 1883. Часть перша. С. 20–21.

¹⁶ Лонгинов А. В. Историческое исследование сказания о походе Северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 г. Одесса: «Экономическая» тип., 1892. С. 173–174.

¹⁷ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М.: Университетская тип., 1889. Т. 3. С. 294.

¹⁸ Там же. М., 1887. Т. 2. С. 18–19.

¹⁹ Слово «смелькать» в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отсутствует. Находим его в «Словаре русских народных говоров» с пометой «Тихв. Новг.», но только в безличной форме «смелькаться, смелькнуться»

Туман степи покрыл,
Уснуло пение соловья;
Говор галок пробудился.²⁰

Таким образом, весь этот фрагмент, по Барсову, описывает вечернее угасание света и глубокую ночь; и даже говор галок начинается еще до утренней зари, как бы предвещая ее.

Толкование Е. В. Барсова небезупречно. Во-первых, неизвестно, на основании чего исследователь понимал выражение «ночь меркнет» как «постепенное угасание света». Во-вторых, видя в рассматриваемой поэтической картине описание вечерней зари и наступления ночи, Е. В. Барсов пишет: «Такому объяснению вполне отвечают дальнейшие слова: *на другой день весьма рано*. Очевидно, выше было описание ночи, а не раннего утра, как думают другие исследователи».²¹ Однако ученый ошибся: фраза *на другой день весьма рано* («Другаго дни велми рано кровавая зори свѣтъ повѣдають...») повествует об утре не пятницы (как рассматриваемый отрывок), а субботы, и следует она за фрагментом, сообщающим о ночевке в поле войска Игоря с пятницы на субботу: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло!» (с. 47).

Н. Н. Зарубин, считавший, как и Барсов, что весь рассматриваемый фрагмент «дает связную картину постепенного наступления ночи», в 1935 г. подверг критике точку зрения А. Н. Майкова.

Он отметил, что, во-первых, Майкову не удалось подыскать примеров, в которых глагол «запасти» мог быть синонимичным глаголу «заниматься»; во-вторых, «глагол “*мркнути*” сделался тождественным глаголам “убывать, бледнеть, светать”, по смыслу прямо противоположным его обычному значению “становиться темным”»; в-третьих, «глагол “*покрыти*” (в переводе А. Н. Майкова «туман *понесся* сизый». — Л. С.) превратился в семантически диаметрально противоположное “подняться”». Усомнившись в правильности толкования Майковым трех названных глаголов, Зарубин заключил, что «нарисованная в переводе поэта картина утра выглядит прекрасно, но, к сожалению, она есть продукт его

в значении «смеркаться, темнеть» (Словарь русских народных говоров. СПб.: Наука, 2004. Вып. 38: Сканать — Сметушка. С. 353). Глагол «смелькать» (личная форма) отмечен в «Словаре деревни Акчим Пермской области», но в мало подходящем к контексту «Слова» значении, как синоним к глаголу «мелькать»: «Смелькать, сов. неперех. Показавшись на короткое время, скрыться. Иду туда, смотрю: чё-то смелькало. Убежал он...» (Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Пермь: Пермский ун-т, 2003. Вып. 5 (Р—С). С. 101).

²⁰ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 2. С. 19.

²¹ Там же.

собственного поэтического творчества, навеянный “Словом о полку Игореве”, и отнюдь не то, что имел в виду изобразить автор “Слова”». ²²

На чем Н. Н. Зарубин основывал свое категорическое утверждение, что автор «Слова» рисует картину вечера, переходящего в ночь? Поскольку исследователь дал самое обстоятельное обоснование этой точки зрения, рассмотрим его аргументы подробнее.

Н. Н. Зарубин, во-первых, полагал, что автор «Слова» различает слова *заря* и *зоря*: «заря» — свет и вечерняя заря, а «зоря» — утренняя заря. ²³ Однако сам исследователь отмечает, что эти слова часто смешивались, и иногда слово «заря» употреблялось для обозначения и вечерней, и утренней зари. По всей видимости, в «Слове о полку Игореве» слово *заря* в одном случае означает утреннюю зарю («заря светъ запала», т. е. зажгла), а в другом — вечернюю зарю («погасоша вечеру зари»). Два других случая не показательны, слова «зори» и «зорями» в них стоят во множественном числе, где «о» под ударением. Поэтому делать серьезные выводы, основываясь на написании слов «заря» и «зоря» в Первом издании «Слова», основанном на списке XV в., вряд ли правомерно.

Фразу «заря свѣтъ запала» Н. Н. Зарубин затрудняется перевести однозначно; он приводит шесть вариантов прочтения, но склоняется к тому, что слово «свет» здесь — глосса, ²⁴ а *запала́* означает «сделалась красной»: *заря (вечерняя) сделалась красной* (исследователь основывался на одном, явно переносном, значении слова «запалати» в чешском языке ²⁵), иначе — *заря (вечерняя) зажглась*. ²⁶

Выражение «длго ночь мркнеть», по мнению Зарубина, «в буквальном переводе значит — “продолжительное время ночь делается тем-

²² Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? С. 101—102.

²³ Там же. С. 117—124. Помимо рассматриваемого выражения («Заря свѣтъ запала»), слово «заря» читается при описании готовящегося бегства Игоря из плена: «Погасоша вечеру зари. Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслию поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца» (с. 55). Слово «зори» (во мн. числе) читается в двух других фрагментах: «Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ...» (с. 47); «Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ...» (с. 48—49).

²⁴ Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? С. 137—138.

²⁵ Там же. С. 131.

²⁶ Там же. С. 132—133. Зарубин пишет: «...с точки зрения чисто эстетической понимание глагола “запалати” как *краснеть, становиться красным* придает всей картине наступающей ночи оттенок чего-то зловещего и в этом отношении как нельзя лучше совпадает с общим тоном мрачных предзнаменований, предрекающих недобрый конец Игоревы “плъка» (Там же. С. 138).

ной”, т. е. долго длятся сумерки перед наступлением ночи». ²⁷ Исследователь объясняет это ощущением автора «Слова», для которого «время сумерек под 48°—49° северной широты казалось длиннее того, которое для него было, вообще говоря, привычно». ²⁸ На этом основании Зарубин считал автора выходцем из тех мест, где ночь наступает быстрее, чем на равнине, склоняясь к мнению, что такой местностью могла быть горная часть русской Галиции, Карпатские горы Галицкого княжества. ²⁹

В толковании предложения «мгла поля покрыла» Н. Н. Зарубин допускает заметное противоречие в своих рассуждениях. Утверждая, что слово «мгла» не означает мрака наступающей ночи, он полагал, что оно не обладает и «специфическим значением предрассветного тумана на восходе солнца, хотя, будучи туманом вообще, может относиться также и к туману в утреннее время». ³⁰

Гипотезе Н. Н. Зарубина о том, что весь рассматриваемый фрагмент описывает наступление ночи, не отвечают говорящие о наступлении утра умолкнувшие соловьи и начавшие утренний гомон галки, поэтому он предлагает «вовсе отказаться от попыток принимать умолкание пения соловьев за признак, свидетельствующий о наступлении того или другого периода суток», поскольку, по его мнению, он столь же ненадежен, как и «крик галок». Исследователь обосновывает это тем, что соловьи бывают «разных сортов»: некоторые поют только днем, другие только ночью, третьи и днем, и ночью. Галки же, усаживаясь на ночлег вечером, поднимают не меньший шум, чем утром. ³¹

По времени пения соловьи действительно делятся на дневных, ночных и боевых (поющих и днем и ночью, но ночью не полно и отрывисто). ³²

²⁷ В. Миллер и А. А. Потехина полагали, что речь идет не о процессе, а о состоянии: «“Долго ночь находится в состоянии мрака”, т. е. не только кажется долгою, но действительно долга не по времени года» (*Потехина А. А. «Слово о полку Игореве»: Текст и примечания. Изд. 2-е. Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914. С. 34*). Однако Н. Н. Зарубин показал, что и в русском, и в других славянских языках глагол «меркнуть» имел значение «становиться темным», «смеркаться», но никогда — «пребывать во мраке» или «находиться в состоянии темноты» (*Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? С. 113*).

²⁸ *Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? С. 149.*

²⁹ Там же. С. 149—150.

³⁰ Там же. С. 115.

³¹ Там же. С. 138.

³² С. Б. Соловей // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1900. Т. 30 А (60). С. 780.*

Утренний туман

https://gas-kvas.com/grafic/uploads/posts/2023-10/1696529480_gas-kvas-com-p-kartinki-tuman-41.jpg

Ночные соловьи умолкают перед зарей.³³ В самом «Слове» читаем в конце: «Соловьи веселыми песьми свѣтъ повѣдаютъ». Всё это говорит о том, что в «Слове о полку Игореве» умолкание соловья свидетельствует о наступлении утра (о дневном пении соловья нельзя сказать, что оно умолкает), как и проснувшийся говор галок.

³³ Этот факт нашел неоднократное отражение в литературе. Например, в 1970 г. вышел последний роман Эльзы Триоле, младшей сестры Лили Брик, под названием «Соловей умолкает на заре». Николай Решетнёв (1955–2020) в стихотворении «Утро» тоже говорит об этом:

Утро чуть брезжит, туман
Серебристый
Мягко раскинул ковер свой
Росистый.

Всё в сонном царстве: луга,
Перелески,
А на березах сережки,
Подвески.

Чуть колыхнутся – и вновь
Засыпают,
И на заре соловьи
Умолкают...

(см.: [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2013/11/05/10992>).

Обосновывая мнение о том, что в рассматриваемом фрагменте «Слова» описывается наступление ночи, Н. Н. Зарубин вынужден был отступать от принятого понимания текста памятника и в другом случае. Фраза «русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы», по убеждению исследователя, рисует внешний вид стана русских войск, обложенного по периметру красными щитами в ночную пору. А поскольку русские воины в ночь *с четверга на пятницу* шли «черезь ночь», т. е. без остановки, как сообщает Киевская летопись, Зарубин вынужден предполагать, что речь идет о последней ночной стоянке *со среды на четверг*.³⁴ Однако это явная натяжка, допущенная исследователем в угоду своей концепции.

Д. С. Лихачев в комментарии к рассматриваемому пассажиру, не называя имени Зарубина, спорит с ним: «Русские перегородили своими красными щитами поля не для того, чтобы за ними расположиться лагерем, как думают некоторые комментаторы (щиты, поставленные оградой, вряд ли могли служить защитой от чего бы то ни было), а чтобы “искать себе чести, а князю славы”, т. е. двинуться в битву. Следующее затем описание битвы, начавшейся рано утром в пятницу, не новая картина, а продолжение той же. Боевой порядок русских, выстраивавшихся с плотно сомкнутыми щитами, отчетливо описан у Льва Дьякона: когда греки подошли к Доростолу, русские вышли им навстречу, “сомкнув щиты и копья, наподобие стены” (“История” Льва Дьякона и другие сочинения византийских писателей / Перевод Д. Попова. СПб., 1820. С. 87)».³⁵

Поэт Николай Заболоцкий, создавший лучший стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», заверченный им в 1944 г., осмыслил рассматриваемый фрагмент как описание наступающего утра после долгой ночи и перевел его так:

Долго длится ночь. Но засветился
Утренними зорями восток.
Уж туман над полем за клубился,
Говор галок в роще пробудился,
Соловьиный щеко́т приумолк.
Русичи, сомкнув щиты рядами,
К славно́й изготовились борьбе,
Добывая острыми мечами
Князю — славы, почестей — себе.³⁶

³⁴ Зарубин Н. Н. Заря утренняя или вечерняя? С. 147—148.

³⁵ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 400. (Лит. памятники).

³⁶ Заболоцкий Н. А. Слово о полку Игореве // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. С. 269. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

слова: “длго ночь мръкнетъ”? На вопросы эти исследователи отвечали по-разному. Обращу здесь внимание на одно весьма важное обстоятельство: “Слово о полку Игореве” и вся древнерусская литература в целом не знает статического пейзажа; пейзаж в произведениях древней русской литературы всегда динамический. <...> И в данном случае описывается, очевидно, не какой-либо определенный час утра или вечера, а “движение” ночи — от вечерней зари и до утреннего говора галок. В этом описании подчеркнута томительная длительность бессонной ночи накануне сражения. Следовательно, слова “длго ночь мръкнетъ” означают: “долго смеркается ночь”. Слова “заря светъ запала” означают “заря свет уронила”, заря погасла. Слова “мгла поля покрыла” означают то же, что и в современном русском языке (т. е., согласно Д. С. Лихачеву, имеется в виду ночная мгла. — Л. С.). После этого переход к утру: ночной соловьиный щекот замолк, пробудился утренний говор галок. С наступлением утра русские построились в боевой порядок с плотно составленными щитами (“перегородили поля щитами”), приготовившись искать себе честь, а князю славу». ⁴⁰

Д. С. Лихачев перевел этот фрагмент следующим образом:

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился. ⁴¹

Сходное понимание фрагмента — как постепенное (долгое) наступление ночи, переходящей затем в раннее утро — находим и в переводе А. Ю. Чернова 1985 г.:

Долго ночь наступала.
Заря отпылала.
Мгла покрыла поля.
Уснул щекот соловьев —
Пробудился говор галок.
Утро наступило. ⁴²

---

⁴⁰ Лихачев Д. С. Комментарий исторический и географический. С. 399—400.

⁴¹ Лихачев Д. С. Слово о походе Игоря, сына Святославова, внука Олегова (Ритмический перевод) // Слово о полку Игореве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 57.

⁴² Чернов А. Ю. Слово о походе, войске и битве Игоря, сына Святослава, внука Олега // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1985. С. 233.

В совместном переводе Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева и О. В. Творогова в издании «Слова» 1967 г. представлен иной перевод, согласно которому речь во фрагменте идет об утренней заре и утреннем тумане на полях: «Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, туман поля покрыл, шекот соловьиный затих, галичий говор пробудился» (с. 58).

О. В. Творогов, комментируя эту фразу в том же издании, предположил, в частности, что слово *длъго* могло «первоначально читаться как *длъга*, т. е. “долгая, продолжительная” (ср. “дълъгъ недугъ”, “на долгъ часть”, “день долгъ” в “Материалах для словаря” И. И. Срезневского)». ⁴³ По поводу глагола «меркнути» он пишет: «В каком значении употреблено слово *мъркнетъ*? Видимо, описывается не статичное состояние (ср. перевод: “длится”, “темнеет”), а процесс. Н. Н. Зарубин в специальном исследовании этого глагола показал, что и в русском и в других славянских языках он имел значение “становиться темным”, “смеркаться”, но никогда — “пребывать во мраке” или “находиться в состоянии темноты”». ⁴⁴ Далее О. В. Творогов, не ссылаясь на А. Н. Майкова, рассуждает сходно с ним: «В древнерусских текстах глагол *меркнути* употребляется обычно в значении “темнеть”, “угасать” (о чем-то светлом, светящемся): “сльнице мъркнетъ”, “день бесконечныи не минушася с ночью и не мерчая” и т. д., но нельзя ли предположить, что он мог значить также “блекнуть”, “терять свой цвет”? Ведь под утро бледнеет чернота ночи, гаснут звезды и т. д. Тогда перед нами картина наступающего утра: “долгая ночь светлеет (или, если не принимать исправление *длъго* на *длъга*: “медленно ночь светлеет”), заря свет зажгла, туман поля покрыл” и т. д.». ⁴⁵ При этом О. В. Творогов отметил, что «большинство исследователей, однако, видит здесь описание вечера». ⁴⁶ В конце комментария к фразе «Длъго ночь мъркнет. Заря свѣтъ запала...» исследователь указал: «Спорным остается и значение слов “заря свѣтъ запала” <...> В данном издании принята точка зрения, что *запала* — аорист от глагола запалати, а свѣтъ — дополнение, как и в последующей фразе: “мъгла поля покрыла”». ⁴⁷

В последней версии постоянно обновляющегося перевода А. Ю. Чернова (см. на его сайте в Интернете: <http://chernov-trezin.narod.ru>) учитывается современный комментарий к рассматриваемому фрагменту, и перевод иной. См. его далее.

⁴³ [Творогов О. В.] Примечания [к тексту «Слова о полку Игореве»] // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. С. 483. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 483–484.

⁴⁷ Там же. С. 484.

Н. А. Мещерский и А. А. Бурькин в следующем, 3-м, издании «Слова» в Большой серии «Библиотеки поэта» (1985 г.) также высказали мнение, что речь идет об утренней заре. В комментарии к выражению «заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла» они пишут со ссылкой на обзор Н. Н. Зарубина: «Среди исследователей нет единого мнения, о каком времени суток говорится в тексте. Форма глагола “запала” может быть признана аористом 3 л. ед. ч. от “запалати” (зажечь) или перфектом 3 л. ед. ч. от глагола “запасти” (пропасть, погаснуть): соответственно при одном прочтении речь пойдет об утренней заре, при другом — о вечерней. Судя по тому, что говорится далее: “щекоть славиі успе, говоръ галичь убудися”, здесь описывается картина утренней зари, так как именно перед рассветом поля покрываются туманом, смолкает соловьиное пение и начинают громко кричать галки и вороны».⁴⁸ При этом фраза «дльго ночь мркнетъ» осталась в издании 1985 г. без перевода и без комментария. Почему-то осталось без перевода и слово «мгла», хотя в примечаниях к тексту отмечено, что имеется в виду утренний туман. Переведен фрагмент в издании 1985 г. следующим образом: «Долго ночь меркнет. Заря свет зажгла, мгла поля покрыла, пение соловьев утихло, говор галок пробудился. Поля червлеными щитами перегородили русичи великие, ищущие себе чести, а князю славы».⁴⁹

Как сказано выше, О. В. Творогов в комментарии к «Слову» в издании 1967 г. предположил, как и ранее А. Н. Майков, что речь в описании идет о наступающем утре. Однако в 1995 г. в статье «Заря» «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» О. В. Творогов это свое предположение не приводит, как не упоминает и точку зрения А. Н. Майкова, хотя его статья и указана первой в библиографии.⁵⁰ А в другой статье Энциклопедии — «Зарубин Николай Николаевич», написанной О. В. Твороговым в соавторстве с А. Г. Тимофеевым, сказано: «В 1935 З<арубин> публикует статью “Заря утренняя или вечерняя?”, в которой на обширном материале, извлеч<енном> из ряда слав<янских> яз<ыков>, рассмотрел значение слов “заря” и “зоря” в древнерус<ском> яз<ыке>, установил, что между ними было семантич<еское> различие (см. *Заря*), и, проанализировав фразы С<лова> “Дльго ночь мркнетъ. Заря свѣтъ запала” (с. 10), доказал, что речь идет о вечерней заре».⁵¹ (Курсив мой. — Л. С.)

⁴⁸ Мещерский Н. А., Бурькин А. А. Комментарии к тексту «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1985. С. 450. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

⁴⁹ Там же. С. 38.

⁵⁰ Творогов О. В. Заря // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С. 212–213.

⁵¹ Там же. С. 212.

Один из последних по времени переводчиков «Слова», А. Н. Ужанков, не комментирует интересующий нас фрагмент и, по сути, оставляет его без перевода:

Долго ночь меркнет.
Зари свет запылал.
Мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный утих.
Гомон галок пробудился.⁵²

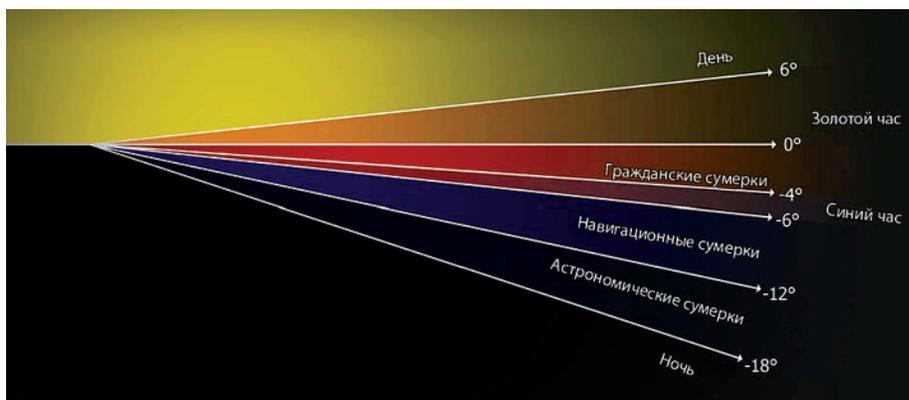
В предложенной исследователем интерпретации текста остается неясным смысл трех первых строк: как понять выражение «долго ночь меркнет»? Свет какой зари «запылал» — вечерней или утренней? Какая мгла покрыла поля — ночная тьма или утренний туман? В комментарии этот пассаж не объясняется. По всей вероятности, А. Н. Ужанков специально не рассматривал эти вопросы и потому не решил для себя, какая заря имеется в виду: утренняя или вечерняя, однако глагол «запылал» говорит скорее о вечерней заре.⁵³

Итак, ни одно из предложенных прочтений не получило общего признания, и вопрос остается открытым.

Чтобы понять, о какой заре идет речь, прежде всего обратим внимание на предшествующий текст. Автор «Слова», следуя за рассказом Киевской летописи о походе Игоря Святославича на половцев, описывает безостановочное движение русского войска во главе с Игорем в ночь с четверга на пятницу (в Киевской летописи сказано: «ѡхаша чересь

⁵² Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» и его автор. М.: Согласие, 2020. С. 27.

⁵³ Глагол «пылать / запылать» и эпитет «пылающие» (зори) встречаются в произведениях русских классиков по отношению к вечерней, а не к утренней заре. Приведу некоторые примеры: «Но вот наступает вечер. Заря запылала пожаром и обхватила полнеба. Солнце садится» (Тургенев И. С. Лес и степь); «Солнце уже зашло, и на горизонте пылало широкое красное зарево, предвещавшее на завтра ветреную погоду» (Чехов А. П. Черный монах); «...и до сих пор вместе с прекрасным обликом Олеси живут с неувадающей силой в моей душе эти пылающие вечерние зори, эти росистые, благоухающие ландышами и медом утра, полные бодрой свежести и звонкого птичьего гама...» (Куприн А. И. Олесья). Об утренней же заре говорится: *занималась / занялась, разгорается / начала разгораться, возшла на небо, поднялась над городом* и т. д. Ср. у Тургенева: «С самого раннего утра небо ясно; *утренняя заря не пылает пожаром*: она разливается кротким румянцем» (Тургенев И. С. Бежин луг); «А между тем *заря разгорается*; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрасветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце» (Тургенев И. С. Лес и степь).

Гражданские, навигационные и астрономические сумерки.

Схема взята из открытых источников

ночь»)⁵⁴ Поэт говорит при этом о тревожных приметах: о поведении птиц и зверей, предчувствующих предстоящую грозную битву. Оканчивая описание ночного передвижения, автор «Слова» горестно восклицает: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!» — т. е. русские воины уже за пограничным валом, на вражеской территории, полной для них опасностей. Этот рефрен-восклицание завершает описание ночи, и далее рисуется картина утра пятницы, после чего автор изображает русские полки, выстроившиеся перед боем («великая поля чрьлеными щиты прегородиша»). Затем описывается первая, победная для русских, битва с половцами, состоявшаяся на рассвете («съ зарания»): «Съ зарания въ пятькъ потопташа поганяя плъкы Половецкыя...» (с. 46).

Автор «Слова», без сомнения, говорит об утренней заре после описания ночного передвижения русского войска. Но что при этом означает выражение «дльго ночь мркнетъ», остается не до конца ясным. По всей вероятности, эта фраза говорит о том этапе рассвета, который предшествует появлению света утренней зари, поэтому рассмотрим этапы рассвета.

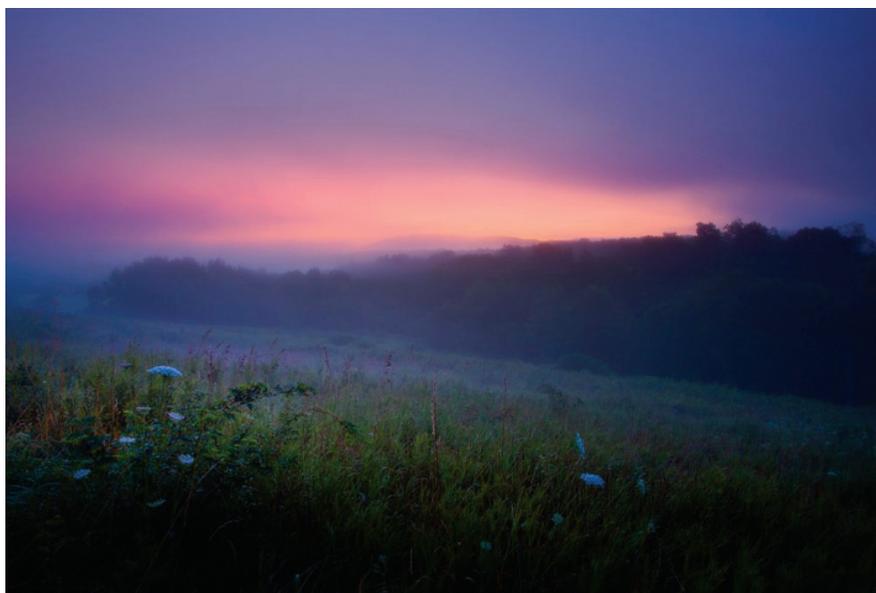
Рассвет — раннее утреннее время, предшествующее началу восхода Солнца,⁵⁵ а также постепенное изменение картины неба перед и во время восхода. Промежуток времени с того момента ночи, когда небо на востоке начинает светлеть, и до восхода Солнца называется утренними

⁵⁴ Летописные повести о походе князя Игоря / Подгот. текста, перевод и коммент. О. В. Творогова // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 352.

⁵⁵ При изложении или цитировании астрономической литературы сохраняем принятое в ней написание слова *Солнце* с заглавной буквы.

Гражданские сумерки в Петрозаводске. 18 июня 2013 года, 00:17
<http://seaman-sea.ru/gidrometeorologiya/750-sumerki.html>

Раннее утро. Заря
<https://priroda.club/zakaty-i-rassvety/32364-noch-zarja-na-rassvete-62-foto.html> (№ 62)

Рассвет летом

<https://priroda.club/zakaty-i-rassvety/1353-rassvety-91-foto.html> (№ 51)

Раннее утро. Заря при восходе солнца

https://1639432629_81-priroda-club-p-priroda-rassvet-priroda-krasivo-foto-90 (№ 81)

сумерками (соответственно вечерними сумерками называют промежуток времени между заходом Солнца и наступлением полной темноты). Различают три этапа сумерек в зависимости от того, как низко от горизонта находится Солнце⁵⁶ (см. схему-иллюстрацию на с. 22).

Завершение ночи начинается с *астрономических сумерек*, которые для обычного наблюдателя неотличимы от ночи: всё небо полностью темное и практически не отличается от ночного. В этот период центр Солнца располагается на 12–18 градусов ниже линии горизонта, горизонт в это время не виден. Разница между ночью и астрономическими сумерками понятна только тем, кто специализируется на изучении небесных светил. В это время астрономы могут легко проводить наблюдения за небесными светилами: на небе виден Млечный путь и даже тусклые звезды и планеты можно увидеть невооруженным глазом; однако слабо рассеивающие объекты, такие, как туманности и галактики, могут быть хорошо видны только астрономической ночью, когда Солнце находится ниже горизонта на 18 градусов.

Затем следуют *навигационные (или морские) сумерки*. В этот период центр Солнца располагается на 6–12 градусов ниже линии горизонта. Во время навигационных сумерек уже хорошо видны все навигационные звезды и линия горизонта, что позволяет судоводителю ориентироваться в пространстве с помощью секстанта, измеряя углы между горизонтом и звездами. Однако такого освещения недостаточно для нормальной жизнедеятельности человека: в это время при ясной погоде различимы лишь общие очертания наземных объектов, без искусственного освещения увидеть их детали не представляется возможным. Военные нередко начинают атаки во время навигационных сумерек. Это связано с тем, что в этот период противнику сложнее всего их обнаружить.

А перед восходом наступают *гражданские сумерки*: это промежуток времени, когда Солнце находится ниже горизонта на угол от 6° до 0°. Данная разновидность сумерек является самой светлой. По этой причине на небе нельзя различить мелкие звезды. При ясном небе в период гражданских сумерек видны только самые яркие звезды и планеты, к примеру, Венера. Считается, что в этот период времени можно видеть все наземные объекты почти так же хорошо, как в дневное время; на открытом воздухе можно без искусственного освещения выполнять любые работы, читать.

⁵⁶ Фундаментальное исследование сумерек как астрономического явления см. в монографии: *Розенберг Г. В.* Сумерки. М: Физматгиз, 1963. 380 с.; илл. (о гражданских, навигационных и астрономических сумерках см. с. 31). Популярное разъяснение этих понятий см. в Российской астрономической сети: [Электронный ресурс]. URL: <http://astronet.msu.ru/db/msg/1175352/node9.html> и на Морском сайте: <http://seaman-sea.ru/gidrometeorologiya/750-sumerki.html> (дата обращения: 15.03.2024).

Теперь рассмотрим, в какое время рассвета появляется утренняя заря.

Оказывается, утренняя заря бывает первая (ложная) и вторая (истинная). «Ложная заря», или зодиакальный свет, «появляется только тогда на небе, когда уже нет (или еще нет) вечерней или утренней зари (Солнце не менее чем на 18 градусов под горизонтом)»,⁵⁷ т. е. после конца или до начала астрономических сумерек. Вторая (истинная) утренняя заря появляется в конце навигационных сумерек и сияет главным образом во время гражданских сумерек.⁵⁸ Эта вторая заря наблюдается лишь до тех пор, пока диск Солнца *полностью* не вышел из-за горизонта.⁵⁹

Таким образом, можно сказать, что рассвет состоит из двух этапов: ночная тьма постепенно бледнеет, рассеивается, меркнут и гаснут звезды, и потом появляется на небе свет истинной зари, предшествующей восходу Солнца и сопровождающей его.

И. С. Тургенев так описывает наступление утра в стихотворении «Посещение»:

«Я сидел у раскрытого окна... утром, *ранним утром* первого мая.

⁵⁷ «На черном небе, в том месте, где зашло Солнце (или там, где оно должно взойти), когда уже погас последний луч вечерней зари (или еще не разгорелся первый луч утренней), вздымается вверх наклонный клин слабого света. Словно откуда-то из-под горизонта тянется вверх рука или бьет в небо прожектор. Иногда “клин” похож на закругленную пирамиду или усеченный эллипс. Причем если посчастливилось увидеть его на западе вечером, то он бывает наклонен влево, а если под утро на востоке — то вправо» (*Левитан Е., Мамуна Н.* «Ложная заря», или зодиакальный свет // Наука и жизнь. 1990. № 3. С. 115—119. [Электронный ресурс]. URL: https://epizodyspace.ru/bibl/nauka_i_jizn/1990/3/115-117.html). Фундаментальное исследование этого явления дано в монографии: *Дивари Н. Б.* Зодиакальный свет. Одесса: Астропринт, 2003. 184 с. См. также статью: *Дивари Н. Б.* Зодиакальный свет // Успехи физических наук. 1964. Т. 84, вып. 1. С. 75—98. [Электронный ресурс]. URL: <https://koha.benran.ru/cgi-bin/koha/opac-detail.pl?bi>. За указание литературы по зодиакальному свету благодарю сотрудника Института прикладной астрономии РАН кандидата физико-математических наук Н. Б. Железнова.

⁵⁸ По окончании вечерних гражданских сумерек (Солнце опустилось на 7—8 градусов ниже горизонта) яркость неба резко падает. Утренняя заря развивается в восточной части неба аналогичным образом, но в обратном порядке.

⁵⁹ Детальное описание зари см.: *Зверева С. В.* В мире солнечного света. Л.: Гидрометеиздат, 1988. С. 130—135. См. также: *Горчаков Г. И.* Заря // Большая Российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/zaria-919518>.

Заря еще не занималась; но уже *бледнела*, уже холодела *темная* теплая *ночь*.

Туман не вставал, не бродил ветерок, всё было одноцветно и безмолвно... но чуялась близость пробуждения...».⁶⁰ (Курсив мой. — Л. С.)

Здесь речь идет о раннем этапе рассвета, до зари.
Сходная картина у Тургенева и в «Бежине луге»:

«Еще нигде не румянилась заря, но уже *забелелось на востоке*. Всё стало видно, хотя *смутно видно*, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды то мигали слабым светом, то исчезали... <...> Я пошел восвояси вдоль *задымившейся* реки. Не успел я отойти двух верст, как уже полились кругом меня <...> сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света».⁶¹ (Курсив мой. — Л. С.)

В стихотворении Ивана Никитина «Утро» также упоминаются два этапа рассвета: вначале меркнут и гаснут звезды на небе, потом алый свет зари окрашивает облака, отражается в воде, разливается по лозняку, и, наконец, восходит солнце:

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
<...>
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит.
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.⁶²

⁶⁰ Тургенев И. С. Посещение // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 148.

⁶¹ Тургенев И. С. Бежин луг // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1979. Т. 3. С. 105.

⁶² Никитин И. С. Утро // Никитин И. С. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Советский писатель, 1965. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.). С. 194. Сам Никитин считал это стихотворение одним из самых удачных. Н. Рыленков в предисловии к изданию стихотворений Никитина 1965 г. написал: «Большого мастерства достиг Никитин в изображении

Может ли фраза «длго ночь мркнеть» означать, как думал Майков, первый этап рассвета: «Ночь убывает, бледнеет, т. е. стало светать»?

Такому пониманию выражения мешают, казалось бы, следующие соображения.

Во-первых, Майков полагал, что слово «меркнуть» могло употребляться не только по отношению к источникам света, которые бледнеют, но и по отношению к ночи, ночной тьме. Однако примеров употребления слова «меркнуть» (ср. родственные слова: мрак, мрачить, мрачность, мрачно, морок и др.) в этом значении в древнерусской литературе и фольклоре не обнаружено.⁶³

Во-вторых, Майков, вслед за первыми издателями, относил слово *длго* к предыдущей фразе, но современные исследователи, вслед за Я. О. Пожарским, единодушно относят его к выражению «ночь мркнеть»: «длго ночь мркнеть». А *долго* ночь (ночная тьма) меркнуть (рассеиваться, бледнеть) не может, поскольку процесс рассвета довольно кратковременный. Продолжительность сумерек зависит от географической широты места, времени года и погодных условий. Интерактивная система «Штурман» дает следующие расчеты по поводу начала и конца сумерек в районе Донецка (где проходила битва) на 12 мая 2023 г.:⁶⁴ начало навигационных сумерек — в 3:25, конец — в 4:23; начало гражданских сумерек — в 4:23, конец (с восходом солнца) — в 4:55.⁶⁵ Если учесть, что

родной природы, сказал о ней свое, очень свежее слово, которое глубоко волнует нас до сих пор. Его “Утро”, начинающееся изумительно яркими по живописи строками:

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается, —

на мой взгляд, стоит в ряду высших достижений русской пейзажной лирики» (Никитин И. С. Утро. С. 8).

⁶³ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова; под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. Л.: Наука, 1969. Вып. 3. С. 84–85.

⁶⁴ По мнению многих исследователей, русичи потерпели поражение 12 мая (Бобров А. Г. Поход Игоря Святославича на половцев 1185 г. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. С. 166). Время захода и восхода Солнца меняется в одной точке на земле в зависимости от времени года. Но если брать одно и то же время года, один и тот же день в году, то никакой разницы мы не заметим. Для изменения в несколько минут должны пройти миллионы лет.

⁶⁵ Определение точного времени восхода, захода, верхней кульминации Солнца и начала утренних и вечерних наблюдений, а также начала и конца

астрономические сумерки неотличимы от ночи, а во время гражданских сумерек уже достаточно светло, то, по восприятию обычного наблюдателя, тьма рассеивается за время навигационных сумерек. Следовательно, тьма рассеивается 12 мая на широте 48°20'01" с. ш. от 03:25 до 04:23, всего за 58 минут.

Что же означает выражение «длго ночь мркнет»? Очевидно, «длго ночь» является в «Слове» устойчивым словосочетанием со значением «поздняя ночь». Согласно Словарю русского языка XI—XVII вв., одно из значений древнерусского слова «долгий» — поздний, «представляющий собой конечную пору суток или какой-л. части суток, года». Отсюда древнерусские выражения «долга старость», т. е. поздняя, глубокая старость (например, «юнии бо во старость долгу надъются дойти»), «долго вечера», т. е. поздно вечером, «*долго нощи*», т. е. *поздней ночью*.⁶⁶

Поздней ночью называлось время перед рассветом. В произведении Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» читаем: «Была *поздняя ночь*, и уже пропели вторые петухи». ⁶⁷ Вероятно, и автор «Слова»

утренних и вечерних гражданских и навигационных сумерек в зависимости от широты места доступно в «Морском астрономическом ежегоднике», ежегодно выпускаемом в Институте прикладной астрономии (ИПА РАН), а также в размещенной на сайте ИПА РАН интерактивной системе «Штурман»: <https://iaaras.ru/dept/yearbooks/shturman/>. Ежегодник за 2023 г. см.: Морской астрономический ежегодник на 2023 год / Отв. ред. М. В. Лукашова. СПб.: ИПА РАН, УНиО, 2022. 336 с. DOI: 10.32876/NauticalYearbook.2023. (Благодарю за эти сведения сотрудницу ИПА РАН, кандидата физико-математических наук М. В. Лукашову.)

⁶⁶ Словарь русского языка XI—XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4. С. 296—297. См. также комментарий к выражению «длго ночь» в книге С. Л. Николаева. Исследователю остался неизвестным приведенный материал Словаря. Он ссылается на использование выражения «длго ночь» (длго-ночь) в «Летописце русском» XV в., на что ему указал С. Н. Кистерев, и в Белорусской I летописи, на что ему указал К. Ю. Рахно. С. Л. Николаев пишет: «Форма *долгонощи* в “Летописце русском” и Белорусской I летописи не связывалась с темным местом в “Слове” и считалась “испорченной”, хотя смысл ее вполне ясен: *долгонощи* — это родительный или беспредложный местный падеж от *долгоночь* (*долгонощ*), он переводится как “поздней ночью, под утро”» (Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: Реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 544—545). В «Летописце русском» сообщается: «В лѣто 6896. Мѣсяца мая 19 *долго нощи* преставися христоролюбивый князь великы Дмитрей Ивановичь всея Руси» (Насонов А. Н. Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. [Т.] 2: Документы по истории XV—XVII вв. С. 306).

⁶⁷ Андреев Л. Н. Жизнь Василия Фивейского // Сборник товарищества «Знание» за 1903 г. СПб., 1904. Кн. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://leonidandreev.ru/rasskazy/vasilij_fivejskij.htm.

под выражением «длго ночь» имеет в виду «позднюю ночь», конечный этап ночи — последний час перед рассветом, когда тьма ночи сгущается. Это явление отражено в поговорке, известной как в русском, так и в английском языке: «Самый темный час перед рассветом» (варианты: «самая темная ночь перед рассветом», «самое темное время перед рассветом», «тьма сгущается перед рассветом», «темнее всего перед рассветом»); англ.: «It is always darkest just before the Day dawneth». ⁶⁸ Эту старинную поговорку, ходившую в испанской Андалусии, вспоминает в символическом плане ее уроженец Сантьяго, герой романа Пауло Коэльо «Алхимик». ⁶⁹

Подтверждение этому природному явлению находим в автобиографическом романе М. М. Пришвина «Кашеева цепь», где читаем в разговоре мальчиков:

«— А как будто еще темнее стало: звезд не видно.

— Всегда перед самым рассветом темнеет, и звезды скрываются: меркнет. Я много с отцом ночевал на утиных охотах: всегда меркнет.

Правда, скоро стало белеть». ⁷⁰

Понимая словосочетание «длго ночь» как «поздняя ночь», последний, самый темный час ночи перед рассветом, выражение «длго ночь

⁶⁸ Вероятно, именно поэтому с предрассветным часом связаны суеверные представления. Час перед рассветом называют «часом волка» (в фильме Бергмана «Час волка» это время между 3 и 4 часами), а также «часом Быка». Выражение «Час Быка» встречается в научно-популярной книге И. А. Ефремова «Дорога ветров», посвященной экспедициям в Монголию; здесь это 2 часа ночи: «Я вышел из юрты, стараясь не разбудить хозяев. Было самое глухое время — “Час Быка” (два часа ночи) — власти злых духов и черного (злого) шаманства, по старинным монгольским суевериям» (Ефремов И. А. Дорога ветров (Гобийские заметки) // Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Молодая гвардия, 1986. Т. 2. С. 371). В романе И. А. Ефремова, так и названном — «Час Быка», в диалоге героев читаем: «Темнее всего перед рассветом. Но придет время, Час Быка завершится, и ночные демоны растают, как мираж». Герой романа поясняет далее, что Часом Быка «называли в древности наиболее томительное для человека время незадолго до рассвета, когда властвуют демоны зла и смерти», а героиня упоминает «свирепую тоску перед рассветом», известную древним римлянам (Ефремов И. А. Час Быка: Научно-фантастический роман // Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Молодая гвардия, 1989. Т. 5, кн. 2. С. 215).

⁶⁹ См.: Коэльо П. Алхимик / Пер. с португ. А. Богдановского. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 179. На русский язык поговорка переведена как «Самый темный час перед рассветом».

⁷⁰ Пришвин М. М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 2. С. 78.

мрькнетъ» можно толковать как «поздняя ночь меркнет (темнеет)», т. е. «тьма поздней ночи сгущается» (именно так переводил это выражение А. В. Лонгинов). В таком случае в описание наступающего утра автор «Слова» включает заключительный этап ночи, последний час перед рассветом, когда тьма не рассеивается, а, напротив, сгущается, после чего ночь бледнеет, затем зажигает свет заря, побеждая мрак;⁷¹ утренний туман покрывает поля; замолкают ночные соловьи, просыпаются шумные галки.

Казалось бы, всё логично. Слово «меркнет» употреблено в этом случае хотя и по отношению к ночи, но означает «темнеть» (именно в этом значении оно употреблено Михаилом Пришвиным, правда, в безличной форме — «меркнет»). Однако при рассмотрении более широкого контекста в таком толковании выражения «долго ночь меркнет» возникают сомнения. Автор «Слова» рисует картину наступающего утра после описания ночного передвижения войска Игоря к Дону с четверга на пятницу, сопровождаемого тревожными предзнаменованиями (поведение птиц, волков, лисиц). Это описание завершается горестным восклицанием-рефреном «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!». Поэтому естественнее думать, что далее автор начал описание утра с редющей мглы ночи, с рассвета, а не с заключительного этапа уже описанной выше ночи: сгущающейся тьмы в час перед рассветом.

Выражение «ночь меркнет» следует, вероятно, понимать, вслед за А. Н. Майковым, как «ночь бледнеет, теряет интенсивность», т. е. наступает рассвет. В этом случае глагол «меркнет» является авторским се-

⁷¹ Выражение «темнее всего перед рассветом» имеет глубоко символический смысл. Оно напоминает нам о том, что даже в самые трудные и безнадежные моменты жизни есть свет в конце туннеля. Смену густой тьмы, мрака последнего часа перед рассветом, солнечным восходом отразила в символическом стихотворении «Самый темный час перед рассветом» Елена Кольшкينا:

Самый темный час перед рассветом.
 Чернота сгущается во мрак.
 Скоро небо озарится нежным светом,
 А пока Дух ночи примеряет фрак.
 <...>
 Самый темный час перед рассветом.
 Видишь, солнце вон за той горой.
 Птахи защибечут за окном сонетом,
 Духов тьмы отправят на покой.

(Кольшкينا Е. Самый темный час перед рассветом // Кольшкينا Е. Люби: Сборник стихов. 2017–2018. ISBN 978-5-4496-3306-4. [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/1318651-2-elena-kolyshkina-lyubi-sbornik-stihov-2017-2018.html#book> (дата обращения: 15.03.2024)).

мантическим неологизмом и означает не переход от света к тьме, а, наоборот, переход от тьмы к свету.⁷² А включая в это выражение слово «длѣго» и понимая словосочетание «длѣго ночь» в значении «поздняя ночь», следует переводить так: *поздняя ночь бледнеет*, т. е. мрак поздней ночи (самого темного часа) рассеивается.⁷³ Таким образом, мы видим в «Слове о полку Игореве» картину наступающего утра, рассвета, утренней зари, которая соответствует описанию пробуждающегося дня у И. С. Тургенева и И. С. Никитина.

Итак, автор «Слова» после изображения ночного передвижения русского войска (шли через ночь) и восклицания-рефрена, говорящего об их вступлении на территорию Поля Половецкого, рисует картину наступающего утра: мрак поздней ночи меркнет (рассеивается, редет, бледнеет); заря свет зажгла; утренний туман поля покрыл; прекратили пение *ночные* певцы соловьи, — пробудился *утренний* говор галок. Речь идет о наступающем утре пятницы, когда, как сказано далее, «русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю — славы» (с. 46). И затем автор говорит о том, что же случилось этим ранним утром («с зарания», на утренней заре): «Съ зарания въ пятькъ потопташа поганяя плѣкы Половецкыя и, рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты...» (с. 46—47).

⁷² Одним из приемов затемнения смысла в «Слове о полку Игореве», написанном в стиле *ornatus difficilis*, является как раз использование лексических авторских неологизмов и фразеологических окказионализмов. См. об этом: Соколова Л. В. Стиль «ornatus difficilis» в «Слове о полку Игореве». С. 13—20.

⁷³ К сходному выводу пришел в комментарии к слову «меркнетъ» С. Л. Николаев. Не упоминая точку зрения А. Н. Майкова и О. В. Творогова, он пишет: «Поскольку глагол *тъгкнѣти в русском языке обычно значит ‘меркнуть, угасать’ (ср. в “Слове” *два солнца помѣркоста*), не исключено, что автор “Слова”, как и во многих других случаях, играет словами и смыслами — “поздняя ночь” (*долгоночь*), становясь светлее, угасает, “меркнет” с началом рассвета или даже “поздняя ночь меркнет, то есть гаснут (меркнут) ночные светила” (метонимия — предположение А. А. Гиппиуса). Относительно возможных значений бесприставочного *мъркнѣти* см.: *Зализняк* 2008а: 323—327» (Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: Реконструкция стихотворного текста. С. 545). Учитывая это толкование, А. Ю. Чернов в обновленной версии перевода пишет о меркнущих звездах:

Меркнут звезды дотла.
Заря свет расплела.
Дол туманом укрылся.
Щекот соловьев уснул —
Гомон галок пробудился (см.: <http://chernov-trezin.narod.ru>).

Далее автор «Слова» приводит, как уже сказано, описание еще одного утра, после ночевки в Поле Половецком с пятницы на субботу, уже перед вторым, решающим сражением русских воинов с половцами:

Другаго дни велми рано
кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ,
чръныя тучя съ моря идуть,
хотятъ прикрыти 4 солнца,
а въ нихъ трепещуть синии мльнии.

Быти грому великому,
итти дождю стрѣлами съ Дону Великаго!
Ту ся копиемъ прилами,
ту ся саблямъ потручяти
о шелома Половецкыя,
на рѣцѣ на Каялѣ,
у Дону Великаго.

О Руская землѣ! Уже за⁷⁴ шеломянемъ еси! (с. 47).

В отличие от описания первого утра, здесь мы видим картину мрачную и тревожную, одновременно реальную и символическую, предвещает несчастье, грозную битву на реке Каяле, у Дона Великого (красные, «кровавые» зори предвещают беду, кровопролитие, черные тучи — это и символ беды, и реальные полчища половцев; «синие молнии» в этих тучах — сверкающее оружие надвигающихся врагов). И автор вторично (на сей раз после описания тревожного рассвета) горестно восклицает: «О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!»

Итак, рассмотренную пейзажную картину в «Слове о полку Игореве» можно, на наш взгляд, считать разгаданной. Автор описывает рассвет, используя трудное для толкования выражение «длѣго ночь (мркнетъ)», семантический неологизм «меркнуть» (по отношению к ночной тьме), многозначное слово «мгла», глагольную форму с неясным происхождением («запалати / запасти»), символику поведения птиц и др.; всё это усложняет понимание смысла сказанного.

В заключение отметим, что автор «Слова» проявляет удивительную осведомленность в явлениях природы. Но чтобы понять его пейзажные картины, необходимо знание природных явлений, описываемых гениальным художником слова. Заметим и то, как помогают разобраться в тексте «Слова» поэтические пассажи в текстах новой русской литературы, в частности, описание писателями и поэтами раннего утра, рассвета.

⁷⁴ *Испр.; в П и Е — «не».*

Проблематичный Ренессанс

1. Поиск запутанных ориентиров

1.1. Пунктирные границы

Д

ля обозначения необыкновенного по своей силе и многосторонности расцвета духовной и художественной жизни в России начала XX века Николай Бердяев нередко использовал понятие *ренессанса*, приложимое, как правило, к истории итальянской культуры от начала XV в. до середины XVI в.¹ Существенным для него являлся вопрос о временных и пространственных границах этих Возрождений: о начале одного, уходящего в трудно проницаемую глубь Средневековья, и его конце, который Бердяев находил в XI-X веке, когда произошло «окончательное изживание и исчерпание Ренессанса»,² — и другого, которое длилось чуть более двух десятилетий, было насильственно прервано, но, как полагал философ, творческое проявление импульсов которого нельзя исключать в будущем.

Такие смелые надежды связаны с интуитивно обоснованным историософским убеждением Николая Бердяева в том, что «в мировом и историческом процессе нет необходимости прогресса, закономерного развития. Возможны периоды ре-

---

¹ Термин *Ренессанс* был окончательно введен в научный оборот швейцарским историком Якобом Буркхардтом в его книге «Die Kultur der Renaissance in Italien», вышедшей в свет в 1860 году и с тех пор многократно переиздававшейся.

² *Бердяев Николай*. Смысл истории. Париж: YMCA-Press, 1969. С. 169; *Бердяев Николай*. Конец Ренессанса: К современному кризису культуры // СОФИЯ: Проблемы духовной культуры и религиозной философии: Сборник / Под ред. Н. А. Бердяева. Берлин: Обелиск, 1923. С. 21–46.

акции и тьмы, как возможны и творческие прорывы, повороты, раскрытие новых аспектов мира, новых миров». ³ Важно лишь само наличие импульса, сокрытого в метафизических глубинах бытия и существующего независимо от хода исторических событий на эмпирическом уровне, наглядным примером чему служит всплеск духовного подъема русской культуры начала XX века.

История итальянского Возрождения также представляет много загадочного. Ее временные границы и поныне остаются предметом научных дискуссий. «В Италии Данте, Петрарку и Боккаччо привыкли относить к Средневековью (отсчитывая Ренессанс от момента открытия Колумбом Америки), тогда как во многих других странах их относят к началу Возрождения». ⁴ Согласно А. Ф. Лосеву, «термин “Ренессанс” в точном смысле слова относится лишь к Италии XV и XVI вв.», ⁵ хотя ученый не отрицал наличия возрожденческих признаков в других культурах. Вслед за академиком Н. И. Конрадом Лосев полагал, что можно с полным правом говорить «о китайском Возрождении еще в VII—VIII вв. н. э.». ⁶ Более того, при наличии способности замечать аналогии между различными культурами оказывается, что Ренессанс «был решительно везде, в разные эпохи, с разным содержанием». ⁷ Говорится также о итальянском Проторенессансе, рамки и оценки которого достаточно зыбки и проблематичны. Не следует забывать, предупреждал Хейзинга, «что и в Италии XV в. основы культурной жизни всё еще оставались чисто средневековыми; да и в самом ренессансном духе черты Средневековья были укоренены гораздо глубже, чем это обычно осознают». ⁸

Для Николая Бердяева эпоха Данте и Джотто была временем «христианского средневекового Возрождения», ⁹ и одновременно он усмат-

³ Бердяев Николай. Самопознание // Бердяев Николай. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 466.

⁴ Эко Умберто. Искусство и красота в средневековой эстетике. М.: Алетейя, 2014. С. 13.

⁵ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 15—16.

⁶ Там же. С. 17. А. Ф. Лосев ссылался на книгу Конрада «Запад и Восток» (М.: Наука, 1972. С. 174—207). См. также: Балашов Н. И. Проблемы возможности ренессансных процессов в различных культурных ареалах, споры вокруг нее и вопрос о преемственности взглядов академиков В. М. Алексеева и Н. И. Конрада // Россия — Восток — Запад. М.: Наследие, 1998. С. 19—40.

⁷ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. С. 16.

⁸ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Наука, 1988. С. 355.

⁹ Бердяев Николай. Смысл истории. С. 153.

ривал в ней плодотворное действие ренессансного импульса. В конце XIII — начале XIV века возникал «необычайный момент» перехода средневекового Ренессанса в Ренессанс гуманистический, но своей христианской направленностью отличавшийся «от того гуманизма новой истории, который начинается позже». ¹⁰ В основу этого «раннего Ренессанса мистической Италии» «были заложены пророчества Иоахима из Флориды, святость Франциска Ассизского, гениальность Данте». ¹¹ Пророчества калабрийского монаха Иоакима Флорского (Иоаким дель Флоре, 1132—1202) были связаны с вещим предчувствием наступления принципиально новой эпохи в человеческой истории. Провидец учил о «рождении нового века, которому суждено было сделаться, как думал он, началом “тысячелетнего Царства Святых на земле” — “Третьим Царством Духа”». ¹² Упование на Третий Завет — Царство Духа — вдохновило Дмитрия Мережковского еще в сумеречные годы конца XIX века, независимо от Иоакима дель Флоре и на основе только его собственных метафизических интуиций, на создание проекта «нового религиозного сознания». Николай Бердяев также возлагал надежды на Третий Завет, но интерпретировал его отличным от Мережковского образом: «Откровение третьего Завета нельзя ждать сверху, оно не может быть голосом Божиим <...>. Откровение третьего Завета — имманентное, его сам Бог ждет от человека»; ¹³ и, соответственно, как в русском, так и итальянском Ренессансе он искал подтверждение своим интуициям о возможности оправдания творчеством.

Среди представителей «мистической Италии», в деятельности которых можно было усмотреть проторенессансные веяния, наряду со св. Франциском Ассизским и Данте, Николай Бердяев видел Джотто, причисляя его к «христианскому средневековому Возрождению». ¹⁴ Творческий опыт этих мистиков, поэтов и художников показывал необходимость выхода на новый путь развития европейской духовной культуры, поскольку они интуитивно чувствовали, что нельзя дальше «идти тем путем, который был предуказан всем средневековым сознанием. Дальнейший путь был отпадением и отхождением от этой средневеко-

¹⁰ *Бердяев Николай*. Смысл истории. С. 153.

¹¹ Там же.

¹² *Мережковский Д.* Франциск Ассизский // *Мережковский Д.* Лица святых от Иисуса к нам. М.: Республика, 1997. С. 150.

¹³ *Бердяев Николай*. Новое христианство (Д. С. Мережковский) // *Бердяев Николай*. Типы религиозной мысли в России. Париж: YMCA-Press, 1989. С. 511.

¹⁴ *Бердяев Николай*. Смысл истории. С. 153.

вой культуры». ¹⁵ В такой ситуации неизбежно напрашивались аналогии с двойственными истоками русского культурного Ренессанса и его предчувствием «нового сознания».

Павел Флоренский по-иному оценивал то, что Бердяеву казалось «средневековым Возрождением», считая его началом упадка сакральной христианской культуры в Европе, ведущего к торжеству обмирщенного мировоззрения в жизни и миметизма в искусстве. Усматривал он веяние нового «гуманистического» духа и в житии св. Франциска Ассизского. К Данте в своих критических суждениях Флоренский относился с большей осторожностью и даже находил в нем духовное родство с преп. Сергием Радонежским, которого называл «русским Данте», совместившим в своей деятельности «все стороны культуры, всю полноту русской жизни». ¹⁶ Оба они были носителями средневекового символического мировоззрения, в котором «каждый элемент связывается многообразно со множеством других», тогда как мировоззрение ренессансное носит рационалистический характер. ¹⁷

В отличие от Данте, его современник Джотто, согласно Флоренскому, «был склонен к по-возрожденчески неглубокому взгляду на жизнь. <...> Под покровом церковных сюжетов в нем можно подметить светский дух». ¹⁸ Этот «светский дух» связан с возникновением возрожденческого миропонимания с его культом природы и подражания ее внешним формам в ущерб символическому иератизму. Свои критические суждения Флоренский в первую очередь выносил на основе несколько предвзято истолкованного жизнеописания художника, данного Вазари, и анализа перспективных построений в живописи Джотто, который явился «отцом современного пейзажа», выступив «с приемом писаной, “обманывающей зрение” архитектуры», ¹⁹ нарушая тем самым каноны средневе-

¹⁵ Там же. С. 154.

¹⁶ *Флоренский Павел, свящ.* Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // *Флоренский Павел, свящ.* Сочинения: В 4 т. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (2). (Философское наследие. Т. 129). С. 457. Имеет также место тенденция сравнивать преп. Сергия Радонежского со св. Франциском Ассизским; об этом см.: *Августин (Никитин), архим.* Преподобный Сергий Радонежский и святой Франциск Ассизский в отечественной мысли XIX–XX веков // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.* СПб.: Изд-во СПбДА, 2014. Вып. 2. С. 165–182.

¹⁷ *Флоренский Павел, свящ.* Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания. С. 454.

¹⁸ *Флоренский Павел.* Обратная перспектива // *Флоренский Павел.* Имена: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 57.

¹⁹ Там же. С. 58.

кового иератизма. Соответственно, Флоренский относил эпоху Джотто к началу действия ренессансного импульса. Еще ранее немецкий искусствовед Генри Тоде отметил, что от Джотто и вплоть до Рафаэля прослеживается развитие единого импульса, в основе которого лежит единство мировоззрения (*Weltanschauung*) и религиозных убеждений (*Religionsauffassung*),²⁰ только принципиальное отличие Тоде от Флоренского заключается в том, что он полагал это преимуществом, а о. Павел — пагубным недостатком.

1.2. Серафический импульс

Последовательно меняя расставленные Тоде плюсы на минусы, православный богослов улавливал не только в Джотто, но даже в св. Франциске Ассизском (1182—1226) «первые тончайшие испарения натурализма, гуманизма и реформации»²¹ и считал, что само «зарождение Ренессанса началось с “овечки” Франциска Ассизского».²² Согласно одной житийной легенде, св. Франциска сопровождал подаренный ему ягненок. Он неотступно следовал за святым и, входя в церковь, преклонял колена перед алтарем во время совершения мессы.²³ Однако Флоренский имел в виду не этого «ягненка», а самого Франциска, называя его «невинной овечкой Божией»,²⁴ повинной в неумышленном и непреднамеренном распространении инстинктивно присущего ему проторенессансного мироощущения.

Само по себе сравнение святого с «овечкой» (т. е. агнцем) известно в католической традиции. Агнец, изображаемый рядом со св. Франциском, символизирует его «любовь к творению» и одновременно является «знаком почитания Агнца Божия».²⁵ Тем не менее, Флоренский писал с мрачной иронией, что сам Франциск был канонизирован католической Церковью только «ради иммунизации, по той простой причине,

²⁰ *Thode Henry*. Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien. Essen, o. J. S. 80. Первое издание книги Тоде вышло в 1885 г. (Berlin, 1885). С того времени она неоднократно переиздавалась. Каким изданием пользовался Флоренский, и вообще — пользовался ли книгой Тоде, установить трудно.

²¹ Там же. С. 56.

²² *Флоренский Павел, свящ.* Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания. С. 484.

²³ *Мережковский Д.* Франциск Ассизский. С. 212.

²⁴ *Флоренский Павел.* Обратная перспектива. С. 56—57.

²⁵ *Lexikon der christlichen Ikonographie*. Freiburg in Breisgau, 1994. Bd. 6. Col. 273.

что вовремя не спохватились его сжечь».²⁶ Это, безусловно, гротескное суждение показывает, что Флоренский усматривал в деятельности св. Франциска опасный разрыв с иератическими традициями средневекового мировоззрения. Особенно недоверчиво относился он к духовной практике, основанной на принципе внешнего мимесиса (подражания) Христу и «страстном характере» такой мистики: «Отсюда — не внутреннее приятие в себя Христа, а внешнее подражание ему, подражание Его внешности».²⁷ Примеры такого миметического визионерства он находил в Житии св. Франциска, называя его даже «пресловутым»,²⁸ хотя еще в 1906 году Флоренский, отмечая, что «в потоке истории сверкнет порою образ (человека. — В. И.) высшего типа», видел в этом потоке и св. Франциска Ассизского, ставя его в один ряд с преп. Серафимом Саровским и преп. Амвросием Оптинским.²⁹ Во время своей дружбы с Андреем Белым и духовной близости с кругом его аргонавтических единомышленников проведение таких параллелей для Флоренского являлось вполне закономерным. По образцу ранних «Симфоний» Андрея Белого он задумал свою автобиографическую поэму «Святой Владимир», которая представляет собой «словесную фиксацию мистических переживаний 1904 года — времени, когда его дружба с Андреем Белым переживала свой апогей, как и сближение с кругом символистов».³⁰ В этой поэме возникает двоящийся образ «незнакомца с золотой бородкой и взглядом —

темно-серым взглядом, как сапфир бывает серый,
как Франциск представлен у Джиотто,
Серафим Саровский на молитве — в духе.
Серый взгляд смотрел открыто и чуть строго».³¹

²⁶ Флоренский Павел. Обратная перспектива. С. 57.

²⁷ Флоренский Павел, *свящ.* Собрание сочинений: Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. С. 313.

²⁸ Там же.

²⁹ «Образы Франциска Ассизского, Серафима Саровского или Амвросия Оптинского, думаю, достаточно намекают, что такое человек высшего типа, что такое “Ангел во плоти”» (Флоренский Павел, *свящ.* О типах возрастания // Флоренский Павел, *свящ.* Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 306—307).

³⁰ Иванова Е. В. Комментарии к поэме Флоренского «Святой Владимир» // Павел Флоренский и символисты: Опыт литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текста и коммент. Е. В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 315.

³¹ Флоренский Павел. Святой Владимир // Павел Флоренский и символисты. С. 225.

Под «незнакомцем» разумеется один из ближайших друзей Флоренского: предположительно Владимир Эрн, а сопровождавший его «только контур, забывшийся в угол между шкафами» изображал самого творца поэмы.³² Другой персонаж поэмы, «белый мистик», имеет черты сходства с верным другом и «вечным спутником по жизни»³³ Андрея Белого А. С. Петровским. Для «мистика», прозрачного и убеленного, «главным святым» был Саровский чудотворец, «убеленный и просветленный».³⁴ Одновременно Алексей Петровский испытывал благоговейное чувство к св. Франциску Ассизскому и трудился над переводом Жития этого святого, о чем он посчитал нужным сообщить Флоренскому в письме от 27 апреля 1907 года: «Перевожу биографию Франциска Ассизского, написанную братом Львом,³⁵ набираюсь здоровья».³⁶

Не удивительно, что в «арбатский» период Флоренский мог ощущать вместе со своими друзьями духовную близость как к св. Франциску Ассизскому, так и к преп. Серафиму Саровскому, почитание которого в кругах московских символистов было окрашено эсхатологическими чаяниями. Большие надежды у них вызывали события, связанные с канонизацией этого великого святого в 1903 году. Прежде всего в преп. Серафиме предчувствовали откровение грядущей эпохи, именуемой носителями «нового религиозного сознания» эпохой Третьего Завета, хотя, вспоминая насыщенную неофитскими иллюзиями атмосферу тех лет, Николай Бердяев считал, что у «излюбленного святого» «хотели увидеть и то, чего у него не было»,³⁷ но в то же время не отрицал, что именно в преп. Серафиме Саровском действовал близкий ему импульс духовного возрождения, и святой «преодолеет монашество черное во

³² Иванова Е. В. Комментарии к поэме Флоренского «Святой Владимир». С. 317. Андрей Белый, вспоминая облик Флоренского в те годы, считал, что его следовало бы зарисовать «египетским контуром» (*Белый Андрей*. Начало века. М.: Художественная литература, 1990. С. 299).

³³ Андрей Белый — Иванову-Разумнику. <1–3 марта 1927 г. Кучино> // *Андрей Белый и Иванов-Разумник*. Переписка. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. С. 499.

³⁴ *Флоренский Павел*. Святой Владимир. С. 225.

³⁵ Брат Лев — ближайший ученик св. Франциска Ассизского († 1271). Его авторству принадлежат «Verba Sancti Francisci» («Слова святого Франциска») и «Intentio Regulae» («Назначение Устава»).

³⁶ Письма А. С. Петровского // Павел Флоренский и символисты. С. 584. В комментарии к этому письму Е. В. Иванова отмечает, что «непонятно, о какой биографии Франциска Ассизского идет речь. <...> Возможно, Петровский имеет в виду один из многочисленных сводов легенд о св. Франциске Ассизском» (Там же. С. 593). Следов этого перевода не обнаружено.

³⁷ *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 423.

имя монашества белого. Об этом пророчествует Достоевский в образе старца Зосимы». ³⁸ Бердяев подчеркивал новизну опыта преп. Серафима Саровского, имевшего «дар мистического созерцания тайн космической жизни», но «это определялось не его достижениями святости, а особой индивидуальной харизмой». ³⁹ Он находил также духовную родственность между преп. Серафимом и св. Франциском, которые «умели соединить аскетическую отрешенность и мистическое созерцание с любовью ко всему творению, ко всякой твари Божьей». ⁴⁰ Флоренский же еще в арбатский период замечал «разницу между св. Франциском Ассизским и “настоящим святым”», ⁴¹ тогда как Андрей Белый в обоих подвижниках находил высоко ценимый им мистический опыт, надеясь со временем создать философию символизма, которая бы «теоретически обосновывала возможности пересечения логически “с опытом сердца”, который имели Франциск, Серафим и <...> епископ Антоний». ⁴²

Теперь трудно сказать, кто из «арбатских» символистов начала XX века первым провел параллель между св. Франциском Ассизским и преп. Серафимом Саровским, но несомненно одно: такое сближение казалось вполне оправданным Андрею Белому, Павлу Флоренскому и Николаю Бердяеву. Однако и впоследствии, когда православные вкусы и убеждения Флоренского приобрели более строго очерченные контуры, в глубинах душевной жизни профессора Московской духовной академии продолжал присутствовать образ ассизского святого, что выдает неизбежную родственность о. Павла с другими носителями творческих импульсов русского культурного Ренессанса. Критикуя «новое религиозное сознание», озабоченное проблемой «плоти», он, тем не менее, писал в своей книге «Столп и утверждение Истины» о покаянии за «преступление перед т е л о м» и приводил примеры б р а т с к о г о отноше-

³⁸ Бердяев Н. А. Философия свободного духа / Вступ. ст. А. Г. Мысливченко; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1994. С. 173.

³⁹ Там же. С. 166.

⁴⁰ Там же. С. 171.

⁴¹ Флоренский Павел. Записная тетрадь (1904–1905) // Павел Флоренский и символисты. С. 348.

⁴² Белый Андрей. Начало века. Берлинская редакция (1923). СПб.: Наука, 2014. (Лит. памятники). С. 562. Епископ Антоний (Флоренсов) (1847–1918) имел в начале знакомства большое влияние на Андрея Белого, который в 1903 году вместе с Мережковскими ездил к владыке Антонию и считал, что он ему «очень близок» и «понял Мережковских в глубочайшей их сущности» (Белый — Блоку. <Первая половина ноября 1903. Москва> // Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. С. 119). Однако уже год спустя Андрей Белый признавался, что «больше нет мне смысла бывать у него» (Там же. С. 151).

ния к телу у Франциска Ассизского и преп. Серафима Саровского. «Растление тварного организма вменяется в великий грех, и тело именуется братом, подобно тому как, много веков спустя, Франциск Ассизский обращался к своему телу, называя его “братом ослом”, и подобно тому, как преп. Серафим Саровский именовал плоть нашу “другом нашим”». ⁴³ В обширных «Примечаниях и мелких заметках», завершающих эту многостраничную книгу, также находятся не бросающиеся в глаза упоминания о св. Франциске Ассизском, которые свидетельствуют, однако, что в арбатские годы житие умбрийского аскета, и в особенности «Гимн Солнцу», поражали Флоренского близостью к собственному мироощущению, восприимчивому к духовным откровениям в творении. В примечаниях к «Письму девятому» он отметил родственность в понимании духовного значения Солнца у Франциска Ассизского и святителя Афанасия Великого, ⁴⁴ а также то, что совершенно созвучны францисканству мысли о примирении со зверями, нашими меньшими братьями. В рассказах о жизни святых подвижников «со зверями» «выражается вся суть *нового* (курсив мой. — В. И.), примиренного, восстановленного жития купно со всею тварью». ⁴⁵

Еще более дерзновенно писал Флоренский о том, как у святых «строгость воздержания сочетается с удивительною, проникновенною смелостью в переживании красоты», ⁴⁶ и наряду с примерами отношения к «родственным женским душам» у таких святых, как св. Иоанн Златоуст ⁴⁷ и св. Афанасий Великий, дал ссылку в «Столпе и утверждении Истины» на «Цветочки» Франциска Ассизского, где рассказывается о его трапезе со св. Кларою, ⁴⁸ «когда все трапезующие были объаты огнем духовной любви и им насытились». ⁴⁹

⁴³ Флоренский Павел, *свящ.* Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Путь, 1914. С. 297.

⁴⁴ Там же. Ср. с. 301 и примечание на с. 749.

⁴⁵ Там же. С. 305.

⁴⁶ Там же. Из контекста явствует, что речь идет о женской красоте.

⁴⁷ Духовная любовь связывала св. Иоанна Златоуста с диакониссой Олимпиадой, впоследствии канонизированной Православной Церковью. «Уже беглый просмотр переписки Иоанна Златоуста с Олимпиадой убеждает, что их связывала одухотворенная любовь, гораздо более личная, чем просто нравственная связь епископа и диакониссы» (Там же. С. 750).

⁴⁸ Св. Клара Ассизская (1194–1253) — первая ученица св. Франциска Ассизского, под его влиянием принявшая постриг в 1212 году. Основательница ордена «Бедных сестер» (Клариссинок). Канонизирована католической Церковью в 1255 г. (см.: Klara (Chiara) von Assisi // *Lexikon der christlichen Ikonographie*. Freiburg im Breisgau, 1994. Bd. 7. Col. 314–318).

⁴⁹ Флоренский Павел, *свящ.* Столп и утверждение Истины. С. 750.

При помощи этих ссылок Флоренский осторожно затрагивал тему мистической любви, одной из самых характерных и значительных для новых «ренессансных» душ. Николай Бердяев также приводил св. Франциска Ассизского как пример такой духовной любви.⁵⁰ Впоследствии для Флоренского отношение св. Франциска к брату-телу и природе⁵¹ связывалось более с проторенессансными тенденциями в итальянской живописи, и он считал, что «первым проявлением францисканства в области искусства был джоттизм».⁵² Сам св. Франциск не интересовался проблемой обновления изобразительного искусства, однако его преемник Илия Кортонский, возглавивший орден миноритов, действительно способствовал большим переменам в сакральной живописи.⁵³ Не подлежит сомнению, что именно флорентийские художники-джоттисты XIV в. закладывали основы возрожденческой живописи.⁵⁴ В их творчестве Флоренский усматривал пагубное действие мимесиса, трансформировавшегося из внешнего подражания Христу в подражание природе, что и стало одним из главных принципов ренессансной эстетики.

Совсем по-иному оценивал значение св. Франциска Ассизского для неизбежно наступавших с XIII века перемен в глубинных метафизических основах европейской культуры Дмитрий Мережковский, видя в нем не только святого, совершившего переход от Средневековья к эпохе Возрождения, но и отдаленного предшественника «нового религиозного сознания» в пределах русского Ренессанса. Святой проповедник бедности пробуждал внимание еще Владимира Соловьева, который предлагал своему брату Михаилу «написать биографию “серафического отца” для павленковской серии биографий».⁵⁵ Племянник великого фи-

⁵⁰ Бердяев Н. А. *Философия свободного духа*. С. 172.

⁵¹ Однако сохранилась запись Флоренского в подготовительных материалах к «Антроподицее» (1914), в которой, перечисляя разные виды божественной парусии, он упоминает и св. Франциска Ассизского, называвшего воду «сестрицей» (см.: *Флоренский Павел*. Собрание сочинений: Философия культа. С. 443).

⁵² *Флоренский Павел*. Обратная перспектива. С. 57.

⁵³ *Perrig Alexander*. *Malerei und Skulptur des Spätmittelalters // Die Kunst der italienischen Renaissance: Architektur, Skulptur, Malerei, Zeichnung* / Hrsg. von Rolf Toman. Köln: Könemann, 1994. S. 37. Генри Тоде считал, что Илия Кортонский далеко отступил от заветов св. Франциска (см.: *Thode Henry*. *Franz von Assisi und die Anfänge der Kunst der Renaissance in Italien*. S. 386). Столь же отрицательно относился к нему и Мережковский (см.: *Мережковский Д.* Франциск Ассизский. С. 225), но в обоих случаях речь идет не об эстетике, а о моральных качествах Илии.

⁵⁴ *Флоренский Павел*. Обратная перспектива. С. 60.

⁵⁵ *Соловьев С. М.* Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977. С. 48. Для Павленковской серии биогра-

лософа С. М. Соловьев находил, что «в обоих братьях были ярко выраженные черты святого Франциска Ассизского»,⁵⁶ имея в виду их «мистическую страсть к бедным»,⁵⁷ тогда как Достоевского более всего затрагивала францисканская проповедь братской любви к творению, отразившаяся в поучениях старца Зосимы: «Любите всё создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах».⁵⁸

Сам старец Зосима — по замыслу Достоевского — должен был вызывать ассоциации с *Pater Seraphicus*, как принято именовать Франциска Ассизского в память о явлении ему Христа, распятого в образе шестикрылого серафима. Шестую книгу «Братьев Карамазовых», посвященную «беседам и поучениям старца Зосимы», он первоначально озаглавил «Pater Seraphicus».⁵⁹ В ней он хотел дать образ «чистого, идеального христианина»,⁶⁰ который он находил в св. Франциске Ассизском и старце Зосиме. Это сходство заметил и подчеркнул другой герой романа, Иван Карамазов, после чтения «Легенды о Великом инквизиторе» отошедший Алешу со словами: «Ну иди теперь к твоему Pater Seraphicus».⁶¹ Смиренному послушнику было непонятным, откуда Иван взял это странное имя, что свидетельствует о малой известности св. Франциска в тогдашнем русском обществе и о редкой для тех времен западной эрудиции его ученого брата.

Одним из первых обращался к Житию Франциска Лев Толстой, который с интересом читал книгу Сабатье, переведенную на русский язык по его инициативе,⁶² и потом поминал этого святого в связи со своими

фия Франциска Ассизского была написана Э. К. Пименовой (СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1896); см. также: *Ветлугина Анна*. Франциск Ассизский. М.: Молодая гвардия, 2018. (ЖЗЛ).

⁵⁶ Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. С. 48.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Части первая и вторая. М.: Советская Россия, 1987. С. 334.

⁵⁹ Достоевский Ф. М. — Любимову Н. А., 8 июля 1879 // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1: Письма. 1878—1881. С. 75.

⁶⁰ Достоевский Ф. М. — Любимову Н. А., 11 июня 1879 // Там же. С. 68.

⁶¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Части первая и вторая. С. 334.

⁶² Сабатье П. Жизнь Франциска Ассизского. М.: Посредник, 1895.

этическими идеалами,⁶³ но не будет преувеличением сказать, что только благодаря Мережковскому, открывшему во Франциске нечто близкое своим ренессансным интуициям, стигматизованный умбрийский подвижник привлек внимание и других творцов Серебряного века. «Таким образом, — отмечает современный исследователь, — Франциск Ассизский в творчестве Мережковского задает импульс русскому “францисканству” рубежа веков, становится одной из парадигм русского религиозно-философского Ренессанса в решении его ключевых проблем (соотношение “плоти” и “духа”, “церкви” и “мира”)».⁶⁴ Мережковский был поражен, заметив таинственную близость между средневековым аскетом и дионисийски настроенными античными трагиками. «Улыбка Франциска Ассизского, поющего гимн Солнцу, после крестных мук Альвернского видения» напоминала ему «улыбку Софокла, поющего гимн богу вина и веселья, богу Дионису, после кровавых ужасов Эдиповой трагедии. И здесь, и там — младенческая ясность, тишина последней мудрости».⁶⁵ Способность находить такие рискованные аналогии сама по себе отмечает появление в русской культуре «новых душ», восприимчивых к ренессансным импульсам и без затруднений проводивших параллели между Франциском и Софоклом. Следуя Мережковскому в своих духовных исканиях, Николай Бердяев отмечал особенности «души “нового человека”», в которой «перекрещиваются наслоения разных великих эпох: язычество и христианство, <...> Дионис, в котором образ бога языческого сливается с образом Бога христианского, и возрождение — рождение человека новой истории и жажда нового, грядущего возрождения».⁶⁶

Начало своего «поворота к христианству» Мережковский ознаменовал поэмой «Франциск Ассизский. Легенда». Ей предшествовало внима-

⁶³ Большое число таких высказываний Льва Толстого приведено в изд.: *Лупандин Иван*. Св. Франциск Ассизский в России (<https://prosa.ru-2018/12/29>).

⁶⁴ *Медведев А. А.* Св. Франциск в творчестве Д. Мережковского и русская «францискиана» (Достоевский, Розанов, Дурылин) // *Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies*. 2016. № 57 (с. 13); *Исупов К. Г.* Франциск из Ассизи в памяти русской культуры // *Исупов К. Г.* Русская философская культура. СПб.: Университетская книга, 2010. С. 370–388.

⁶⁵ *Мережковский Д. Л.* Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 22.

⁶⁶ *Бердяев Н. А.* О новом религиозном сознании // *Бердяев Н. А.* О русских классиках / Сост., коммент. А. С. Гришин. М.: Высшая школа, 1993. С. 226.

тельное изучение житийных первоисточников и литературы предмета,⁶⁷ вдохновивших писателя-символиста на создание поэмы, затем опубликованной в Ежемесячном сборнике журнала «Нива» (1891. № 3) и переизданной год спустя в книге его стихов «Символы (Песни и поэмы)» (СПб., 1892). Следуя анамнестическим интуициям, в это переломное для него время Мережковский совершил свое первое путешествие в Италию, с ренессансным прошлым которой он остался навсегда связан. Зинаида Гиппиус вспоминала, что «уже тогда он мне говорил, что чувствует Италию особенно ему родственной».⁶⁸ Постепенно в нем возник замысел романа «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», представлявшего вторую часть трилогии «Христос и Антихрист». В сознании Мережковского загадочно двоился образ великого художника, в своей жизни и творчестве воплощавшего двойственную природу Ренессанса: «Как? Один человек — и тот, кто благословляет голубей с невинной улыбкой, подобно Св. Франциску, — и тот, в кузнице ада, изобретатель железного чудовища с окровавленными паучьими лапами, — один человек?»⁶⁹ Этими тревожными сомнениями Мережковский наделил в романе ученика Леонардо да Винчи Джованни Бельтраффио, для которого вначале великий мастер казался похожим «на Св. Франциска, друга всех животных тварей, который называл ветер братом своим, воду — сестрой, землю — матерью».⁷⁰ Бельтраффио читал по ночам «Цветочки Св. Франциска» — книгу, с которой он никогда не расставался, и находил, что «Франциск, так же как Леонардо, миловал тварей».⁷¹ Но постепенно ему стала приоткрываться тайна метафизической раздвоенности личности великого художника, совмещавшего в себе францисканское милосердие с изобретательным и пытливым интересом к военной технике. На рисунках Леонардо последняя показала благочестивому

⁶⁷ К. А. Кумпан восстановила наименования этих источников, равно как и другие выходные данные; см.: *Мережковский Дмитрий*. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. Ксении Кумпан. СПб.: Академический проект, 2000. С. 812—813. Об этом также см.: *Медведев А.* Св. Франциск Ассизский в творчестве Д. Мережковского. С. 2.

⁶⁸ *Гиппиус Зинаида*. Собрание сочинений: В 15 т. М.: Русская книга, 2002. Т. 6: Живые лица. С. 237.

⁶⁹ *Мережковский Д. С.* Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). М.: Панорама, 1993. С. 156. Имеются в виду рисунки Леонардо с изображением придуманной им военной техники, во многом пророчески предвосхищавшие ее дальнейшее развитие.

⁷⁰ Там же. С. 154.

⁷¹ Там же.

Бельтраффио «оружейной палатой дьяволов, кузницею ада».⁷² Другой ученик, Чезаре, безжалостно углубил беспокойные вопрошания Бельтраффио, назвав Леонардо да Винчи «двуликим Янусом», одно лицо которого обращено ко Христу, а другое — к Антихристу, и ужас этой ситуации заключается в том, что невозможно понять, какое из них истинное. «Или оба истинные?»⁷³

В дневниковой записи ученика Леонардо можно усмотреть отголосок переживаний самого автора романа «Воскресшие боги», пытавшегося найти путь «исхода из религиозной двойственности» в предчувствии «двойного религиозного возрождения», ведущего к «полноте нового религиозного синтеза».⁷⁴ Мережковского привлекали в истории гениальные личности, соединявшие в себе оба полюса. В то же время он искал образы героев чистой веры, свободных от метафизического раздвоения, и находил наиболее убедительный пример тому в Житии св. Франциска Ассизского. Это чувство духовной близости «серафическому» подвижнику отразилось и на переводе Мережковским «Гимна Солнцу»,⁷⁵ созданного тяжело больным св. Франциском незадолго до его кончины в 1226 году. Писатель отмечал предренессансный характер этого «Гимна», видя в нем «своеобразное начало итальянской поэзии на народном языке».⁷⁶ И в дальнейшем ассизский подвижник оставался для Мережковского источником инспираций, подкреплявших его надежды на духовное Возрождение. В 1938 году он опубликовал эссе «Франциск Ассизский», в котором причислил святого к пророкам «Третьего Царства Духа», чаемого носителями «нового религиозного сознания». «Третье Царство Духа, — писал Мережковский, — возможно и для та-

⁷² Там же. С. 156.

⁷³ Там же.

⁷⁴ *Бердяев Николай*. О новом религиозном сознании. С. 228.

⁷⁵ Первоначальное название Гимна «Cantico di Frate Sole» переводится различными способами. Варианты переводов см.: *Самарина М. С.* «Гимн творений» Франциска Ассизского в контексте культуры Средневековья // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2, вып. 1. С. 181. История переводов «Гимна Солнцу» рассмотрена в статье архимандрита Августина (Никитина) «Францисканские мотивы в русской поэзии», опубликованной в журнале «Нева» (2016. № 1; <https://magazines.gorky.media/neva/2016/francziskanskije-motivy...>), однако перевод Мережковского в ней не упомянут. Сам перевод напечатан в изд.: Антология мировой поэзии в русских переводах XX века. М.: Полифакт, 1998. С. 35–36 (с коммент. Е. В. Витковского).

⁷⁶ Комментарий Е. В. Витковского к «Гимну Солнцу» // Антология мировой поэзии в русских переводах XX века. С. 35.

ких, как мы, потому что и в таком человечестве, каково оно сейчас, совершается через Святых шествие Духа от Иисуса к нам».⁷⁷

У Николая Бердяева, долгое время находившегося под сильным влиянием Мережковского и никогда не оставлявшего надежду на духовное возрождение русской культуры, также было «особое почитание св. Франциска», которого он считал «величайшим явлением в истории христианства»⁷⁸ и «наиболее приближающимся к образу Христа».⁷⁹ Столь же высоко ценил этого святого Андрей Белый, помещая его, подобно Павлу Флоренскому, в один ряд с апостолом Павлом, преп. Макарием Великим и «нашим Св. Серафимом».⁸⁰ Пример св. Франциска показал писателю-символисту, как «религиозная жизнь» может быть «колыбелью новой культуры искусств, которых начало расцвета — следующее столетие».⁸¹ Он считал «Франциска-поэта» — «революцией культуры», поскольку в этом смиренном святом мощно действовал «импульс Христа».⁸² В «Гимне Солнцу» св. Франциска Ассизского и в «Божественной комедии» Данте Андрей Белый прозрел «начало культуры ренессанса (до ренессанса)».⁸³ Причем он не связывал понятие проторенессанса конца XIII — начала XIV века с темой возрождения античной культуры на рубеже Средневековья, а предполагал начало действия совершенно нового «солнечно-духовного импульса»,⁸⁴ который находил и в творчестве Джотто: «От него до Леонарда, Рафаэля, Микель-Анджело — прямая дорога».⁸⁵

1.3. Игры с античными иллюзиями

Принято различать ранний Ренессанс (начиная от 1420 г., отмечен расцветом изобразительного искусства во Флоренции), высокий Ренес-

⁷⁷ Мережковский Д. Франциск Ассизский. С. 242.

⁷⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 461.

⁷⁹ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. А. О назначении человека. Сочинения. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 1998. С. 350.

⁸⁰ Белый Андрей. История становления самосознающей души. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Кн. 1. С. 382.

⁸¹ Там же. С. 381.

⁸² Там же. С. 382.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С. 385.

⁸⁵ Там же.

санс (около 1500 г., с центром в Риме) и поздний Ренессанс (во Флоренции с 1525 г., в Риме с 1527 г.), который завершается болезненным маньеризмом.⁸⁶ Эта схема призвана упорядочить представления о развитии изобразительного искусства в Италии. В обычном словоупотреблении, не входя в научные тонкости, под Ренессансом понимают возрождение интереса к полузабытой античной культуре в рамках перехода от Средневековья к Новому времени, при этом наиболее очевидным и плодотворным кажется влияние античности в эстетической сфере. В этом был глубоко убежден и Николай Бердяев. Для него казалось бесспорным, что «всякое возрождение есть возвращение к греческим источникам культуры».⁸⁷ Без духовной преемственности, в той или иной форме полученной от античности, невозможно существование европейской культуры. «Ибо то лишь культура, что кровно связано с миром греко-римским, с античными истоками».⁸⁸

Такой взгляд, бывший на протяжении столетий в своем роде аксиоматическим и лишь в XX веке критически пересмотренный, восходит к Петрарке (1304–1374), «который первый заговорил о светлой античности. <...> Заботой Петрарки было прежде всего очищение латинского языка, возрождение древнего красноречия, а также знакомство с классической литературой. Но затем это узкое понимание Возрождения распространилось на живопись и другие искусства».⁸⁹ При всём том, связь с античной культурой в Италии не прерывалась и до Петрарки, создавая предпосылки для целенаправленного возрождения ее наследия. Для Данте в «Божественной комедии» было вполне приемлемым населять Лимб античными мыслителями и героями, избавляя их от вечных мук в аду. «Данте ценит <...> выше добродетели (в христиански средневековом смысле. — В. И.) гуманистическую *virtu* — высокие качества ума и души, подвиги, смелость и благородство духа. И в этом эпизоде Данте выступает как первый поэт Нового времени».⁹⁰ В других сферах Ада встречаются «полубоги античной мифологии», превращенные Данте

⁸⁶ Lexikon der Kunst: In Zwölf Bänden. Erlangen, 1994. Bd. X. S. 27–28.

⁸⁷ Бердяев Николай. Смысл истории. С. 154.

⁸⁸ Бердяев Николай. Смысл творчества. Париж: YMCA-Press, 1985. С. 363. Это столь радикально выраженное в «Смысле творчества» представление о значении античной культуры подвергалось впоследствии Бердяевым смягчающим уточнениям.

⁸⁹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. С. 38.

⁹⁰ Голенищев-Кутузов И. Н. Примечания // Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Наука, 1967. С. 500.

в «нечистую силу».⁹¹ Души грешников перевозит в Ад Харон, а вершит там суд Минос. «Метаморфозы» Овидия, из которых Данте почерпнул свои мифологические образы, принадлежали к числу его настольных книг наряду с Библией, не говоря уже о том, что поэт, предвосхищая Петрарку, избрал своим водителем по Аду и Чистилищу великого Вергилия, к которому в то время многие относились не без опаски как к чернокнижнику, наделенному магической силой. Его считали «злодеем, поклонником демонов», ничего не умевшим делать без помощи нечистой силы. Такое мракобесие в отношении к Вергилию было устойчиво, в XIV столетии Боккаччо еще верил некоторым неаполитанским нелепостям».⁹² Увлечение гуманиста Петрарки творчеством Вергилия навлекло на него подозрение в чернокнижии. Тем не менее, постепенно удалось рассеять туман предрассудков и восстановить ценности античной культуры в полном блеске.

Однако подражание античности в итальянском искусстве, как отметил Освальд Шпенглер, не являлось сутью происходивших тогда перемен: скорее, оно «было маской, жестом, иногда комедией, но никогда еще комедия так хорошо не разыгрывалась».⁹³ Сама мечта о возрождении античности вынашивалась гуманистами XIV—XV веков, выходивших своим сознанием за пределы средневековой культуры. Они нуждались в новых ориентирах, способных смягчить или даже вытеснить идеалы готического христианства, которые затрудняли рождение «новой души». «Находящееся под литературным впечатлением сознание маленькой избранной группы людей придумало это обольщающее название — возрождение античности»,⁹⁴ тогда как в действительности «ренессанс ни разу не касался настоящей античности, и не может быть и речи о том, что он понял или “снова пережил” ее».⁹⁵ Андрей Белый также, как и Освальд Шпенглер, полагал, что «возвращение к античному миру в эпоху Ренессанса лишь кажущееся, лишь предлог параллелизировать впервые расцветшими формами 6, 5, 4-го века до рождества

⁹¹ Голенищев-Кутузов И. Н. Примечания // Данте Алигьери. Божественная комедия. С. 499.

⁹² Шервинский С. Вергилий и его произведения // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. С. 22. «Всегда отличавшийся примитивным суевением Неаполь особенно усердствовал в награждении на память Вергилия умственного хлама» (Там же).

⁹³ Шпенглер Освальд. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. Т. 1. С. 322.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

Христова ни на что непохожие формы жизни 14 и 15-го века». ⁹⁶ Таким образом понятие ренессанса, как синонима для возрождения античности, нуждается в критическом пересмотре и может использоваться для обозначения периода расцвета культуры в рамках определенного исторического периода без непосредственной связи с античной культурой. «Ошибочно называть Ренессанс — “воз-рождением”, — писал Андрей Белый, — ведь он в каком-то смысле — рождение впервые: рождение индивидуальности сквозь силы личности», ⁹⁷ иными словами, рождение в недрах европейской культуры сознания нового типа, носителя «души самосознающей», идущей на смену господствовавшей в Средневековье и унаследованной от античности «души рассудочной».

1.4. Неизбежность раздвоения

В такой перспективе можно рассматривать и понятие ренессанса в приложении к русской культуре начала XX века, когда акцент стоял на проблеме *рождения «нового сознания»*, чем не отрицается и наличие собственно «возрожденческих» интересов к античности, характерных для мыслителей, подобных о. Павлу Флоренскому, который находил, что «вся Русь, в метафизической форме своей, сродна эллинству», ⁹⁸ и прилагал немалые усилия для христианизации платонизма. Имя его «должно быть названо наряду с теми пятью-шестью именами, которые знаменуют собой основные этапы понимания платонизма во всемирной истории философии вообще». ⁹⁹ Флоренский был убежден в том, что «ренессансовая культура Европы <...> закончила свое существование к началу XX в., и с первых же годов нового столетия можно наблюдать по всем линиям культуры первые ростки культуры иного типа», ¹⁰⁰ про-

⁹⁶ *Белый Андрей*. История становления самосознающей души. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Кн. 2. С. 12.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ *Флоренский Павел, свящ.* Троице-Сергиева лавра и Россия // *Флоренский Павел, свящ.* Сочинения: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 354.

⁹⁹ *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 693.

¹⁰⁰ *Флоренский Павел, свящ.* Флоренский П. А. (Автореферат) // *Флоренский Павел, свящ.* Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 39. «Автореферат написан ок. 1925–1926 гг. в связи с предложением редакции Энциклопедического словаря Русского библиографического института Гранат» (примеч. игумена Андроника (Трубачева)); см.: Там же. С. 703. Статья показывает, что Флоренский даже в катастрофических ситуациях не терял надежды на возникновение культуры нового типа и, подобно Бердяеву,

роческое предвестие которой он находил в мистериальных интуициях Платона.

На основе своего подхода к платонизму Флоренский считал возможным создать альтернативу современной науке, абстрактным понятиям которой он противопоставлял мир творящих эйдосов (идей), и черпал плодотворные импульсы, обращаясь к наследию античной философии, но в то же время находил своих антиподов в ренессансных гуманистах и художниках, зачарованных мифической Элладой и вечным Римом. Для него итальянский Ренессанс был не столько возрождением, сколько помрачением европейской христианской культуры. Джотто, современник Данте, согласно Флоренскому, «создал себе идеал всемирной и гуманитарной культуры» и «представлял себе жизнь в духе либер-пансеров Ренессанса, как земное счастье и прогресс человека»,¹⁰¹ а само «жизнепонимание Возрождения» он характеризовал как «углубленное гуманитарно-натуралистическое»,¹⁰² нашедшее свое логическое завершение в кантианстве, отказавшемся от познания мира творящих архетипов. В отличие от Флоренского, Василий Розанов смотрел на Ренессанс совсем в другой перспективе: еще более античности его занимала древнеегипетская культура, и он пробуждал внимание современников к необходимости возрождения древнего «язычества», дерзновенно соединяя это с интересом к ветхозаветным темам. В отличие от Флоренского, он никоим образом не связывал с христианством свой проект спасения русской культуры.

Еще одну «ренессансную» позицию представлял зачинатель «нового религиозного сознания» Дмитрий Мережковский. Ее он противопоставил «скучной жизни» современного человечества. «Неужели, — писал Мережковский после посещения афинского Акрополя, — не суждено людям повторить того, что здесь было, и никогда новый Парфенон не будет создан новым эллином, богоподобным человеком на земле?»¹⁰³

Наиболее глубоко ощущал свою связь с античностью Вячеслав Иванов, немало сделавший для внесения дионисийского элемента в культуру Серебряного века, хотя Бердяев сомневался в «первичности» его опыта приобщения к дионисизму. «Его поражающая всех интуиция Греции не есть первичная онтологическая интуиция, это — интуиция вторичная, филологическая, через усложнения культуры, искусства,

ощущал полную исчерпанность «ренессансовой культуры Европы» к началу XX века.

¹⁰¹ Флоренский Павел. Обратная перспектива. С. 57.

¹⁰² Там же. С. 53.

¹⁰³ Мережковский Д. С. Вечные спутники // Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. С. 358.

языка».¹⁰⁴ Тем не менее, у всех них, за исключением Василия Розанова, увлечение античностью в той или иной степени связывалось со стремлением христианизировать ее наследие, что, однако, нередко вело к переживанию душевной раздвоенности и не всегда удачным попыткам от нее избавиться. В этой тенденции можно усмотреть параллель с итальянским Ренессансом. «Душа Возрождения, — писал Флоренский, — нецельная, расколота душа, двоящаяся в мыслях своих».¹⁰⁵ Этот диагноз во многом приложим и к русской культуре начала XX века; и в том, и в другом случае основной проблемой являлась глубокая раздвоенность в душах носителей возрожденческих импульсов.

Итальянское Возрождение, писал Николай Бердяев, — «это эпоха глубокого раздвоения человека и необычайной сложности, порожденной столкновением разных начал».¹⁰⁶ Если, по его мнению, проторенессанс отмечен преобладанием христианского импульса, мощно действовавшего во Франциске Ассизском, Данте и Иоахиме Флорском, учившем о грядущем Третьем Завете, эпохе откровения Святого Духа, то постепенно еще в рамках Треченто крепла другая тенденция, приведшая к возникновению гуманизма и усилившая воздействие античного культурного наследия. «Поднимался раздвоенный человек, не примиривший своих языческих истоков со своими истоками христианскими».¹⁰⁷ Рождались «новые души», появилась «новая чувствительность», отчуждавшая их от Средневековья и взыскавшая *renovatio* (обновления), что более точно характеризует эпоху, чем понятие Ренессанса (Возрождения). Но это стремление к обновлению приводило к усилению душевной раздвоенности. «В Кватроченто появляются болезненные художники, раздвоенные, с тайным недугом, мешающим им до конца осуществить свои великие задачи, со странной и трагической судьбой».¹⁰⁸ Эту характеристику раздвоенных душ итальянских художников вполне можно отнести к творцам русского ренессанса начала XX века. Раздвоенность наиболее точным образом выражает их душевное состояние, не чуждое «игры в двойные мысли».¹⁰⁹ В такой раздвоенности — нередко несправедливо и тенденциозно — упрекали Мережковского, инициировавшего борьбу за «новое религиозное сознание» и стремившегося найти выход

¹⁰⁴ Бердяев Н. А. Очарования отраженных культур. В. И. Иванов // Бердяев Н. А. О русских классиках. С. 287.

¹⁰⁵ Флоренский Павел. Обратная перспектива. С. 62.

¹⁰⁶ Бердяев Николай. Смысл творчества. С. 267.

¹⁰⁷ Там же. С. 268.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 42.

из исторических противоречий между духом и плотью, христианством и древними культурами. Именно в этой двойственности усматривал Николай Бердяев «характерную, существенную особенность *нашего* нового возрождения». ¹¹⁰ В то же время «новое религиозное сознание жаждет синтеза, преодоления двойственности», ¹¹¹ что на деле нередко ограничивалось только благими пожеланиями или опасными иллюзиями.

2. Сумерки Просвещения

2.1. Запутанный путь к совершеннолетию

Существенной особенностью «русского культурного ренессанса» являлось новое отношение к мышлению, ставшее возможным только с XVIII века в силу глубинных перемен в самой структуре европейского самосознания. Позади русского ренессанса «не было Средневековья, позади была пережитая интеллигенцией эпоха Просвещения». ¹¹² Само возникновение интеллигенции, обладавшей особой и ранее в таком виде неизвестной в русской культуре формацией духовной жизни, стало одной из важнейших предпосылок Серебряного Ренессанса.

«Отцом русской интеллигенции» ¹¹³ Николай Бердяев считал А. Н. Радищева (1749–1802), который «предвосхитил и определил ее основные черты». ¹¹⁴ Он был воспитан «на Вольтере, Дидро, Руссо», ¹¹⁵ но, в отличие от многих вольтерианцев того времени, являлся просветителем, не утратившим полностью своей религиозности и сочувствия к «страданиям человеческим», потрясавшим его душу с детства. ¹¹⁶ Наряду с изучением трудов французских энциклопедистов, еще большее влияние на него оказала немецкая идеалистическая философия, с которой он имел возможность познакомиться во время своей учебы в Лейпцигском уни-

¹¹⁰ Бердяев Н. А. О новом религиозном сознании // Бердяев Н. А. О русских классиках. С. 226.

¹¹¹ Там же. С. 227.

¹¹² Мережковский Д. С. Вечные спутники. С. 358.

¹¹³ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. С. 290.

¹¹⁴ Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 36.

¹¹⁵ Бердяев Николай. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990 (репринт. изд.: Париж: YMCA-Press, 1955). С. 19.

¹¹⁶ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. С. 290.

верситете (1766—1771), хотя по большей части — в эклектическом варианте, преподносимом с академических кафедр. Таким путем он получил представление и о монадологии Лейбница. «Но, — как отметил Густав Шпет, — главный и прямой источник Радищева — Гердер, которого он начал изучать еще до ссылки в Петербурге».¹¹⁷ Монументальный труд немецкого теолога «Идеи к философии истории человечества» (1784—1791) внес коррективы в односторонне рационалистическую концепцию Просвещения. Кант отмечал у Гердера «свободу мышления», находившуюся в значительном противоречии с его собственным мировоззрением, но признавал, что гердеровский историзм «дает пищу для размышления».¹¹⁸ Гердеровский подход к истории расширял границы познания, начертанные Кантом, и более отвечал философским настроениям Радищева. Также одной из важнейших проблем для него был вопрос о бессмертии человеческой души. Долгое время в тяжелых условиях сибирской ссылки он работал над своим основным философским сочинением «О человеке, о его смертности и бессмертии».¹¹⁹

Трагическая судьба Радищева, пострадавшего за свой социальный радикализм, вытеснила впоследствии из сознания русской интеллигенции другой, не менее важный, аспект его личности и творчества, связанный с поиском ответа на труднейшие метафизические вопросы, во многом предваряющие проблематику *конкретного идеализма* начала XX века. Выпала из внимания и его близость к масонству, радикально изменившему структуру сознания у части тогдашнего образованного общества, пробуждая интерес к духовной жизни, парадоксально совместимый с идеалами Просвещения, начертанными Вольтером и Руссо. «В масонстве, — писал Николай Бердяев, — произошла формация русской культурной души»,¹²⁰ во многом подготовившая пробуждение философской мысли уже вне зависимости от степени принадлежности к масонским ломам. Опосредованные следы такого влияния Бердяев находил в русском ренессансе начала XX века. Особый интерес вызывали у него сочинения Якова Беме, изучение которых входило в круг обязательного чтения масонов екатерининского времени. Друг Андрея Белого А. С. Петровский в предисловии к своему переводу книги Беме «AURORA, или

¹¹⁷ Шпет Густав. Очерк развития русской философии // Шпет Густав. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 79.

¹¹⁸ Кант Иммануил. Рецензия на книгу И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (части 1, 2). 1785 // Кант Иммануил. Собрание сочинений: В 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. С. 38—39.

¹¹⁹ Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии. СПб.: Питер, 2001.

¹²⁰ Бердяев Николай. Русская идея. С. 28.

Утренняя заря в восхождении» подчеркнул значение культурного преемства: «Имя Якова Беме не должно звучать ново для русского читателя. В нашей истории была эпоха краткого, но богатого духовного расцвета, быть может единственная, которой в полном объеме можно дать наименование культурной, эпоха, ознаменованная просветительной деятельностью Новикова и двух поколений его сподвижников.

Сочинения Беме были одним из главнейших источников, откуда тогдашние масонские круги черпали знание и вдохновение не только для пиетистических созерцаний, но и для практической жизненной работы». ¹²¹ Бердяев считал Н. И. Новикова «видным деятелем русского просвещения XVIII века, мистиком-масоном, христианином и человеком очень умеренных политических взглядов». ¹²² Московский митрополит Платон (Левшин) писал Императрице в «заключительном донесении по делу Новикова», что молит «всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и тобою, Всемилостивейшая Государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков». ¹²³ Прот. Георгий Флоровский находил это свидетельство о православии Новикова чрезмерно снисходительным и считал, «что мерило у Московского митрополита не было очень твердым...», ¹²⁴ но не отрицал, что «мистическое масонство было внутренним противодействием Просветительному духу», ¹²⁵ что, очевидно, не могло не вызывать одобрения митр. Платона, крайне критически относившегося к французским энциклопедистам. Кроме того, наряду с мистическими и натурфилософскими сочинениями Николай Новиков издавал святоотеческую литературу. ¹²⁶ Таким противодействием материализму и рационализму просветителей Николай Новиков оказал большое влияние на мировоззрение Радищева, попавшего, по словам Пушкина, в общество мартинистов, таинственность бесед которых «воспламенила его воображение». ¹²⁷

¹²¹ Предисловие А. С. Петровского // *Беме Яков*. AURORA, или Утренняя заря в восхождении. М.: Мусажет, 1914. С. VII.

¹²² *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. С. 19.

¹²³ Цит. по: *Лонгинов М.* Новиков и московские мартинисты. СПб.: Лань, 2000. С. 284.

¹²⁴ *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1983. С. 122.

¹²⁵ Там же. С. 116.

¹²⁶ Обширный список православной литературы, напечатанной Новиковым, см. в изд.: *Лонгинов М.* Новиков и московские мартинисты. С. 242–243.

¹²⁷ *Пушкин А. С.* Александр Радищев // *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. М.: Наука, 1976. Т. 6. С. 190.

Характеристика мартинистов, данная Пушкиным, отмечает мало учитываемый аспект душевной структуры первых русских интеллигентов, которые не только усваивали рационалистические идеи французских просветителей, но в разной степени и в разных вариантах были знакомы с мистической и натурфилософской литературой. «Русские розенкрейцеры, называвшиеся также мартинистами, подчинялись немецкому масонству, идеологом которого был мистик Сен-Мартен. Эта система процветала в основном в Москве, центральной фигурой в ней был Н. И. Новиков».¹²⁸ Гонение на него Екатерины Второй было вызвано подозрением в политической неблагонамеренности масона-просветителя. Она считала мартинистов «проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов»,¹²⁹ хотя долгое время сама Екатерина, охотно переписываясь с Вольтером и Дидро, снисходительно смотрела «на усилия французских философов как на игры искусных бойцов»,¹³⁰ пока разразившаяся революция во Франции не заставила ее усомниться в политической безобидности подобных интеллектуальных забав. Страхи императрицы подогревали «люди, находившие свою выгоду в коварном злословии», стараясь «представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды».¹³¹ Таким злонамеренным наветам Пушкин стремился противопоставить иной взгляд на русских мартинистов и освободить Александра Радищева от возводимых на него обвинений. «Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, к которому они принадлежали».¹³² Однако Пушкин не был склонен преувеличивать значение Радищева и отзывался о нем как «истинном представителе полупросвещения», в котором «отразилась вся французская философия его века <...>, но всё в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале».¹³³ Эта «нескладность» отразилась и на метафизических исканиях Радищева, не получивших ни развития,

¹²⁸ *Миролюбова Г. А., Уханова И. Н.* «Тогда масоны были все» // Премудрость Астреи: Памятники масонства XVIII — первой трети XIX века в собрании Эрмитажа: Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. Санкт-Петербург, 17 мая — 1 сентября 2013. СПб.: Эрмитаж, 2013. С. 14; см. также: *Лонгинов М.* Новиков и московские мартинисты. С. 91—93.

¹²⁹ *Пушкин А. С.* Александр Радищев. С. 190.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. С. 194.

ни должного признания у последующих поколений. Возможность духовного подъема была упущена. Носители «проторенессансных» импульсов Александр Радищев и Николай Новиков томились в тюрьмах и ссылках, не успев развить начатки нового сознания, способного преобразовать автономное мышление в орган познания метафизических реальностей. Постепенно русское просветительство, по выражению Бердяева, обернулось нигилизмом, разрушительно действовавшим во всех сферах отечественной культуры. Философ писал: «Русские нигилисты 60-х годов — я имею в виду не только Писарева, но и Чернышевского, Добролюбова и др. — были русскими просветителями», объявившими «борьбу всем историческим традициям» во имя обмирщенного разума.¹³⁴

В 90-е годы XIX века на смену нигилизму пришло увлечение марксизмом, который, по мнению Бердяева, «был несомненно процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на больший простор».¹³⁵ Но и в этом течении сказывались традиции «просветительского» нигилизма. Отталкивание от него привело к стремлению ряда мыслителей, ставших носителями ренессансных импульсов Серебряного века, найти духовную и метафизически оправданную опору для русской культуры через обращение к христианству, философскому идеализму и новым течениям в искусстве.

2.2. «Просвещение» по Канту

Сам Бердяев пережил переход от марксизма к идеализму как отражение экзистенциальной диалектики своего духовного развития, но для внутреннего самоопределения для него имел еще большее значение водораздел, проведенный в XVIII веке Просвещением, выработавшим новый тип сознания, неведомый прошлым эпохам. Под Просвещением, согласно Канту, следует понимать «выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. <...> Sapere aude! — имей мужество пользоваться *собственным* умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения».¹³⁶ Для Бердяева такое отношение к мышлению было чем-то само собой разумеющимся и принадлежащим к глубочайшим основам духовно-душевной структуры его личности. Из этого настроения

¹³⁴ Пушкин А. С. Александр Радищев. С. 38.

¹³⁵ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 364.

¹³⁶ Кант Иммануил. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант Иммануил. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. С. 29.

проистекало чувство отвращения к любым авторитетам и желание мыслить совершенно самостоятельно, вне зависимости от общепризнанных философских и теологических традиций. «Мой иррационализм или сверхрационализм, — подчеркивал Николай Бердяев, — прошел через “просвещение”, не в смысле французских течений XVIII века, а в смысле Канта, который формулировал вечную правду “просвещения” и с ней связывал свое учение об автономии».¹³⁷

Принцип свободного мышления был предпосылкой новой культуры и, если искать исторические параллели, начало XX века, озаменованное расцветом религиозной философии и символизма в искусстве, следовало бы назвать проторенессансом, дальнейшее органическое развитие которого было насильственно прервано. Сам процесс, затронувший глубины коллективного подсознания, не может быть ликвидирован внешними обстоятельствами, хотя они существенно затрудняют жизнь носителей нового культурного импульса. Пользуясь лексикой Канта, русский ренессанс может быть обозначен как переход к совершеннолетию, сопровождающийся определенными трудностями, как общественными, так и индивидуальными. Начавшаяся эпоха *просвещения* создала предпосылки для выработки самосознающего мышления, раскрывающего свою собственную автономную природу без опоры на авторитеты. Этому, как полагал Кант, препятствуют «леность и трусость», которые являются причиной «того, что столь большая часть людей <...> всё же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами».¹³⁸

Таким образом, проблема духовного развития, согласно Канту, непосредственно связана с мужественным поиском пути для достижения в культурном развитии ступени совершеннолетия, поэтому и Николай Бердяев рассматривал Просвещение XVIII века как одну из важнейших, хотя и не лишенных опасностей, предпосылок для возникновения русского ренессанса. Главная из таких искусительных опасностей заключалась в претензии автономного и, тем самым, «ограниченного и самонадеянного человеческого разума» поставить себя выше «Божественных тайн жизни, из которых исходит, как из своих истоков, вся человеческая культура и жизнь всех народов земли».¹³⁹ Только если удавалось, раскрыв органы духовного познания — «очи сердца» (Еф. 1: 18), переступить начертанные Кантом границы чистого разума и проработать мышление до реального сопереживания им метафизических основ бытия, возможно было придать позитивный смысл Просвещению.

¹³⁷ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 357.

¹³⁸ Кант Иммануил. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? С. 29.

¹³⁹ Бердяев Николай. Смысл истории. С. 12.

Сам принцип автономии мышления, сформулированный Кантом, имел определенный недостаток, с точки зрения Бердяева как «философа свободы», поскольку был ограничен «подчинением личности нравственно-разумному закону», и тогда получается, что «автономен при этом не человек, а нравственно-разумный закон». ¹⁴⁰ В любом случае, решающим являлось глубинное ощущение себя «человеком духовно рожденным после веков просвещения». ¹⁴¹ Для понимания природы русского ренессанса важно признание этого философа: «Я преодолел рационализм “просвещения”, но это было гегелевское *Aufhebung*, ¹⁴² т. е. я не мог быть до “просвещения” или делать вид, что я “до”». ¹⁴³ «Преодоление “просвещения” должно означать не совершенное его отрицание, не возврат к состоянию до “просвещения”, а достижение состояния высшего, чем “просвещение”, в которое войдут его положительные завоевания». ¹⁴⁴ Само «просвещение» Николай Бердяев, отвергая его плоско обыденное истолкование, понимал «в более глубоком, кантовском смысле совершеннолетия и свободной самодеятельности разума». ¹⁴⁵ Его тревожило то обстоятельство, что в религиозных течениях начала XX века, носители которых сами экзистенциально пережили «снятие» просвещения, родились *после*, — делали вид успокоительного пребывания «в наивной, докритической стихии», ¹⁴⁶ пытаясь с лучшими намерениями стилизовать себя под носителей архаических традиций.

Предчувствие возможности преодолеть границы «чистого разума» и определяло двойственное отношение Бердяева к чтимому им Канту, отражающее антиномическую проблематику русского культурного ренессанса в той степени, в которой его творческие участники ощущали

¹⁴⁰ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека // Бердяев Н. А. Царство духа и царство кесаря / Сост. и послесл. П. В. Алексеева; подгот. текста и примеч. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1995. С. 41.

¹⁴¹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 357.

¹⁴² Согласно Гегелю, «Снятие (*Aufheben*) и снятое (*идеальное – ideelle*) — одно из важнейших понятий философии <...>. Оттого, что нечто снимает себя, оно не превращается в ничто. Ничто есть *непосредственное*; снятое же есть нечто *опосредствованное*; оно не-сущее, но как *результат*, имевший своим исходным пунктом некоторое бытие, поэтому оно *еще имеет в себе определенность, от которой оно происходит*» (Гегель Г. В. Ф. Наука логики: В 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. С. 168).

¹⁴³ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 357.

¹⁴⁴ Там же. С. 432.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Там же. С. 357.

границу, проведенную Просвещением в европейской истории, чтобы отделить начавшийся период от всех ему предшествовавших, и на этом пути было невозможно обойти кантианскую проблематику. Ее оценочная амплитуда колебалась между безусловным признанием «непогрешимости» кантианства и бескомпромиссной критикой.

Такая противоречивость в оценках была характернейшей чертой мировоззрения Николая Бердяева, писавшего, что у него «были разные периоды в отношении к Канту»,¹⁴⁷ но он всегда признавал за собой полное право на экзистенциальное изживание собственных противоречий. Он не только связывал свой переход от марксизма к идеализму с возрастающим влиянием на него Канта, но и чувствовал в нем нечто метафизически родственное. «Сам я вышел из Канта»,¹⁴⁸ — писал Бердяев, обозревая пройденный им путь, одновременно воздавая должное мистическим прозрениям Якова Беме. В бердяевской оригинальной интерпретации «Кант, вопреки распространенному убеждению, был метафизиком, хотя сам он не развил своей метафизики».¹⁴⁹ Поэтому, признавая свою исходную близость Канту, Бердяев нередко проецировал на его философию собственные интуиции, превращая кантианские идеи в чисто метафизические, выводя их за неприступные границы, начертанные гносеологией кенигсбергского мыслителя, и погружая их в атмосферу собственных экзистенциальных переживаний. Николай Бердяев «был первоначально потрясен различием мира явлений и мира вещей в себе»¹⁵⁰ в кантовской философии. Он ощущал неподлинность и неокончателность мира, воспринимаемого внешними чувствами, себя же считал принадлежащим совсем иному миру, поэтому его метафизически экзистенциальное переживание, по сути, имело мало общего с кантовским учением о «вещи в себе». По мере развития его собственных интуиций Бердяева всё менее удовлетворяло бессодержательное представление о «вещи в себе», замещаясь сложным учением, предполагавшим «познание первореальности до рационализации»¹⁵¹ ее, и тем самым — познание реального духовного мира. Отрицание Кантом возможности духовного опыта было Бердяеву «изначально чуждо»; одновременно он признавал, вопреки своим собственным метафизическим интуициям, что в теории познания испытывает его влияние.

¹⁴⁷ Там же. С. 342.

¹⁴⁸ Там же. С. 412.

¹⁴⁹ Там же. С. 397.

¹⁵⁰ Там же. С. 342.

¹⁵¹ Там же. С. 345.

Другой темой, сближавшей Бердяева с Кантом и одновременно отделявшей от него, был вопрос о свободе воли. Переживание свободы предваряло философскую рефлексию, но на путях ее осмысления Бердяев во многом был зависим от Канта. «Философия Канта есть философия свободы, хотя, может быть, недостаточно последовательно, не до конца развитая». ¹⁵² Не столько понятийно, сколько экзистенциально он пережил и глубоко воспринял у Канта учение о различии между эмпирическим характером человека, неизбежно и полностью подчиненным природной необходимости, и умопостигаемым (интеллигибельным) характером, от этой необходимости не зависящим и, соответственно, духовно свободным. Сама связь между двумя характерами представлялась Канту довольно смутно, однако он был убежден в ее существовании и считал эмпирический характер отражением умопостигаемого.

Николай Бердяев еще более резко различал между духом и природой, полагая это различие в основу своего персонализма. В то же время он критически относился к кантовской этике. Особенно неприемлемым казалось ему учение о категорическом императиве, развивая которое Кант «стал на путь отрицания душевного, отрицания живого конкретного человека. Идеальная норма и идеальная ценность подавляют человека, его эмоциональную жизнь», ¹⁵³ что противоречило всему персоналистическому подходу Бердяева к проблеме свободы. Такое двойственное отношение к Канту было характерно и для ряда других русских мыслителей начала XX века, что позволяет говорить об их переживании кантовской философии как рубежа, ментально отделявшего Просвещение от чаемого Ренессанса, и как системы, от которой нельзя отделаться туманными метафизическими теориями, без достижения реального духовного опыта. «Вот почему, сколько бы ни нападали на трансцендентальную аналитику, мы — символисты — считаем себя через Шопенгауэра и Ницше законными детьми великого кенигсбергского философа», — писал в 1904 году Андрей Белый, ¹⁵⁴ что, впрочем, не помешало ему впоследствии подвергнуть Канта сокрушительной критике.

Также и Флоренский, посвятивший немало страниц опровержению кантианства в пользу платонизма, признавал, что с именами Платона и Канта «навек срослось самое значительное, что есть в философии», ¹⁵⁵

¹⁵² Бердяев Н. А. Самопознание. С. 302.

¹⁵³ Бердяев Н. А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. С. 383.

¹⁵⁴ Белый Андрей. Критицизм и символизм // Белый Андрей. Символизм: Книга статей / Общ. ред. В. М. Пискунова. М.: Культурная революция; Республика, 2010. С. 38.

¹⁵⁵ Флоренский Павел. Космологические антиномии Иммануила Канта // Флоренский Павел, свящ. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 3.

а тревожно близкая ему «идея о *возможности антиномий разума*» представлялась «самой глубокой и самой плодотворной из идей Канта». ¹⁵⁶ Более того, кантовские антиномии, «будучи выставлены с полной сознательностью и в укор эпохе просветительства, с вызовом рационализму XVIII века, <...> являются великою *моральною* заслугой Коперника философии». ¹⁵⁷ Даже в «Столпе и утверждении Истины» Флоренский писал об «огромной заслуге Канта», указавшего на то, «что могут быть объекты ничем не различающиеся между собою в понятии, для рассудка, но тем не менее различные». ¹⁵⁸ Это кантовское открытие имело большое научное значение и «сделалось основой всей стереохимии, а вместе с тем распространилось во множестве других научных дисциплин». ¹⁵⁹ Тем не менее, Флоренский не затруднялся называть Канта «Столпом Злобы Богопротивная», на трудах которого «почивает антирелигиозная мысль нашего времени и оттолкнуться от которого ей необходимо, чтобы утвердиться на “Столпе Истины”». ¹⁶⁰

2.3. Французские просветители

Меньшее значение в сравнении с Кантом, чье влияние — хотя и подвергаемое во многих пунктах продуманной критике — оставалось для Николая Бердяева определяющим в течении всей жизни, имели труды французских «просветителей». Они казались ему довольно чуждыми, хотя чтение Вольтера, книги которого Бердяев находил в отцовской библиотеке, где бережно хранилось полное собрание сочинений французского вольнодумца «в роскошных переплетах», ¹⁶¹ увлекало его еще в отроческие годы. Само мировоззрение Вольтера не имело для Бердяева «никакого философского значения», но поддерживало его свободолюбие. ¹⁶² «Как ни странно, — признавался он в своей автобиографии, — но у меня навсегда осталось что-то от Вольтера». ¹⁶³ Такое вольтерианское

¹⁵⁶ Там же. С. 28.

¹⁵⁷ Там же. С. 32.

¹⁵⁸ Флоренский Павел, *свящ.* Столп и утверждение Истины. С. 635.

¹⁵⁹ Там же. С. 636.

¹⁶⁰ Флоренский Павел, *свящ.* Вступительное слово пред защитою на степень магистра книги: «О духовной Истине», М., 1912 г., сказанное 19 мая 1914 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Pavel/Florenskij/stolp-i-utverzhenie-is>. С. 4 (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁶¹ Бердяев Николай. Самопознание. С. 337.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

настроение коренилось в душевном укладе философа, не лишённого связи с «барской» традицией. «Этот вольтерьянский налет оставался в известной части русского дворянства и весь XIX в., когда у нас появились уже более самостоятельные и глубокие направления мысли». ¹⁶⁴ Пример такого живучего вольтерьянства Бердяев имел в своем отце, который «любил читать Библию и на полях делал свои критические замечания совершенно в вольтерьянском, рационалистическом духе». ¹⁶⁵

При всём том, Николай Бердяев подчеркивал разницу между Вольтером и другими французскими просветителями-энциклопедистами. Безбожие последних принимало «резко оптимистический характер». «Это неприменимо к Вольтеру, который не был безбожником, хотя Бог его был жалким, рациональным Богом». ¹⁶⁶ Само вольтерьянство в XVIII веке представляло гораздо более сложное и многостороннее явление, чем это представляется на первый взгляд, когда это течение ассоциируется с моральной распущенностью и легкомысленным скептицизмом. Последователи Вольтера стремились создать «новую мораль». «Эта новая мораль опиралась не на авторитет религии, а на главенство разума». ¹⁶⁷

Унаследованные Бердяевым вольтерьянские традиции русского дворянства XVIII века во многом предопределили его «антипатию к клерикализму». Она оставалась в нем «сильной и неизменной эмоцией», в силу которой он «никогда не мог преодолеть некоторой отчужденности от духовного сословия. В этом, — отмечал Бердяев, — могли усмотреть пережиток дворянски-вольтерьянских чувств». ¹⁶⁸ Но кроме наследственных пережитков в таком антиклерикализме отражалось и совсем иное настроение, связанное с чаянием новой эпохи в истории христианства, поэтому ему оставалась «чуждой тяга вновь обращенной интеллигенции к священству» ¹⁶⁹ в ущерб профетическому служению. Философ опасался, что этим будет затруднено развитие самосознающего мышления, свободного от внешних авторитетов, и тем самым ренессанс будет лишен своей подлинной основы. Ему казалось, что о. Павел Флоренский «последовательно истолковывает христианство как религию необходи-

¹⁶⁴ Бердяев Николай. Русская идея. С. 26.

¹⁶⁵ Бердяев Николай. Самопознание. С. 417.

¹⁶⁶ Бердяев Николай. Истина и Откровение: Прологомены к критике Откровения. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 100.

¹⁶⁷ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. 2-е изд., испр. и расшир. СПб.: Изд-во им. Н. Н. Новикова, 1999. С. 142.

¹⁶⁸ Бердяев Николай. Самопознание. С. 410.

¹⁶⁹ Там же.

мости, принуждения и покорности»,¹⁷⁰ и это может обернуться только утонченной стилизацией. В о. Сергии Булгакове, гораздо ему более близком, чем Флоренский, Бердяева настораживало то, что он «очень последовательно отрицает творческую природу человека». ¹⁷¹ Помимо всего прочего, он чувствовал отличие своего «душевного типа религиозности» от булгаковского уже в силу происхождения. «С. Булгаков происходил из среды православного духовенства, его предки были священники. Я же, — подчеркивал Николай Бердяев, — происхожу из среды русского дворянства, проникнутого просветительски-вольтерианскими, свободо-мыслящими идеями». ¹⁷²

Еще большее психологическое отчуждение он испытывал по отношению к Флоренскому, но уже по совсем иным причинам. Наследственность здесь не имела никакого значения. В отличие от Сергия Булгакова, потомственного священника, новообращенный интеллигент Флоренский казался ему «чуждым и враждебным»,¹⁷³ хотя он признавал, что и у «стилизатора православия» есть надежда на «продолжение откровения в христианстве»,¹⁷⁴ однако существовало подозрение, что вместо Ренессанса под влиянием Флоренского в русской Церкви произойдет только «мертвящая реставрация архаического стиля православия». ¹⁷⁵ Николай Бердяев опасался с этой стороны ущемления чувства свободы и оставлял за собой право на ничем не ограниченный поиск истины в религиозной сфере, подразумевающий возможность и даже закономерно диалектическую оправданность сомнений в уже устоявшихся и безжизненно окостенелых догматах, традициях и канонах. Более того, Николай Бердяев признавал относительную правоту атеизма в той степени, в которой он представлял собой диалектически обоснованный момент в размышлениях о природе зла. «Когда отрицают существование Бога на том основании, что мировая и человеческая жизнь полна зла и страдания», то в этом можно усмотреть «выражение страстного

¹⁷⁰ *Бердяев Николай.* Хомяков и свящ. Флоренский // *Бердяев Николай.* Типы религиозной мысли в России. С. 569.

¹⁷¹ *Бердяев Николай.* Возрождение Православия (о. С. Булгаков) // *Бердяев Николай.* Типы религиозной мысли в России. С. 592.

¹⁷² *Бердяев Николай.* Самопознание. С. 419.

¹⁷³ Там же. С. 432.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ *Бердяев Николай.* Стилизованное православие (Отец Павел Флоренский) // *Бердяев Николай.* Типы религиозной мысли в России. С. 545.

эмоционального состояния, заслуживающего, впрочем, большого сочувствия». ¹⁷⁶

Такие интуиции приводили к необходимости критического пересмотра учения о Промысле, равно как и многих других догматических учений, когда это соответствует признанию неизбежных антропологических процессов в сфере европейского сознания. Но такой подход не означал нигилистического отношения к преданию, когда просветители отстаивали права человеческого разума, автономного и независимого от сакральных и мифических преданий. Французские просветители не замечали самой проблемы «историчности» предания и не были восприимчивы к метафизическим основам истории, хотя именно «в XVIII веке возник самый термин “философия истории”, который был впервые употреблен Вольтером». ¹⁷⁷ Он посвятил немало времени изучению истории, в то же время отрицая ее метафизический аспект. Очищение сознания от всего, что свидетельствовало о реальности духовного мира и его влияния на ход исторических событий, способствовало «постановке человеческого разума вне этих непосредственных тайн жизни и над ними». ¹⁷⁸

Рассматриваемое в более широкой перспективе, это очищение было необходимым диалектическим моментом в процессе выработки исторического самосознания в эпоху «самоутверждающегося, самоограниченного разума» и, говоря в духе Канта, средством достижения философского «совершеннолетия». Очищенный таким путем разум либо выпадал из духовной реальности, либо обретал силу подняться к ней, уже используя свои новые способности чистого мышления. Это делает понятной реакцию романтизма на крайности просветительской эпохи, «которая преследовала и уничтожала <...> мифы и предания исторической старины». ¹⁷⁹ Неудивительно поэтому и слепота просветителей по отношению к Средневековью, которое рисовалось им как темная, варварская эпоха, охваченная суевериями и прочими предрассудками больного, искаженного разума. Этим объясняется и резко отрицательное отношение Вольтера к византийской истории, несмотря на то что именно французские медиевисты конца XVII – начала XVIII века Дюканж,

¹⁷⁶ Бердяев Николай. Самопознание. С. 318.

¹⁷⁷ Бердяев Николай. Смысл истории. С. 12. Сочинение Вольтера «Философия истории» было опубликовано в 1765 году. Первый перевод на русский язык был запрещен в 1868 году. Новое издание «Философии истории» появилось только в 2019 году (см.: *Вольтер. Философия истории*. [М.]: URSS, 2019).

¹⁷⁸ Бердяев Николай. Смысл истории. С. 13.

¹⁷⁹ Там же.

Мабильон, Монфокон и Лекьен собрали и обработали колоссальный материал, легший в основу научной византистики¹⁸⁰ и благоприятный для менее предвзятого подхода к особенностям эпохи.

Помимо Вольтера Николай Бердяев неоднократно поминал в своих книгах Жан-Жака Руссо, отдавая должное влиянию, оказанному им на историю западноевропейской и русской культуры.¹⁸¹ Философ признавался, что «не очень любил Руссо», и его книги — в отличие от вольтеровских — казались ему «скучными, мысль его казалась лишенной остроты и силы», но не отрицал несомненных, хотя и не лишенных двусмысленности, заслуг Руссо, который — по его мнению — «много сделал для разворачивания душевной жизни человека, для возникновения новой чувствительности».¹⁸² После Руссо «появились новые души, с более сложной и свободно развернутой душевной жизнью».¹⁸³ Сама по себе проблема происхождения человеческой души принадлежала к числу наиболее важных в антропологических исследованиях Бердяева и в то же время — была одной из наименее им разрешенных. Ответы, даваемые традиционной догматикой, как, впрочем, и большинством русских мыслителей начала XX века, мало удовлетворяли, находясь в противоречии с его собственным духовным опытом.

Признавая литературные заслуги Руссо в «истории европейской души», поскольку своим творчеством писатель содействовал ее развитию и эмоциональному углублению, Бердяев находил в то же время проблематичным и даже опасным его учение «об изначально доброй природе человека, искаженной обществами и цивилизацией».¹⁸⁴ В силу неизбежного хода экзистенциальной диалектики «Руссо начинает с восстания против устройства обществ как источника всех зол, как угнетателя человека. Но кончает он тем, что заключает социальный контракт о новом устройстве общества. Это новое государство и общество по-новому будет угнетать человека».¹⁸⁵ Плоды учения Руссо Бердяев находил в «яко-

¹⁸⁰ См. об этом: *Васильев А. А.* История Византийской империи: Время до крестовых походов. СПб.: Алетейя, 1998. С. 42–44.

¹⁸¹ *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. С. 40–99. «Идейно-художественное наследие Руссо логически вплелось в развитие русской культуры» (Там же. С. 99).

¹⁸² *Бердяев Н. А.* Самопознание. С. 539–540.

¹⁸³ Там же. С. 540.

¹⁸⁴ *Бердяев Н. А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. С. 315.

¹⁸⁵ Там же.

бинстве, которое носит тоталитарный характер»,¹⁸⁶ однако такая «генеалогия» выглядит слишком прямолинейной, и он признавал, что идеи просветителя были искажены, и «можно представить ужас Руссо среди французских якобинцев».¹⁸⁷

3. Веяние Духа

3.1. Преодоленный романтизм

Наибольшее сходство с «русским культурным ренессансом» Николай Бердяев усматривал в немецком романтизме, которому предшествовал период западноевропейского Просвещения. Само понятие романтизма у Бердяева было зыбко двойственным. Под ним он имел в виду, с одной стороны, течение в искусстве начала XIX века, достигшее наибольшего и многостороннего расцвета в Германии, с другой — не связанное с точными хронологическими рамками эстетическое настроение, формирующее особый строй душевной жизни, не чуждый и ему самому, поскольку тот отвечал его врожденной потребности в трансцендировании за пределы объективированной данности «мира сего». «Правда романтизма, за которым нужно признать и много грехов, лежит <...> в устремлении к бесконечному, то есть к запредельному. <...> Правда романтиков в недовольстве конечностью и закованностью этого мира, в устремленности к тому, что лежит за пределами рационального порядка».¹⁸⁸

Такая характеристика романтизма может быть отнесена к Николаю Бердяеву, хотя не исчерпывает всей глубинной сложности его персоналистического мировоззрения и экзистенциального самопознания. В самих же романтиках философ усматривал «много лживости»¹⁸⁹ и сторонился «романтических» иллюзий, предпочитая трезво реалистическую оценку событий во внешнем мире. У Бердяева, по его собственному признанию, «не было романтического отношения к действительности, наоборот, было очень реалистическое, <...> было романтическое отношение к мечте, противоположной действительности».¹⁹⁰ В то же время

¹⁸⁶ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. С. 315.

¹⁸⁷ Бердяев Николай. Дух и сила (в составе сб. статей «На пороге новой эпохи») // Бердяев Николай. Истина и Откровение. С. 172.

¹⁸⁸ Бердяев Николай. Самопознание. С. 464.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. С. 276.

ему была антипатична консервативная критика романтизма, которую он считал «реакцией против человеческого, против экзальтации человека и человечности». ¹⁹¹ Ему стало чуждым противопоставление Ренессанса — как более высокой ступени культурного развития — готической эпохе. Он признавал, что именно «средневековая культура была уже возрождением», и «возврат к Средневековью есть возврат к более высокому религиозному типу». ¹⁹² Под влиянием катастрофического хода европейской истории в двадцатые годы минувшего столетия Бердяев признал, что ранее у него «слишком велика была <...> вера в возможность наступления новой творческой религиозной эпохи». ¹⁹³ «Мир, — писал философ, — должен пройти через варварство», ¹⁹⁴ но в то же время он ощутил близость «ночной эпохи» — «нового Средневековья» как «перехода от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа». ¹⁹⁵ Эссе «Новое Средневековье», написанное в 1923 году, через одиннадцать лет потребовало дополнения и более конкретного анализа апокалипсической смены эпох. «Наступает для мира ночь и тьма, подобно тому как было в начале образования средневекового мира, до средневекового возрождения». ¹⁹⁶ Снова произошло изменение ментальной оптики — и то, что казалось недостатком Средневековья, стало смотреться преимуществом.

Николай Бердяев оставался при этом не пассивным свидетелем перемен, происходивших тогда в умственной и художественной атмосфере, но чувствовал их в своей судьбе, менявших весь строй его внутренней жизни. На рубеже двух столетий он ощутил, что над Россией «прошло веяние Духа», и «начинается новая эра». ¹⁹⁷ Философ свободы чувство-

¹⁹¹ Там же. С. 539.

¹⁹² *Бердяев Николай*. Новое Средневековье: Размышления о судьбе России и Европы. М.: Феникс ХДС-пресс, 1991. С. 24. Первое издание: Берлин: Обелиск, 1924. Книга была переведена на многие языки и принесла Бердяеву мировую известность.

¹⁹³ *Бердяев Н. А.* Предисловие к немецкому изданию 1927 г. // *Бердяев Н. А.* Смысл творчества. С. 7.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ *Бердяев Николай*. Новое Средневековье. С. 8.

¹⁹⁶ *Бердяев Николай*. Судьба человека в современном мире: К пониманию нашей эпохи // *Бердяев Николай*. Философия свободного духа. С. 318. Первое издание: Париж: YMCA-Press, 1934. Бердяев считал, что эта книга «гораздо лучше формулирует (его) философию истории современности, чем "Новое Средневековье"» (*Бердяев Николай*. Самопознание. С. 544).

¹⁹⁷ *Бердяев Николай*. Русская идея. С. 219.

вал свою принадлежность «к поколению русского ренессанса, участвовал в его движении, был близок с деятелями и творцами ренессанса».¹⁹⁸ Осознание происходящих перемен питалось как импульсами, иррационально возникающими из глубин душевной жизни, нередко в полном противоречии с уже сложившимися убеждениями, так и творческим сопереживанием внешних влияний. Без такой питательной среды внутренние интуиции могли бы заглухнуть, не принося ожидаемых плодов в атмосфере иссушающего одиночества.

3.2. Потусторонние импульсы

Уже в изгнании, осмысляя итоги «культурного ренессанса», прерванного трагическим ходом истории, Николай Бердяев выделял философские и эстетические источники, которыми питался этот краткий расцвет духовной и художественной жизни в России. Признавая свое суждение странным даже для себя самого и, тем не менее, объективно верным, он считал одним из таких истоков марксизм конца XIX века, поскольку «в нем обнаружилось большое культурное усложнение, в нем пробудились умственные и культурные интересы, чуждые старой русской интеллигенции».¹⁹⁹ Такое «усложнение» и «пробуждение» коснулось только малой части русской интеллигенции, оказавшейся способной перейти от марксизма к идеализму и христианству. В этом смысле марксизм был не «источком», а пробным камнем, диалектически и экзистенциально вызывавшим силу противодействия и отталкивания. Гораздо более существенным был другой «источник умственного ренессанса» — немецкая идеалистическая философия. Здесь прежде всего Бердяевым отмечалось благоприятное влияние Шеллинга, который «всегда был в значительной степени русским философом», и «русской религиозной философии XIX века, к традициям которой произошел возврат»,²⁰⁰ хотя его собственную мысль, как он считал, было «легче понять из Канта и Шопенгауэра, чем из Гегеля и Шеллинга».²⁰¹ Но главным для него оставалось влияние Достоевского, усиленное чувством принадлежности «к русской интеллигенции, искавшей правду».²⁰²

¹⁹⁸ Бердяев Николай. Русская идея. С. 235.

¹⁹⁹ Бердяев Николай. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» // Бердяев Николай. Типы религиозной мысли в России. С. 687.

²⁰⁰ Там же. С. 693.

²⁰¹ Бердяев Николай. О рабстве и свободе человека. С. 5.

²⁰² Бердяев Николай. Самопознание. С. 255.

«Другой исток культурного ренессанса начала века был литературно-эстетический».²⁰³ Ни один из них не был связан напрямую со стремлением возродить античную культуру, не стал хотя бы в малой степени наминающим усилия итальянских гуманистов XIV—XV веков. Импульс, действовавший в Серебряном веке, побуждал «новые души» к аргонавтическому открытию «новых берегов», и менее всего они томились романтической тоской по миновавшим эпохам; хотя, с другой стороны, именно в это время у них повысилась восприимчивость к сокровищам прошлого в степени, еще неведомой в отечественной культуре. В символизме, как наиболее характерном явлении русского ренессанса, Андрей Белый усматривал попытку «осветить глубочайшие противоречия современной культуры цветными лучами многообразных культур».²⁰⁴ В новом искусстве проявилось стремление «создать новое отношение к действительности путем пересмотра серии забытых мирозерцаний».²⁰⁵

Николай Бердяев непосредственно участвовал в рискованном творчестве «ренессансного» типа русской культуры и переживал его на экзистенциальном уровне, отмечая две стороны этого процесса: внутреннюю и внешнюю. Главным было его «первичное мироощущение», «изначальное видение мира»,²⁰⁶ которое и предопределило весь философский путь Бердяева. Однако в этом чисто субъективном факторе можно обнаружить действие трансубъективных духовных импульсов. Если бы дело заключалось только в появлении в начале XX века большого числа щедро одаренных философов, писателей и художников, то само по себе это еще не дало бы права обозначить этот период как Ренессанс — достаточно охарактеризовать его как неожиданный и мало обоснованный расцвет русской культуры в крайне неблагоприятной исторической ситуации; но представляется, тем не менее, возможным говорить о Ренессансе, открывая в нем действие импульсов, идущих из духовного мира.

²⁰³ *Бердяев Николай.* Русский духовный Ренессанс начала XX века и журнал «Путь». С. 689.

²⁰⁴ *Белый Андрей.* Эмблематика смысла // *Белый Андрей.* Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л. А. Сугай. М.: Республика, 1994. С. 26.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ *Бердяев Николай.* О рабстве и свободе человека. С. 5.

Михаил Кузмин — переводчик «Илиады» Гомера

Новое обращение к поэме Гомера, предпринятое Михаилом Кузминым¹ более века спустя после выхода в свет полного издания «Илиады» в переводе Н. И. Гнедича (1829 г.) и тридцать лет спустя после публикации нового перевода Н. М. Минского (1896 г.), по идее должно было стать литературным событием и найти живой отклик у современников — как у специалистов в области античной литературы и культуры, так и среди широкой читающей публики. Последнее было бы вполне ожидаемо, учитывая богатую традицию переводов гомеровских поэм, существовавшую в России начиная с середины XVIII в.,² а также тот факт, что переведенный Кузминым отрывок из «Илиады» — сцена прощания Гектора с Андромахой — был опубликован в одном из наиболее популярных литературно-критических журналов той эпохи.³ Однако в силу определенных причин этого не случилось. Более того, настоящий перевод до сих пор остается из-

¹ Обстоятельства появления этого перевода известны мало. В кратком предисловии к публикации Кузмин говорит только, что взялся за эту работу по совету С. Я. Маршака, — работу, пишет он, «увы, не полную», но «доставившую мне на долгое время самые чистые и плодотворные радости» (см.: *Кузмин М.* Несколько слов о переводе // *Звезда*. 1933. № 6. С. 71). По всей видимости, в 1930-х гг. планировалось новое издание «Илиады», которая, по давней сложившейся в России традиции, должна была быть переведена отчасти прозой (А. Пиотровским), а отчасти стихами (М. Кузминым). Однако этот проект осуществлен не был.

² *Езунов Н. И.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л.: Наука, 1964.

³ *Кузмин М.* Прощание Гектора с Андромахой: Перевод из «Илиады» Гомера // *Звезда*. 1933. № 6. С. 69—73.

вестным лишь узкому кругу специалистов, занимающихся изучением творчества Михаила Кузмина (в отличие, например, от хорошо известного широкому читателю перевода Апулея⁴).⁵

Не слишком счастливой оказалась судьба и многих других переводов Кузмина, выполненных им с различных языков, хотя в последние годы жизни он довольно много переводил по заказу государственных издательств — как поэзию, так и прозу.⁶ В 1920—1930-х годах Кузмина практически перестают публиковать (после сборника «Форель разбивает лед» (1929 г.) из печати не вышло ни одного его оригинального стихотворения),⁷ поэтому он, как и многие его коллеги по цеху, все свои творческие силы отдавал переводческой работе.⁸ В это время Кузмин напряженно работает над переводами Сервантеса (в первом издании «Дон Кихота» ему принадлежала примерно половина от общего объема стихотворного текста), драм и сонетов Шекспира, поэмы Байрона «Дон Жуан», поэзии Бёрдсли, а также произведений других крупных представителей западноевропейской литературы. Однако из всего этого многообразия при жизни переводчика была опубликована лишь незначительная часть.⁹ Так, из восьми драм Шекспира, переведенных Кузми-

⁴ В советское время этот перевод печатался под реакцией С. П. Маркеша и А. Я. Сыркина, однако в 1988 г. вышло новое издание романа, воспроизводящее первоначальный текст Кузмина, опубликованный в 1929 г. (см.: *Апулей. «Метаморфозы» и другие сочинения.* М.: Художественная литература, 1988).

⁵ Отчасти это связано с тем, что с момента первой публикации он несколько десятилетий нигде не перепечатывался. Впервые републикация отрывка была осуществлена в издании: *Кузмин М.* Проза. Том XI: Критическая проза / Под ред. В. Маркова, А. Тимофеева и Ж. Шерона. Berkeley: Berkley Slavic Specialties, 2000. С. 402—408.

⁶ В частности, Сервантеса, Шекспира, Байрона, Бёрдсли, А. Франса, А. де Ренье, Гете, Брехта и др.

⁷ Как пишет А. Н. Богомолов, «после этого практически лишь узкий кружок друзей, в который входили поэт А. Введенский, прозаик и филолог-классик А. Егунов, искусствовед В. Петров и некоторые другие, преданно слушал Кузмина. Во внешнем же мире он чаще всего представлял или в облике переводчика, или — еще чаще — человека прошлой литературной эпохи, и вряд ли кто задавался вопросом, жив ли он на самом деле. Новая литература решительно отторгала его» (см.: *Богомолов Н. А.* Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 67).

⁸ *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб.: Вита Нова, 1995. С. 441; 474—480.

⁹ Остальные переводы Кузмина после его смерти были переданы в архив (это фонды РГАЛИ (ф. 232), РНБ, ЦГАЛИ СПб, ИМЛИ, ГЛМ и ИРЛИ).

ным по заказу издательства «Academia», при его жизни был издан только «Король Лир» (1934 г.).¹⁰ Остальные семь («Укрощение строптивой», «Бесплодные усилия любви», «Много шуму попусту», «Два веронца», «Веселые виндзорские кумушки», «Буря» и две части «Короля Генриха IV» — совместно с В. Морицем) увидели свет гораздо позднее. Из «Дон Жуана» Байрона в переводе Кузмина было напечатано всего две песни (1935 г.), а оставшаяся часть перевода (ввиду резко отрицательной рецензии Д. П. Мирского)¹¹ была возвращена автору на доработку, которая не была осуществлена вследствие его скорой кончины. Что же касается переводов сонетов Шекспира, то они считаются полностью утраченными.¹² Не повезло Кузмину и с Сервантесом. В вышедшем в 1951 г. издании романа в переводе Н. Любимова, считающемся ныне классическим, поэтические переводы Кузмина были заменены другими, заново выполненными М. Лозинским.¹³ Та же участь постигла и его поэтические переводы из «Декамерона» Боккаччо, над которыми Кузмин работал совместно с Лозинским в 1927 г. Очевидно, это было вызвано не только идеологическими причинами, но и стремлением издателей соблюсти единство переводческих принципов, за которыми оказалось будущее русской переводной литературы. Таким образом, следует признать, что на становление отечественной школы художественного перевода, пришедшее как раз на первую треть XX века, переводческая деятельность Кузмина (несмотря на его широкую образованность, блестящий талант и безупречный литературный вкус) сколько-нибудь значительного влияния не оказала.¹⁴ Да и в целом эта сторона его творчества довольно поздно стала предметом специального внимания.¹⁵

¹⁰ Богомолов Н. А. «Трагедия о Короле Лире» в переводе Михаила Кузмина: История создания, документальная хроника // Новый мир. 2015. № 5. С. 171–184.

¹¹ Позднейшее переиздание: *Святополк-Мирский Д.* «Дон Жуан» Байрона: Перевод М. А. Кузмина // *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи. СПб.: Алетейя, 2002. С. 216–221.

¹² Богомолов Н. А. Михаил Кузмин. С. 49.

¹³ До этого поэтические части романа в течении 20 лет печатались в переводах М. Кузмина и М. Лозинского.

¹⁴ Багно В. Е., Сухарев С. Л. Михаил Кузмин — переводчик // XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы. СПб.: Наука, 2006. С. 148–149.

¹⁵ *Гаспаров М. Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана» // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1988. № 4. С. 359–367; *Лыкова Т. А., Северцева О. В.* Переписка А. Г. Габричевского и М. А. Кузмина: К истории издания юбилейного собрания сочинений И. В. Гёте (1929–

Причина не слишком счастливой судьбы переводов Кузмина заключается, как кажется, не только в неблагоприятно складывавшихся внешних обстоятельствах,¹⁶ но в значительной мере в самом подходе Кузмина к переводу как таковому — в его так называемых переводческих стратегиях и принципах, которые не раз подвергались критике, порою довольно резкой, со стороны его коллег-переводчиков.¹⁷ Так, в своей рецензии на перевод «Короля Лира» К. И. Чуковский возмущенно упрекал Кузмина в «искажении текста» Шекспира, в частности, в нарушении им «гладкости и текучести стихотворной речи» подлинника, в результате чего шекспировский стих превращается у него «в некоторое подобие прерывистого собачьего лая». Более того, за свою чрезмерную точность и формализм Кузмин характеризуется в этой рецензии как «слабый переводчик Шекспира».¹⁸ Не столь категоричным, но столь же неутешительным был позднейший отклик на этот перевод А. А. Смирнова, коллеги Кузмина по издательству «Academia»: «Вследствие чересчур педантичного соблюдения эквиритмии в переводах М. Кузмина речь становится иногда слишком отрывочной и эллиптической, синтаксис —

1932) // Литературное обозрение. 1993. № 11/12. С. 58–75; *Дмитриев П. В.* «Академический» Кузмин // RS: Russian Studies. 1995. Т. 1, № 3. С. 142–235; *Garzonio S.* Kuzmin traduttore di Trediakovskij // *Garzonio S.* Gli orizzonti della creazione: studi e schede di letteratura russa. Bologna: Pàtron, 1992. P. 147–158; *Donat S.* «Es klang aber fast wie deine Lieder...»: Die russischen Nachdichtungen aus Goethes «West-östlichem Divan». Göttingen: Wallstein, 2002; *Ратгауз Г. И.* Гёте в русской поэзии XX века // Гёте в русской культуре XX века / Отв. ред. Г. В. Якушева. М.: Наука, 2004. С. 52–55; *Багно В. Е.* Михаил Кузмин — переводчик «Дон Кихота» // *Багно В. Е.* Русская поэзия Серебряного века и романский мир. СПб.: Гиперион, 2005. С. 184–195; *Багно В. Е., Сухарев С. Л.* Михаил Кузмин — переводчик. С. 147–183.

¹⁶ Немалую роль в этом сыграло стесненное материальное положение Кузмина, вынуждавшее его брать от издательств помногу заказов на переводы и работать буквально на износ (соответственно, не всегда качественно), а также его последующая болезнь и преждевременная смерть (см.: *Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э.* Михаил Кузмин. С. 475).

¹⁷ Речь идет, в частности, о выпадах К. И. Чуковского против Кузмина и его перевода «Короля Лира» во время выступления на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (30 августа 1934 г.): *Бурлешин А. В.* «...Интересно иметь у себя такую ответственную работу...» (Рецензия на статью: *Багно В. Е., Сухарев С. Л.* Михаил Кузмин — переводчик) // Новое литературное обозрение. 2009. № 1. С. 335–347.

¹⁸ *Чуковский К. И.* Искраженный Шекспир // Правда. 1934. 12 августа. С. 3. Год спустя эта же рецензия была напечатана в другой газете уже в значительно расширенном виде: *Чуковский К. И.* Единоборство с Шекспиром: Новый «Гамлет», новая «Буря» и новый «Сон в летнюю ночь» // Красная новь. 1935. № 1. С. 182–196.

тяжелым и в некоторых случаях даже непонятным. <...> Безусловной творческой неудачей покойного поэта является его перевод «Короля Лира».¹⁹ По поводу кузминского «Дон Жуана» В. М. Жирмунский, бывший литературным редактором этого перевода, высказался так: «Перевод сделан большим поэтом, мастером русского стиха, но — мастером, очень несозвучным оригиналу. Кузмин переводит в основном довольно точно, — но в другом стиле, в свойственном ему стиле интимной *causerie*, с капризными изломами синтаксиса разговорной речи, умолчаниями, делающими движение мысли не до конца понятным, — отсутствует мужественная грубоватость, прямолинейный рационализм байроновского стиля».²⁰

В 1927—1828 годах Кузмин участвовал в другом крупном издательском проекте — в подготовке 13-томного юбилейного издания собранных сочинений Гете (к 100-летию со дня смерти поэта), к которой он был привлечен в качестве переводчика наряду с М. Лозинским, Вяч. Ивановым, С. В. Шервинским и др. Однако вскоре после выхода (в 1933 г.) два первых тома этого издания подверглись резкой критике, и главным образом — за «принципы перевода», которым следовал весь коллектив переводчиков, стремившихся к «семантически точному переводу».²¹ Хотя имя Кузмина нигде отдельно не упоминалось, однако несоответствие его переводческих принципов, основанных на традициях Серебряного века, идеологическим установкам и новым требованиям эпохи (это издание должно было стать «первым опытом воссоздания и критической переработки культурного наследия Гете на советской почве»),²² не вызывает никаких сомнений. В своей рецензии на «Короля Лира» Чуковский мимоходом касается и этого издания Гете как примера пренебрежения «художественно-поэтической верностью» перевода в угоду «точности», а также говорит о колоссальном, по его мнению, «ущербе», нанесенном этим советскому читателю.

Хотя мы располагаем далеко не полными сведениями об отзывах современной Кузмину критики на работы последнего в области художественного перевода, логично предположить, что подобного рода упреки и обвинения могли касаться и других его переводческих проектов. Неудивительно, что некоторые из них так и остались нереализованными или же не были доведены им до конца. Не следует недооценивать и кри-

¹⁹ Смирнов А. А. Советские переводы Шекспира // Шекспир. 1564—1939: Сб. ст. Л.; М.: Искусство, 1939. С. 167—168.

²⁰ Багно В. Е., Сухарев С. Л. Михаил Кузмин — переводчик. С. 167—168.

²¹ Лыкова Т. А., Северцева О. В. Переписка А. Г. Габричевского и М. А. Кузмина. С. 59.

²² Гёте // Литературное наследство. 1932. № 4—6. С. 1054—1055.

тические отзывы на перечисленные выше переводы Кузмина. Очевидно, что замечания, высказывавшиеся такими вполне лояльными к нему коллегами, как Жирмунский и Смирнов, носили вполне объективный и непредвзятый характер. Более того, детальное изучение значительной части переводческого наследия Михаила Кузмина, осуществленное недавно В. Е. Багно и Е. Л. Сухаревым,²³ показывает, что «при всей их серьезности, масштабности и высоком уровне профессионализма названные переводческие труды Кузмина остаются во многих отношениях спорными».²⁴

Особый интерес в связи с этим представляет единственный перевод Кузмина, выполненный им с древнегреческого языка, — упоминавшийся выше отрывок из шестой песни «Илиады» (ст. 370—502).²⁵ Интересен и сам выбор им для перевода этого отрывка, к которому не раз обращались переводчики XIX века, включая Карамзина и Жуковского.²⁶ Свои задачи как переводчика Кузмин изложил в предваряющей журнальную публикацию статье «Несколько слов о переводе», где он обосновывает свое обращение к Гомеру необходимостью нового прочтения величайшего древнегреческого поэта с позиций сегодняшнего времени: «Стилистические особенности перевода, — пишет Кузмин, — тесно связаны с важнейшими вопросами о множестве жизней, проживаемых великими произведениями (потому они и великие) в каждую эпоху по-разному, о необходимости от времени до времени пересмотра мирового запаса литературы и установления новой точки зрения о пригодности для нашей эпохи Гомера (так, бывают такие эпохи, когда часть литера-

²³ Речь идет о переводах Кузмина с испанского и английского языков.

²⁴ Багно В. Е., Сухарев С. Л. Михаил Кузмин — переводчик. С. 183.

²⁵ Известно, что еще раньше Кузмин планировал переводить Аристофана для издательства М. и С. Сабашниковых, по поводу чего заключил с ними договор, однако по неизвестной причине этот перевод выполнен не был (см.: Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. С. 224).

²⁶ Перевод сцены прощания Гектора с Андромахой был сделан Карамзиным александрийским стихом и издан в 1796 г. в сборнике «Аониды, или Собрание новых стихотворений». Перевод того же отрывка (в числе других отрывков из «Илиады») Жуковского, выполненный по немецким переводам Фосса и Штольберга, появился в журнале «Северные цветы» за 1829 год даже раньше выхода в свет полного издания поэмы в переводе Гнедича. При этом С. П. Шестаков (см.: Шестаков С. П. В. А. Жуковский как переводчик Гомера // Чтения в Обществе любителей русской словесности при Казанском университете. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. С. 12—13) отмечает, что перевод Жуковского носит явные следы знакомства с переводом Гнедича — вероятно, еще в рукописном варианте. Подробнее об этих переводах см.: Егунов Н. И. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 121—126; 331—334.

туры в р е м е н н о затмевается, чтобы снова появиться потом. Так было с Шекспиром в XVIII веке) и т. п. Я считаю, что перевод Гнедича всецело лежит еще в XVIII веке, когда на “Илиаду” смотрели как на образец искусственной поэмы (ставили рядом с “Энеидой”), благородно, торжественно и отвлеченно рисующей деяния богов и быт героев. У Гнедича явная архаизация и стилизация. Это тем более заметно, что церковно-славянский язык никогда не был языком живым и выдуман Кириллом и Мефодием для объединения болгар, сербов, русских и т. п. Если бы эта архаизация была в сторону живой старорусской речи (“Слово о полку Игореве”), это еще можно было бы понять, но “лилейнораменные” и т. п. — так никогда не говорили ни русские, ни болгары, ни сербы. Это чистейшая абстракция и литература». ²⁷ Далее Кузмин излагает свое видение того, как нужно переводить Гомера: «Для меня же “Илиада” — живой и простой рассказ о племени и людях, всё благородство и “царственность” которых заключается в их органичности, свободе и простоте, как движения полинезийских дикарей. Мне хотелось достигнуть простоты, торжественности и суровой нежности, достойных этих органических натур». ²⁸

Эта позиция Кузмина по отношению к переводу Гомера весьма созвучна тем взглядам, которые он выказывает в предисловии к своему переводу «Короля Лира», тем более что над обоими переводами он работал практически одновременно: «Почему нас не удовлетворяют и никак не могут удовлетворить старые переводы Шекспира? Потому ли, что они не точны, тяжело звучат, не художественны? Нет. Они достаточно точны, звучат гладко (даже иногда слишком гладко) и представляют зачастую незаурядное художественное явление. Почему же теперь ими невозможно пользоваться, даже подвергнув их техническим исправлениям? Потому что с изменением взгляда на творчество Шекспира изменились и требования, предъявляемые к передаче его словесного материала. <...> С тех пор, как из-под идеалистических покровов XIX века, наброшенных на драматургию Шекспира, выступает реальный, живой и конкретный человек Елизаветинской эпохи, — потребовались совсем другие слова и выражения вместо идеалистически-отвлеченных, обезвреженных, интеллигентски-рассудительных речений, которыми передавали, с их точки зрения совершенно правильно, — Шекспира прежние переводчики, как бы боявшиеся живыми или “подлыми” словами оскорбить величие классика». ²⁹ Вслед за этим Кузмин излагает основ-

²⁷ Кузмин М. А. Несколько слов о переводе. С. 70.

²⁸ Там же.

²⁹ Кузмин М. От переводчика // Шекспир В. Трагедия о короле Лире / Пер. М. Кузмина, под ред. С. Динамова и А. Смирнова. М.; Л.: Academia, 1936. С. VII—VIII.

ные, на его взгляд, требования к современному переводу Шекспира: «Итак, первое требование от языка перевода: конкретность, вещность образов и выражений, полнозвучность и насыщенность. Не прибегать к смягчениям и замазываниям, хотя бы для современных ушей выражения и казались грубыми и резкими».³⁰

Упрек, высказанный Кузминым в адрес прежних переводчиков Шекспира, отсылает к так называемому «спору древних и новых» о Гомере, разгоревшемуся в XVII—XVIII вв. на Западе. Этот спор начался с высказанной еще Скалигером (1561 г.) мысли о необходимости для переводчиков «облагораживать» текст Гомера, адаптируя его к мировоззрению «просвещенного» читателя.³¹ В Новое время переводчики и издатели Гомера продолжали задаваться вопросом о том, нужно ли избегать всего низкого и «подлого» в описаниях Гомера, что не соответствует эстетическим вкусам публики. С отголосками этого спора, еще ощущавшимися в начале XIX в., пришлось столкнуться и Н. И. Гнедичу: несмотря на свое стремление к точности и установку на «реализм» в передаче Гомера, он всё же был вынужден в той или иной мере считаться со вкусами литературных гостиных.³² Так, в своем «Предисловии» к изданию «Илиады» Гнедич просит «не осуждать, если какой-либо оборот или выражение покажется странным, необыкновенным, но прежде сверить с подлинником или вспомнить, что и самые предметы, в “Илиаде” изображаемые, многие для нас чужды, странны. Для перевода такой поэмы <...> невозможно и не должно было ограничиваться языком гостиных и скудными еще нашими словарями».³³

Однако Кузмин, в отличие от Гнедича, не видел никакой проблемы в «русификации» и «модернизации» художественных произведений прежних эпох. Более того, в письме к А. Г. Габричевскому, вместе с которым он работал над переводами стихотворений Гете для уже упоминавшегося юбилейного собрания его сочинений, Кузмин писал

³⁰ Там же.

³¹ Отрицательная оценка, данная Скалигером поэзии Гомера как еще во многом «детской», несовершенной и необработанной — в сравнении с позднейшей более утонченной и изысканной поэзией Вергилия, более чем на два века определила отношение к Гомеру в Европе. Достаточно вспомнить о подобных взглядах Шарля Перро, высказанных им в «Параллели между древними и современными» (1687 г.), или суждениях Пьера Бейля, автора знаменитого «Исторического и критического словаря» (1697 г.).

³² См.: *Егунов Н. И.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 210—211; 229—231; 244—246; 275—276.

³³ *Гнедич Н. И.* Предисловие // Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем: [В 2 ч.]. СПб.: Тип. Имп. Рос. акад., 1829. Ч. 1. С. IX.

о необходимости «модернизации Шекспира, Гомера и Гете», т. е. таких «памятников литературы», которые «имеют не только историческое значение» и «подход к которым изменяется с течением времени». ³⁴ Под «русифицированием» он понимал, в том числе, замену «устарелых, редких и вновь введенных слов» оригинала «соответствующими на русском языке», однако без впадения «в тот стиль, который и для русского уха звучит “русским стилем”». ³⁵

Анализируя свой метод работы над переводом «Короля Лира», Кузмин признается, что иногда ему «приходилось сознательно отступать от полной точности для спасения чего-нибудь другого, что казалось <...> более важным». ³⁶ Важным, например, Кузмин считал соблюдение принципа эквилинеарности или, как он выражается, «сохранения рисунка», чем нередко поступались прежние переводчики. «Нам же, — говорит Кузмин, — приходится для сохранения формы Шекспира жертвовать кое-какими элементами синтаксического построения, отчего речь получается, конечно, более сжатая, чем должна была бы быть». ³⁷ Особенно часто Кузмин жертвовал местоимениями, что в некоторых случаях не могло не сказываться на ясности всего изложения. ³⁸ Сознывая этот недостаток своих переводов, Кузмин, однако, оправдывает его «невозможностью втиснуть в десятисложную строку достаточное количество русских длинных слов (трех- и четырехсложных), необходимых для передачи коротких односложных английских слов». «Нельзя же, — восклицает он, — переломать слова и фразу и впихнуть обломки в стих, как публику в трамвай, да еще делать <вид>, что это вполне естественно». ³⁹

Еще более ясно свое понимание «точности» перевода — главным образом, стихотворного — Кузмин сформулировал в приводившемся выше письме к Габричевскому от 15 января 1930 г.: «Следует принимать во внимание, — пишет Кузмин, — важнейшее обстоятельство — природу стиха. Перед ней может и должна отступать и смысловая и речевая

³⁴ Лыкова Т. А., Северцева О. В. Переписка А. Г. Габричевского и М. А. Кузмина. С. 63.

³⁵ Там же. В этих словах Кузмина нетрудно усмотреть сходство с той оценкой, которую он дает переводу Гнедича, критикуя его за «архаизацию и стилизацию» языка.

³⁶ Кузмин М. От переводчика. С. VIII.

³⁷ Там же.

³⁸ На этот недостаток переводов Кузмина указывал, в частности, Чуковский (см.: Чуковский К. И. Искусство перевода. М.; Л.: Academia, 1936. С. 128).

³⁹ Там же.

точность. Размер — обязательно точен (никаких замен). Количество строк — обязательно. Чередование рифм — обязательно. Качество рифм (и вообще окончаний без рифм) — мужские, женские, дактилические — обязательно. Переносы фразы в другую строку — желателно совпадение. Цезуры — обязательны (возможен некоторый сдвиг, но наличие их обязательно). Звуковые эффекты (аллитерации, консонансы и т. п.) — желательны (хотя бы и не на тех же буквах). Соблюдение образов — желателно (особенно не желателна замена одного образа другим). Но главное, размер, количество строк и чередование рифм точного качества. При этих условиях не всегда возможна смысловая и речевая точность, которая может отступить на второй план». ⁴⁰ Таким образом, пренебрежение точным смыслом (часто на уровне выбора слов и построения фраз) ради соблюдения формальной точности становится у Кузмина важнейшим и основополагающим принципом перевода, которому он более или менее последовательно следовал на практике. Однако, по замечанию Багно и Сухарева, «подобная практика, служившая характерной приметой переводческого стиля Кузмина, применялась им (особенно в переводах Шекспира и Байрона) слишком широко», что отнюдь не шло на пользу его переводам. ⁴¹

Нечто подобное мы наблюдаем и в отношении перевода отрывка из «Илиады» Гомера. Прежде всего, следует отметить, что Кузмин довольно свободно обращается здесь с поэтическим синтаксисом, зачастую весьма произвольно передавая на русский язык гомеровские конструкции и обороты — в отличие, например, от Гнедича, который там, где это возможно, обычно сохраняет структуру гомеровской фразы, включая широкое применение приема *anjabement*. Так, в самом начале речи Андромахи к Гектору (ст. 404) у Гомера читаем: «Погубит тебя твой гнев / злоба / ярость» («φθίσει σε τὸ σὸν μένος»). Кузмин и Гнедич переводят эту фразу по-разному:

Гнедич   ...губит тебя твоя храбрость!

Кузмин   Ты... сам себя губишь своею отвагой.

Перевод Гнедича (за исключением времени глагола) приближается к подлиннику. Кузмин же не только изменяет время глагола, но и меняет местами объект и субъект, что в значительной степени искажает смысл фразы. У Гомера «гнев» (*μένος*) (Гнедич переводит его как «храбрость») носит роковой, почти экзистенциальный характер, становясь

⁴⁰ Лыкова Т. А., Северцева О. В. Переписка А. Г. Габричевского и М. А. Кузмина. С. 63.

⁴¹ Багно В. Е., Сухарев С. Л. Михаил Кузмин — переводчик. С. 176.

как бы отдельной, самостоятельной сущностью, не подвластной самому Ахиллу. В переводе же Кузмина этот момент сглажен: субъектом действия у него является сам Ахилл, который, словно капризный ребенок, не может или не хочет совершить над собой усилие, чтобы обуздать гнев. Похожая ситуация наблюдается и в ст. 435—439, где об ахейцах сказано, что, обнаружив место, в котором стена Трои защищена хуже всего, «трижды там, наступая, пытались <прорваться> лучшие <из воинов>» («τρίς γὰρ τῆγ' ἐλθόντες ἐπειρήσανθ' ἄριστοι»). И далее у Гомера говорится, что сообщил им об этом, вероятно, кто-то из прорицателей, «а может, и собственный дух их туда побудил и направил» («ἢ νῆ καὶ αὐτῶν ἐποτρύνει καὶ ἀνώγει»). Сравним переводы:

Гнедич   Трижды туда приступая, на град покушались герои,
<...>
Или, быть может, самих устремляло их вешее сердце.

Кузмин   Враг уже раза три пытался проникнуть в том месте...
<...>
Или же сами в сердцах своих о том догадались.

Во-первых, Кузмин исключает из перевода (судя по всему, как избыточное) греческое причастие «наступающие» (ἐλθόντες), которое сохранено у Гнедича, и произвольно заменяет гомеровский эпитет ахейцев «лучшие» (ἄριστοι) (у Гнедича — «герои») на далекое от оригинала «враг», придавая тем самым словам Гектора более экспрессивный характер. А во-вторых, как и в рассмотренном выше стихе о гневе, Кузмин меняет здесь местами объект и субъект, что опять-таки искажает смысл всей фразы. Так, греческое слово «дух» (θυμός) (в переводе Гнедича — «сердце») в соответствии с представлениями гомеровской эпохи, в отдельных случаях еще носящими следы анимизма, означает некое вместилище жизненных, в частности, чувственно-интеллектуальных сил человека. Это значение отчасти сохраняется в переводе Гнедича, в то время как Кузмин произвольно переделывает гомеровскую фразу на современный манер: «сами в сердцах <...> догадались», оставляя слово «сердце» лишь как дань формальной точности.

Далее Андромаха говорит Гектору (ст. 410—411): «Но лучше мне было бы, / тебя лишившейся, в землю сойти...» (ἐμοὶ δὲ κὲ κέρδιον εἶη, / σεῦ ἀφαρταρούσῃ, χθόνα δόμεναι). В переводах читаем:

Гнедич   ...а тобою покинутой... / Лучше мне в землю сойти...

Кузмин   ...а мне так отрадней / было бы в землю сойти, чем мужа лишиться...

Как видим, Гнедич точно передает синтаксическую структуру предложения с причастием в *Dat. S.*, используя причастный оборот, в то время как Кузмин ее полностью перестраивает, вводя здесь сравнительный оборот, которого нет у Гомера.

Еще один похожий пример находим в следующей фразе Андрوماхи, которая объясняет ее желание умереть, если Гектор погибнет (ст. 411—412): «Ибо другой / <мне> не будет отрады, если ты столкнешься с роком / злой судьбой / гибелью» (οὐ γὰρ ἔτ' ἄλλη / ἔσται θάλλωρή, ἐπεὶ ἄν σὺγε πότμον ἐπίσπῃς):

Гнедич   ...никакой мне не будет отрады / Если, постигнутый роком, меня ты оставишь...

Кузмин   Какое / В жизни мне будет тепло, когда тебя гибель постигнет!

Хотя перевод Гнедича подвергается здесь некоторому расширению (для усиления патетического элемента добавлены слова «меня ты оставишь»), однако ему всё же удастся сохранить подлинную интонацию Андрوماхи, слова которой представляют собой горькое утверждение. Кузмин заменяет это утверждение риторическим вопросом, что придает всей фразе несколько театральный эффект.

Как попытку Кузмина придать переводу больше экспрессии следует рассматривать то место из речи Андрوماхи (ст. 431—432), где она просит Гектора остаться дома и не принимать участие в битве: «Но сжался теперь и останься здесь, на башне, / Чтобы сына не сделать сиротой, а жену — вдовою» («ἀλλ' ἄγε νῦν ἐλέαιρε, καὶ αὐτοῦ μίμν' ἐπὶ πύργῳ, / μὴ παῖδ' ὀρφανικὸν θήης, χήρην τε γυναικα»). Ср.:

Гнедич   Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне,
Сына не сделай ты сирым, супруги не сделай вдовою...

Кузмин   Сжался теперь надо мной, останься с нами на башне,
Чтобы сироткою сына не сделать, останься с нами на башне!

И выше (ст. 429):

Гнедич   Гектор, ты всё мне теперь — и отец, и любезная мать...

Кузмин   Гектор, ты мне и отец, и мать для меня ты, Гектор...

В обоих случаях Кузмин использует здесь прием повтора, который не только стилистически чужд Гомеру, но и носит следы явного влияния

сентиментально-романтической поэзии (примерно в таком ключе переводил этот отрывок Карамзин).⁴²

По той же причине появляется в переводе Кузмина и специфическое междометие «ах», нарушающее стилистику греческого оригинала. Так, Андромаха говорит Гектору об Ахиллесе: «Ибо отца моего убил боже-ственный / блистательный / славный) Ахиллес» («ἤτοι γὰρ πατέρ' ἄμὸν ἀλέκτανε δῖος Ἀχιλλεύς») (ст. 414). В переводах читаем:

Гнедич Старца отца моего умертвил Ахиллес быстроногий...

Кузмин Ах, убил отца моего Ахилл боговидный...

В ответной речи Андромахе Гектор, отклоняя просьбу супруги, напоминает ей о том, что всегда храбро сражался в первых рядах троянцев, «отстаивая великую славу отца и свою собственную» («ἀρνύμενος πατρός τε μέγα κλέος ἦδ' ἐμὸν αὐτοῦ») (ст. 446). Сравним перевод Гнедича, близко держащегося оригинала, с переводом Кузмина:

Гнедич Славы доброй отцу и себе самому добывая!

Кузмин Множа отцовскую славу и вместо себя прославляя.

В переводе Кузмина не только пропущен важный эпитет «великая» (слава) и добавлено деепричастие (служащее, судя по всему, цели метрического заполнения строки), но и полностью искажен смысл сказанного: Гектор прославляет у него не себя вместе с отцом, как у Гомера, а отца — вместо себя. Причина подобного искажения текста непонятна.

В другом месте речи Гектор, оплакивая будущую участь Андромахи в плену, говорит, что она будет ткать чужеземной хозяйке полотно и носить воду от источников, «весьма того не желая, но заставит жестокая судьба / необходимость» (ἀνάγκη) (ст. 458). Кузмин, в отличие от Гнедича, передает последнее предложение деепричастным оборотом, ослабляя тем самым эмоциональный эффект от слов Гектора, напоминающего Андромахе о неумолимости судьбы / рока — одного из важнейших понятий в системе религиозных представлений древних греков.

Гнедич С ропотом горьким в душе; но заставит жестокая нужда!

Кузмин Сердце скрепя, подчиняясь неволью безрадостной доле.

Примеров пропуска слов, в частности эпитетов, в переводе Кузмина также немало. Следует отметить, что этим недостатком страдали многие

⁴² Егунов Н. И. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 121—124.

переводчики Гомера начиная с Ломоносова.⁴³ Однако у Гнедича сохранение и по возможности точная передача гомеровских эпитетов стали одним из важнейших принципов поэтики перевода, что, безусловно, сделало его высокохудожественным явлением — одним из лучших достижений русской переводной литературы. Кроме того, в подобной скрупулезности и тщательности впервые сказался подлинно научный, филологический подход к переводу Гомера. На этом фоне довольно свободное обращение Кузмина с гомеровским текстом выглядит как явный недостаток перевода. Нередко переводчик (вероятно, из соображений метрики) сознательно жертвует эпитетами, подобно тому как в случае с Шекспиром и Байроном он жертвовал местоимениями и другими словами, казавшимися ему не такими важными.⁴⁴ Приведем несколько примеров. Так, в ст. 408 у Кузмина опущен эпитет «малолетний» (νηπί-αχος): «Видно, не жалко ни сына тебе, ни меня, горемычной» (ср. у Гнедича: «...ни сына / Ты не жалеешь *младенца*, ни бедной матери...»); в ст. 413 выражение «почтенная мать» (λόγνια μήτηρ) передано одним словом: «Ведь нет у меня ни отца, ни родимой» (ср. у Гнедича: «Нет у меня ни отца, ни матери *нежной!*»); в ст. 415 пропущен эпитет «благоустроенный / густонаселенный / процветающий» (εὐναετῶν): «город родной Киликийцев сравнял он с землею» (ср. у Гнедича: «град разорил киликийских народов *цветущий*»); в ст. 424 — эпитеты «медлительные» (εἰλόπεδες) и «белый / белоснежный» (ἀργεῖνοι): «из-за быков да из-за овец затеявший ссору» (ср. у Гнедича: «В стаде застигнув *тяжелых* тельцов и *овец* белоруных»); в ст. 461 — эпитет троянцев «укрошающие коней» («ἰπλόδαμοι): «Гектора это жена, был в сраженьях воителем первым / Он среди войска Троянцев» (ср.: у Гнедича: «Гектора это жена, превышавшего храбростью в битвах / Всех *конеборцев* троян») и т. д. Наличие названных эпитетов в тексте Гнедича не только отвечает требованиям точности перевода, но и создает необходимый художественный эффект.

В ряде случаев Кузмин заменяет гомеровский эпитет другим, менее точным, что опять-таки объясняется необходимостью уложиться в сти-

⁴³ Егунов А. Н. Ломоносов — переводчик Гомера // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы / Под ред. П. Н. Беркова и И. З. Сермана. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 197–218. В этом, в том числе, сказывалось скалигеровское влияние как на западно-европейские, так и на русские переводы Гомера (см.: Егунов Н. И. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. С. 34; 72–81).

⁴⁴ По этому поводу В. Е. Багно и Л. Н. Сухарев замечают, что кузминское «стремление к краткости, способной обеспечить эквилинейность, <...> ведет порой к пропускам важных компонентов, дополняющих или уточняющих логический и образный смысл высказывания» (Багно В. Е., Сухарев С. Л. Михаил Кузмин — переводчик. С. 177).

хотворный размер. Так, например, в ст. 418 относящийся к оружию оценочный эпитет «искусно сработанное / богато украшенное» (δαδάλεοι), служащий у Гомера важным признаком социального статуса героя, заменяется у Кузмина нейтральной характеристикой «бранное»: «Сжег он его по чину с доспехами *бранными* вместе» (у Гнедича — «вместе с оружием *пышным*»); в ст. 458 вместо отражающего гомеровское мировоззрение выражения «жестокая необходимость» (κράτερη ἀνάγκη) появляется сентиментально-романтическое «безрадостная доля» (у Гнедича — «жестокая *нужда*»). Что же касается двусоставных гомеровских эпитетов, являющихся одной из характерных черт и несомненных удач перевода Гнедича, то Кузмин намеренно и последовательно их избегает как элемент, по его собственному выражению, «искусственной» и «литературной» речи. Так, в ст. 442 относящийся к троянке эпитет «ἐλκεσίπεπλος» (у Гнедича — «*длинноодежная*») он заменяет описательным выражением «в длинных одеждах»; в ст. 454 эпитет ахейца «χαλκοχίτων» (у Гнедича — «*меднолатный*») — выражением «в панцире медном» и т. д. Лишь в единичных случаях Кузмин вслед за Гнедичем такие эпитеты сохраняет, например: «меднодоспешный» Гектор (ст. 398), «высоковоротные» Фивы (ст. 416), «быстроногий» Ахиллес (ст. 423), «копьеносец» Приам (ст. 449), «мужеубийца» Гектор (ст. 498) (у Гнедича — «*мужеубитель*»). Впрочем, нельзя не отметить, что в ряде случаев Кузмину удается найти более удачный русский эквивалент гомеровского эпитета. Например, Гнедич, как известно, не всегда последовательно передававший в своем переводе эпические повторы (формулы) и постоянные эпитеты,⁴⁵ в ст. 414, наоборот, стремясь сохранить единство стиля, переводит относящийся к Ахиллу эпитет δῖος («*божественный / блистательный / славный*») вновь как «*быстроногий*», в то время как у Кузмина — Ахилл «*боговидный*»; в ст. 420 эпитет Зевса αἰγίοχος («*эгидодержавный*») у Гнедича переводится как «*великий*», у Кузмина — как «*эгидоносный*»; в ст. 430 эпитет θαλέρως («*юный / полный сил*»), употребляемый Андромахой по отношению к Гектору, передается у Гнедича словом «*прекрасный*», у Кузмина — «*цветущий*».

Таким образом, вольное обращение Кузмина с синтаксисом и лексикой гомеровской поэмы проявляется в его переводе различно: в пропуске имеющих или в добавлении отсутствующих в подлиннике слов; в трансформации синтаксических конструкций (в тех случаях, где Гнедич их сохраняет), в усилении экспрессии речи за счет введения словесных повторов и междометий и т. п., что в целом можно рассматривать как расширение либо сглаживание перевода. Однако всё вышеперечисленное отнюдь не является у Кузмина следствием художественного произвола или элементарной небрежности. Напротив, его рассуждение

⁴⁵ Егунов Н. И. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. С. 271–272.

о собственной «системе перевода» во вступительной заметке к публикации свидетельствует о том, что Кузмин подходил к своей задаче весьма серьезно и ответственно, стремясь дать по-настоящему «живой и простой рассказ» о происходящем под стенами Трои. Вот почему он сознательно упрощает синтаксис, гораздо реже, чем Гнедич, применяет епѳабement (как прием, затрудняющий восприятие), избегает славянизмов и двусоставных эпитетов и, наконец, широко использует разговорную лексику и просторечные выражения, снижая тем самым торжественность и тяжеловесность стиля Гнедича. Там, где у Гнедича встречаются «стогны», «ульмы», «дщери», «корысть», «шелом» и пр., у Кузмина — «улицы», «вязы», «девы», «добыча», «шлем» и даже «каска». Кузмин также пользуется экспрессивной разговорной лексикой, например: «малютка», «сиротка», «родимая». Его перевод изобилует просторечными выражениями вроде «вздумалось ей», «сама не своя», «пустилась <бегом>», «плакала горько», «сравнил с землею», «царицей жила», «уже раза три», «знаю отлично», «горюю», «всю в слезах», «слезы <...> проливаешь», «защемит на сердце», «забоялся», «напоследок», «не кручинь <...> душу», «чтоб без дела <...> не болтались», «восвояси», «запричитали» и т. п. Разговор двух супругов, пусть и царственного происхождения, он стремится приблизить к реальной жизни, изображая их говорящими, думающими и чувствующими так, как это делали бы любые любящие супруги в подобной ситуации. Так, Гектор в поисках Андромахи обращается у него к служанкам (ст. 376—377): «Ну-ка, скажите мне, девушки, — да говорить без утайки! — / Из дому вышла куда белокурая Андромаха?!» (ср. у Гнедича: «Жены-прислужницы, вы мне скорее поведайте правду: / Где Андромаха супруга, куда удалилась из дома?»); у Сикейских ворот Гектор обращается к супруге так (ст. 447): «Сам я знаю отлично, поверь и сердцем и духом» (ср. у Гнедича: «Твердо я ведаю сам, убеждаясь и мыслью и сердцем»); и далее (ст. 487): «Если судьба мне живым быть, никто на тот свет не отправит» (ср. у Гнедича: «Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу»); наконец, прощаясь с Андромахой, он говорит (ст. 490): «Ты же домой отправляйся, займись своими делами» (ср. у Гнедича: «Шествуй, любезная, в дом, озаботься своими делами») и т. д.

Однако данная картина была бы неполной, если бы мы не сказали хотя бы несколько слов о метрической организации перевода Кузмина. В предисловии к своему переводу Кузмин, наряду с вопросами стиля, большое внимание уделяет древнегреческой метрике и способам ее передачи средствами русского стихосложения. Перевод Гнедича он критикует за однообразие и монотонность, возникающие из-за того, что Гнедич отдает предпочтение чистому дактилю, т. е. 17-сложным стихам, и крайне редко употребляет спондеи (с точки зрения русского стихосло-

жения — хорей), в то время как у Гомера, по свидетельству Кузмина, примерно половину от общего объема поэмы составляют 15-ти и 16-сложные стихи, т. е. такие, в которых содержится по одному или по два спондея. Своей задачей Кузмин ставит передать «живую текучесть» и «разнообразие» гомеровского стиля, широко используя для этого русский хорей. Интересно, что оценка, данная Кузминым как метрической, так и стилистической стороне перевода Гнедича, во многом перекликается с оценкой Минского, представившего свой перевод «Илиады» спустя семьдесят лет после Гнедича. Оставляя в стороне вопрос о его художественных достоинствах, скажем лишь, что Минский в «Предисловии» к своему переводу, как и позднее Кузмин, сетует на «устарелость» перевода Гнедича из-за обилия в нем славянизмов и «произвольно составленных новообразований» (т. е. двусоставных эпитетов). Кроме того, Минский ставит в упрек Гнедичу употребление «смешанного гекзаметра», что заключается в произвольном и, как правило, случайном чередовании у него дактилей и хореев. В то время как сам Минский, по его собственным словам, придерживается при переводе «правильного гекзаметра», используя преимущественно дактиль и употребляя хорей только в одном-единственном случае, кажущемся ему оправданным из-за естественной остановки голоса во время чтения, а именно — «после мужской цезуры в третьей стопе».⁴⁶

Итак, желая дать новый, «живой» перевод Гомера и стремясь лучше передать метрические особенности греческого оригинала, Кузмин следовал особой, специально разработанной им для этого метрической системе, которая предполагала широкое применение хореев наряду с традиционными дактилями. Благодаря этому перевод Кузмина действительно гораздо больше напоминает непринужденную разговорную речь, чем перевод Гнедича. Немало этому способствует и широкое употребление разговорных слов и выражений, а также просторечной лексики, снижающей пафос и тождественность изложения. Однако, несмотря на декларируемое им желание передать «всё богатство и жизненность гомеровского стиха», чего, как ему казалось, не удалось достичь другим переводчикам, Кузмин всё же во многом опирался на опыт своих предшественников — как Гнедича, так и Минского. Об этом свидетельствуют многочисленные случаи текстуальных совпадений между текстами Кузмина и двух других переводчиков. Эти текстуальные совпадения нельзя объяснить иначе, чем сознательными заимствованиями, хотя сам Кузмин об этом нигде не говорит (а о переводе Минского не упоминает вовсе). Например, в ст. 407 и 486 Андромаха в обращении к Гектору, а также Гектор в обращении к Андромахе называют друг дру-

⁴⁶ Минский Н. М. Предисловие // Илиада Гомера / Пер. Н. М. Минского. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1896. С. 4.

га «δαίμονιε», что в греческом языке гомеровской эпохи, скорее всего, еще сохраняло первоначальное значение «божественный / ниспосланный божеством / находящийся под воздействием божества». Однако Кузмин в первом случае вслед за Гнедичем переводит это слово как «удивительный», а во втором отлично от Гнедича — как «бедная» (у Минского переведено так же неудачно — «дорогой» и «милая»).⁴⁷ По поводу заимствования Кузминым некоторых двусоставных эпитетов Гнедича (см. ст. 398, 416, 449, 498) уже было сказано. Наконец, кроме отдельных оборотов и выражений (например, таких как «в землю сойти», «в прах полягут», «Гектор блистательный», «да царствует мощно», «улыбнулась сквозь слезы», «умилился» и т. д.), Кузмин заимствует у Гнедича полностью ст. 449, а также — с незначительными изменениями — ст. 431, 448 и 465. Ср.:

Гнедич Сжался же ты надо мною и с нами останься на башне...
Кузмин Сжался теперь надо мной, останься с нами на башне...

Гнедич Будет некогда день, и погибнет священная Троя...
Кузмин Будет некогда день — и священная Троя погибнет.

Гнедич Прежде, чем плен твой увижу и жалобный вопль твой услышу!
Кузмин Раньше, чем плен твой увижу и жалобный плач твой услышу.

Из сопоставления переводов Кузмина и Минского явствует, что в ряде случаев, когда перевод Минского казался Кузмину более удачным,

⁴⁷ Первоначально, в журнальной публикации отрывка (в 1813 г.), Гнедич перевел это слово еще очень условно — как «благородный» и, соответственно, «милая», но позднее заменил на «удивительный» и «добрая». А. Е. Егунов дает развернутый комментарий к позднешему переводу Гнедичем этого слова: «Ни то, ни другое нисколько не передает подлинника. <...> В этом слове отложились греческие религиозные представления, затем отвергнутые, когда восторжествовала новая религия, не столько отрицавшая существование древних богов, сколько относившая их к разряду бесов (отсюда наше значение слова “демон”). И Гектор, и Андромаха называют друг друга “демоническими”, но не в нашем смысле: “daimonios” означает “божественный, находящийся под воздействием божества” <...>, далее это слово может означать “роковой”, “ужасный”, наконец, “чудный” <...> иногда, как у Платона, в стертом значении, — это просто формула вежливости с оттенком комплимента. <...> Надо признать, что мы не улавливаем, в какой мере для греческого поэта, вложившего в уста Андромахи или Гектора слово “daimonios”, оно еще сохраняло свой этимологический и религиозный смысл, или же было уже стерто и выражало только почтение» (Егунов Н. И. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 207). В этом отношении показателен и выбор Жуковского, который в устах Андромахи перевел слово «δαίμονιε» как «неумолимый», а в устах Гектора — как «бедная».

чем перевод Гнедича, он ему следовал. Это проявляется, прежде всего, в общем для них обоих избегании славянизмов, использовании общеупотребительных слов, разговорных оборотов и экспрессивной лексики (например, Кузмин заимствует у Минского выражения «не жалко», «горемычная», «дрянной» и т. д.). Впрочем, следует отметить, что, несмотря на упрощенный стиль, Минский всё же сохраняет в своем переводе двусоставные гомеровские эпитеты («эгидодержавный» Зевс, «шлемо-веющий» Гектор, «меднобронный» ахеец, «широковоротные» Фивы и т. п.), что Кузмин делает очень редко. У Минского Кузмин заимствует как отдельные слова и выражения, так и (в нескольких случаях) полностью фразы (например, ст. 405, 407, 420, 425, 430, 433, 440, 443, 463 и др.). Однако в целом процент заимствований в переводе Кузмина невысок и приблизительно одинаков в отношении как Гнедича, так и Минского. Так, на 97 стихов, включающих в себя непосредственно речи Андромахи и Гектора, приходится чуть больше 20% стихов с заимствованными у других переводчиков словами или выражениями. Если же учесть метрические нововведения Кузмина, то можно заключить, что работа переводчика носила совершенно самостоятельный и независимый характер. В случаях же, где у него имеются прямые заимствования из других переводов или обнаруживаются следы их незначительной переработки, проявляется, на наш взгляд, стремление Кузмина взять лучшее от своих предшественников.⁴⁸

Таким образом, Кузмин применяет, по сути, тот же самый подход, который был использован позднее В. В. Вересаевым при подготовке им нового перевода «Илиады».⁴⁹ Так, в своем «Предисловии переводчика» Вересаев сетует, что из двух имеющихся у нас переводов поэмы — «старинного» перевода Гнедича и «более нового» перевода Минского — ни один не удовлетворяет нуждам читателя, так как первый из них «перенасыщен церковно-славянскими словами» и характеризуется излишне «высоким слогом», а второй «написан современным русским языком, но чрезвычайно сер и совершенно не передает дух подлинника».⁵⁰ Характеризуя свой принцип работы с гомеровским текстом, Вересаев пишет: «Когда новый переводчик берется за перевод классического произведения, то первая его забота и главнейшая тревога — как бы не ока-

⁴⁸ Точно так же сам Гнедич пользовался переводами Екимова (1776 г.) и Кострова (1787 г.), заимствуя у них как отдельные слова (в частности, эпитеты), так и «словосочетания, а порою целые фразы» (см.: Егунов *Н. И.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. С. 61—62; 232; 271 и т. д.).

⁴⁹ Над переводами «Илиады» и «Одиссеи» Вересаев работал в 1937—1941 гг.

⁵⁰ *Вересаев В. В.* Предисловие переводчика // *Гомер. Илиада* / Пер. В. Вересаева. М.: Гослитиздат, 1949. С. 6.

заться в чем-нибудь похожим на кого-нибудь из предыдущих переводчиков. Какое-нибудь выражение, какой-нибудь стих <...>, скажем даже, — целая строфа переданы у его предшественника как нельзя лучше и точнее. Всё равно! Собственность священна. И переводчик дает свой собственный перевод, сознавая, что он и хуже, и дальше от подлинника. Все достижения прежних переводчиков перечеркиваются, и каждый начинает всё сначала. Такое отношение к делу представляется мне в корне неправильным. Главная всё оправдывающая и всё покрывающая цель — максимально точный и максимально художественный перевод подлинника. Если мы допускаем коллективное сотрудничество, так сказать, в пространстве, то почему не допускаем такого же коллективного сотрудничества и во времени, между всею цепью следующих один за другим переводчиков? Всё хорошее, всё удавшееся новый переводчик должен полною горстью брать из прежних переводов, конечно, с одним условием: не перенося их механически в свой перевод, а органически перерабатывая в свой собственный стиль, точнее сказать, в стиль подлинника, как его воспринимает данный переводчик». ⁵¹ Именно так поступал в своем переводе Михаил Кузмин. Как справедливо замечают Н. А. Богомолов и Дж. Малмстад, «мы не знаем, удалось ли Кузмину перевести еще какие-либо части “Илиады”, но можно с уверенностью сказать, что его попытка была гораздо более удачной, чем прочие русские переводы XX века, и стоит пожалеть о том, что она осталась лишь попыткой». ⁵²

В заключение приведем небольшие выдержки из интересующего нас отрывка «Илиады» в параллельных переводах Гнедича, Минского и Кузмина, содержащие целиком речь Андромахи и часть речи Гектора (ст. 406—465). Курсивом в них выделены те места, где Кузмин прямо или с незначительными изменениями принимает версии своих предшественников. Во второй паре отрывков (Минский — Кузмин) те места, где текст Минского частично или полностью совпадает с текстом Гнедича и Кузмин вслед за Минским принимает этот вариант, повторно курсивом не отмечены.

<i>Гнедич</i>	<i>Кузмин</i>
Руку пожала ему и такие слова говорила: «Муж удивительный, губит тебя твоя храбрость! ни сына	За руку мужа она взяла и так говорила: — Ты, удивительный, сам себя губишь своею отвагой.
Ты не жалеешь младенца, ни бедной матери; скоро	Видно, не жалко ни сына тебе, ни меня, горемычной,

⁵¹ Там же.

⁵² Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. Михаил Кузмин. С. 478.

- Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя
аргивяне,
410 Вместе напавши, убьют! а тобою
покинутой, Гектор,
Лучше мне *в землю сойти*: никакой мне
не будет отрады,
Если, постигнутый роком, меня ты
оставишь: удел мой —
Горести! Нет у меня ни отца, ни матери
нежной!
Старца отца моего умертвил Ахиллес
быстроногий,
415 В день, как и град разорил
киликийских народов цветущий,
Фивы высоковоротные. Сам он убил
Этиона,
Но не смел обнажить: устрасался
нечестия сердцем;
Старца он предал сожжению вместе
с оружием пышным.
Создал над прахом могилу; и окрест
могилы той улымы
420 Нимфы холмов насадили, *Зевеса*
великого дочери.
Братья мои однокровные — семь
оставалось их в доме —
Все и в единый день преселились
в обитель Аида:
Всех злополучных избил Ахиллес,
быстроногий ристатель,
В стаде застигнув тяжелых тельцов
и овец белорунных.
425 Мать мою, при долинах дубравного
Плака царицу,
Пленницей в стан свой *привлек* он
с другими добычами брани,
Но даровал ей свободу, приняв
неисчислимый выкуп;
Феба ж и мать мою *поразил*
в отеческом доме!
Гектор, ты всё мне теперь — и отец,
и любезная мать,
430 Ты и брат мой единственный, ты
и супруг мой прекрасный!
Сжался же ты *надо мною* и *с нами*
останься на башне,
- Что вдовою скоро останусь: ведь скоро
Ахейны,
Ринувшись все на тебя, умертвят, а мне
так отрадней
Было бы *в землю сойти*, чем мужа
лишиться. Какое
В жизни мне будет тепло, когда тебя
гибель постигнет!
Скорби одни. Ведь нет у меня ни отца,
ни родимой,
Ах, убил отца моего Ахилл боговидный,
Да и город родной Киликийцев сравнял
он с землею,
Фивы высоковоротные. Но Итаона
тело,
Даже убитого, не обнажил, сохраняя
почтенье.
Сжег он его по чину с доспехами
бранными вместе
И могильник насыпал. Вокруг же вязы
взрастили
Горные нимфы, *Зевеса* эгидоносного
девы.
Семеро было в доме у меня и братьев
родимых, —
Все они в день один и тот же в Аид
погрузились,
Всех семерых убил Ахиллес, герой
быстроногий,
Из-за быков да из-за овец затеявший
ссору.
Мать же мою, что царицей жила
у лесистого Плака,
Пленницей он уводит вместе с другою
добычей.
Хоть отпустил он ее обратно за выкуп
огромный,
Но *поразил* ее Артемида *в отцовских*
покоях.
Гектор, ты мне отец и мать для меня ты,
Гектор,
Ты один мне брат и ты мне супруг
цветущий,
Сжался теперь *надо мной*, *останься*
с нами на башне,

- Сына не сделай ты сирым, супруги не
сделай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы:
там наипаче
Город приступен врагам и восход на
твердыню удобен:
435 Трижды туда приступая, на град
покушались герои,
Оба Аякса могучие, *Идоменей*
знаменитый,
- Оба Атрея сыны и Тидид,
дерзновеннейший воин.
Верно, о том им сказал прорицатель
какой-либо мудрый,
Или, быть может, самих устремляло их
вещее сердце».
- 440 Ей отвечал знаменитый, *шеломом*
сверкающий Гектор:
«Всё и меня то, супруга, не меньше
тревожит; но страшный
Стыд мне пред каждым троянцем
и длинноодежной троянкой,
Если, как робкий, останусь я здесь,
удаляясь от боя.
Сердце мне то запретит; научился
быть я бесстрашным,
- 445 Храбро всегда меж троянами первыми
биться на битвах,
Славы доброй отцу и себе самому
добывая!
Твердо я ведаю сам, убеждаясь
и мыслью и сердцем,
Будет некогда день, и погибнет
священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ
копыеносца Приама.
- 450 Но не столько меня сокрушает
грядущее горе
Трои, Приама родителя, матери
дряхлой, Гекубы,
Горе тех братьев возлюбленных,
юношей многих и храбрых,
Кои *полягут во прах под руками врагов*
разъяренных,
Сколько твое, о супруга! Тебя
меднолатный ахеец,
- Чтобы сироткою сыне не сделать,
останься с нами на башне,
Войско ж поставь у дикой смоковницы:
там всего меньше
Город наш защищен, и доступней для
приступа стены.
Враг уже раза три пытался проникнуть
в том месте:
Двое братьев Аянтов, *Идоменей*
знаменитый,
- Двое Атридов затем и сын Тидея
отважный.
Верно, вещун какой-нибудь сообщил им
об этом,
Или же сами в сердцах своих о том
догадались.
Ей отвечал *сверкающий шлемом Гектор*
великий:
— Всё, что ты здесь говоришь, и меня
беспокоит, но стыдно
Мне пред Троянцами, да и Троянками
в длинных одеждах,
Если буду, как трус дрянной,
уклоняться от битвы.
Мне и сердце того не позволит, да
и воспитан
Был я так, чтоб сражаться в передних
отрядах,
Множа отцовскую славу и вместо себя
прославляя.
Сам я знаю отлично, поверь и сердцем,
и духом,
Будет некогда день — и священная Троя
погибнет.
С нею погибнет Приам и народ
копыеносца Приама.
- Но не о гибели столькоих троянцев
теперь сокрушаюсь,
Не о Гекубе и даже не о Приаме
владыке,
Не о братьях отважных моих, которые
скоро
В прах полягут, убиты рукою врагов
разъяренных.
Лишь о тебе я горюю. Ахеец в панцире
медном

- 455 Слезы лиющую, в плен повлечет
и похитит свободу!
И, невольница, в Аргосе будешь ты
ткать чужеземке,
Воду носить от ключей Мессеиса или
Гиперея,
С ропотом горьким в душе; но заставит
жестокая нѹжда!
Льющую слезы тебя кто-нибудь там
увидит и скажет:
- 460 «Гектора это жена, превышавшего
храбростью в битвах
Всех конеборцев троян, как сражались
вкруг Илиона!»
Скажет – и в сердце твоём возбудит он
новую горечь:
Вспомнишь ты мужа, который тебя
защитил бы от рабства!
Но да погибну и буду засыпан
я перстью земною
- 465 *Прежде, чем плен твой увижу
и жалобный вопль твой услышу!»*
- Всю в слезах тебя уведет далеко
в неволю.
В Аргосе будешь ты ткать полотно
чужеземной хозяйке,
Воду будешь носить с Мессейдских
ключей и Гиперских,
Сердце скрепя, подчиняясь невольно
безрадостной доле.
Кто-нибудь, видя, как слезы ты
проливаешь, промолвит:
«Гектора это жена, был в сраженьях
воителем первым
Он среди войска Троянцев, когда Илион
разрушали».
Скажет так кто-нибудь, и сильней
защемит на сердце:
Нет человека, который тебя б от неволи
избавил.
Пусть же я умру и сыпучим песком
закроюсь
Раньше, чем плен твой увижу
и жалобный плач твой услышу».

Минский

- За руку мужа взяла и такое промолвила
слово:
«О, дорогой! Твоя храбрость погубит
тебя. И не жалко
Малого сына тебе, ни меня, горемычной,
кто скоро
Станет вдовою твоей, ибо скоро
ахейские мужи
- 410 Все на тебя нападут и убьют. А тебя
потерявши,
Лучше мне в землю сойти. Не будет
мне радостей больше,
Если ты смерти навстречу пойдешь.
Впереди ожидает
Только печаль. Нет отца у меня, нет
и матери милой.
Первым отца моего умертвил Ахиллес
богоравный,
- 415 В день, когда взял в Киликии высоко-
воротные Фивы,

Кузмин

- За руку мужа она взяла и так говорила:
– Ты, удивительный, сам себя губишь
своею отвагой.
Видно, не жалко ни сына тебе, ни меня,
горемычной,
Что вдовою скоро останусь: ведь скоро
Ахейны,
Ринувшись все на тебя, умертвят, а мне
так отрадней
Было бы в землю сойти, чем мужа
лишиться. Какое
В жизни мне будет тепло, когда тебя
гибель постигнет!
Скорби одни. Ведь нет у меня ни отца,
ни родимой,
Ах, убил отца моего Ахилл боговидный,
Да и город родной Киликийцев сравнял
он с землею,

- Город прекрасный разрушив. Но он,
хоть убил Этиона,
Всё же доспехов не снял, оттого что
в душе убоялся.
Вместе с оружием светлым его он
сожжению предал,
Сверху ж могилу насыпал. *И вязы
кругом посадили*
420 *Горные нимфы, Эгидодержавного
дочери Зевса.*
Семеро братьев родных оставалось со
мною в чертоге.
Все в один день отошли они вместе
в обитель Аида,
Всех умертвил их герой богоравный
Ахилл, сын Пелея,
Пасших стада криворогих быков
и овец белорунных.
425 *Мать же мою, что в стране у лесистого
Плака царила,*
Ту он сначала под Трою привел *среди
прочей добычи,*
Вскоре ж ее отпустил, получивши
бесчисленный выкуп.
В отческом доме стрелой Артемиды ее
поразила.
Гектор, теперь для меня ты отец, ты
и мать дорогая,
430 *Ты мой единственный брат и ты же
супруг мой цветущий.*
Сжался над нами сегодня, останься на
башне высокой,
Чтобы его сиротой, а меня не покинуть
вдовою.
Войско меж тем размести невдали от
смоковницы дикой,
Там, где доступнее город, где легче на
стену взобраться.
435 *Трижды на приступ уже покушались
храбрейшие мужи*
Под предводительством Идомея,
обоих Аяксов,
И богоравных Атридов, и мощного
сына Тидея.
Вещий какой прорицатель, быть
может, открыл им то место,
- Фивы высоковоротные. Но Итиона
тело,
Даже убитого, не обнажил, сохраняя
почтенье.
Сжег он его по чину с доспехами
бранными вместе
И могильник насыпал. *Вокруг же вязы
взрастили*
*Горные нимфы, Зевеса эгидоносного
девы.*
Семеро было в дому у меня и братьев
родимых, —
Все они в день один и тот же в Аид
погрузились,
Всех семерых убил Ахиллес, герой
быстроногий,
Из-за быков да из-за овец затеявший
ссору.
*Мать же мою, что царицей жила
у лесистого Плака,*
Пленницей он уводит *вместе с другою
добычей.*
Хоть отпустил он ее обратно за выкуп
огромный,
Но поразила ее Артемиды в отцовских
покоях.
Гектор, ты мне отец и мать для меня ты,
Гектор,
Ты один мне брат *и ты мне супруг
цветущий.*
Сжался теперь надо мной, останься
с нами на башне,
Чтобы сироткою сына не сделать,
останься с нами на башне,
Войско ж поставь у *дикой смоковницы:*
там всего меньше
Город наш защищен, и доступней для
приступа стены.
Враг уже раза три пытался проникнуть
в том месте:
Двое братьев Аянтов, Идомея
знаменитый,
Двое Атридов затем и сын Тидея
отважный.
Верно, вещун какой-нибудь сообщил им
об этом,

- Или же собственный дух устремил их
туда и направил».
- 440 И отвечал ей на то шлемовеющий
Гектор великий:
«Сам я, жена, этим всем озабочен. Но
страшно б стыдился
Я благородных троян и троянок,
влачащих одежды,
Если бы здесь вдалеке, *точно трус,*
уклонялся от битвы.
Да и противится сердце мое, оттого
что приучен
- 445 Доблестным быть я всегда и сражаться
среди первых троянцев,
Громкую славу отца, также славу свою
соблюдая.
Знаю в душе хорошо и предчувствую
сам это сердцем:
Будет когда-либо день, и погибнет
священная Троя,
Вместе погибнет Приам и народ
копыеносца Приама.
- 450 Но не страшат меня столько страдания
прочих троянцев,
Даже Гекубы самой и отца
скиптроносца Приама,
Бедствия братьев родных, что
большою толпой и отважной
Все же полягут во прах под руками
мужей супостатов, —
Сколько твои, Андромаха. В тот день
меднобронный ахеец,
- 455 Льющую слезы, тебя уведет и похитит
свободу.
Будешь ты в Аргосе ткать, под
надзором жены чужеземной,
Будешь там воду носить из Мессеиса
иль Гипереи,
Нехотя сильно, но всё же нужна
роковая заставит.
Скажет тогда кто-нибудь, увидав тебя,
льющую слезы:
- 460 Гектора это жена, кто из храбрых
наездников Трои
Первым в сраженьях бывал, когда
бились вокруг стен Илиона.
- Или же сами в сердцах своих о том
догадались.
Ей отвечал сверкающий шлемом
Гектор великий:
— Всё, что ты здесь говоришь, и меня
беспокоит, но стыдно
Мне пред Троянцами, да и Троянками
в длинных одеждах,
Если буду, *как трус дрянной, уклоняться*
от битвы.
Мне и сердце того не позволит, да
и воспитан
Был я так, чтоб сражаться в передних
отрядах,
Множа отцовскую славу и вместо себя
прославляя.
Сам я знаю отлично, поверь и сердцем,
и духом,
Будет некогда день — и священная Троя
погибнет.
С нею погибнет Приам и народ
копыеносца Приама.
Но не о гибели столько троянцев
теперь сокрушаюсь,
Не о Гекубе и даже не о Приаме
владыке,
Не о братьях отважных моих, которые
скоро
В прах полягут, убиты рукою врагов
разъяренных.
Лишь о тебе я горюю. Ахеец в панцире
медном
Всю в слезах тебя уведет далеко
в неволю.
В Аргосе будешь ты ткать полотно
чужеземной хозяйке,
Воду будешь носить с Мессеидских
ключей и Гиперских,
Сердце скрепя, подчиняясь невольно
безрадостной доле.
Кто-нибудь, видя, как слезы ты
проливаешь, промолвит:
«Гектора это жена, был в сраженьях
воителем первым
Он среди войска Троянцев, когда
Илион разрушали».

Скажет он так. Для тебя же то будет
страданием новым
Вспомнить о муже, *кто мог бы тебя*
от неволи избавить.

Пусть же я раньше умру и *могильной*
покроюсь землею,

⁴⁶⁵ Чем я услышу твой плач и твое
похищенье увижу».

Скажет так кто-нибудь, и сильней
защемит на сердце:

Нет человека, *который тебя б от неволи*
избавил.

Пусть же я умру и *сыпучим песком*
закроюсь

Раньше, чем плен твой увижу
и жалобный плач твой услышу».

Булгаков, Воланд и Иешуа

Настоящий текст был рожден прочтением книги диакона Андрея Кураева о романе «Мастер и Маргарита». ¹ Первое издание этого сочинения появилось еще в 2004 году, и на него давно написаны отклики; впрочем, третье издание — это новая версия прежнего труда. Мое же сочинение — не рецензия, и я не стремлюсь оценить в целом исследование, в котором есть немало убедительных и ценных наблюдений, как и немало спорных идей и догадок. Это скорее раздумья над вопросами, заданными ее автором. Главный, на который прежде всего стремится ответить отец Андрей: «...имею ли я право продолжать с любовью относиться к булгаковской книге, несмотря на то что за эти годы я стал ортодоксальным христианином?»

Может ли христианин восхищаться этой книгой?

Возможно ли такое прочтение романа, при котором читатель не обязан восхищаться Воландом и Иешуа, при этом восхищаясь романом в целом? Воланд — оппонент автора или резонер, которому доверено озвучивать авторскую позицию? Возможно ли такое прочтение романа, при котором автор был бы отделен от Воланда?

Такую возможность отрицают школьные учебники по литературе. Что ж, пора выходить за порог «слишком средней школы» (с. 5).

Сформулирую проблему несколько иначе — безлично и более ученым образом, филологически: какова авторская позиция в романе «Мастер и Маргарита»? Потому что ав-

---

¹ Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? 3-е изд., доп. и перераб. М.: Проспект, 2023. 272 с. Далее при цитировании страницы этой книги указываются в тексте статьи.

торская оценка Воланда и, соответственно, трактовка романа в целом должны занимать отнюдь не только читателей, причисляющих себя к христианам, но и любого человека, знакомящегося с романом.

Диакон Андрей Кураев насчитывает четыре толкования «Мастера и Маргариты»:

1) фэнтези, игра, «художественная литература», ничего не говорящая об убеждениях самого автора и не ставящая целью как-то повлиять на убеждения читателей» (с. 232);

2) и 3) — «Роман Булгакова кошунственен» (с. 232); во втором случае это кошунство оценивается негативно, а в третьем — приветствуется;

4) «Это роман, написанный экзистенциалистом, скорбящим об утрате своей веры» (с. 233).

Сам же автор книги отстаивает пятый подход. Вкратце он таков. Роман об Иешуа кошунственен, чего не мог не понимать создатель «большого» романа, одним из пластов которого являются главы, написанные мастером. Создание романа о Понтии Пилате и Иешуа Га-Ноцри было инспирировано Воландом, фантомы которого мастер воплотил в слове. Сатана же подослал к мастеру Маргариту, внушившую возлюбленному мысль предложить роман разным редакциям, что привело к жизненной катастрофе. Создание кошунственного романа отлучило мастера от Бога, от света и обрекло на заключение в «вечном приюте» — в мире Воланда, в небытии — вместе с «навязчивой» и «неотвязной» ведьмой Маргаритой.

Далеко не всё в этой трактовке ново и / или способно вызвать изумление. Кое-что очевидно. Конечно, корни романа о Понтии Пилате и бродячем философе питаются соками темного, дьявольского мира. Выигрыш мастера в лотерею подарил ему финансовую независимость и, тем самым, возможность невозбранно посвятить себя труду над книгой. Первая глава романа представлена как видение-наваждение, навеянное Берлиозу и Бездомному Воландом. После завершения работы над книгой ее создателя преследуют кошмарные видения и отчаяние, которые лишь отчасти могут быть объяснены начавшейся травлей. Скорее, это дьявольские наваждения, и неслучайно автор вкладывает в уста мастера, рассказывающего о них, упоминание черта. Рукопись чудесно возрожденного романа появляется из-под хвоста кота-демона Бегемота. И это только главные, самые явные свидетельства.

Спорна, хотя и любопытна мысль, что Воланд посещает Москву ради знакомства с романом своего протеже (а отнюдь не для исследования рукописей Герберта Аврилакского, как он объявил Берлиозу и Бездомному).² Если Воланд — вариация «классического» Сатаны, то у него было

² См. обоснование этой идеи: Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита»: За Христа или против? С. 70–71.

достаточно иных, сверхреальных способностей для такого ознакомления. Булгаковский дьявол возвращает сожженный роман в вещественный мир без всякой помощи мастера. Для появления Воланда и его свиты в Москве тридцатых годов должны были быть какие-то другие, сокрытые от нас причины.

Впрочем, Воланд — все-таки литературный персонаж, а не Сатана собственной персоной, и потому как будто далеко не всеведущ в земных делах. Андрей Кураев полагает, что сей «консультант» и «черный маг» — «честнейший бес мировой литературы. Он почти не врет» (с. 74). Почти: поведение Воланда при встрече с мастером, освобожденным из психиатрической клиники, исследователь романа считает фальшивым и деланым: «Воланд ведет себя так, как будто с мастером он познакомился только что и о романе услышал впервые в эту же минуту» (с. 74). Действительно, Сатана изумляется, узнав, что мастер написал роман о Понтии Пилате: «— О чем, о чем? О ком? — заговорил Воланд, перестав смеяться». ³ В самом деле: услышав рассказ Ивана Бездомного о знакомстве на Патриарших с «иностранным консультантом», мастер тотчас угадал в нем Воланда и назвал по имени, хотя незадачливый поэт-богоборец этого имени слушателю не сообщил. Всё так. Но зачем Воланду лгать и разыгрывать удивление? Возможно, он отнюдь не лжет: замысел, внушенный им мастеру, претерпел при воплощении серьезное изменение: повествование об Иисусе, о невинной жертве, превратилось в роман о Понтии Пилате, о предательстве, об отступничестве и отступнике. И это уже тема мастера — человеческая, слишком человеческая...

То, что в знакомстве мастера с будущей возлюбленной Сатана сыграл роль «сводника», — менее явственно, но тоже не новость. ⁴ Действительно, переулочек, в который оба сворачивают, безлюден — зримый знак Воландовой игры (он так же и Патриаршие обезлюдил, подготавливая собственное явление Берлиозу и Ивану Бездомному). Рассказывая о знакомстве с будущей возлюбленной, герой вспоминает ее цветы и прибавляет идиому со словом черт: «Черт их знает, как их зовут». ⁵

Однако сами по себе эти факты еще ничего не говорят об отношении автора к роману мастера и к трактовке «евангельской» темы в «ершалаимских» главах. Да, с точки зрения христианской ортодоксии, простой

³ Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 5: Мастер и Маргарита. Письма. С. 136 (подготовка текста романа Л. М. Яновской). Далее при цитировании романа страницы указываются в скобках в тексте статьи, цифрам страниц предшествует сокращение: МиМ.

⁴ Об этом писал, например, Александр Зеркалов (А. И. Мирер). См.: Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. М.: Текст, 2004. С. 84, 86, 186.

⁵ Ср.: Кураев А., диакон. «Мастер и Маргарита». С. 186.

смертный Иешуа Га-Ноцри — это кощунственная «пародия» на Богочеловека Иисуса Христа. Но на чем основывается презумпция, что Булгаков считал для себя обязательным именно ортодоксальный взгляд, а не предлагал неканоническую версию истории Христа? Не может ли Воланд сообщать правдивую, истинную версию истории Иисуса? Почему нельзя считать, что роман о Понтии Пилате — это еще и «евангелие от Михаила», как назвал одну из своих книг о «Мастере и Маргарите» Александр Зеркалов?⁶

Андрей Кураев против такого допущения выставляет два аргумента: внутритекстовый, основанный на свидетельствах самого романа, и вне-текстовый, опирающийся на данные о происхождении автора и его отношении к религии, а также на известия о восприятии «Мастера и Маргариты» читателями, в чьей приверженности православию нельзя сомневаться.

Однако главное свидетельство текста, в котором Воланд на Патриарших предстал в традиционной роли искусителя и провоцировал Бездомного наступить на изображение Христа, начертанное на песке,⁷ — это фрагмент одной из ранних, незавершенных редакций романа. Сцена с искушением Иванушки Воландом появилась еще в первой редакции книги — и была перенесена во вторую. От позднейших первые редакции отличаются существеннейшим образом, фигуры мастера здесь еще нет. Как нет и Маргариты. Причем текст (в обоих случаях незаконченный) не содержит никаких признаков будущего появления этих персонажей.⁸ Вводя в роман мастера, Булгаков от образа Сатаны, провоцирующего кощунство, отказывается. Отбрасывает характеристику Воланда как врага Христова. Соответственно, однозначно считать внушенный им мастеру образ Иешуа примером вылазки против Бога, обычной для лукавого духа, отца всяческой лжи, едва ли стоит. Андрей Кураев видит в романе мастера «анти-евангелие, “евангелие сатаны”» («оно не рядом, оно — вместо церковных книг» — с. 90). Он полагает не без основания, что некая книга, сожженная мастером вместе с «Пилатовыми главами» перед оставлением Москвы, — это Библия. Но ведь в этой же сцене Азазелло повелевает мастеру сжечь свое творение. Таким образом, если

⁶ См.: Зеркалов А. Евангелие Михаила Булгакова: Опыт исследования ершалаимских глав романа «Мастер и Маргарита». М.: Текст, 2006.

⁷ Ср.: Булгаков М. А. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита» / Предисл. и коммент. В. Лосева. М.: Новости, 1992. С. 238–240.

⁸ Ср. подробную характеристику этих редакций и частичную реконструкцию первой из них, принадлежащую М. О. Чудаковой: Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя. М.: Книга, 1976. С. 65–79 (Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 37).

считать сожжение некоей книги отречением от Писания, то одновременное уничтожение мастером своей рукописи будет эквивалентным, сходным деянием. (По-видимому, по существу, это знаки разрыва с прошлым и признания несовместимости окружавшей героя жизни с учением Христа и Иешуа.)

Иешуа наделен откровенно неприглядными чертами — заискиванием, боязливостью и даже трусоватостью перед властью — тоже лишь в ранних версиях романа. В последней известной нам редакции Иешуа этих качеств лишен, хотя он — отнюдь не героическая личность: бродячий философ боится смерти и просит прокуратора отпустить его. Однако ведь и евангельский Христос — не воплощение героической стойкости и непреклонности, сущность его личности — иная. Иешуа из романа мастера вовсе не должен вызывать резкого отторжения и восприниматься как негативный персонаж.

Сатирическое изображение воинствующего безбожия и тема советского атеизма по мере развития и уточнения булгаковского замысла стали, как отмечает Андрей Кураев, звучать более приглушенно. Например, Берлиоз, когда-то бывший редактором журнала «Безбожник», превратился просто в редактора литературного журнала. Кураев считает эти метаморфозы попыткой писателя приспособить главную книгу к окружающим обстоятельствам, объясняет надеждой на публикацию. Однако, хотя Булгаков порой и попадал под власть подобных иллюзий (о чем свидетельствуют дневниковые записи Е. С. Булгаковой), твердо верить в такую возможность он, конечно, не мог. Изменения, внесенные в текст романа, скорее обусловлены смещением смысловой доминанты: не только безбожие, но и другие темы — предательство, природа творческого дара, художник и власть — оказываются в фокусе писательского внимания.

Что же до «внешних» аргументов... Андрей Кураев солидаризируется с М. О. Чудаковой, заметившей: «Тому, кто размышляет над биографией и творчеством Булгакова, всегда надо иметь в виду: что бы ни происходило со старшим сыном доктора богословия в первые годы после смерти отца и в последующие десятилетия — всё это воздвигалось на фундаменте, заложенном в детстве: он был уже невынимаем».⁹ Сказанное верно лишь отчасти: иначе трудно было бы объяснить, например, феномены Чернышевского или Добролюбова, родившихся и выросших в семьях священнослужителей. Или Варлама Шаламова, чей разрыв с верой отца-священника и стойкий атеизм, кстати, упоминаются на страницах кураевской книги. Добавлю еще случай Чехова, религиозный индифферентизм и агностицизм которого сложились на «фундаменте»

⁹ Чудакова М. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. С. 44. Ср.: Кураев А., *диакон*. «Мастер и Маргарита». С. 78.

строгого отцовского благочестия. Если бы всё было так просто, мир не узнал бы ни вероотступников, ни религиозных вольнодумцев, ни атеистов. Зрелый Булгаков атеистом не стал и к воинствующему безбожию относился неприязненно (одно из свидетельств чему — «Мастер и Маргарита»). Однако, убедительно показывая это, Андрей Кураев признает, что и приверженцем церковной веры (практикующим христианином, если использовать выражение, вошедшее в обиход, хотя и представляющееся мне неудачным и безвкусным) он не был. То есть религиозность писателя — не данность, а проблема. В связи с которой вспоминается емкий афоризм, дважды внесенный Чеховым в свои записные книжки: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих крайностей, середина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало».¹⁰

Мнение «квалифицированного читателя» (с. 44) — этой собирательной характеристикой Андрей Кураев наделяет Анну Ахматову и Михаила Бахтина, высоко оценивших роман, — едва ли может служить аргументом в пользу его «религиозной чистоты», соответствия православной христологии. Ахматова, автор «Поэмы без героя», взращенная культурой Серебряного века, отличалась широтой эстетических вкусов и могла оценить «Мастера и Маргариту», даже если с ригористической точки зрения в романе можно было бы усмотреть налет «сатанизма». Соображение «Если бы Ахматова считала Булгакова безбожником и сатанистом — не стала бы она поминать о его “светлых замыслах” (в стихах на смерть писателя. — А. Р.)» (с. 46) сформулировано, по моему, неверно: даже если она видела в романе радикальное расхождение с православным вероучением, это еще не должно было превращать Булгакова в глазах Ахматовой в «безбожника и сатаниста». Что в «Мастере и Маргарите» мысль о Боге присутствует, что атеизм представлен в нем абсолютно негативно, это очевидно. В наступившем и обставшем ее советском мраке роман, в котором вспоминается Иисус, мог восприниматься ею только как проблеск света.

Аргумент «Положительной была и реакция великого православного литературоведа Михаила Бахтина» (с. 46) мне видится еще более странным. Во-первых, неприемлемо понятие *православный литературовед*: в своей абсурдности оно немногим уступает православному физику или православному математику. Ученый может быть православным, но это не делает православными его научные изыскания: от веры они должны

¹⁰ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / Гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. Сочинения: В 18 т. М.: Наука, 1980. Т. 17: Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники / Текст подгот. и примеч. сост. А. Л. Гришунин и др.; ред. тома Г. А. Бялый. С. 33–34; ср. дневниковую запись 1897 года (Там же. С. 224).

быть отделены. Если же этого не происходит и религия вторгается в сферу науки, то совершается идеологизация научного знания и творится «вселенская смазь»: и не теологический трактат, и не ученый труд. Бахтин, впрочем, в целом скорее философ-эстетик и даже отчасти не состоявшийся по воле злой судьбы светский богослов, чем литературовед (что не отменяет исключительной ценности некоторых его идей для филологии). Причем насколько любимая им «народная карнавальная культура Средневековья и Ренессанса», и в частности «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле, гармонично вписывается в христианское мировосприятие — вопрос отдельный. А вот «Мастер и Маргарита» в контекст так называемой карнавальной культуры как будто бы вписывается, хотя бы отчасти: по крайней мере, обилие исследований по этой теме никак нельзя считать случайным.¹¹ А потому для Бахтина приятие булгаковского романа было по-своему закономерным. Впрочем, здесь не всё так просто: Кураев упоминает и свидетельство С. С. Аверинцева, утверждавшего, что к «Мастеру и Маргарите» Бахтин относился «скверновато» (с. 46); по идейным или по чисто литературным, стилистическим соображениям — неясно.

Оспаривая мнения рецензентов, считающих Воланда отнюдь не «традиционным» дьяволом,¹² диакон Андрей Кураев, напротив, настаивает на его классичности: булгаковский Сатана и его свита креста не выносятся, образ Воланда проецируется и на гетевского Мефистофеля, и на его двойника из оперы Гуно.¹³ Однако мнение о «нетипичности» inferнального булгаковского персонажа принадлежит отнюдь не только двум авторам недоброжелательных рецензий на кураевскую книгу. Оспаривая такую трактовку, Андрей Кураев вольно или невольно лукавит и облегчает взятое на себя бремя полемиста: ведь на самом деле это почти общее место в булгаковедении, банальность. Кураев бросает риторический вопрос: «А что же в этом образе неклассического?» (с. 86, примеч. 1). И всё же ответ на него («А вот в чем!») был давно дан. Еще

¹¹ См. об этой линии изучения романа: *Боснак Д. В.* Роман «Мастер и Маргарита» и бахтинская теория литературы: новые аспекты // Грехнёвские чтения: Литературное произведение в системе контекстов. Нижний Новгород: Издательство «Книги», 2017. Вып. 7. С. 276–284. Здесь же — библиография по теме (с. 284, примеч. 1).

¹² См.: *Бугославская О.* Бдительность прежде всего // Октябрь. 2012. № 12. С. 162–164; *Яблоков Е.* Белым по-черному // Книжное обозрение. 2006. 15–21 мая. № 19. С. 6–7. При этом полемика, увы, ведется в недопустимой тональности: о первой рецензии сказано «написанная в запредельно-истерических тонах» (с. 86, примеч. 2), а вторая аттестована как «хамская» (Там же).

¹³ См., например: *Кураев А., диакон.* «Мастер и Маргарита». С. 119–124.

в 1983 году Лидия Яновская, чей авторитет Андрей Кураев безусловно признает и с мнениями которой, как правило, соглашается, отметила: «Всё, на что обращает свой взгляд Воланд, предстает всего лишь в своем истинном свете. Воланд не сеет зла, не внушает зла. Он всего лишь вскрывает зло, разоблачая, снижая, уничтожая то, что действительно ничтожно.

Мефистофель настойчиво, не гнушаясь обманом, доводит свои жертвы до преступления, отягощая их совесть деяниями, которых они не хотели совершать. По неведению Гретхен становится отравительницей своей матери, в бреду безумия убивает своего младенца... Дух-искуситель, Мефистофель где-то в основе своей предатель и лжец, как и все духи искушенья в мировой литературе.

Воланд не лжет, не искушает и потому не предает. В романе “Мастер и Маргарита” никто не совершает грехов по наущению. Свои грехи и свои преступления, большие или малые, — так же, как и свой подвиг, — каждый совершает сам, по собственному побуждению своей души». ¹⁴ Правда, Яновская вынуждена оговориться насчет червонцев в театре Варьете и упоминания о некоем человеке, которого Азazelло склонил к отравлению опасного для него лица. Но и это, как она полагает, скорее — выявление скрытых побуждений, чем собственно искушение. Классический дьявол, впрочем, так и делает, выявляя и разжигая потаенные человеческие желания. (Так, например, согласно «Сказанию о Борисе и Глебе», лукавый уловил в свои тенета будущего братоубийцу Святополка.) Существеннее другое: искушение червонцами и новинками дамской моды — это не более чем мелкая шалость, а склонение к серьезным грехам — фоновый мотив, отнесенный к неопределенному далекому прошлому.

Примерно схожим образом оценивает Воланда Игорь Сухих: «Булгаковский персонаж не столько творит зло, сколько *обнаруживает* его. Как рентгеновский аппарат, он читает человеческие мысли и проявляет таящиеся в душах темные пятна распада. Несчастливого Берлиоза, кроме случайности, губят гордыня и тотальное, циничное безверие (“Но умоляю вас на прощанье, поверьте хоть в то, что дьявол существует! О большем я уж вас и не прошу”). Лишь когда всё уже будет поздно, на мертвом лице Маргарита вдруг увидит “живые, полные мысли и страдания глаза”.

Единственным убитым, оставленным воинством Воланда в Москве, окажется барон Майгель, современный Иуда. ¹⁵ Все остальные отделы-

¹⁴ Яновская Л. Творческий путь Михаила Булгакова. М.: Советский писатель, 1983. С. 278.

¹⁵ Между прочим, судьба Майгеля — контрдовод против кураевского аргумента: в романе остается ненаказанным едва ли не главный из мерзав-

ваются сильным испугом и неприятными воспоминаниями. А кое-кто даже становится лучше, как Варенуха, приобретший “всеобщую популярность и любовь за свою невероятную, даже среди театральных администраторов, отзывчивость и вежливость” (“Но зато и страдал же Иван Савельевич от своей вежливости!”), или председатель Акустической комиссии, превратившийся в замечательного заведующего грибно-заготовительным пунктом».

Как резюмирует исследователь, «в “Мастере и Маргарите” Воланд, оставаясь оппонентом Иешуа, в сущности, играет роль *чудесного помощника* из волшебной сказки или *благородного мстителя* из народной легенды — “бога из машины”, спасающего героев в безнадежной ситуации». ¹⁶ Образ булгаковского Воланда, как напомнил Ю. М. Лотман, встраивается в культурную традицию, насчитывающую множество столетий: «От архаических мифологических образов, догматики манихеев до “Мастера и Маргариты” Булгакова с эпитафией из “Фауста” Гете: “Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо” — проходит цепь образов “добраго” (творческого) зла, в покровительстве которого нуждается доброе начало человека». ¹⁷ По словам Александра Зеркалова, впрочем содержащим преувеличение, «дьявольское начало Воланда сдвинуто в сторону Христа». ¹⁸

В интерпретации Кураева из описанных в романе деяний, однозначно негативно характеризующих Воланда, остается всего одно — удавленное искушение мастера, якобы обрекшее его на вечную смерть. Однако губительным вмешательство Воланда исследователь признает прежде всего потому, что видит в нем «классического дьявола». Интерпретация вязнет в логическом круге: Воланд — Сатана как он есть, ибо он погубил главного героя книги. Дарованные же мастеру вдохновение, а затем и Маргарита, и вечный приют губительны, так как исходят от дьявола...

Впрочем, должен признаться: систему доказательств Кураева я несколько утрировал. Некоторые соображения в пользу версии о безусловной вредоносности Воланда в отношении мастера у него имеются,

цев, обитающих в «московских» главах, — омерзительный доносчик Алоизий Могарыч, навлекший беду на мастера. За всех доносителей в «московских» пространстве и времени расплатился барон на великом балу у Сатаны.

¹⁶ Сухих И. Н. Русская литература для всех. От Блока до Бродского. М.: КоЛибри; Азбука-Аттикус, 2022. С. 500–501. Здесь, как и в иных случаях, все выделения принадлежат авторам цитируемых текстов.

¹⁷ Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 97.

¹⁸ Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. С. 98.

но всё это лишь косвенные доводы. Совет Маргарите «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут» (МиМ, с. 273) исследователь булгаковского романа трактует как попытку отвратить героиню от мысли о Боге и от молитвы Ему: просьба — это в том числе и молитва, а раз «никого», то, значит, и Господа. Роль Маргариты он считает катастрофической, поскольку она мастера не любила: привязанность с ее стороны ограничена плотской страстью, причем Маргарита не очень щепетильна и едва ли может быть названа истинно верной возлюбленной. Это она, искусив любовника славой, уговорила мастера предложить роман разным редакциям. Последний приют мастера и Маргариты, безмятежную и покойную жизнь в котором расписывают ему Воланд и возлюбленная, для Кураева — это мир остановившегося времени, в котором невозможно творчество. Исследователь напоминает, что гетевский Фауст в ужасе и отвращении воротил нос от чего-то похожего — от прелестей сельской жизни, нахваливаемых Мефистофелем. Обратил внимание интерпретатор романа и на странную ошибку, совершаемую Сатаной. Соблазняя мастера близким счастьем, Воланд патетически изрекает: «Неужели вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над риторикой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?» (МиМ, с. 371). У Гете выращиванием гомункула занят не дерзновенный и пытливый Фауст, а филистер и неудачливый имитатор Вагнер, а несчастный гомункул рождается неспособным обрести плоть, по-настоящему воплотиться. Полученный «домик» в пространстве покоя — награда пошловатая и ничтожная: «...от “потусторонней” силы мастер получает вполне посторонний, “цесарев” дар. Невысока же оказалась планка мечтаний и цена соблазна...» (с. 190—191); «Мастер получает именно тот дар, из-за которого грызутся члены МАССОЛИТа» (с. 191).

Покой находится в пространстве Воланда, то есть вроде бы в области адской: неслучайно Левий Матвей именно Сатану просит даровать его мастеру с подружкой. Образ вечного приюта собран из легко узнаваемых литературных мотивов, подчеркнута вторичен и условен — то есть, в трактовке Андрея Кураева, нереален, иллюзорен. Причем некоторыми приметам он удивительно напоминает местность, увиденную в тяжелом сне Маргаритой, — край, в котором, видимо, оказался ее сосланный возлюбленный: «Приснилась неизвестная Маргарите местность — безнадёжная, унылая, под пасмурным небом ранней весны. Приснилось это клочковатое бегущее серенькое небо, а под ним беззвучная стая грачей. Какой-то корявый мостик. Под ним мутная весенняя речонка, безрадостные, нищенские, полуголые деревья, одинокая осина, а далее, — меж деревьев, — бревенчатое зданьице, не то оно — отдельная кухня, не то баня, не то черт знает что. Неживое всё кругом какое-то и до того

унылое, что так и тянет повеситься на этой осине у мостика. Ни дуновение ветерка, ни шевеления облака и ни живой души. Вот адское место для живого человека!» (МиМ, с. 212). А к дарованному приюту «мастера со своей подругой» ведет «каменистый мшистый мостик» (МиМ, с. 372).¹⁹ И, наконец, явление мастера Ивану в эпилоге, когда бывлой пациент клиники Стравинского предстает «пугливо озирающ[им]ся обросш[им] бородой человек[ом]» (МиМ, с. 384). Для Андрея Кураева это свидетельство того, что герой обрел в обществе своей «неотвязной» ведьмы отнюдь не желанный покой, а поистине адское существование.

Разберем эти доводы по порядку. Призыв Воланда к Маргарите никого ни о чем не просить совершенно необязательно трактовать как попытку запретить несчастной женщине саму мысль о молитве к Богу. Непосредственным образом этот совет-заповедь связан с отказом героини растопить жалостью именно сердце Сатаны, никакого помышления молить Бога в ее сознании не возникает ни разу. Мотив молитвы в книге вообще отсутствует напрочь. Множественное число «сами предложат и сами всё дадут» предполагает, что речь идет прежде всего о властях земных: дьявол проговаривает сокровенную надежду автора на покровительство со стороны властей предержавших.

Да, чувство, привязывающее Маргариту к мастеру, — это эрос, плотская страсть. Неудовлетворенная, она способна толкнуть тоскующую героиню в объятия другого. Но природа этого чувства нимало не отменяет преданности возлюбленному. Это именно любовь, причем всепоглощающая, всеохватная: «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!» — вспоминает мастер (МиМ, с. 137). Автор, обычно сдержанный и предпочитающий нейтральный тон, живописуя эту любовь, прибегает к прямой и властной патетике: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык!

За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!» (МиМ, с. 249).

Андрей Кураев эти обращения счел нарочито манерными и пародийными, заметив: «Неужели великий Булгаков, великий стилист не смог найти других слов для описания “вечной любви”? Но если он нашел именно такие слова, то, может, это и не любовь? Может, это взаимное использование любовниками друг друга?» (с. 163); «Скажите, где еще

¹⁹ На параллель двух местностей первым указал Борис Гаспаров (*Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 69*), что Андрей Кураев не отметил.

Булгаков высказывался от себя о серьезном и вечном с такой назойливо-восторженной интонацией первомайских призывов? Тут очевидная авторская самоирония — фантазмагорию назвать “правдивым повествованием”. Тут очевидная фельетонность» (с. 163—164).

Как говорится, дело вкуса. Игорь Сухих, например, оценил эти фрагменты совсем иначе: «В главах, посвященных любви героев, возникает новый повествователь: не эпический живописец или сатирический наблюдатель, а патетический лирик, прибегающий к высокому стилю и романтическим формулам». ²⁰ Булгаков, работая над романом, такую патетику сознательно усиливал: «“Последний закатный роман”, как назвал его Булгаков в письме к жене еще 14 июня 1938 г., <...> шел к концу вместе с жизнью его автора. Расширено было начало второй части: слова, которыми открывалась глава “Маргарита” (“Кто скажет, что нет на свете настоящей любви? Да обрежут лгуну его гнусный язык! Нет, мастер ошибался, думая, что она забудет его. Она его не забыла”), теперь звучали более патетически: “*За мной, читатель!* Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей *верной, вечной* любви? Да обрежут лгуну его гнусный язык! *За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!* Нет! Мастер ошибался, когда с горечью говорил *Иванушке в больнице в тот час, когда ночь переваливалась через полночь, что она позабыла его. Этого быть не могло.* Она его, конечно, не забыла” <...>». ²¹

Мне в этих строках ни назойливая восторженность, ни фельетонность, ни самоирония не чудятся: призывы напоминают не советскую первомайскую риторику, а патетические места в лирических отступлениях создателя «Мертвых душ», ценимого и любимого Булгаковым. Но в природе чувства Маргариты убеждают не столько они, сколько первые ее слова возвращенному мастеру. Точнее, даже не слова, неспособные выразить главное, а паузы, интонационные обрывы сбивчивой, захлебывающейся речи: «Маргарита сразу узнала его, простонала, всплеснула руками и подбежала к нему. Она целовала его в лоб, в губы, прижималась к колючей щеке, и долго сдерживаемые слезы теперь бежали ручьями по ее лицу. Она произносила только одно слово, бессмысленно повторяя его:

— Ты... ты... ты...» (МиМ, с. 276).

Поскольку история любви мастера и Маргариты во многом воспроизводит перипетии чувства самого Булгакова и Елены Шиловской-Булгаковой, третьей жены, спутницы и помощницы писателя в работе над

²⁰ Сухих И. Н. Русская литература для всех. От Блока до Бродского. С. 507.

²¹ Чудакова М. О. Архив М. А. Булгакова: Материалы для творческой биографии писателя. С. 140.

романом вплоть до его кончины, предположить, что автор вложил в эту сюжетную линию и в образы героев негативный заряд, психологически совершенно невозможно.

Маргариту Кураев вообще не жалуется. Ее просьбу за Фриду он объясняет не жалостью и состраданием, а простым желанием избавиться от неприятного воспоминания и страхом оказаться бесчестной, нарушить обещание, данное детоубийце. Чувство чести, сознание долга героиня действительно называет мотивами своего поведения, когда просит Воланда за девушку. Однако что же в этом дурного, греховного? Александр Зеркалов, один из интерпретаторов романа, видит здесь явное противопоставление героини Пилату, нарушившему слово, данное Иешуа: «Маргарита объясняет свое заступничество чувством чести: она “имела неосторожность подать ей (Фриде) твердую надежду”. По тексту ничего такого не видно, но вот Пилат вполне определенно обнадежил Иешуа, и у него тоже были “приготовленные в душе слова” оправдательного приговора...

Это — совершенно новая нота, ее нет ни в одном из источников “Мастера” — тема женской рыцарственности и отваги».²²

Но объяснение Маргаритой Воланду своей просьбы об облегчении участи Фриды можно трактовать и иначе. Но тоже отнюдь не в ущерб героине: она мудро прибегает к внятому для Сатаны «формально-юридическому» дискурсу: жалость и сострадание все-таки — не по его ведомству.

Дарованный Воландом покой, вечный приют мастера и его возлюбленной, конечно же, — отнюдь не райское блаженство, не тот покой, о котором писал в своих стихах Григорий Сковорода, как неосторожно решила Ирина Галинская.²³ А творец романа о Понтии Пилате — не праведник, как считает Игорь Сухих.²⁴ Тем не менее он прав, когда отмечает, что эти сад и домик за ручьем перекликаются не только с токсичной местностью из сна Маргариты, но и с «чистой рекой воды жизни» из записи Левия Матвея — с символом, заимствованным не из

²² Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. С. 97. Александр Зеркалов, впрочем, заходит в трактовке эпизода с Фридой слишком далеко: уподобление им Маргариты в роли заступницы Богоматери (Там же. С. 98), конечно, — неосторожное преувеличение.

²³ См.: Галинская И. Л. Загадки известных книг. М.: Наука, 1986. С. 84.

²⁴ Ср.: «Подвижник и ученик Левий Матвей получает одно, художник-подвижник без имени — другое. Это не низший, а *другой* аспект бытия в хронотопе вечности. Свет и покой — два варианта, две версии рая, который заслуживают праведники» (Сухих И. Н. Русская литература для всех. От Блока до Бродского. С. 511 — 512).

евангельских текстов, а из Откровения Иоанна Богослова (22: 1) и обозначающим вечное бытие будущего века, неотмирное Царство Божие. Он же обратил внимание на обетование покоя праведникам в другом месте Откровения (14: 11, 13). Не менее показательно, что прошение о «месте покойне» содержится в заупокойной молитве из последования панихиды, где, впрочем, соседствует с прошением о «месте светле».²⁵ Наконец, мотив покоя и образ вечного приюта обволакивают литературные ассоциации, причем тоже отнюдь не негативные: это, например, пушкинские «покой и воля».²⁶ Но не только они: «Тот самый сад вечности и небытия — покой — который параллельно с Михаилом Булгаковым был воспет Мариной Цветаевой («За этот ад, За этот бред, Пошли мне сад На старость лет... — Тот сад? А может быть — тот свет?»). Который так прочно восходит к мотивам русской поэзии. К Лермонтову, например («Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, Про любовь мне сладкий голос пел, Надо мной чтоб, вечно зеленея, Темный дуб склонялся и шумел»). Или даже к Державину:

Себе построим тихий кров
 За мрачной сению лесов,
 Куда бы злые и невежды
 Вовек дороги не нашли
 И где б, без страха и надежды,
 Мы в мире жить с собой могли».²⁷

Тот факт, что вечный приют, обретенный мастером, соткан из легко опознаваемых литературных ассоциаций, счел признаком его иллюзорности и иллюзорности обещанного герою покоя еще Борис Гаспаров: «“Приют” Мастера, в его *прямой экспозиции* в романе, подчеркнуто, нарочито идиллически; он перенасыщен литературными атрибутами сентиментально-благополучных финалов: тут и венецианское окно, и стена, увитая виноградом, и ручей, и песчаная дорожка, и, наконец, свечи и старый преданный слуга. Такая подчеркнутая литературность и сама по себе способна уже вызвать подозрения, которые еще более усилива-

²⁵ На эту параллель обратил внимание Александр Зеркалов; ср.: *Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова*. С. 222.

²⁶ Указано Борисом Гаспаровым; см.: *Гаспаров Б. М.* Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». С. 68.

²⁷ *Яновская Л.* Последняя книга, или Треугольник Воланда с отступлениями, сокращениями и дополнениями. Цит. по электронной версии: <http://tanpuh.ru/yanovsk10c.htm> (дата обращения — 22.12.2023).

ются, если учесть то, что мы уже знаем о судьбе многих прямых утверждений в романе. Действительно, проанализировав мотивные связи, которые имеет приют в романе, мы обнаруживаем косвенно выявляемый смысл данной темы.

Прежде всего, приют находится *в сфере Воланда*.²⁸

«Литературность» вечного приюта мастера и Маргариты, однако, может свидетельствовать не только (и не столько) о фиктивности обретенного героями покоя, но и невозможности адекватно описать дарованное инобытие, а также об уходе художника в мир, созданный изящной словесностью, о приобщении к вымыслу, к художественным условностям как к истинной награде для творца романа. Что касается сходства этого посмертия с тоскливым местечком из сна Маргариты, то в колдовском мире булгаковского создания всё двойится, троекратно, отражается друг в друге, рождает подобия и обманки. Весь роман — в некотором смысле игра таких теней, обманок, полубманок, когда явственное сходство чревато разительным различием, а видимый контраст оборачивается почти что тождеством. Эту особенность поэтики «Мастера и Маргариты» — перетекание мотивов и образов — выразительно показал как раз Борис Гаспаров. Я же ограничусь одним примером. Имя литературного функционера главы МАССОЛИТа Берлиоза — Михаил — совпадает с именем автора. Совпадают также начальные буквы отчеств и фамилий. Однако это не основание считать Берлиоза двойником Булгакова.²⁹

Приют действительно относится к пространству, контролируемому или курируемому Воландом. Однако это не область ада: Сатана и его свита проваливаются в бездну («черный Воланд, не разбирая никакой дороги, кинулся в провал, и вслед за ним, шумя, обрушилась его свита» — МиМ, с. 372), мастеру и его спутнице предначертано идти к их приюту. Путь мастера и Маргариты — иной: «По этой дороге, мастер, по этой!» (МиМ, с. 371). Причем конечное решение о судьбе мастера

²⁸ Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». С. 68—69. На наблюдения по поводу литературности приюта Андрей Кураев ссылается, но не указывает гаспаровское толкование.

²⁹ Александр Зеркалов полагает: «Булгаков осудил себя <...>. Вдвойне, может быть, осудил, дав свои инициалы — М. А. Б. — литератору Берлиозу, приговоренному к абсолютному небытию. Но он дал две первые буквы полусужденному герою — МА-стер, а главное, читатель ведь знает, что, даже соприкасаясь с Берлиозовой скверной, он работал над рукописью “Мастера и Маргариты”» (Зеркалов А. Этика Михаила Булгакова. С. 214). Мне это объяснение представляется слишком хитроумным и неоправданно сложным: между автором и Берлиозом, как и между мастером и председателем МАССОЛИТа, нет практически ничего общего.

принял владыка не тьмы, но света: «Тот, кого так жаждет видеть вымышленный вами герой <...> прочел ваш роман <...>. Маргарита Николаевна! Нельзя не поверить в то, вы старались выдумать для мастера наилучшее будущее, но, право, то, что я предлагаю вам, и то, о чем просил Иешуа за вас же, за вас, — еще лучше» (с. 371).

Остается признать, что локус покоя, дарованный булгаковским любимым героям, не принадлежит ни к райскому, ни к адскому пространству: загробный мир в «Мастере и Маргарите» структурирован не так, как в Писании (где о нем, впрочем, почти ничего не сказано) или в средневековых апокрифах: он сложнее. «Он наделен своей структурой, иерархичность которой не до конца понятна и, вероятно, намеренно не прояснена автором».³⁰

Что касается якобы дискредитирующего сходства между обетованным домиком мастера и его подруги с перельгинскими дачами, из-за которых идет грызня и возня между литераторами МАССОЛИТа, то перед нами еще один пример обманчивости внешнего подобия. Дом в творчестве Булгакова — один из неизменных образов, воплощающих гармонию и счастье,³¹ и параллель с писательскими дачами его нимало не принижает. Как не принижает и контраст с гетевским Фаустом, который с отвращением отвергает деревенскую идиллию: роман Булгакова выткан отнюдь не по канве немецкой трагедии, он скорее полемичен по отношению к ней.³²

В предложении Воланда мастеру заняться выращиванием гомункула как будто бы действительно сквозит ирония, если упоминание о Фаусте — не ошибка памяти Булгакова. Впрочем, этот казус может быть примером сознательного «переписывания» гетевского текста-образца: словами дьявола булгаковский герой призывается к творчеству, которое по самой природе своей не может воплотиться в реальной жизни. Как и дух, выпестованный в колбе гетевским Вагнером.

Остается пугливый взгляд мастера, посещающего Ивана Понырева, — как будто бы зримое свидетельство того, что автор романа о Понтии Пилате так и не обрел покоя в обществе своей ведьмы. Действительно,

³⁰ Белобровцева И. З., Кульяс С. К. Путеводитель по роману М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 2012. С. 180.

³¹ Ср.: Лотман Ю. М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Tartu Riiklik Ülikool, 1983. Вып. 645. С. 130–137.

³² Это намеренное несходство прекрасно показано в упомянутых выше исследованиях Бориса Гаспарова и Александра Зеркалова, хотя зеркаловская интерпретация различия между творениями Булгакова и Гете не во всём убедительна.

эта деталь придает покою свойства амбивалентности, но отнюдь не аннигилирует представление о его обретении. Иван видит мастера таким, каким запомнил его по клинике Стравинского — с «встревоженными глазами» и небритым (МиМ, с. 129), причем неясно, видит ли несчастный лунатик *настоящий* призрак или грезу своего больного воображения. Эпизод оставляет ощущение не лжи, не обманчивости этого покоя, а неопределенности — чувство, которое во многом и призван порождать булгаковский роман. Кроме того, этот пугливый взгляд, ставший устойчивым атрибутом героя, соотносит мастера с Иешуа, который, приведенный к Пилату, смотрит на него «с тревожным любопытством» (МиМ, с. 20). Тот факт, что мастер и Маргарита после посещения Ивана Понырева уходят «к луне» (МиМ, с. 384), как прежде Понтий Пилат вместе с Иешуа, как будто бы свидетельствует об обретении ими даже не «покоя», а «света». Концовка романа отличается намеренной незавершенностью и неоднозначностью.³³

Андрей Кураев убежден, что роман о Понтии Пилате и Иешуа — инспирация Сатаны, стремящегося поколебать веру в богочеловечество Христа. Но и здесь всё сложнее. Во-первых, неясно, против кого и чего строил свои козни дьявол, если советские атеисты в лице Берлиоза отрицают самое существование Иисуса как человека и вопрос о Его божественной природе на страницах романа даже не затрагивался. Кураев считает, что в «Мастере и Маргарите» Булгаков критически оценивает толстовскую трактовку Христа и христианства. Однако такая трактовка вовсе не приветствовалась советской властью в 1920-е и 1930-е годы, когда абсолютно господствовала концепция истории Христа как вариации мифа об умирающем и воскресающем боге.³⁴ В качестве атеиста-пропагандиста версии о реальном существовании Иисуса-человека сам Андрей Кураев называет И. А. Кривелева, который, однако, как признает исследователь булгаковского романа, стал проводить эту мысль только в своих поздних работах.³⁵ Во-вторых, зачем было включать в текст «Мастера и Маргариты» обширные фрагменты из произведения мастера, если Булгаков был категорически не согласен с его трактовкой Иисуса и считал написание этого сочинения вредоносным и отступническим?

³³ О неоднозначности эпилога см.: *Белобровцева И., Кульяс С.* Конец текста как отсутствие конца: (К проблеме композиции романа «Мастер и Маргарита») // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia VI: Проблемы границы в культуре.* Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1998. С. 257–266 (см. особенно с. 262).

³⁴ См. хотя бы известные в свое время книги Емельяна Ярославского «Как рождаются, живут и умирают боги и богини» (1923) и «Библия для верующих и неверующих» (1938, 5-е издание).

³⁵ Ср.: *Кураев А., диакон.* «Мастер и Маргарита». С. 60.

Ведь не привел же он ни одной строки из богохульной поэмы Ивана Бездомного.

Действительно, к созданию романа о Понтии Пилате и бродячем философе причастен Воланд, и именно дьявол знакомит двух литераторов с первой из четырех глав творения мастера. Сон Иванушки, в котором разворачивается действие еще одной главы, может быть понят как Воландово наваждение: мир снов, иллюзий сопричастен демоническому. Наконец, Маргарита читает две последние главы по рукописи, возрожденной Сатаной. Всё так. Однако не может ли в булгаковском художественном мире нечистый дух, а тем самым и оказавшийся под его властью мастер, сообщать истину? Ведь другой (помимо принадлежащей мастеру) версии евангельских событий в книге Булгакова не дано: «...парадоксально-гностическая позиция в булгаковском романе, где Всевышний попросту выведен за скобки действия — Его замещает покровительствующий главным героям Сатана, более уместный в советской жизни. Хотя Воланд и обещает предъявить Берлиозу “шестое доказательство”, его главным религиозным аргументом становится именно откровение, то есть подлинная картина новозаветных событий, только поданная в его — и Мастера — специфической версии».³⁶

Андрей Кураев задается вопросом: зачем Булгаков «выставил Христа в нелепом виде?

Тут — одно из двух.

Или Булгаков отождествил Иешуа с Иисусом Христом, причем в Христе он видел своего личного врага, а потому и высмеял Его так жестоко». Или же «не свой взгляд на Христа передал Булгаков» (с. 213). Я ни нелепости, ни осмеяния в булгаковском Иешуа (который не тождествен евангельскому Христу, но и не является кошунственной пародией на Спасителя) не ощущаю.

Как сказано в Писании, «и бесы веруют, и трепещут» (Иак. 2: 19), к тому же Воланд нигде не выступает против Иисуса. Представление одной из глав в форме видения, в визуальном облике, как будто бы должно придать ей значение достоверного свидетельства.³⁷ Конечно, по

³⁶ Вайскопф М. Агония и возрождение романтизма. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 399–400. Мое понимание роли Воланда в романе изложено в статье: Ранчин А. «Причастие дьявола» и авторская идея в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Slavia Orientalis*. 2015. Т. 64, № 3. Р. 501–520; переиздана с дополнениями в книге: Ранчин А. М. Контекст и интерпретации: Этюды о русской словесности. М.: Литфакт, 2019. С. 276–300.

³⁷ См.: Weir J. The Author as Hero: Self and Imagination in Bulgakov's *Master and Margarita*, Pasternak's *Dr. Zhivago*, and Nabokov's *The Gift*. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2002. P. 118, note 28.

своей природе сон противоположен яви, однако и в религиозной книжности, и в мировой литературе (особенно романтической, которую продолжает роман о Мастере и Маргарите) он нередко выступает как форма откровения. Образ Иешуа создается мастером и Булгаковым на основе евангельских рассказов и произведений изящной словесности³⁸ примерно таким же способом, как образ Воланда.³⁹ Тем не менее булгаковского Сатану Андрей Кураев признает в рамках художественного мира романа фигурой реальной, в то время как Иешуа считает фикцией, которая с булгаковской точки зрения якобы не соотносится с евангельским Иисусом. Однако другого Иисуса в «Мастере и Маргарите» нет. Как нет и присутствия — либо значимого отсутствия — Бога вообще: Левий Матвей, появляющийся в «московском» пространстве, сообщает Воланду, что послан Им, прочитавшим роман о Понтии Пилате, и Воланд перед прощанием сообщит автору, что этот Он — Иешуа. Таким образом, и Левий Матвей, и сам Иешуа выходят за пределы «малого» романа в мир романа «большого» и должны быть признаны действительно существующими, причем Иешуа в том самом облике, каким мы видим его в изображении мастера, появится еще и в финале основного текста, где встретится с Понтием Пилатом. Из этого с неизбежностью как будто бы следует, что Иешуа реален, но что он (Он) больше чем человек.⁴⁰

Андрей Кураев считает, что Булгаков здесь следует идее оккультизма, согласно которой сотворенное способно начать самостоятельную жизнь, выйдя из-под власти творца. Предположение допустимое, но из него с неизбежностью следует: либо Булгаков создал оккультный роман, либо он отталкивается от оккультной идеи, превращая ее в чисто художественную условность. Признать первое Кураеву невозможно, так как оккультное произведение для него ничем не лучше сочинения ко-

³⁸ Одним из литературных прототипов Иешуа послужил князь Мышкин из «Идиота» Достоевского. См. об этом: *Зеркалов А.* Этика Михаила Булгакова. С. 225, 236.

³⁹ См. об этом: *Barratt A.* *Between Two Worlds: A Critical Introduction to The Master and Margarita.* Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 185.

⁴⁰ К. Мечик-Бланк предполагает, что возможным финалом романа мастера было воскресение Иешуа; эту догадку признает основательницей В. И. Немцев. См.: *Мечик-Бланк К.* На рассвете шестнадцатого числа весеннего месяца Нисана... (Апофатизм романа «Мастер и Маргарита») // Михаил Булгаков на исходе XX века: Материалы VIII Международных Булгаковских чтений. СПб.: Российский институт истории искусств, 1999. С. 134—144; *Немцев В. И.* Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: природа мистического // Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: Диалог с современностью: Сборник научных статей / Сост. и гл. ред. О. В. Богданова. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. С. 343, примеч. 20.

щунственно-атеистического. Если же допустить, что оккультная концепция используется в художественных целях и не несет в «Мастере и Маргарите» никакого идеологического содержания, то почему нельзя допустить, что и «классический» образ дьявола для Булгакова — это не более чем матрица, заполняемая во многом новым содержанием?

В действительности в «Мастере и Маргарите» не только роман мастера «выплескивается» за свои пределы, заполняя непосредственно пространство «московских» глав, но и роман Булгакова стирает границы между литературой и реальностью, словно моделируя жизнь самого писателя и его возлюбленной, а потом жены, Елены Шиловской-Булгаковой. «Булгаков, приближающийся к концу жизни, воспринимает финал книги как идеограмму собственной смерти. Предвосхищая постмодернистское толкование конца текста по аналогии с концом человеческой жизни и провозглашенным Ф. Фукуямой концом истории, писатель намечает отсутствие конца в своем закатном романе, выбирая открытый финал произведения как преодоление смерти» (И. З. Белобровцева).⁴¹ Покою желают мастер и Маргарита, но к этому же устремлены писатель и его подруга, окончание романа мастера и о мастере (Булгаковым, впрочем, не вполне отделанного) совпадает с завершением земного бытия автора. Этот эффект обратного воздействия, при котором творение мастера и о мастере словно влияет на судьбу творца, Булгаковым запрограммирован. Его герой признается Ивану Бездомному: «Пилат летел к концу, к концу, и я уже знал, что последними словами романа будут: “Пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат”» (МиМ, с. 136). И действительно, так (без «всадника») заканчивается последняя из известных нам глав творения мастера (26-я глава всего произведения), а также весь основной текст булгаковского романа⁴² и эпилог. Не автор дарит герою последнюю фразу, а наоборот, персонаж — своему автору. Роман Булгакова пишет мастер...

Такой прием словно уравнивает произведение и всё бытие. Отсюда и литературная «вторичность», насыщенность романа, в том числе и образа Воланда, легко опознаваемыми реминисценциями: роман как бы впитывает в себя всю литературную традицию и христологической,

⁴¹ Белобровцева И. З. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: роль пространства // Михаил Булгаков и славянская культура / Отв. ред. Е. А. Яблоков. М.: Совпадение, 2017. С. 95.

⁴² Правда, традиционно печатаемый последний абзац основного текста, заканчивающийся этой фразой, автором был перечеркнут, так что его включение в каноническую версию романа неоправданно. См. об этом: Яновская Л. Записки о Михаиле Булгакове. М.: Текст, 2007. С. 370; Белобровцева И., Кульяс С. Конец текста как отсутствие конца: (К проблеме композиции романа «Мастер и Маргарита»). С. 257–258.

и демонической тем.⁴³ Перед нами один из ранних подступов к постмодернистской поэтике.⁴⁴

Мастер и сам автор в романе родственны Воланду, косвенным указанием на что является игра инициалов их имен или прозваний: начальная кириллическая литера М в слове *мастер* совпадает с инициалом имени Михаил и одновременно является перевернутой латинской (немецкой) W, открывающей имя булгаковского Сатаны.⁴⁵ Основа этой родственности — в общности дара: Воланд, насылающий наваждения, рисуемый и гасящий образы Москвы и небесного Ершалаима, — великий творец иллюзий, мастер и автор — творцы фикций, *fiction*. (Неважно, что мастер мог «угадать», как он говорит, истинную историю «бродячего философа», — ее оформление, ее детализация в любом случае принадлежат фантазии; истина здесь — не фактографическая, а скорее экзистенциальная.) К тому же Воланд и его свита, осмеивающие москвичей, — еще и сатирики, как и сам Булгаков.⁴⁶

Естественно, в этом случае персонажи произведения о Понтии Пилате, в том числе и Иешуа, оказываются способны «ожить» в мире «большого» сочинения. Создание романа мастером и написание романа Булгаковым оказываются своеобразным демиургическим актом и подлинным оправданием настоящего автора. В том числе и перед Богом. Если Бог есть. Творчество и само взывание Бога, а не полемика с древсовско-ренановско-толстовским пониманием Христа и не осуждение мастера за отступление от ортодоксии, видимо, были для Булгакова оправданием подвижнического труда над романом. Если же говорить о вере, то «экзистенциалистская» трактовка «Мастера и Маргариты», принадлежащая Алексею Варламову, представляется весьма правдопо-

⁴³ О реминисценциях и простых заимствованиях в «Мастере и Маргарите» см. прежде всего: *Каганская Майя, Бар-Селла Зеев*. Мастер Гамбс и Маргарита // *Каганская М. Собрание сочинений*: В 3 т. [Б. м.]: Salamandra P. V. V., 2011. Т. 2. О литературной основе образа Воланда см., например: *Зеркалов А.* Этика Михаила Булгакова. С. 179–180.

⁴⁴ См. об этом: *Белобровцева И., Кульюс С.* «Бывают странные сближения...»: «Мастер и Маргарита» — постмодернистский роман? // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia V. Studia Helsingiensia 16: Модернизм и постмодернизм в русской культуре* / Ред. П. Песонен, Ю. Хейнонен, Г. В. Обатнин. Хельсинки, 1996. С. 375–381.

⁴⁵ См. об этом: *Гаспаров Б. М.* Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». С. 29; *Яновская Л.* Записки о Михаиле Булгакове. С. 349 (с указанием на первенство А. Д. Синявского).

⁴⁶ Стоит вспомнить, что в традиционной культуре, в частности, в древнерусской словесности, смех — это атрибут дьявольского мира. См.: *Лотман Ю., Успенский Б.* Новые аспекты в изучении культуры Древней Руси // *Вопросы литературы*. 1977. № 3. С. 148–166.

добной: «При всей легкости, фантасмагоричности и увлекательности булгаковского романа едва ли есть в русской литературе более трагическое и безысходное произведение. В этом не было вины Булгакова, в этом была его личная жизненная и конфессиональная трагедия. Измученный собственными обстоятельствами, он изверился не только в себе и своей судьбе, он изверился в мироздании и миропорядке, придя к выводу об исчерпанности христианства в родной стране, и об этой опустошенности написал роман, в котором сквозь видимый смех и ослепительный блеск письма невидимыми слезами оплакал мир, забывший Христа...». ⁴⁷

Трактовать же художественное произведение, в том числе и написанное по мотивам Писания, как непосредственное выражение авторского мировоззрения, не стоит. ⁴⁸ Во-первых, само я творца многослойно и часто противоречиво, и в произведении запечатлевается лишь одна из его граней. Религиозный скептик ⁴⁹ Афанасий Фет перелагает в стихах молитву «Отче наш», и это еще не свидетельствует о нем как об ортодоксальном христианине. Вольнодумец и скептик Гёте пишет трагедию о Фаусте, где дьявол явлен в своей традиционной роли, но это нимало не свидетельствует ни о признании им бытия нечистого духа, ни о безусловном признании бытия Божия, хотя Господь тоже фигурирует в «Прологе на небесах». Искать прямого отражения веры автора в произведениях изящной литературы, обращающихся к библейскому коду, к христианскому дискурсу, довольно рискованно. Иначе — по аналогии — отчего не признать Пушкина почитателем древнегреческих богов и двоеверцем за строки «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон» и «Веленью Божию, о Муза, будь послушна».

⁴⁷ Варламов А. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 727.

⁴⁸ Показательный пример с тем же булгаковским произведением, который при определенном ракурсе может быть прочитан, например, так: «В романе М. А. Булгакова гностическая модель мира развенчивает атеистические представления о действительности, утверждая нравственный и гуманистический идеал, воплощаемый в образе духовного человека (пневматика), которому предназначено открыть Истину (гнозис)» (Иванова И. Н., Бронская Л. И. Массонский гностический миф в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 1. С. 192). Взгляд на «Мастера и Маргариту» как на гностическое сочинение отнюдь не новый; основные работы, выражающие эту идею, представлены в библиографии указанной статьи.

⁴⁹ Часто (хотя, по-моему, не вполне верно) именуемый даже атеистом. Мой взгляд на проблему веры и неверия Фета см. в статье: Ранчин А. «Я между плачущих Шеншин, и Фет я только средь поющих»: Размышления над страницами новой биографии Фета // Новый мир. 2020. № 7. С. 171–172.

Булгаков строит свое произведение не по букве Писания и не по логике богословских трактатов, а по принципам мифа: это неомифологический роман,⁵⁰ и мерить его по лекалам теологии (неважно, для осуждения или апологии) — значит впасть в грех так называемой религиозной филологии,⁵¹ пренебрегающей художественной природой произведения. Стоит ли поверять гармонию или даже дисгармонию догматикой?

Публицист вправе оценивать произведение, среди прочего, и на предмет соответствия догматам православного учения. Однако сначала нужна его адекватная интерпретация — с проверкой всех иных, в том числе и диаметрально противоположных, толкований. Интерпретация, учитывающая художественное своеобразие и литературный контекст. Что же касается возможности для христианина восторгаться сочинениями, содержащими неортодоксальные и даже кощунственные трактовки библейских сюжетов или образов, то на этот вопрос филолог отвечать не уполномочен. Впрочем, православные христиане, высоко ценящие «Облако в штанах» или «Двенадцать», хотя и не восторгающиеся ими, автору этих строк известны. Но это вопрос вкуса.

---

⁵⁰ См. об этом: *Белобровцева И. З.* Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Конструктивные принципы организации текста. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus / Tartu University Press, 1997. С. 38–46. (Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis).

⁵¹ См. об этом явлении: *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской литературы, 1999. С. 585–600.

Путешествие в прошлое Высоцкий и «Фома Гордеев»

1.

Песня Высоцкого «Ой, где был я вчера» (1967) почти не привлекала внимания комментаторов с точки зрения ее историко-культурного генезиса. Видимо, лирическая ситуация песни — пьяный дебош героя, за который он (герой) и оказался в итоге побит — представляется настолько очевидной в своем житейском правдоподобии (за вычетом явно гротескных мотивов типа «выбил окна и дверь и балкон уронил»), что и сам вопрос о возможных источниках как будто не возникает. Лишь мы в комментарии, написанном совместно с А. Е. Крыловым, отметили сходство песни Высоцкого с уличной песней «Заявились к тетушке...».¹ Тексты двух этих песен действительно близки друг другу; ср., например:

Я обнял жену свою
За широку талию,
А потом за ножку взял
Тетушку Наталию.
<...>
Утром встал я раньше всех,
Морда вся расквашена...
(«Заявились к тетушке...»)²

---

¹ См.: Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Булат, 2010. С. 120.

² В нашу гавань заходили корабли: Сборник / Сост. Э. Н. Успенский, Э. Н. Филина. М.: Денис Альфа, 1996. С. 365, 366.

Ой, где был я вчера — не найду, хоть убей!
Только помню, что стены — с обоями,
Помню — Клавка была, и подруга при ей, —
Целовался на кухне с обоими.

А наутро я встал —
Мне давай сообщать...
<...>

И осталось лицо — и побои на нём...
(«Ой, где был я вчера»)³

Но сходство, конечно, еще не означает, что уличная песня непременно была прямым источником песни Высоцкого. Не будучи уверены в знакомстве поэта с песней о тетушке (да и существовала ли она уже к 1967 году?), мы на этом и не настаивали.

В этой статье мы хотим высказать версию о возможном прямом источнике песни, в знакомстве барда с которым сомневаться вряд ли можно.

В романе М. Горького «Фома Гордеев», в его кульминационной сцене, главный герой на обеде по случаю спуска на воду нового корабля, построенного купцом Кононовым, устраивает скандал и высказывает наболевшие мысли о купечестве и об отдельных его представителях, здесь же, на обеде, присутствующих: «Вы не жизнь строили — вы помойную яму сделали! <...> Помните вы бога? Пятак — ваш бог! А совесть вы прогнали. <...> Кровопийцы!» (и так далее).⁴ Скандал заканчивается тем, что Фому, который «чувствовал себя сказочным богатырем, избивающим чудовищ», валят на пол и связывают: «Он, утомленный борьбой, обессиленный позором поражения, лежал молча, оборванный, выпачканный в чем-то, крепко связанный по рукам и ногам полотенцами.

Теперь настала очередь издеваться над ним. Начал Зубов. Он подошел к нему, потолкал его ногою в бок... <...>

К Зубову подошел Резников. Потом один за другим стали приближаться другие...».⁵

Картина издевательств купцов над Фомой не конкретизируется. У Высоцкого сцена доведена почти до гротеска: «Кто — плевал мне в лицо, / А кто — водку лил в рот, / А какой-то танцор / Бил ногами в жи-

---

³ *Высоцкий В.* Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А. Е. Крылова. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. С. 178, 179. Далее ссылки на это издание даются в тексте, в круглых скобках, с указанием номера тома и страницы.

⁴ *Горький М.* Полное собрание сочинений: Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1968—1976. Т. 4. 1969. С. 450.

⁵ Там же. С. 449—451.

вот...» (1, 179). И если у Горького требование героя развязать ему руки остается без исполнения, то в песне Высоцкого руки героя оказываются развязаны («Развязали, — но вилки попрятали»), и это поэтически оправданно в контексте нарастающей гротесковости картины:

Тут вообще началось —
 Не опишешь в словах, —
 И откуда взялось
 Столько силы в руках! —
 Я, как раненый зверь,
 Напоследок чудил...

— и далее уже цитированное об окнах, двери и балконе. Любопытно, что Фома Гордеев, в отличие от героя Высоцкого, в этой сцене трезв (хотя ранее читатель не раз видит его пьяным — например, в сцене, где он избивает в клубе Князева).

Конечно, сцены у Горького и у Высоцкого имеют разную подоплеку: под пером прозаика происходит бунт героя против своего сословия, под пером поэта — гротескный пьяный загул. Но и это различие, и это расхождение в деталях не отменяет общего сходства двух ситуаций: «богатырский» дебош во время застолья и издевательская расправа над поверженным дебоширом.

Знал ли и помнил ли Высоцкий роман Горького? Наверняка знал и помнил: ведь творчество классика «социалистического реализма» популяризировалось в СССР очень широко. А роман «Фома Гордеев» изучался в Школе-студии МХАТ: 22 февраля 1958 года студент Высоцкий слушал лекцию А. Д. Синявского, посвященную двум произведениям писателя — «Фоме Гордееву» и повести «Трое».⁶ Это была третья с начала семестра лекция Синявского. Зная, что общение Высоцкого с новым для его курса преподавателем будет впоследствии очень тесным, что Высоцкий будет бывать у него дома, что Синявский одним из первых станет записывать пение (и комичные устные рассказы барда) на магнитофон, — нетрудно допустить, что уже тогда и необычный лектор (по воспоминанию однокурсницы поэта М. Добровольской, «немного странный человек, еще молодой, но уже с бородой», вызывающий «сразу же — ощущение доверия к тебе»), и излагаемый им материал («Называет имена, которые мы не читали. Бунин, Цветаева, Ахматова...»)⁷ вызывали особый интерес студента.

⁶ См.: Хроника 2-го курса 1957/58 года // Высоцкий: Исследования и материалы: В 4 т. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2012. Т. 3. Кн. 1. Ч. 1 / Сост. Ю. А. Куликов и др. С. 284.

⁷ Страницы будущей книги [Живая жизнь; ч. 2 / Сост. В. Перевозчиков]. М.: Инф. центр «Вагант», 1992. (Библиотека «Ваганта»; № 7). С. 4.

Однако дело не только в романе.

В 1959 году режиссер Марк Донской снимал фильм «Фома Гордеев». Главную роль в картине играл Георгий Епифанцев — однокурсник Высоцкого и его друг. Съемки проходили в Горьком. Первая жена Высоцкого, Иза Константиновна, была родом из этого города; она вспоминает о двух поездках с мужем в Горький — состоявшихся, по ее свидетельству, в 1958 и 1960 годах. Со второй поездкой у нее связаны воспоминания о встрече и общении с участниками съемочной группы «Фомы Гордеева» (в числе которых была и исполнительница главной женской роли Алла Лабецкая, тоже студентка Школы-студии). Друзья проводили время вместе; Высоцкий с Епифанцевым во время речной прогулки на пароходе даже переплывали Волгу.⁸ Но дело в том, что происходить в 1960 году это не могло: фильм вышел на экраны в конце 1959-го, и тогда же в печати появились рецензии на него.⁹ Может быть, съемки проходили в 1958-м, и встреча Высоцкого и Изы с Епифанцевым относится к первой поездке молодой пары на Волгу? Но дневник Епифанцева за летние месяцы 1958-го не содержит и намек на это: в июне он был в Москве, сдавал сессию, 4 июля отправился на свою малую родину, в Крым, и вернулся в Москву 26 августа. Дальше была учеба и другие московские дела.¹⁰

Стало быть, съемки в Горьком шли летом 1959 года, и вторая поездка Высоцкого и Изы на Волгу состоялась в 1959-м, а не в 1960-м, как утверждала она сама. Впрочем, любопытно, что в первоначальной редакции ее воспоминаний, записанной В. К. Перевозчиковым, о датах поездок было сказано не очень уверенно, с оговорками, эту неуверенность и нечеткую память выдающими: «*Сейчас скажу... Мама утверждает, что мы были в 58-м году... Да, правильно, когда я закончила студию, в 58-м году... И еще раз были в 60-м*» (курсив мой. — А. К.).¹¹

Так вот, в разговорах встретившихся в Горьком друзей не могла не зайти речь о работе, которой в тот момент был занят Епифанцев. И, разумеется, Высоцкий не мог не посмотреть этот фильм, когда он вышел на экраны.

⁸ См.: *Высоцкая И. С тобой... без тебя* / Сост.: Е. В. Колядина, А. Е. Крылов. Екатеринбург: Музей Владимира Высоцкого, 2017. С. 115–116.

⁹ См., например: *Строков П.* Трагедия бунтующей души // Советская культура. 1959. 10 дек. № 149. С. 3.

¹⁰ См.: *Епифанцев Г.* <Дневник 1958 г.> // Высоцкий: Исследования и материалы: В 4 т. Т. 3. Кн. 1. Ч. 1. С. 605–616.

¹¹ Живая жизнь: Штрихи к биографии Владимира Высоцкого / Интервью и лит. запись В. Перевозчикова. М.: Московский рабочий, 1988. [Вып. 1]. С. 138.

Сам Георгий Епифанцев вспоминает, что в 1961—1967 годах его общение с Высоцким было тесным, они часто бывали друг у друга — Высоцкий в квартире Епифанцева и его жены Лили в Большом Каретном ряду (впечатления от этих посещений могли отозваться в песне «В этом доме большом раньше пьянка была...»), а Епифанцев — у Высоцких в «доме на Первой Мещанской, в конце» («Баллада о детстве»). Бывали у них, кстати, и совместные загулы (а загул как раз и есть тема песни).¹² Обратим внимание: Епифанцев обозначает как год окончания тесного общения 1967-й — а это как раз год написания песни «Ой, где был я вчера». Значит, она создавалась еще на «епифанцевской» волне, и воспоминания о поездке на Волгу, о съемках «Фомы Гордеева», разговоры об этой работе вполне могли служить подоплекой появления этой песни — что не отменяет значимости других свидетельств о ее появлении и не противоречит им. Как вспоминают Д. М. Калиновская (Берон) и К. С. Диодорова (Филиппова), песня была написана в квартире у последней (она как раз и была в ту пору «молодой вдовой»; ср. в песне: «Молодая вдова, / Верность слову храня, — / Ведь живем одна — / Пожалела меня»), где Высоцкий и Калиновская работали над совместным (оставшимся нереализованным) сценарием фильма о войне.¹³ Но обстоятельства общения с двумя женщинами, у которых поэт в ту пору часто бывал, могли наслиться на давно памятный ему эпизод если не романа, то фильма «Фома Гордеев». Заодно заметим, что в том же 1967 году Высоцкий назвал героя своей шуточной «Пародии на плохой детектив» Епифаном — очевидно, что «в честь» друга, точно так же, как еще прежде, в 1966-м, фамилия актера Театра на Таганке Буткеева попала в «Песню о сентиментальном боксере», а впоследствии, в 1972-м, имя другого друга поэта, Абдулова — Сева — получил герой песенной дилогии «Честь шахматной короны».

Один из авторских вариантов песни «Ой, где был я вчера» озаглавлен «Путешествие в прошлое». Понятно, что название звучит иронически, но даже с учетом иронии слово «прошлое» слабо соответствует реальной временной дистанции по отношению к злоключениям лирического героя: они происходили всего-навсего «вчера» («Ой, где был

¹² См.: Епифанцев Г. <Из дневника 1983—1984 гг. Воспоминания о Высоцком> // Высоцкий: Исследования и материалы: В 4 т. Т. 3. Кн. 1. Ч. 1. С. 603.

¹³ См.: Крылов А. Е., Кулагин А. В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни. С. 120; Владимир Высоцкий: «Помните, война случилась в сорок первом...»: Материалы к сценарию / Публ. и коммент. А. Е. Крылова // Мир Высоцкого: Исследования и материалы: В 4 т. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. Т. 1. Вып. 3. С. 471—531.

я вчера»). Нам думается, что в этом названии есть невольная проговорка, адресованная и понятная людям дружеского круга, прежде всего — Епифанцеву. Ведь песня не могла не напомнить исполнителю роли Фомы Гордеева о сцене скандала на купеческом обеде. Дескать, сейчас идет 1967 год, а помнишь прошлое, 1959-й? Помнишь Нижний, съемки и нашу встречу? Восемь лет — временная дистанция, вполне достаточная для того, чтобы считать 1959-й «прошлым». Кстати, и сама тогдашняя поездка Высоцкого с Изой в Нижний с пятидневным, как вспоминает Иза Константиновна, возвращением обратно на пароходе, — тоже путешествие.

2.

Но вернемся теперь от фильма к роману Горького. Возможно, в лирике Высоцкого есть, и тоже на уровне поэтического «путешествия», еще один след, этим романом оставленный.

В свое время мы предположили, что источником лирической речной панорамы в «Песне о Волге» (1973) мог стать роман Мельникова-Печерского «На горах».¹⁴ После этого песня неоднократно комментировалась, наиболее подробно — А. Е. Крыловым и А. В. Скобелевым, восстановившими ее обширный интертекстуальный фон.¹⁵ А. В. Скобелев заметил, в частности, что концовка песни содержит «вполне традиционное описание типичного волжского антуража, схожие образцы которого можно найти у писателей, к этой теме обращавшихся (П. И. Мельников-Печерский, В. Г. Короленко, М. Горький, А. Веселый, А. Н. Толстой)».¹⁶ Так вот, такое описание есть именно в тексте «Фомы Гордеева»: «Быстро несется вниз по течению красивый и сильный “Ермак”, буксирный пароход купца Гордеева, и по оба бока его медленно движутся навстречу ему берега Волги, — левый, весь облитый солнцем, стелется вплоть до края небес, как пышный, зеленый ковер, а правый взмахнул к небу кру-

¹⁴ См.: Кулагин А. В. «Нижегородская» песня Высоцкого // Сюжет и время: Сб. науч. трудов. Коломна: КПИ, 1991. С. 172–174.

¹⁵ См.: Крылов А. Заметки администратора на полях высококоведения // Вопросы литературы. 2002. № 4. С. 336–339; Скобелев А. Из материалов к комментированию текстов песен В. С. Высоцкого // В поисках Высоцкого. 2020. № 38. С. 12–21. См. также специальную статью об этой песне: Перепелкин М. «Песня о Волге» В. Высоцкого: структура и смысл // В поисках Высоцкого. 2019. № 35. С. 3–12.

¹⁶ Скобелев А. Из материалов к комментированию текстов песен В. С. Высоцкого. С. 21.

чи свои, поросшие лесом, и замер в суровом покое. <...> То тут, то там сияют, в зелени ветвей, кресты церквей... <...> Заунывные песни точно просят о помощи... Порой в них звучит удаль отчаяния... <...> ...Ему (Фоме. — А. К.) казалось, что он движется по широкой серебряной тропе, где живут чародеи и богатыри сказок»; «...Часто на берегах реки являлись города. <...> Одни из них были побольше, другие — поменьше, но и люди, и дома, и церкви — всё в них было такое же, как в своем городе». ¹⁷ В песне Высоцкого есть и «богатырский» мотив, и упоминание бурлацкой песни, и сопоставление пологого и крутого берегов реки:

Волга песни слышала хлеще, чем «Дубинушка».

<...>

Что-то с вами сделалось, города старинные,
В коих — стены древние, на холмах кремли, —
Словно пробудились мблодцы былинные
И — числом несметные — встали из земли.

Лапами грабастая,
Корабли стараются —
Тянут баржи с Каспия,
Тянут — надрываются,
Тянут — не оглянутся, —
И на вёрсты многие
За крутыми тянутся
Берега пологие (2, 229–230).

Строка «В коих — стены древние, на холмах кремли» имела авторский вариант «...церкви да кремли» (церкви, напомним, упоминаются и у Горького). Кстати, и баржи — сквозной мотив в романе, с ними связаны особо выразительные эпизоды его: в начале отец Фомы, Игнат, с необъяснимой для хозяина радостью реагирует на гибель его баржи от глыб льда: «Ничего! Еще сто наживем!.. Ты гляди, как работает Волга-то! Здорово? Она, матушка, всю землю может разворотить...». ¹⁸ Ниже показана сцена разгрузки баржи (правда, это происходит не на Волге, а на Каме, но так ли это важно при общем волжском колорите романа?). Далее мы присутствуем при сцене подъема затонувшей баржи со дна Волги, когда Фома с азартом включается в общую работу. Высоцкому должна была быть близка эта атмосфера азарта, даже куража, сопровождающая перечисленные эпизоды романа, который он мог в свое время не только прочитать для сдачи экзамена, но и перечитать в связи со

¹⁷ Горький М. Полное собрание сочинений: В 25 т. Т. 4. С. 203–205.

¹⁸ Там же. С. 184.

съемками друга. Ну и, конечно, кроме романа, есть фильм, где всё это наглядно — и оттого запоминается, возможно, лучше.

Мы уже говорили, что Высоцкий и Иза плыли из Горького на пароходе, не уточняя, однако, каким именно маршрутом. Видимо, это был рейс так называемой «московской кругосветки», которую пароход совершал по маршруту «Москва — Горький — Москва»: до Горького вниз по Волге, от Горького вверх по Оке и затем, от Коломны, по Москве-реке. Круиз, предполагавший выход на берег и краткое знакомство с городами, был рассчитан на десять дней. Иза Константиновна вспоминает о пяти днях речного путешествия: это как раз половина срока. Начать поездку на пароходе можно было «из любого пункта, лежащего на пути следования судна».¹⁹ Вот молодые супруги и сели в Горьком. Конечно, Ока — не Волга, но плавание хотя бы косвенно ассоциировалось с волжской темой уже потому, что плыли Высоцкие с Волги. А значит, и впечатления от этого путешествия, пусть тоже косвенно, могли отозваться спустя десятилетие с лишним в «Песне о Волге». А она, в свою очередь, прямо или косвенно связана с романом и фильмом, потому что с ними связано посещение Горького.

Еще один штрих к теме «высоцкой» Волги. В черновом автографе песни есть два рисунка: изображение богатырского шлема (объяснимое мотивом «молодцев былинных» в тексте песни) и мужской профиль.²⁰ Кому он может принадлежать? Нам представляется, что изображенный поэтот человек похож на Епифанцева: слегка курчавящиеся короткие волосы, низкие темные брови с характерным загибом по краям, небольшой нос. На рисунке видны усы; Епифанцев усов не носил, но их носил его герой Фома Гордеев. Правда, там была еще и борода, на рисунке ее нет. Но усы можно считать графическим «компромиссом» между реальным обликом актера и кинематографическим обликом его героя. Впрочем, у юного Фомы в начале фильма маленькая бородка, в отличие от усов, в кадре почти не видна.

Одним словом, сочиняя «Песню о Волге», поэт должен был вспоминать свою поездку на эту реку, съемки фильма и своего друга. Он бывал на Волге и впоследствии — в 1967 году, в Куйбышеве, но это были две короткие, двух-трехдневные поездки, насыщенные выступлениями и встречами. И хотя в одну из них он успел покататься по Волге на «речном трамвайчике», всё же часовое катание несопоставимо с летними днями (или, может быть, даже неделями?), проведенными на великой русской реке летом 1958-го и летом 1959-го года. А больше он на Волге, судя по

¹⁹ Дмитриев В. И. и др. «Московская кругосветка»: Москва — Горький — Москва: Путеводитель. М.: Речной транспорт, 1960. С. 3.

²⁰ Владимир Высоцкий. Архивы рассказывают / Сост. Ю. Гуров и др. Новосибирск: [Б. и.], 2016. Вып. 9. С. 192.

составленному А. Петраковым списку выступлений,²¹ к моменту написания песни не бывал (бывал позже).

Апеллируя к словосочетанию «города старинные», А. Е. Крылов замечает, в противовес нашей статье 1991 года (см. сноску 14), что не стал бы «привязывать песню к определенному городу» и называть ее «нижегородской».²² Мы и не привязывали: определение «нижегородская» в названии нашей статьи было взято в кавычки. Конечно, волжская панорама в песне универсальна. Но всё же в основу ее легли именно нижегородские ассоциации, хорошо выстраивающиеся в единую цепочку. Кстати, хотя в романе Горького место действия не обозначено, в фильме указание на Нижний есть (вывеска «Нижегородское начальное училище»). Впрочем, и действие в романе поневоле ассоциируется с Нижним в силу происхождения автора. Во всяком случае, Фома живет не в Рыбинске, не в Казани, не в Симбирске, не в Самаре и не в Астрахани: эти города упомянуты в тексте как сторонние для него. С Камы он возвращается домой через Казань: это повышает «шансы» Нижнего на местожительство главного героя.

²¹ См.: Владимир Высоцкий: Каталоги: В 3 кн. М.: Кн. магазин «Москва», 2001. Кн. 1 / Сост. А. Петраков. (Библиотека журнала «Ванга́нт — Москва».)

²² Крылов А. Заметки администратора на полях высококоведения. С. 338.

VOX SCRIPTORIS

Религиозное мироощущение лирического героя Маяковского: от богоискательства к атеизму

Религиозным мотивам в творчестве Маяковского посвящено множество работ. В официальном советском маяковствоведении делался акцент на принципиальном и неизменном атеизме поэта (см., например, вышедшую в серии «ЖЗЛ» биографию Маяковского за авторством А. Михайлова). С этой же точки зрения рассматривался и его лирический герой. Однако столь однобокий взгляд осторожно подвергался ревизии уже давно. Тот же В. Шкловский, хорошо знавший поэта, писал, что Маяковский «взял религиозный образ, разрушая его». Именно разрушая, не отрицая. Также Шкловский отмечал тождественность для Маяковского пути верующего и пути поэта.¹ Ю. Карабичевский предполагал, что поэт всю жизнь метался между верой и безверием.² А современный исследователь творчества Маяковского Л. Кацис считает, что тот, помимо того что был человеком несомненно христианской культуры, находился под не осознаваемым им влиянием русской религиозно-философской мысли Серебряного века. Отсюда и главная поэтическая тема Маяковского — воскресение, восходящая к идеям философа Федорова.³

В этой работе мы хотим проследить эволюцию религиозной темы в творчестве Маяковского: от богоборчества и бо-

---

¹ См.: Шкловский В. О Маяковском. М.: Советский писатель, 1940.

² См.: Карабичевский Ю. Воскресение Маяковского. М.: Русские словари, 2000.

³ См.: Кацис Л. Роковой выстрел. М.: АСТ, 2018.

гостроительства в ранние годы — до атеизма, сначала сомневающегося, а после — вызывающего и воинственного, в поздние.⁴

Перед подробным разбором стихотворных текстов Маяковского, написанных им примерно до 1920 года, следует напомнить, что эти тексты во многом — непосредственное наследие Серебряного века. И, если говорить шире, — наследие мирового модернизма. Уже давно опубликованы религиозно-философские труды Владимира Соловьева, Дмитрий Мережковский в художественных и публицистических текстах провозгласил разделение церкви государственной и церкви Христовой, а Горький и Богданов выдвинули, каждый по-своему, идеи богостроительства. Что уж там говорить — прошло больше двадцати лет с провозглашения Фридрихом Ницше концепции «смерти Бога»! Едва ли молодой Маяковский штудировал основную околорелигиозную литературу своего времени. Однако ключевые идеи и тенденции, что называется, витали в воздухе:

*Будет
с кафедры лобастый идиот
что-то молоть о богодьяволе.*
(«Дешевая распродажа», 1916)

И Маяковский в своем раннем творчестве вполне соответствовал своему времени — добавляя «от себя» футуристского эпатажа и радикализма. При этом важно отметить: никакого атеизма в прямом смысле слова в раннем творчестве Маяковского нет. А его лирический герой в это время — скорее новый пророк, апостол, а то и вовсе некий новый мессия.

Самые ранние религиозные отсылки в творчестве Маяковского — вполне себе традиционные, пусть и, пожалуй, в духе романтизма. Поэт много пишет про «*адище города*» как про место, оставленное Богом окончательно и бесповоротно. В городе «*рогами в небо вонзались дымы*», а населяющие его грешники

*...спугнув копытом молитвы высей,
арканом в небе поймали бога
и, ощипавши с улыбкой крысьей,
глумясь, тащили сквозь щель порога.*
(«За женщиной», 1913).

⁴ Для этого мы исследовали корпус текстов поэта, используя следующее издание: *Маяковский В. В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Гослитиздат, 1955—1961. Все цитаты в статье даются по этому изданию — без указания страниц.

Разумеется, в адище города нет места подвижничеству и религиозности. Здесь «Христос из иконы бежал», а душа поэта распята «ключьями порванной тучи в выжженном небе на ржавом кресте колокольни» («Несколько слов обо мне самом», 1913). Город блудлив и бессодержателен, он «иссохший как Онания» («Гимн здоровью», 1915). Жители мегаполиса в гордыне грозятся бросить «перья линяющих ангелов» на шляпы своим возлюбленным («Мы», 1913). Это воистину «Вавилонища, Вавилончики, Вавилоны», где «люди или валялись, как упившийся Ной, или грохотали мордой многохамой» («Война и мир», 1915–1916). Маяковский недоумевает, за что Бог дал умереть его раннему кумиру Верхарну («Мрак», 1916). Лирический герой поэта в пронзительном послании к Богу просит последнего о надежде — и о милосердии:

*И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит —
чтоб обязательно была звезда! —
клянется —
не перенесет эту беззвездную муку!*
(«Послушайте», 1914).

Но буйный поэтический темперамент Маяковского мало приспособлен к тому, чтобы смиряться и страдать. С определенного момента он начинает в стихах бороться с существующим порядком вещей, определяя себя как предвестника некоей новой веры — горячей, несовместимой со смирением и покорностью. В этот период он верит, что Бог (истинный Бог, а не тот официально-государственный, отстранившийся от мирской суеты — и не ветхозаветный безжалостный каратель) одобрил бы его порывы:

*Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания
проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут богу в свое оправдание.
И бог заплачет над моею книжкой!
Не слова — судороги, слипшиеся комом;
и побежит по небу с моими стихами подмышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.*
(«А всё-таки», 1914).

Тогда же начинаются и самоотождествления с пророком и мессией. Сначала аккуратно, при помощи сопоставлений и сравнений: *«Помните: под ношей креста Христос секунду усталый стал. Толпа орала: “Марала! Мааарррааала!”»* («Ко всему», 1914). Хотя в природе — ангельской или не очень — своего происхождения поэт периодически сомневается. Возможно, он *«зачат Голиафами»* («Себе, любимому, посвящает эти строки автор», 1916). Развивается эта тема и в поэме «Человек» (1916—1917). Сначала поэт величает себя *«новым Ноем»*, а потом доходит до прямого сравнения себя (точнее, своего лирического героя) с Христом. Он упоминает, что в небе его Вифлеема *«не горело никаких знаков»*, — и, как и Спаситель, спускается к людям, которые его не принимают. Впрочем, сомнения именно в божественной природе своего «явления в мир» есть у него и здесь. Поэт как бы вскользь замечает: *«Пойте теперь о новом — пойте — Демоне в американском пиджаке и блеске желтых ботинок»*.

Также ключевыми в этот период становятся для поэта мотивы неосознанного богостроительства — возведения некоего Царства Божьего на земле, пересоздание религии, не удовлетворяющей поэта. Симптоматична здесь дихотомия двух мнений героев ранней трагедии «Владимир Маяковский» (1913). Старик с кошками, символизирующий в пьесе прошлое, говорит о Боге как о ком-то жестоковыйном и страшном, называет его *«обезумевшим»*, *«кричащим о жестокой расплате»* — и предлагает людям его бросить ради экстремального эскапизма (*«глядьте сухих и черных кошек!»*). Его антагонист, герой с именем и фамилией автора, напоминает, что этот мир всё-таки Божий (*«Все вы, люди, лишь бубенцы на колпаке у бога»*), и предлагает походатайствовать перед Высшим о судьбе людей:

*Я добреду —
усталый,
в последнем бреду
брошу вашу слезу
темному богу гроз
у истока звериных вер.*

И, конечно, апогея богоборчески-богостроительская тема достигает в поэме «Облако в штанах» (1913—1914). Как известно, изначально поэма называлась «Тринадцатый апостол», однако цензура это название зарубила. Хотя, что любопытно, соответствующие строки (*«может быть, просто в самом обыкновенном Евангелии — тринадцатый апостол»*) в ней останутся навсегда, а само раннее название Маяковский восстанавливать не стал и впоследствии.

Справедливости ради, лирический герой поэмы метит в ней не совсем в апостолы, сподвижники и летописцы чуда — скорее, в мессии.

Судите сами. Творчество возводит его «на *Голгофы аудиторий*», где закоснелые слушатели призывают поэта распять. Впрочем, он и сам готов, искупая боль человеческую, распять себя «на каждой капле слезовой течи». Герой, узрев в трагире лик Богоматери, горько жалуется ей, как сын:

*Видишь — опять
голгофнику оплеванному
предпочитают Варавву?*

Маяковский переполняет поэму библейскими отсылками, провозглашающими Второе пришествие («*Тысячу раз опляшет Иродиадой солнце землю — голову Крестителя*»). И в финале, когда разъяренный поэт врывается на небо, он ищет именно Отца:

*И когда мое количество лет
выпляшет до конца —
миллионом кровинок устелется след
к дому моего отца.*

Герой остается разочарованным — это снова не тот «*всесильный божисце*», которого он искал всё это время. Что ж, будем искать еще.

Большим потрясением для поэта стала Первая мировая война. Его настигают классические вопросы человека ищущего, но шаткого в вере: как можно было такое допустить, если Бог — всеблагод? В поэме «*Война и мир*» солдат просит умирающего сослуживца: «*Ты на небо летишь, — души, души его, Победоносца*». Это снова не тот бог, их уже трое таких — бог всеблагод и бессильный, бог официально-казенный, бог воинственный и жестокий. Что ж, тогда, как говаривал поэт позже применительно к «*Облаку в штанах*», «*долой вашу религию!*» Добавим: такую религию. Подлинную поэт не нашел, а это значит: надо ее построить. И тогда мертвые воскреснут («*Земля, встань тыщами в ризы зарев разодетых Лазарей*», — «*Война и мир*»), а тысячелетние разногласия наконец снимутся («*Представь — там под деревом видели с Каином играющего в шашки Христа*», — там же). И настанет долгожданная утопия, рай на Земле («*Будет стоять сплошное Рождество. Так что даже — надоест его праздновать*», — «*Хвои*», 1916).

Таким образом, дореволюционный лирический герой Маяковского, конечно, ортодоксальным верующим не был, но его нравственные метания в творчестве вполне можно назвать религиозными — он кочует от одной концепции Бога к другой, отчаивается, разочаровывается и вновь неутомимо ищет. И, главное, от декларируемого в позднем творчестве

атеизма он пока очень далек. В поэме «Флейта-позвоночник» (1915) поэт пишет: *«Вот я богохулил. Орал, что бога нет»*, — но на деле это вовсе не так. Напротив: в этот период он ни разу не утверждал подобного. По крайней мере, в стихах.

Революцию, как известно, Маяковский принял восторженно. Кажется, всё можно пересобрать с нуля — общественное устройство, культуру, быт... И приступить к построению Царства Божьего на земле — естественно, как понимал его сам поэт.

В первых постреволюционных текстах он делает упор на размежевание «старого» и «нового» — в том числе и в религиозном смысле. Вот, например, строки о погибших за революцию:

*Нам
до бога
дело какое?
Сами
со святыми своих упокоим.*
(«Революция», 1917).

В голосе поэта слышится триумф — мы сделали это! Это разлив *«второго потопа»*, способный перемыть *«миров города»*! Теперь уж точно людей будут *«брать на небо живьем»* — выстрадали, заслужили («Наш марш», 1917). А в стихотворении «Мы идем» (1919) голос Маяковского достигает почти религиозного экстаза:

*Кто вы?
Мы
разносчики новой веры,
красоте задающей железный тон...
Всех младенцев перебили по приказу Ирода;
а молодость,
ничего —
живет.*

Концепция Богочеловека, впрочем, тоже никуда не делась. В поэме «150 000 000» Маяковский сначала пишет о том, что *«мы <...> истово господу богу помолимся»*. Но какому? А вот он — *«боже из мяса, бог-человек»*. Но предела эта эйфорическая концепция достигает в пьесе «Мистерия-буфф» — тоже прямо религиозной, что видно даже по ее названию. В этой пьесе, конечно, сюжет — явно пародийный, но сама структура ее насквозь пропитана библейскими отсылками и парафразами, пусть и сниженными: семь пар чистых и семь пар нечистых, ад

и рай, ковчег и Земля обетованная, черти и сам Вельзевул... Религиозную утопию Маяковского (приправленную футуризмом, конечно) озвучивает Человек просто (любопытно, что именно эту роль сам Маяковский играл несколько раз при постановках пьесы):

*Не о рае Христовом ору я вам,
где постнички лизжут чаи без сахару.
Я о настоящих земных небесах ору.
Судите сами: Христово небо ль,
евангелистов голодное небо ли?
В раю моем залы ломит мебель,
услуг электрических покой фешенебелен.
Там сладкий труд не мозолит руки,
работа розой цветет по ладони.
Там солнце такие строит трюки,
что каждый шаг в цветомории тонет.*

И еще одно:

*Всякий, кому нестерпимо и тесно,
знай:
ему —
царствие мое небесное.*
(«Мистерия-буфф», 1921).

Некоторый перелом в отображении христианской темы в поэзии, равно как и в отношении к ней, начинается у поэта с героической агитационной поденщины. Сначала это были «Окна РОСТА» (1920). В «Пожелании к следующему рождеству» он пишет: «Некогда шли трое к яслям волхвы за звездою. Новую легенду строит история взамен той». В стихотворении «Нам бы только вот это воскресити...» рабочие поют: «Коммуна воскресла!» Но, как мы видим, прямого атеизма здесь пока тоже нет.

В «Пятом Интернационале» (1922) начинают раздаваться первые звоночки. Лирический герой вызывающе говорит, что он «двадцать лет не ходил в церковь» — и не собирается впредь, а также признается, что «радостный» выходил смотреть, как громили Храм Василия Блаженного. Это еще можно, конечно, списать на эпатаж в духе его раннего «Я люблю смотреть, как умирают дети». Но позднее борьба с религией станет активизироваться и в масштабах страны, и первый горлан и главарь ее, разумеется, не мог оставаться в стороне. Антиклерикализму и борьбе против утаивания церковных ценностей посвящен цикл агит-

плакатов 1922—1923 годов («Когда мы побеждали голодное лихо, что делал патриарх Тихон?», «О патриархе Тихоне. Почему суд над милостью ихней?», «Граждане! Поймите же, наконец, голод дошел до ужаса...», «Нечего есть! Обсемениться нечем!..», «Займем у бога»). Любопытно, что поэтически-политическая аргументация в последнем стихотворении... вполне себе христианская, в духе натурального нестяжательства:

*Мы берем ненужное золото, берем для голодных —
никто сказать не смеет, что это вот
против веры христианской идет.
В пещерах бедняками жили основатели веры вашей.
Сергей Радонежский служил в холицовой ризе,
причащал из деревянной чаши.
Нынче народ в нужде, народ по праву
может взять из храма и ризу и оправу.
Мы берем бесполезное богатство,
мы голодным нищим дадим хлеб!
Это
не кощунство, а исполнение Христова завета.*

Антиклерикализм, впрочем, тоже еще далеко не атеизм — лишь одна ступень на пути к нему. Тем более, в этот период Маяковский пишет одну из своих лучших вещей — поэму «Про это». В ней он снова затронет тему воскресения, а идущего по воде человека (Спасителя?) сравнит сначала с Иисусом, а потом — с красноармейцем. Что, видимо, в этот момент для него равнозначно на уровне символов: один завет идет на смену другому. А обыватели, люди прошлого, могут опошлить и то («Взыграли туш ангелочки-горнисты, пророзовев из иконного глянца. Исус, приподняв венок тернистый, любезно кланяется»), и другое («Маркс, впряженный в алую рамку, и то тащил обывательства лямку»).

Еще в первой половине двадцатых Маяковский воюет с периферийными религиозными темами — обрядами, праздниками. Это тоже близко к суровому первоначальному христианству («Наше воскресение», 1923; «Не для нас поповские праздники», 1923). Его борьба за науку и против религии в этот период выглядит борьбой с бессмысленными суевериями — он будто иллюстрирует пословицу «На Бога надейся, а сам не плошай». Таков, например, цикл агитлубков «Ни знахарь, ни бог, ни ангелы бога — крестьянству не подмога» («Долой!», «Прошения на имя бога — в засуху не подмога», «Про Феклу, Акулину, корову и бога», «Товарищи крестьяне, вдумайтесь раз хоть — зачем крестьянину справлять Пасху?», «Про Тита и Ваньку»), где крестьяне то молятся о преодолении засухи, вместо того чтобы подходить к вопросам агрономии с умом, то

глупая бабка не лечит корову, а уповает на милости святого Егория, то люди борются с оспой молитвами... Схож по тематике и цикл «Обряды» («Кому и на кой ляд целовальный обряд», 1923; «Крестить — это только попам рубли скрести», 1923; «Крестьяне, собственной выгоды ради поймите — дело не в обряде», 1923; «От поминок и панихид у одних попов довольный вид», 1923; «На горе бедненьким, богатейшим на счастье — и исповедники и причастье»). Любопытно, что в последний цикл входит и стихотворение «От примет кроме вреда ничего нет», прямо повествующее о вреде веры в порчу, сглаз и прочее. То есть в текстах этого периода, вполне утилитарных по содержанию, Маяковский борется с внешней, поверхностной стороной народной веры, близкой к суевериям. Борется плакатно, просвещенчески.

И только во второй половине 1920-х годов лирический герой Маяковского приходит собственно к атеизму. Единственное: он у него слишком уж резкий, вызывающий, нарочитый — словно поэт кому-то что-то пытался доказать. Возможно, самому себе.

В стихотворении «Гуляем» (1925) достается и церквям, куда, по словам автора, ходят одни глупые старухи, и Богу. Наконец это сказано:

*Сделали картинку,
назвали — «бог»
и ждут,
чтоб этот бог помог.
Глупые тоже —
картинка им
никак не поможет.*

Прощается с Богом (и Блоком) Маяковский в поэме «Хорошо!» (1927). Христос не приходит к Блоку — и к Маяковскому тоже. Вместо этого — «живые люди с песней вместо Христа». Бога больше нет. Но если нет Бога, приходит дьявол. Крайне симптоматична оговорка (оговорка ли?) поэта в стихотворении «Разговор с товарищем Лениным» (1929): «Товарищ Ленин, работа **адовая** будет сделана и делается уже». Поэты тонко чувствуют такие вещи. За год до смерти атеистические мотивы станут у Маяковского какими-то нервно-неистовыми: «Долой из жизни два опиума — бога и алкоголь!» («Два опиума», 1929), «Бога нельзя обходить молчанием — с богом пронырливым надо бороться!» («Надо бороться», 1929). А еще через год поэта не станет. Случайно или нет, но в последнем неоконченном тексте он напишет:

*надеюсь **верую** вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие.*

Именно так, со старокнижным «верую». Загадывать, как менялось бы отношение Маяковского к вере, проживи он еще какое-то время, некорректно. Но отчего-то кажется, что точно менялось бы — как и всю его предшествующую жизнь.

Конечно, тема религии в творчестве Маяковского — очень и очень непростая. Недаром над ней бьется столько исследователей. Несомненно одно: религиозное мироощущение его лирического героя непрестанно трансформировалось — от романтического богоборчества к богостроительству раннесоциалистического типа. И пришло к отчаянному, вызывающему атеизму. Но совсем изгнать эту тему из творчества поэт никак не мог. Он учил Закон Божий в гимназии. Он пытался построить Царство Божие на земле. А в итоге, как писал сменовеховец Устрялов, «как и Ницше, Маяковский — религиозная натура, убившая Бога».⁵ Об этом же писала и Марина Цветаева:

*Много храмов разрушил,
А этот — ценней всего.
Упокой, Господи, душу
Усопшего врага твоего.*

---

⁵ Устрялов Николай. Религия революции // Устрялов Николай. Национал-большевизм. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003. С. 436. Это высказывание Устрялова известно также в передаче Романа Якобсона: «...как и Ницше, Маяковский убил Бога в себе» (см.: Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов. 1931 // Смерть Владимира Маяковского. The Hague; Paris: Mouton, 1975).

На фоне одной переписки Надежда Мандельштам, Николай Харджиев и все-все-все

К 125-летию со дня рождения Надежды Мандельштам

ПИСЬМА С ПРЕДЫСТОРИЕЙ И СУДЬБОЙ

Это мальчик-рисовальщик...

О. Э. Мандельштам

От рисунков Чекрыгина трудно оторваться — они засасывают — и вместе с тем хочется вырваться из этого плена...

Л. Ф. Жегин¹

Нужен ли профессиональный разговор? — я им владею, но не в нем дело. Живопись, как и всякое искусство, — это высшее выражение себя в отношении ко времени и людям. Средствами изобразительными, конечно. Здесь художник со своим миром говорит, с людьми о человеческом — потому что у них один мир.

Н. Я. Мандельштам — Р. Р. Фальку²

Николаша и Надька

Харджиев и Чекрыгин

В 1964 году издательство «Советский художник» обратилось к Николаю Ивановичу Харджиеву (1903—1996) с предложением

¹ Воспоминания о Василии Чекрыгине // *Калмыкова*, 2020. С. 215. (См. в конце Принят. сокращения.)

² «Здесь художник со своим миром говорит...»: Два письма Н. Я. Мандельштам Р. Р. Фальку / Публ., вступ. заметка и примеч. А. Сарабьянова // «Посмотрим, кто кого переупрямит...». С. 193.

нием написать книгу о художнике Василии Николаевиче Чекрыгине.³ Этому предложению предшествовали неоднократные попытки Н. Х. напомнить публике о его живописи. В Доме-музее В. В. Маяковского в Гендриковом переулке на Таганке он дважды устраивал выставки рисунков Чекрыгина.⁴ На первой из них — однодневной, состоявшейся 14 марта 1957 года,⁵ — экспонировалось 120 работ,⁶ а на второй — трехдневной, в декабре 1964 года (Хрущева уже сняли), — немногим больше: около 130.⁷

Эти полуподпольные выставки, очевидно, проторили дорогу не только упомянутому издательскому предложению, но и всем последующим экспозициям Чекрыгина и публикациям о нем. В 1969 году в Гравюрном кабинете Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина была развернута первая масштабная экспозиция рисунков Чекрыгина. При этом устроители прибегли к нестандартному приему: они «экспонировали рисунки сплошной полосой, наподобие непрерывной киноленты, охватывающей помещение»,⁸ где каждый лист был подобен кадру — фрагменту «вневременной мистерии борений жизни-смерти, не имеющей ни начала, ни конца, ни верха, ни низа»,⁹ а целое являло собой то, что Сергей Эйзенштейн, применительно к кино, называл «движущейся фреской».

Выставку и каталог к ней готовил Евгений Семенович Левитин (1930—1998), сотрудник музея и добрый знакомый Надежды Яковлевны Мандельштам.¹⁰ Статья Левитина в этом каталоге — «Об искусстве В. Н. Чекрыгина» — была одной из первых, написанных о художнике в СССР; в 1970-е годы за ней последовали работы В. Ракитина,¹¹ Ю. Гер-

³ *Чекрыгин*, 2005. С. 153 (комм.).

⁴ Главным образом, из семейного собрания: рисунки предоставила вдова художника, Вера Викторовна Беренштам-Котова.

⁵ Дата дается по изд.: Лев Жегин: мистика искусства / Автор-составитель В. Калмыкова. М.: Русский импульс, 2020. С. 145—146.

⁶ *Харджиев. Разговоры*. См. примечания.

⁷ См.: *Точеный О.* Выставка работ В. Н. Чекрыгина // *Знамя* (Калуга). 1965. № 3. Со стороны музея партнерами Н. Х. были Геннадий Айги и Владимир Радзишевский.

⁸ *Мурина Е.* Василий Николаевич Чекрыгин // *Чекрыгин*, 2005. С. 43.

⁹ Там же.

¹⁰ Василий Николаевич Чекрыгин (1897—1922). Рисунки: Каталог выставки. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 1969.

¹¹ *Ракитин В.* Сила образного драматизма // *Искусство*. 1971. № 10.

чука¹² и Ю. Молока и В. Костина.¹³ Отдельные произведения Чекрыгина были отобраны на знаменитый тандем выставок — «Париж — Москва» (1979) и «Москва — Париж» (1981). В 1992 году в Кельне, в галерее Кристины Гмуржинской-Бшер, специализирующейся на русском авангарде, состоялась большая монографическая выставка Чекрыгина.¹⁴

Книгу же о Чекрыгине Харджиев тогда так и не написал, как не написал он ее и в 1973 году, когда издательство снова обратилось к нему с тем же предложением.¹⁵ Но к самому предложению он отнесся серьезно и начал собирать для будущей книги материал. Именно в этом контексте и следует воспринимать его обращение к Н. Я.: где-то на стыке 1964 и 1965 годов он попросил ее набросать, что вспомнится, о художественной жизни Киева 1918—1919 годов, законной частицей каковой она, бесспорно, была.

Для Н. Х. это было достаточно характерной практикой. Так, например, в его архиве сохранились воспоминания Григория Петникова о Мандельштаме, датированные 14 апреля 1963 года.¹⁶ Он же уговорил писать воспоминания даже Казимира Малевича. При этом к мемуарам как жанру он демонстрировал только презрение: «Я ненавижу воспоминания. Самое ужасное — это литературные мемуары, особенно те, которые через сорок лет пишутся. Через сорок лет секунданты Мартынова выдавали себя за секундантов Лермонтова».¹⁷

¹² Герчук Ю. Василий Чекрыгин // Творчество. 1974. № 10.

¹³ Молок Ю., Костин В. Об одной идее «будущего синтеза живых искусств» (По материалам писем В. Н. Чекрыгина Н. Н. Пунину начала 20-х годов) // Советское искусствознание '76. М.: Сов. художник, 1977. Вып. 2. С. 287—336.

¹⁴ Статью для ее каталога написал Василий Ракитин: *Wassili Rakitin. Wassilii Tschekrygin. Mystiker der Russischen Avantgarde: Katalog von Wassili Rakitin.* [Köln]: Galerie Gmurzhynska, 1992.

¹⁵ Харджиев. Разговоры. Запись за 23 июля 1973 г.

¹⁶ РГАЛИ, ф. 3145, оп. 1, д. 235. Опубликовано по авторской копии в изд.: *Григорий Петников. Страничка воспоминаний (Осип Мандельштам) / Публ., вступ. заметка и примеч. П. Поберезкиной // Toronto Slavic Quarterly.* 2012. Vol. 40. P. 311—325.

¹⁷ Слова из интервью с Н. Х. Варвары Арутчевой, сделанного в 1974 г. Пикантность этой реплики — и в том, что в конце 1960-х годов, т. е. спустя 30 лет после оспариваемых им событий, он и сам оказался в позе «секундантов Мартынова». Так, Н. Х. утверждал, что О. М. и Н. Я., в 1937 г. несколько раз приезжавшие в Москву из Савелово или Калинина, нелегально ночевали в столице не в комнате Тали (Натали Георгиевны) Корди, его соседки по коммуналке и свояченицы В. Шкловского, как об этом писала Н. Я., а в той же коммуналке, но в его, Н. Х., комнате.

Момент для обращения Харджиева к Н. Я. — зима 1965 года — оказался идеальным и в контексте ее биографии. В июне 1964 года она окончательно вернулась из Пскова в Москву и — на правах якобы дальней родственницы — прописалась в столице, в Лаврушинском, у Василисы Георгиевны Шкловской-Корди (1890—1977), кстати, тоже художницы. Все педагогические скитания Н. Я. остались позади: Ташкент — Ульяновск — Улан-Удэ — Чебоксары — Псков. А самое главное: в октябре-ноябре 1964 года, в Тарусе, она закончила, наконец, свои «Воспоминания». ¹⁸

Впереди же, до конца 1965 года, Н. Я. ожидали самые настоящие чудеса — обретение голоса О. М. (на восковых валиках), триумфальный майский вечер в МГУ и, наконец, оседание в Москве — вселение в собственную однушку в кооперативе на Большой Черемушкинской в конце октября.

Зиму же 1964/1965 годов Н. Я. проживала в Тарусе: с июня по сентябрь 1964 года — у тети Поли (Полины Федоровны Степиной) на 1-й Садовой, 2, а с октября 1964 по июнь 1965 года — в пустом и холодном доме Оттонов-Гольшевых на ул. Карла Либкнехта, 29. Но как свой обратный адрес — чтоб не запутывать почтальона? — Н. Я. неизменно указывала именно тети Полин.

Но и в Москву Н. Я. наведывалась нередко, старалась не пропускать ни хороших выставок, ни хороших концертов. В том же декабре 1964 года она побывала на нескольких выставках — В. А. Фаворского в Пушкинском музее, П. В. Кузнецова на Кузнецком мосту и той самой выставке Чекрыгина в Музее Маяковского.

Вообще-то расспросить Н. Я. о киевской ее молодости хотели многие и помимо Харджиева, пусть и позже него. Прежде всего — Елена Борисовна Мурина (1925—2021), близкая подруга Н. Я., искусствовед и исследователь авангарда. Основываясь исключительно на «Воспоминаниях» Н. Я., она писала:

«Любой человек несет на себе печать юных лет, когда закладывался фундамент его личности. В Н. Я. всегда ощущалась стилистика ее авангардной молодости, когда она, ученица студии Александры Экстер, участница каких-то “революционных” действий, вращалась в “табунке” (ее слово) таких же ниспровергателей всего “старого”, как она. Это в зрелости под влиянием Мандельштама, предвидевшего страшные последствия российской “культурной революции”, она писала о разрушительной стихии авангардного сознания, когда, не задумываясь, растаптывали “старую” культуру и церковь». ¹⁹

¹⁸ *Нерлер П.* В поисках концепции: книга Надежды Мандельштам об Анне Ахматовой на фоне переписки с современниками // *Мандельштам Н.*, 2008. С. 8—10.

¹⁹ *Мурина*, 2015. С. 378.

Но «Воспоминания» — для самой Н. Я. — это высказывание прежде всего о Мандельштаме, а не о себе. И свою киевскую — хазинскую²⁰ — молодость 66-летняя Н. Я. предпочла бы не ворошить.

Но и отказать «Николаше» — проверенному, надежному другу, к тому же, работавшему тогда над будущим томиком Мандельштама в Большой серии «Библиотеки поэта», она никак не могла. В этом, кстати сказать, той зимой царил абсолютный штиль. И, хотя Мандельштама никто не запрещал, издание из года в год откладывалось и переносилось на неопределенное время. Харджиевской вины в этом тогда не было, срабатывала — сверхузкая — квота на список «труднопроходимых» авторов, что выливалось в конкуренцию сил их теней на земле. В 1964 году «по квоте» вышел Пастернак, а в 1965 — Цветаева. Мандельштама же Орлов хотел и вовсе загнать в прокрустов отстойник — в коллективный сборник «Поэты начала века» в Малой серии. До весны 1967 года, когда отношения Н. Я. и Н. Х. разобьются вдребезги, оставалась еще пара долгих и насыщенных лет...

Другое дело, что исполнение просьбы Н. Х. растянулось на месяц-полтора, породив не одно, а два письма: первое — записочка от 14 января с просьбой подождать, дать ей подумать и не торопить («Когда сварится, напишу сразу и быстро»), а второе — от 16 февраля — уже с искомым рассказом. И вот его зачин: «Николаша милый! Меня всё время гнетет обещание написать вам о художниках. Беда в том, что я о них не думаю: они безнадежно ушли в прошлое. Оказалось, что я помню только общие очертания, какое-то световое пятно. Мои пути разошлись с ними уже в то дальнейшее время».²¹

Получив же от Н. Я. искомое — ценнейший, в сущности, источник сведений о киевских художниках, — Н. Х. не рассказывал о письме практически никому. Не вспоминала о нем и Н. Я.

И письмо Н. Я. легло на самое дно харджиевского архива, став его неприметной песчинкой.²²

Подхваченную самумом отчаянной попытки Н. Х. релоцироваться вместе со своим архивом на Запад ради спокойной и безбедной работы над ним, — попытки равно трагической и утопической, — долго еще носило эту песчинку по папочкам, чемоданам, тайникам, сейфам и запасникам Москвы, Кельна, Амстердама и снова Москвы.

²⁰ Девичья фамилия Надежды Яковлевны — Хазина.

²¹ РГАЛИ, ф. 3145, оп. 1, д. 204. Цитаты из писем Н. Я. к Н. Х. от 14.01.1965 и 16.02.1965 далее даются без указания места хранения.

²² В частности, отголоски письма ни разу не всплыли в записях Веры Федоровны Сулимовой, взявшей на себя относительно Н. Х. примерно ту же миссию, что Эккерман относительно Гете. Между тем Чекрыгин — один из самых частых персонажей ее разговоров с Н. Х. (см.: *Харджиев. Разговоры*).

Харджиев и Мандельштам

С Мандельштамом Харджиев лично познакомился осенью 1928 года у Эдуарда Багрицкого в Кунцево, где Н. Х. в то время попросту жил: «М<андельштам> приехал в Кунцево с Зенкевичем. Беседа была много-часовая, пили вино, сочиняли шуточные экспромты на мотив “Гаврилы”. Тогда же М<андельштам> предложил Багрицкому и Х<арджиеву> встретиться в Москве, у Адуева. Встреча состоялась...».²³

В 1932 году — в самый разгар работы над собранием сочинений Маяковского — Харджиев признавался Василисе Шкловской: «Могу читать только Мандельштама. Если получу новые его стихи, пришлю вам».²⁴

Но своей кульминации дружба Н. Х. с Мандельштамом достигла в 1937 году.

С кем первыми встретились О. М. и Н. Я. в Москве по возвращении из Воронежа? — С Ахматовой, специально подгадавшей свой приезд из Ленинграда к этому дню, и с Харджиевым. Н. Х. должен был принести вино и закуску, но опаздывал так, что Ахматова уже ушла к месту своего ночлега; Н. Х. вернул ее звонком — благо, было недалеко, на Пречистенке. Этот пир на столике и матрасе вошел в историю литературы под именем «бессарабская линейка».²⁵

У кого провела Н. Я. самые первые дни после второго ареста Мандельштама? — У Харджиева!

А у кого — после известия о смерти Мандельштама? — Тоже у Харджиева! Тогда она, по собственному признанию, «...лежала пластом и не видела света Божьего, а Николай Иванович варил сосиски и заставлял меня есть: “Ешьте, Надя, это горячее”, или: “Ешьте, Надя, это дорогое”... Нищий Николай Иванович пытался пробудить меня к жизни милыми шутками, горячими сосисками и дорогими леденцами. Он единственный оставался верен и мне, и Анне Андреевне в самые тяжелые периоды нашей жизни».²⁶

А вот как тот же эпизод описан Н. Я. в другом (казалось бы, самом неподходящем) месте — в одном из ее «дуэльных» писем к Н. Х.: «Во всей Москве, а может, во всём мире было только одно место, куда меня пустили. Это была ваша деревянная комната, ваше логово, ваш мрачный уют. Я лежала полумертвая на вашем пружинистом ложе, а вы стояли рядом — толстый, черный, добрый — и говорили: — Надя, ешьте,

²³ Письмо-«рецензия» Н. И. Харджиева на книгу Э. Г. Герштейн «Новое о Мандельштаме» (РГАЛИ, ф. 3145, оп. 2, д. 147).

²⁴ РГАЛИ, ф. 562, оп. 1, д. 1000, л. 9.

²⁵ Н. М. Т. 1. С. 306–308.

²⁶ Там же. С. 443–444.

это сосиска... Неужели вы хотите, чтобы я забыла эту сосиску? Эта сосиска, а не что иное, дала мне возможность жить и делать свое дело. Эта сосиска была для меня высшей человеческой ценностью, последней человеческой честью в этом мире. <...> Человек символическое животное, и сосиска для меня символ того, ради чего мы жили». ²⁷

Разве такое можно забыть?

К человеческой, дружеской стороне примешивалась и еще одна — профессиональная: «О. М. говорил, что у Николая Ивановича абсолютный слух на стихи, и поэтому я настояла, чтобы его назначили редактором книги, которая уж почти десять лет не может выйти в “Библиотеке поэта”». ²⁸

И кого же из тех, кто был ей после смерти О. М. так близок, Н. Я. в конце концов возненавидела больше всего? — Тоже Харджиева!

Эта печальная история имеет решающее значение для понимания того, что произошло с Н. Я. в середине 1967 года и, как следствие, со второй книгой ее воспоминаний — по сути же третьей, перечеркнувшей уже написанную «вторую»: книгу об Анне Ахматовой.

Не менее показательна она и для эволюции Харджиева и его психогаммы.

Харджиев и «синий Мандельштам» в «Библиотеке поэта»

Между тем письмо Н. Я. примечательно не только своим контентом, но и контекстом, в частности, эпистолярно-биографическим. Будучи добавленным к уже опубликованной переписке Н. Я. и Н. Х., ²⁹ оно попадает прямо на разделительную полосу между двумя частями этого довольно большого корпуса, состоящего из 34 писем Н. Я. и пяти писем Н. Х.

Переписка эта распадается на несколько блоков. ³⁰ Ограничимся здесь только двумя — предпоследним и последним.

Предпоследний — это группа писем 1957—1963 годов, запечатлевших сначала всю эйфорию и волнения, все надежды и упования «хрущевско-сурковской» оттепели — с образованием Комиссии по литературному наследию О. Э. Мандельштама и запуском тома стихов в «Библиотеке поэта», а затем — всю тщету и эфемерность этих надежд, разбивавших-

---

²⁷ См. письмо Н. Я. к Н. Х. от 28 мая 1967 г. (*Мандельштам Н.*, 2008. С. 299—300). Редкий случай, когда не письмо послужило эскизом для мемуарного эпизода, а мемуар — для письма.

²⁸ Н. М. Т. 1. С. 444.

²⁹ См.: *Мандельштам Н.*, 2008. С. 260—305 («Николаша»).

³⁰ См. подробнее в: *Нерлер*, 2008.

ся теперь уже не о ГУЛАГ, а о светонепроницаемую шкуру мало в чем изменившейся советской системы.

«Нам надо начать работать» — вот девиз писем 1957 года. И работа началась: Н. Х. задает Н. Я. вопросы о темнотах мандельштамовских стихов, — и та немедленно отвечает на них. А вот и архив О. М., не без скрипа, но переместился из Руновского переулка³¹ на Пречистенку (Кропоткинскую), из хранилища тайника на верстак текстолога, то бишь на письменный стол Н. Х. — составителя и редактора первой на родине посмертной книги О. М.!

И тогда Н. Я. расслабилась и успокоилась: всё, дело сделано, Харджиев работает, а стало быть — «раз Николаша вертится, значит, всё будет хорошо».³²

Из чебоксарского, тарусского и, поначалу, даже из псковского далёка интриги вокруг Ахматовой, вязанные кофточки и состояние здоровья Харджиева беспокоят ее, кажется, больше, чем самое главное — ход его мандельштамовской работы: ни в ней, ни в нем она не сомневается. Без звука прощает потерю письма, как-то связанного с Пастернаком, и даже не позволяет себе сердиться на первые не согласованные с нею шаги в издательстве. В «конфликте» Н. Х. с торопившим его Орловым она безоговорочно встает на сторону Н. Х., пока еще не замечая, что его путь начинает расходиться с ее путем.

Но как раз «прощение потери» и именно успокоительные слова Н. Я. и покорили, и взбесили Н. Х. В начале октября 1962 года он пишет ей пафосное и «дуэльное», по выражению Н. Я., письмо, которое заканчивается так: «Повторяю: у меня не пропало и не могло пропасть ни листочка, ни обрывка, ни запятой. Именно поэтому я и взвалил на себя весь чернорабочий труд по изданию. Если вы этого не понимаете, то я разрешаю вам плюнуть мне в лицо и прекратить со мной знакомство. Н. Х.»³³

Как знать, если бы Н. Я. в день своего отъезда во Псков в сентябре успела бы забежать к Харджиеву на Пречистенку (а она просто закутилась в последний московский день), то этой ссоры-звоночка, возможно, и не было бы, и ей не пришлось бы писать ему следующее: «Если вы меня и сейчас не понимаете, то отложим ссору и объяснение до встречи. Откровенно сказать, я думала, что вы меня всегда понимали, хотя у вас

³¹ Там жил А. Ивич с семьей.

³² Из письма Н. Х. к Н. Я., датированного началом октября 1962 г. (*Мандельштам Н.*, 2008. С. 289).

³³ Для того чтобы лучше понимать состояние и настроение самого Н. Х. осенью 1962 г., не лишне знать, что именно в это время и именно он затыкал всё издание!

нет моего опыта. Если мы встретимся, вы меня поймете сразу, и ссоры не произойдет. Вот и всё. Если и это письмо вас рассердит, сдержитесь. Человеческие отношения — то есть наши с вами — важнее всего. Попробуйте мне по-человечески написать — я буду рада. Помните, что я никогда не поддавалась мелкому раздражению в отношениях с людьми, которыми дорожу. А мы с вами друг другом дорожим. Не забывайте этого. Надя. Знакомства прекращать с вами я не намерена. С какой стати? А вы? Вы так легко собираетесь отдать меня?»³⁴

Н. Х., судя по дальнейшим письмам, тогда быстро отошел и что-то человеческое написал. Ссора потухла, но малоприятное ощущение, что друг друга они понимают уже не всегда, раз возникнув, едва ли исчезло. Ну, а переписка после этого крутится, уже не соскальзывая, только вокруг книги.

Между прочим, почти за два года до этого эпизода со свойственной ей меткостью Н. Я. напроорочила: «Старость — это не только “скляроза”, но еще выявление самых характерных черт. Пока можно, их сдерживают и скрывают, а тут они лезут наружу. Из всех нас полезло. Скоро и из вас полезет — вы же у нас молоденький. Из меня еще мало лезет — это начнется к 70».³⁵

Два письма Н. Я. 1965 года о Киеве и хронологически, и тематически стоят особняком. Последние же пять писем в этой эпистоляррии — классические письма на разрыв.³⁶

В середине января Н. Я. писала Наташе Штемпель о Харджиеве — с горечью и досадой, но еще вполне миролюбиво: «Книга стихов как будто выйдет. Харджиев наделал в ней бед. Он, конечно, просто маниак и безумец. Но пусть выйдет хоть такая».³⁷

В 1966 году, постепенно обживаясь в своей кооперативной квартире на Юго-Западе, Н. Я., конечно же, постоянно обращалась мыслями к мандельштамовскому архиву на Пречистенке. Но к Харджиеву она обратилась лишь в январе 1967 года,³⁸ когда задумала переснять архив,

³⁴ Из письма Н. Я. к Н. Х. от 14 октября 1962 г. (*Мандельштам Н.*, 2008. С. 289–290).

³⁵ Из письма Н. Я. к Н. Х. от 23 декабря 1960 г. (*Мандельштам Н.*, 2008. С. 284–285).

³⁶ Разрыв этот запечатлен и в воспоминаниях Н. Я., и в ее в специальных очерках — «Архив» и «Конец Харджиева» (Н. М. Т. 2. С. 843–873), а также в некоторых других ее письмах (к Н. Е. Штемпель, в частности).

³⁷ Письмо к Н. Штемпель от 16 января 1967 г. (*Мандельштам Н.*, 2008. С. 350).

³⁸ С 1967 г. Харджиев стал, наконец, получать пенсию. До этого, по словам Н. Я., она еще и жалела старика, сидевшего и без пенсии, и без гонимых.

после чего оставить фотографии себе, а подлинники вернуть ему. Эта идея напугала Н. Х., маниакально боявшегося и похищения — в данном случае через неподконтрольную ему фотопленку, — и тиражирования.

Тогда Н. Я. дала ему три месяца на то, чтобы он сам подобрал фотографа, которому доверяет. Но в том-то и дело, что Н. Х. не доверял никому, а потому и не нашел никого. Вместо этого заявил, что хочет добавить в книгу 30 стихотворений, и «пригрозил»: если у него заберут архив, то он никогда больше к Мандельштаму не прикоснется (а ведь еще предстояло подготовить весь корпус, за что Н. Х. как профессионал отказывался братья без договора!).

С издательством же, как оказалось, он обсуждал добавление не тридцати, а лишь одного стихотворения, зато какого — «Неизвестного солдата»! В нем он, правда, собирался опустить последнюю строфу — «открытие», которое вызвало у Н. Я. решительное неприятие и отпор. А также естественное желание, перешедшее в настоятельную потребность, — как можно скорее забрать у Н. Х. автографы, архив! Еще отчетливее она поняла и ужаснулась тому, какую опасность таят в себе единственность, одноэкземлярность источника и доступа к нему и порождаемая этим монополия.

Об этом — во «Второй книге»: «Нельзя оставлять эти рукописи в чьих-то одних руках. Больше всего я боюсь монополии на Мандельштама, а она, несомненно, ему угрожает. <...> Я помню одно: всякое чувство собственности и всякий монополизм были абсолютно чужды Мандельштаму».³⁹

Харджиев, силою и стечением не самых лучших обстоятельств, оказался в положении именно такого монополиста. Сначала — на заемный архив, затем — на свою текстологию, а со временем — и на сам архив (уже как бы на квази-свой). В этом его поддерживали и издательский редактор (Ирина Владимировна Исакович), и Эмма Григорьевна Герштейн — верный друг и добровольная помощница Н. Х., дружески исполнившая для книги немало харджиевских поручений.

Сама Н. Я. такое отношение называла «общередакторским»: «Для Эммы это редакторские тайны, которые нельзя открывать посторонним. Для Исакович главное достоинство Харджиева — то, что он сидел одиннадцать лет на рукописях и не показал их никому, так что, будь он один, никто бы не узнал стихов Мандельштама, а издательство могло бы выпустить не попавшие никуда — ни в журналы, ни в бродячие списки — тексты».⁴⁰

Именно укрытие от посторонних глаз любой информации Герштейн интерпретировала как «профессионализм». Могу и сам засвидетель-

³⁹ Н. М. Т. 2. С. 860.

⁴⁰ Ср.: Там же. С. 862.

ствовать, что искусство выпытать у собеседника интересующее тебя и не выдать ему интересующее его также входило в это ее специфическое — да что там: уродливое! — представление. То же исповедовал и Н. Х., объяснявший странное поведение Татлина, пригласившего Н. Х. и Ахматову к себе в мастерскую посмотреть картины — и, когда они пришли, не открывшего дверь, — страхом того, что Ахматова — sic! — «подсматривает его профессиональные тайны». ⁴¹

К этому с удовольствием присоединилась и редакция «Совписа»: «Макет ей посылать не собираюсь, — писала Харджиеву Исакович. — Он делается дсп». ⁴²

Аббревиатуру «ДСП» («Для служебного пользования») тогда понимал каждый, как и то, что знакомиться с материалами «ДСП» были вправе только лица с определенной формой допуска: вдове Мандельштама, спасшей его стихи и передавшей его архив для работы над книгой, допуска к «служебной информации» по книге не полагалось! ⁴³

Растиражированный для членов редколлегии макет книги Мандельштама стал объектом болезненных переживаний Харджиева, боявшегося попадания его на Запад, и специальных мер предосторожности со стороны издательства, призванных не допустить его попадание к Н. Я.

После того как Харджиев сообщил Исакович, как скверный анекдот, что вдова забрала у него архив, и заявил, что теперь он не будет расширять состав, Исакович сразу же испугалась — но чего? А того, что книга Мандельштама может выйти с опережением еще где-нибудь, например, в Армении, на какую мысль ее навела публикация прозы Мандельштама в мартовской тетрадке «Литературной Армении». ⁴⁴

Страхи Харджиева, повторим, шли еще дальше — он боялся не столько самой Н. Я., сколько своих заокеанских конкурентов — Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, которым вдова могла бы сбить «его» работу. Ему даже было не суть важно, что первый — поэтический — том из вашингтонского собрания сочинений Мандельштама вышел в 1964, а второй — прозаический — в 1966 году! К американским коллегам, как, впрочем,

⁴¹ См. интервью с Н. Х.: Врубель-Голубкина И. «Будущее уже настало»: Беседа с Н. И. Харджиевым // Врубель-Голубкина И. Разговоры в зеркале. М.: НЛО, 2014. С. 17.

⁴² Письмо И. В. Исакович к Н. Х. от 30 мая 1967 г. (РГАЛИ, ф. 3145, оп. 2, д. 188).

⁴³ Кстати, макет в руки Н. Я. вскоре всё же попал, и тогда она ужаснулась увиденному.

⁴⁴ Мандельштам О. Путешествие в Армению / Публ. Л. Мкртчяна // Литературная Армения. 1967. № 3. И только тогда Исакович связалась с начальством на предмет ускорения издания и заключения с Н. Я. — как с наследницей — договора и выплаты ей 60% гонорара.

и к советскому самиздату, Н. Х. относился ничуть не лучше, чем КГБ, — пусть и на других основаниях, но, увы, не гнушаясь и политического соуса.

Так, в 1969 году он писал В. Н. Орлову: «Что же будет с Мандельштамом? С кем говорить? Что делать? Владимир Николаевич, посоветуйте что-нибудь. Когда вспомнишь похабно ощеренную харю “директора” русской литературы Лесючевского, то опускаются руки, а ноги перестают ходить. Неужели двенадцатилетняя дьяволиада закончится тем, что американские гангстеры анонимно перепечатают мой каторжный труд? Можно ли с этим примириться? Отсутствие издания создает Мандельштаму фальшивый ореол и размножает тех истерических “почитателей”, которых не следует смешивать с настоящими читателями стихов».⁴⁵

С макетом, кстати сказать, у Харджиева с Исакович конспирация не задалась. Н. Я. смогла заполучить его на какое-то время, и только тогда и так она сумела составить себе представление о том, какую книгу подготовил обладатель абсолютного поэтического слуха.

11 апреля 1969 года она писала Наташе Штемпель: «Мне сперли книгу Харджиева. Она мерзка».⁴⁶

Харджиев и мандельштамовский архив

Но вернемся в 1967 год. В апреле, когда истекли три месяца, отведенные на фотографа, а ничего не произошло, — терпение Н. Я. лопнуло. Она поняла, что Н. Х. просто оттягивает время, и твердо решила отобрать у него архив. В начале мая она написала ему большое письмо, которое должен был вручить их «связной» — преданный им обоим Саша Морозов.⁴⁷ Но, предупрежденный об этом, Харджиев просто перестал

⁴⁵ РГАЛИ, ф. 2833, оп. 1, д. 283, л. 6—7 об. Задолго до истории с Б. Янгфельдтом (см. о ней далее) Н. Х. обуяла идея глобального империалистического заговора западных и своих славистов, конечной целью которых являлось похищение даже не архивных материалов, а тех или иных сведений из его не вышедших трудов. Конечно, эту историю не сравнить с ситуацией с Хлебниковым и хлебниковедами, но и мандельштамоведам доставалось на орехи: так, библиографические сведения Г. Дальнего [Г. Суперфина] в рецензии на американский трехтомник Мандельштама (Вестник русского студенческого христианского движения. Париж. 1970. № 97) Н. Х. и Э. Герштейн всерьез посчитали украденными из харджиевских примечаний к не вышедшему тому в «Библиотеке поэта»! А то, что другие филологи — вот чудачки! — тоже сидят в библиотеках и архивах и истово прочесывают всё что можно и что нельзя в поисках следов Мандельштама, было для них откровением. Мандельштам (Хлебников etc.) — мой! Мой!!!

⁴⁶ *Мандельштам Н.*, 2008. С. 371—372.

⁴⁷ Александр Анатольевич Морозов (1932—2008), один из самых первых советских мандельштамоведов, автор и публикатор многих архивных

пускать его к себе в дом, так что письмо это — от 16 мая — Н. Я. пришлось отправить заказным по почте.

Это письмо — последняя (нет, всё же предпоследняя!) попытка Н. Я. по-хорошему объясниться с «Николашей». Она и начинает его как бы в тон старому «дуэльному письму» самого Харджиева («отнеситесь серьезно к моему письму»). Свои обвинения и упреки она перемежает с объяснениями и увещаниями — сочетание, конечно же, не из самых действенных.

Около 20 мая, в выплатной день издательства «Советский писатель», Н. Я. удается получить папку с архивом назад. Для этого она снарядила на Пречистенку целый абордажный отряд: на лестничной площадке — сама Н. Я. в качестве Немезиды и Саша Морозов в качестве живца, на чей голос Н. Х. точно откроет. Во дворе их прикрывали двое других командос — Ирина Сиротинская как представитель госархива (РГАЛИ) и Алеша Симонов⁴⁸ — в качестве грубой физической силы на случай какой-нибудь непредвиденности.⁴⁹

Вскоре после этого — уже не питая никаких иллюзий — в письме Наташе Штемпель Н. Я. поставила Харджиеву свой «диагноз»: «Видно, у меня конец отношений с Харджиевым. Жаль, но ничего не поделаешь. Я забрала у него стихи (рукописи). Они лежали у него 11 лет... Отдал он их спокойно, но сейчас работает его психопатический аппарат, развивая ненависть. С этим ничего не поделаешь. <...> Бог с ним...».⁵⁰

24 мая Харджиев, уже «обезархивленный», пишет ей ответ. Всё, что касается архива, он как бы сразу отрезает: «Надежда Яковлевна, пишу не об архиве. О нем писать нечего. Я многократно говорил, что он будет возвращен по первому вашему требованию, — независимо от каких бы

находок текстов О. М., редактор-составитель «Разговора о Данте» в издательстве «Искусство» в том же 1967 году. Н. Я. познакомила его с Н. Х., учеником которого он себя потом считал. Разрыв между Н. Я. и Н. Х. вынудил его прервать общение с обоими.

⁴⁸ Симонов Алексей Константинович — сын К. М. Симонова и Е. И. Ласкиной; советский и российский кинорежиссер, писатель, переводчик, правозащитник и журналист, с 1991 года — президент Фонда защиты гласности.

⁴⁹ См. об этом свидетельства двух участников «операции» — самой Н. Я. Мандельштам (Н. М. Т. 2. С. 124) и И. В. Сиротинской (Поход за рукописями // Сохрани мою речь. 2008. Вып. 4/1. С. 274–278). Между свидетельствами есть расхождения: согласно Н. Я., Н. Х. вернул чемоданчик, а согласно Сиротинской — папочку. Четвертым членом абордажной команды Н. Я. называет не А. Симонова, а «Зорю, бывшего мужа Жени Ласкиной», т. е. Лазаря Израилевича Хволовского (1925–2005).

⁵⁰ См. письмо к Н. Штемпель от конца мая 1967 г. (Мандельштам Н. 2008. С. 354–355).

то ни было моих соображений...»,⁵¹ — как если бы тому не предшествовали месяцы просьб и увещаний! От «чести» быть наследником Н. Я. он тоже откостил, язвительно ссылаясь на инфантов помоложе. На упрек в двойных стандартах отношения ко вдовам поэтов ответил тоже как бы с котурн («Мне тошно отвечать от имени того пошляка, котрый...» и т. д.), но попутно всё же мелочно бросив, что у Лили Брик и автографов-то никаких не было, кроме тех 3—4, что дал ей он! Другой упрек — в неуважении к поэту — он почел снятым самим фактом его работы над изданием Мандельштама, отношение же свое к О. М. он скромно аттестовал как верность или преданность.

Затем Н. Х. перешел в высокопарное наступление... на вдов! Мандельштам, знаете ли, настолько велик, что обидеть или испортить его нельзя, он общий для всех читателей, и монополии на него нет ни у редактора, ни у вдовы. Их, редактора и вдовы, общее прошлое ныне видится ему — «какой-то омерзительной сосиской».

После чего сбился буквально на визг и вдруг перелетел на «старых лицемеров, сестер Корди», Василису и Наталью — людей, близких Н. Я. Что же так задело в них Харджиева, что он так хочет у них отбить? Оказывается, не что иное, как Марьину Рошу: это не их, а его, Николая Харджиева, «братская дружба» и не их, а его «братская ответственность». И далее: «Семейка Шкловских сыграла фарс дешевого великодушия, воспользовавшись моим тогдашним местопребыванием. Понятно?»

Нет, непонятно, но помочь тут может цитата из другого истерического произведения Харджиева — его эпистолярной «рецензии» на книгу Э. Герштейн «Новое о Мандельштаме» (Тенафли, 1986). Здесь Н. Х. настаивает уже и на том, что Мандельштамы в Марьиной роще ночевали вовсе не у Тали: «Кстати, ночи на вилле в Марьиной Роще описаны вами лживо <...>. В пустующей комнате свояченицы Шкл<овско>го М<андельштамы> не ночевали никогда. Они ни разу не воспользовались двумя ключиками человеколюбивого Ноздрева Борисовича.⁵² Квартира была коммунальная (3-й жилец). Я должен был своевременно находиться дома и ждать их звонка. Виктор Ноздревич <...> со своим собственным ему предательством предоставил в их распоряжение мою комнату (со всеми возможными последствиями такого гостеприимства)».⁵³

⁵¹ Здесь и далее это письмо Харджиева цитируется по изд.: *Мандельштам Н.*, 2008. С. 297—298.

⁵² «Виктор Ноздревич», он же «Ноздрев Борисович», — это Шкловский. Подобные уничижительные прозвища-дразнилки — на манер мандельштамовского Александра Сердцевича — Харджиев придумывал для своих врагов. Так, Надежду Яковлевну после мая 1967 г. он называл не иначе как «Иуда Яковлевна» и т. д.

⁵³ РГАЛИ, ф. 3145, оп. 2, д. 147.

Иными словами, Харджиев, не смущаясь уже ничем, навыки своеговольного редактирования применил и к биографии Мандельштама. Всю же свою эскападу против Шкловских, Корди и Н. Я., а с нею — и письмо в целом он закончил убийственной, как ему кажется, фразой: «Куца у вас память, Надежда Яковлевна».

Итак, медицинский «диагноз» от Н. Я. полностью подтвердился! И, казалось бы, получив такое письмо, полное желчи и оскорблений, она ответит ему в том же ключе,⁵⁴ устроит грандиозный скандал или же плюнет на всё и прекратит с ним личные отношения!

Но Н. Я. поступила совершенно иначе. 28 мая она написала Н. Х., причем на этот раз — не деловое, а личное — совершенно удивительное — письмо. Его, как и первое послание тому же адресату, можно было бы назвать и «эпистолярным куншттюком», и стихотворением в прозе, — когда бы не страсть и вдохновение, недостатка в которых сейчас не было. В злобном, хамском и визгливом харджиевском письме, граничащем с патологической психопатией или безумием, она вдруг расслышала нечто — бессознательное и знакомое, нечто совершенно родственное любви, — а именно: *ревность*, бешеную безумную *ревность*!

И, в качестве последнего аргумента, Н. Я. тотчас выкладывает это Харджиеву: «Неужели вы не понимаете, что происходит на самом деле — не на поверхности? Мы оба — два черных ревнивца. Мы жестоко ревнуем друг друга к Осе. То есть как-то не так, но нас трясет от неистойвой ревности: кому из нас принадлежит Ося. Благородные слова, что Ося уже не моя и не ваша собственность — брехня. Он, может, принадлежит какой-то стороной и другим, но по-своему и нам, и мы до смерти будем его оспаривать друг у друга. Кроме того, вы ревнуете меня ко всем, с кем я вожусь, а я вас ревную ко всем поэтам, с которыми вы изволите изменять Оське.⁵⁵ <...> Так и есть. Так и будет. И до конца жизни будем мучить друг друга. А вот сосиску никто у нас не отнимет».⁵⁶

Кажется, всё свое существо, весь свой талант, все остатки любви вложила в это письмо Н. Я.! Как будто она и впрямь надеялась на чудо, которое это письмо сотворит, — на своего рода воскресение прежнего «Николаши». Чтобы исключить всякие почтовые случайности, она не бросила это письмо в ящик, как обычно, а пошла для надежности на центральный почтовый узел своего Октябрьского района и подала конверт в окошечко — может быть, единственный в жизни раз.

⁵⁴ В чем-чем, а в слабости по части «разрывных» писем Н. Я. не заподозришь! Перечитайте ее письма Б. С. Кузину за 1939 год!

⁵⁵ Намек на Хлебникова и Маяковского. Хлебников в харджиевской иерархии находился на самом верху, то есть гораздо выше О. М.

⁵⁶ Мандельштам Н., 2008. С. 300.

И правда: адресат получил его уже назавтра! И — более уже никогда и ни на что письменно Н. Я. не отвечал.

Тем не менее — уже через полтора месяца судьба столкнула обоих — Н. Я. и Н. Х. — лицом к лицу. Оба выступали свидетелями со стороны Льва Гумилева на его процессе против Ирины Пуниной о праве наследования архива Анны Ахматовой.

В Ленинградском горсуде дело впервые рассматривалось 14 июля 1967 года, и Н. Я. имела случай убедиться в том, что бывает с архивами поэтов, если пустить всё на самотек. (Удостовериться в том, какими бывают «наследники», она успела еще раньше — после смерти Ахматовой Пунина звонила ей.) Вся эта история отчетливо показала — ей, спасительнице мандельштамовского архива от брэдобреев-государства, — что этим угроза отнюдь не исчерпывается. Показала, насколько роковой для архива может оказаться юридическая бесхозность или хотя бы двусмысленность его статуса, сколь бесчестными и хищными могут обернуться сегодня иные милые вчера «наследнички», а главное — сколь опасной и губительной может оказаться идея монопольного владения архивом вообще, причем даже неважно, кто окажется главным бенефициаром — государство или частное лицо.

Свое отношение к этому Н. Я. сформулировала в «Моем завещании», написанном в конце декабря 1966 года, то есть еще до крайнего обострения отношений с Харджиевым. Выход из положения виделся ей в назначении комиссии из одиннадцати человек и коллегиальном наследовании этой комиссией архива О. Мандельштама и всех смежных прав.⁵⁷

А далее — о встрече с самим Харджиевым: «Харджиев еле смотрит на меня — оскорблен. Он благодетельствовал Мандельштама, а я посмела отобрать у него рукописи... Мерзость. Слава Богу, основные рукописи у меня, хотя многого он не вернул. Саша Морозов устраивает мне сцены — неизвестно, на каком основании. Это наследники при моей жизни начинают скандалить. Что же будет после моей смерти? В моем случае речь идет не о деньгах, а о праве распоряжаться. Я нашла ответ. Я готовлю собрание и зову себе на помощь кого хочу. Если не нравится — пошли вон. Так?..»

Мандельштамовский архив после Харджиева

Почти всё лето и сентябрь 1967 года Надежда Яковлевна провела в Верее, понемногу разбирая архив и определенным образом — ну, примерно, как кислота, пролитая на известняк — реагируя на то, с чем она при этом столкнулась.

---

⁵⁷ Н. М. Т. 1. С. 847—854.

Сначала Н. Я. написала очерк истории архива. Закончив его в начале августа,⁵⁸ она уселась за комментарии к стихам 1930-х гг. 17 августа 1967 года она писала Шаламову: «Понемногу работаю (текстология). Трудно и невыносимо грустно. Грустно от разного».⁵⁹

И в тот же день — более развернуто и с безнадежной горечью — Наташе Штемпель: «Сейчас я в бешенстве на Харджиева. Еще больше, чем раньше, потому что вникаю глубже в то, что он наделал. Скотина, каких мало. Борьба произойдет, когда я вернусь, худо дело. <...> Он обрезал листок с “Нищенкой” (отрезал первую строфу). Зачем? Наверное, мне на пакость — чтобы напечатать без нее на формальных основаниях: нет рукописи. Доказать, что он отрезал, очень просто. Есть другие листки такого же вида, но больше... на строфу. Гад. Он не стихи любит, он свое редакторство любит».⁶⁰

Еще в Верее, разбирая архив и всё более и более ужасаясь, она обнаружила и то, что многого просто не хватает! Первой на это она пожаловалась Наташе — в сентябре: «Мои дела с Харджиевым такие: он врет так, что попадаетея на каждом шагу. <...> Конечно, он психопат, маниак и вор. Мне стыдно, что я доверила ему рукописи. <...> У меня к вам такой конкретный вопрос: были ли у вас маленькие листочки со стихами (писавшимися в ту зиму) моей рукой с датой Осинной рукой? Он мне не вернул ни одного. Сам он притворяется невинным... Сам он и все мы скоро умрем; всё равно всё будет в архивах. Но это воровство для меня страшное предательство... На что он посягнул...».⁶¹

Вернувшись в Москву, Н. Я. в два присеста составила опись «недостащ» и потребовала всё назад.⁶² Свое всё еще вежливое письмо от 11 октября она начала с обращения, не до конца казенного — «Дорогой Николай Иванович», а заключила его так: «Я прошу вас найти и вернуть вместе с автографами из редакции. Я уверена, что где-то лежит конверт с этой кучкой бумаг. Вы собирали всё так быстро, что вполне могли не вложить несколько листков».⁶³

⁵⁸ Очерк «Архив» был завершен в Верее 4 августа 1967 г., очерк «Конец Харджиева» — в декабре 1967 г.

⁵⁹ Шаламов В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / Сост. И. П. Сиротинская. М.: Эксмо, 2004. С. 788.

⁶⁰ Мандельштам Н., 2008. С. 354—357.

⁶¹ Там же. С. 301.

⁶² Тот же самый перечень, но в несколько более развернутом виде, она привела и в очерке «Конец Харджиева» (Мандельштам Н., 2006. С. 163—171).

⁶³ Мандельштам Н., 2008. С. 359—360.

Но Харджиев не ответил и на это письмо. И уж тем более — не прислал ни с кем никаких рукописей. В ноябре 1967 года Н. Я. снова пожаловалась Штемпель: «У меня ничего нового. Книга в Ленинграде постепенно движется. Возможно, в будущем году выйдет. Зато с Харджиевым полный разрыв. Я потребовала, чтобы он мне вернул то, что он оставил у себя, но он врал честнейшим голосом и ничего больше не вернул. Какие там конверты. Никаких конвертов не видел... И многое другое. Например: найденное мной стихотворение “Нет, не мигрень” он будто бы уничтожил — ведь это не автограф... Он не вернул мне ни одного листочка из второй и третьей воронежской тетради О. М., где была дата рукой О. М. (кроме двух — вашим почерком). Оказался сволочью полной. <...> Я проклиная себя за то, что отдала ему архив, но, вспоминая прошлое, понимаю, что ничего другого сделать не могла. Ведь я жила чорт знает где, бумаги хранились в доме, где Харджиева не переносили, он сел за работу и т. п. ...».⁶⁴

Но в этом же письме Надежда Яковлевна как бы поправляет саму себя — кое-что Харджиев все-таки ей вернул и после майской операции: «Сейчас произошли некоторые изменения: Харджиев прислал мне два черновика: оба 37-го года. Он сказал, что Лина⁶⁵ дала ему просмотреть письмо Сергея Бор<исовича> из Воронежа; и это там он нашел стихи 37 года... Ложь всегда выявляется в связях времени и пространства, как говорила Анна Андреевна. Рудакова в 37 году уже давно в Воронеже не было, следовательно, он не мог стащить черновик и послать его Лине. Столь же мало шансов, что он положил один черновик, полученный у меня, в конверт. Следовательно, Харджиев получил этот черновик либо от меня, либо другим способом; и лжет напрапалую. А может, верит своей лжи? Кто его знает. Хорошо, что почти всё у меня, но какое-то “почти” осталось у него...».⁶⁶

16 ноября 1967 года Н. Я. пишет два письма. Одно — в Воронеж, Штемпель: «Харджиев врет напрапалую, и Саша верит ему и плачет (“Он уничтожил этот листок, потому что нашел лучший автограф... Неужели вас не удовлетворяет это объяснение? Он скажет, где автограф, когда выйдет книга”, — сказал мне Саша... Этого достаточно для профессионального суда. Такое обращение с доверенными ему текстами преступно). <...> Я этого дела так не оставлю. Публичного скандала я поднимать не буду — не стоит. Но оставлю в Осином архиве всю эту историю, а кроме того, составлю новую комиссию по наследству (под предлогом, что двое — Ахматова и Эренбург — ушли) и не введу в нее

⁶⁴ *Мандельштам Н.*, 2008. С. 359.

⁶⁵ Лина Самойловна Финкельштейн, вдова С. Б. Рудакова.

⁶⁶ *Мандельштам Н.*, 2008. С. 360.

Харджиева. Я не хочу, чтобы он был “авторитетом” по Мандельштаму, запятнав себя такой подлостью». ⁶⁷

Другое письмо — самому Николаю Ивановичу. Отбросив на сей раз всякую дипломатию и сентиментальность, она написала ему то, что он, в ее глазах, полностью заслужил. Написала твердо и спокойно — называемая маниакальностью маниакальностью, шизофрению шизофренией, манипулирование архивом манипулированием архивом, а ложь ложью.

Обещая разрушить его доброе профессиональное имя и репутацию в случае, если он не вернет ей недостающее, она, в сущности, прибегла к элементарному шантажу. Но Харджиев не поддался, на письмо не ответил, а только огрызнулся оставшейся невидимой миру ремаркой на ее письме: «Омерзительная шантажистка».

Известно, что Н. Я. и Н. Х. после этого однажды говорили по телефону, и Харджиев категорически отрицал, что у него еще что-либо осталось. Если бы в этот момент он вернул хоть какие-нибудь автографы, то трудно предположить, что этого бы нигде не упомянула сама Н. Я. ⁶⁸

Впрочем, прежде всего и главным образом это говорит о том чудовищном состоянии, в которое пришел архив, около 30 лет кочевавший от одного хранителя к другому. Ясно, что переход от фазы хранения к фазе подготовки издания, подразумевающей многократное раскладывание и перекладывание листков, сохранности и структурированности архива не способствовал. Так что внезапное обнаружение самой Надежды Яковлевны того или иного листочка из списка «без вести пропавших» — объяснение наиболее вероятное.

Некоторых позиций из «пунктов обвинения» Надежды Яковлевны, возможно, и вовсе никогда не было в архиве, иначе трудно было бы понять, почему сведения о них не отразились хотя бы в комментариях Харджиева к тому стихов Мандельштама в «Библиотеке поэта», а относительно двух ранних стихотворений, например, Харджиев в пометах на полях письма вдовы указал свои источники в периодике.

⁶⁷ Там же. С. 362.

⁶⁸ О находке Надеждой Яковлевной всего якобы «украденного» Харджиевым свидетельствует и Эмма Герштейн: «Через некоторое время Н. И. получает по почте письмо от Надьки со списком рукописей, которые он ей не сдал. На Н. И. было страшно смотреть, я очень боялась за него. У него не было этих рукописей, потом они у Н. Я. нашлись. И это известно, но она не сказала ему: “Я ошиблась, рукописи все тут”. Она сочинила список рукописей, украденных Харджиевым. <...> И после получения этого списка якобы того, что он ей не вернул, Николай Иванович сказал Наденьке: “Вы дрянь!” Она этого забыть не могла никогда!» Правда, процитированное свидетельство в интервью, которое Э. Г. Герштейн дала И. Врубель-Голубкиной («На фоне всех ревизий века...» // Зеркало. 1999. № 9—10. С. 3—34), — и само по себе не слишком солидное. Его дезавуировала сама Э. Г. Герштейн в письме в редакцию «Нового мира» (см.: Новый мир. 2000. № 2).

Строго говоря, лишь четыре позиции из двенадцати в обвинительном перечне Н. Я. не опровергаются теперешним состоянием архива.⁶⁹ Это может означать одно из двух: или того, на что указывала Н. Я., в архиве не было, и она просто запаматовала, или это в архиве было — и тогда: Харджиев это уничтожил.

Знакомство с архивом самого Н. Харджиева не дает достаточных оснований для подтверждения выдвинутых обвинений.⁷⁰

Скорее всего, «подозрения» Надежды Яковлевны ушли сами собой — в результате «всплытия» в находившемся уже в ее руках архиве Мандельштама большей части «украденного». Иначе было бы все-таки трудно понять, почему скандал о харджиевском воровстве и самоуправстве так быстро затих. Во «Второй книге» Надежда Яковлевна обвиняет Харджиева во многом и разном, но все-таки не в воровстве, она не приводит и перечень недостатков, а саму недостаточность квалифицирует как фальсификацию текстов и объясняет простительным (по крайней мере, понятным) вирусом собирательства: «Всё же большую часть рукописей он вернул, кое-что придержал для “коллекции” и уничтожил то, где хотел изменить дату или навсегда утвердить не тот текст...».⁷¹

Текстологический спор двух ревнивцев — Надежды Яковлевны Мандельштам и Николая Ивановича Харджиева — касался главным образом двух стихотворений: «Нет, не мигрень...» и «Вехи дальние обоza». Их автографы в принстонском семейном архиве поэта отсутствуют. Тем не менее, в споре вокруг «Карандашика» (стихотворения «Нет, не мигрень...») победа осталась за Харджиевым, правда которого подтвердилась другим источником — беловиком из архива М. Зенкевича.⁷²

Но означает ли это, что Надежда Яковлевна в своих подозрениях и даже обвинениях решительно не могла быть правой и что Харджиев — это такой человек, который никогда и ни при каких обстоятельствах не пошел бы на манипулирование архивом и на фальсификацию источника?

⁶⁹ Мандельштам Н., 2008. С. 300–303.

⁷⁰ Под слабое «подозрение» подпадает разве что пункт 6 — печатный текст стихов об авиации (в фонде Н. Х. в РГАЛИ) имеется журнальная корректура стихотворения «Не мучнистой бабочкою белой...». Однако это стихотворение имело домашнее название «Летчик», тогда как «Стихами об авиации» называлось стихотворение «Давайте слушать грома проповедь...»).

⁷¹ Мандельштам Н. Вторая книга, 1999. С. 402. На другой немаловажный аспект указывает (увы, в том же интервью) и Э. Г. Герштейн: ей, Надежде Яковлевне и Харджиеву предстояло вместе защищать интересы в споре Льва Гумилева и Ирины Пуниной за наследство А. Ахматовой. Компрометация Харджиева не могла не ослабить позиций «Лёвиной» партии.

⁷² В настоящее время хранится в Рукописном отделе Государственного музея истории русской литературы им. В. И. Даля, ф. 247 (М. А. Зенкевич), оп. 1, д. 45.

Увы, не означает. Случаи его поведения именно такого рода, к сожалению, известны.

Так, Хенрик Баран зафиксировал практику идеологического «выпрямления» Харджиевым тех текстов Хлебникова, где наружу выходили его национализм и антисемитизм. Публикуя в «Неизданных произведениях» (1940) программную статью Хлебникова «Курган Святогора» (1908), Харджиев выпустил из нее фрагмент, исполненный верноподданнических чувств. Так же поступил он и с пьесой «Снежимочка» (1908), из которой изъяс сочувственные реплики в адрес черносотенного движения.⁷³

Этим вмешательством, безусловно, он хотел только одного — защитить своего героя, Хлебникова, от будущих нападков.

Но встречалась и другая, менее благородная, мотивация. Вот что установила искусствовед Александра Шатских:

«Заслуженный историк искусства, литературовед Н. И. Харджиев, по справедливости ненавидевший советскую власть, советский режим, губивший людей, которых он боготворил (Даниил Хармс и Казимир Малевич были для него такими главными людьми), тем не менее, пользовался методами советской власти — как известно, ретушировавшей и “подправлявшей” неугодные фотографии. Он отредактировал оба варианта снимка: в обоих вариантах от общей группы, о которой писал Малевич в письме к Петникову, были отрезаны Гриц и Тренин, Харджиев остался вдвоем с Малевичем (в комментарии к одному из вариантов снимка, опубликованному в “Зеркале” (см. ниже), Харджиев указал: “Газета с руганью Бухарина по поводу «Черного квадрата»”). Такими отредактированными эти фотографии хранились в архиве Харджиева, такими они были получены журналисткой Ирой Врубель-Голубкиной в январе 1991 года и помещены ею в журнале “Зеркало” за 1995 год. Такими они были опубликованы и в монументальном двухтомнике 1997 года, использовавшем материалы из архива, находящегося ныне в Амстердаме в Фонде Харджиева. Поистине, лицемерие метаморфоз с фотографиями становится тем знанием, что умножает скорбь».⁷⁴

Так что вопрос о манипулировании архивом оставался. В то же время «альбом Эренбурга»⁷⁵ действительно был разброшюрован, а, скажем, «Ватиканский список» и впрямь порезан.

Но если не Харджиевым, то кем?..

⁷³ Баран Х. Еще раз об идеологии Хлебникова // Труды русской антропологической школы. М.: Изд-во РГГУ, 2004. Вып. 2. С. 98–112.

⁷⁴ Шатских А. «Последний кружок им. Бухарина» // Супремус. 1999. № 6.

⁷⁵ «Альбомом Эренбурга» Н. Я. называла вот что: «Собирая материалы для книги, я взяла у Эренбурга его тетрадку и обнаружила там это стихотворение. “Альбом” я отдала Харджиеву... Эренбург сказал мне, что он получил этот “альбом” у Тарасенкова. Каким образом Тарасенков достал его?»

Первый старатель

Что ж, история тяжелая, запутанная и, в конечном счете, не слишком веселая. Многое в ней можно списать на взрывной, неврастенический характер Харджиева, унаследованный им от родителей,⁷⁶ на тот «психопатический аппарат, вырабатывающий ненависть», названный в диагнозе, поставленном в одном из писем Н. Я. Многое и впрямь можно объяснить тою ревностью, которую с восторгом обнаружила у него — и разбудила в себе — та же Надежда Яковлевна, ревностью и борьбой за «своего Мандельштама».

Харджиёву фантастически повезло. Он дружил с Мандельштамом, дружил с Ахматовой... Потом ему повезло еще раз: по старой дружбе ему посчастливилось первому изучать и издавать стихи Осипа Мандельштама — не друга, не современника и не собутыльника, а великого поэта.

Надежда Яковлевна саркастически назвала его во «Второй книге» «первым старателем», но начало его старательства на прииске поэзии Мандельштама вовсе не предполагало сарказма. Приступая к работе, Николай Харджиев поступал так же, как и всякий другой поступил бы на его месте: спрашивал у вдовы, у других современников, у библиографов, зарывался в библиотеки...

Он начинал первым, и вклад его неоценим. Но он вовсе не непререкаем.

Несмотря на все филиппики Надежды Мандельштам и Виктории Швейцер,⁷⁷ долгое время казалось, что главные дефекты томика Мандельштама в «Библиотеке поэта» — это статья Дымшица и куцый со-

---

Это кажется мне не менее странным, чем то, что у него обнаружилась «Квартира» в том варианте, который О. М. сообщил на следствии 34 года...» (Н. М. Т. 2. С. 770). В этом альбоме, по утверждению Н. Я., имелось и не сохранившееся у нее самой стихотворение О. М. «— Нет, не мигрень, — но подай карандаш ментоловый...», которое она относила к воронежскому периоду. Далее она пишет: «Эренбургский “альбом” я отдала Харджиёву. Он вернул мне “альбом” разброшюрованным. Вначале нумерация идет на машинке, потом страницы обрезаны, и нумерация проставлена от руки... Текст стихотворения отсутствует — оно изъято...» (Н. М. Т. 2. С. 480—481). Список этого стихотворения с датой сохранился в архиве М. А. Зенкевича (см. выше).

⁷⁶ Его мать, Христикия Мельтиадовна, или Христина Михайловна, Василипуло (?—1945), происходила из измирских греков, а отец, выходец из богатой армянской семьи, оставил семью и проиграл всё свое состояние — аккуратно накануне революции.

⁷⁷ См.: Швейцер В. Спустя почти полвека (К выходу «Стихотворений» О. Мандельштама) // *Rossica*. 1981: Литературный сборник. New York: Russica Publishers Inc., 1982. С. 229—255.

став, а вот всё то, что в книгу попало, — сделано, пусть и поперек воли Надежды Яковлевны, пусть и авторитарно, но куда как авторитетно, как-то по-гроссмейстерски безупречно.

Но, к сожалению, это не так: описания источников текста расплывчаты и глуховаты, иные текстологические решения на самом деле допустили серьезную альтернативу и впоследствии пересматривались, или, по крайней мере, альтернатива эта учитывалась. Для издания, готовившегося семнадцать лет, просто поразительны ссылки на не существовавшие в реальности собрания автографов — например, липкинское.⁷⁸ Да и комментарии, даже если отвлечься от их огорчительного футуристического перекоса, содержат труднообъяснимые отдельные ошибки и неточности.

Само по себе всё это совершенно нормально и не умаляет огромных заслуг Харджиева. Ибо именно находками, прочтениями и открытиями измеряется качество работы текстолога и комментатора. Неточности и ошибки столь же нежелательны, сколь и неизбежны, и под пристальным перекрестным вниманием коллег — в здоровой ситуации отсутствия монополии — они обязательно будут замечены, а возможно — обруганы или высмеяны, но — главное — исправлены! В этом-то и заключается, так именно и срабатывает непроизвольный феномен *коллективной работы*, будь Харджиев или иной текстолог хоть тысячу раз индивидуалистом, «одиноким волком», слышать и видеть никого не желающим.

Но одно Николай Иванович все-таки точно перепутал: Мандельштам, «сам-друг», был его работой, а он думал, что работа его была Мандельштамом — да так, чтобы после нее места для иных прочтений уже не оставалось. Получив в десятилетнее распоряжение столь великую драгоценность — подлинный архив поэта, он обращался с ним явно бестрепетно, не как со святыней, а как с рабочей лошадкой, а иной раз и как с расходным материалом. Он действительно любил свое «редакторство» и берег от чужих глаз свою редактуру, но списки и автографы поэта не берег даже от своих ножниц.

Но даже если бы он совершил невозможное — нашел себе надежного фотографа, обложил себя фотокопиями и разрезал бы их, а не оригиналы, — он всё равно бы злоупотребил своим счастьем — временным и нездоровым положением монополиста.

Этими чертами характера Харджиев отчаянно напоминал своего нечаянного предшественника: самого первого — и единственного — мандельштамоведа, с которым судьба свела самого Мандельштама.

⁷⁸ Впрочем, тут история сложнее. Наличие у себя автографа стихотворения «Ода Бетховену» при своей жизни отрицал сам С. И. Липкин. Вместе с тем, после его смерти этот автограф «всплыл» в Израиле, куда переехала И. Л. Лиснянская, его вдова, и даже был продан в частные руки.

Был им, к сожалению, Сергей Борисович Рудаков. К сожалению — по двум причинам. Первая — присвоение и утеря архива, а вторая — извращение миссии. Завоеванное в Воронеже доверие привело к тому, что Мандельштам отдал Рудакову на хранение и «для работы» весьма существенную — видимо, лучшую — часть своего архива. Рудаков же с тех пор воспринимал ее как часть собственного рабочего архива — и не предпринял никаких специальных мер к ее сбережению, кроме как препоручить архив заботам Лины Самойловны Финкельштейн — своей жены, а потом вдовы.

Именно с Рудакова началась опасная традиция борьбы за монополию в пользовании архивом поэта и за свободу своего — и только своего — самовыражения в мандельштамоведении.

Надежда Яковлевна и Харджиев: пересмотр основ

Для Надежды Яковлевны именно драма отношений с Харджиевым стала тем последним, непереносимым ударом, который потряс всё ее существо и подвиг к пересмотру смысла дружбы и многих других ценностей.

Начавшиеся с дружбы и со стихов, продолженные верностью и ревностью, отношения Надежды Мандельштам и Николая Харджиева обернулись своей противоположностью — ненавистью и жаждою отомстить. После разрыва с Харджиевым из современников-ровесников она не доверяла уже никому, делая исключение, быть может, для двух-трех самых беззаветных и безамбициозных своих подруг — таких, как Василиса Шкловская или Наталья Штемпель...

Ущерб, нанесенный Харджиевым архиву, и его фиаско с изданием — а именно таким Надежда Яковлевна видела положение вещей — заставили ее не только искать ему основательную замену,⁷⁹ но и, отчасти, самой влезть в его шкуру, взявшись за биографический и, частично, текстологический комментарий к поздним стихам.

«Просмотрев архив, я убедилась, что он в таком ужасном состоянии, что нельзя обойтись без моих сведений или без моего текстологического комментария. Мне придется дать объяснения почти к каждому стихотворению 30—37 годов. То, что сделали с этим архивом, настоящее преступление. Но всё же стихи спасены. Но тексты придется устанавливать не обычным способом, изучая автографы и авторизованные беловики, их, к несчастью, сохранилось слишком мало. Хорошо, что есть “альбомы” и я еще кое-что помню из высказываний О. М. Это един-

---

⁷⁹ Разбором архива занимались И. Семенко, В. Борисов и А. Морозов, уже в 1968 г. напечатавшие фрагменты из записных книжек и заметок О. Мандельштама (см.: Вопросы литературы. 1968. № 4. С. 181—199).

ственный путь к установлению текстов. Другого нет, как не было и другой такой эпохи, как наша». ⁸⁰

В двух последних фразах — «Это единственный путь к установлению текстов. Другого нет...» — запрограммирована вся последующая деятельность Н. Я. как мандельштамоведа. Это программа — и одновременно, пусть невольно, — западня: раз нет черновиков и прижизненных списков, то спрашивать надо у нее и только у нее, у Надежды Яковлевны, а она уж постарается всё вспомнить, как оно было. Или — как она помнит. Или — как оно лучше.

Оставив Харджиеву усыхающую лужайку «Библиотеки поэта», она выпустила свою первую книгу — «Воспоминания» (пусть и «лояльную» еще по отношению к «Николаше») — и воцарилась на всём остальном мандельштамовском пространстве. Даже смерть Надежды Яковлевны задолго до смерти Харджиева ничего, в сущности, не изменила в этой конstellляции взаимной ненависти, расколовшей, кстати, на два лагеря и читателей.

Этот путь, замешанный на просвещенном и, вместе с тем, не ограниченном уже ничем своеволии, приведет к проклятой ею самой монополии и ее саму. Причем к монополии, пожалуй, еще более амбициозной, чем у Харджиева. ⁸¹ Если Харджиев как монополист ограничивался областью текстологии только, то Надежде Яковлевне этого уже казалось мало, и она отваживалась на куда большее, в частности, на интерпретацию стихов, в том числе и через текстологию, а через оценки, даваемые тем или иным людям и событиям, — и на интерпретацию судеб и истории.

Столь катастрофический разрыв с Харджиевым разобщил ее и с Ахматовой, и та книга об Ахматовой, исполненная горя от утраты друга, книга, полная любви к ее личности и поэзии, книгу, которую Н. Я. писала уже больше года и почти закончила ко времени этого разрыва, в одночасье и безнадежно устарела..

Нет, дудки, — теперь она напишет другую книгу. Книгу об эпохе и о себе самой!

И она написала ее. «Вторая книга» и есть портрет эпохи на фоне сотен людей, а не групповой портрет на фоне эпохи, как ее многие поняли, — и обиделись за своих знакомых. Этот портрет эпохи, составленный из сотен мазков и ликов, оказался убийственен для советской действительности.

⁸⁰ Мандельштам Н., 2006. С. 162.

⁸¹ О том, как это отразилось на текстологии, см., например: Богатырева С. И. Воля поэта и своеволие его вдовы: проблемы текстологии позднего Мандельштама // «Отдай меня, Воронеж...»: Третьи Мандельштамовские чтения. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1995. С. 360–377.

Харджиев-Цирцея: как и что собирать

Но вернемся к публикуемому письму Н. Я. — к той самой «песчинке». Слухи о нем поползли лишь после того, как 90-летний Н. Х. с 83-летней женой — Лидией Васильевной Чагой (1912—1995) — де факто эмигрировали в Нидерланды. Та же Елена Мурина, один из ведущих специалистов по Чекрыгину, писала: «Между прочим, как мне стало известно, Н. И. Харджиев сумел уговорить ее написать об этом периоде воспоминания. Они хранились в его архиве, вывезенном в Амстердам, а частично в переданном из таможни в РГАЛИ. Но это было, по-видимому, достаточно давно».⁸²

Да и как тут было нашей «песчинке» не затеряться — в этой исполинской коллекции, рядом с картинами Малевича и черновиками Хлебникова, коллекции, которую Н. Х. упорно собирал всю свою долгую жизнь, не смущаясь, впрочем, никогда ни экстремально трудными обстоятельствами своих доверителей, ни короткостью своей памяти на возврат одолженного им для работы.⁸³ К тому же Н. Х. — еще и великий обольститель вдов, «Цирцея», как писала о нем — в случаях вдовы Сергея Рудакова и в своем собственном — всё та же Н. Я.⁸⁴

Под маской бескорыстного Друга с тонким юмором и непререкаемого Знатока с абсолютным слухом укрывалось холодное и жесткое лицо Коллекционера специфической разновидности — со всеми присущими ей синдромами.⁸⁵

В этом смысле фрилансер-искусствовед Харджиев — антипод шофера-дипломата Костаки.⁸⁶ Н. Х. был беден и жил на эпизодические зара-

⁸² Мурина, 2015. С. 379.

⁸³ Свидетельств об этом немало. Вот лишь одно из них: *Финкельштейн Е. Ш.* К истории московской художественной жизни / Публ. И. И. Галева // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 596—607.

⁸⁴ Н. М. Т. 2. С. 365.

⁸⁵ Это сравнительно редкий подтип Коллекционера, но, увы, не единственный. Тот же Сергей Рудаков по отношению к одолженной ему части мандельштамовского архива вел себя точно так же. Точно так же могут себя вести и государственные архивы, произвольно не выдавая материалы читателям — по формальным признакам или откровенно по праву владельца-монополиста: так действовал РГАЛИ-ЦГАЛИ во времена Н. Б. Волковой, придерживая материалы для нужд «Литературного наследства», главным редактором которого был И. С. Зильберштейн, ее супруг; с этим и сегодня можно столкнуться в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Но есть, разумеется, и другие примеры коллекционеров, — и таких большинство, — к кому этот профайл никак не относится.

⁸⁶ Тезис, высказанный А. Сарабьяновым в фильме Л. Вьюгиной «Николай Харджиев: последний русский футурист» (Фонд «AVC» Charity, 2020).

ботки и пенсию, он практически ничего не покупал из своих сокровищ, как почти ничего и не продавал. Говорил об ужасных грабителях, но деревянных дверей своей двушки так и не поменял.⁸⁷

При завладении добычей брал природным обаянием, лукавою лостью и паучьим коварством. У перепуганных и растерянных вдов и прочих наследников забирал папочку или рисуночек чуть ли не по их просьбе или «на сохранение» (время-то было суровое, и даже тихо хранить у себя токсичные архивы многим было и впрямь горячо) или «для работы» — и, разумеется, «только на время».

Как только добыча оседала у него в шкафу или на столе, она воспринималась уже как своя, и выпрыдалась аргументация-паутина, предохраняющая ее от покушений на возвращение. Сразу же включались другие рефлексы и механизмы, уже владельческие — круговая недоверчивость, избегание контактов и отпугивающая арrogантность в общении, если уж таковое состоялось.⁸⁸ Сюда же — граничащее со сладострастием упоение своими сокровищами в папочках и в шкафах: наедине, в одиночестве, без тени желания показать, поделиться или ввести их — ну хотя бы самому — в зрительский или научный оборот:

«...Тут груды золота лежат, и мне они принадлежат!»

Ключевой аспект такого «скупорышарства» — не просто монополия, а торжество мнимого первородства и крепостного права — права даже не первой ночи, а запрета на вторую для всех остальных. Самое страшное — если другие вдруг что-то подсмотрят и опередят его, Харджиева, своими скороспелыми мыслишками.

А на самой вершине этого синдрома — великий и банальный Нарцисс с верою только в себя, только в свои знания и в свою непогрешимость. Альтернативных мнений и суждений не должно быть, их просто нельзя допустить, что и достигается наверняка только одним — недосягаемостью шкафов-«сундуков» для чужаков и их глаз. Тогда никакая

⁸⁷ Впрочем, однажды такое покушение на коллекцию Н. Х. случилось. Но только не со стороны коллег-конкурентов, а со стороны равнодушных к футуризму, но не к деньгам фарцовщиков-медвежатников. Михаил Алексеевич Давыдов, сосед Н. Х. по этажу на Пречистенке и один из тех немногих — по пальцам перечесть! — кому тот хоть что-то и хоть когда-то доверял, вспоминал чудесное харджиевское *mot* по этому поводу: «...где появляется Малевич — там воцаряется беспредметность» (*Давыдов М. А. Разговоры с соседом // Тыняновский сборник: Двенадцатые — Тринадцатые — Четырнадцатые Тыняновские чтения: Исследования. Материалы. М.: Водолей, 2009. Т. 13. С. 615*).

⁸⁸ Фраза, сказанная им однажды хлебниковеду Парнису — пиковому объекту его ненависти, по-своему гениальна: «Вчера у меня тоже был молодой человек, а теперь вот лупа исчезла» (цит. по фильму Л. Вьюгиной).

опись содержимого сундуков и впрямь не нужна — владелец бессмертен и знает всё и так, другим же нечего и подсказывать, — стратегия, затащившая Н. Х. в амстердамскую западню и предельно упростившая разграбление всей его фантастической коллекции.

При таком подходе любовь к художнику или поэту, будь то Малевич, Хлебников или Мандельштам, неотвратимо мутирует. Сначала — в любовь к своему художнику или поэту, с явным акцентом на «своему», — то есть к харджиевскому «Моему Малевичу», харджиевскому «Моему Хлебникову» или харджиевскому «Моему Мандельштаму».

А затем — в любовь в рамках этой поэзии непосредственно к самому себе.

Следующий шаг — уже ненависть, вырабатывавшаяся какой-то редкостной, что ли, железой. Ненависть к конкурентам, к коллегам, к чужой работе, к иному мнению. Шаг, на котором описываемый типаж неминуемо погружается в сферу сугубо медицинскую — в психопатию.

Во имя торжества такого самопочитания и собственного — единственно верного, разумеется, — ракурса даже исправить то или сё в рукописной «первичке» этих непослушных мастеров уже незасорно.

Коллекционер такого типа — что твой крейсер «Варяг»: ему лучше лечь на дно, лучше даже умереть, но не поддаться, не сдать, не поделиться ни с кем и ничем! В этом смысле Н. Х. и впрямь «последний футурист» — с акцентом на слове *последний*, то есть ставящий свои точки над чужими i.

Постепенно об этом догадываясь, — или однажды вдруг это ясно осознав, — Н. Я. ужаснулась, но поняла, что вот и она сама, Надежда Мандельштам, — не более чем одна из таких напоровшихся на паутину вдов. Всерьез испугавшись кокона на рукописях мужа, она пошла на абордаж и на жесточайший конфликт с Н. Х.

Харджиев и мародеры

Двушка на Усачевке

Но под самый конец жизни одряхлевшая Цирцея и сам стал жертвой неслыханно наглых разводов, причем самого современного — без единой отмычки! — типа. Грабители — молодые и хищные западные иностранцы: может быть, без копыт, но точно без совести. В 1977 году таким грабителем стал 29-летний шведский славист Бенгт Янгфельдт,⁸⁹ а в 1993-м — 32-летняя немка Кристина Гмуржинска-Бшер, владели-

⁸⁹ См. подробности в работе: Мейлах М. Кража века, или Идеальное преступление: Харджиев против Янгфельдта // Colta.ru. 2012. 12 апреля. [Электронный ресурс] URL: <https://os.colta.ru/literature/events/details/35867/page1/>.

ца специализирующейся на русском авангарде «Галери Гмуржинска» в Кельне (позднее — в Цуге и Цюрихе). Сама молодость служила им орудием избранного типа мошенничества. И не только тем, что оба, разумеется, победили Н. Х. в биологическом поединке и живы до сих пор, но и тем, что швед с терпением росянки дождался — и дождался! — истечения срока давности по своему миллионному деликту, после чего мог уже и не опускать долу свои кристально-чистые негодяйские глазки.

Немка же сполна реализовала свой шанс и ореол «богатой тетушки» с райского Запада-свободоносца — шанс, предоставленный ей мутной постсоветской жижицей-водицей в наглухо закрытой еще вчера — и нищей и выставленной на продажу на момент событий — стране.

Всё началось осенью 1992 года, когда известный голландский филолог-хлебниковед Виллем Вестстейн, директор Института славистики в Амстердамском университете, будучи в Москве, встретился с Н. Х., и тот попросил его помочь ему уехать из СССР, вместе с коллекциями, на Запад, в частности, в Амстердам: картины, мол, достанутся музею,⁹⁰ архив — Институту, а он, Харджиев, скоротает остаток дней за изучением и изданием Хлебникова.

Весной 1993 года Вестстейн поговорил об этом с Кристиной Гмуржинской-Бшер, владелицей известной «Галери Гмуржинска» в Кельне, специализировавшейся на русском авангарде, точнее, на его рынке. Съездив раз или два в Москву, к Н. Х., и учуяв свой — и немаленький — интерес, будучи к тому же особой тертой и решительной, галеристка взялась за исполнение харджиевской просьбы — в рамках, разумеется, первоочередного решения своих задач. Она (скорее всего, вместе с Вестстейном) разработала план, частью логистики которого был Амстердам, и взрыхлила, подготовила в Москве и Шереметьево почву, необходимую для его осуществления.

30 сентября 1993 года в Москве она и Н. Х. подписали рукописный договор,⁹¹ по которому галеристка брала на себя обязательство «трансфера» самого Харджиева, его коллекции и архива в Амстердам и выплаты ему сразу же по прибытии — в обеспечение его и Чаги жизни на чужбине — двух с половиной миллионов долларов. Для контекста: рыночная оценка стоимости одной только живописи, отлеживавшейся у Н. Х. (без «бумаг» — то есть без архива и библиотеки), — не менее 30 миллионов долларов: недурная норма прибыли, не правда ли?

⁹⁰ Городской музей Амстердама («Стеделийк-музеум») располагал крупнейшим в зарубежье собранием картин Казимира Малевича.

⁹¹ Матиас Расторфер, директор этой галереи, и Вестстейн тоже оставили свои подписи на этом договоре, но их статус при этом довольно необычен: «Присутствующие».

В тот же день все «сундуки» Н. Х. на его глазах опустели. Всё наполнение его стен и шкафов — и картины, и архив («бумаги») — переехали в специально оборудованную квартиру-сейф (по слухам — где-то на Тверской), и неизвестно, делалась ли при этом хоть какая-то — рукописная, на коленке, первичная — опись (ноутбуков еще не было) или не делалась.

И уже с условной Тверской харджиевские сокровища стали переправлять на Запад, при этом — не в Амстердам, а в Кельн.

Бэмс в Шереметьево

После отлета Харджиева и Чаги в Амстердам в Москве оставалась существенная часть собрания Н. Х. И 22 февраля 1994 года с очередным «траншем», включавшим в себя большую часть собственно архива Н. Х., произошел таможенный облом.

В Шереметьево-2 при как бы рутинном досмотре был задержан гражданин Израиля Дмитрий Якобсон, которого, возможно, уже «вели», причем с двух сторон.⁹² В трех его чемоданах были обнаружены рукописи, письма и различные бумаги Хлебникова, Маяковского, Малевича, Мандельштама, Ахматовой, уникальные материалы по истории русского футуризма и многое другое, в том числе — договор Н. Х. с Гмуржинской. Всё это мандражирующий Якобсон попытался выдать за никому не нужный хлам, доставшийся ему от горячо любимого дядюшки. Поняв, что ампула племянника русской литературы не прокатит, Якобсон отступил на заранее подготовленные позиции. Он признался, что, страдая неизлечимой природной любезностью, согласился перевезти пару чужих саквояжей в Германию, после чего был отпущен скромной и некровадной тогда таможеней — и улетел налегке к себе в Дюссельдорф.⁹³

«Багаж» был изъят, конфискован, упакован в опечатанные свертки или связки и складирован в таком виде на несколько месяцев в небольшой, неохраняемой и неопломбированной таможенной подсобке в аэропорту, доступной, вероятно, довольно многим.

После такого *бэмса* из Кельна в Амстердам срочно были перевезены архив и книги из первого контрабандно-успешного транша: они не слишком волновали галеристку, зато картины ее волновали, и они еще надолго застряли на Рейне.

Белла Бейкер составляла тогда списки того, что пришло. Но сличать их всё равно было не с чем (кроме харджиевской головы) — лакомая

⁹² С одной стороны, задействованные в операции таможенники, а с другой — дружественные милиционеры, явно ассистировавшие, судя по фильму, как раз Якобсону.

⁹³ Между прочим, на тот момент — ближайший к Кельну аэропорт.

ситуация для любых жуликов. Со слов К. Акинши, в Амстердаме архив и книги поместили — на имя Харджиева — в сейф одного из банков. При этом Н. Х. был уверен, что Гмуржинска вернула ему далеко не всё. Да и из самого сейфа, по мнению Харджиева, бумаги тоже исчезали, что, по его же мнению, было уже делом рук профессора Вестстейна, у которого якобы также был доступ к сейфу: «Но когда их получили из сейфа, то оказалось, что ряд книг уже вытащил Вестстейн... Там были творения Хлебникова, прижизненные издания с его поправками. Всё это уже у Вестстейна, конечно. Потому что я получил без этих книг».⁹⁴

Сама история с «сейфом» вызывает сомнения: каких же размеров должна быть ячейка в банковском сейфе, чтобы в нее поместились не бабушкины брильянты, а сотни папок с архивными материалами? Допустим. Но зачем вообще нужен сейф в банке, а не в доме, если Н. Х., шильонский узник второго этажа в собственном доме, никуда и никогда в город не выбирался? Ну, и самое главное: можно ли представить, чтобы Н. Х. мог доверить второй ключ от такого «сейфа» кому бы то ни было, кроме Чаги, да и ей-то, наверное, — только вынужденно.⁹⁵

Дом-западня в Амстердаме

За «бумагами» должен был последовать и сам Н. Х. с женой, но он соглашался покинуть Москву лишь тогда, когда убедится в том, что «бумаги» его благополучно прибыли по назначению. В чем его и убедили (ясное дело, обманом), после чего они с Чагой зажмурились и — 8 ноября 1993 года, по университетскому приглашению от Вестстейна, — прилетели в Амстердам.

Оба — старики, оба — впервые за границей, оба — без вида на жительство, оба — не говорящие ни на одном иностранном языке, оба — нуждающиеся в элементарном уходе и оба — в полной изоляции и зависимости от порядочности и доброй воли госпожи Гмуржинской и нанятых ею людей. К тому же, как выяснилось по прилете, еще и без своих «бумаг» и картин, де-факто застрявших в Кельне.

Разместили стариков поначалу в «Хилтоне», а затем перевезли в купленный на деньги Н. Х. дом на Олимпия Плейн, 55 — классический голландский узенький четырехэтажный пенал с одним входом, с крутыми лестницами по оси каждого подъезда.⁹⁶ На первом этаже расположи-

---

⁹⁴ Слова Н. Х. цит. по: Акинши, Козлов, 1998.

⁹⁵ Может быть, сейф не мог быть открыт на имя Н. Х. из-за его русского гражданства, и оттого он был открыт на имя Вестстейна? Но как тогда это соотносится с тем, что ссора между ними состоялась еще в 1993 году, а *бэмс* в Шереметьево — в 1994?

⁹⁶ Понятно, что необходимые действия для совершения сделки сам Н. Х. совершить не мог.

лась Чага, а сам Н. Х. разместился на втором; витая лестница между первым и вторым этажами была оснащена сиденьем-подъемником, которым Чага охотно пользовалась. Сам Н. Х. практически не покидал «свой» этаж, лишь изредка выходил из своей комнаты на балкон, смотревший во внутренний двор, — подышать. Он даже в местный музей с «не его» Малевичем так ни разу и не выбрался.

Дом на Олимпиа Плейн присмотрела для Н. Х. семейная пара Егоровых, по слухам — сотрудников университета:⁹⁷ они поселились в том же доме, на верхних этажах. Н. Х. и Чага, понятное дело, вскорости заподозрили их в шпионстве на Гмуржинскую и в желании что-то прикарманить — и прогнали. Вдрызг разругался Н. Х. и с Вестстейном, архитектором его переезда в Амстердам: харджиевская классика!

Но незадолго до своего изгнания Егоровы устроили для стариков вечеринку, дабы познакомить их с амстердамским интеллигентским русскоязычным кругом — весьма небольшим, кстати сказать. Среди гостей случился и вальяжный экс-киноактер Борис Александрович Абаров (Петкер)⁹⁸ с подругой, Беллой Бейкер.⁹⁹ То ли он, то ли она, то ли они оба — вдруг понравились Чаге, и Абаров, эдаким дымком из чертовой табакерки, соткался в воздухе этого дома и, присмотревшись, стал там своим.

Получив в свои руки всё домохозяйство стариков, он тотчас окружил их — нет, не заботой, а криминальной энергией. Контролируя их лекарства и их контакты, нанимая и увольняя обслугу, выбирая ее из круга своих сомнительных знакомств, этот выпускник ГИТИСа срежиссировал и поставил в интерьере дома пьесу под названием «Взаперти! Даешь максимальную изоляцию стариков».

⁹⁷ Не из Института славистики, коль скоро Вестстейну Егоровы не известны.

⁹⁸ В его актерских качествах можно удостовериться, посмотрев фильм Лилии Вьюгиной «Николай Харджиев: последний русский футурист» (2020).

⁹⁹ Белла Бейкер-Тимофеева — русский филолог и голландский переводчик. После эмиграции из СССР была аккредитована при Министерстве юстиции Голландии в качестве официального переводчика. Все юридические документы Н. Х., требовавшие сертифицированного перевода, проходили через нее. См. о ней: *Каменский М. А.* Близнецы в тучах: Вадим Козовой и Николай Харджиев — некоторые аспекты доверительных отношений. *Прил.: Николай Иванович Харджиев и его «странные идеи, планы и расчеты»: Из беседы Михаила Каменского с Михаилом Мейлахом // Русское искусствознание среди европейских школ: архивные материалы из музейных и библиотечных собраний: [Материалы Четвертого международного конгресса историков искусства имени Д. В. Сарабьянова]: Сб. статей. М.: Госин-т искусствознания, 2022. С. 258–283.*

27 июля 1995 года, составляя (а точнее — подписывая) завещание, Харджиев сделал очередной — и уже роковой — шаг. Он назначил Абарова своим наследником, а также своим и Чаги опекуном.¹⁰⁰ То есть перевел начинающего мародера из камердинеров в мажордомы и даже в бенефициары! Ну, и поднял тем самым в разы риски для здоровья жены и своего собственного.

И вот первая «неожиданность»: 7 ноября 1995 года умирает Чага, собравшаяся было увольнять Абарова! Неудачно, видите ли, упала с тарелкой на крутой лестнице, по которой имела обыкновение спускаться и подниматься на подъемнике. Небритый, злой, матерящийся, явно проваливающийся в деменцию Харджиев отныне на своем этаже — и на всём белом свете — один, совершенно один.

В разговорах со своими редкими посетителями (Козовым, Мейлахом, Акиншей) Н. Х. называл Абарова с присными шайкой, но сопротивляться наследнику в чем бы то ни было уже не было сил, а главное — не было понимания, как это делать. 8 декабря Харджиев дал свое последнее интервью — Константину Акинше. Позднее оно было переработано в статью для журнала «ARTnews»,¹⁰¹ а затем — еще раз — для русских «Итогов».¹⁰²

9 ноября 1995 года — на второй день после смерти Чаги! — для управления оставшейся частью архива Н. Х. в Торговой палате Амстердама был зарегистрирован Фонд «Культурный центр Харджиева — Чаги», учредителями которого стали Харджиев, Абаров и искусствовед Йоп Йоустен.

Ну, а 10 июня 1996 года умер и сам Николай Иванович Харджиев.

Дело всей его жизни окончательно пропало, став уделом секты мародерствующих.

Власть в доме и в Фонде перешла, строго по уставу, к Абарову. Так что — всё удалось: есть что грабить, и есть кому — и никакого постороннего надзора. Впрочем, и грабить надо квалифицированно — лучше

¹⁰⁰ Позднее Вадим Козовой, старинный друг Н. Х., исполняя его волю, попытался переписать завещание на себя — с последующим переездом Н. Х. в Париж, но, увы, юридически не преуспел. См.: Дневниковые записи Вадима Козового. Амстердам. 16–24 марта 1996 года / Публ. М. А. Каменского // Русское искусствознание среди европейских школ: архивные материалы из музейных и библиотечных собраний. С. 284–294.

¹⁰¹ *Akinsha K., Kozlov G., Hochfield S: The scholar who came in from the cold // ARTnews (Los Angeles). 1996. Vol. 95. No. 8 (September). P. 108–114 (в заглавии обыгрывается название романа Д. Ле Карре «Агент, пришедший с холода», 1963).*

¹⁰² *Акинша, Козлов, 1998. Второй соавтор, Григорий Козлов, в интервью не участвовал, но подготовил для публикации комментирующий пласт.*

всего так, чтобы походить на спасателей и спасителей. В ГИТИСе этому не учили, но необходимые помощники (точнее, сообщники) для этой задачи были подобраны заранее: консультант по социальному и пенсионному праву Ян Бюсе и нотариус Майкл Приве — оба многоопытные голландские юристы со связями, например, в Министерстве юстиции. В сентябре 1996 года были освежены уставные документы Фонда — да так, чтобы у правления были развязаны руки и чтобы грабеж был юридически неуязвим.

Вместо задекларированного первоначально благовидного тезиса о «сохранении коллекции как единого целого» курс был изменен на прямо противоположный — распродажу самого вкусного. В течение короткого времени Фонд продал дом Н. Х. за 2 миллиона гульденов и 55 картин из его коллекции — еще за 30 миллионов.¹⁰³

И вновь почему-то всплывают стихи, и снова не Хлебникова, а Пушкина:

«И в распухнувшее тело раки черные впились!»

Поменялась не только политика, но и руководство Фонда. Абарова, ставшего вызывающе токсичным, в президентском кресле сменил другой рак — нотариус Приве. Часть картин, как и оставшийся после Кельна архив,¹⁰⁴ фондовские передали для приличия в «Стеделийк»¹⁰⁵ — и то, кажется, только на хранение и в управление. Тем не менее амстердамская часть архива Н. Х. стала доступна заинтересованным читателям.

На саму же мутацию Фонда, как и на его действия, голландские власти долго не реагировали, отводили глаза. Между тем 14 ноября 1997 года Абаров покинул Фонд, получив за свои два года креативного гешефта отступные в 10 миллионов гульденов.¹⁰⁶ Это примерно 5 миллионов долларов, что вдвое больше чека, выписанного Харджиеву Гмуржинской.

¹⁰³ См., например, о вещах Эль Лисицкого: [Электронный ресурс] URL: <http://www.raruss.ru/avant-garde/2451-more-about-two-squares.html>.

¹⁰⁴ Вся ценность архива его узурпаторы, по счастью, не осознавали.

¹⁰⁵ Долгие годы, вплоть до выхода на пенсию в 2017 г., куратором коллекции и архива Харджиева был голландский искусствовед Герт Имансе (см.: *Imanse G., Lamoen F. van (ed.). The Russian Avant-Garde: The Khardzhiev Collection, Stedelijk Museum Amsterdam: Exhibition catalog: Publ. on the occasion of the survey Exhibition «Kazimir Malevich and the Russian Avant-Garde: Featuring Selections from the Khardzhiev and Costakis Collections», 19 Oct. 2013 – 2 Febr. 2014, Stedelijk Museum Amsterdam. Rotterdam: Nai010 publishers, 2014. 552 p.*).

¹⁰⁶ Покинул он и Амстердам, переехав в Кембридж.

С этими деньгами Абаров настолько спешно удалился в Новую Зеландию, а Бусе — со впятеро меньшей суммой, но тоже спешно — во Францию, что на Фонд, наконец, обратили внимание голландские власти: а как у вас, ребята, с налогами? Немало этому поспособствовали появившиеся в голландской периодике расследования Хеллы Роттенберг, основательно разворошившие весь этот улей.

В апреле 1998 года, по рекомендации правительства, из правления вынужден был выйти Приве, чем ограбление коллекции Харджиева и было остановлено. В правление Фонда были введены бывшие государственные чиновники — экс-министр юстиции Якоб де Рутер и экс-директор «Стеделийк-музеума» Хенк ван Ос. После их выхода на пенсию их заменили в правлении Тео Бремер (председатель и — тогда — директор музея), Роберт де Хаас, Виллем Вестстейн и Марсель де Зваан.

В целом драматическая и даже драматургическая эпопея была зафиксирована — и по-своему увенчана — выходом в 1999 году книги Хеллы Роттенберг «Мастера и мародеры».¹⁰⁷ К сожалению, только по-голландски.

Вот так старики из усачевской пятиэтажки, построенной руками немецких военнопленных, оказались в собственном особняке в Амстердаме — в самой настоящей западне, во враждебном окружении. Со стороны Запада — это Гмуржинска и Абаров, со стороны Востока — оставленная и отставленная Н. Х. Россия: ее Минкульт с замминистра Швыдким,¹⁰⁸ гостаможня с запертым на ключ конфискатом и Следственное управление ФСБ, возбудившее против Н. Х. персональное уголовное дело о контрабанде.

В эту западно-восточную западню Харджиев угодил исключительно в результате собственных усилий.

И можно только разделить всю горечь отсылки Вячеслава Всеволодовича Ив́анова к хлебниковской «Трубе марсиан» (1916): «Хлебников в свое время подчеркивал разницу между изобретателями и приобретателями. Харджиев принадлежал к первому типу. И судьба сурово его наказала, когда он перешел во второй».¹⁰⁹

¹⁰⁷ *Rottenberg H. Meesters, marodeurs: de lotgevallen van de collectie-Char-dzjiëv. Amsterdam: J. Mets, 1999.*

¹⁰⁸ Швыдкой, к слову, был еще и знаком с Абаровым-Петкером по театральному институту.

¹⁰⁹ *Иванов Вяч. Вс. Мои воспоминания о Николае Харджиеве // Архив Н. И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ. Т. 2 / Сост. А. Е. Парнис, науч. ред. А. Д. Сарабьянов. М.: Изд-во «ДЕФИ», 2018. С. 329. Этой горькой цитатой заканчивается и документальный фильм Лилии Вьюгиной «Николай Харджиев: последний русский футурист» (2020).*

Харджиев и РГАЛИ

***Вынужденная посадка
и освобождение по УДО***

В обмен на прекращение уголовного дела о незаконном вывозе культурных ценностей Министерство культуры РФ настаивало на передаче всего вывезенного архива Харджиева в посольство РФ в Нидерландах. Оно также предложило Н. Х. официально подарить России задержанную на шереметьевской таможне часть архива, благо весь конфискат, принадлежа России де юре, находился в ней и де факто.

Харджиеву ничего не оставалось, как помочь «дооформить» этот поистине трагический для него «подарок». В июне 1994 года он переписывается с Натальей Борисовной Волковой, тогдашним директором РГАЛИ, о согласии на передачу московской части своей коллекции (между прочим: только ее!) в архив.

И вот 9 августа 1994 года содержимое чемоданов Якобсона, переупакованное в связки, было перевезено на полки одного из хранилищ РГАЛИ, при этом все его артефакты еще сохраняли статус вещдоков. Специалисты архива немедленно приступили к структуризации и инвентаризации поступивших материалов — еще не описанию.¹¹⁰ Так что А. Сарабьянов и А. Шатских, приглашенные следователями в качестве экспертов по вопросу художественной ценности коллекции Н. Х., знакомились с ней, по крайней мере, уже разложенной по архивным папочкам.¹¹¹

Полученную в результате инвентарную опись послали в Амстердам, и Н. Х. пришел в ужас: мол, сколько же и тут всего пропало!¹¹²

Но делать нечего, и 2 ноября того же года, отскрежетав зубами, он официально отписал РГАЛИ весь шереметьевский конфискат плюс свою московскую библиотеку:

«Папки с моим архивом и книгами, полученными у таможни, а также библиотеку, находившуюся в моей квартире, передаю на вечное хране-

---

¹¹⁰ См.: *Горяева Т. М.* Как архив Николая Харджиева был возвращен в Россию // *Наше наследие.* 2018. № 125. С. 18–31.

¹¹¹ Само дело, согласно устному ответу Центра общественных связей ФСБ, закрыли только 3 июня 2004 г. — и не в порядке исполнения договоренности, а за истечением срока давности. Лицо же, заказавшее вывоз коллекции из России, так и не было установлено. Милиционеры с матрешками, кажется, переиграли таможенников.

¹¹² Кстати, а сколько? Ведь собственную «инвентарную опись», напомним, Н. Х. никогда не составлял.

ние в РГАЛИ, с условием, что они будут закрытым фондом в течение 25 лет, т. е. до 2019 года.

Николай Харджиев, 2 ноября 1994 г.».¹¹³

Это условие (четверть века закрытости) — как бы прощальный привет от синдрома Коллекционера.

Но время со скрипом уже разворачивалось в другую сторону.

В 2004 году в Одессе, на международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. Х., Татьяна Михайловна Горяева, возглавившая РГАЛИ в 2001 году, впервые встретилась с представителями «Фонда Харджиева». В том же году начались переговоры с Фондом и, шире, с голландской стороной о передаче в РГАЛИ амстердамской части архивной коллекции Н. Х. — для воссоединения в Москве обеих частей. В 2006 году договорились об их едином научном описании (каталогизации, а не инвентаризации) и о микрофильмировании всех материалов для последующего обмена — для начала микрофильмами.

И, наконец, 14 декабря 2011 года оригиналы «бумаг» Н. Х. из первого транша были возвращены из Нидерландов в Россию, в РГАЛИ, и весь его архив (вот только весь ли?) снова составил некое единое целое — фонд № 3145, включающий в себя 1427 вернувшихся единиц хранения.¹¹⁴ А усушка с утруской за 18 лет «разлуки» даже грубой оценке, увы, не подлежит.

Публикуемая ниже, наконец, «песчинка» (нет, мы не забыли о ней!) — письмо Н. Я. к Н. Х. — оказалась в амстердамской, то есть в не конфискованной на таможне, его части. Но это уже было не так важно, коль скоро вся коллекция в 2011 году была действительно воссоединена.

А как же харджиевский запрет, закрывающий доступ к его бумагам на четверть века? Ведь доступа к нему в Москве действительно не было, хотя в Амстердаме — к микрофильмам — был.

Строго говоря, пресловутые харджиевские *четверть века отсрочки доступа* должны были бы истечь 2 ноября 2019 года. Но он же сам написал и иное: «до 2019 года», то есть — открывайте хоть с 1 января!

К чему и склонилась Горяева в своем сценарии официального открытия фонда Харджиева: освобождение по УДО, так сказать.

Еще в 2009 году в посвященном Н. Х. выпуске «Документальной истории» — серии ее передач на канале «Культура» — публикуемое письмо Н. Я. она выделила как знаковое для всей коллекции.¹¹⁵ А в 2019 году

¹¹³ Воспроизведено в посвященном Н. Х. выпуске передачи Т. М. Горяевой «Документальный архив» на канале «Культура» (выходила в эфир 23 марта 2009 г.; см.: 17'45").

¹¹⁴ Всего фонд РГАЛИ № 3145 содержит 2606 единиц хранения.

¹¹⁵ Николай Харджиев. История одной коллекции / Реж. И. Федоренко. [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ghq5ZnZ8H14>.

сделала его документом-символом открытия «Архива Харджиева» в РГАЛИ, причем срежиссировала это весьма оригинально и креативно.

С 12 декабря 2018 г. по 10 марта 2019 г. в Еврейском музее и Центре толерантности в Москве проходила выставка «Тоска по мировой культуре: Библиотека О. Э. Мандельштама» — совместный проект архива и музея. 27 января 2019 года, в рамках сопроводительной программы выставки, в музее состоялось специальное мероприятие РГАЛИ — вечер «Осип Мандельштам и Николай Харджиев. Встреча через 90 лет».

Как писала позднее сама Горяева: «Несмотря на выходной день и бушевавшую на улице метель, узнать историю знакомства Осипа Мандельштама с известным в будущем коллекционером и литературоведом Николаем Харджиевым пришло более двухсот гостей. Собравшиеся не подозревали, что они стали участниками знаменательного события — символической церемонии открытия архива Н. И. Харджиева. Один из документов этого обширного архива — письмо Н. Мандельштама Н. И. Харджиеву (1965) с подробными и живыми воспоминаниями о том, как и чем жил художественный Киев в разгар Гражданской войны, было помещено в экспозиции выставки “Тоска по мировой культуре”, но до 27 января было скрыто от глаз публики. Обнародование этого многостраничного документа ознаменовало новый период в истории архива знаменитого коллекционера».¹¹⁶

Ярким событием стало участие в этом вечере народной артистки России Чулпан Хаматовой — исполнительницы роли Надежды Яковлевны в спектакле-перформансе Антона Адасинского «Мандельштам. Век-Волкодав» в Гоголь-Центре.¹¹⁷

Предваряя чтение, Чулпан призналась: «Передо мной стояла очень сложная задача: меня попросили это письмо сократить и прочитать те куски, которые будут для меня особенно интересны. Я не справилась с этой задачей. Я ничего не смогла вырезать, потому что все детали, которые там есть, — они показывают и время, и художников... Для меня это сгусток света, перенос во времени в Киев 1918—1919 года. Для меня

¹¹⁶ Горяева, 2019. С. 16, 18. На с. 17 приводится факсимиле начала письма Н. М. к Н. Х. Автограф целиком экспонировался на указанной выставке.

¹¹⁷ Спектакль (второй в цикле Гоголь-Центра «Звезда», посвященном пяти русским поэтам — Пастернаку, Мандельштаму, Ахматовой, Маяковскому и Кузмину) был поставлен хореографом и руководителем театра «Derevo» Антоном Адасинским; он же — исполнитель роли Осипа Мандельштама в спектакле. Премьера состоялась 16 октября 2016 г. См.: Пустовая В. Мандельштам по Адасинскому // Российская газета. 2016. 28 ноября. [Электронный ресурс] URL: <https://godliteratury.ru/articles/2016/11/28/premera-spektaklya-mandelshtam-vek-v>. Последнее представление состоялось 21 января 2021 года (сообщено А. Адасинским).

сегодняшней интересно увидеть, как из этого сгустка полетели потом лучи по всему миру, и, зная, что потом случится с этими художниками, с этими героями, смотреть из сегодняшнего дня в тот». ¹¹⁸ Так что прочитала она письмо целиком.

После Хаматовой выступал известный исследователь русского авангарда Александр Парнис, указавший на уникальность содержания этого письма: оно затрагивает тот самый — киевский — период жизни самой Н. М., что обойден вниманием в ее воспоминаниях. Он же отметил, что публикация документа будет сопряжена с большой текстологической и комментаторской работой.

Что ж, справедливые слова: и дело тут не только в искусствоведческих тонкостях, но и в текстологических грубостях.

Харджиев и Надька: редаKTура по автографу

Итак, в 2019 году гипотетическая возможность ознакомиться с эпистолярной «песчинкой» от Н. Я. в читальном зале РГАЛИ появилась: впрочем, только номинально, де-факто это произошло позднее. ¹¹⁹

Вот официальная сигнатура «песчинки»: РГАЛИ, ф. 3145, оп. 1, д. 204.

А вот — собственноручный внутренний заголовок (только ко второму из писем), рукой адресата: «Надька о худож. жизни Киева в 1918—1919 гг. 1918 г. Осенью Экстер в Киеве — школа. 1965 г.».

А вот детали археографической характеристики документа. Исходно это автограф Н. Я., написанный синей шариковой ручкой на обеих сторонах страниц. Поверх рукописи — два других «текстологических слоя»: это правка адресата, нанесенная прямо на оригинал, видимо, в два приема — один раз черным шариком, другой — карандашом. Тут и вычеркивания целых абзацев, фраз и инициалов, и даже переносы фрагментов фраз или отдельных слов корректорскими знаками!

Что ж, перенесемся еще раз — ненадолго — в далекий 1965 год, в полузамерзшую февральскую Тарусу. Н. Я., едва-едва отошедшая от «Воспоминаний», пишет эти заметки: между прочим — целых 18 рукописных страниц, то есть это — солидная, по меркам мемуаров Н. Я., глава. Кладет в конверт и, не перечитывая, отправляет «Николаше».

И вот адресат достает из ящика это долгожданное и драгоценное письмо, раскрывает пухлый конверт, читает и...

¹¹⁸ Цит. по: Горяева, 2019. С. 18.

¹¹⁹ Материалы из амстердамской части архива Н. Х. до воссоединения с московской частью хранились в архиве Городского музея Амстердама и, после обращения к их хранителю — Герду Имансе, были доступны читателям. Фаза разъединенного состояния архива отразилась в статье: Нерлер П. Харджиев Николай Иванович // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 1. С. 506.

И... как же он обращается с полученным сокровищем?

Крайне пренебрежительно — как с черновой заготовкой к некоему своему будущему тексту. Н. Х. бросается его «редактировать» и, не церемонясь, наносит прямо на оригинал вышеописанные слои. Самый характер правки при этом — не контентный, а сугубо стилистический, то есть «редакторский», чтобы не сказать «авторский».¹²⁰

Так что еще тогда, в «мирном» 1965 году, Н. Х. ничуть не благоговел перед Н. Я. и удостоил ее вдовый автограф статуса собственного черновика.

Киев и табунок

Киевский художественный ландшафт

Заложим вираж еще на один принципиальный для этой «песчинки» контент, он же контекст, — на собственно киевский художественный ландшафт.¹²¹

Первым обучающим художественным заведением была в Киеве иконописная школа Киево-Печерской лавры, созданная в 1860-е годы.¹²² В 1875—1901 годах на средства городского бюджета и сахарозаводчика-мецената Ивана Терещенко работала Киевская рисовальная школа, основателем которой был художник-передвижник Николай Иванович Мурашко (1844—1909); среди самых известных ее учеников — Валентин Серов и Казимир Малевич. В 1900—1901 гг. в пику школе Мурашко было открыто Киевское художественное училище (КХУ), состоявшее из трех отделений — живописи, скульптуры и архитектуры — и подотчетное уже не губернской, а имперской столице — Императорской академии художеств.¹²³

¹²⁰ Примерно так же Н. Х. относился и к другим документам, например, к воспоминаниям Льва Жегина о Чекрыгине; это у него называлось «суровое редактирование».

¹²¹ См. новейшую хрестоматию, в которой собраны тексты представителей киевского авангарда: Український художній авангард: Маніфести, публіцистика, бесіди, спогади, листи / Упоряд. Д. Горбачов за участі С. Папети та О. Папети; Вст. ст. М. Дмитрієвої; Наук. ред. А. Пучков. Київ: Дух і Літера, 2020. 640 с., 32 с., іл. См. также: Zwischen Stadt und Steppe: Künstlerische Texte der ukrainischen Moderne aus den 1910er bis 1930er Jahren / Hg. u. kommentiert von Marina Dmitrieva. Zusammengestellt von Marina Dmitrieva u. Dmytro Horbachov. Berlin: Lucas Verlag, 2011.

¹²² В ней учились Чекрыгин и Редько.

¹²³ С сентября 1902 г. оно находилось в доме № 2 по Бульварно-Кудрявской улице и просуществовало до 1920 г. Среди ее воспитанников — А. Архипенко, Б. Аронсон, И. Кавалеридзе, П. Ковжун, А. Лентулов, П. Митурич,

Преподавателем КХУ был и Александр Александрович Мурашко (до 1891 г. Крачковский; 1875—1919), родной племянник ее основателя. Передвижник, как и дядя, он специализировался на портрете, был членом Союза русских художников и одним из основателей Товарищества киевских художников и учредителей Украинской академии художеств.¹²⁴ Учился он и в Петербурге, в Императорской Академии художеств — у Ильи Репина и Антона Ажбе. В 1913 году, вернувшись в Киев, он на чердаке 12-этажного дома Гинзбурга на Институтской улице открыл собственную студию.¹²⁵ И как художник, и как педагог Мурашко-младший придерживался академического, консервативно-традиционалистского направления. Но именно через его студию — как, впрочем, и через КХУ — прошли многие, впоследствии знаменитые, скульпторы и художники — будущие ученики Экстер, с которыми Н. Я. дружила: Тышлер, Минчин и Рабинович.

Студия А. А. Мурашко была не единственной частной школой живописи в Киеве. Были и другие, но самой привлекательной для Н. Я. и ее табунка была, безусловно, «Мастерская живописи» Александры Экстер, в Киеве авангардистском, безусловно, игравшая ключевую роль.

Александра Александровна Экстер (урожденная Григорович; 1882—1949) в 1903 году вышла замуж за своего двоюродного брата — Николая Евгеньевича Экстера, помощника присяжного поверенного при Киевском окружном суде и весьма успешного адвоката. Вплоть до своей смерти в 1917 году он избавлял любимую жену-художницу от любых материальных забот. В 1906 году Экстеры поселились на втором этаже дома № 1 по улице Гимназической.¹²⁶ Здесь же разместилась и мастерская Экстер, в которой она устроила салон, популярный у киевской художественной интеллигенции.

В противоположность Мурашко, Экстер была убежденной революционеркой в искусстве — «амазонкой авангарда», как ее окрестил Бене-

С. Никритин, А. Осмеркин, И. Рабинович, А. Тышлер, А. Экстер и многие другие.

¹²⁴ В последние месяцы жизни исполнял обязанности ее ректора.

¹²⁵ При этом проживал он на тогдашней периферии Киева — на Лукьяновке. Несмотря на бандитизм и насилие тех лет, он не боялся ходить по улицам города поздно вечером. Ночью 14 июня 1919 г., когда он с женой возвращался из гостей, их — совсем недалеко от дома — остановили трое грабителей: жену заставили уйти, а его самого убили выстрелом в затылок.

¹²⁶ Ныне — ул. Богдана Хмельницкого, 27/1. Владельцем дома был свекор Александры Экстер, преподаватель гимнастики в 3-й Киево-Подольской гимназии и гласный (депутат) Киевской городской думы.

дикт Лившиц.¹²⁷ Член петербургского «Союза молодежи» и московского «Бубнового валета», она участвовала едва ли не во всех авангардных выставках, ознаменовавших взлет беспредметной живописи.¹²⁸ Она часто бывала в Москве и Петербурге, но ее личной «Меккой» был, разумеется, Париж. До войны Экстер жила там месяцами, посещала Академию Гранд-Шомьер, снимала мастерскую на рю Буассонад на Монпарнасе, дружила с художниками и поэтами, в частности, с Пикассо и Аполлинером.

Она всегда была в курсе всех новинок, веяний и новостей, всех событий в мире искусства, каковыми, возвращаясь в Киев, щедро делилась со своим окружением. Ее влекли французские орфизм¹²⁹ и фовизм¹³⁰ с их обобщающим опрощением формы и пространства, упрощением объема и отказом от светотени и линейной перспективы — тот самый «славный дедушка Сезанн» из мандельштамовского «Путешествия в Армению»! Но всего притягательнее для нее были кубофутуристы — как итальянские, так и российские; с последними Экстер, собственно, и ассоциировала себя как художника. Ее собственная траектория в искусстве привела в 1915—1917 гг. к колоритной абстракционистской беспредметности, но не к супрематистской, хоть она и дружила с Малевичем и входила в его «Supremus».

Первая мировая война жестко оборвала европейскую карьеру Экстер — выбросила ее, по выражению Мандельштама, из «собственной лузы». В начале 1917 года умер ее муж, чье наследство отсудил у нее свекор: даже картины ее остались в их бывшей квартире; многое погибло в Гражданской войне.

Тогда-то впервые и легла на плечи художницы забота и о хлебе насущном, что, собственно, и подвигло Экстер открыть в Киеве собственную студию — «Мастерскую живописи». При этом раскрылась еще одна грань ее таланта — педагогическая. Киевская студия Экстер, как и ранее ее салон, стала общепризнанным центром авангарда: сюда тянулись не

¹²⁷ См.: Лившиц, 1989. С. 413.

¹²⁸ «Венок» (Москва, декабрь 1907—1908), «Венок» (Санкт-Петербург, весна 1908), «Звено» (Киев, конец 1908), «Золотое сечение» (Париж, 1912), «Кольцо» (Киев, 1914), «Первая международная футуристическая выставка» (Рим, 1914), «Первая футуристическая выставка “Трамвай В”» (Петроград, 1915), «Выставка современного декоративного искусства» (Москва, 1915), «Бубновый валет» (Москва, 1917) и др.

¹²⁹ Течение французского постимпрессионизма 1910-х гг., связанное с кубизмом, футуризмом и экспрессионизмом. Название восходит к поэтическому циклу Г. Аполлинера «Бестиарий, или кортеж Орфея» (1912).

¹³⁰ От *фр.* fauve — дикие звери.

только художники и скульпторы, но и писатели, и поэты, и музыканты, и философы.

Через студию Экстер прошли Александр Тышлер,¹³¹ Абрам Минчин,¹³² Исаак Рабинович,¹³³ Ниссон Шифрин¹³⁴ и Павел Пастухов.¹³⁵

¹³¹ Александр Григорьевич Тышлер (1898–1980) — художник и скульптор. В 1912–1917 гг. учился в КХУ, в 1917–1918 гг. — в студии Экстер. В 1919 г. Тышлер служил в РККА; при управлении Южного фронта, где рисовал плакаты для окон РОСТА, иллюстрировал первые буквари на калмыцком, мордовском, татарском языках, а также на идише. В 1921 г. поступил во ВХУТЕМАС, учился у В. Фаворского. До 1924 г. увлекался беспредметной живописью; а в 1925 г. вступил в Общество станковистов. В 1927 г. дебютировал как театральный художник, оформив ряд спектаклей в Белорусском еврейском театре в Минске. В 1930-х гг. в Москве сотрудничал со многими театрами, но главным образом — с Московским еврейским. В 1941 г. эвакуировался с театром в Ташкент, где ему не раз позировала Ахматова.

¹³² Абрам Минчин (1898–1931) — российский и французский художник, уроженец Киева. Есть предположение, что в 1914 г. он учился у Экстер. В 1923–1926 гг. — в Берлине, сценограф и художник по костюмам в Еврейском театре. С 1926 г. — в Париже, где сблизился с Шагалом, Сутиным, Ларионовым, Гончаровой. Первая персональная выставка состоялась в 1929 г. В конце 1920-х гг. переехал из Парижа в небольшой город Ле Гард, недалеко от Тулона. Развивал достижения кубизма и экспрессионизма.

¹³³ Исаак Моисеевич Рабинович (1894–1961) — до революции студиец КХУ и А. А. Мурашко. Начиная с 1911 года работал в театрах, в частности, во МХАТе и в Театре Е. Вахтангова. В 1926–1930 гг. профессорствовал на живописном факультете ВХУТЕИНа в Москве. Он был художником советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке (1939) и знаменитого проекта Дворца Советов (1939–1948; не осуществлен).

¹³⁴ Ниссон Абрамович Шифрин (1892–1961) — театральный художник. Закончил КХУ (1915) и Киевский коммерческий институт (1916), но коммерсантом не стал. В 1918–1919 гг. учился в студии Экстер, в 1920–1921 гг. — в Украинской академии художеств в Киеве. В 1918 г. был одним из организаторов художественной секции киевской «Культур-лиге», возглавлял ее музейную комиссию и участвовал в двух ее выставках (в феврале-марте 1920 г. и в марте-апреле 1922 г.), преподавал в созданной при ней художественной студии. В 1922–1924 гг. иллюстрировал книги современных идишских авторов, в частности, Ицика Кипниса. С 1929 г. — в Москве, где преподавал в ряде художественных институтов. В 1935–1961 гг. — главный художник Центрального театра Красной Армии, но тесно сотрудничал и с еврейскими театрами.

¹³⁵ Павел Георгиевич Пастухов (1889–1960), он же Паня из письма Н. Я. к О. М. от 17/30 сентября 1919 г. (см.: «Посмотрим, кто кого переупрямит...». С. 42) — график, книжный и театральный художник. Учился в Боголюбовском художественном училище в Саратове. В 1912 г. переехал в Киев, поступил в Киевский университет на историко-филологический факультет и одновременно занимался в частной художественной студии

Первых двух, назвав их более глубокими, чем остальные, Н. Я. даже сравнивает между собой: оба — «плевали на путешествие по образцам французской живописи. Думающим человеком в этой паре был Минчин. Он всё время чего-то упорно искал — цвета, мазка, глубины. У него были странные холсты, дрожавшие как перламутр. Тышлер, веселенький и смешной, не позволял себе задумываться, чуть-чуть, слегка работал с натуры и всегда выделялся чудным даром виденья. Минчин всегда ахал от тышлеровского рисунка и продолжал искать».

А о Рабиновиче она пишет так: «Рабинович, очень даровитый человек, тянулся к Матиссу. Его способности были чисто декоративные, недаром потом он навсегда ушел в театр. На войне он лишился двух пальцев правой руки, но это ему не мешало. Он обходился своими обрубками».¹³⁶

В соответствии с собственной биографией — с первыми занятиями у Мурашко — Н. Я. пишет: «А всё начиналось в шестнадцатом. Для Исаака [Рабиновича] еще раньше. Он еще помнил “былые дни” — до войны, когда в Киеве учился в училище Осьмеркин,¹³⁷ первый узнавший о том,

---

Я. Н. Милькина. Экспонент общества «Кольцо» (1914). В начале 1920-х гг. переехал в Москву, занялся оформлением детских книг и театральных спектаклей. Преподавал рисование в гимназии Алексеевой (1916–1917) в Киеве, рисунок и живопись на историческом факультете МГУ (1940–1950). В конце жизни проживал в родном Саратове.

¹³⁶ И далее о его семье: «Вся семья Исаака Рабиновича была как-то примитивно и здорово одаренной. Отец — живописец вывесок, написал две неслыханно лубочные картины: женщина на коленях перед троном и еще что-то. Они висели у них в крошечном домике во дворе нашего дома — что-то вроде переделанного сарая, где в двух комнатенках ютилась вся семья, и все рисовали. Роза училась с нами, а маленький Абрамчик в Художественном училище. Дальше шла куча мелюзги. Абрамчик, чудно талантливым мальчик, был убит на улице белыми солдатами. Тело его так и не нашли. Деникинцы громили семью Рабиновичей, но, к счастью, Исаак уже был в Москве, остальные спасались в чужих квартирах. Всю мелюзгу и родителей спрятал Днепросоюз, тоже находившийся в этом доме. Но это уже двадцатый год...».

Роза — Розалия Моисеевна Рабинович (1895–1988) — советская художница, график и сценограф, сестра Исаака Рабиновича. В 1912–1916 гг. училась у А. А. Мурашко, в 1918–1919 гг. — у А. Экстер. В 1919 г. переехала в Москву, где училась в Государственных высших художественных мастерских у А. Осмеркина и Д. Щербиновского. В 1920–1925 гг. училась во ВХУТЕМАСе, в мастерской Р. Фалька. Член Общества художников-общественников (1928–1930). С 1933 г. преподавала в Центральном доме художественного воспитания детей им. А. С. Бубнова, с 1950-х гг. — в московских Доме пионеров и Доме архитектора.

¹³⁷ Александр Александрович Осмеркин (1892–1953) — русский художник и педагог. В 1910 г. учился в Рисовальной школе Общества поощрения

что во Франции “очень здорово пишут маслом”. Это была чудная весть, и ею мы жили. Все знали шукинское и морозовское собрания,¹³⁸ остроуховскую коллекцию икон,¹³⁹ книжку Синьяка¹⁴⁰ и рассуждения Аксе-

художеств в Санкт-Петербурге (класс Н. Рериха), в 1911–1912 гг. — в Киеве, в КХУ. С 1913 г. — в Москве. Дружил с поэтами, в том числе с А. Ахматовой и О. Мандельштамом. Осмеркину принадлежат два последних прижизненных графических портрета О. М. (1937, ГМИИ).

¹³⁸ Имеются в виду частные собрания западноевропейской, преимущественно французской, живописи богатых московских предпринимателей, купцов и филантропов — Сергея Ивановича Шукина (1854–1936) и Ивана Абрамовича Морозова (1871–1921). Коллекция Шукина стала публичной в 1909 г., он лично проводил экскурсии по выходным дням. Собрание Морозова располагалось в его особняке на Пречистенке, 21 (сейчас там помещается Российская академия художеств), оно было закрыто для публики, но для художников — по согласованию доступно. В 1918 г. обе коллекции были национализированы, а в 1928 г. объединены в единый Государственный музей нового западного искусства, разместившийся в морозовском особняке. О. М. называл этот особняк «посольством живописи» («Путешествие в Армению», 1933). После закрытия музея в 1948 г. его коллекция была распределена между Государственным Эрмитажем и ГМИИ, после чего в усадьбе разместился Президиум Академии художеств и Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств.

¹³⁹ Илья Сергеевич Остроухов (1858–1929) — музейный и общественный деятель, художник-передвижник (с 1891 г.) и художник-коллекционер, действительный член Академии художеств (1906). Его музейная деятельность началась после 1885 г., когда он сблизился с Павлом Михайловичем Третьяковым, избравшим Остроухова своим преемником по управлению «Городской художественной галереей братьев Третьяковых». Свою собственную коллекцию, помещавшуюся в его особняке в доме № 17 в Трубниковском переулке, начал собирать в 1882 г., в 1909 г. увлекся собирательством древнерусской иконы. 25 декабря 1918 г. собрание Остроухова было национализировано и преобразовано в филиал Третьяковской галереи под названием «Музей иконописи и живописи им. И. С. Остроухова» (открыт для посетителей в 1920 г.). Музей представлял собой оригинальный музейный организм, в котором были представлены и сопоставлены совершенно различные, но в то же время перекликающиеся друг с другом художественные пласты и эпохи. В начале 1920-х в нем была произведена реэкспозиция, и картины западных мастеров были повешены отдельно от русских, после чего музей лишился своей былой прелести и камерности. В августе 1929 г., после кончины Остроухова, музей был ликвидирован. Русская часть собрания перешла в Третьяковскую галерею, западноевропейская — в ГМИИ и другие музеи.

¹⁴⁰ Имеется в виду книга Поля Синьяка «От Эжена Делакруа к неоимпрессионизму» (1899; рус. перевод: 1913).

Поль Синьяк (1863–1935) — французский художник-неоимпрессионист, один из основателей пуантилизма. Эта книга представляет собой своего рода изложение поэтики неоимпрессионизма.

нова о Пикассо.¹⁴¹ Знали и стихи — русские и французские. Ходили на концерты и увлекались Скрябиным.¹⁴² Вероятно, готовилась смена “Бубнов[ом]у валету”, но пока собственных мыслей и решений ни у кого еще не было. Наши мальчики были еще такие незрелые, что им рано было думать о сути вещей, они пока шли за дедами и отцами и против них пока не бунтовали. Даже Минчин, самый думающий из нас, искал решений у старших — тех, что были в Москве и в Париже. Популярен был из русских Ларионов:¹⁴³ его мысли о движении цветových “лучей” (а не пятен — про пятна уже понимали),¹⁴⁴ да еще проблема общего тона, которую не хотели решать как господствующий цвет Матисса».

¹⁴¹ Имеется в виду книга: *Аксенов И. А. Пикассо и окрестности / Обложка А. А. Экстер. М: Центрифуга, 1917.* Это изложение эстетических взглядов самого Аксенова и одновременно — первая в мире монография о Пикассо. Переиздана в 2006 г. в издательстве «Прогресс-традиция».

Иван Александрович Аксенов (1884–1935) — русский и советский поэт, художественный и литературный критик, литературовед, переводчик.

¹⁴² Александр Николаевич Скрябин (1871/1872, Москва — 1915, там же) — русский композитор и пианист, педагог, представитель символизма в музыке. Первым использовал в исполнении музыки цвет, тем самым ввел понятие «светомызыка».

¹⁴³ Михаил Федорович Ларионов (1881–1964) — русский художник, график, сценограф и теоретик искусства, один из основоположников русского авангарда. В 1898–1910 гг. учился в МУЖВЗ у В. Серова, И. Левитана и К. Коровина, там же познакомился с художницей Натальей Гончаровой, ставшей его женой. С начала 1900-х гг. активно участвовал в художественной жизни, выставляясь не только в России, но и в Европе. Большое влияние на Ларионова оказали французские живописцы, с творчеством которых впервые он познакомился в московском собрании С. Щукина. В 1907 г. обратился к примитивистской манере, создавая запоминающиеся полотна, отличающиеся сочным цветом, резкими линиями и острыми сценами. Один из основателей художественной группы «Венок—Стефанос» (1907–1910), и активный участник группы «Золотое руно» (1908–1910). В 1909–1911 годах принимал участие в интернациональных «Салонах» Издебского. В 1914 г. был призван на военную службу; комиссовавшись по ранению, поселился с женой в Париже, где в 1915–1929 гг. работал для С. Дягилева, создавая костюмы и декорации к постановкам его «Русских балетов». В живописи вернулся к ранней, фигуративной, манере, камерному жанру и натюрморту. После революции в Россию не возвращался.

¹⁴⁴ В 1912 г. Ларионов разработал новую художественную концепцию — лучизм, один из первых примеров абстрактного искусства и «беспредметного творчества», где формы образовывались в результате пересечения лучей, отраженных от различных предметов.

Отдельно Н. Я. перечисляет художниц из своего «табунка» — Сою Вишневецкую,¹⁴⁵ Любу Козинцеву,¹⁴⁶ Клару Гольдфарб¹⁴⁷ и Женю Гронфайн,¹⁴⁸ а также некую *Витьку*.¹⁴⁹ О Вишневецкой и Козинцевой она написала особо: «Экстер любила девочек — Сою и Любу, которые аккуратно делали цветные прокладки под прозрачный верхний слой — по Матиссу, и разбивали все формы на плоскости — по Пикассо».

Между тем сама А. Экстер всё более и более вовлекалась в театральную жизнь: оформление спектаклей ей заказывали и в Киеве, и в Москве — и балетная студия Б. Ф. Нижинской, и Камерный театр. В конце 1920 г., по приглашению Таирова, Экстер перебралась в Москву, где

¹⁴⁵ Софья Касьяновна Вишневецкая (1899—1962 (1963?)) — советская театральная художница, подруга Н. Я., ученица А. А. Мурашко и А. А. Экстер. С 1921 г. — художник в Московском Камерном театре. Произведения Вишневецкой экспонировались на Всемирной выставке в Нью-Йорке (1939). Персональные выставки ее работ проходили в Москве (1933, 1945) и Ленинграде (1945). Первым браком была замужем за писателем Евгением Яковлевичем Хазиным, братом Н. Я.; вторым (с 1924 г.) — за поэтом Николаем Альфредовичем Адуевым, третьим (заключен не позднее 1941 г.) — за Всеволодом Вишневским. Лауреат Сталинской премии второй степени (1951).

¹⁴⁶ Любовь Михайловна (Моисеевна) Козинцева (Эренбург; 1899—1970) — советский живописец и график, сестра кинорежиссера Григория Козинцева. В Киеве — с 1913 г. В 1918—1919 годах училась в студии Экстер. В августе 1919 г. вышла замуж за поэта Илью Григорьевича Эренбурга (1891—1967). С декабря 1919 по сентябрь 1920 г. жила с мужем в Коктебеле у М. Волошина, где в это время был и О. М. с братом. В 1920—1921 гг. обучалась у Фалька и Родченко во ВХУТЕМАСе в Москве. В 1920-е гг. жила с мужем в Берлине и Париже, приняла участие в нескольких выставках и салонах в ряде европейских городов. В 1940 г., покинув оккупированный Париж, вернулась с мужем в Москву, работала редактором на киностудии «Мосфильм». В выставках более не участвовала.

¹⁴⁷ Клара Гольдфарб — художница, в 1912—1913(?) гг. посещала школу-студию Шимона Холлоши в Мюнхене; в 1915 г. жила в Москве. Участник двух выставок в Москве — «Выставки живописи. 1915 год» и «Выставки картин и скульптуры общества художников “Бубновый валет”» (1916) (сообщено А. В. Наумовым).

¹⁴⁸ Евгения Борисовна Бабель (урожд. Гронфайн; 1897—1957) — художница, дочь фабриканта, производившего сельскохозяйственную технику. В августе 1919 г. вышла замуж за Исаака Бабеля. В 1925 г., расставшись с мужем, уехала во Францию. В 1927—1928 гг. ненадолго воссоединилась с мужем, приехавшим в командировку в Париж.

¹⁴⁹ Неустановленное лицо. Парадоксальным образом «Витькой» могла быть и Ленка (Елена Михайловна) Фрадкина; в пользу киевского начала карьеры говорит многое, но без определенности.

вскоре вышла замуж за Г. Н. Некрасова (1878—1945), артиста театра К. Н. Незлобина: муж-актер — как бы своеобразный символ разворота Экстер к театру. В Москве она буквально революционизировала театральную сценографию, по-конструктивистски заменив традиционные стационарные декоративные холсты-панели чистым светом, точнее, игрой света с четкой и в то же время динамичной пространственной логикой. Эти идеи были с успехом подхвачены и развиты целой плеядой киевских учеников Экстер, ставших со временем выдающимися театральными художниками: А. Петрицким,¹⁵⁰ А. Тышлером, Н. Шифриным, И. Рабиновичем и др.

В Москве Экстер ждали профессура во ВХУТЕМАСе, книжная графика и новый взлет собственной масляной живописи. Триумфальным было ее участие в конструктивистской выставке «5 × 5 = 25» (сентябрь 1921 г.), а картины, представленные на Венецианской биеннале (июнь 1924 г.), упрочили ее европейскую известность. На эту-то биеннале ей, наконец, удалось выехать из СССР. В конце 1924 г. она переехала из Венеции в Париж, где и прожила всю оставшуюся жизнь, став художницей общеевропейского масштаба. Ее персональные выставки проходили в Берлине (1927), Лондоне (1928), Париже (1929), Нью-Йорке (1930) и Праге (1937). В начале 1930-х гг. она увлеклась созданием «Les Livres Manuscrits» — уникальных микротиражных (от 1 до 5 экземпляров) рукописных книг, авторизованных на каждой странице. В конце 1920-х гг. Экстер поселилась в парижском пригороде Фонтене-о-Роз, где, пережив еще и немецкую оккупацию, прожила до самой смерти в 1949 году.

В Киеве в 1918—1919 гг., одновременно с Экстер, активно учительствовал еще один кубофутурист и выпускник КХУ — Александр Константинович Богомазов (1880—1930). В 1914 году он и Экстер организовали сообщество художников-кубофутуристов «Кольцо», а Богомазов написал теоретическую книгу «Живопись и элементы».¹⁵¹ В отличие от Экстер, у него не было частной школы, и преподавал он в Первой госу-

¹⁵⁰ Анатолий Галактионович Петрицкий (1895—1964) — советский украинский живописец, график, сценограф и педагог. Академик Академии художеств СССР (1947), народный художник СССР (1944), лауреат двух Сталинских премий 2-й степени (1949, 1951). Учился (1912—1918) в Киевском художественном училище у В. Г. Кричевского и, параллельно, в студии А. А. Мурашко. Выставяться начал с 1914 г. В 1916 г. дебютировал как театральным художником: был главным художником в Молодом театре Леся Курбаса, Первого государственного драматического театра УССР и Украинской музыкальной драмы в Киеве. В 1922—1924 гг. учился в Москве, во ВХУТЕМАСе.

¹⁵¹ Впервые полностью опубликована только в 1996 г. на украинском языке: *Богомазов О. Живопись та елементи / Пер. укр.: Т. Попова. Київ: Задумливий страус, 1996. 152 с.*

дарственной студии живописи и декоративного искусства в Киеве.¹⁵² Д. Е. Горбачев, ведущий украинский специалист по российскому авангарду, считает, что авангардистскую школу Экстер правильной было бы всё же называть школой кубофутуризма Экстер-Богомазова.

Говоря о Киеве 1918–1919 гг., никак не пройти мимо такого явления как «Культур-Лига», или, на идише, «Култур-Лиге» («Лига еврейской культуры»). Это объединение еврейских художников, писателей, режиссеров и издателей, созданное именно в Киеве в апреле 1918 года, то есть при гетмане Скоропадском,¹⁵³ на деньги и стипендии еврейских благотворителей. Миссией своей «Култур-Лиге» считала развитие новой еврейской (идишской в этом случае) культуры.

«На фоне экстремальных достижений западноевропейских живописи, доходящих до абсолютной абстракции, еврейский художник, благодаря его свежести, его ярко-фанатичной и наивной способности к восприятию и к воплощению своего животрепещущего живописного чувства в национальном материале, — еврейский художник призван произвести переворот в современной живописи».¹⁵⁴

Эти слова принадлежат Иссахару-Бер Рыбаку (1897–1935) — художнику, начинавшему в Киеве с учебы в КХУ и у Мурашко, а затем об-

¹⁵² На какое-то время, с 1919 по 1920 год, он даже ушел в чиновники — возглавлять Отдел художественного образования во Всеукраинском комитете изобразительного искусства, где разрабатывалась реформа художественного образования. Был он также одним из основателей «Кустарного товарищества» и «Первой артели художников», первым секретарем Профсоюза художников Киева и соучредителем Украинского агитпроповского движения, заказывавшего у него рисунки к революционным праздникам.

¹⁵³ Вслед за Киевом, отделы Культур-Лиги возникли почти в сотне городов и местечек Украины, а с конца 1918 года, — игнорируя окраску находящихся там у власти, — и в десятках крупных городов всей бывшей Империи, в том числе в Москве, Риге, Варшаве, Витебске, Петрограде, Минске, Гродно, Вильне, Белостоке и др. У Лиги было два руководящих органа — Центральный Комитет и Исполнительное Бюро, причем главой второго был избран Моисей Зильберфарб — первый министр по еврейским делам в правительстве Центральной Рады Украины. Во второй половине 1920 г. советская власть распустила Центральный комитет Культур-Лиги и учредила вместо него свое Организационное бюро, где почти все были коммунистами. Учреждения Культур-Лиги были насильно отобраны советской властью и переданы Наркомпросу. Номинально Культур-Лига еще существовала до 1924 г. как член советского Евобщества, но после ее закрытия многие еврейские деятели искусства эмигрировали в страны Европы и в США.

¹⁵⁴ Цит. по: Гуревич Л. Художник «идишкйт»: 125 лет назад родился Иссахар-Бер Рыбак // Еврейская панорама (Берлин). 2022. Февраль. С. 57.

учавшемуся у кубофутуристов Экстер и Богомазова.¹⁵⁵ Он активно участвовал в работе «Культур-Лиги», разрабатывал теорию особого пути еврейского искусства, оставил после себя графические циклы «Еврейские типы Украины», «Погром» и «Маленький городок» (1920), а также «Евреи на полях Украины» (1924).

Еврейские художники, по-своему переработав тезис о богоизбранности еврейского народа, перелицевали его в наивное утверждение какой-то особенной стати еврейской живописи, безошибочно отличимой от любой другой. Едва ли Н. Я. хоть как-то рефлексировала относительно этой концепции — она просто дружила с молодыми и полными сил художниками.

Но во «Второй книге», написанной в конце 1960-х гг., она как раз от-рефлексировала и сформулировала свое отношение к «национальной» живописи: «“Мир искусства” и “Бубновый валет” в живописи — время собирания сил, период ученичества у Запада, когда много способных людей овладевало первоначальными навыками благородного ремесла, сдабривая их элементами примитивного русизма,¹⁵⁶ жалкими националистическими тенденциями, которые никогда не вылезают на первый план во время настоящего расцвета живописи. Сезанн ничуть не заботился о том, чтобы снабдить свои работы специфически французскими чертами. В русской иконе и у Рублева есть черты великих европейских традиций, сквозь которые пробивается земля, человек Руси. Почвенничество, национализм — низовая прокладка сознания. Когда они выходят на первый план, затмевая основы, это признак болезни, а не здоровья, мелкости, а не глубины».¹⁵⁷

Между тем 1918—1919 годы — это рождение и самый расцвет Лиги в Киеве. При ней образовались различные секции, в том числе и художественная, из которой вышла плеяда таких художников, как Тышлер, Шифрин и Минчин, все — с опытом обучения в КХУ.

¹⁵⁵ В 1916 году, вместе с Лазарем Лисицким, он совершил поездку по украинским и белорусским штетлам, копируя старинные синагогальные росписи и изучая еврейские кладбища. Его отец, Моисей Рыбак, стал жертвой погрома, учиненного григорьевцами в Елисаветграде 15—17 мая 1919 года, и эта трагедия уже никогда не выветривалась из его сознания и его полотен.

¹⁵⁶ На место «русизма» тут можно смело ставить и «идишизм» культурлигистов, и «украинизм» бойчукистов — течения в украинской живописи 1910—1930-х гг., отличающегося монументальностью и обращением к первоисточникам украинской национальной формы. — П. Н.

¹⁵⁷ Н. М. Т. 2. С. 69.

Душой еврейской студии были Тышлер и Минчин, а руководили ею два скульптора — Пайлес¹⁵⁸ и Эпштейн, о которых Н. Я. высказалась в письме Н. Х. так: «Пайлес сам казался скульптурой и не утруждался разговаривать. Он только делал какой-то жест руками, чтобы показать тяжесть и объемность той формы, которую он искал. Эпштейн был разговорчивее. Его идеей была целостность, Египет, негры. Он лепил меня — потом скульптуру купил Киевский музей, — и я с удивлением увидела свою большеротую голову на стэндах. Лепил он, болтая и грустя, в грязной комнатке на Лютеранской улице на самой горе». Во «Второй книге» Н. Я. не без снисходительности назвала Эпштейна «мальчиком-скульптором по фамилии Эпштейн», жившим «высоко на Лютеранской улице в барской квартире, покинутой хозяевами».¹⁵⁹

Впрочем, Марк Исаевич (Моисей Цалерович) Эпштейн (1899—1949) был не только скульптором, но и художником, в том числе — театральным. Его художественные способности проявились еще в юности; в 1911—1918 гг. он учился в КХУ (в скульптурном классе Ф. Балавенского), в 1918 г. посещал занятия и у Экстер.

То, что «мальчик» этот сам был главным учителем живописи в «Культур-Лиге», Н. Я. даже упоминания не удостоила, как и то, что в 1919 году он вылепил бюстовый портрет ее самой. Скульптура эта, по предположению Д. Е. Горбачева, экспонировалась на «Еврейской художественной выставке» в феврале-марте 1920 года или, возможно, на следующей, отчетной, выставке «Культур-Лиге», открывшейся в апреле. Впоследствии этот бюст мог попасть в фонды Музея пластических искусств при «Культур-Лиге», открытого в сентябре 1921 года, но просуществовавшего совсем недолго. Дальнейшая судьба этого произведения, увы, никак не прослеживается.

Организационные таланты Эпштейна проявились в 1916 и 1917 гг., когда он пытался организовать выставку художников-евреев в Киеве и был избран в правление киевского отделения Еврейского общества поощрения художеств. Весной 1918 года он участвовал в Выставке картин и скульптуры художников-евреев в Москве, а летом того же года

¹⁵⁸ Исаак Пайлес (1895—1978) — русский и французский художник и скульптор, выпускник КХУ. С 1913 г. изучал скульптуру в Париже. Во время Первой мировой войны вернулся в Киев, участвовал в «Культур-Лиге», в том числе в первой выставке ее художников в Киеве (1920). С 1920 г. — во Франции. Был дружен с Кикоиным, Кременем, Цадкиным, Мане Кацем и другими художниками Монпарнаса; участвовал в выставках и салонах русских художников, в том числе — в галерее Макса Кагановича, с которым учился в Киеве. В 1928 г. прошла первая персональная выставка Пайлеса. Во время войны скрывался от нацистов. После войны писал импрессионистские пейзажи, с конца 1940-х гг. обратился к абстрактной живописи.

¹⁵⁹ Н. М. Т. 2. С. 43.

стал одним из инициаторов создания «Культур-лиге», в частности, ее Художественной секции и студии и Музея еврейского искусства при ней.

Важную роль в формировании творческой и национально-культурной ориентации Эпштейна сыграла дружба с киевскими идишистскими поэтами, стремившимися к модернизации еврейской литературы и всего искусства: Давидом Бергельсоном, Дер Нистером, Давидом Гофштейном и др. При этом он был увлечен поиском специфически еврейских средств выразительности и так наставлял своих учеников: «Рисовать так, чтобы было видно, что это сделано евреем!»

Эпштейн был организатором и непременным участником выставок секции — в 1920 и 1922 гг. в Киеве. В 1919 году он начал и сам преподавать в ее студии, реорганизованной в 1922 году в Киевскую еврейскую художественно-промышленную школу. С 1923 года Эпштейн вместе с Иссахар-Бер Рыбаком возглавлял эту школу и оставался центральной фигурой еврейской художественной жизни Киева¹⁶⁰ — вплоть до закрытия школы в 1931 году. В эти годы он много работал как книжный график и как театральный художник, сотрудничал с еврейскими издательствами и театрами Киева и Харькова.

В 1932 году, после ликвидации последних учреждений «Культур-лиге», в том числе — закрытия руководимой им школы, Эпштейн был вынужден переехать в Москву. До 1937 года он возглавлял мастерскую по изготовлению парковых и декоративных скульптур, работал консультантом в ИЗОГИЗе,¹⁶¹ участвовал в нескольких московских и всесоюзных выставках, на которых, в частности, демонстрировались его скульптурные портреты деятелей еврейской культуры — Гнесина, Квитко, Михоэлса и др.

Еще в начале 1930-х гг. Эпштейн стал объектом жесткой критики и грубых нападок, обвинений в «национализме» и «формализме». Однако приспособиться к идеологическим требованиям советской художественной жизни у него не выходило. С конца 1930-х гг. он практически не выставлялся и не работал как профессиональный художник, если не считать заказов на изготовление надгробных памятников.

Хазина и Экстер

Пора уже поговорить о самой Н. Я., тогда 20-летней Наде Хазиной, и о ее месте в художественном ландшафте Киева 1918—1919 гг.

Первой, помимо самой Н. Я., об этом написала та же Елена Мурина (приведем повторно эти важные для нас слова): «Любой человек несет

¹⁶⁰ См.: Казовский Г. Художники Культур-Лиги. Иерусалим; М.: Мосты культуры, 2003. 344 с.

¹⁶¹ Первоначальное (в 1930—1938 гг.) название издательства «Изобразительное искусство», специализировавшегося на живописи и архитектуре.

на себе печать юных лет, когда закладывался фундамент его личности. В Н. Я. всегда ощущалась стилистика ее авангардной молодости, когда она, ученица студии Александры Экстер, участница каких-то “революционных” действий, вращалась в “табунке” (ее слово) таких же ниспровергателей всего “старого”, как она. Это в зрелости под влиянием Мандельштама, предвидевшего страшные последствия российской “культурной революции”, она писала о разрушительной стихии авангардного сознания, когда, не задумываясь, растаптывали “старую” культуру и церковь». ¹⁶²

Борис Фрезинский в свое время нашел в киевском архиве и опубликовал университетское личное дело Н. Я. ¹⁶³ Выходило, что, принятая на юридический факультет Киевского университета Св. Владимира, она была одной из первых женщин-студенток. Но едва ли на стыке 1917 и 1918 гг. она там всерьез обучалась, ведь именно тогда началась вереница многократных смен власти в Киеве, а под артобстрелами и во время уличных боев занятия в университете не проводились. ¹⁶⁴

Да и вряд ли она была так уж очарована юриспруденцией. Еще до революции Н. Я. увлеклась живописью, первоначально — под конец Первой мировой — занималась у Мурашко, относясь к нему при этом — как к традиционалисту — несколько свысока.

После революции Н. Я., по ее же выражению, «бегала в одном табунке с несколькими художниками». ¹⁶⁵ Но в мемуарах Н. Я. упоминаний этого времени и этого круга почти нет, все события сгруппированы вокруг встречи с О. М. и ограничены Первомая 1919 года.

Вот самое известное. Н. Я. училась у Александры Экстер (которая впоследствии тоже отзывалась о ней как о своей ученице). ¹⁶⁶ Следов ее авторского участия в киевских выставках не обнаружено, и долгие годы считалось, что ни одно ее произведение до нас не дошло. Но в начале 2010-х гг. в одном частном собрании была обнаружена акварель Н. Я. размером 21,5 × 29 см, с подписью на обороте: «Н. Я. Хазина, 1919, Киев», написанная под явным влиянием Сезанна. Сейчас эта акварель находится в собрании М. М. Алшибая (Москва), он неоднократно демонстрировал ее на мероприятиях, связанных с О. М. или с Н. Я. О са-

¹⁶² Мурина, 2015. С. 378.

¹⁶³ Фрезинский Б. Университетское личное дело Н. Я. Хазиной // Сохрани мою речь. 2000. Вып. 3/2. С. 258–259.

¹⁶⁴ Кальницкий, 2015. С. 60.

¹⁶⁵ Н. М. Т. 2. С. 39.

¹⁶⁶ Панета С. «Формула крові» (до кївського періоду творчості М. Епштейна) // Хроніка 2000: Культурологічний альманах. Випуск 21–22. Київ: Український письменник, 1998. С. 316–345; Культур-Ліга: Художній авангард 1910–1920-х років. Київ, 2007. С. 86.

мой акварели он написал: «Работа выглядит несколько странно, я бы даже сказал сюрреалистично. Пейзаж изображает позднюю весну или лето, то есть относится ко времени знакомства Надежды Яковлевны с Осипом Эмильевичем. Тугие зеленые купы деревьев с элементами желтизны на дальнем плане напоминают подобные изображения деревьев в работах наставницы — А. Экстер. На ближнем плане два “кубистических” строения со странными “подслеповатыми” окнами и высокий сплошной забор, треугольником окружающий замкнутый дворик, в котором — еще одно дерево. Красный квадрат в левой части картины трудно интерпретировать — это могут быть ржавые ворота или глухая стена небольшого кирпичного строения. В целом композиция напоминает заброшенные где-то на окраине дома с выбитыми стеклами, ни одной человеческой фигуры. Замкнутый треугольный дворик невольно вызывает ассоциацию с тюремным двором».¹⁶⁷

В 1919 году в Киеве Рабинович и Экстер радостно приняли участие в творческом оформлении первого в условиях советской власти масштабного и карнавального Первоя как действия — эдакого стрит-арта, охватившего весь центр города. Сама Экстер в это время была уже в Одессе,¹⁶⁸ но именно ее студийцы были главной исполнительской силой на улицах и площадях Киева.

Естественным эпицентром действия стала Софийская площадь, где разместились Софийский собор, памятник Богдану Хмельницкому и присутственные места — резиденция тогдашнего советского правительства. Но, стараниями добровольцев-авангардистов — тех самых «художников, литераторов, артистов и музыкантов», — площадь, да и весь город изменились к 1 мая до неузнаваемости.

На самой Софийской, рядом с конным, но всё же бронзовым гетманом, встал гипсовый обелиск в честь Октябрьской революции. Тут же, рядом, — такие же гипсовые Ленин и Троцкий и еще узенькая фанерная «триумфальная арка», сквозь которую браво прогарцевали конные красноармейцы, а потом опасно продефилировала пехота и сознательные граждане. Арку огибала колонна открытых грузовиков, на которых артисты разыгрывали подходящие к случаю агитки — своего рода первый лав-парад в честь революции и солидарности трудящихся.¹⁶⁹

¹⁶⁷ См.: *Алишбая М.* Надежда Яковлевна Хазина (Мандельштам). Единственное сохранившееся произведение // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2013. Апрель. С. 10–15.

¹⁶⁸ В феврале 1919 г., после смерти матери, Экстер переехала в Одессу, где набрала новую студию, в которой преподавали приглашенные ею Ф. Гозиасон и В. Бабаджан.

¹⁶⁹ *Кальницкий*, 2015. С. 61.

Гипс — этот податливый, но хрупкий и недолговечный материал — вобрал в себя всю хирургию и символику момента. На Крещатике — гипсовый Карл Маркс, на Большой Васильковской (уже Красноармейской) — такой же Фридрих Энгельс, перед Оперой — Карл Либкнехт, на Контрактовой — Роза Люксембург, а возле завода «Арсенал» — Яков Свердлов, как бы еще не сраженный буржуазной «испанкой».¹⁷⁰ На Европейской площади — Тарас Шевченко: ну чем не «вождь революции»?

Через улицы тянулись полотнища с подобающими случаю лозунгами, наспех разрисованными студийцами и студийками Экстер. Одна из тех студийек — Надя Хазина — вспоминала потом: «У нас были жесткие малярные кисти, мы тыкали их в ведра с клеевой краской и размазывали грубыми пятнами невероятные полотнища, которые потом протягивали поперек улицы, чтобы под ними прошла демонстрация».¹⁷¹ Лозунги развешивали и натягивали накануне ночью сами художники, врываясь — не хуже чекистов и в сопровождении управдомов — в квартиры и со смехом будя их трясущихся от страха обитателей.

Сергей Юткевич, такой же участник и очевидец тех событий, так описал достигнутое: «Фасады всех зданий Крещатика и фонарные столбы расцвелись полотнами, лозунгами и эмблемами. Получилась гигантских масштабов уличная выставка всех направлений в искусстве с преобладанием, конечно, царивших тогда футуристических, кубистических, супрематических, конструктивистских и других “авангардистских” тенденций, но справедливости ради надо отметить, что все художники искренне и вдохновенно старались, используя приемы народного лубка и национальной орнаментики, пропагандировать революционную тематику, и поэтому, в целом, им удалось создать радостную и победную атмосферу Первомайского праздника».¹⁷²

Но Н. Я. работала с Рабиновичем и непосредственно, причем не моделью, а ассистентом. Так, одним из ярких событий киевского Первомая была премьера спектакля по пьесе Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна» («Овечий источник») на сцене Второго государственного драматического театра УССР им. В. И. Ленина (бывшего Соловцовского). Фуэнте Овехуна — это название испанской деревни, жители которой восстали против сеньора, надругавшегося над прекрасной Лауренсией. Постановщик — Константин Марджанов (Котэ Марджанишвили), в роли Лауренсии — Вера Юренева. Сценограф — Исаак Рабинович, а одной из его двух помощниц была Н. Я.: «Марджанов ставил пьесу испанского классика:

¹⁷⁰ Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов умер 16 марта 1919 г., заразившись гриппом по дороге из Харькова в Москву.

¹⁷¹ Н. М. Т. 2. С. 19.

¹⁷² Юткевич С. Шумит не умолкая память // Встречи с прошлым. М.: Сов. Россия, 1982. Вып. 4. С. 21.

деревня взбунтовалась против сеньора, потому что он нарушил старинные права. Народ побеждает, женщины вздымают руки над головами и ритмически поводят боками, актеры кричат хором: “Вся власть советам”, а зрительный зал ревет от восторга. Для апофеоза художник Исаак Рабинович придумал неслыханное изобилие: через всю сцену протягивалась гирлянда бутафорских фруктов, овощей, рыбьих и птичьих тушек подозрительно фаллического вида. Овация нарастала. Исаак выходил раскланиваться. Он вел за руку двух своих помощниц: одна была я, другая — моя подруга Витя, служившая раньше подмалевком у Экстер. Это мы с Витей раскрашивали фруктообразные фаллосы, уточняя форму, халтурно сделанную в бутафорской. Нас забрасывали грудями дешевых киевских роз, и мы выходили из театра с огромными охапками». ¹⁷³

Хазина и Бойчук

Письмо Н. Я. к Н. Х. существенно расширяет наши представления как о киевском художественном социуме в целом, так и о той роли, которую Н. Я. сама в нем играла. Как и все остальные, она занималась не в одной, а в нескольких студиях, проходя через горнила нескольких педагогов — от традиционалиста-передвижника Мурашко до авангардистки Экстер. Плюс знакомство или дружба и с другими, ранее не всплывавшими в этом контексте, художниками — как еврейскими, из «Культур-Лиге», так и с такими, например, как русский гений Чекрыгин или два украинца-западнца — крестьянский сын из восточных кресов Редько и галичанин с европейской выучкой — Бойчук.

Впрочем, монументалиста и станковиста Михаила Львовича Бойчука (1882—1937) стоило бы и «повысить» до уровня Экстер и Мурашко, поскольку он, профессор Академии художеств Украины, с 1917 года вел при Академии свою мастерскую монументальной живописи, и одной из его студийек определенно была Н. Я. Будучи украинским националистом по убеждениям, он старался ладить со всеми властями и ни разу не по-

¹⁷³ Н. М. Т. 2. С. 39. Историк немного поправляет мемуаристку: «Быть может, на премьерном первомайском спектакле, уже по окончании сценического действия, возглас “Вся власть советам” и прозвучал, но в режиссерский замысел он, насколько известно, не входил. На самом деле финальная сцена, согласно воспоминаниям актрисы Веры Юреновой — исполнительницы роли Лауренсии, — выглядела так: “Все персонажи двинулись к рампе радостные, с криками: “Да здравствует Фуэнте Овехуна!”, в зале зажигался и с движением актеров всё разрастался свет. (Спектакль, звавший в бой: Сборник статей и воспоминаний. Киев, 1970. С. 96. — *Авт.*) На зрителей, преимущественно рабочих и красноармейцев, эта постановка с “ударным” финалом производила эффектное впечатление, и они расходились с пением “Интернационала”» (*Кальницкий*, 2015. С. 61—62).

кинул город, равно приветствуя хоть Петлюру, хоть Ленина, точнее, взирая на них через общую призму культуры. Студийцам своим он выставлял невыполнимые условия, а именно: «беспрекословно его слушаться, учиться не менее семи лет, за этот период времени не жениться и т. д.». ¹⁷⁴

Быть может, самое поразительное в письме Н. Я. именно то, что Бойчук в нем ни разу не упомянут; вместо этого он сам и его студиицы безлично обозначены «украинцами». Костяк студии действительно составляли этнические украинцы — И. Падалка, О. Павленко, В. Седляр, С. Колос, М. Рокицкий и др., но среди них затесались и экстеровка Н. Я., и культур-лигист Шехтман. Собственно, пафос Михайлы Бойчука мало чем отличался от кредо «Культур-Лиге», только на месте вящей еврейскости было широе украинство и поиск украинского национального стиля в авангарде. Поиск этот базировался на концепции неовизантинизма, обернувшейся со временем тем, что стало называться бранным словом «бойчукизм» и подверглось, вместе с бойчукистами, жестоким репрессиям: сам Бойчук был арестован 25 ноября 1936 года и 13 июля 1937 года был расстрелян в Киеве. ¹⁷⁵

В Бойчука, по словам Д. Е. Горбачева, «влюблены были все ученицы: от него шла какая-то мощная сила, сопротивляться которой было невозможно» (устное сообщение).

Применительно же к Н. Я. Горбачев писал: «На какое-то время Надежда попала под обаяние Бойчука, во всяком случае, из воспоминаний Климента Редько мы знаем, она очень страдала от того, что в 1919 году Бойчук был арестован чекистами. Ей, наверное, не хотелось об этом вспоминать, хотя она не только училась у него, но и сотрудничала с ним, Бойчук возглавлял в Киеве государственные агитационные мастерские». Это же подтверждает и фраза из письма Анны Александровны Печарковской (сестры Софьи Александровны Налепинской, жены Бойчука), проживавшей в Варшаве, тому же Д. Е. Горбачеву от 25 февраля 1988 года, в котором Надя Хазина аттестуется как «...очень интересная такая блондинка, кстати, неравнодушная к Бойчуку... Эх, времена, молодость!» ¹⁷⁶

¹⁷⁴ Из протокола допроса Александра Васильевича Мызина, завсектором монументально-декоративного искусства в Академии строительства и архитектуры УССР, учившегося у Бойчука в 1921–1928(?) гг., от 11 июня 1957 г. (ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, д. 46293, т. 2, л. 51–54).

¹⁷⁵ См.: *Білокінь С. І.* Бойчук та його школа: [Альбом]. Київ: Мистецтво, 2016. 255 с.

¹⁷⁶ Архив Д. Е. Горбачева. Со своей стороны, могу засвидетельствовать, что Н. Я. не раз спокойно заговаривала о том, что вовсе не О. М. был ее первым мужчиной.

Оказалось, что равнодушным к самой Наде был другой киевский художник — Клима (Климент Николаевич) Редько (1897—1956). Выходец из крестьянской семьи, он с 1910 по 1914 год учился в иконописной школе Киево-Печерской лавры. В 1913 году посещал школу-мастерскую Федора Ивановича Рерберга в Москве, в 1914—1918 гг. — петроградскую школу Общества поощрения художеств, где одним из его учителей был Николай Константинович Рерих, в 1918—1919 — киевскую Академию художеств. В 1919—1920 гг. вместе с Соломоном Никритиным Редько занимался в студии Экстер. С 1920 года он жил в Харькове и Москве, где в 1920-е гг. занимался во ВХУТЕМАСе у Василия Кандинского. Как живописец находился под сильнейшим влиянием Малевича, испытал воздействие конструктивизма и футуризма. В 1922 году, вместе с Никритиным и Тышлером, Редько основал группу «проекционистов». Крупнейшая его работа этого периода — трагедийное полотно «Восстание» (1924—1925). В 1927 году Луначарский командировал Редько в Париж художником при советском торгпредстве. В 1935 году он вернулся в СССР и поселился в Москве, работу в 1940-е гг. продолжил в ТАСС. В 1948 году был исключен из Союза художников как «подавшийся влиянию западной культуры». В 1950—1955 гг. руководил изостудией при Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, чем и зарабатывал на жизнь.

В автобиографической повести «Зрачки солнца», написанной в 1935 году в Париже, незадолго до возвращения в СССР, Редько вспоминал о не репрессированном еще Бойчуке: «Свойства личности М. Л.¹⁷⁷ открылись мне постепенно. <...> Я поражался его сектантской обособленности и воинственной непримиримости. Активность личности этого сорокалетнего человека легче и яснее открылась мне при завязавшемся дружеском общении».¹⁷⁸

¹⁷⁷ Бойчука. — П. Н.

¹⁷⁸ Фрагменты воспоминаний К. Редько публиковались с сокращениями, в периодике, а также в книге: *Климент Редько. Дневники. Воспоминания. Статьи / Составитель и автор вступ. статьи В. И. Костин. М.: Сов. художник, 1974. В полном виде 18-я глава этих воспоминаний, в которой описываются события и обстоятельства 1918 года, опубликована в работе: Панета С. Климент Редько і його автобіографічна повість «Зіниці сонця» // Студії мистецтвознавчі: Архітектура. Образотворче та декоративно-вжиткове мистецтво. Київ: ІМФЕ НАН України, 2010. № 2 (30). С. 81—130. Здесь и далее воспоминания цитируются по черновому автографу Редько, хранящемуся в РГАЛИ (ф. 2359, оп. 1, д. 101, л. 253—258; с датой, по-видимому, окончания работы: 14 июня 1935 г.), со сверкой по записке Д. Е. Горбачева, восходящей к его экземпляру более чем 1000-страничной машинописи, в свое время подаренной ему Татьяной Федоровной Редько, вдовой художника. О текстологии «Зрачков солнца» см.: Панета С. Климент Редько і його автобіографічна повість «Зіниці сонця». С. 81—82. Исследователь, однако, не*

Но вот внимание мемуариста переключается на Надю Хазину:

«Весеннее солнце ласково пригревало, отдавая свою неиссякаемую энергию возлюбленной земле. <...> Однажды я принес букетик фиалок Наде Хазиной. У нее самый красивый точеный лоб. Меня влечет к ней, у нее живой ум и насмешливо-иронический задорный и нежный взгляд. Принимая от меня фиалки, она спрашивает, читал ли я серьезную книгу “Проблема формы” Гильдебранда.¹⁷⁹ Исчерпав этот вопрос, мы переходим на поэзию. Надя дружна с Осипом Мандельштамом, знает на память его многие стихи из книги “Камень”. Она с увлечением толкует мне значение творчества поэта Анненского. Надя может говорить почти обо всём.

— Анненский, — говорит она, — интересный поэт не только потому, что у него большая эрудиция. Особое свойство поэта: оригинально мыслить. Но оказывая влияние на других, он всё же не понят широко и не оценен. По культурному уровню высоко стоит Александр Блок.

У Нади аналитический ум. Когда она высказывается, у нее широко раскрываются глаза и смотрят с опьяненной дымкой сквозь воображаемый довод. Обычно же взгляд трезвый, пронизательный. Мы познакомились с нею сравнительно недавно. Открывая почву для дружбы, Надя стала со мной очень откровенна. Мое желание подарить ей фиалки совпало с началом периода ареста Бойчука».

Оборвем здесь цитату, поскольку об аресте Бойчука большевиками в 1920 году практически ничего не было известно. Сам он в «Анкете арестованного» от 1 декабря 1936 года в качестве репрессий против себя назвал два эпизода — интернирование и ссылку в Уральск в 1914 году в качестве гражданина страны-противника (Австро-Венгрии) и арест в Киеве в 1920 году, но без предъявления обвинения.¹⁸⁰ О причине ареста остается только гадать, но допрошенные по его делу свидетели указывали на украинский национализм Бойчука и на помощь, оказанную им в годы Гражданской войны врагам советской власти. Так, Василий

был знаком с московским списком (и даже считал его машинописью), который, по всей видимости, сохранил более раннюю стадию работы над текстом, не избавленную от ошибок, но более близкую к авторскому замыслу и оттого более достоверную.

¹⁷⁹ Имеются в виду немецкий художник Адольф Гильденбранд (1847—1921) и его теоретический труд «Проблема формы в изобразительном искусстве», оказавший сильнейшее влияние на В. А. Фаворского и многих других художников (см.: *Гильденбранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве и собрание статей / Перевод Н. Б. Розенфельда и В. А. Фаворского. М.: Мусaget, 1914; частично репринтирован в издательстве «Логос» в 2011 г.*).

¹⁸⁰ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, д. 46293, т. 1, л. 13.

Феофанович Седляр, секретарь Оргкомитета Союза художников УССР, на допросе в 1937 году говорил об атамане-самостийнике Ангеле, которому Бойчук якобы помог бежать,¹⁸¹ а художник Иван Иванович Падалка сообщил, что после ухода поляков он встретил у Бойчука родственника атамана Зеленого.¹⁸² Компрометирующими, по мнению следствия, были и свидетельства бывшей ученицы Бойчука — Анастасии Яковлевны Киналь-Островской, преподавателя 155-й школы: «Основное ядро учащихся у Бойчука в тот период состояло из классово чуждых элементов: Рихтер — дочь фабриканта, Сахновская, дочь эмигранта, сама арестовывалась, Трубецкая — княжна, Липковский, сын митрополита и др.».¹⁸³

В 1957 году, когда, по всей видимости, была инициирована реабилитация Бойчука, Иван Иванович Врона, тогда ректор Киевского художественного института, также указывал на укрывательство, только спасаемым был не враг, а друг — уже реабилитированный к этому времени Антон Терентьевич Приходько (1891—1938) — боротьбист-подпольщик,¹⁸⁴ а позднее коммунист и заместитель Наркома просвещения УССР и заместитель Генерального прокурора УССР, которого Бойчук тоже прятал.¹⁸⁵

Вернемся к оборванной цитате:

«Всем хорошо известно: если дело попадало в Чека, это не шутка. Пришли к М. Л., показали ордер на арест и повели в грозное учреждение. Нам стало известно — на него донесли. Когда большевики отступали из Киева, он якобы находился в связи с украинцами, боровшимися

¹⁸¹ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, д. 46293, т. 1, л. 206. Протокол допроса от 23 января 1937 г. На самом деле атаман Ангел находился в Киеве на конспиративной квартире при Деникине и был деникинцами арестован.

¹⁸² Там же. Л. 245. Протокол допроса от 9 мая 1937 г. Атаман Зеленый при Петлюре был командиром атамана Ангела.

¹⁸³ Там же. Л. 251.

¹⁸⁴ Боротьбисты — левоэсеровская, затем коммунистическая партия на Украине, возникшая на основе левого крыла Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), отколовшегося от нее в мае 1918 г. и принявшего название *Украинская партия социалистов-революционеров (боротьбистов)* — УПСР(б). С марта по август 1919 г. носила название *Украинская партия социалистов-революционеров (коммунистов)* — УПСР(к). С 6 августа 1919 г., после объединения с левой группой Украинской социал-демократической рабочей партии («независимых»), стала называться *Украинская коммунистическая партия (боротьбистов)*. Незадолго до роспуска партии в нее вступил А. П. Довженко. Центральный печатный орган — двуязычная (украино-русская) газета «Боротьба» («Борьба»), выходявшая с 23 февраля 1918 г. по 4 апреля 1920 г.

¹⁸⁵ ГДА СБУ, ф. 6, оп. 1, д. 46293, т. 2, л. 15. Свидетельство от 7 июля 1957 г.

против коммунизма. Очевидно, его личные враги пожелали использовать момент и таким образом посчитаться. Всё это были только догадки. Дни шли, а М. Л. не выпускали. Однако было известно: он не расстрелян.

Встречаясь ежедневно с Надей, помимо личного беспокойства, я разделяю ее женские чувства, особо болезненно выражающиеся к такому несчастью, как арест и угроза смерти.

— Я люблю М. Л., — стонала она. — Что сделать? Как спасти его. Как доказать его невиновность? Нельзя ли это доказать через ваших знакомых, — просила Надя. Конечно, в общении с ней мое желание выпутать жертву становилось более настоящим. Я вспомнил о своем знакомстве с одним пианистом, хорошо знавшим Раковского.¹⁸⁶ Мой знакомый обещал поговорить, снести об этом деле с председателем Украинского Совнаркома.

Однажды под вечер — благодаря содействию знакомого, мы вошли в секретный отдел милиции. Думали, может, здесь обнаружатся следы, и мы узнаем, почему арестован Михайло. Но в так называемом секретном отделе милиции мы нашли в беспорядочном состоянии архивы царской тайной полиции. В многочисленных жутких альбомах хранились фотографии преступников и убийц с указанием примет. Среди них, конечно, Бойчука не оказалось. Нам встретились еще различные неожиданные в поисках средств защиты узника, как вдруг он вылетел на свет сам. Чека не нашло улики основательными. Надя могла продолжать любить профессора Бойчука».

Хазина и Редько

Продолжим цитату из мемуаров Климмы Редько:

«С другой же стороны, по ее мнению, Надя не видела во мне настоящего проявления чувств. Совершая вместе прогулку с Надей, мы осмотрели фрески Софийского собора и вышли на Владимирскую горку. Здесь особенно сильно чувствовалась весна. Мы сели на скамейку, откопывая болотистую землю от ног. Можно, находясь здесь, сколько угодно смотри и не насмотришься (sic!) на широкие воды Днепра. Никогда не скажешь, уходя: довольно! Покинешь это место с сожалением, подобно иногда случайно возникшей мысли о скоротечности человеческой жизни. Мы смотрим на нашу большую реку, в весеннюю пору превращенную в море. В речах Нади легко текут слова то об искусстве, то об М. Л. Я слушаю ее с затаенным вниманием, и боль доходит до моего сердца, но вывести меня из себя я не дам. Что такое любовь? Разве

---

¹⁸⁶ Христиан Георгиевич Раковский (Станчев, 1873—1941) — советский политический, государственный и дипломатический деятель болгарского происхождения. С января 1919 г. по июль 1923 г. — председатель СНК и одновременно нарком иностранных дел УССР, по май 1920 г. — нарком внутренних дел УССР.

я знаю. Ее нужно сейчас же доказать? Похитить целиком двадцатилетнюю жизнь этой девушки и оберегать ее только для себя, спрятать ревниво от всех глаз и от сильного очарования Михайла. С вопрошательным видом слушаю Надю с непроницательным видом (sic!). Боль ударила в сердце, а теперь опьянела и вскружилась голова.

С Владимирской горки обширный вид и на небо. Глаза поглощают без остатка его свет. Не поэтому ли голова подверглась столь сладкому опьянению, откладывающему жало в груди?

— Вы не можете сильно со всей страстью желать, — произносит приговор Надя. — Вы не в состоянии женщину любить целиком. Клима, вы как мальчик.

Надя высказала мне столь печальную правду о себе. В ее голосе разочарование, горечь. Ее глаза спрашивают, в конце концов, что же такое дружба, любовь и вся жизнь? Жизнь скоротечна.

— Посмотрите на воды Днепра, — говорю я Наде. В этом — любовь, когда русло разливается — русло широкой реки, а когда сужается, [то] так, чтобы еле-еле не засохнуть под ударами солнечного зноя.

Драма весны выровнялась положительной стороной молодости. Оставаясь наедине, я поддаюсь влечению находиться с Надей. Зрительная память помогает мне отдаться наслаждению. Рука уверенно чертит ее лоб, глаза. Вот она вся. Она, потому что я ее желаю. Но искусство еще не полностью удовлетворено. Надо еще рисовать и еще искать. Идеал иллюзии, очарования? Идеал революционной романтики? Идеал Надиных двадцати лет».

Из этого фрагмента понятно, что сам Клима Редько был безответно влюблен в Надю Хазину с ее великолепным точеным лбом. Весною 1920 года, признаваясь ей в этом, он попытался взять себе в союзники всё обаяние Владимирской горки и всю силу разлившегося Днепра, но не преуспел и был срезан: «Клима, вы как мальчик!» Надины же портреты, точнее, рисунки по памяти, кажется, тоже не дошли до нас.

Впрочем, в письме к Н. Х. Н. Я. отозвалась о Редько уже не как о поклоннике, а как о художнике:

«Последним из художников, не считая украинцев, оставался Павлик Челищев¹⁸⁷ и его товарищ Клима Редько. Как художника я Челищева

¹⁸⁷ Павел Федорович Челищев (1898–1957) — русский художник, основатель мистического сюрреализма задолго до появления этого направления у Сальвадора Дали. Отец, математик по образованию, познакомил сына с геометрией Н. Лобачевского, что привело будущего художника к идее «внутренней мистической перспективы». В 1918 г. Челищев жил в Киеве, где посещал Академию художеств, а также учился в монастырской иконописной мастерской и брал уроки у Экстер и Мильмана. Был картографом в Добровольческой армии Деникина, эмигрировал с ней в 1920 г. и через Стамбул и Болгарию попал в Берлин, где оформлял спектакли в различных

никогда не любила: он был слишком для меня “внешний”, декоративный и нежный. Но мальчишка был прелестный, и мы очень дружили. Все мы трое — я еще домашняя, а они бездомные, были голодными и холодными щенятами. Вместе мы с трудом добывали краски и бродили по улицам.

В моем разоренном доме тоже не было тепла и одно пшено. Я делилась с ними своим пшеном, а они ходили в гости к Бутомо-Названовой, известной певице; она их подкармливала, а они прятали для меня в карманы бутерброды, — чтобы и я попробовала “вкусного”. Жили они одно время вместе недалеко от железнодорожных дровяных складов.¹⁸⁸ С сачками они подходили к забору, и рабочие бросали им несколько полн: жалко мальчишек. Вот и было чем растопить буржуйку. А мы топили мебелью. Павлик уехал из Киева в эмиграцию,¹⁸⁹ а Клима попозже с Никритиным¹⁹⁰ в Москву.

Я же дождалась, пока за мной не приехал Мандельштам, в период моей дружбы с Челищевым находившийся в Крыму. Вряд ли в тот год мы много разговаривали и думали о живописи — слишком уж нас зажал темнотой, холодом и голодом. Только еще продолжали смотреть картинки. Мальчики водили меня в Лавру к отцу-библиотекарию,¹⁹¹ и он по-

---

русских театрах. В 1923 г. переехал в Париж, где стал одним из сценографов труппы С. Дягилева. Перед войной эмигрировал в США, где рисовал декорации и костюмы для постановок Д. Баланчина и А. Остина и организовал содружество сюрреалистов «Неоромантизм».

¹⁸⁸ Железнодорожные дровяные склады располагались у подножья Батыевой горы недалеко от вокзала.

¹⁸⁹ См. примеч. 183.

¹⁹⁰ Соломон Борисович Никритин (1898—1965) — художник-авангардист и теоретик искусства. В 1909—1916 гг. учился в КХУ и в студии А. Мурашко, затем — в частной школе Л. О. Пастернака в Москве и в мастерской А. Е. Яковлева в Петрограде. В 1917 г. вернулся в Киев, посещал школу-студию Экстер. В 1920 г. участвовал в оформлении балетной постановки Брониславы Нижинской. С 1920 г. — в Москве, во ВХУТЕМАСе, где учился у В. Кандинского. К 1922 г. сформулировал новое направление искусства — «проекционизм» — и создал новый «Проекционный театр», основанный на идеях биомеханики. К 1924 г. в группу «проекционистов» входили К. Редько, А. Тышлер, М. Плаксин и др. В 1934 г. Никритин написал свою самую известную картину — «Суд народа» (Третьяковская галерея), а в 1935 г. представил на выставке картину «Старое и новое», после скандала с которой чудом остался на свободе и навсегда прекратил экспериментировать и экспонироваться. Никритин был одним из любимых художников коллекционера Г. Костаки, благодаря чему немало работ художника сохранилось.

¹⁹¹ Имеется в виду библиотека Киевской духовной академии, располагавшаяся в Лавре.

казывал нам свои сокровища и бывал доволен, что мы хорошо делаем “прориси”¹⁹² и объясняем друг другу композицию. Он поил нас чаем и говорил: “дорогие гости”. Когда Павлик спросил, благословит ли его монах, чтобы он уезжал с отцом или шел в армию, отец-библиотекарь, не помню, как его звали, сказал, что он служит богу, гражданскую войну считает бедой и народным горем и не хочет благословлять мальчиков “ни в тот стан, ни в другой”. Рано им, мол, кровь проливать — и свою, и чужую. Вероятно, для отца-библиотекаря они были бедными детьми, которых надо оградить от братоубийственной бойни. Это был великолепный старый монах, и мне жаль, что я редко сопровождала в библиотеку своих славных товарищей. Была чересчур ленива и нелюбопытна. А надо было; может, я раньше бы избавилась от юношеского идиотизма, от крайних проявлений которого меня удерживал только инстинкт».

Елена Мурина вспоминала: «Однажды я ей рассказала, что коллекционер Г. Д. Костаки “откопал” очень интересного, полузабытого художника — Климента Редько, скупив у его вдовы целый ряд абстрактных полотен, а также большую ошеломившую всех картину “Восстание” (1925). Она представляла собой довольно зловещую “формулу” коммунистической утопии со всеми ее атрибутами: фантастическим “новым” миром, напоминавшим концлагерь, и полной “иерархией” вождей, начиная с большой фигуры Ленина, поменьше Троцкого и кончая еще совсем маленьким Сталиным. Н. Я. с интересом слушала. Редько оказался ее большим другом еще с киевских времен.

Конечно, я в нее вцепилась с вопросами. Но она в своей телеграфно-пунктирной манере только “отпечатала”: “Климент — художник и стоящий человек”. Ничего более подробного я от нее не добила, кроме краткого рассказа о том, как они сидели на Тверском бульваре после его возвращения из-за границы (он был несколько лет во Франции), и он рассказывал о Париже. Тогда она еще была художницей и пыталась работать. Наверное, это было, когда Мандельштамы жили в Доме Герцена.¹⁹³

¹⁹² Прориси — в древнерусском искусстве и иконописи контурный рисунок, сделанный с оригинала гусиным пером или кистью через кальку и нанесенный путем процарапывания по левкасу на доску (для иконописи) или на штукатурку (для фрески). На бумаге контурный рисунок мог выполняться в один (черный) или два цвета (черный и красно-коричневый).

¹⁹³ Аберрация памяти или неточность. Н. Я. продолжала рисовать в 1922—1923 гг., когда они с О. М. поселились в Доме Герцена в первый раз. Второй раз они жили в Доме Герцена в 1932—1933 гг., но тогда Редько находился во Франции. В Москву же он вернулся только в 1935 г., так что разговор с Н. Я. на Тверском бульваре мог состояться только во время ее приездов в Москву из Воронежа, где в 1934—1937 гг. находился в ссылке О. М. Возможно, в 1922—1923 гг. была и другая случайная встреча с Редько на Тверском бульваре (см.: Н. М. Т. 2. С. 237).

Жалею, что не расспрашивала Н. Я. о ее киевском периоде, когда она училась в студии Александры Экстер, дружила со своими однокашниками — С. Юткевичем, И. Рабиновичем, Г. Козинцевым и др. Я, чувствуя ее усталость от “прошлого”, да и в силу своей нерасторопности редко умела задать “хороший” вопрос.¹⁹⁴

Тут следовало бы подчеркнуть: и в свое послекиевское время Н. Я. нет-нет да и бралась за кисть или карандаш, например, в 1922 году — в Доме Герцена в Москве — и даже в 1935 году, в Задонске.

Но творцом и художницей в высшем смысле она себя уже не ощущала и не считала, называя себя в живописи лишь «случайным гостем».¹⁹⁵

Тем не менее то, что в письме Фальку она называла «профессиональным разговором», Н. Я. сохранила.

Чекрыгин и Мандельштам

Хотя письмо Н. Я. и импрессионистически бегло, и спонтанно, в нем, как ни странно, прослеживается своя иерархия. Есть в нем как значимые лакуны (Бойчук), так и значимые акценты. Быстро обнаруживается его главный герой — Василий Николаевич Чекрыгин (1897—1922), причем не самого последнего его периода, а еще до Николая Федорова и до «Маковца».¹⁹⁶

Детство Чекрыгина прошло в Киеве. Обучался он в иконописной школе при Киево-Печерской лавре и в четырехклассном городском училище, работал помощником ретушера в фотографической мастерской. В 13 лет поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), где его сокорытниками были Маяковский, Бурлюк, Лев Шехтель (Жегин); стал первым иллюстратором стихов Маяковского. Подружившись с Жегиным, путешествовал с ним по Европе (Вена, Мюнхен, Париж, Гетари, Сан-Себастьян) и часто останавливался или жил в семье его отца — знаменитого архитектора Федора Шехтеля. Зимой 1914 года выставил несколько своих работ на XXXV (Юбилейной) выставке МУЖВЗа, а покинув МУЖВЗ, принял участие в выставке «№ 4», организованной Михаилом Ларионовым. В конце 1915 года, записавшись вольноопределяющимся, в составе пулеметной бригады воевал под Двинском.

После революции Чекрыгин входил в состав Комиссии по охране художественных ценностей в Москве. С осени 1918 года по конец весны

¹⁹⁴ Мурина, 2015. С. 378—379. См. также: Люкшин Д. Неслучившийся советский сюрреалист: Климент Редько // Искусствознание. 2022. № 3. С. 272—293.

¹⁹⁵ Н. М. Т. 2. С. 236.

¹⁹⁶ См. ниже.

1919-го он находился в Киеве,¹⁹⁷ где застал не только большевицкие порядки, но и петлюровские и немецкие.

Потом снова Москва, где он сотрудничал с московским Театром юного зрителя — детищем Генриетты Паскар, а в июле 1920 года женился на Вере Викторовне Беренштам-Котовой. В самом конце 1920 года он знакомится с «Философией общего дела» Николая Федорова и становится ее яростным адептом. В 1921 году он готовит курсы лекций и участвует в теоретическом обосновании живописи — написании манифеста «Искусство-жизнь» о союзе художников и поэтов («Маковец») и трактата «О Соборе Воскрешающего музея», посвященного памяти Николая Федорова и его философии. В 1920—1922 гг. Чекрыгин создает свои важнейшие графические циклы — «Расстрел», «Сумасшедшие», «Голод в Поволжье» и «Воскрешение мертвых».¹⁹⁸

Явное предпочтение, отдаваемое Н. Я. Васе Чекрыгину перед всеми остальными, — прежде всего из-за того, что он типологически и по-человечески ближе всего к типу Мандельштама. Чекрыгин, по Н. Я., был из «думавших»:

«У молодости есть жуткие черты, и среди них равнодушие к смерти — своей и чужой. Мало кто среди нас думал о “страшном”. Среди думавших был Вася Чекрыгин, мальчик со стороны и совсем из другого теста. Он приходил в мастерскую к Экстер в дни, когда она уже была в Одессе. Искал там товарищей и с каждым разговаривал отдельно. К живописи нашей относился хорошо, не ругался, как Эренбург, не умилялся, как Тугенхольд,¹⁹⁹ не хвалил, как Таиров.²⁰⁰ <...>

¹⁹⁷ Чекрыгин В. Записи по годам // Чекрыгин, 2005. С. 156—157, 273—274.

¹⁹⁸ Ракитин В. Предварительное действие // Чекрыгин, 2005. С. 146—148.

¹⁹⁹ Яков Александрович Тугенхольд (1882—1928) — российский и советский художественный критик, искусствовед, автор книги «Александра Экстер как живописец и художник сцены» (1922). В 1916 г. — литсотрудник Земсоюза в Киеве. После революции — инструктор Отдела по делам музеев и охране памятников Наркомпроса. В 1922 г. — заведующий художественным отделом газеты «Известия» и журнала «Красная нива». В марте 1923 г. назначен заведующим Отделом изобразительных искусств Главполитпросвета. С 1926 г. — ученый секретарь и председатель секции ИЗО Отдела по изучению искусств народов СССР Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР. В январе 1928 г. — заведующий художественным отделом «Правды».

²⁰⁰ Александр Яковлевич Таиров (Корнблит; 1885—1950) — российский театральный актер и режиссер, создатель и художественный руководитель Камерного театра (1914—1949). Народный артист РСФСР (1935). Учился в Киевской гимназии, а затем в Киевском и Петербургском университетах на юриста, совмещая учебу с театральной деятельностью. Решив связать себя с театром, перешел в лютеранство и взял псевдоним Таиров (от «та-

Это был лобастый мальчик, вроде тех, что бегают по деревенским улицам. Сердитый. Всегда напряженный: надо что-то понять. Его злила наша поверхностность. Как я теперь понимаю, ему хотелось заглянуть в суть вещей: “А фактура приложится, — сказал он мне: — Что вы всё носитесь с фактурой?” Фактура была очень модной вещью среди нас — мы узнали на опыте, что совсем не безразлично, куда направлен мазок. Нам об этом никто не удосужился сказать, и даже Минчин работал нейтральным мазком (в смысле направления). Но густоту и прозрачность понимали все — это дала икона больше даже, чем французы. Но в том-то и дело, что Вася Чекрыгин, лобастый щенок, не изволил об этом думать. Это всё подразумевалось само собой. Он мне показал, какая бывает разница в рисунке, если одну и ту же линию в рисунке повести в одном направлении или в обратном. Я рисовала кистью на холсте — охрой, чтобы пометить композицию “сезановского” натюрморта: кувшины и всё прочее. “По форме надо”, — сказал Вася. Кувшин врос в одном варианте в стол, а в другом взлетел, поводя боками. Оба были живые, но в том-то и дело, что каждый требовал своей композиции целого. А Вася пачкал мой холст и спрашивал, знаю ли я, как вести в рисунке все плоскости вглубь от зеркала бумаги. Не перспектива, нет. Другое. Планы... Я это слово знала. Это Пикассо в этом упражнялся. И дробить²⁰¹ форму не надо — можно дифференцировать, можно интегрировать. Вася этих слов не знал, а я кончила хорошую гимназию²⁰² и даже год числилась на математическом факультете.²⁰³ Мы подружились. Отношения со всеми мальчиками в студии у нас были хорошие — мальчише-

ир», по-арабски — «орел»). Как актер дебютировал на сцене в 1904 г., как режиссер — в 1908 г., работал в Свободном театре К. Марджанова. В 1914 г. вместе с Алисой Коонен (своей второй женой) и группой молодых актеров создал Камерный театр, с которым была связана вся его дальнейшая жизнь. Как режиссер стремился к созданию синтетического театра, уделяя большое внимание актерскому движению и пластике. В 1949 г., в ходе кампании по борьбе с космополитизмом, Таиров был уволен из Камерного и, вместе с А. Коонен, переведен в Театр им. Е. Вахтангова, но к работе не приступил. В августе 1950 г. Камерный театр был переименован в Московский драматический им. А. С. Пушкина и прекратил свое существование.

²⁰¹ Н. Я. не сразу подобрала это слово: ему предшествовало «ломать», а потом — «делить».

²⁰² В 1910—1919 гг. Н. Я. училась в частной женской гимназии А. Жекулиной (см. ее аттестат № 155 в: Государственный архив города Киева, ф. 151, оп. 1, д. 190, л. 11—11об.).

²⁰³ Аберрация памяти. Сама Н. Я. числилась на юридическом факультете, математиком с университетским дипломом был Яков Аркадьевич Хазин, ее отец.

ские. Эренбург объяснил Любе,²⁰⁴ что романов там заводить нельзя — это было бы кровосмесительством... Но Вася не нуждался ни в дифференциации движений живописных элементов, ни в интегрировании. Он искал другого, что я бы назвала сейчас целостностью восприятия... и единства мысли, и зрительного ощущения. Для нас “мысли” еще не существовало».

То же самое — цельность и обретение смыслов — наблюдал в Чекрыгине его ближайший друг Жегин: «Чекрыгин же был обладателем неведомых для меня сокровищ — ему доступно было какое-то знание, достоверность которого я смутно ощущал. <...> Жизнь его была необычайна своей внутренней напряженностью и целостностью. Никаких колебаний и отклонений в сторону от основной линии, наметившейся чрезвычайно рано. Он должен совершить свое жизненное дело, свою миссию, свой долг перед искусством, родиной, человечеством — он призван к этому, он обречен на это».²⁰⁵

Интересно, что для полноты этого проявления одной только живописи было для Чекрыгина слишком мало — отсюда его инстинктивное стремление к поэтам и философам: «Доступнее Чекрыгин был поэтам и литераторам как людям более широкого горизонта и вообще более высокой культуры и свободных от узкопрофессиональных рамок всевозможных “измов”, царивших тогда в живописи».²⁰⁶

Н. Х. также считал Чекрыгина гением-мудрецом и гением-самородком, но именно самородность больше всего его в Чекрыгине и поражала: «Как он родился, такой самородок? Семья сумасшедшая, братья были сумасшедшие и сестры. А он гений. Из Киева поступил в 1910 г. в Училище живописи. Ему повезло. Очень самостоятельный».²⁰⁷

Чекрыгин потому так и дорог Н. Я., что, единственный из киевских художников тех лет, он составлял в ее глазах как бы пару с О. М., какую-то общую породу, не пересекающуюся ни с национальностью, ни с призыванием.

На встрече Нового, 1919-го, года «...Вася сцепился с Эренбургом. Они бросались друг на друга как петухи, едва не подрались через мою голову, а я здесь была не при чем. <...> Васю тошнило от поверхностной, журналистской природы, а Илья не мог вынести этого углубленного в себя, странного и действительно духовного “головастика”. К тому же “головастик” ему не импонировал. Обиженный лобастый мальчик шел у него в разряд — “щуплых, легкомысленных, с хохолком” — в мандель-

²⁰⁴ Любе Козинцевой, своей жене.

²⁰⁵ Воспоминания о Василии Чекрыгине // *Калмыкова*, 2020. С. 183.

²⁰⁶ Там же. С. 199.

²⁰⁷ *Харджиев. Разговоры*. Запись за 23 июля 1973 г.

штамовскую породу. <...> Напряженно духовная, интеллектуальная порода людей вроде Чекрыгина и Мандельштама чем-то отпугивала Эренбурга. Для него это было гетто, мыслители-раввины, слабость, отказ от победы и племени “победителей”, к которому он тянулся».

Противопоставляя Чекрыгина Эренбургу таким образом, она непро-извольно — или сознательно? — противопоставляла Эренбурга, автора мемуаров из «Нового мира», к которым у нее было много претензий, и Мандельштама.

Мандельштам был в красном Киеве с начала апреля — с перерывом на Харьков — по конец августа 1919 года, а Чекрыгин — с осени 1918 года до 20-х чисел мая 1919-го. В Киеве они и пересекались, и разговаривали. Оба были завсегдатаями ХЛАМА,²⁰⁸ оба были 10 мая в Соловцовском театре на премьере «Овечьего источника». А про встречу и разговоры О. М. с Чекрыгиным в доме Балаховских сама Н. Я. пишет совершенно определенно.

Мандельштам не забыл Чекрыгина. О его страшной гибели в подмосковной Мамонтовке²⁰⁹ первым услышал и сообщил Н. Я. именно он: «Ты помнишь такого Чекрыгина? Говорят, он замечательный рисовальщик”. Вещей его О. М. не видел никогда, но бледного лобастого мальчишку запомнил».²¹⁰

Р. С. Татлин, Фальк и другие

Концовка письма Н. Я. — его последние четыре страницы из одиннадцати — уже не связаны с Киевом. В ней — *glissando* и *всклянь*, то есть в точности так, как «велел» О. М. в главке «Французы» из «Путешествия в Армению», — упоминаются другие художники, с которыми жизнь сводила Н. Я. позднее: Фальк, Тышлер, Осмеркин, Шифрин, Татлин, Якулов, Кустодиев и Митурич, где каждый, кроме Кустодиева, — со своим неназванным или едва-едва окликнутым, но мандельштамовским контекстом. Окликнут, но никак не охарактеризован один только Лев Бруни, быть может, самый близкий чете Мандельштамов человек из числа художников и лучший художник из числа друзей.²¹¹ Как ни слова,

²⁰⁸ ХЛАМ («Художники. Литераторы. Артисты. Музыканты») — кафе в подвале гостиницы «Континенталь», в котором О. М. впервые увидел Н. Я. 1 мая 1919 года.

²⁰⁹ 3 июня 1922 г., в возрасте 25 лет, Чекрыгин на станции Мамонтовка попал под поезд.

²¹⁰ Из письма Н. Я. к Н. Х.

²¹¹ Ср. в письме Н. Я.: «А ведь того, с кем дольше всех сохранялась дружба, чудеснейшего и чистейшего Леву Бруни я не назвала... О нем в другой раз».

разумеется, нет и о художниках-современниках по 1960-м годам — о Владимире Вейсберге и Борисе Биргере, живопись которых Н. Я. в 1964 году уже хорошо знала и любила.

Задержимся из упомянутых разве что на одном Владимире Евграфовиче Татлине (1885—1953) — авторе проекта памятника III Интернационалу (1919—1920) с вынесенной наружу несущей конструкцией, ставшего одним из символов мирового авангарда и конструктивизма. Но задержимся не поэтому и даже не потому, что Татлин — это тот самый «Т.», к которому в свое время Н. Я. едва не ушла от О. М.,²¹² а потому, что преимущественно Татлину посвящен незавершенный набросок Н. Я. без названия, обнаружившийся в архиве Н. Х. в виде ксерокопии.

Впервые его опубликовал Ю. Л. Фрейдин под названием «Установка на чистую форму...» — по первым словам текста.²¹³ Публикатор, указывая на упоминание Петербурга и на орфографические отклонения текста от нормы, датировал его первой половиной 1920-х гг., что поставило бы этот текст на самую раннюю позицию в словесном творчестве Н. Я.²¹⁴

Представляется, что эта датировка ошибочна. Нет никаких признаков того, что Н. Я. в 1920-е гг. пробовала себя в каком-либо ином письменном жанре, кроме эпистолярного. Скорее всего, Харджиев и попросил Н. Я. написать о Татлине (а, может быть, еще и о Якулове — оба не-киевляне) отдельно, уже в 1960-х, а коли так, то явно — до мая 1967 года. Наиболее вероятная датировка в таком случае — 1966 год, вскоре после 22 апреля, когда в Центральном Доме актера в Москве на Пушкинской улице — к 80-летию со дня рождения Татлина — открылась его персональная выставка — увы, посмертная.²¹⁵

²¹² См.: *Нерлер П.* Свидетельница поэзии: Очерк жизни и творчества Надежды Яковлевны Мандельштам // Н. М. Т. 1. С. 20—21 (см также с. 647—648). См. также реакцию Е. Муриной на раскрытие инкогнито «Т.»: «В таком же тоне прозвучал ее ответ на мой вопрос, кто был этот “Т.”, который пришел за ней и ее чемоданом, когда она решила оставить Мандельштама, “доставшего” ее своей влюбленностью в Ольгу Ваксель. “Татлин”, — сказала она с полным безразличием. Я так и подпрыгнула. Татлин, лучший из лучших художников авангарда, был моим кумиром. Я пыталась выведать, каким он был, чем покорила. Но она поставила точку на моих придыханиях, заявив, что он был “идиот”. Меня это очень огорчило» (*Мурина*, 2015. С. 377).

²¹³ *Мандельштам Н. Я.* Третья книга. М.: Аграф, 2006. С. 14—16. С небольшими уточнениями по той же ксерокопии автографа из собрания Н. Х. см. в изд.: Н. М. Т. 1. С. 838—840.

²¹⁴ *Мандельштам Н. Я.* Третья книга. С. 488—489 (Примечания).

²¹⁵ Единственная прижизненная персональная выставка Татлина состоялась 15—30 мая 1932 г.; среди ее экспонатов был и «Летатлин».

* * *

В заключение — слова благодарности за помощь и поддержку в работе над этой статьей.

В первую очередь — Дмитрию Емельяновичу Горбачеву, ведущему в мире специалисту по киевскому авангарду описываемой Н. Я. эпохи, и Светлане Симаковой, поддерживавшей в рабочем состоянии сей мост коллегиальности и взаимопонимания. Ознакомившись в 2022 году с письмом Н. Я., Горбачев откликнулся на него собственными, на эту же тему, размышлениями. За ценные искусствоведческие и краеведческие уточнения благодарю также Алексея Наумова, Михаила Кальницкого, Светлану Симакову и Георгия Титова.

Важной и разносторонней информацией о судьбе Н. Х. и его архива я обязан Лилии Вьюгиной, режиссеру документального фильма «Николай Харджиев: последний русский футурист» (Фонд «AVC» Charity, 2020). За ценные уточнения по этому кругу вопросов благодарю Виллема Вестстейна, Татьяну Горяеву, Михаила Мейлаха и Андрея Сарабьянова.

Сердечное спасибо также Якову Бердичевскому, Леониду Видгофу, Ильдару Галееву, Анатолию Голубовскому, Дмитрию Нечипоруку, Александру Никитяеву, Софье Полян, Андрею Пучкову и Габриэлю Суперфину за советы, справки и иную оказанную мне помощь.

Принятые сокращения

- Акинша, Козлов, 1998.* — *Акинша К., Козлов Г.* Поле битвы достается мародерам: Судьба уникального собрания Николая Харджиева: пять лет вне закона // *Итоги.* 1998. 19 мая. С. 52—56.
- ВХУТЕМАС* — Высшие художественно-технические мастерские: учебные заведения, созданные в Москве, Петрограде и других российских городах в 1918 г.
- ГДА СБУ* — Государственный архив Службы безопасности Украины, Киев.
- ГИТИС* — Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского, Москва.
- ГМИИ* — Государственный музей изобразительных искусств, Москва.
- Горяева, 2019.* — *Горяева Т. И.* Архив Н. И. Харджиева: конец истории // Архив Н. И. Харджиева. Русский авангард: материалы и документы из собрания РГАЛИ. М.: Изд-во «ДЕФИ», 2019. Т. 3.
- Калмыкова, 2020.* — *Калмыкова В.* Лев Жегин: мистика искусства. М.: Русский импульс, 2020. 221 с.
- Кальницкий, 2015.* — *Кальницкий М.* Надежда Яковлевна Мандельштам в Киеве // «Посмотрим, кто кого переупрямит...». С. 55—70.
- КХУ* — Киевское художественное училище.
- Лившиц, 1989.* — *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е. К. Лившиц и П. М. Нерлер; Подгот. текста

- П. М. Нерлера и А. Е. Парниса; Примеч. П. М. Нерлера, А. Е. Парниса и Е. Ф. Ковтуна. Л.: Сов. писатель, 1989. 720 с.
- Мандельштам Н.*, 2008. — *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / Сост. и вступ. статья П. Нерлера; Подгот. текста П. Нерлера и С. Василенко при участии Н. Крайневой; Коммент. П. Нерлера при участии Н. Крайневой. Изд. 2-е, испр. М.: Три квадрата, 2008. 408 с.
- МГУ — Московский государственный университет.
- М. Л. — М. Л. Бойчук.
- МУЖВЗ — Московское училище живописи, ваяния и зодчества.
- Мурина*, 2015. — *Мурина Е.* О том, что помню про Н. Я. Мандельштам // «Посмотрим, кто кого переупрямит...». С. 348–393 [Переработанная версия одноименной публикации в изд.: Мир искусства. СПб., 2001. Сб. 4. С. 133–173].
- Н. М. (с указанием тома) — *Надежда Мандельштам.* Собрание сочинений: В 2 т. / Ред.-сост.: С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин; Вступ. статьи: к Т. 1 — П. М. Нерлер; к Т. 2 — Ю. Л. Фрейдин. Екатеринбург: Гонзо (при участии Мандельштамовского общества), 2014. (Т. 1: «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967). 864 с.; Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979). 1008 с.).
- Н. Х. — Николай Иванович Харджиев.
- Н. Я. — Надежда Яковлевна Мандельштам.
- Нерлер*, 2008. — *Нерлер П.* В поисках концепции: Книга Надежды Мандельштам об Анне Ахматовой на фоне переписки с современниками // *Мандельштам Н.* Об Ахматовой / Сост. и вступ. статья П. Нерлера; Подгот. текста П. Нерлера и С. Василенко при участии Н. Крайневой; Коммент. П. Нерлера при участии Н. Крайневой. Изд. 2-е, испр. М.: Три квадрата, 2008. С. 7–103.
- О. М. — Осип Эмильевич Мандельштам.
- «Посмотрим, кто кого переупрямит...». — «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П. Нерлер; Научн. ред. С. Василенко. М.: АСТ (Редакция Елены Шубиной) — МО — МЦ при ШФ ВШЭ, 2015. 733 с. (Вокруг Осипа Мандельштама).
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.
- Редько — Климент Редько.* Фрагменты из автобиографической повести «Зрочки Солнца» (1935). Глава 18-я: «Искусство и Гражданская война» // Научно-популярный портал «Еврейский мир Украины». [Электронный ресурс] URL: <http://ju.org.ua/ru/publicism/658.html>.
- УДО — условно-досрочное освобождение.
- Фонд — Фонд «Культурный центр Харджиева — Чаги», Амстердам.
- Харджиев. Разговоры.* — Харджиев. Разговоры [Записи В. Ф. Сулимовой] / Публ. и примеч. Ильдара Галеева // Знамя. 2023. № 12. С. 120–155. [Электронный ресурс] URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8870>.
- Чекрыгин*, 2005. — *Елена Мурина, Василий Ракитин.* Василий Николаевич Чекрыгин. М.: RA, 2005. 288 с.

Почти все работы производятся усовершенствованными машинами, а также великолепно дрессированными животными.

*«Прогулки на Марс»
(Газета «Раннее утро», 16 мая 1913 г.)*

Разговоры об Искусственном Интеллекте присутствовали на периферии общественного сознания очень давно. На эту тему написано множество книг, и теперь, когда простой обыватель получил доступ к машинам по созданию текстов и изображений, ее надобно как-то сузить. Поэтому стоит сделать несколько замечаний по поводу чата GPT, который для простоты назовем просто «ЖПТ».

Эти замечания касаются в основном литературы, причем сделаны они в тот момент, когда качественные изменения уже произошли, но пока не стали привычными.

(любовь, жизнь и роботы)

Много лет назад, в начале 2013 года, в прессе одновременно обсуждали две новости из жизни современных роботов.

Во-первых, один австрийский робот покончил с собой. Это был робот-пылесос, который должен сновать повсюду в доме и уничтожать пыль. По сообщениям газет, он заполз на кухонную плиту, включил ее и сгорел дотла. В этой истории с самого начала было много неясного: например, как залез на эту, сравнительно высокую, поверхность робот-пылесос, который вообще-то должен ползать по полу. Журналисты на разные лады острили про как бы самоубийство, а наиболее остроумные выдумывали ревнивую мультиварку (всюду надо искать любовь). С тех пор роботы-пылесосы стали обыденностью, и никого ими не удивишь. Но во многих домах

они наследовали функцию домашнего животного. С ними говорили, их упрекали и жалели, скоро они научились подчиняться голосовым командам.

Тогда же много обсуждали очередную секс-машину, что сделали японцы. В отличие от пылесоса, она была говорлива и могла поддерживать беседу. Но такая новость — даже и не новость: есть суровое правило, что все изобретения человечества, начиная с рывка технического прогресса в XIX веке, тут же применяются в войнах и порнографии.

Недоверчивым людям предлагается перебрать в уме любое количество известных изобретений. Искусственных женщин человечество производит давно, и количество шуток по этому поводу неисчислимо, равно как и количество фантастических произведений, где бьются любовь-морковь и чувства неодоушевленных электронных панелей.

Ничего удивительного в новом японском автомате не было, — он и не был похож на женщину, скорее — на причудливый доильный аппарат.

Примечательно, что женщинам для имитации мужчины нужен совсем небольшой предмет (эти мужские детали, впрочем, тоже совершенствуются, оснащаются вечными источниками питания, электронными платами и интерактивно взаимодействуют с владельцами). Мужчине же, как казалось, нужно изображение, а то и ростовые модели. Японцы, кстати, в этом смысле — удивительная нация, с их традицией забивать причинные места в фильмах для взрослых квадратиками. Только у них любовный автомат был оснащен не интерактивным фильмом, а мультфильмом — вот где обнаруживается невиданная сила воображения, вот где, значит, сила другой культурной традиции.

Однако это всего лишь зачин истории о том, что пресловутый чат ЖПТ — вернее, его прообразы — довольно давно присутствовали в быту.

Люди говорили с роботами, и оказалось, что антропоморфизм по мере успехов прогресса не только не уменьшается, но и увеличивается.

И то, что было выдуманно для бытового удобства, становится средством для компенсации городского одиночества.

Цивилизация обслуживает спрос одинокого человека на его маленькое одинокое счастье. Она давно научилась кормить одинокого человека суррогатами. Искусственные части чужих тел вовсе не главные на этой ярмарке. Но даже и неодинокий человек часто замещает реальную жизнь электронной. Довольно много мужчин и женщин проживают целые жизни в Сети: они там знакомятся, заводят романы, ссорятся и мирятся, расстаются и соединяются вновь. И многие из них, опять же, вовсе не стремятся встретиться. Это не только не нужно, но даже вредно для этих отношений. Прикосновения к живому человеческому телу часто разочаровывают, оно неидеально. Прикосновения — это риск.

Человек в быту чрезвычайно непривлекателен — от него остаются волосы в ванной, следы на унитазе, запахи и звуки. Любовь побеждает многое, но ее не хватает на всех городских жителей с их устройствами, большими и малыми.

Поэтому возникает новый тип письма: виртуальная реальность создается не только в играх, с огромными затратами на компьютерную графику и интерактивность, но и в бесконечном текстообмене.

Оттого и японский автомат для самоудовлетворения кажется такой смешной игрушкой. В нем заключена какая-то телесность, то есть материальность. А это уже надежда на то, что человеку нужен реальный мир.

А в новом эпистолярном жанре людям, его практикующим, реальный мир не особенно нужен — выдуманный лучше.

Когда распространились видеомагнитофоны, а преследование порнографии стало вялым, то у некоторой части филологов возникло убеждение, что порнографическая проза (все эти «она ощутила его напряженное естество внутри себя») наконец-то исчезнет. Но нет, оказалось, что воображаемые партнеры были лучше видимых. Все лучшие эмоции возникали в головах, а не в картинках на экране. Реальный мир всегда выходит не таким, как нужно — от «чуть-чуть» до «сильно» не таким. И в Сети возникал бесконечный типовой текст типового общения. Воображаемый мир создавался внутри людей безо всяких наркотиков — вчитыванием в текстообмен. В рамках этого дистанционного обмена не нужно «быть», а нужно «выглядеть», причем нет необходимости ни мыться, ни бриться. Не надо являться — ни стройным, ни мускулистым; интернет дешев, не надо даже минимального благосостояния. Поэтому эпистолярный текст превращается в чистое искусство.

Возможно, что у людей, озабоченных «подлинностью», и возникало от этого желание заползти на кухонную плиту (что правильно называется: «варочная панель») и кончить дело на манер печального австрийского пылесоса, но исследователь может сказать, что это стало своего рода чатом ЖПТ, который создавал не искусственный интеллект, а «естественные интеллекты», только малой мощности.

(жпт-превращение)

Удивление честного обывателя чатом ЖПТ само по себе вызывает удивление. В подобных системах искусственного интеллекта изменилась только цена.

А применительно к литературе волнения общества происходили еще в 1960-х.

Сейчас ЖПТ уже может создавать литературные тексты. Это уже не имитация переписки, о которой шла речь выше, а именно тот текст, который можно судить по литературным законам. Пока, будучи взвешен на эстетических весах, результат признаётся очень легким. Но еще полвека назад, в знаменитой книге «Физики шутят», вышедшей в середине шестидесятых годов, был такой фрагмент:

«Счетную машину RCA-301 научили писать белые стихи.
Словарный запас полупроводникового поэта — 130 слов.
Размер стихов жестко задан.
Начиная очередное стихотворение, вместо названия машина ставит порядковый номер:
“Поэма¹ номер такой-то”, а в конце ставит свою подпись:
“RCA-301”.
Ниже приводится дословный перевод одного из таких стихотворений.

Поэма № 929

Пока слепо плыл сон по разбитым надеждам,
Космос с болью сочился над разбитой любовью,
Был из скрытных людей свет твой медленно изгнан,
Но небо не спало.

RCA-301

По мнению программистов, это произведение очень напоминает стихи современных поэтов Эллиота и Каммингса,² но никто из них не может соревноваться с машиной в производительности.

RCA-301 пишет 150 четверостиший в минуту».³

То есть всё, чему ужасается современный литератор, было описано давным-давно.

Сравнение с «Эллиотом» нужно оставить на совести тех самых шутящих физиков, многих из которых уже нет в живых, но действие развивается в рамках старого анекдота:

¹ Вероятно, публикаторы перевели *poem* (стихотворение) как *поэму*.

² Видимо, имеются в виду американо-британский поэт Томас Стернз Элиот (1888—1965) и американский писатель, поэт и драматург Эдвард Эстлин Каммингс (1894—1962).

³ Физики шутят / Под общей редакцией доктора физ.-мат. наук В. Турчина. М.: Мир, 1966. С. 63.

— Машина никогда не сумеет создать гениальную поэму, роман, симфонию!

— А ты сможешь?

В 1950 году Алан Тьюринг напечатал статью «Computing Machinery and Intelligence», где рассказал об эмпирическом тесте по различению человека и компьютера. Тест потом был назван его именем, многократно использовался писателями-фантастами в своих произведениях и казался чем-то вроде недостижимого доказательства теоремы Ферма. Но теорема Ферма была доказана еще в прошлом веке, а роботы давно научились проходить некоторые версии теста Тьюринга.

Те же писатели-фантасты время от времени становились авторами сюжетов о «Восстании машин». Собственно, если не считать восставшего Голема, оно было описано и в знаменитой пьесе Карла Чапека «Росумские Универсальные Роботы» (R.U.R), напечатанной еще в 1921 году.

Честный обыватель, — как Франкенштейн своего питомца и как жители Праги — глиняного существа, — всегда боялся бунта. Но в случае с машиной, производящей искусственные тексты, происходит настоящая гибель писателя-графомана.

Правда, возникает контраргумент, что машина производит плохие тексты, а одаренный человек — хорошие.

На это можно ответить, что никакого критерия качества, мензуры Зоили, в литературе до сих пор нет; более того: в связи с демократизацией потребления оно попросту невозможно.

Часть литературы отменяет исчезнувший читательский спрос на нее, а часть ее, что создавалась в потогонном режиме авторами любовных романов и типовых детективов, можно вполне заместить машинным сочинением. Парадокс в том, что машинным сочинением можно заменить и современную авангардную литературу.

Честный обыватель уже не в силах отличить искусство от не-искусства. Еще в те же шестидесятые годы бытовали истории о том, что забытую посетителем выставки абстракционистов сумку с едой принимали за экспонат и, наоборот, уборщица уничтожала веником и шваброй художественную композицию.

Так и в современной литературе: записанные в столбик разговоры, наблюдения за пейзажем и собственные ощущения однозначно воспринимаются как поэзия. Длинные тексты тяжелы для чтения, их без особого внимания пробегают глазами, пропускают страницы, а оценка выносится исходя из внешних факторов: биографии автора или его политической позиции.

Именно в это время пришел настоящий чат GPT.

Обыватели, заполучив возможность пообщаться с чатом ЖПТ, стали использовать его как кривое зеркало.

Ему задавали нелепые вопросы или просили пересказывать известные сюжеты из русской литературы.

ЖПТ вел себя в точности как нерадивые школьники в своих сочинениях: он быстро комбинировал остаточные знания, имеющиеся у него в распоряжении, и создавал из них правильные грамматические конструкции. Если не Наташа танцевала на балу со Штирлицем — как прежде, то Муму теперь превращалась в настоящую корову. Начитанные люди хихикали, как посетители Комнаты смеха в старом Парке культуры: «Как может Искусственный Интеллект нас поработить, когда он так комичен и туповат? И уж подавно он не может лишить работы литератора (или всякого, набившего себе руку, сочинителя текстов)».

Но тут честный обыватель попадал в ловушку своих ограниченных знаний. Он имел дело с бесплатной программой, причем русской ее версией, а не английской — куда более продвинутой. Он не понимал, что имеет дело с устаревшими версиями ЖПТ, а новые научились точно объяснять смысл анекдотов. (А юмор — одна из самых сложных вещей в коммуникации: не всякий человек, как мы все понимаем, может его объяснить.) Короче говоря, обыватели напоминали посетителя авиационного музея, издевающегося над обтянутым перкалем бипланом, не замечая стоящего за спиной сверхзвукового бомбардировщика.

Такие программы могут легко лишить работы производителей текстов уже сейчас, а мы знаем, сколько бессмысленных букв — вроде отчетов и дипломов — написано человечеством.

Многие еще помнят старую шутку про тайный абзац в студенческих сочинениях: «В огурцах 98% процентов воды, потому что курсовых работ никто не читает».

Можно подумать, что речь только о плохих стихах и романах.

Это вовсе не так. Конечно, ЖПТ может легко писать верлибры, но у него уже сейчас есть очень важное свойство: он может создавать парадоксальные образы и метафоры. То, что казалось новым и прекрасным в стиле обэриутов, все эти «было время, как сундук» — вполне в силах ЖПТ.

Человек, уповавший на то, что он верит в Бога, или, скажем, рожден для того, чтобы мыслить и страдать, вдруг обнаруживает, что эти свойства не есть безусловное преимущество в создании современных текстов. ЖПТ может написать что-то интереснее, чем средний литератор; ЖПТ обучается стремительно, а литература — только побочный продукт его деятельности.

Юк Хуэй в книге «Рекурсивность и контингентность» пишет: «Хайдеггер, как известно, провозгласил, что кибернетика — конец метафизики (Конец философии и задача мышления). Хайдеггер не только понимал, что основное качество кибернетики — превращение всякой процедуры

в вычисляемый процесс управления (Steuerung), но еще и видел в нем победу (Sieg) нового метода над наукой». ⁴ Счетный процесс побеждает не только науку, но и корпус литературы старого типа, как он побеждает производство ненужных студенческих рефератов, курсовых работ и дипломов, создававшихся по принципу заимствования в доступных источниках.

Первый вывод, который можно сделать из всего этого: бессмысленно винить машинный текст в уничтожении «высокой литературы», ее враг — изменения в самом институте чтения. Институт чтения художественной литературы — как шагреневая кожа: он стремительно сжимается. Люди, что потребляли массовую культуру сто лет назад с помощью букв, становятся зрителями кино или компьютерными игроками. Для них искусственный интеллект будет создавать миллионы фильмов и игр, но это не имеет никакого отношения к литературе.

Второй вывод в том, что количество и объем «вынужденных» текстов (учебных и квалификационных) уменьшится. Причина в том, что их ценность станет минимальной, а значит, уменьшится и спрос. Изменится, а может, просто исчезнет Индекс цитирования, это пугало с магическими правилами и тайными ходами-манипуляциями. Самым интересным индикатором положения машин по производству текстов и изображений в обществе является авторское право. В тот момент, когда начинается движение денег, многое становится понятным. Большая часть людей не склонна к бросанию ассигнаций в камин и всегда ищет своей выгоды. Это приносит рациональное начало в споры о литературе и искусстве вообще.

Поэтому вопрос о том, чем является текстопроизводящая машина, неминуемо будет решен юридически. Кому принадлежат права на машинный текст? Авторам программы? Или оператору, каким-то образом разговарившему машину? Аналог этого парадокса можно пояснить следующим образом: человек, у которого да Винчи купил кисти, предъявляет право на «Мону Лизу», а производитель пишущей машинки Хемингуэя — на «По ком звонит колокол». Или, наоборот, сам оператор (иногда употребляется термин *промт-инженер* — от *prompt engineering*) является служебной функцией, чем-то вроде техника, обслуживающего машину (редактора текста). А машина и есть настоящий автор.

В делах, связанных с деньгами, прецеденты обычно создает суд. Так было в истории с работой «Птица в космосе» (1926) скульптора Константина Бранкузи (1876—1957). Он послал ее из Парижа на нью-йоркскую выставку. «Птица» была не очень похожа на птицу (и вообще похожа непонятно на что), ее записали в раздел «Кухонная утварь» и настаивали

⁴ Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V-A-C press, 2020. С. 123.

на 40 процентах пошлины. Суд заслушал множество экспертов, и «...в конечном итоге суд был убежден, что его определение того, что представляет собой искусство, устарело. Решение судьи Дж. Уэйта гласило: “Тем временем развивается так называемая новая школа искусства, представители которой пытаются изображать абстрактные идеи, а не имитировать природные объекты. Независимо от того, симпатизируем ли мы этим новым идеям и школам, которые их представляют, мы считаем, что факты их существования и их влияние на мир искусства, признанные судами, должны быть рассмотрены”». ⁵ Марсель Дюшан (он был, кстати, куратором выставки, на которую отправлялась скульптура) говорил: «Если я называю это искусством, это искусство; или если я повешу это в музее, это искусство». ⁶

Третий вывод заключается в следующем: можно игнорировать изменения в окружающем мире (несколько знакомых автора, например, ведут переписку в социальных сетях в старой орфографии — с ятями и ерами), а можно — их использовать. Но, судя по всему, успешный писатель и сценарист будущего будет оператором Искусственного Интеллекта. Я застал еще разговоры о том, что настоящая литература должна быть написана от руки, а то, что сделано с помощью пишущей машинки, таит в себе скверну. Потом машинку заместил компьютер с текстовым редактором, и логично поставить в этот ряд ЖПТ-чат, в соавторстве с которым будут писать стихи. Бог знает, что тогда будет называться литературой.

Я надеялся, что всё это будет уже без меня.

Но, кажется, не успел.

⁵ *Клири Мэри Кейт*. «Но разве это искусство?»: Константин Бранкузи против Соединенных Штатов // *Inside/out*. 2014. 24 июля.

⁶ *Dada at MOMA* // *Newsweek*. 1968. April 8. P. 132.

Кто начал — не начинающий!

Первокурсники Литературного института
о «дебютном романе» Екатерины Маноило
«Отец смотрит на запад»

Вступление, подготовка текстов
и комментарии Сергея Дмитренко

Народ Литературного института признателен альманаху «Текст и традиция», который, следуя своей замечательной — и неисчерпаемой — программе: *рассматривать современную русскую литературу в контексте литературной традиции*, — щедро предоставил нам место для профессионального разговора о нашумевшем романе Оксаны Васякиной «Рана».¹ Но, как выяснилось, далеко не всё было обсуждено, далеко не все проблемы обозначены.

Поясню для не читавших или не знающих всех особенностей образования в Литературном институте:

Подробности современного литературного процесса целенаправленно обсуждаются у нас как на творческих занятиях с мастерами, так и на академических семинарах по современной русской литературе. Собственно, и этот обзор подготовлен по итогам работы на таком семинаре.

Но в нашем случае необходимо обратить внимание читателей еще на одно обстоятельство. Основанный девяносто лет тому назад, Литературный институт был изначально задуман как учреждение многонациональное, живущее под лозунгом: *дружба литератур — дружба народов*. Так он и развивался — и продолжает развиваться: поэтому в славном ряду выпускников Литинститута и его Высших литературных курсов — Расул Гамзатов и Давид Кугультинов, Лина Костен-

---

¹ Студенты Литературного института о романе Оксаны Васякиной «Рана» / Вступление, подгот. текстов и сопроводит. комментарии Сергея Дмитренко // Текст и традиция. Т. 10. СПб.: Росток, 2022. С. 267–301.

Художник — Юрий Буга.
Фото на обложке Евы Абаатовой.
Издательство
«Альпина нон-фикшн»

но всё же в сохранении языкового и культурного разнообразия, особенностей уклада и обычаев разных народов — особая сила литературы. Это подтвердил, в частности, наш нынешний книжный проект: в «Библиотеке Дома национальных литератур» мы выпустили антологии современных рассказов — монгольских, якутских, удмуртских... И все книги привлекли внимание нынешнего взыскательного читателя, побудили продолжать и развивать это дело. Сейчас у нас в работе киргизская, кабардинская, узбекская, осетинская, болгарская антологии... Может быть, мы не только откроем русскоязычному читателю, как и чем живут сегодня литературы разных народов, но и восстановим в Литературном институте то разноязыкое творческое пространство, которое привлекательно и плодотворно не только для пишущих по-русски.

Поэтому обрадовало предложение одной из наших студенток обсудить на семинаре по современной русской литературе роман «Отец смотрит на запад».² Хотя и он написан по-русски, его автор, Екатерина Ма-

ко и Геннадий Айги, Чингиз Айтматов и Кайсын Кулиев, Ион Друцэ и Владимир Короткевич, Визма Белшевица и Дондок Улзытуев... Список этот легко длить и длить, прибавляя сюда писателей из разных стран Европы, Азии, Африки...

Вместе с тем, хотя у нас в институте для современного развития литературных взаимосвязей и традиций художественного перевода в 2017 году был создан научно-образовательный и культурно-просветительский центр «Дом национальных литератур», нельзя не отметить удручающую тенденцию времени: несмотря на формальную многонациональность литературно одаренных студентов, поступающих к нам, абсолютное их большинство, даже не забывая своих истоков, пишут на русском языке.

Да, у них есть прекрасный пример Фазиля Искандера, также нашего выпускника (и не он один такой),

² Манойло Е. Отец смотрит на запад: [роман]. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. 272 с.

нойло, также выпускница Литературного института (семинар прозы Павла Басинского), выросла на российско-казахстанском пограничье, и, например, мне, как уроженцу южно-российского Вавилона — Владикавказ, довлеет то, что в прозе Манойло эта шкереберть разнонародных страстей изображается. Такое вот своекорыстие читателя, который, даже если он претендует на профессиональную квалификацию, всё равно стремится быть просто человеком-читателем, и никем еще.

Но в итоге, хотя роман Екатерины Манойло обсуждали на разных курсах, в представляемом письменном варианте у нас сложился разбор, сделанный именно первокурсниками, что тоже хорошо. Проучившись в Литинституте семестр с небольшим, прочитав и обсудив уже немало выдающихся произведений, ставших классикой русской литературы второй половины XX века, молодые люди смогли проверить свои сегодняшние литературно-критические навыки и умения на произведении совсем свежем, горячем, продолжающем находиться в литературном фокусе, тем более что Манойло в 2024 году выпустила свой второй роман — «Ветер уносит мертвые листья».³

Укажем и на следующее. Не только большинство из выступающих здесь — дебютанты в литературной критике. Самой Екатерине Манойло издатели оказали, на мой взгляд, ненужную услугу, заявив в книжной аннотации, что «Отец смотрит на запад» — ее «дебютный роман». Что, на мой взгляд и вкус, жанровой формой не является, а лишь составляет частную подробность индивидуальной творческой биографии.

Тем не менее, и многим участникам обсуждения этот *синдром дебютности* показался значимым... Что в итоге определило и заглавие нашего литературно-критического конгломерата — не слишком оригинальное, но содержательно уместное. Оно пришло из ставшего хрестоматийным четверостишия Самуила Маршака «Начинающему поэту»:

Мой друг, зачем о молодости лет
Ты объявляешь публике читающей?
Тот, кто еще не начал, — не поэт,
А кто уж начал, тот не начинающий!⁴

А мы начнем со своеобразной аннотации к роману «Отец смотрит на запад». Ее предложила **Дарья Дрюченко** (семинар драматургии В. Ю. Малягина).

³ Манойло Е. Ветер уносит мертвые листья: [роман]. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 264 с.

⁴ Маршак С. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1970. Т. 5. С. 502. Впервые опубликовано в «Литературной газете» (1949. 11 мая. № 38), в цикле «Литературные эпиграммы».

Если бы «Джейн Эйр» написал Чак Паланик...

Роман Екатерины Манойло увлекает с первых абзацев: не успеваешь отойти от одного потрясения, как подступает следующее.

Основная тема романа — насилие: домашнее, уличное, арендодательское... Шрам, который оно оставляет на личности, остается на всю жизнь. И автор, Екатерина Манойло, не может переступить через защитные механизмы своей личности, один из которых — высмеивание особенно жестоких событий: они, по словам писательницы, при переносе из жизни в книгу даже были смягчены. Идя в ногу со временем, Екатерина не накладывает на описываемые ситуации фильтры. Речь героев не рафинируется в угоду удобству чтения.

Зримость, яркость образов — вот главные достоинства книги. Какова сцена смерти ребенка, придавленного телевизором, в котором не перестает бесноваться мультяшный дятел! У людей моего поколения в ушах этот смех звучит отчетливо. В детстве мы слышали его каждое субботнее утро по СТС... Бешеная динамика повествования не оставляет ощущения скомканности. В калейдоскопе сцен — поселок, в котором уживаются (и не уживаются) две религии, идейная преподавательница истории КПСС с немецкими корнями Ирина Рудольфовна, назвавшая свою дочь колдовским именем Наина, которое сегодня напоминает скорее о жене Ельцина, а не о героине дебютной пушкинской поэмы, и Маратик, чей голос и вправду кажется ниспосланным свыше, чтобы как-то усостыжить этот критический реализм...

Роман «Отец смотрит на запад» достоин своих премий и внимания читателей.

* * *

Но здесь аннотационный мажор завершается — и включается спокойная аналитика. По мнению Дарьи Дрюченко, «кинематографичности роману не занимать, а вот ненавидимой ВГИКом литературщины недостает. Зато, при желании, это позволит с минимальными усилиями переписать десять глав текста в добротный мини-сериал. В книге можно усмотреть немало общего с нашумевшей вольной экранизацией “Слова пацана” Роберта Гараева, отметим, тоже автобиографичного. Только экранизация “Отца...”, вероятно, вызовет еще больший резонанс, так как с недавних пор о проблемах женщин у нас решили не говорить. А роман Манойло говорит, и говорит громко.

Екатерина еще только ищет свой слог. Некоторые языковые обороты кажутся нелепыми. Порой, в моменты гнетущего ужаса, атмосфера ломается неуместной шуткой. Но у этих недостатков можно обнаружить неожиданный плюс: они заставляют еще острее ощутить реальность событий».

Евгений Жилкин (семинар прозы Андрея Геласимова) также движется в русле рекомендаций для читателей.

Изображая жертву-2

Если бы меня кто-то попросил объяснить, что же такое «современная русская проза», я бы протянул дебютную книгу Екатерины Манойло.

«Отец смотрит на запад» — не великий роман, не века в развитии литературы, но это и хорошо. Именно благодаря некоторой своей посредственности он представляет интерес как отражение состояния литературы, общества, времени.

Женщина-автор, опираясь на порой трогательные, порой пугающие детские воспоминания, рассказывает историю о взаимодействии — культур, полов, членов семьи, людей вообще, реальности и мистики. И в центре всех этих важных нематериальных вещей стоят вещи вполне реальные — квартира и деньги.

Мистическая завязка с гибелью ребенка прерывается бытовым сюжетом о поиске жилья. Магия, эзотерика, духи — всё меркнет перед квартирным вопросом. Именно квартирно-бытовой, — а не мистически-духовный, — вопрос двигает сюжет. Поющий дух брата героини книги пронизывает роман, не только открывая и закрывая его, но и появляясь на протяжении всей истории и влияя на нее.

Но внимание читателя фокусируется на мире главной героини, ее ощущениях. Сюжетные линии духа брата и самой героини идут будто бы параллельно, не пересекаясь, ведь Катя — единственная, кто не слышит пения брата. Дух брата помогает героине, но у меня сложилось ощущение, что вся эта мистическая линия была добавлена для удержания внимания аудитории, и ее наличие обуславливается скорее требованиями книжного рынка, нежели художественной необходимостью.

Описание быта в поселке на границе с Казахстаном у Екатерины Манойло дано очень достоверно, портреты героев, хоть их и немного, выразительны до натуралистичности. Чувствует-

ся, что автор знает, о чем пишет. Жизнь в Москве представлена скудно и, на мой взгляд, невыразительно. Заметно, что писать про столицу автору не так интересно, как и читателю не особо интересно читать про большой город, в котором он, скорее всего, и живет. Вряд ли эта книга будет пользоваться большой популярностью в провинции, учитывая, что тамошние жители предстают в ней в далеко не лучшем свете.

Противопоставления и взаимодействия — столицы и провинции, христианства и ислама, патриархата и свободы — занимают главенствующую роль в тексте. Все эти проблемы даны с двух точек зрения: ребенка и молодой девушки. И, хотя это один и тот же человек, взгляды получаются разными. В детстве Кате нравилась жизнь в глубинке, ведь в Москве она никогда не бывала, была далека от мусульманского или христианского мировоззрения — обе религии ее пугали. А вот побои отца казались нормой. Повзрослев, Катя не то чтобы полюбила Москву, но привыкла к столичному комфорту и возможностям. Вопрос с религией продолжал оставаться для нее сложным из-за матери, но уже не так тяготил; мужчины начали вызывать опасения, а порой — и отвращение.

С мужчинами в романе в целом дело обстоит сложно: положительных персонажей среди них нет, есть только более отвратительные (например, Тулин) и менее отвратительные — например, отец героини. Положительных персонажей всего двое: бабушка главной героини и Айнагуль, жена Тулина, двоюродного брата Кати. Это делает произведение однобоким, а сам мир книги кажется нереалистичным, что странно, ведь в остальном упор в произведении явно сделан на реализм, пусть и магический.

В мир, созданный Екатериной Манойло, то веришь, то нет. Живые описания и бытовые детали добавляют повествованию достоверности и погружают читателя в созданную автором реальность, а почти карикатурные персонажи и некоторая их ограниченность выталкивают из нее. Под ограниченностью я подразумеваю недостаток подробностей об окружении героини — не показаны ее друзья, ее близкие люди, романтические отношения. Известно только о ее детстве и работе. Из-за этого главная героиня воспринимается как болванчик, которому изредка получается сопереживать, но следить за которым неинтересно. Если бы автор показала нам жизнь и быт героини во взрослом возрасте так же ярко, как в детстве, то такого ощущения не возникло бы.

Этот дебютный роман отражает основные тенденции развития современной русской прозы — он актуален, односторонне, трагичен, посредственен. И если бы меня спросили: «Что же такое современная русская проза?», я протянул бы спросившему этот роман.

Лейла Бабаева — студентка семинара очерка и публицистики Фари-та Нагимова. Много читает, серьезно размышляет о прочитанном.

Вот ее отзыв, ставящий своей целью ответить на вопрос: чем интересен и чем неинтересен дебютный роман Екатерины Манойло?

Деталь за деталью, типаж за типажом

Невозможно не заметить: автор отлично знает историю, которую решила рассказать. Все сюжетные линии, связанные с разными героями, грамотно выстроены друг за другом, так что читатель не соскучится от затянутого эпизода и будет понимать, как происходящие в нем события связаны с общей историей.

Вот, например, главная героиня, Катя, оказывается в Большом театре и вспоминает о своей тетке Аманбеке. Вспоминает она о ней совершенно случайно (на тот момент Катя уже давно обжилась на новом месте и с головой погрузилась в новую жизнь): промелькнувшая мысль подсказывает, что апе бы «здесь, в царстве сусального золота и красного бархата, точно понравилось». Этим коротким предложением автор четко показывает, что история с семьей Кати не окончена, не забыта, лишь на время отодвинута.

То же можно сказать и об эпизоде на театральном фестивале. Помимо того, что он очень достоверно передает состояние рассеянности героини (когда внезапная информация заставляет тебя вновь и вновь прокручивать события прошлого, и из-за этого ты не в состоянии выполнять работу в реальности), этот эпизод и сюжетно играет в романе очень важную роль. Здесь впервые тема вины и ответственности приобретает значительный вес и выражается в острой форме; важен тот факт, что это происходит в Москве, далеко от вспоминаемых героиней событий, которые никак напрямую не влияют на ее жизнь в настоящем.

Но перейду к тому, что критиковать совершенно не хотелось бы, а всё же придется, — к персонажам. При этом отмечу, что по национальности я наполовину туркменка, так что многое из

того менталитета, который показывает автор, мне хорошо знакомо. И основной тезис, который я выдвигаю относительно персонажей, таков: это не люди с их переживаниями, а *определенные типы*, за рамки которых ни один из героев не вырывается.

Едва ли не в каждой книге, описывающей эти «грубые нравы Востока», есть типические персонажи: старая женщина, суровая и четко следующая патриархальным устоям, а также ее сынок — негодяй и раздолбай, ничего из себя не представляющий. Всегда есть образ немолодого несчастного трудоголика, вверяющего свою судьбу властной женщине (в данном случае — сестре) и чувствующего себя на обочине жизни. Есть молодая девушка, которой непременно удастся сбежать из этого жуткого мира, но которая так или иначе всегда остается с ним внутренне связана. И этот список можно продолжать.

Всё, что представлено в этом романе, мы где-то уже видели. И само по себе это не плохо, ведь описанные типы действительно характерны для этого менталитета (я, жившая некоторое время в Туркменистане, вдоволь насмотрелась на этих властных женщин, а немолодым несчастным трудоголиком и вовсе является мой отец). Плохо то, что никто из персонажей за заданные его типажом рамки не выходит.

Как получилось, что Катя — в детстве с бабушкой бойкая, смелая девочка — вырастает в запуганное существо, не способное ответить наглому хозяину квартиры? Это никак не объясняется. Просто сюжет иначе не мог бы сложиться. Ведь то, что должно было произойти, могло произойти только с такой повзрослевшей Катей, которую мы видим в книге, но не могло с другой: отважной, хорошо знающей, чего она хочет. И в таких моментах особенно очевидно превалирование сюжета над героями: не герои определяют действие, а заранее прописанное действие — героев (а иначе откуда бы взялся триллер в концовке?). Поэтому и получается, что персонажи, пусть и формально проработанные (мы же знаем предысторию Аманбеке — про то, как муж ее похитил и как оставил одну с сыном, — знаем же!), на протяжении всей книги остаются статичными — или меняются, но не следуя логике своего развития, а просто по воле автора. Единственный персонаж, которому идет эта статичность, придающая его образу особый мистицизм, — это Маратик. Но это и понятно: он мертв. Ему таким быть и полагается.

И всё это особенно печально потому, что порой герои кажутся живыми. Автору удается наделить каждого из них ярки-

КТО НАЧАЛ — НЕ НАЧИНАЮЩИЙ!

ми деталями (будь то жирное пятно на школьной юбке у Кати или тихий плач Серикбая). Читателю без труда удастся представить молодую, мягкую, но осторожную Айнагуль или грязно харкающего Тулина. Но когда за этим пестрым фасадом оказывается пустота (вернее — лишь готовый набор шаблонов и паттернов), становится грустно.

Дмитрий Беликов — староста нашей группы, а занимается он в поэтическом семинаре Виктора Куллэ. Хотя первоначально у нас не было условия, чтобы каждый сделал комплексный разбор романа Екатерины Манойло, большинство явно стремилось увидеть эту книгу не только в обстоятельствах дебюта (акцент, повторюсь, навязанный издательской аннотацией), но и в контексте нынешней отечественной литературы. И под своим углом зрения.

Роман-крик

Иосиф Бродский в своей Нобелевской лекции (1987) обратил внимание на то, что язык, литература — это всегда «сегодня», часто даже «завтра». По его мнению, одна из заслуг изящной словесности состоит в том, что она помогает человеку уточнить время его существования, отличить себя в толпе как предшественников, так и себе подобных — современников, избежать тавтологии, то есть участи стать «жертвой истории». Если придерживаться точки зрения Бродского о том, что литература — это «сегодня», роман Екатерины Манойло — яркий пример литературы «сегодняшней».

В книге довольно четко обозначены контуры национально-го характера, присутствуют казахские бытовые и — шире — мусульманские реалии: например, значение имени «Улбосын» («Да будет сын»). Это важно сегодня, когда многие национальные традиции стираются, народы ассимилируются, включаясь в общий культурный код... «Отец смотрит на запад» — роман, обращающий внимание на проблемы не только казахского мира, но и мира «за МКАДом», в целом же — на проблему женской безопасности. Перед глазами сразу всплывают четыре сцены: разговор Кати с Юрком, когда тот начинает чувствовать над ней физическое превосходство, преступление Тулина против Кати, похищение Айнагуль Тулином, избиение Айнагуль. И всё перечисленное стопроцентно актуально и важно, ибо каждый день в новостной сводке — сообщения о преступлениях против женщин: избиениях, удержании против воли, изнасилованиях,

убийствах. Но нельзя не отметить, что опасность может исходить не только от мужчин: в романе есть Аманбеке — сильная, властолюбивая, деспотичная героиня, для которой жизнь коро-вы Буренки может быть важнее жизни человека.

Роман «Отец смотрит на запад» создан в целом в традициях реализма, но инкрустирован элементами мистики. Образ Маратика — один из сильнейших в произведении. Преодолев нелепую смерть (ее мы видим в начале романа), мальчик превращается в голос совести героев, который становится не только их помощником, но иногда — и песней, которая едва не сводит с ума, а иногда веселит... Именно призрачный голос Маратика помогает Айнагуль в квартире Серикбая, подсказывая ей, где надо искать Катю: таинственно намекает на то, что она похоронена заживо. Особенно трогательно наблюдать за прощанием Маратика с сестрой, которая еще не слышала его потусторонний голос.

Очень интересны в романе «двойники»: Катя и Айнагуль, Юрок и Тулин.

Юрок рисуется в романе как представитель дикого мира «за МКАДом» (общероссийского?), а Тулин — как дикарь в среде казахской. Тулин — настоящий сын своей матери, а порою и хуже. Вспоминаются Простакова и Митрофанушка из «Недоросля», но у Манойло образы страшнее: Тулин слепо подчиняется безумным приказам матери, а Аманбеке практически безразличен сын — ей нужен только внук-наследник.

Катя и Айнагуль — образы надежды. Но их спасение, возможность выбраться из адского круговорота — утопичны. При этом Айнагуль, по сравнению с Катей, более решительна, психологически зрела.

В финале романа происходит сцена, которая допускает разные толкования. Я полагаю, что возникающие миражные стада — предзнаменование или смерти, или сумасшествия героя. Тулин, оказавшись в склепе, встречается с маргиналами-кладоискателями, которые неспроста упоминаются в сцене с запертой на кладбище Катей. Мое видение финала таково: кладоискатели, все-таки сломав замок, оказались внутри склепа, увидели человека (Тулина) в состоянии полусумасшествия и, испугавшись, убили его. Купюры, устилающие «забирающий» героя пол склепа, — символ порочности и цинизма, а оживший Серикбай — символ мести.

Кажется, вместо финала слышится отчаянный крик автора: «Люди! Не причиняйте себе зло, творите любовь!»

Ксения Атнишкина (семинар драматургии Владимира Малягина), как и положено будущему драматургу, сосредоточилась на характерах и конфликте в романе.

Снимая розовые очки

«Отец смотрит на запад» — это не книга о папе-оппозиционере. Это книга о семье и о слиянии культур, о силе ненависти и любви, о смерти и застывшем времени.

Мотив смерти пронизывает весь текст — он начинается проводами по несчастной случайности погибшего Маратика и заканчивается галлюциногенным уходом Тулина. И само название романа обусловлено мусульманским обычаем хоронить людей головой на запад, что открывается неискушенному читателю в эпизоде похорон Серикбая — отца Кати.

Книгу можно разделить на три части: Катино детство в поселке на границе с Казахстаном, ее подростковая жизнь с бабушкой в Москве и возвращение в поселок после смерти отца. Самой «живой», яркой частью мне кажется первая. «Живой» ставлю в кавычки, потому что смерть ребенка не должна ввязаться с живостью, но и смертью это не назвать: лейтмотивные отзвуки случившегося влияют на фабулу, и так Маратик остается самым живым персонажем книги. Причем песни Маратика пронизывающим гулом звучат в романе с неопределенной периодичностью; читатель только-только забывает ребячий голос с поселочной реверберацией, и именно в этот момент призрачное завывание настагает его вновь. Содержание будто сереет, сквернеет и с приближением к концу срывается на крик.

Катина жизнь никогда не была легкой. Ее можно назвать желанным ребенком, но нежеланной дочерью, так как все ждали сына. «Улбосын» («да будет сын») — так называли девочку вплоть до рождения Маратика. Тетка Кати Аманбеке продолжала обращаться к ней так и после. Ее сын Тулин любил дразнить сестру по-своему: «Катюха, закинь соплю за ухо!» Этой детской обзывалки ему оказалось недостаточно в школьные времена — таким же образом он обратился к ней, увидев в поселке впервые за много лет после ее побега с бабушкой. Члены Катиной семьи кажутся более яркими, чем сама героиня — по крайней мере, такие чувства испытала я. Сама Екатерина Манойло в одном из интервью назвала свою героиню рисунком, созданным простым карандашом, по которому прошлись

ластиком, — таким же образом Катя подстерта разными культурами. Эта метафора кажется мне весьма удачно передающей образ героини.

Замечателен контраст между теми, кому пришлось «подстереться» совмещением культур, и прочими, например, Аманбеке и Тулином — разве их как-то коснулось нравственное развитие? Едва ли. Эта семья особенно поражает своей мерзостью, и в ней они абсолютно стабильны, чего не скажешь об остальных героях. У Наины муж — мусульманин, а после смерти Маратика она окончательно приходит к Богу и сбегает в монастырь. Серикбай после брака с православной и смерти сына спивается. Катя сомневается в вере — однажды хочет пойти помолиться в московский храм, но не решается. Ее воспоминания о маленьком поселочном вагончике, заменявшем храм, будто бы мешают. Ирочка, преподававшая историю КПСС, была помешана на советской идеологии, не признавала церковь, но никогда не спорила об этом вслух — ни разу она не предстает перед читателем сколь-нибудь сломленной. Этим рассуждением я не пытаюсь заявить, что твердые в своей вере люди не ломаются, но такая тенденция кажется мне важной.

Теперь о семье Кати по линии отца, ибо именно эти ее родственники вызывают наибольшие эмоции. Манойло мастерски вызывает ненависть к героям. Тулин в моем рейтинге самых мерзких мужчин в литературе решительно занимает первое место. Аманбеке более человечна — ее проявления любви как-то смягчают восприятие. Однако же любовь к забитой Буренке, затмевающая любовь к умершему брату, — весьма спорный выбор. Звенящая жестокость кипит в этих людях, отдавая запахом бурлящего тухлого мяса. Стилистически устойчивые описания Тулина, слабо похожего на человека, всегда отсылают к животным в самой неприятной коннотации — убой, жир, сырое мясо. Одной из самых тяжелых сцен романа является акт сексуального насилия, которому подвергается Катя. Никак нельзя оправдать и то, что брат запирает сестру в склепе с мертвым отцом, обрекая ее на смерть. Однако финал подготовил такой конец жизни для него самого.

Смерть не дает надежду. Ни смерть Маратика, ни смерть Серикбая, ни смерть Тулина. К последней, тем не менее, есть вопросы.

Умер ли он еще в машине — и обглоданные коровы были помертвонной галлюцинацией? Добрался ли он до кладбища — и помертвонные галлюцинации случились уже в склепе? Умер ли он

КТО НАЧАЛ — НЕ НАЧИНАЮЩИЙ!

вообще, или загробная жизнь поселка — это параллельная все-ленная, мистически проникающая в мир живых?

Ответы на эти вопросы у каждого свои. Я полагаю, что Тулин погиб так же, как его отец — в «жигулях», в состоянии аффекта не справившись с управлением. Однако мистику призрачных появлений Маратика этим не объяснить. Возможно, этому и не нужно искать объяснения. Песни Маратика — замечательное проявление местной легенды, какие есть в любых небольших населенных пунктах. Только Маратик в книге — больше, чем легенда.

Финал романа оставляет немного надежды только для Кати и Айнагуль с сыном. Однако и там страха больше, чем надежды. Неизвестно, какая жизнь ожидает трех этих героев. Есть ощущение, что дух поселка не покинет их никогда — а Катю Абатову точно.

В отзыве Софьи Бард (семинар прозы Андрея Геласимова) подробно разобран центральный образ — главной героини романа Кати. Если, разумеется, именно его считать главным.

Станет ли Улбосын Катей?

Изначально Кате дают имя Улбосын, что можно перевести как «пусть будет сын». Этим именем ее и называют в казахской семье, поскольку она родилась тогда, когда все ждали мальчика, наследника. А родившись Катей, она стала лишь ненужным «пробным» ребенком перед братом. Молитва «пусть будет сын» теряет свой смысл со смертью Маратика. Теряет его и Катя в глазах родителей и тетки. Отец спустя годы, перед кончиной, поймает себя на страшной мысли: он, возможно, никогда не любил свою дочь.

Родители в романе не получают прощения героини. Отец умирает до того, как успел что-то сделать, до того, как позвонил Кате или оставил ей наследство. Он помогает дочери уже потом — самым фактом своей смерти, сделавшим возможным приобретение дома. Мать своим уходом — тоже, постфактум, когда, став матушкой Агафьей, отказывается от прав на наследство.

Героиня с малых лет называет себя Катей — она изначально отделилась от семьи, она там белая ворона.

Роман начинается с похорон трехлетнего Маратика, который так или иначе будет появляться в повествовании на всём его протяжении. Для Кати он станет важным детским воспоминанием и, что важно, спасением в финале.

Его смертью всё начинается — и его метафизическим уходом завершается. Он — совесть Кати. Он — ребенок, чья смерть повлияла на жизнь отдельной семьи и всего поселка.

Из чужого, враждебного мира Катю спасает бабушка по материнской линии, Ирочка. Именно она берет к себе, в замосковский мир, ненужного ребенка (ни отец, ни тетушка не возражают), передевает в чистое, устраивает в хорошую школу, воспитывает в любви и внимании.

В жизни Кати наступает новый период: оказывается, что у нее есть природный талант — тонкий слух. Бабушка замечает это и помогает девочке с увлечением: покупает технику, ведет на спектакль...

Катя, прошедшая через буллинг казахской школы, расцветает и находит друзей. Она преображается, как цветок, которому наконец-то дали подкормку, — пока в третьей части мы не знакомимся с ней взрослой.

Взрослая Катя живет в унынии, тоске. В маленькой комнатухе у Юрка, упивающегося властью над слабыми. Комната наводит ощущение тяжести и страха: Юрок — не как арендодатель, а как коллектор — заходит «выбить деньги», разглагольствует об оплате «натурой»... Именно этот инцидент наконец заставляет Катю искать риелтора для продажи дома Ирочки, а после известия о смерти отца — приехать на родину. И тут она теряет читательскую симпатию: исчезает образ сильной, растущей в любви девочки, возвращается слабая Катя из детства...

Члены семьи здесь готовы вцепиться друг другу в глотки, теряя всякую человечность. На какой-то момент теряет ее и Катя. Когда ее спасает союзница по несчастью Айнагуль, Катя думает, куда ей привести девушку с грудным ребенком и не будут ли они обузой. Катя словно становится теткой Анамбеке — пока впервые не видит умершего Маратика и не начинает убивать в себе своекорысть и равнодушие.

Анамбеке и Тулин напоминают персонажей черно-комедийных «Паразитов» Пон Джун Хо: они, как падальщики и одновременно стервятники, рушат вокруг себя всё живое и хоть сколько-нибудь ценное. Люди, даже близкие, для них — лишь мешок с деньгами и ресурсами, друзья — возможность скинуть на кого-то свои проблемы или попытаться добиться признания

и общественного уважения. Но если паразитов Джун Хо можно понять и отчасти полюбить, то в версии Манойло этого не происходит. В ней нет злого противника для Анамбеке и Тулина: они действуют исключительно против безответных, слабых, никого не угнетающих и не способных на это людей, нападают даже друг на друга, чего в азиатском оscarоносном фильме не происходило: паразиты всегда были друг за друга горой. Правда, и жанровые формы у произведений разные.

Из женских персонажей выделяю Айнагуль. Это сильный, динамично развивающийся феминистический персонаж. Именно она, а не Катя, вызывает чувство приязни и сопричастности. Айнагуль, за которую никогда не вступались родители, Айнагуль, пережившая изнасилования и вынужденный брак с омерзительным ей человеком, терпящая власть свекрови, побои и унижения, просто не зная, что можно жить по-другому, — именно она дает отпор старой жизни и всем, кто мешает ей идти к своему идеалу. Айнагуль, а не Катя, решается на отчаянный поступок с младенцем на руках, крадет деньги, спасает малознакомую женщину и сбегает из города в неизвестность...

Но, к сожалению, в романе есть и статичные образы, которые не выходят за «установленные рамки». Черты нелогичности очевидны и в развитии характера Кати, что, возможно, объясняется приоритетом сюжета — автор подгоняет под него обстоятельства и чувства героев. Екатерина Манойло выставляет героиню жертвой там, где она не должна была ею быть, — для того, чтобы привести к необходимому финалу. Это оборачивается потерей важной для литературы неоднозначности. Восточный колорит в романе подан односторонне. Катя остается посреди двух культур, где-то между ними. Все теплые воспоминания связаны исключительно с Маратиком, чье лицо постепенно стирается из памяти девочки.

Сцена со склепом отдает балабановским реализмом — мерзкая реальность смешивается с фантастикой... История заканчивается смертью мужчины, гибелью зла, но торжества феминизма не получается — хотя бы потому, что главную героиню спасает умерший брат, рассказавший о случившемся Айнагуль, и отец, оставивший после себя деньги, а не она сама.

И всё же литературную смелость Екатерины Манойло нужно оценить: она пишет ярко и откровенно, задевает те темы, которые давно пора задеть. Одни герои вызывают приступы злости, за других переживаешь, кусая пальцы и в спешке перелистывая страницы.

Дарья Грибовская (семинар драматургии Владимира Малягина), прекрасно зная, что суть литературы — в рассказывании историй, про-веряет, как это, с ее точки зрения, получилось у Екатерины Манойло.

Гомункул по рецептам магического реализма

Екатерина Манойло не скрывает, что пренебрегает услугами специалистов психологического фронта, а использует в качестве психотерапии литературное творчество. И это хорошо. Но, как и во многих других дебютных работах, в романе можно заметить излишне прямолинейные приемы — например, зеркальность и парность персонажей книги. А учитывая, что сам роман является лоскутным одеялом из биографических и выдуманных историй, можно предположить и качество применения приема.

Автором двигало, конечно же, желание рассказать историю — отчасти свою, отчасти нашу общую. А получился не то феминистический роман, не то роман об отношениях отцов и детей, не то история, исследующая все виды насилия, не то всё вместе. Хотелось бы сказать, что симбиоз оказался успешным, но гомункул (или химера, кому как удобно) не даст о себе забыть, показываясь в каждой главе с новой стороны.

Роман начинается с Запада и отца, а нас с головой окунают в национальный колорит. Катя — дочь русской женщины Наины и казаха-дальнобойщика Серикбая... Похороны Маратика, младшего брата Кати... Он, этот колорит, будет с нами до самого конца: в описаниях украшений, будь то кольцо с красной яшмой Наины или серьги-полумесяцы Аманбеке, ткани, одежда или просто быт: приготовления к застольям, разделка бараньей головы на свадьбе, рассаживание гостей, калым, школьные будни, жирные пятна на одежде, засаленные волосы... Всего будет сполна. Даже «налипшие ошметки» на абрикосовых косточках не ускользнут от взгляда автора.

Детальность происходящего, его кинематографичность рождает неприятное ощущение, что смотришь нарезку сцен, которую режиссер-дебютант смело, не без юношеского задора, называет фильмом. Но Екатерине Манойло уже по возрасту пора понимать: сюжеты и сцены в романе не может связывать только магический реализм в лице Маратика.

Начиная с его похорон, призрак мальчика *терроризирует* весь поселок, оставляя без внимания до поры до времени лишь

Катю. И ладно бы, если бы несчастного мальчика слышали лишь его родственники, так нет: ради его явления вводятся не только новые персонажи, но и конструируются ситуации, которые потом никак ни на что не влияют. И этот «костыль» будет сопровождать нас на протяжении всей книги.

Да, книга читается легко, быстро, не давая заскучать. Перенос действия из одной камерной сцены в другую не позволяет читателю выбиться из ритма, но отсутствие переходных эпизодов лишает роман воздуха и пространства для маневра читательской фантазии. Создается ощущение, что всё рассчитано строго по секундам, и остановки на отдых не предусмотрены...

Особую любовь автор питает к туалетным историям. Здесь и внезапные порывы Кати в монастыре, и рассуждения Аманбеке о том, что подумает будущий свекор об их туалете, и маленькая ложь внебрачных детей Тулина.

Но всё это частности. А с чем же остается читатель, когда закрывает книгу?

Не знаю, специально ли Екатерина Манойло вкладывала это в подтекст или так вышло случайно, но первая мысль по прочтении звучала примерно так: «Почему?»

Почему все восточного происхождения персонажи — отталкивающие? Почему Марина, жительница казахстанского поселка, вроде бы мусульманка с *русским* именем, сначала представленная не с лучшей стороны, да и впоследствии не ставшая ни для кого примером праведности, оказалась чуть ли не самым выпуклым персонажем? Проскользив по страницам книги легким, хоть и дурно пахнущим ветерком, Марина маячит в форточке и исчезает, но здесь не стоит винить автора, ведь это просто книга кончилась, оставляя персонажей смотреть куда угодно.

Отсюда и вопрос: была ли некая национальная предубежденность осознанной задумкой автора — или вытекла произвольно из его личного отношения к действительности? Почему практически все нерусские в романе — плохие?

Хотя есть и переходные *фигуры*, которые принадлежат и западному, и казахстанскому миру: Катя, Айнагуль. Одна — полукровка по рождению, другая — выделяется на фоне остальных.

Катя сначала подвергается моральному насилию со стороны тетки (отказ на право имени: девочку называют *Улбосын* — «Да будет сын»), потом физическому — со стороны отца. Казалось бы, лучом света в этом темном царстве должна быть Наина — мать Кати, но она тоже совершает насилие — отказывает доче-

ри в праве существования, делая ее в собственных глазах незначимой фигурой, тенью, выбирая даже не Бога, а видимость приверженности к религии, заменяя себе ею и семью, и любовь, и всё на свете. Хотя потом нам открывается, что к истинной вере Наина пришла намного позже.

И всё это длится-длится-длится, пока на пороге не появляется Ирина, выхватывая Катю из общества, которое ее не любит, не ценит, и заботливо переносит в тепличные условия профессорской дачи и «русского мира», где пытается исправить ошибки прошлого, окружая Катю вниманием и любовью.

Здесь автор тоже, видимо, хотел заложить конфликт отцов и детей, выстроив нехитрую цепочку Ирина — Наина — Катя, но как-то неудачно, слишком просто: бабушка (Ирина) переносит свои материнские чувства на внучку, которую до этого особо и не знала. Если здесь предполагался паттерн искупления грехов прошлого, когда Ирина ведет себя совершенно иначе с Катей, чем когда-то с Наиной, то прием был реализован неудачно. Уходя со сцены, и Ирина, и Наина становятся в ряд плоских персонажей, как костяшки домино, ожидая, когда они снова понадобятся на засаленном игровом столе.

Ситуация с Айнагуль иная: в противовес Кате, ее вырвали из уютного родительского дома, хотя она тоже прошла через отречение родителей, чтобы потом оказаться в руках Тулина и Аманбеке. Но первый шаг к «падению» Айнагуль сделала сама — вступив в связь с рабочим. И опять-таки: можно ли рассматривать этот шаг как грехопадение? Айнагуль сама виновата в последующем? Или она — единственный взрослый в комнате, который действует? Айнагуль не ждет спасителя для себя и сына, не ждет поддержки общества или семьи; она приняла тот факт, что они с Асхатиком — сами за себя, и только после этого спасла Катю.

Существенный недостаток книги — однобокость повествования, плоскость персонажей. Так, единственное положительное качество Тулина — приятный голос. Само по себе это не добавляет выпуклости герою и как будто бы существует только для того, чтобы автор мог постоянно заставлять читателя удивляться тому, как у такого быкообразного персонажа мог быть такой приятный голос.

Аманбеке заботится лишь о себе — и изредка о Тулине. Она не просто жаждет власти: она ее захватывает с первых страниц книги, заявляя о себе не только как о старшей женщине в семье, но и хозяйке.

Айнагуль — «пришлая» девушка из совсем другого мира, поставленная в неудобные обстоятельства, но, насколько она положительная, тоже сложно судить. Ее затащили в мир казахстанского поселка на границе насильно; она и внешне отличается от *местных* — светлые глаза и кожа. Сначала героиня, поддавшись «любви», беременеет вне брака (что плохо по предлагаемым условиям), а потом без угрызений совести ворует заначку у *новой* семьи.

Да, она спасла Катю из склепа, но мотивом был ее собственный побег, причем удачный, ведь от московской фифы можно и пользу получить. И лишь Маратик-костыль дает девушке пинка при спасении Кати, и всё складывается успешно. Хочется верить.

А учительница Кати в деревенской школе! — воскликнет внимательный читатель. Но та, появившись на пороге, рассеивается как туман, не оставив после себя и следа.

Таким образом перед нами предстает стереотипное представление о людях Востока — хитрых, порою лживых, ищущих везде наживу...

Люди Запада — более разнообразны: представлены и алчущим выгоды риелтором, и правильной бабушкой, и охранниками, и даже богемой мелкого пошиба.

Но вернемся к зеркальным образам.

Мужчины в романе, вне зависимости от национальности, фактически лишены положительных черт.

Что Юрок, что Тулин, являясь отражением друг друга, хотя и пользоваться чем угодно, только бы не искать честный заработок. А еще любят женщин. Тулину «повезло» сильнее, и с помощью алкоголя две девушки согласились с ним переспать. Юрок же предпочитает заливать в себя, чем и подталкивает Катю к действию.

Персонажа по имени Канарейка можно расценить как отражение Серикбая: он — взрослый мужчина, отец. Строг, имеет любимиц, и здесь уже Кате повезло чуть больше — Канарейка полюбил девочку.

Аманбеке — злая мачеха, не признающая своей неправоты; ей на смену приходит раскаявшаяся Ирина Рудольфовна.

Маратик / Асхатик — не просто отражения: они будто бы одно целое, даже обращения к ним в книге рифмуются.

Русские персонажи в целом просто нейтральны, если не положительны. И в этом созвездии выделяется Полина, которая по-детски непосредственно обвиняет Катю в смерти Маратика...

КТО НАЧАЛ — НЕ НАЧИНАЮЩИЙ!

Но дальше эта сюжетная линия никуда не идет и ни во что не выливается, кроме испуга самой Полины на сцене.

Таким образом, мы имеем роман с выраженной самотерапией, чернухой и поиском ответов на вопросы (что не обязательно предполагает ответы), немного удивляющий читателей тем, что за чередой грязных и засаленных корпе — лоскутных одеял — в нем притаился квартирный вопрос, который испортил уже не москвичей.

Поначалу кажется, что у Дарьи Беловой (семинар прозы Михаила Попова) иной, нежели у ее тезки, взгляд на роман. Но вчитаемся...

Фемицид

Роман Екатерины Манойло можно описать одним словом, которое не требует представлений: фемицид. Это центральная тема книги, которая проявляется как в деталях (например, когда во время похорон Маратика на кладбище по традиции должны идти только мужчины, или в сожалении Наины о вынужденном материнстве), так и в прямых действиях — краже Айнагуль или избиении изнасилованной дочери. Конечно, есть здесь и другие темы: вечный конфликт отцов и детей, бытовые конфликты, вопросы веры, социализации, родительства, мечты и реальности. Но они находятся сбоку: главная тема одна — подавление свободы женщин. И кому-то этот негатив очень не нравится.

Сложно сказать, на чем сконцентрирован «Отец...». С одной стороны, у нас есть главная героиня Катя, которая находится в пограничном состоянии, буквально между двумя мирами — «казахстанским» со стороны отца и «русским» со стороны матери. Мы видим ее рождение, отсутствие детства после появления брата, сравнение жизни в поселке и в подмосковном городке, возвращение на родину и последний отъезд. А что после — нам не известно, у истории открытый финал.

Но есть еще призрак брата Кати, Маратик, который изредка появляется, приводит всех в замешательство и пропадает. О значимости этого образа свидетельствует тот факт, что с прощания с мертвым ребенком книга начинается — и его прощанием с сестрой она оканчивается. При этом нельзя сказать точно: существует ли потусторонний Маратик (а также Серикбай), или это массовое помешательство суеверных жителей поселка, ибо ничего невозможного мертвые не делают. Неживой сын мог

быть предсмертным бредом Серикбая, а сам он таким же образом мог появиться перед Тулином, когда тот, пьяный, уронил на себя при замахе свой тяжелый молот. К тому же люди вне поселка никаких призраков не слышат и не видят; как и набожная Наина, мама Кати, которая верит только в Бога.

Несмотря на это, никто из героев не стал для меня интересен. Они не вызывают во мне особых чувств: ни положительных, ни отрицательных. Книга, как и положено, рождает эмоции, но делает она это не за счет героев, а через описание ситуаций, приводящих читателя к осознанию реальных проблем. При чтении этого романа я постоянно испытывала два чувства, попеременно сменяющих друг друга: злость и безысходность. Потому что у нас есть проблема, но нет ее решения. Зато дано объяснение, почему она всё еще существует.

И всё же я слукавила, сказав, что книга вызвала во мне всего две эмоции. Еще мне было страшно: страшно, что в качестве контраста «патриархальному казахстанскому миру» будет показан «современный московский мир». И как же я была рада, когда на пороге квартиры повзрослевшей Кати появился Юрий, арендодатель, и стало ясно, что даже во вроде бы светском мире всё еще присутствует патриархат. В бумажной версии книги напротив фрагмента с описанием того, как Серикбай расстроен рождением дочери, у меня есть пометка неровным почерком: «Самое страшное в этой книге то, что ошибочно можно поверить, как будто так только в Азии. Но это наша реальность, всех. Мизогиния есть везде». Тогда я еще не знала ни об уходе отца за Маратиком, ни о Юрии, ни об издевательствах Аманбеке. Наиболее яркое осознание проблемы пришло ко мне именно с последней героиней. Моей любимой в этой истории. Это может показаться неожиданным, но, на мой взгляд, она является самым раскрытым и психологически выверенным персонажем романа, поэтому остановлюсь на ней подробнее.

Сестра Серикбая является концентрированным продуктом среды, в которой она выросла и которую она защищает. По сути, именно сравнение Аманбеке и Кати определяет проблематику книги. Если бы Катю не забрала в светскую Москву бабушка, то девочка выросла бы в полноценную Улбосын. Оправдала бы то самое имя, которым ее наградила Аманбеке. Это показывает маленький эпизод, из которого мы узнаем, что сестра Серикбая была обычной девчонкой, которая бегала с мальчишками и веселилась, пока ее не поставили у плиты. Принятие патриархальной системы не было ее осознанным ре-

КТО НАЧАЛ — НЕ НАЧИНАЮЩИЙ!

шением: она завидовала брату, который продолжал быть ребенком, свободным человеком, в то время как его сестра становилась рабыней. Став взрослой и приняв свою судьбу, Аманбеке принимает и традиционный строй, не борясь с ним и навязывая тот же путь своему сыну и племяннице, тем самым продолжая круговорот истории. И если Катя сбежала из этого мира, то Тулин и его дочери — а также внуки и правнуки — будут и дальше продолжать архаическую традицию, пока не найдется кто-то, кто это прекратит.

Я люблю грязный реализм, даже если в его сторону бросают косые взгляды: «Зачем о таком писать? Зачем о таком читать?» Подобные книги читать необходимо. Ибо позиция «надо писать про что-то хорошее» приводит к замалчиванию проблем, которые поднимают «грязные» произведения. Но проблемы продолжают существовать, пока не разрастутся до таких размеров, что...

*Наверное, потому что **Илона Дячина** — также из семинара драматургии (руководитель Владимир Малягин), она решает проверить характер Улбосын-Кати испытанным критерием Станиславского.*

Жизнь, предложенная герою

Роман Екатерины Манойло — инструкция по выживанию для девушек.

Когда я читала его, мне было и страшно, и больно, и грустно — за этих несчастных, выросших в иной культуре людей. Но вправе ли я так отзываться о мире, с которым никогда не сталкивалась? Вправе ли мы представлять этот мир только как злое, гиблое место, полное семейных дрязг, где менталитет становится не фоном, а навязчивой идеей давно прогнившего общества?

Вернемся к моему «страшно», после которого не осталось послевкусия. Для меня роман Манойло стал очередным напоминанием, что живем мы в небезопасном мире, полном ужасов и страха, — и доверять людям нельзя.

Возможно, доверять я могу только голосу мертвого ребенка. Он станет моим спутником, совестью, расскажет о том, как справиться с тяжелейшими трудностями. Но не более.

Предают все — мать, близкие, в особенности мужчины, предаст, видимо, и сама Катя. Открытый финал наводит только на такие мысли.

И пусть все герои здесь так или иначе типизированы, обходятся без развития или деградируют, подобно Кате, поговорим подробнее о заявленной «инструкции».

И здесь я обойдусь без капли иронии — инструкция отличная! Только похожа она не на художественное произведение, а на сводку новостей, после которой волей-неволей задумываешься о собственной безопасности.

Такие, как Тулин, будут рядом всегда и настигнуть могут где угодно. Береги себя и держись от них подальше. Катя не соблюдает этих инструкций. Она жертва в этой ситуации, ей не положено поступать правильно или неправильно. Мы можем только напомнить себе о том, как обезопаситься.

И пусть некоторые меры не дадут нам абсолютных гарантий, в какой-то момент они могут сберечь жизнь.

Здесь характерен пример Айнагуль — сильной героини, способной на рискованные, выходящие далеко за рамки воспитания и традиций поступки.

В этом контексте кажется, что все персонажи романа важны не сами по себе, а служат течению истории. Катя, которая вернулась в свою детскую травму, конечно, может вновь принять на себя роль молчаливого ребенка. Но откуда смелость взялась у Айнагуль? Может быть, ее собственный ребенок, деньги или что-то еще повлияло на ее решимость в этот момент? Складывается недоброе ощущение, что, в соответствии с задачами триллера, автору понадобилось, чтобы Катя была безвольной, а ее сноха Айнагуль — внезапно сильной, изменяющей мир вокруг себя. Хотя для девушек из патриархального общества, как мы знаем, это не так-то просто. И дело не только в деньгах.

Другой важнейший элемент инструкции — призыв к действию. Действуй, иногда прислушивайся к внутреннему голосу — и, возможно, выберешься из семьи, которая выкрала тебя из собственного дома.

К вопросу о послевкусии. Я не вижу здесь экстраординарного характера, не вижу жизни. Создается впечатление, что «жизнь» в романе авторитарно навязана Кате: специально создана история со «звукорежиссурой», с ее коллегами, о которых как будто вспомнили в последний момент. Всё это можно много и долго оправдывать детской травмой героини, но на самом деле Катя будто бы существует только для того, чтобы вокруг нее происходили события. И я, как читатель, это хорошо чувствую.

Среди отзывов на роман Екатерины Манойло было немало лаконичных. Но и в них были обозначены такие черты произведения, которые оказались для этих читателей, возможно, важнее, чем это предусматривалось автором.

Анастасия Ершова

(семинар прозы Андрея Геласимова)

Смерть как причина жить

Подробности в произведении доведены до осязательности.

Читатель не может не верить в достоверность происходящего.

Вырвавшись из плена насилия и непосильного гнета, Катя проводит остаток детства под заботливым крылом бабушки. Она больше не Улбосын — она человек со своими желаниями, новыми интересами, талантами. Но и прошлое не забыто.

Помогает новое несчастье, ибо подобное лечится подобным: страх и отвращение к хозяину съемной квартиры сбивают Катю с ее инертной траектории.

Катя возвращается на родину, а Екатерина Манойло меняет жанровую форму своего романа: острая социальная драма превращается в приключенческий триллер. Карусель событий. Мать-одиночка решает украсть деньги. Катя попадает в ловушку. Тулин умирает животной смертью. Маратик, спасая сестру, находит упокоение.

Эта книга — о смерти. Которая иногда является причиной, чтобы жить.

* * *

Милена Закирова

(семинар драматургии Владимира Малягина)

Больно!

Быть женщиной — величайшее испытание. Бытие в мире, который ненавидит тебя по факту рождения, не может не быть испытанием. Ни один мужчина не узнает, каково с первого дня жизни быть мишенью для тех, кто до сих пор руководствуется когда-то давно сложившимися представлениями о «слабом» и «неслабом» поле в этой невнятной жизненной иерархии. Поэтому возможность (а я бы скорее сказала — честь) рассказать о страданиях и порой непреодолимых тяготах женской жизни нельзя доверять мужчине, пусть он и великий писатель. Нет,

КТО НАЧАЛ — НЕ НАЧИНАЮЩИЙ!

о таких вещах может писать лишь женщина. Это не сексизм с обратным знаком, даже если таковым и кажется.

История о тяжелой женской доле, о столкновении культур, о смерти, о жизни, о совести и боли — и всё это поместилось чуть больше чем на двухстах страницах. Столько конфликтов, характеров, перипетий, переплетений и разрушений судеб — в тонкой книжонке.

Стиль авторки прост и доступен для понимания, как просто и доступно перемолотое тысячами грохочущих машин пюре из кролика, брокколи и моркови для беззубого малыша. Еще Аристотель говорил, что всё написанное должно быть «удобочитаемо и удобопроизносимо». Читатель всегда поймет заинтересовавший его текст.

Предполагаемая цель достигнута: книга действительно делает больно. Больно не только из-за подробнейше-детальнейших описаний и иллюстраций происходящего, но и из-за ощущения гнетущей безысходности. Безысходности от того, что в современном мире первую в семье дочь могут назвать именем, значащим, что следующим будет сын. От того, что абьюз в семье становится обыденностью. От осознания того, что те, кому следовало бы обратиться за психологической помощью, создают семьи и плодят будущих пациентов психиатрического диспансера. От осознания того, что женщина, выросшая в условиях страха и ненависти, будет вынуждена блуждать в поисках счастья, словно слепой, потерявший свою трость где-то в начале лабиринта. От того, что женщине придется рассчитывать лишь на себя, потому что доверять кому-либо она никогда не сможет. От того, что далеко не всё описанное в книге является вымыслом.

* * *

Софья Гриценко

(поэтический семинар Виктора Куллэ)

Реальность страшнее мистики

Наше отношение к Кате не может быть однозначным. С одной стороны, перед нами трагическая судьба, и травмирующее прошлое вполне может оправдать героиню; с другой — с определенного момента мы видим, что ее поступками руководит личная выгода и иррациональность. Хотя автор говорит о том, что не относит свой роман к жанру автофикшн, читателя не оставляет мысль, что Екатерина Манойло, поместив собственное пережитое в вымышленные декорации, раскрыла его перед

КТО НАЧАЛ — НЕ НАЧИНАЮЩИЙ!

читателем, вынесла наружу то, что многие предпочитают хранить внутри.

Финал романа имеет особое значение: всё написанное ранее — это попытки разъяснить высказанную в конце мысль. Мы возвращаемся к началу истории. Маратик для главной героини — не столько брат, сколько голос совести. Нам всем нужна путеводная звезда, нужны некие знаки, указывающие на правильность или неправильность выбранной дороги. Так к героям романа приходит голос трагически погибшего трехлетнего ребенка: ангельское пение малыша придает услышанным и повторенным им словам детскую невинность, тем самым пугая жителей поселка, но и даруя им возможность услышать самих себя. Люди боятся не столько галлюцинации — они боятся голоса правды, к которому готов далеко не каждый.

* * *

Изабелла Буровицкая

(семинар прозы Михаила Попова)

Катарсис новогодья

Контрастно ярким пятном этой истории, погрязшей в вязком чувстве страха, стал мотив Нового года. Правильнее сказать: нитью, лентой — обрывочной, изрешеченной дыроколом времени.

Новый год — это праздник, наполненный светом. Воспоминания о нем накрывают волной мягкого домашнего спокойствия, ну, или праздничного переполоха, суеты с чувством — исключительно приятной — тревоги.

На протяжении всего повествования в сознании главной героини всплывают воспоминания. Прошлое для Кати — это мрачное время непрерывной борьбы, наполняющей жилы уже взрослого человека ужасом. И здесь происходит выход в две плоскости: ту, что никогда не была зоной комфорта, но преобразалась к главному семейному празднику, и ту, что стала настоящим домом — плоскостью, где главенствует бабушка Ирина.

И там, и там — тусклая, но незатухающая, еле теплящаяся искра любви, остающейся навсегда там, куда пришла.

Так, Катя сознательно решает, что забор у дома, в котором они будут жить с новоприобретенной бабушкой, должен быть «как мандарины, которые отец привозил на Новый год», указывая на «банку с самой яркой крышкой». Мандарины возникают в сметенном сознании девушки, когда она узнаёт в телефонном

КТО НАЧАЛ — НЕ НАЧИНАЮЩИЙ!

разговоре с Аманбеке о смерти отца. Раскачивающиеся старые доски всячего моста в воспоминании об отце становятся аналогией с нынешним состоянием: *«как сейчас уходит из-под ног пол цвета высохших мандаринов»*.

С торжественным видом, с каким *«отцы семейства под Новый год помещают сосновые ветки в заготовленные ведра с песком»*, Катя ставит у дивана таз с водой, придя после работы в съемную квартиру.

Какой же Новый год без украшений для елки? Напряженный момент, когда Аманбеке с Тулином бесстыдно обшаривают квартиру Серикбая, уже покойного отца Кати, окрашивается вспыхнувшим сиянием хранящихся в одной из коробок *елочных игрушек*. Напоминают героине праздничные украшения и совсем неожиданные вещи: *подобием елочных флажков* кажутся ей фотографии девиц в открытых купальниках, что она видит на лобовом стекле машины, в которую садится при крайне неприятной, первой после долгой разлуки, встрече с Тулином.

Елочную игрушку Кате напоминает *золотой купол храма*, в который ходит ее мать. О чем она думает в этот момент? То ли молится, то ли загадывает желание — жить с учительницей. Что это, если не мечта — несбыточная, но тем и прекрасная, как сверкающая золотом игрушка?

Мечта-желание проскальзывает и в миг счастливый, если не переломный — похода в Большой театр. Именно тогда бабушка понимает, что ее внучка нашла свое призвание. Входя в ложу, Катя незаметно *«прикасается к портьерам, трогает кресла и трет подушечками пальцев канделябр с электрическими свечками, будто загадывая желание»*. Понимает важность момента и сама Катя: ей кажется, что *«немного золота осталось на руках, и это придало ей значимости»*.

Снова блеск золота, снова желание — атрибуты праздника, приносящего в жизнь немного волшебства и надежды. Много ли в истории героини было волшебства?!

* * *

Дина Карцева

(поэтический семинар Виктора Куллэ)

Обязанности финала

Мне бы хотелось обратить особое внимание на финал романа, так как он вызвал много разногласий во время обсуждения.

Неоднократно высказывалось мнение о том, что конец «скомкан», что после прочтения остается ощущение некоторой незавершенности, слишком резко оборванного повествования.

В первую очередь обратимся к тому, какой «финал» получает в романе Тулин, а вместе с ним — и Аманбеке. Одна из читательниц пожаловалась на то, что ей не хватило наказания для столь неприятных родственников главной героини, а особенно — для ее тети. Однако, если задуматься, смерть Тулина — это одновременно и конец для Аманбеке. Потеряв Тулина, она остается ни с чем: теперь у нее нет семьи, нет дохода или друзей, готовых протянуть руку помощи; тем самым алчная женщина, главным достоинством которой было то, что она родила сына, продолжателя рода, в одночасье лишается всего. Лично у меня ситуация, в которую загнали себя Аманбеке и Тулин, не вызывает сострадания. Однако называть подобное наказание недостаточным я бы не стала.

Следует обратить внимание и на смерть Тулина. Ей предшествует жуткое видение мертвого стада, а сама смерть героя выглядит подражанием убийству коровы — жестокому занятию Тулина, сменившего роль «палача» на роль «жертвы». Невозможно предугадать, как скоро забеспокоится Аманбеке, сколько времени займет выяснение местонахождения сына и поездка на кладбище, но можно сказать уверенно, что расхитителям гробниц или — что страшнее — голодным собакам этого времени явно хватит.

Но если злодеи получают по заслугам, отчего же у читателей остается ощущение недосказанности, незавершенности романа? Для меня это ощущение напрямую связано с историей Кати и Айнагуль. Сцена «прощания» с Маратиком на остановке не дает читателю четкого представления о том, что же будет с девушками, а охватившие главную героиню сомнения лишь усугубляют ощущение неопределенности будущего Айнагуль и ее ребенка.

Однако подобный эффект мог и предусматриваться автором: на этой остановке оканчивается история Маратика, но не Кати и Айнагуль. Отныне им предстоит принимать решения самостоятельно, теперь некому будет выступать в роли их совести, направлять на верный путь.

* * *

Как могли заметить читатели, в этом обзоре высказываются студенты Литинститута из творческих семинаров прозы, поэзии, драма-

тургии... Но у нас есть и семинары литературной критики — и тот из них, которым руководит литературовед Сергей Чередниченко, здесь представляет **Михаил Брусника**.

Как и положено критику, Михаил постарался разобраться **и в том, что хотел сказать автор, и в том, что сказалось**.

В лабиринте дебюта

В сюжетной канве романа три смысловые части. Первая — описание детства главной героини Кати, смерти ее младшего брата и перемены в поведении матери (Наина после смерти сына «ищет утешения» в церкви). Вторая часть — выход Кати из ужаса приграничного городка (за ней приезжает бабушка), новая школа, новое увлечение — звукозапись, которая окажется ее, скажем пафосно, призванием. Третья часть — Катя остается одна, пытается свести концы с концами в Москве, хочет продать квартиру матери (ушедшей в монастырь) на своей малой родине. Но против этого оказывается вся ее «родня». В конце концов ее запирают в склепе с умершим отцом, откуда она чудом — в буквальном смысле — бежит.

Как можно видеть, весь сюжет в принципе построен на приёме прихода-ухода, встречи-расставания, забвения-узнавания. И мотив возвращения и узнавания имеет одну точку приложения — родных Кати. Тех родных, которые духовно родными для нее не были. И которые в ее глазах всегда носили — каждый свой — отпечаток вины. Кто — за смерть брата, кто — за то, что ушел из семьи.

Возвращение к таким родственникам, пусть даже уже умершим, говорит об одном: об идее прощения. Несмотря на всё горе, страх, ужас и проч. Для такого поступка должно было найтись весомое оправдание. И оно продуманно изобретается автором в кульминационном сюжете: Катю запирают в склепе с гробом умершего отца, куда ночью пытаются проникнуть воры в поисках драгоценностей, и спрятаться героине удастся только рядом с останками отца. То есть он как бы спасает дочь от смерти. И получается, что смерть близкого человека для Кати по важности не уступает его жизни... Но не будем путать ситуации, когда герой осознанно совершает поступки, а когда он сам выступает случайным объектом, который используют для спасения.

Тема отношений — не единственная в романе. Она смысловая, сюжетобразующая, но не лейтмотивная. А иногда лейтмотив книги бывает важнее ее главного конфликта. Лейтмотив здесь один — смерть. С соприкосновения с ней всё начинается, соприкосновением с ней всё и заканчивается. И подчеркнутый натурализм в ее описании в романе Манойло — одно из тому подтверждений и ещё одно доказательство страха перед ней. Но не в этом проблема.

Параллельно теме смерти в романе развивается тема веры. К вере обращается мать Кати, когда ее настигает смерть сына.

«Чтобы не чувствовать <...> вонь, Наина наносила под ноздри несколько капель масла ладана, которое купила в железнодорожном вагончике, временно заменяющем храм. Там умещались алтарь и крошечный прилавок, за которым такая же крошечная старушка продавала свечи, иконки и всё необходимое православному. В вагончике было хорошо.

Здесь Наина стала прятаться от детей, мужа и быта».

Ключевое слово здесь: «прятаться». Но от страха смерти посредством веры не *прячутся*. Страх смерти с помощью веры *преодолевают*.

Этот логический сбой на первый взгляд может показаться незначительным. Но в конечном счете он приводит к тому, что в романе нет альтернативы. Когда нет альтернативы, возникает отчаяние. А отчаяние — прямой путь к смерти. Рассказывая о страхе смерти, роман к ней приводит. Пахнет абсурдом...

Вавилон, как известно, плохо кончил. А что ждет роман, в котором выразительность языка сочетается с отчаянным натурализмом и попросту неотредактированными эпизодами?

Вот, например:

«Закрытое желтое платье текло и переливалось на солнце подтаявшим сливочным маслом, пряча от посторонних глаз кривые ноги и венозные руки».

Чуть позже:

«Тулин растегнул ширинку и прежде, чем Катя попыталась встать, насильно распахнул платье и тут же прижался к оголившейся коже горячим своим животом. Довольно закричал».

И совсем под конец:

«Еда и мало-мальский туалет придали ей сил».

Что остается? Остается пожелать автору избежать участи библейской башни, преодоления отчаяния и продолжения творческого пути, пусть и начатого с «блина» помятого.

Завершает наше обсуждение уже известный читателям ТТ по обзору всякинской «Раны» Вячеслав Гончаров (семинар прозы Александра Сега).

Этот сибиряк сейчас заканчивает четвертый курс и, по моим наблюдениям, идет, может быть, единственно верным путем в литературе — много (а, скорее, очень много) читает и нацелен на поиск в произведениях художественности, на установление этого главного критерия изящной словесности. В своих высказываниях суров, но никогда не голословен.

Литературный триллер с национальным колоритом

Есть разные мнения об этом тексте: на одних он производит мощное впечатление, другим кажется плоским и нежизненным; одни называют его реалистичным автофикшеном, другие — сказкой и магическим реализмом. А на мой взгляд, все эти противоречивые характеристики вмещаются в определение «литературный триллер с национальным колоритом». Да, именно триллер (от *англ.* thrill — «трепет, волнение») — жанр произведений литературы и кино, ставящий своей целью вызвать у зрителя или читателя чувство тревожного ожидания, волнения или страха.

Компоненты триллера в книге очевидны. Эти образы мертвого дома, скотобойни, отравленной почвы, призрака ребенка — в окружении черной плесени, склепа, трупов, бродячих мертвых коров; эти бессмысленные для сюжета сцены танцев на трупе отца, разрывания собачки на кладбище, забивания коровы; эта куча денег, которая не должна достаться злодеям, и Айнагуль, успевающая в последний момент застегнуть одеяло с деньгами; этот Тулин, волочащий кувалду, — всё это нужно исключительно для ревербераций читателя. Зачастую такие подробности вводятся в ткань романа даже в ущерб логичности повествования. Например, сцена, когда Тулин чуть не изнасиловал Катю, нужна только для нагнетения ужаса, ибо к образу Тулина она ничего не добавляет: читатель давно понял, насколько он мерзок. А вот логике повествования эта сцена мешает: после нее Кате следовало бы насторожиться и хорошо подумать, прежде чем в безлюдном месте заходить с Тулином в склеп с забором...

Мистические, потусторонние элементы вроде упомянутого призрака, порождающие страх перед неизвестным и потусторонним, органичны для триллера и несколько не противоречат

законам реализма: натуралистичность заставляет поверить в реальность опасности. Но рассуждения о магическом реализме, якобы свойственном роману Екатерины Манойло, вызывают сомнения.

О причастности произведения к жанру триллера говорит и его название. Да, можно задать вопрос, почему название отсылает к отцу Кати Серикбаю, когда он в книге — второстепенный персонаж. Но ответ прост. Из текста мы узнаём, что в местах Катиной юности существует традиция хоронить покойников головой на запад. То есть заглавие — это эвфемизм смерти. Именно со смерти Серикбая начинается главная интрига триллера — погоня за наследством. Всё, что было до этого, — лишь своеобразное вступление, которое автор стремился завершить как можно быстрее. Это объясняет повышенную динамику первых глав — настолько повышенную, что такие значимые в судьбе Кати события, как побег матери и приезд бабушки, подаются без всякого обоснования, друг за другом.

Что до самой истории, то, как это часто бывает в триллерах, основная история книги — это история злодея. Герои нужны исключительно для того, чтобы находиться в опасности, вызывая сопереживание читателей, а злодей — главный двигатель сюжета. Это не история Кати: хоть нам и рассказывают о ее детстве, юности и взрослении, но конец книги не завершает ее историю — мы не знаем, что с ней произошло после того, как она выбралась из склепа, что сделала с деньгами, продала ли дом, нашла ли новое жилье, как вообще эта история на нее повлияла. Роман «Отец смотрит на запад» — это и не история Айнагуль, ведь мы так же не узнаем, попала ли она в Москву, нашла ли работу, пристроила ли сына. По сути это и не важно, поскольку описанная история — не про них. Это история про злодеев — Тулина и Аманбеке.

С Тулином всё просто: он животное, отвратительный громила, который совершает множество преступлений; он — ужасный кузен, травящий кузину; ужасный друг, разбивающий чужую машину; ужасный муж, избивающий жену; ужасный работник, ворующий мясо; в конце концов — ужасный сын. Мы видим его дрянное поведение в детстве, видим его беспутную взрослую жизнь и бесславную смерть от рук мародеров. История Тулина в романе рассказана от начала и до конца.

Аманбеке — это типичная злая мачеха в облике тети. Она немного сложнее Тулина: читатель узнаёт, как в детстве патриархальные родители притесняли ее свободу и как она завидова-

ла брату. Из этого логично вытекает мотивация героини принять «правила игры» и свою роль в ней: Аманбеке яростно отстаивает патриархальные традиции, называя мужчин «лучшим полом» и третируя невестку с племянницей. Понятно желание Аманбеке терпеть угнетение, чтобы потом, после смерти брата, самой стать в семье главным угнетателем, которому никто не может перечить. От этого еще более сильным становится эпизод, когда ее собственный сын, воспитанный во вседозволенности, поднимает на мать руку — как ей тяжело терять власть, которой она так долго добивалась. Образ Аманбеке несколько усложнен ее искренней любовью к внуку и в целом к детям, но она так и остается в романе главным злодеем, который в итоге оказывается ни с чем — без денег, без внука, без сына. История Аманбеке также завершается в романе полным крахом.

Что же есть в книге, помимо триллера? Есть неплохо переданный национальный колорит, в который не погруженный в тему читатель легко может поверить. Есть личные (наверное) воспоминания автора, вроде пристрастия героини к звукозаписи или того, как Катя порезалась, подтираясь деньгами. Но на сюжет эти детали биографии никак не влияют. А больше в романе, собственно, ничего и нет. Его легко экранизировать без потери смысловой нагрузки.

Своими яркими образами роман может увлечь впечатлительных читателей, а сценами насилия вызвать сочувствие к героиням. Он важен и, к сожалению, актуален в описаниях ужасов, которые могут твориться в глубинке, и придется по вкусу части современной публики. Тем же, на кого грубые приемы триллеров не воздействуют, роман покажется плоским и надуманным. Образы злодеев в нем гротескны и эпатажны, образы же не-злодеев не раскрыты и поверхностны.

Поздравляю Екатерину Манойло с тем, что ее литературный триллер завоевал премию «Лицей», и надеюсь, что в будущем она сможет в эффектной беллетристической упаковке предложить читателю не только личные воспоминания с национальным колоритом, но и что-то более сложное. Тогда, возможно, у нас появится новый крепкий писатель.

Как известно, в Литературный институт принимают и тех, кто уже имеет высшее образование и прошел творческий конкурс. Некоторые из таковых поступают на очный факультет, садясь уже в возрасте под тридцать на студенческий стул (скамей у нас в аудиториях института

после реконструкции нет). Таков **Олег Вербицкий** (поэтический семинар Виктора Куллэ).

На роман Екатерины Манойло Олег отозвался небольшой поэмой в античном духе (верно, сказалось то, что античную литературу на первом курсе Литинститута изучают серьезно).

Данной мне волей составителя обзора помещаю фрагменты этого сочинения здесь, в какой-то степени заменив ими свои резюмирующие строки.

Постграф обсуждения вместо эпиграфа

Темное время на нашу приходится тяжкую долю!
Мы наблюдаем упадок великого русского слова —
В годы засилья верлибров, пошлятины, мерзости, жути...
В век постмодерна как быть человеку со светлой душой?
<...>
В чем состоит основная задача художника слова?
Разве не в том, чтобы светом дорогу указывать людям?
Разве не в том, чтоб надежду дарить и бороться со страхом?
Разве не в том, чтоб воспитывать в людях добро или совесть?
Будто бы все в этом мире погрязли в пороках и злобе...
Будто никто в этом мире не знает понятия *честность*,
Чести не знает, презрит состраданье, любовь и заботу,
Будто вокруг нас — одно лишь души разложение... Хватит!
Чище не будет наш мир ни от едкого грязного слова,
И ни от погранных кем-то традиций, обычаев, веры —
Всё это только на сердце ложится, как гири свинцовые...
Лишь устремление к свету по правде дарует свободу.
<...>
Всё, что естественно, можно подать в неестественных красках,
Выкрутить так, что и жить не захочется больше на свете.
Трата таланта — людей повергать в истерический ужас,
Не оставляя и шанса на то, что мир может быть лучше.
Так беспросветно темно Катерине Манойло живется?
Только лишь жуткая мерзость ее окружает повсюду?
Нет? — Почему тогда жалкие проблески света
Робко и редко страницы ее посещают романа?
Это творение будто пропитано призрачной болью,
Что никогда не найдет исцеления в проклятом мире.
Всё, что дает эта книга, — так только лишь давит на разум...
Я убежден: назначенье искусства — бороться за ДУШУ!

Но если есть постграф, должен быть и постскриптум. Как мы знаем, в 2024 году вышел второй роман Екатерины Манойло — «Ветер уносит мертвые листья». Разумеется, студенчество, приступая в феврале к обсуждению «Отца...», о нем тоже знало, но общим решением было сосредоточиться на первом романе, а второй обсудить отдельно.

Однако после того как откипели страсти по «Отцу...», совокупного желания взяться за «Листья» не возникло, хотя можно было понять: в эту книгу заглянули многие. Почему же **огонек погас?**

Возможно, ответ найдется в отзыве на роман «Ветер уносит мертвые листья», который написала **Дарья Леднева**, выпускница аспирантуры Литературного института, преподаватель-исследователь. В преддверии защиты диссертации Дарья продолжает изучение современной литературы и, разумеется, не могла оставить без внимания явление Екатерины Манойло.

О выживании в жизни и проживании в литературе

Сюжет о подростковой травме, о насилии в семье — это история выживания.

История выживания — это повествование о преодолении себя, о духовном росте, о вере в собственные силы. Персонажи второго романа Екатерины Манойло, хотя и пытаются сбежать, с каждой строчкой опускаются всё ниже в грязь. Побег и преодоление — разные устремления.

Книга напоминает то американский сериальчик о дорожных приключениях, то бандитский детектив, не обремененный экзистенциальной рефлексией, философией и психологией.

Проблема романа в том, что удивительным образом ни один персонаж в нем не вызывает ни сочувствия, ни симпатии. Все участники истории кажутся отмороженными, эгоистами или хищниками в поисках поживы...

А что, про грязь нельзя писать?

Можно. Вопрос в том, как это сделано — и к чему ведет.

В тексте есть травма, семейное насилие тоже есть, но они остаются за кадром. Да, мы догадываемся, что девочкам пришлось несладко, но мы этого не чувствуем. А если мы не чувствуем чужой боли, не видим в персонажах живых людей, как будем сопереживать им? Когда же автор рассказывает чуть подробнее о жизни сестер, получается «чернуха».

Изи с первой главы кажется странной и жестокой. В защиту героини можно было бы сказать, что это только ее внешний об-

раз. Но в том-то и беда, что внутренний мир девочки не раскрыт. Нюкта? Может, Нюкта чуть человечнее, пытается спасти сестру, затем Наташке помочь, но к финальной главе это ощущение исчезает. С первой страницы девочек представляют как убийц. Получается, что читатель как бы должен автоматически, по умолчанию им сочувствовать — только потому, что одной строкой сказано, что отец их бил. Но разве этого достаточно, чтобы читатель оправдал убийство? Правда, через главу мы узнаём, что Нюкта соврала насчет «убийства», чтобы было проще уговорить сестру уехать. Но возникают вопросы: а нельзя было просто сбежать? Встретиться после школы и бежать? Почему не позвонить в соцслужбу? И т. д. Конечно, у жертв насилия часто образуется болезненная, но крепкая связь с мучителем. Психологическая зависимость — опасна, разорвать ее сложно. Слабая попытка обозначить зависимость предпринята ближе к финалу. Узнав, что отца убили, Нюкта «сидит на полу и рыдает в голос». ⁵ Даже несмотря на то, что отец с ней делал, она испытывает к нему дочерние чувства. И вот с этого момента можно было бы начать строить хорошую психологическую историю про исцеление, но на этом детектив оканчивается. Самое важное, что должно быть в романе про травму, — ее проживание, спасение, поиск и собирание себя по кусочкам, то есть сложные психологические перипетии, — всё это в романе «Ветер уносит мертвые листья» не проработано.

Книги о травмах предназначены давать освобождение и силы справиться и выжить тем, кто столкнулся с подобными проблемами. Но в том-то и дело, что травма, преступление в романе «Ветер уносит мертвые листья» есть, а путей выживания, психологии спасения — нет. Даже «убив» отца и уехав, девочки носят зло с собой. Они не освободились. А в финале Изи (и, вероятно, Нюкта) и вовсе оказывается психопаткой. Сюжет о насилии над детьми превращен в обыкновенный детектив с убийством и побегом.

В первой книге Манойло «Отец смотрит на запад» тоже была показана пошлость и несправедливость жизни, но главная героиня была симпатична, ее судьба волновала. Таинственный голос покойного брата Маратика, который с того света оберегал сестру, был чудесным лейтмотивом. Во втором романе тоже появляется легкая мистика. Сестры видят несуществующую кошку Мину. Но это не лирическая характеристика героинь, а подсказка для читателей об их возможной шизофрении или

---

⁵ Манойло Е. Ветер уносит мертвые листья. С. 219.

КТО НАЧАЛ — НЕ НАЧИНАЮЩИЙ!

ином психическом отклонении. В первой книге разрабатывались темы прощения и соединения с семьей (я писала об этом в своей рецензии на роман — «Знамя». 2023. № 11), во второй — ни один из персонажей духовно не развивается.

Да, сюжетные линии в романе закручены, действие нигде не провисает; как детектив — книга читается, но не думаю, что она способна укрепить тех, кто действительно столкнулся с семейным насилием.

Как говорят в спорте, фальстарт.

Хотя уже не дебют.

* * *

Вот теперь всё. Но по праву редактора текстов, который хотел при этом оставаться просто читателем, для которого литературные труды — не профессия, скажу несколько соответствующих слов.

Мне представляется, что Екатерина Манойло написала свой первый роман, переночевав на книгах Диккенса — от «Оливера Твиста» до «Эдвина Друда», а также Гарсиа Маркеса и других латиноамериканцев. Не плохо, но, к сожалению, если говорить о литературной школе, там не помешали бы и Фазиль Искандер, и Варгас Льюса, и другие гении композиции, умеющие выстроить гармонию в отношении и персонажей, и повествовательных уровней. А во второй книге литературным ложем писательницы стали уже материалы попроще — криминально-новостные ленты интернета, наши тошнотворные телевизионные ток-шоу на морально-бытовые темы с лицемерным пафосом омерзительнейшей порнопередачи «Опасные связи» канала «Че!»...

С другой стороны, напоследок тоже согрешу известной, но справедливой цитатой: «Талант — единственная новость, которая всегда нова»,⁶ — и нам, возможно, не придется подшивать вновь написанное Екатериной Манойло к классическим или к макулатурным листам отечественной и мировой литературы и культуры в целом.

Но всё же смиренно попрошу Екатерину Сергеевну не торопиться — не торопиться с третьей книгой.

---

⁶ Пастернак Борис. Анастасии Платоновне Зуевой // Пастернак Борис. Полное собрание сочинений: С приложениями: В 11 т. М.: СЛОВО/SLOVO, 2004. Т. 2. С. 265.

**ИСТОРИЯ КНИГИ.
ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА**

«Муха имени Штиглица»

«...**О**чень хочется уехать на этом велосипеде и видеть, как Муха уменьшается, скрывается из виду, становясь точно мухой, а линия горизонта не раскрывается, а становится ближе и ближе. И приблизившись наконец к этой нити-черте, поехать по ней вдоль жизни — по этой горячей сквозной, через мосты, разводя их руками...

Ты едешь и улыбаешься. И все думают, что ты идиот. Икар на велосипеде. У тебя нет работы, тебе не хватает на краски и на еду. Надо срочно ловить рыбу, ее можно есть и рисовать, еще на ней можно улететь в Витебск или Париж.

Но позднее (когда-нибудь потом, совсем не скоро) ты поймешь, что куда бы ты ни ехал, на каком бы велосипеде ни мчался, какую бы рыбу ты ни ловил, над тобой всё время будет жужжать Муха.

Муха всегда будет с тобой, даже если ты об этом не знаешь».

Это отрывок из моей повести «Муха имени Штиглица», * которую я написала девять лет назад, когда мне было двадцать. Перечитала сегодня — и то ли с ужасом, то ли с радостью подумала, что ничего не изменилось. Муха действительно всегда со мной.

Жизнь как бы поделена на три этапа: жизнь до Мухи, жизнь в Мухе и жизнь после Мухи.

Но, пожалуй, добавлю еще одну остановку: до жизни.

---

* Обух Арина. Муха имени Штиглица: [повесть, рассказы] / [иллюстрации автора]. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 350 с.

До жизни

Я написала стихи, еще не родившись, и тем спасла себе жизнь.

— Ваш ребенок умрет. Да он уже умер. И вы умрете, — сказал врач, дав моей маме направление на прерывание беременности.

В ту же ночь я написала стихи. Конечно, я этого не помню, но легенда гласит, что к маме во сне пришли веселые, детские стихи. Она хотела их записать, но подумала, что никогда не забудет. Забыла.

— Мне приснились стихи, — сказала она моему будущему папе. — Но это не мои стихи, это написал наш ребенок: он хочет сказать нам, что он жив.

Жизнь до Мухи

У меня тяжелая наследственность: мама — Светлана Мосова — писатель, папа — Павел Обух — художник. Более того: бабушка и дедушка — Вильгельмина Зазерская и Владислав Обух — были заслуженными деятелями искусств. В общем, художники в семье побеждали количеством: решили, что я тоже буду рисовать.

И я рисовала, ведь вначале слов не было, но были краски. Много красок. Стены всего дома были разрисованы, то есть я сразу стала художником-монументалистом.

Позже появилась речь, и я начала говорить стихами, но сразу давала им оценку: «Рихма, но глупая». То есть одновременно с плохим поэтом во мне родился трезвый критик. И критик победил.

Само собой, было решено, что я обязательно поступлю в Муху — Мухинское училище (ныне художественная Академия им. А. Л. Штиглица), которую закончили и папа, и бабушка, и дедушка.

В пять лет я поступила в художественную изостудию Эрмитажа, где было сказано: «Мы не будем учить вас рисовать. Этому будут вас учить стены Эрмитажа. Он ваш».

И он действительно на протяжении шести лет был наш. Со всеми его сокровищами, выставками и новогодними карнавалами, где мы, как правило, изображали из себя древних греков и в предпраздничной суете можно было услышать такие разговоры взрослых:

— Здравствуйте, это вам звонит мама Сизифа.

Сизифом была я. То есть моя актерская карьера начиналась на подмостках Эрмитажного театра. Там она и закончилась.

Именно в залах Эрмитажа состоялась первая выставка, где участвовала моя работа. А в соседних залах проходила выставка Энди Уорхола. Конечно, собственная слава в моем сознании затмила славу Уорхола.

Помню, что его работы мне не понравились: в пять лет у меня уже был вкус.

С восьми лет я начала работать как художник: проиллюстрировала книги Светланы Мосовой, которые вышли в издательствах «Геликон Плюс», «ДЕТГИЗ» и позже в «Эксмо-АСТ». Да, использовали детский труд. Платили конфетами.

Конфетный период длился долго. Однажды моя работа получила Гран-при — и по ней был расписан чайный сервиз (двадцать четыре предмета) на Ломоносовском фарфоровом заводе и выставлен в Эрмитаже. Звучит очень красиво — не биография, а канделябр рококо. Однако, я помню, что этот сервиз и мою работу торжественно вручили журналисту (надо думать, он заслужил), а мне, не менее торжественно, вручили коробку просроченных конфет. Родители сказали, что такие подарки надо сразу выкидывать в урну для мусора — и продемонстрировали это наглядно.

Но я любила дипломы. И, бывало, долго ласкала их взором.

— Что ты смотришь? — спрашивали меня.

И я отвечала:

— Очень красиво написано: «Арина Обух».

От своей фамилии я пришла в восторг еще в детстве, мне очень нравилось, как она звучит: какой-то удар, взрыв, салют. Позже я узнала, что у нее есть достаточно прикладное значение: это тупая часть топора — обух. И снова восторг: ударная фамилия, холодное оружие и вообще вещь в хозяйстве необходимая. Скорее всего, моими предками были кузнецы (сегодня их назвали бы художниками по металлу) и фамилию они получили по роду деятельности, а может, роль сыграл упрямый характер. Так или иначе, но я унаследовала и то, и другое.

И к своей мечте — Мухе — я шла упрямо, не сбиваясь с курса: сначала поступила в художественно-эстетический лицей при Мухе, а потом неотвратимо — в саму Муху.

Художник — Арина Обух.
Фото автора на обложке —
работы Ярослава Булавина.
Издательство «АСТ»

Жизнь в Мухе

Когда-то, в XIX веке, жил на свете прекрасный барон Александр Людвигович Штиглиц. И одним из его любимых детищ была Школа технического рисования его имени. Вернее, это дворец, который скромно сверкает в Соляном переулке.

В ленинградское время академию переименовали в училище имени Веры Мухиной, в просторечии — Муха, Мухинка. Но студенты-ленинградцы любили с шиком козырнуть Штиглицем, называя себя «штигличанами».

А сегодня, когда имя Александра Людвиговича вернулось на свое законное место, все называют академию Мухой. И в этом тоже есть своя справедливость. Оба имени уже вошли в ДНК этого здания.

«Когда я впервые переступила порог Мухи, меня потрясли три вещи: Пергамский алтарь, в аудиториях одни девушки (ни одного Петрова-Водкина!) и отсутствие счастья на лицах.

Мне казалось, если ты учишься в Мухе, куда некоторые художники поступали по пять-шесть раз, то выражение счастья не должно сходиться с лица: судьба решена, смысл обозначен. Улыбайся, подлец!»

Но вместо счастливых возгласов в академии можно было услышать:

— Меня тревожит будущее.

И ответ:

— А будущее — по самочувствию.

Художники по ткани, например, обучались своей несуществующей профессии: после выпуска из академии они оказывались у закрытых дверей текстильных заводов и фабрик. А в Ивангороде, где была мануфактура, которую построил барон Штиглиц, из всех прядильниц осталась лишь одна: она стоит на центральной площади разрушенной эпохи — советская белокаменная девушка. «Время выбило из ее рук веретено. Ветер нескольких десятилетий унес все нити... Повсюду руины, непригодные для жизни. Только для живописи. Фабрики закрыты. Город начинают населять кошки, подруги бедности».

Главный вопрос, который волнует всех студентов: «Есть ли жизнь после Мухи?»

И однажды, еще будучи студенткой, я увидела в интернете конкурс «Волошинский сентябрь» с номинацией «Рассказ с ладонь», условия были такие: победитель едет на море — в Коктебель. И я написала рассказ про двух рыбаков под названием «Ангел». Первый в жизни рассказ. И стала лауреатом.

Этот крохотный рассказ считаю своим талисманом, вот он:

Ангел

На берегу Фонтанки сидели два рыбака. Они наливали в стаканы вино, когда перед ними вдруг предстала девочка (сущий ангел!). И этот ангел сказал:

— Дяденьки, а третьего стаканчика у вас не найдется?

Обомлев и не поверив собственным ушам, один из них растерянно протянул свой стакан ангелу.

— Ой! — благодарно воскликнул ангел. — А он вам не нужен? Спасибо.

И ангел пошел своей дорогой.

Рыбаки, переглянувшись, двинулись за ним (а может, за своим стаканчиком).

И им открылось: чуть поодаль расположился целый творческий пленэр ангелов-студентов, видимо, забывших взять с собой всё, кроме кисточек (беспечность свойственна ангелам и художникам).

Они дружно макали кисточки в их стаканчик, смешивая вино и акварель и создавая дивную картину мироздания, в котором два брата-рыбака, Петр и Андрей, на берегу Галилейского моря забрасывают сети...

— Хороший день сегодня, Андрей, — сказал один рыбак. — Мы услужили искусству.

— Бери выше, Петя: мирозданию, — улынулся другой. — Сподобились.

— Ладно, тащи сеть, Андрей. И пойдем с Господом.

Рассказ я написала с натуры. Хотя вместо вина у рыбаков был портвейн, да и у меня не было крыльев. А может, были.

В общем, с того момента мои родные художники сделали шаг назад. На авансцену вышла литература: появилась моя первая книга, вторая, публикации в толстых журналах, премии, переводы на иностранные языки.

Жизнь после Мухи

После Мухи появилась моя книга о Мухе.

В названии этой книги соединились два времени и два имени: «Муха имени Штиглица». В нее вошли одноименная повесть и рассказы.

Обычно меня спрашивают: «Кем ты себя ощущаешь: художником или писателем?» И я отвечаю, что, когда рисую — чувствую себя художником, когда пишу — писателем. Тут нет соперничества. Скорее, наоборот, это комфортный симбиоз. Я пишу рассказы, потом иллюстрирую их, а бывает наоборот: сначала появляется иллюстрация, а из нее уже

начинается текст. Так случилось с рассказами «Пустота приемлема», «Ты — Никто, я — Никто, никого нет ближе».

Рассказы караулят меня на каждом шагу, окружают, набрасываются и заставляют себя писать. И я не сопротивляюсь, потому что, когда я пишу — я счастлива. Рассказ «Жизнь без генерала» ждал меня в метро. В вагон зашла дама, чью шляпу украшали цветы и фрукты:

«Такие дамы расцветают по осени. Как-то с ними это случается. Сначала они ведут нормальную жизнь — работают в загсе, решают кроссворды, вяжут, а потом бац! — они заходят в магазин “ВСЁ ПО 36” и покупают пластмассовую гирлянду из мимоз, надевают на голову и решают начать новую жизнь. Да, да, ту самую, чистую, как родник, светлую, как солнце. Подобрал к этим мимозам сумку, туфли, бусы, ленты, они садятся во все троллейбусы, трамваи, электрички и едут.

Но однажды они вдруг увидят объявление: “Художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица для выполнения учебных постановок СРОЧНО требуются демонстраторы пластических поз (натурщицы). Интересная внешность приветствуется! Позировать в одежде”.

Стоп! Это их остановка! “Интересная внешность”! Это же про них! Пропустите, мужчина! Да дайте же выйти, господа!..

И вот они приходят к нам в аудиторию и садятся на синий стул.

Отныне все трамваи и троллейбусы ведут их к этому синему стулу.

Сегодня очередь Аделаиды...».

Некоторые говорят, что у меня слишком светлая проза, в ней нет черного цвета. Но это не так. У меня имеются и темные краски — просто они по-другому работают.

Дело в том, что у меня есть собственная теория, я ее называю «Теория белого грунта». Когда художник начинает работать, он, чаще всего, белым грунтом покрывает свой холст. И сверху кладет любую краску: например, ту же черную. Но она уже светится своим нутряным белым. Любой цвет, самый темный даже, обретает свою полную силу только тогда, когда внутри находится белый грунт. Основа. Я думаю, что это закон и живописи, и литературы, и жизни.

И, наверное, поэтому, даже когда я пишу о смерти, в рассказе всё равно присутствует ощущение света и радости.

Мне очень нравится эта фраза Бунина: «Разве самая скорбная в мире музыка не дает счастья?»

«Протагонист»

А был ли мальчик?

У

«Протагониста» как будто есть четкие временные рамки: сентябрь 2020, когда я села за текст, — сентябрь 2022, когда он вышел в виде книги. * Однако, если присмотреться, рамки оказываются зыбкими и проницаемыми, как границы законченного фрагмента большей мозаики, которую еще предстоит до- или даже пересобрать.

Возможно, всё началось осенью 2020 года, когда мне попала новость об университете, в котором я работала на тот момент: «Студент покончил с собой из-за сессии».

Возможно, всё началось осенью 2014 года, когда я пришла работать в этот университет с мыслью «просто попробую, как пойдет» — и осталась в нем до конца 2022-го.

Возможно, всё началось осенью 2008 года, когда я поступила в МГУ по олимпиаде «Покори Воробьевы горы» и заселилась в Дом Студента на Вернадского, а в ту же ночь в нашем блоке прорвало трубу, мы затопили себя и восемь этажей под нами — и так началась моя московская жизнь.

Возможно, всё началось еще раньше, когда мы с бабушкой где-то в начале 2000-х заблудились в районе тех самых Воробьевых гор. Нашлись благодаря шпилью Главного здания МГУ — и этот шпиль так и остался мне компасом на долгие годы.

А может быть, всё началось с переезда из Феодосии в Тольятти в конце 90-х? Или еще раньше, где-то до моего рождения? И где же тогда всё заканчивается?

---

* *Володина Ася. Протагонист: роман. М.: Редакция Елены Шубиной: АСТ, 2022. 318 с.*

Агония протагониста

Корабль начинается с названия. Первым вариантом было «Время убиваться». Не прижилось — вместо раскаяния героев просвечивало авторское осуждение. Вторым стало «Агония» — здесь сработало и значение, и созвучие «агону» и героине Агнии, но все-таки чего-то не хватало. И только третье подсказало, о чем на самом деле я хочу написать, — не об ошибках, не об оплакивании, не о трауре. О том, какую роль мы играем в своей и чужих жизнях. Так и появился «Протагонист». Мне кажется, название задало и форму текста в виде последовательности монологов, и более отстраненную авторскую позицию, и, конечно, посыл. Есть время убиваться, а есть время жить — наверное, о жизни я и хотела поговорить.

Дионис на развес

Идея оформить текст в виде античной трагедии пришла не сразу. Вышло так, что параллельно я писала научную статью по перформативности в эстонском театре, слушала курс о театральности общественных процессов и заодно посматривала «Умники и умницы», удачно попав на выпуски о Древней Греции. И всё же мне кажется, что я бы не пришла к этой форме без главного — я родилась в Крыму, в когда-то античном полисе Феодосии, где ночной клуб называется «Аркадия», винный магазин, конечно же, «Амфора», секонд-хенд — «Дионис», а шаурмичный ларек — «Олимп». Для меня античность не была частью отдаленного западноевропейского наследия. Ее одомашненная, заземленная версия живет у меня в крови, поэтому, возможно, я и не постеснялась зарифмовать ковидные маски с трагедийными, поместить Ореста в погибшего Никиту, Электру отправить мерить джинсы на пресловутой картонке, Клитемнестру сделать женой авторитета, а Елену — местной королевой красоты. В центре Феодосии памятник Ленину смотрит на ресторан «Деникин» — таков Юг: контрастный, эклектичный, противоречивый.

Когда я умирал

Нельзя говорить о Юге и не упомянуть Фолкнера — того самого автора, по которому я и писала диссертацию, моего отдаленного научного руководителя от литературы. «Шум и ярость», в котором все говорят о Кэдди, но сама Кэдди так и не заговорит, «Когда я умирала», где все говорят об Адди Бандрен, которой фактически нет, «Авессалом, Авесса-

лом!», где все по-разному пересказывают историю безмолвствующего Томаса Сатпена и его семьи, — все эти тексты predeterminedили форму «Протагониста» куда в большей степени, чем «В чаше» и (затем) «Расемон». Говоря о другом, мы проговариваемся о себе, хотим мы того или нет. И это касается не только героев-рассказчиков, но и авторов тоже.

Конечно, никуда не деться от того, что «мой сын студент Гарвардского Гарвардского Гарвардского». Квентин Компсон обречен еще до своего рождения, как обречен и Никита Буянов — тебе остается только наблюдать и фиксировать это падение.

Самый частый вопрос по роману — «Кто же протагонист?». Я знаю, кого из героев можно назначить в протагонисты по формальным признакам, но сама этого стараюсь не делать. Протагониста выбирает читатель — он же выбирает и причину самоубийства Никиты. Я расставила фигуры на шахматной доске, но играет партию каждый читатель уже для себя.

Терпеть, служить, любить

Три агона, три голоса в каждом, три стратегии. Терпеть до самоотрицания, служить до предательства, любить до ненависти. Насколько зыбка грань между тем, чтобы стоически терпеть удары судьбы, и тем, чтобы просто отказываться от борьбы? Между тем, чтобы бороться за любовь, и бороться с любовью? Между тем, чтобы преданно служить чему-то большему, и приносить ему жертвы, пока в жертву не придется принести уже себя? Как Академия пытается быть лучшей настолько, что перестает быть хорошей, так и каждая из стратегий, переходя грань, обращается в свою противоположность. Если слишком долго терпишь, однажды не вытерпишь, — это и может стать спусковым крючком трагедии.

Художник — Елизавета Корсакова.
Издательство «АСТ»

Академия

Я провела в МГУ восемь вполне счастливых лет. Пять лет студенчества (три из них в Доме Студента на Вернадского), еще три в аспирантуре. Так я попала в Главное здание МГУ — ту самую высотку со шпилем, в которой, по легенде, водятся студенты, которые годами не покидали стены университета. Здесь тебе и факультеты, и общежитие, и круглосточные столовые с магазинами, и прачечная, и библиотека, и органные концерты, и даже салон красоты «Бабетта». Государство в государстве, гражданином которого тебе посчастливилось стать. Здание, от которого захватывает дух и спустя пятнадцать лет. Здание, в котором ты действительно чувствуешь принадлежность чему-то великому, а потому свою *избранность*. Из всех сталинских высоток, как мне кажется, именно Главное здание стало самым культовым, воплотив в себе идею не просто советского дворца, а именно храма науки. Но храм этот требует жертв — и жертвы приносятся регулярно.

Были и другие восемь лет, отчасти совпавшие с учебой в аспирантуре. На соседней станции метро, недалеко от моего бывшего общежития, я продолжила свои университеты уже в МГИМО, когда-то выросшем из факультета МГУ. Еще один небоскреб, только лежачий. Еще один университет с ярлычком «лучший». Не храм, не дворец по виду — скорее уроборос, по бесконечным коридорам которого ты ходишь кругами. Я так и не научилась служить ему, а не людям — возможно, поэтому и не смогла остаться. Не *alma mater* — *alma poverca*.

Конечно, Академия стоит на этих двух китах. Две матери, в чем-то заботливых, в чем-то властных, в чем-то защищающих, в чем-то деспотичных, в чем-то одаривающих, в чем-то пожирающих своих же детей. Но были и другие киты — это Академии, которые я проезжала по пути на работу (Академия ФСБ, Академия при президенте, Академия труда), это проект так и не созданной Московской Академии и созданная Славяно-греко-латинская академия, это ВШЭ, РГГУ, СПбГУ и прочие, прочие университеты из первой десятки-двадцатки страны. В реальности моего романа вышло так, что возникшая когда-то Академия не дала размножиться другим университетам, поглотила их, превратившись в Левиафана. Не хочешь в Академию — довольствуйся малым. Или езжай в Петербург, куда и сбегает в итоге Женя.

Тольятти

Если в «Части картины» я захожу на территорию Крыма, то в «Протагонисте» в противовес московской Академии — элитарной, оторванной от реальности, выхолощенной, — появляется Тольятти. Маскулин-

ный город — суровый, заводской, портовый, не так давно известный под названием «Бандоград». Часть Агнии конфликтует не только с частью Ники, но и со всеми остальными монологами — она написана языком криминально-любовных романов в мягкой обложке, она перенасыщена событиями, она *слишком* отличается, всего в ней через край. И потому ей самое место в романе, где аполлоническое покрывается трещинами — где-то должно было прорваться низовое, грубое и даже жестокое. Агнию или оправдывают, или осуждают — так и мое решение сделать эту главу именно такой или принимают, или отторгают с возмущением. Могу сказать только, что героини сами диктуют, как им говорить и в каком жанре существовать, — и если Ника выплакала себе поток сознания, то Агния потребовала язык бандитской жены.

Нет никакой судьбы (или все-таки есть?)

Мне кажется, у каждого текста есть свое определение. Оно говорит: а) о чем этот текст; б) какая у него судьба. Скажем, «Часть картины» — текст по многим параметрам неудобный, а «Цикады» — спорный. «Протагонист» же роковой. Как для героев романа, так и для его автора. Говорят «Ася Володина» — подразумевают «Протагониста». Поэтому я и не знаю, где кончается этот текст. Как будто я вновь и вновь перебираю маски, возможно, пытаюсь спрятать за ними не только погибшего Никиту, но и себя.

Инакомыслящий тростник (о романе «Волшебный хор»)

Казалось бы, проще простого — рассказать о собственной книге. В самом деле, ведь ты же отвечаешь за каждое ее слово — перед Богом, перед людьми, перед персонажами. Ан нет, обнаруживается, мало что в жизни сложнее. Даже написать эту самую книгу — и то, пожалуй, было легче, во всяком случае, для меня. Возможно, дело тут в том, что мы оказались посреди жизни в эпоху самопрезентации: в охватившем почти всё онлайн человек представляется таким, каким он хотел бы себя показать: он может выбрать наилучший образ (впрочем, может выбрать и наихудший — но это также будет его собственным выбором), дожидаться идеальной фотографии, осчастливить мир отмеренным тысячу раз словом. Создание собственного мифа стало делом неумышленным и обыденным. Хотелось бы сказать, что мне такое не очень по душе. Хотелось бы сказать, что быть мне нравится больше, чем выглядеть. Однако, если присмотреться, даже и в обоих этих утверждениях граница между «позицией» и «позой» окажется полустертой. Как бы там ни было, сам я не великий поклонник аутомифологии, но раз уж метатекст «Волшебного хора» * давно существует независимо от меня, позволю себе и я добавить к нему несколько собранных на полях памяти страниц.

Впервые я обратился к прозе в тридцать лет и три года. Осенью одиннадцатого, сам не ожидая от себя подобной прыти, я оказался среди участников Форума молодых писателей, который фонд Сергея Филатова проводил в подмо-

---

* Кремчуков Евгений. Волшебный хор: [роман]. М.: Альпина нон-фикшн: П. Подкосов, 2023. 305 с.

сковных Липках. По чести сказать, это был мой дебютный выход в большой литературный свет. Я, собственно, служил тогда по ведомству поэзии. Ну, как служил — скорее числился: сочинял несколько стихотворений в год. С этими своими немногочисленными стихами я и отобрался в Липки — где на второе утро форума, кружа по просторному и еще безлюдному фойе нашего пансионата неподалеку от будущего завтрака, встретил Григория Аросева, с которым мы познакомились накануне поздним вечером, оказавшись в большой, разношерстной, головокружительной компании за одним столиком в баре. Теперь жаворонок Аросев сидел в одиночестве, скучая на диване ожидания. Я знал, что у него только что вышла книга малой прозы. Из любопытства и чтобы скоротать время (не знаю, в какой пропорции, наверное, приблизительно поровну), я запросто так спросил его: «Гриша, до завтрака еще минут двадцать, расскажи мне, как это вообще — писать прозу?» Святая простота!.. Тем ранним утром, понимаю я теперь, с расстояния в полтора десятка лет, история могла двинуться дальше по очень разным дорожкам: от усмешки и шутливой отговорки — до указания, в каком направлении мне пройти... например, в библиотеку. Однако же разговор наш пошел тогда всерьез.

В следующие десять лет мы написали в соавторстве повесть «Четырнадцатый», роман «Деление на ночь» и цикл новелл «Святые рыбы реки Вспять», получивший авторское жанровое определение «легендарий». Липкинский утренний разговор продолжается в моих воспоминаниях тем, что на границе зимы тринадцатого года гостивший у меня в Чебоксарах Аросев вспомнил мой недавний пост о том, что Лермонтову каким-то странным образом не везет с вековыми юбилеями, выпадающими то на четырнадцатый год, то на сорок первый, когда всем на свете совсем не до него, — и предложил написать вместе, в четыре руки и на два голоса, небольшую прозу о неисторическом, обыкновенном, в сущности, человеке, которого столетья — по слову Осипа Манделштама —

Художник — Юрий Буга.
 Фото на обложке Ивана Михайлова.
 Издательство
 «Альпина нон-фикшн»

«окружают огнем». Тем же вечером, сидя за столиком в пабе «Уильям и Кейт», мы вчерне набросали на половине листка план повести, и каждый из нас принялся за свою часть общего дела.

Каково это было — писать вдвоем? В контексте такого вопроса я всегда с улыбкой вспоминаю пословицу: «Одна голова хорошо, а две лучше». Письмо в четыре руки — особенный опыт. Самой интересной в нем для меня была его непредсказуемость. Есть такой популярный сейчас термин «синергия». Или, как это называется в теории систем, эмерджентность: когда вдруг оказывается, что свойства системы из нескольких элементов не равны простой сумме собственных свойств этих элементов, несводимы к такой сумме, превосходят ее. Именно так при письме вдвоем, во взаимодействии появляется что-то новое, такое, чего не знал, не представлял, не замышлял ни один из соавторов. Это всё, разумеется, не значит, что писать вместе «лучше», нет, но совершенно точно — очень «иначе». И затем, когда я начал писать уже один, получилось, что теперь, конечно, я пишу без «оглядки», да — но и без «поддержки». Арифметика здесь проста — в одиночестве всё удвоилось: и свобода, и труд, и ответственность.

В некотором смысле пятилетний опыт совместного письма оказался для меня — при всей его довлеющей себе ценности — чем-то вроде предварительных вариантов, рабочих заметок к «Волшебному хору». Там впервые появились и внимание к неизбежно подхватывающему частную биографию историческому времени из «Четырнадцатого», и попытка разгадать тайну чужой (отчасти близкой и все-таки чужой) жизни из «Деления на ночь» — которые впоследствии так или иначе повлияли на мир моего первого самостоятельного романа.

Замысел «Волшебного хора» явился передо мной во время экскурсии в Болдино, куда мы с Ниной поехали золотой осенью восемнадцатого года. Оттуда, из нашего солнечного и счастливого четырнадцатого октября, мы привезли с собою домой несколько болдинских яблок, сокровенный воздух тайной свободы и идею нового романа. Во многих смыслах эта прекрасная поездка оказалась *накануне*. За следующие три года с моей жизнью произошло очень многое: нас стало трое — появилась на свет маленькая Зоя Евгеньевна; семья наша, разделяя участь всего человечества, ощутила на себе тяжелое дыхание пандемии; были написаны нежно любимая мной поэма об Александре Блоке «Свидетельство» и «Ночной словарь родного языка» (для простоты я теперь называю его «повестью», хотя в то время сам автор дал «Словарю» мудрёное жанровое определение: «магический квадрат в шестнадцати письмах»). А за всей за этой жизнью — позади? внутри? во чреве? — рос, медленно про-

являясь, наливаясь собственной действительностью и обретая свои неповторимые черты, мир «Волшебного хора». Наконец, на исходе августа двадцать первого рукопись была готова. Полгода спустя я написал о том летнем вечере в одном из стихотворений в прозе: «Оставалось только, не открывая глаз, набрать грудью побольше воздуха и пламени августа, оглядеться, задержаться еще на один миг — и глубоко выдохнуть внутрь, до самых раскрытых пределов нового мира, оживляя и оплавливая все его сотни тысяч букв и знаков, претворяя их в единое, в наделенное собственной жизнью дитя. Так я и сделал».

Триединство времени

«Волшебный хор» стал для меня книгой не о герое, не о подвиге, не о преступлении и даже не о трагедии. Я представлял себе, что это роман о ловушке, в которой мы все незаметно оказались. Говоря сейчас «мы все», я имею в виду не только и не столько автора, читателя, наших соотечественников и современников — я имею в виду любого человека в любую историческую эпоху. Потому что все мы незаметно для себя самих оказываемся *в ловушке своего времени*. И вот о возможности (или невозможности) что-то в таком положении дел изменить, о возможности освобождения из подобной экзистенциальной ловушки, о направлении выхода или о его отсутствии — об этом, наверное, как раз и написан роман «Волшебный хор».

Главным увлечением моего детства наряду с фантазиями о бессмертии и о смысле жизни была мечта о машине времени. Ретроспективно я могу представить, как мои мысли и воображения сходились к отправной точке, за которой, собственно, и стал появляться текст «Волшебного хора», по нескольким направлениям. Да, первое, что подталкивало меня, — это мысль о «тайне Другого», другого человека, другой совершающейся рядом жизни, с которой твоя собственная так или иначе в некоторых точках пересекалась. Тому же, как уже было сказано, в целом посвящено написанное в соавторстве несколькими годами ранее «Деление на ночь». Однако, в отличие от него, понял я в какую-то минуту, теперь действие должно было происходить не в некоей абстрактной «современности», а во вполне конкретной (чрезвычайно важной, на мой взгляд) исторической точке — в России весны восемнадцатого года. И это, я думаю, стало вторым мысленным импульсом — мне хотелось написать роман о нашем настоящем, попытавшись разобраться в том, почему оно оказывается именно таким, почему сейчас воды нашей реки потекли по этому руслу. А вот третьим проселком, который привел меня в исходную точку романа, была, пожалуй, та самая детская

мечта о «машине времени». В какой-то момент — достаточно давно — мне показалось, что мы заблуждаемся, пытаюсь отыскать этот инструмент где-то вовне, снаружи самих себя. Подумалось мне, что ключ к подобной «машине» в действительности находится внутри нас. (И надо сказать, уже потом, в мире «Волшебного хора», в методе Протасова, назовем его так, — я обнаружил чудесное подтверждение того своего предчувствия.)

Поэтому время само собой превратилось в одного из главных и очевидных героев романа. Время в троичном его единстве: историческое, биографическое (то, которое мы называем судьбой) и время личное, психофизиологическое. «Волшебный хор» стал романом об их неуловимом взаимодействии. О возможности (или о пределах этой возможности; или о невозможности) *вернуть и вернуться*, я бы сказал так.

Литература вообще больше работает со временем, а не с пространством. Нет, не «работает», это не совсем уместный глагол — обживает. Литература преимущественно обживает именно время. И как роман возможен благодаря идее о множественности подлинных миров и об их поразительном *тождестве*, так и триединство времени открывает, оказалось, возможность обживать вроде бы чужое, вроде бы навсегда утраченное — то самое далекое, историческое, прошедшее. Протасов, мне кажется, смог осуществить подобное для себя. Впрочем, мы знаем о сущности его метода только из умозаключений и догадок жены Баврина; сам же первооткрыватель этой машины времени (точнее, наверное, будет назвать ее «машиной прошлого»), как и Пьер Ферма, не успел или не захотел изложить для нас свое доказательство.

Друг / Другой

Резко говоря, роман должен обманывать читательские ожидания. Понятно, что в действительности у книги нет никакого долга перед читателем, но для простоты употребим такой глагол — «должен». Это не шулерство, вовсе нет. Это то, что никак не позволяет взгляду и сознанию уболотиться в привычном. По-настоящему взгляд видит только такое, чего не ожидает увидеть, правда? («Люблю смотреть я / приезжими глазами / в мае город мой» — этому хайку уже без малого два десятка лет, но каждую новую весну я всё так же твержу его про себя.) Представим, человек идет по четной стороне улицы — что он ожидает увидеть: второй дом, за ним — четвертый, шестой и далее по порядку. Ну, или, если хотите, — десятый, восьмой, шестой, четвертый. Ильза Лунд и Рик Блейн, среди хаоса Второй мировой случайно встретившись во французском Марокко, обнаруживают, что их сердца всё еще пылают взаим-

ной страстью и только вместе — вместе! — они могут спастись в это смутное время. Глухонемой великан, крепостной дворник, исполняет приказ своейвольной барыни, чтобы его собачки «сегодня же здесь не было», и, прихватив эту кроху, бежит с ней из хозяйкиного московского дома на свободу, к себе на родину, в деревню. Узнав о внезапном аресте старого друга, в чьей невинности нет ни малейших сомнений, герой бросается на помощь.

Сюжет, однако, не любит прямолинейности, он сторонится привычных и последовательных маршрутов — дергая за руку читателя (да, признаться, и автора) то на одну, то на другую сторону улицы, кружа околицей, заводя во дворы или в неожиданные переулки. Так и персонажи «Волшебного хора» отчего-то оказались не совсем такими, какими я представлял их себе поначалу: и герой не сразу бросается на помощь, и старый друг вовсе не выглядит исключительно несчастной жертвой.

Издавек, от первых слов романа — а «Волшебный хор», странно это или нет, начался именно что с первых своих слов — Протасов казался мне чуть ли не «святым человеком». Но чем ближе и пристальнее я вглядывался, тем неожиданно для себя видел его иначе. Всё оказалось сложнее, двусмысленней. Протасов — историк, и его мысль обращена в прошлое, но при этом он, так сказать, «работает на будущее» — учит детей. Он открывает свою воображаемую машину времени, но оказывается вовлеченным в трагический конфликт с настоящим. И дело тут, видимо, в том, что он исповедует свою собственную, живую, несанкционированную историю — а подобное опасно. Итак, сложный человек — да. Не всегда приятный — это тоже. И уж точно не святой. Гениальный, но не идеальный — я бы так сказал. Думая о нем и о его судьбе, я, пожалуй, испытывал смешанные чувства. Как минимум трижды в жизни он попал в переплет, из которого его вытаскивал или пытался вытащить именно «слабак» Митя Баврин — а не наоборот. Ближе к финалу на многое открыло мне глаза протасовское отложенное письмо к энскому другу. Кое-что в нем для меня, честно говоря, стало настоящим сюрпризом; я имею в виду вот эти его строки о причинах разрыва между друзьями весной четырнадцатого года — во время присоединения Крыма и проч.: «Да, я приветствовал ход истории, а ты его осуждал. <...> Взгляды и мнения мои по тем нашим “стратегическим” спорам, сам понимаешь, остались неизменными. Того, что я так истово поддерживал и продолжаю — как частица истории — поддерживать, ты наверняка по-прежнему не принимаешь и принять, уверен, никогда не сможешь». Получалось, что для Протасова категория исторического не просто превышает этического, но и вообще единственное, что имеет значение. Возможно, такова была цена его власти над временем? — я до сих пор не знаю. Мог ли я осудить его или оправдать? — конечно, нет. Я мог лишь

принять своего учителя-историка со всеми его многочисленными, по-народному говоря, «тараканами», — и, да, принял. Потому что, как и Митя Баврин, любил этого странного человека.

Пожалуй, с точки зрения внешнего наблюдателя, в трагедии Протасова, в том, что случившееся случилось именно с ним, нет закономерности, это только несчастный случай, стечение обстоятельств. Он, в сущности, лишь тростинка у берега, щепка, веточка в огромном лесу, которая росла себе поперек взмаха, траектории движения ножа и топора. От этого, впрочем, еще горше.

Голос и хор

Мы не должны забывать, что литература имеет возможность говорить о жизни во всей ее полноте. И мы не должны в силу каких бы то ни было причин и обстоятельств уклоняться от этого разговора. Но именно поэтому обладающее властью подобной возможности настоящее литературное «изделие» — роман, рассказ, стихотворение — это *свидетельство*, а вовсе не *суждение*. В такой мысли, конечно, нет особенной новизны: «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей слабой силой) я художник, то есть свидетель», — записал Александр Блок в дневнике в апреле 1917 года. Итак, в мысли этой нет какой-то особенной новизны, однако часто забывается: право на прямое оценочное суждение книга всегда оставляет за читателем.

Что такое роман? Мне хотелось бы дать ему следующее определение: роман — это, условно говоря, «человеческая задача», которая может иметь несколько разных, но равных (или наоборот: равных, но разных) ответов. Искусство ведь вообще не предназначено для выдачи нам готовых ответов: тех или иных, ожидаемых или самых внезапных, — в этом смысле оно скорее как раз именно задачник, а не решебник. И здесь, кстати сказать, обнаруживается фундаментальная разница между наукой и искусством как методами познания: наука ищет ответа, а искусство желает вопроса; оно — наш бессмертный Сократ, обучающий одной мудреной «науке вопросов». Вопросов, сомнений, не всегда удобных и не всегда приятных, возникающих в том числе и там, где работают величественные, исполинские механизмы счастливого единодушия и управляемого единогласия.

Существуют две парадигмы; в одной из них (пусть она называется, скажем, как раз парадигмой Сократа) сомнение — это точка рождения нового, оно побуждает к поиску истины, к эволюции в том или ином виде. В другой (пусть она будет парадигмой Соломона) сомнение — это

зablуждение, это ошибка (а в предельном своем понимании — и преступление), потому что раз есть мудрость, то истина уже установлена, она безусловна, совершенна и неизменна. Сомнение же порождает хаос «мнений» и ведет к гибели, а значит, истину необходимо защищать, и, разумеется, ржавчина любой неопределенности в таком случае должна быть просто зачищена. В жизни, я полагаю, мы обычно наблюдаем некий баланс этих двух парадигм. Но искусство может себе позволить несколько выкрутить резкость.

Однако было бы ошибочным считать озвученное инакомыслие автора или персонажа, например, некоей формой «оппозиции». Дело совсем в другом. Вот как, по свидетельству Алексея Оболенского, говорил Лев Толстой о сцене беседы Левина со священником в «Анне Карениной»: «Я этот рассказ четыре раза переделывал, и всё мне казалось, что заметно, на чьей я сам стороне. А заметил я, что впечатление всякая вещь, всякий рассказ производит только тогда, когда нельзя разобрать, кому сочувствует автор. И вот надо было всё так написать, чтобы этого не было заметно». Можно вспомнить здесь и картину Ильи Репина «Перед исповедью»: откажется ли осужденный на смерть узник от исповеди или же примет пришедшего к нему в камеру священника? — на картине нет ответа, она дана мне-зрителю в миг до решения. Что именно: приятие? отказ? — написано художником в глазах узника? — в этом-то и заключена та самая великая «человеческая задача», о которой я говорил.

Действие «Волшебного хора» происходило весной восемнадцатого, за полгода до того, как мы с Ниной отправились вместе в золотую болдинскую осень. Но почти все герои романа продолжают жить рядом с нами и сейчас, шесть невообразимо долгих лет спустя.

Для их автора у книги не было «источников». Если откровенно, меньше всего я думал о том, чтобы написать *литературный* роман. Тут, как говорится, все совпадения оказались случайны или неизбежны. Никаких ассоциаций ни с чем у меня не возникало; я, наверное, не избегал их нарочно — но все-таки для меня самого история, рассказанная в «Волшебном хоре», самостоятельна, «округла» и завершена. Вместе с тем, по моему глубокому убеждению, авторский умысел ничем не лучше и ничуть не важнее читательского смысла. И я понимаю, что так уж устроено наше сознание — оно в первую очередь стремится к известному, к узнаваемому. То есть сначала оно ищет «десять сходств» (на что из знакомого это похоже?) и только затем — «десять различий». Поэтому читатель, прошедший с автором весь путь, будучи, таким образом, соучастником творения, в полном праве иметь и свои собственные — не указанные и не предсказанные автором — смыслы и ассоциации.

Однако, повторюсь, в моих воспоминаниях «Волшебный хор» не имел источников, а у персонажей не было прототипов, я вообразил их от первого до последнего слова: их облик, характеры, биографии. Если мы предоставляем право действовать жизни — нет ничего правдивее вымысла.

Впрочем, я оговорился — прототипов не было ни у кого из героев, кроме одного. Это Энск — место действия, город Протасова и Баврина, моя родина. Честно говоря, для меня в его названии нет ничего игрового, нет какого-то уклонения или «шифра», во всяком случае, намеренного. По мне, так дело тут скорее в другом: да, в чертах Энска, безусловно, есть сотня узнаваемых и родных для меня смоленских «примет», штрихов, частиц, из которых состоит город моего детства, моей юности; но есть в нем еще и десяток-полтора частиц и штрихов вымышленных, надписанных поверх, привнесенных из других мест. Эта самая «частичность» и отразилась, насколько я понимаю, в названии. То есть это такой слегка *смещенный относительно себя* город. Он иногда напоминал мне самому тот «воздушный Энск», о котором в десятой главе рассказывает коллегам и нам Сергей Сергеич Прокопьев. Если бы действие романа происходило в условном Минске или Минусинске, наверное, город в «Волшебном хоре» оказался бы Инском.

К слову, уже постфактум мне вспомнилось, что как раз именно в таком написании «Энск» существует в каверинских «Двух капитанах». Совпадение ли это? Или, может, по определению Пушкина, мерцающее на границе сознания «странное сближенье»? Как бы то ни было, мне кажется, название Энск в русском языке куда больше подходит именно Смоленску, а не Пскову.

Представляясь, я обычно говорю: «Живу в Чебоксарах. Но сердце мое — сердце смолянина». Родной город, так мне хочется видеть, стал одним из главных героев истории Мити и Миши, Баврина и Протасова. Той самой истории, что и для меня самого также началась за осмотром местных достопримечательностей — со взмаха невидимых исполинских крыльев над двухсотлетней ветлой и над высокими дубами у болдинского Верхнего пруда, с которых осыпались несколько нечаянных, случайных, но единожды и навсегда данных слов: «Об аресте Протасова Баврин узнал в Идзу, префектура Сидзуока, за осмотром местных достопримечательностей».

АРХИВ

Из истории поздней русской агиографии: Житие Симеона Белобережского

Ж

итие Симеона Белобережского — один из малоизвестных памятников русской агиографии XIX в.¹ — до недавнего времени почти не привлекал к себе внимания исследователей. Как, впрочем, и его герой — схимонах Симеон, первый строитель Брянской Белобережской пустыни,² одного из центров русского старчества, располагавшегося на берегу реки Снежить в урочище Белые Берега Брянского уезда Орловской губернии.³ Старцу Симеону и основанной им пустыни был

¹ О памятниках поздней русской агиографии см., например: Старец Зосима Верховский: Житие и подвиги. Изречения и извлечения из его сочинений. М.: Паломник, 1994; Житие блаженного старца Василиска, писанное его учеником Зосимою Верховским: С включениями повествования о действиях сердечной молитвы. М.: Сполохи, 1998; Житие Феофана Соловецкого / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. Т. Р. Руди // ВЛДР. СПб.: Наука, 2020. Т. 20. С. 120—138, 318—332; Руди Т. Р. 1) Ранние жития Серафима Саровского: Вопросы литературной истории // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 51. С. 427—434; 2) Из истории поздней русской агиографии: Житие Феофана Соловецкого // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / Редкол.: Т. Р. Руди, С. А. Семячко (отв. ред.). СПб.: Пушкинский Дом, 2017. Т. 3. С. 429—475; 3) Из истории поздней русской агиографии: Житие Петра Мичурина // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / Редкол.: А. В. Пигин (отв. ред.), Т. Р. Руди, М. А. Федотова. СПб.: Пушкинский Дом, 2024. Т. 5. С. 375—396; и др.

² В настоящее время — Брянская Белобережская Иоанно-Предтеченская мужская пустынь; расположена в 15 километрах к востоку от Брянска.

³ См. о ней, например: Слюнкин А. А., *протоиерей*. История Брянской Белобережской пустыни в XVIII — первой четверти XX века. Брянск: ИП Огнева, 2014.

посвящен лишь ряд местных церковно-исторических изданий, первым из которых стала книга А. Сполохова, вышедшая в 1863 г.⁴ и затем не раз переиздававшаяся.⁵ Однако в последние годы появилось несколько специальных исследований, посвященных Белобережской обители, среди которых — искусствоведческая работа И. В. Злотниковой о знаменитой местной святыне — иконе Божией Матери «Троеручице»,⁶ а также две статьи И. В. Федоровой о схимонахе Симеоне и связанных с ним текстах.⁷

Известные на сегодня сведения о Симеоне Белобережском⁸ извлекаются по большей части из упомянутой книги А. Сполохова, к работе над которой автором были привлечены не дошедшие до нас материалы ар-

⁴ См.: Историческое и современное обозрение общежительной мужской Бело-Бережской пустыни, Орловской губернии / Сост. из разных старинных рукописей, указов и дел, хранящихся в архиве оной пустыни, поручиком Анатолием Сполоховым. Орел: Тип. И. С. Чичикаслова, 1863.

⁵ Историческое и современное обозрение общежительной мужской Брянской Бело-Бережской пустыни, Орловской губернии: С приложением чудотворной иконы Троеручицы Божией Матери и вида сей Бело-Бережской пустыни / Сост. из разных старинных рукописей, указов и дел, хранящихся в архиве оной пустыни, поручиком Анатолием Сполоховым. М.: Тип. Мартынова и К°, 1878; То же. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1884; То же. С изд. 1863 г., значит. испр. и доп. Одесса: Брянская Бело-Бережская пустынь, 1899; и др.

⁶ *Злотникова И. В.* Белобережская икона Божией Матери «Троеручица»: к вопросу о происхождении и датировке образа // Вестник ПСТГУ. Сер. V: Вопросы теории и истории христианского искусства. 2011. Вып. 2 (5). С. 102–118.

⁷ См.: *Федорова И. В.* 1) «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / Отв. ред.: Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб.: Пушкинский Дом, 2022. Т. 4. С. 459–474; 2) «Белобережский патерик»: состав, источники, жанр // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 280–303 (см. также: То же // Книжность и словесность: связь времен: Сборник статей к юбилею профессора Александра Валерьевича Пигина / Отв. ред. И. С. Андрианова. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. С. 275–294).

⁸ В Православной энциклопедии статья о схимонахе Симеоне отсутствует, однако некоторые сведения о нем читаются в составе статьи о Белобережской пустыни (см.: *Кольцов А.* Белобережская Брянская мужская пустынь // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. Т. 4. С. 532–534). Изложение биографии старца Симеона, составленное на материале доступных сегодня источников, представлено в новейшей работе: *Федорова И. В.* «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю. С. 460–461.

хива Белобережской пустыни,⁹ а также из жизнеописания подвижника («Житие первоначалника и основателя Бѣлобережеской пустыни строителя схимонаха Симеона»), составленного предположительно в последней четверти XIX в. и до настоящего времени научно не издававшегося.

По свидетельствам большинства источников, будущий подвижник родился в 1672 г.¹⁰ в селе Архангельском Тульского уезда Тульской губернии, в семье священника, и получил при крещении имя Симеон.¹¹ По смерти родителей отрок был взят на воспитание в дом тульского священника Якова Федорова, служившего в Успенской церкви, где обучался грамоте у местного дьячка. Позднее женился на вдове Марии Павловой, однако через полгода оставил семью и отправился в паломничество по святым местам. В 1707 г. принял рясофорный постриг в Одрино-Николаевском монастыре Орловской губернии, получив в монашестве имя *Серафим*. Вскоре перешел в Полбинскую¹² Предтечеву пустынь, где был пострижен в мантию (или малую схиму) с именем *Серапион*. В 1714 г. ушел на пустынножителство в брянские леса, где провел в уединении и безмолвии три года. Позднее, в 1721 г., по представлению архимандрита Петропавловского монастыря Питирима был назначен строителем основанной им Белобережской пустыни, в которой ввел строгий устав; настоятельством там до 1724 г., когда петропавловская братия, недовольная возрастом по соседству «новопроцвѣтающей» обители, стала ходатайствовать о ее упразднении. В том же году Серапион предпринял поездки в Москву и Санкт-Петербург, где испрашивал благословения церковных властей на то, чтобы основанная в урочище Белые Берега пустынь сохранила самостоятельность и не зависела от Петропавловского монастыря. Прошения настоятеля были удовлетворены, однако уже в 1725 г. Серапион вновь подвергся клевете и преследованиям (среди прочего — за якобы «присоединение к расколу»), а в 1726 г. был приведен к суду. В результате разбирательства старец был признан виновным, закован в железные цепи и отправлен под надзор в москов-

⁹ См.: Историческое и современное обозрение общежительной мужской Бело-Бережской пустыни Орловской губернии. С. 5.

¹⁰ О другой возможной дате рождения Симеона Белобережского см. далее.

¹¹ По имени отца, священника Алексея, некоторые источники называют белобережского старца *Симеоном Алексеевым*: «...въ мирѣ звали его Симеонъ Алексѣевъ» (Брянская Белобережская пустынь. Орел: Тип. Губернского правления, 1910. С. 2).

¹² Варианты написания — Полпинская пустынь, Полпина пустынь (по названию села Большое Полпино или урочища Полбино).

ский Спасо-Андроников монастырь, где проходил одно из самых трудных послушаний — хлебопека.¹³ Однако тамошний архимандрит Герасим с братией, будучи убеждены в невинности старца, направили прошение о его освобождении в Духовную дикастерию. В результате повторного рассмотрения его дела Серапион был оправдан и направлен в качестве насельника в Николо-Одринский монастырь, в котором когда-то принял постриг, после чего в 1727 г. вновь был назначен строителем Белобережской пустыни, которой и управлял вплоть до своей кончины, последовавшей в 1741 г. Незадолго до смерти старец Серапион принял схиму с именем *Симеон*, под которым и остался в истории русской церкви и книжности.

* * *

Житие основателя Белобережской пустыни схимонаха Симеона известно сегодня в списке, читающемся в составе сборника конца XIX в.,¹⁴ хранящегося в Российской национальной библиотеке: РНБ, собр. П. Н. Тиханова, № 214 (далее — Тих. 214), л. 68–95 об. Сборник представляет собой конволют общим объемом в 149 л., переплет — картон, обтянутый красной тканью в белую полосу. Рукопись содержит в себе тетради разного формата (4° и 2°), переписанные почерками нескольких рук (большой частью — гражданской скорописью) и в большинстве случаев включающие в себя черновые варианты текстов, сопровождающиеся редакторской правкой и, возможно, готовившиеся к изданию.

Тихановский сборник, содержащий различные материалы по истории Белобережской пустыни, в недавнее время был подробно исследован И. В. Федоровой.¹⁵ Проанализировав жанровый состав, композицию

¹³ Известен изданный в конце 1876 г. настенный лист «Жизнь в картинах первоначальника и основателя Белобережской пустыни строителя схимонаха Симеона» (https://archivogram.top/gal/358/071/zhizny_v_kartinah_pervonachalynika_i_osnovatelya_beloberezhskoy_pustyni_stroitelya_shimonaha_simeona-10-42756808.jpghttps://archivogram.top/gal/358/071/zhizny_v_kartinah_pervonachalynika_i_osnovatelya_beloberezhskoy_pustyni_stroitelya_shimonaha_simeona-10-42756808.jpg; дата обращения: 27.06.2024), на одной из «картин» которого изображен старец Симеон за работой в монастырской хлебопекарне (см. илл.).

¹⁴ О датировке и палеографических особенностях сборника см.: *Федорова И. В.* «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его папальничество на Святую Землю. С. 459–460 (примеч. 6).

¹⁵ *Федорова И. В.* «Белобережский патерик»: состав, источники, жанр. См. также электронную публикацию об этом сборнике и его владельце Павле Никитиче Тиханове, подготовленную сотрудником Отдела агиологии Брянской епархии иеромонахом Диомидом (Кузьминым), насельником Казанской Богородицкой Площанской пустыни: *Диомид, иером.* Извест-

и принципы организации материалов конволюта, она пришла к выводу о том, что Тих. 214 «представляет собой произведение ансамблевого типа»,¹⁶ посвященное истории Белобережской пустыни и ее насельников, и предложила именовать его «Белобережским патериком». По мнению исследовательницы, составление этого позднего патерикового памятника, к которому были привлечены как архивные, так и печатные источники, следует отнести к периоду между 1894 и 1905 гг.

Старцу Симеону в «Белобережском патерике» уделено одно из центральных мест — наряду с главной реликвией пустыни, иконой Божией Матери «Троеручицей», которой посвящен открывающий сборник цикл из трех Сказаний (Тих. 214, л. 1—54 об.): о Хиландарском образе «Троеручицы», списком с которого является Белобережская икона, о самой местной святыне, написанной в начале XVIII в. в Москве и переданной в 1724 г. в пустынь ее строителю, тогда еще — Серапиону, а также об исходящих от нее чудесах (общим числом — 19).¹⁷ При этом второй из памятников, «Сказание о чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, именуемой Троеручицою, находящейся в обители Бѣлобережской, с кратким очерком жизни строителя обители схимонаха Симеона» (л. 7—25), как можно видеть из его заглавия, включает в себя и краткое жизнеописание подвижника.¹⁸

Важно отметить, что Сказание о чудесах от иконы «Троеручицы» содержит не только описание чудес, совершившихся при жизни Симеона Белобережского и при его участии (см. Чудеса 1 и 2 о нехватке лампад-

ные материалы о брянских пустынножителях, собранные П. Н. Тихановым [Электронный ресурс]. URL: <http://svenmon.org/chronicle/> (дата обращения: 26.06.2024). Основное внимание в публикации иером. Диомида уделено циклу житий патерикового типа, повествующих о подвигах местных пустынножителей XVIII—XIX вв. (читаются в разделе «Брянский лѣс и отшельники его»; см.: Тих. 214, л. 96—125 об.). Краткое упоминание Тихановского сборника см. также: Руди Т. Р. Из истории поздней русской агиографии: Житие Феофана Соловецкого. С. 429.

¹⁶ Федорова И. В. «Белобережский патерик»: состав, источники, жанр. С. 298.

¹⁷ См.: Там же. С. 284—287.

¹⁸ См. об этом: Злотникова И. В. Белобережская икона Божией Матери «Троеручица»: к вопросу о происхождении и датировке образа. С. 109—110. По наблюдениям И. В. Федоровой, «в этом сказании жизнь “блаженного инока Серапиона” изложена кратко, представлены ее “узловые” моменты, и помещена не в самом тексте сказания, а в примечании к нему (л. 7 об.—8 об.), чтобы акцентировать внимание на главном — почитаемом образе, его передаче старцу Серапиону и “пришествии” иконы в монастырь (л. 11 об.—12)» (Федорова И. В. «Белобережский патерик»: состав, источники, жанр. С. 285).

ного или постного масла), но и посмертные чудеса старца, в которых неоднократно упоминаются совершаемые по нему в обители панихиды (см. Чудеса 4, 8 и др.).¹⁹ Среди читающихся в Сказании посмертных чудес схимонаха Симеона — дарование по его молитвам чада бездетной женщине из города Карачева (Чудо 4),²⁰ исцеление ослепшего пятилетнего отрока, «сына сапожника Александра Е. Кизимова из города Жиздры» (Чудо 8),²¹ и даже воскрешение утопшего мальчика, сына деревенской женщины из Смоленской губернии, шедшей в Белые Берега на молебен «Троеручице» (Чудо 10).²² Все эти тексты свидетельствуют

¹⁹ И. В. Федорова указывает, что, по мнению А. А. Романовой, упоминание в поздних агнографических памятниках, посвященных местным подвижникам благочестия, о служении им панихид может рассматриваться как определенный этап в установлении их официального почитания (см.: Федорова И. В. «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю. С. 462; Романова А. А. О некоторых особенностях почитания местных подвижников в агнографических источниках XVII—XVIII вв. // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археологии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 286. (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 39)).

²⁰ Приведу здесь окончание четвертого Чуда, содержащее устойчивые формулы, читающиеся в большинстве текстов чудес Сказания: «Когда новорожденному сыну исполнилось годичное время, тогда мать его съ нимъ путешествовала въ Бѣлобережскую пустынь, отслужила тамъ благодарственный молебенъ Божией Матери и панихиду по старцу Симеонъ. Про это сотворившееся чудо эта женщина сказывала монахамъ, и всѣ они прославили Бога и Матерь Его Владычицу и старца Симеона» (Тих. 214, л. 36). Далее в строке читается приписка более мелким почерком: «Это было въ 40-х годахъ».

²¹ Чудо датируется в тексте 1859 годом. В рукописи читается примечание о том, что отец прозревшего мальчика впоследствии принял постриг в Белобережской пустыни: «Нынѣ — монахъ Александръ, находятя (sic!) въ Бѣлыхъ Берегахъ» (Тих. 214, л. 40 об.). Исцелившийся мальчик, по свидетельству Сказания, стал, как и отец, заниматься сапожным делом: «Дѣйствительно тепѣрь сынъ его занимается работою, шитьемъ сапогъ, и строчить ихъ такъ чисто и скоро, что многихъ удивляетъ. Несмотря на то что у него одинъ глазъ открытъ, но и тѣмъ онъ смотритъ въполовину зрачка» (Тих. 214, л. 43—43 об.).

²² Чудо 10 сопровождается в рукописи примечанием: «Это чудо повѣдалъ намъ старецъ монахъ Варлаамъ, а онъ слышавъ отъ матери мальчика» (Тих. 214, л. 45 об.; после слова *матери* поверх строки читается синтаксически не согласованная редакторская вставка: *приведшаго*). В этом чуде, как и в некоторых других (см., например, Чудо 14 — о заблудившемся в лесу монахе Аполлинии, которому встретившийся на пути старец указал дорогу к обители), присутствует мотив узнавания по портрету: мальчику показали изображение покойного старца Симеона — «и онъ сказалъ, что точно такой приходилъ къ нему и вывелъ его изъ воды на берегъ» (л. 45 об.).

о почитании Симеона Белобережского в основанной им пустыни и ее окрестностях как местного подвижника благочестия.

Показательна в этом отношении литография «Первоначальникъ и основатель Бѣлобережской пустыни схимонахъ Симеонъ»,²³ помещенная в Тихановском сборнике на л. 66 об. и предваряющая таким образом Житие подвижника (читается на л. 68—95 об.).²⁴ На гравюре изображен стоящий на лесной поляне старец Симеон в схимническом облачении, с посохом и четками в руках. Над старцем в облаке славы — ангелы, держащие святыню Белобережской пустыни — икону «Троеручицы». На стволе дерева справа от старца читается псаломская цитата, представляющая собой один из важнейших топосов преподобнических (и, в частности, отшельнических) житий: «Се удалихся бѣгая, водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя» (Пс. 54: 8—9).²⁵ Важно отметить, что помещенная в Тих. 214 литография сопровождается официальным цензурным разрешением к печати, датированным 1852 г.: «Печ<атать> поз<воляется> июля дня. 1852 г. Цен<зор> прот. П. Делицын».²⁶

О продолжающейся вплоть до наших дней живой традиции почитания старца Симеона может свидетельствовать, среди прочего, созданная около 2003 г. икона постриженника Белобережской пустыни, основателя киевского Ионинского во имя Святой Троицы монастыря преподобного Ионы Киевского (иконописец А. П. Репетовский).²⁷ На этом образе, на-

²³ Запись под изображением сообщает имя автора литографии: «Лит. Чуксина» (Тих. 214, л. 66 об.).

²⁴ Литография воспроизведена в статьях И. В. Федоровой; см.: *Федорова И. В. 1* «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю. С. 463; 2) «Белобережский патерик»: состав, источники, жанр. С. 294.

²⁵ См. об этом: *Руди Т. Р. 1*) Об одном мотиве житий преподобных («вселение в пустыню») // От Средневековья к Новому времени: Сборник статей в честь Ольги Андреевны Белобровой / Отв. ред. и сост. М. А. Федотова. М.: Индрик, 2006. С. 15—36; 2) О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 459—467.

²⁶ По наблюдениям И. В. Федоровой, литографированное изображение схимонаха Симеона распространялось во второй половине XIX в.; в частности, оно помещено в переиздании книги А. Сполохова о Белобережской пустыни 1884 г. (с. 17). См.: *Федорова И. В.* «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю. С. 462—464.

²⁷ Преподобный Иона (1805 (1809?), Полтавская губ. — 09.01.1902, Киев; в миру — Иван Павлович Мирошниченко [Мирошин]; в схиме Петр; память 9 января и 20 сентября — в Соборе Брянских святых) «в 1836 г. поступил послушником в Белобережскую Иоанно-Предтеченскую пуст<ынь>

ходящемся в Троеручицком приделе Троицкого собора Ионинского монастыря, «прп. Симеон Белобережский благословляет прп. Иону иконой Божией Матери “Троеручица”». ²⁸ Особого внимания здесь, безусловно, заслуживает именование белобережского старца *преподобным* — при отсутствии каких-либо сведений о его официальной канонизации. ²⁹

Сведения о старце Симеоне — как основателе пустыни — в той или иной форме читаются в различных частях Тихановского сборника: в уже упомянутом цикле сказаний о «Троеручице» (л. 1—54 об.), «Историко-статистическом описании Бело-Бережской пустыни» (л. 55—64), ³⁰ а также в цикле «Брянский лѣсъ и отшельники его» (л. 96—125 об.), ³¹ повествующем о местных пустынножителях, для которых удалившийся на безмолвие «въ Брянские дремучие, то есть въ темные и непроходимые, лѣса» ³² старец также являлся «первоначальником» их пустынного подвига. ³³ Однако наиболее значимым текстом о Симеоне Белобережском является, безусловно, пространное жизнеописание по-

Брянского у. Орловской губ., 4 марта 1838 г. был зачислен в обитель, 19 дек. 1843 г. пострижен в монашество, 20 июня 1845 г. рукоположен во диакона. В пустыни Иона трижды сподобился явления Божией Матери и Ее благословения на основании нового монастыря на берегу Днепра (Рылкова Л. П. Иона // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. Т. 25. С. 427). По свидетельству Жития Ионы, на вступление в Белобережскую пустынь его благословил Серафим Саровский (см.: Житие преподобного Ионы, Киевского чудотворца. Киев, 2002; переизд.: 2009).

²⁸ Цит. по: Ковалева И. А. [Иона] Иконография // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2010. Т. 25. С. 429—430.

²⁹ О вопросе прославления подвижника см.: Федорова И. В. «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю. С. 461—464. Исследовательница отмечает, среди прочего, что Е. Е. Голубинский поместил имя схимонаха Симеона среди подвижников, о канонизации которых сведений нет, однако «на самом деле почитаемых» (Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской церкви. М.: Университетская тип., 1903. С. 340).

³⁰ Полное название памятника: «Историко-статистическое описание Бело-Бережской пустыни с изложением жития начальника схимонаха Симеона и прочих подвижников» (Тих. 214, л. 55).

³¹ Цикл имеет в рукописи подзаголовок: «Жизнь ст. Симеона, о пустычникахъ и прочихъ подвижниковъ (sic!)» (Тих. 214, л. 96).

³² Тих. 214, л. 70.

³³ По замечанию иером. Диомида (Кузьмина), «большинство содержащихся в этой тетрадке (имеется в виду тетрадь № 4 Тихановского конволюта, содержащая цикл «Брянский лѣсъ и отшельники его». — Т. Р.) сведения являются для исследователей совершенно новыми и неизвестными»

движника — «Житие первоначалника и основателя Бѣлобережеской пустыни строителя схимонаха Симеона» (л. 68—95 об.), являющееся смысловым и структурным центром «Белобережского патерика».

Список Жития представляет собой отдельную тетрадь форматом почти во 2-ю долю листа (большую 4-ку), с собственной пагинацией (л. 1—28 об. = л. 68—95 об. общего счета);³⁴ почерк — полуустав, подражание печатному; бумага без водяных знаков с прямоугольным гнутым штемпелем «Конд. фаб. / № 6 / г. Козловой»³⁵ (Кондровской бумажной фабрики П. А. Козловой, Калужская губерния, Медынский уезд). В тексте имеется правка другой руки, а также отдельные вставки,³⁶ затертые или вычеркнутые фрагменты,³⁷ пометы на полях (в основном —

(Диомид, иером. Неизвестные материалы о брянских пустынножителях, собранные П. Н. Тихановым [Электронный ресурс]).

³⁴ Первый лист текста Жития пронумерован цифирью (а под титлом) — чернилами в верхнем правом углу, остальные — простым карандашом. Общая нумерация листов в конволюте осуществлена синим карандашом по нижнему полю листов. Отдельный список Жития Симеона Белобережского в Тихановском сборнике имеет обложку, представляющую собой сложенный вдвое нотный лист большого формата без текста, с записью на верхней стороне: «Тетрадь 7-я. Еще Жизнь ст. Симеона» (Тих. 214, л. 65).

³⁵ См.: *Клепиков С. А.* Филигрani и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX вв. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959. С. 104, № 93 (1865, 1875 гг.). О бумаге Тихановского сборника см. также: *Федорова И. В.* «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю. С. 459, примеч. 6).

³⁶ Так, в первой фразе Жития «Сей блаженный отецъ нашъ Симеонъ родом Тульской губернии Тульского уезда села Архангельскаго, благочестивыхъ родителей сынъ, священника *Альксея...*» (л. 68) имя отца будущего подвижника вписано поверх строки простым карандашом (вероятно, другой рукой).

³⁷ Например, на л. 87 удален (отчеркнут двойной чертой и перечеркнут крестом) довольно большой фрагмент текста об изгнании старца из пустыни по ложному доносу: «Тако обитель его лишена была своего пастыря и находилась под ведениемъ вышепомянутаго Петропавловскаго монастыря, которыи етого искали и желали, блаженнаго старца Серапиона таковому жестокому страданию вдали своими ложными доносами и лживыми писаниями въ Духовную дикастерию. Тако стражайше было приказано отъ правительства имѣть надзоръ Петропавловскаму настоятелю новую пустыню». При этом вычеркнутый текст несколько позднее вновь воспроизведен в Житии в более кратком варианте: «И тако обитель его лишена была своего пастыря и находилась под вѣдениемъ Петропавловскаго монастыря, которыи етова желали и искали: смиреннаго старца Серапиона таковому страданию вдали своими лживыми писанми» (л. 88 об.; на верхнем поле этого листа напротив цитированного текста проставлена чернильная редакторская помета: «Здѣ»).

указания на источники использованных библейских цитат). Всё это позволяет говорить о том, что в Тих. 214 представлен незавершенный (в определенной степени — черновой) вариант текста Жития Симеона Белобережского, которое, возможно, готовилось к изданию.

Можно предположить, что одним из источников Жития старца Симеона, читающегося в составе Тихановского сборника, послужила упомянутая книга А. Сполохова (1863),³⁸ написанная с привлечением архивных материалов обители и являющаяся, по мнению современных исследователей, своего рода «историческим источником по Белобережской пустыни».³⁹ Об этом, в частности, может свидетельствовать предпосланное Житию предуведомление: «Списано от исторического сказания обители его...» (Тих. 214, л. 68). Другим источником жизнеописания и чудес Симеона могли послужить устные свидетельства насельников пустыни, монастырские предания, а также посвященные обители материалы периодической печати, ссылки на которые не раз встречаются на листах «Белобережского патерика».⁴⁰

Житие Симеона Белобережского по структуре и поэтическим средствам представляет собой традиционное житие-биографию (Βίος или Vita):⁴¹ оно описывает жизнь подвижника на всем ее протяжении — от

³⁸ И. В. Федорова, исследовавшая отдельные вопросы биографии старца Симеона, пишет: «Первые опыты составления его жития следует связать с именем поручика Анатолия Сполохова — автора книги об истории Белобережской пустыни» (Федорова И. В. «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю. С. 459). О старце Симеоне, а также его посмертных чудесах в издании Сполохова см. с. 11 (примеч.), 12—16, 45—56. См. также первое отдельное издание, посвященное схимонаху Симеону, основанное, по собственному признанию его автора, на книге А. Сполохова: [Григорий, архим.] Первоначальник и основатель Белобережской пустыни схимонах Симеон // Душеполезное чтение. 1890. № 6. [отд. отт.].

³⁹ Злотникова И. В. Белобережская икона Божией Матери «Троеручица»: к вопросу о происхождении и датировке образа. С. 106.

⁴⁰ См., например, помету на л. 42 об., сопровождающую описание исцеления 14-летнего мальчика из Орла, страдавшего припадками: «Стран-
<ник>. 1861 г. за мес. январь». После молебна «Троеручице», *панихиды старцу Симеону* и молебна Иоанну Предтече припадки прекратились. Среди других изданий, ссылки на которые содержит Тих. 214, — еженедельный иллюстрированный журнал для народа «Кормчий» (см. запись на л. 6 об.), «Душеполезное чтение» (л. 149 об.) и др. О печатных источниках текстов Тихановского сборника см. также: Федорова И. В. «Белобережский патерик»: состав, источники, жанр. С. 295.

⁴¹ Об основных типах агиографических текстов и классической схеме похвального жития см.: Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков: Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их

рождения от благочестивых родителей («Сей блаженный отецъ нашъ Симеонъ <...>, *благочестивыхъ родителей сынъ...*»; Тих. 214, л. 68)⁴² до блаженной кончины: «И успѣ сномъ честнымъ смерти блаженный отецъ нашъ Симеонъ, *чистый сердцемъ, предавъ душу свою святую въ руку Господа своего*, (ср.: Лк. 23: 46) *Емуже поработа усердно*» (л. 95—95 об.).

Следует отметить, что, не называя схимонаха Симеона святым (на протяжении всего текста Жития он именуется *блаженным*),⁴³ неизвестный автор жизнеописания старца стремится при этом строго следовать житийному канону и включает в свое повествование все основные элементы агиографической схемы, в частности — схемы преподобнического жития.⁴⁴ Приведу в качестве примера некоторые из них:

а) Обучение грамоте: оставшийся сиротой отрок Симеон в доме взявшего его на воспитание тульского священника «вданъ былъ въ научение Божественнаго Писания и добръ научився на рускомъ языке чтению» (л. 68 об.).

б) Любовь подвижника с младенчества к Богу: «Избранный же от младыхъ лѣтъ быть чистымъ сосудомъ молитвы и служения Богу, горело сердце его, долженствовавшие (sic!) быть храмомъ Святаго Духа, от младенчества особѣнною любовию къ Богу Утѣшителю...» (л. 68 об.).

с точки зрения исторической и историко-литературной. Пг.: Тип. Акад. наук, 1914. Ч. 1: Современные жития. С. 1—36.

⁴² Далее при цитировании Жития ссылки на шифр рукописи опускаются, листы указываются в скобках.

⁴³ В большинстве случаев — «блаженным отцом», реже — «блаженным старцем», иногда — «блаженным строителем». Приведу некоторые примеры: «Сей блаженный отецъ нашъ Симеонъ родомъ Тульской губернии...» (л. 68); «Такъ блаженный отецъ Серапионъ нача болѣе подвизатися...» (л. 72 об.); «Такъ первоначальникъ блаженный отецъ Серапионъ, побуждаемый чувствомъ высокаго благочестия...» (л. 75); «...и ярящеса гнѣвомъ на блаженнаго строителя Серапиона» (л. 78 об.); «Такое блаженный старецъ Серапионъ претерпѣлъ гонение...» (л. 89); «Такъ блаженному старцу пребывающу въ молитвѣ и постѣ...» (л. 90 об.) и т. п. Можно полагать, что эпитет *блаженный* следует понимать здесь как применяемый к пока не канонизированному, но «чаемому» святому. По наблюдениям исследователей, именование *блаженный* «иногда употребляется в отношении святого или неканонизированного подвижника благочестия (независимо от его лика святости или вида подвига) в качестве прилагательного со значением “стяжавший евангельские блаженства”, “живущий по заповедям евангельских блаженств”» (Андроник (Трубачев), *игумен*. Блаженный // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 352). См. также: Федорова И. В. «Святой без нимба»: схимонах Симеон Белобережский и его паломничество на Святую Землю. С. 461—462.

⁴⁴ См. о ней, например: Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных.

В цитированной фразе использована агиографическая формула «сосуда избранного», которая в христианской традиции является устойчивой характеристикой апостола Павла и восходит к чтению из Апостольских Деяний: «Рече же к нему Господь: “Иди, яко *сосудъ избранъ Ми естъ сей...*”» (Деян. 9: 15).⁴⁵

в) Отношение к браку: по совету своих воспитателей Симеон женится на вдове Марии Павловой, однако через полгода, отложив всё мирское попечение, оставляет семью и отправляется в паломничество по святым местам, а затем — в Одрин монастырь.

г) Ревностное исполнение монастырских послушаний: «Наложенное же от настоятеля послушание проходилъ со всякимъ смиренномудриемъ и страхомъ Божиимъ, разжежашеся же духомъ и тщится угодити Богу и по силѣ своей подражати житию преподобныхъ отецъ, въ монашествѣ просиявшихъ. И тако работаше Господу Богу въ монастырѣ святителя Николая съ смирениемъ, послушание проходя съ великою любовью» (л. 69 об.—70).

д) Уход из монастыря на безмолвие в пустыню: «Въ 1714 году блаженный отецъ Серапионъ удалился на уединение, избралъ себе уединенное мѣсто близъ реки Снѣжета на Бѣлыхъ Бѣрегахъ, гдѣ нынѣ красуется имъ вновь основанная святая обитель, и вселися на избранномъ мѣсте въ сей пустыни, вперивъ умъ свой божественному желанию, и оставилъ вся долу влекущая мудрования, процвелъ, яко прекрасный кринъ добродѣтели, и страстей искоренилъ терние; насадилъ в нѣмъ плоды трудовъ своихъ, своимъ глубокимъ безмолвиемъ въ самомъ уединении, строгимъ постомъ и слѣзами, всегдашнимъ бдѣниемъ и непрестанною молитвою душепагубныя страсти умертвилъ, на высоту смиренномудрия возшелъ и былъ подвижникъ добродѣтелей, какъ истинный воинъ Христа Бога, на страсти вельми подвизался противу козней бесовскихъ въ жизни временной в пѣнии, бдѣнии и пощении, всяко плотское наслаждение возненавидѣлъ» (л. 73—73 об.).

В приведенной цитате, помимо собственно мотива ухода на пустынножительство, использован целый комплекс устойчивых формул, свойственных житиям и службам преподобных: «вперивъ умъ свой божественному желанию», «оставилъ вся долу влекущая мудрования»,⁴⁶ «процвелъ, яко прекрасный кринъ добродѣтели», «страстей искоре-

⁴⁵ См. об этом мотиве: *Яхонтов И.* Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник / Сост. по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. С. 58; *Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных. С. 452—455.

⁴⁶ Об этой формуле, являющейся элементом житийного топоса «отгягтия влас», см. подробнее: *Руди Т. Р.* О композиции и топике житий преподобных. С. 455—459.

ниль терние»,⁴⁷ «на страсти вельми подвизался против козней бесовскихъ» и др.

е) Предсмертное наставление братии с обещанием процветания обители в случае соблюдения заповедей: «Блаженный же отецъ, утѣшая ихъ, глаголаше: “Не скорбите о семъ, возлюбленнии! Богъ, милостивъ и челоувѣколюбивъ сый, всѣмъ желаетъ спастися.^(ср.: 1 Тим. 2: 4) Но разумѣйте о семъ: аще стяжу дерзновение къ Богу и дѣло мое угодно Ему будетъ, не токмо не оскудеетъ мѣсто, но и больше распространится по моему преставлению, аще любовь имате, заповѣди моя соблюдете, и любви Божия пребудетъ въ васъ”» (л. 94 об.—95); и др.

Можно полагать, что автор Жития Симеона Белобережского был не только хорошо знаком с агиографической традицией, владел средствами поэтики и приемами составления житийных текстов, но и ориентировался на современные ему образцы. Так, например, повествуя о бедственном положении старца, в очередной раз подвергшегося нападкам со стороны насельников соседней обители, агиограф прибегает к объемному текстовому заимствованию, избрав в качестве источника Житие Паисия Величковского. Приведу этот фрагмент целиком:

Житие Паисия Величковского	Житие Серапiona Белобережского
<p>Зане тако сотвори враг, всякого блага ненавистник и христианского спасения губитель, древний сеятель плевел посреди пшеницы, богоборец диавол: идеже бо бяше множайшая святыня и преподобие, идеже весь мир, паче же христианския роди, имеху живущих в горе сей столп и утверждение православные веры, образ благочестия и спасения, благоговения же и всякие душевные пользы, тамо потщася лукавый (еже начася наипаче с 1721 г.) плевелы своя всеяти некими нашедшими зломудрыми и страха Божия не имущими людьми, иже мнящиеся быти мудри и первой, заблудиша от чрева и объюродеша, сотвориша премногия соблазны и молвы, гор-</p>	<p>Зане тако сотвори врагъ, всякого блага ненавистникъ и христианскаго спасения губитель, древний сѣятель плѣвель посреде пшеницы, богоборецъ диаволь: идѣже бо бяше образъ благочестия и спасения, благоговѣния же и всякия душевныя пользы, тамо потщася лукавый плѣвѣлы своя всѣяти некими нашедшими зломудрыми и страха Божия не имущими людьми, иже «мнящиеся быти мудры и первии, заблудиша и объюродѣша»,^(ср.: Рим. 1: 22) сотвориша премногия соблазны,</p>

⁴⁷ Ср., например, в тропаре Кириллу Белозерскому: «Яко крин, в пустыни давидски процвел еси, отче Кирилле, злострастия терние искореня...» (цит. по: Минея. Июнь. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. Ч. 1. С. 272).

<p>быню и мятежи, и многим быша на соблазн и душевное разорение: сих ради, глаголет Апостол, предаде их Бог в неискусен ум творити неподобная. Яже вся тако бывающая мужи благоговейные и боящиеся Бога, живущие ту, видяще, въздыхающе горько плакаху, и моляхуся Господеви, еже приити им в познание заблуждения своего, и лютых страстей, гордости же и тщеславия.⁴⁸</p>	<p>и многимъ быша на соблазнъ и душевное разорение. Сихъ ради глаголетъ апостолъ: «Предаде ихъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная». (Рим. 1: 28) Яже вся тако бывающая мужи благоговѣйнии и боящиися Бога, живущии в новой обители, то видяще, въздыхающе, горько плакаху и моляшеся Господеви, еже приити имъ в познание заблуждения своего и лютыхъ страстей, гордости и тщеславия избавитися (Тих. 214, л. 84 об.—85).</p>
--	--

Как можно видеть, автор Жития Симеона прямо заимствует текст источника, опустив лишь незначительные фрагменты, непосредственно связанные с монастырем Паисия, и добавив важное для него указание на *новую обитель* белобережского старца.

Будучи, с точки зрения поэтики и композиции, ориентировано на средневековый канон (использование традиционной житийной схемы, агиографических топосов, библейских цитат и т. п.), Житие схимонаха Симеона в целом принадлежит, безусловно, к Новому времени. Помимо обязательных для памятников с нормативной поэтикой «общих мест» (κοινὸί τόποι / loci communes),⁴⁹ жизнеописание старца содержит значительный объем реального исторического материала, касающегося монастырской жизни того времени, и Белобережской пустыни в частности. Так, например, в нем приводится в полном объеме («в подлиннике»)

⁴⁸ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М.: В Университетской типографии, 1847. Цит. по репринтному изд.: Козельск: Свято-Введенская Оптиная пустынь, 2001 (глава 27: «Нынешнее бедственное положение Св. горы»).

⁴⁹ О литературном этикете в целом и литературной топике («общих местах») в частности см., например: *Čyževskýj D.* Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 105–112; *Лихачев Д. С.* Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // ТОДРЛ. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 17. С. 5–16; *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern, München: A. Francke AG Verlag, 1984. 10 Aufl. S. 89–115; *Панченко А. М.* Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 236–250; *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. (Slavistische Beiträge. Bd. 278). München: Verlag Otto Sagner, 1991. С. 217–223; *Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / Под ред. Т. Р. Руди и С. А. Семячко (отв. ред.). СПб.: Пушкинский Дом, 2005. С. 59–101; и др.

письмо местного помещика Иакинфа Алымова, в 1731 г. пожертвовавшего «въ вѣчное владѣние <...> строителю монаху Серапиону с братиею» принадлежащую ему пустошь Полбино (см.: Тих. 214, л. 91–92).

Важно отметить при этом, что в некоторых случаях содержащиеся в Житии сведения расходятся с другими источниками. Так, например, в издании «Брянская Белобережская пустынь», выпущенном в Орле в 1910 г., говорится о том, что будущий подвижник родился «ок. 1685 г.»,⁵⁰ в то время как Житие (как, впрочем, и все остальные известные на сегодня источники) называет 1672 г.⁵¹ Можно отметить в скобках, что указанный в орловском издании в качестве года рождения старца 1685 г. в определенном смысле выглядит более логичным: если принять его как истинный, то к моменту женитьбы (1707 г.) Симеону, жившему до совершеннолетия в доме тульского священника и вступившему в брак по совету своих «воспитателей», было 22 года, тогда как по Житию (исходя из 1672 г. как года рождения) — 35 лет.

Можно предположить, что составитель орловского издания имел доступ к каким-то материалам, не получившим в дальнейшем распространения или сознательно отредактированным. Так, если в Житии упомянутая женитьба и недолгий брак Симеона рисуются в традиционном агиографическом ключе («Потомъ по совѣту благочестивыхъ своихъ воспитателей женился на вдовѣ Марии Павловой. <...> Тако Симеонъ, укрѣпляемъ помощію Божіею, начаше удалятися отъ мирскаго житія и тщится исполнити свое желаніе, оставляя свою сожительницу, съ которою проживъ полгода, также свое и наслѣдіе, возжелалъ иноческаго цѣломудреннаго равноангельнаго чистаго житія...»),⁵² то в издании 1910 г. картина выглядит иначе и имеет вполне бытовой характер: «Между тѣмъ, по смерти воспитателя его, священника Иакова, обманомъ и противъ воли его заставили вступить въ бракъ со вдовою этого священника. Всѣ эти причины побудили его, чрезъ полгода послѣ брака, оставить жену и отправиться по обѣщанію въ Киевъ».⁵³

Показательна и разница этих двух текстов — Жития и издания о Белобережской пустыни 1910 г. — в освещении драматической темы «раскольнической прелести», в которой был обвинен старец. В Житии тема «присоединения к расколу» кратко возникает лишь раз — при упомина-

⁵⁰ Брянская Белобережская пустынь. Орел: Тип. Губернского правления, 1910 (= Отдельный оттиск из III т. «Сборника Орловского Церковного Историко-Археологического Общества»). С. 2.

⁵¹ «Сей блаженный отецъ нашъ Симеонъ <...> родился въ 1672 году» (Тих. 214, л. 68).

⁵² Там же, л. 68 об.—69.

⁵³ Брянская Белобережская пустынь. С. 2.

нии ложных доносов, которым подвергся подвижник и созданная им обитель: «Еже начаша тако нападовати на святое мѣсто и Богомъ собранную братию и на раба Божия блаженнаго отца Серапиона клеветати, таковыми зельными клеветами и злохулениями возложиша вины на невиннаго таковыя, якобы онъ въ самовольной отлучкѣ из монастыря для подачи прошений въ Москвѣ и С. Петербурге, еще въ самовольномъ устроении пустыни, въ самовольномъ принятии на себя звания строителя. Но еще мало етой клѣветы: *присоединиша его къ расколу съ давняго времени и нарицаше его раскольникомъ*» (Тих. 214, л. 85—85 об.).

В издании же 1910 г. тема раскола и *правой веры* возникает — и довольно подробно освещается — уже при описании жизни юного Симеона в доме священника Успенской церкви Иакова: «Научившись грамотѣ и пришедши въ совершенный возрастъ, онъ былъ при той же церкви дьячкомъ. Въ это еще время неоднократно приходилось ему въ народѣ слышать о *правой вѣрѣ*, особенно въ отношении къ крестному знаменію. Имѣя въ духѣ ревность къ правой вѣрѣ и по истинному благочестию, которыя потомъ и оправдалъ онъ собственною жизнью, но не довѣряя народнымъ толкамъ, грамотный Симеонъ собиралъ и читалъ печатныя книги, въ которыхъ надѣялся найти разрѣшение своего сомнѣнія. На тотъ разъ онъ остался однако же при своемъ недоразумѣнии, *склоняясь впрочемъ болѣе на раскольническое мнѣніе о крестномъ знаменіи* (здесь и далее курсив мой. — Т. Р.), будучи притомъ совершенно непричастенъ никакимъ другаго рода заблужденіямъ и держась строго единства съ Православною Церковію». ⁵⁴

Тема поиска истинной веры и отношения к расколу возникает в орловском издании еще не раз. Приведу здесь эти фрагменты целиком — как важные свидетельства, не нашедшие отражения в Житии подвижника:

а) «Здѣсь надобно упомянуть, что незадолго предъ отшествіемъ Серапиона на уединение Господь наконецъ увѣнчалъ его чистосердечное и нелицемѣрное исканіе истины о крестномъ знаменіи. Въ это время встрѣтилъ онъ книгу Скрижалъ и, прочитавъ ее, какъ самъ говорить, *разсудилъ, что нѣтъ истины въ раскольничествѣ*». ⁵⁵

б) «Такъ какъ въ то время запрещалось заводить вновь пустыни по случаю расколовъ, то онъ (строитель соседней Полбиной пустыни. — Т. Р.) въ 1723 г. подалъ доношение въ Московскую Духовную Дикастерію, въ коемъ собралъ нѣсколько клеветъ на Серапиона, *обвиняя его главнымъ образомъ въ “раскольнической прелести”*. Обвинитель и обвиняемый оба вызваны были въ Москву. По слѣдствію Серапионъ оказался правымъ: *онъ откровенно сознался въ томъ, что нѣкогда точно*

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 3.

имѣлъ сомнѣние о крестномъ знаменнн, но давно уже оставилъ оное самъ собою, будучи вразумленъ книгою Скрижалъ, и въ настоящее время никакимъ раскольническимъ мнѣннямъ непричастенъ. По тогдашнему положенню, приведенный къ увѣрительной въ Православнн присягѣ, онъ отпущенъ былъ опять въ Бѣлобережскую Пустынь настоятелемъ».⁵⁶

в) «Московскою Дикастернею онъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ обвиненъ былъ опять въ томъ, въ чемъ уже разъ былъ оправданъ, т. е. въ расколъ, и якобы на исправленне посланъ въ Андрониевъ монастырь на тяжкие труды. Но въ другой разъ оказавшись непричастнымъ расколу, изъ Андрониева отпущенъ былъ безъ всякаго подозрѣнн въ Карачевский Одринъ монастырь».⁵⁷

Как можно думать, издание 1910 г. сохранило и донесло до нас реальную — непростую — историю схимонаха Симеона в его поисках *правой веры*, в то время как Житие ограничилось единственным упоминанием о клеветнических наветах на старца, которые привели к несправедливому обвинению его в «присоединении к расколу».

Подведем краткие итоги. Житие Симеона Белобережского, читающееся в составе Тихановского сборника, представляет собой памятник поздней русской агиографии, составленный, по всей вероятности, в последней четверти XIX в. неизвестным автором.⁵⁸ Композиционно и стилистически оно ориентировано на средневековый агиографический канон (житие основателя монастыря), однако в целом принадлежит, безусловно, к Новому времени: помимо житийной топики оно включает в себя многие документальные материалы, а потому может представлять интерес не только для историков литературы, но и для историков церкви.

* * *

Житие Симеона Белобережского публикуется по списку: РНБ, собр. П. Н. Тиханова, № 214, л. 68—95 об. При публикации сохранена орфография источника⁵⁹ — за исключением явных описок; исправления при этом выделяются курсивом и комментируются в подстрочных примечаниях.

⁵⁶ Брянская Белобережская пустынь. С. 4.

⁵⁷ Там же. С. 5.

⁵⁸ О проблеме авторства «Белобережского патерика», в составе которого читается Житие схимонаха Симеона, см.: Федорова И. В. «Белобережский патерик»: состав, источники, жанр. С. 295—296.

⁵⁹ Индивидуальная орфография списка сохранена с целью передачи специфики публикуемого источника (в противном случае пришлось бы править большую часть текста). Вместе с тем, отдельные ее особенности (в частности, слитное написание предлогов при раздельном написании приставок) приведены в соответствие с современными грамматическими нормами.

Житие первоначальника и основателя Бѣлобережеской пустыни строителя схимонаха Симеона

л. 68

Списано от исторического сказания
обители его,¹ и объ иконѣ
имѣ пренисенной Троеручицы,
Божией Матери,
с краткимъ очеркомъ жизни
святаго Иоанна Дамаскина

Сей блаженный отецъ нашъ Симеонъ родом² Тульской губернии Тульского уезда села Архангельскаго, благочестивыхъ родителей сынъ, священника Алѣксея,³ родился въ 1672 году;⁴ при крещении нареченъ онъ Симеономъ. По смерти благочестивыхъ своихъ родителей онъ остался малолѣтнимъ и испыталъ въ своемъ отроческомъ возрастѣ великия скорби, неразлучныя съ убожествомъ, покрывая тѣрниемъ жизненный путь въ своемъ малолѣтнемъ возрастѣ. Въ такомъ скорбномъ пути оставшия малолѣтний юноша от своихъ родителей, горькими слѣзами рыдале неутѣшно // и не зная, къ кому прибѣгнуть и подклони свою главу.^(ср.: Мф. 8: 20) Тако благоразумный отрокъ положилъ надежду на единаго Господа Бога, «дающаго пищу алчущимъ»:⁵ (Пс. 145: 7) «И мене, сироту, всячески можетъ пропитать».

л. 68 об.

Человѣколюбецъ же Господь скоро своимъ промысломъ утѣши горькия слезы избраннаго своего отрока такимъ образомъ: благочестивый священникъ города Тулы Успенской церкви Яковъ Феодоровъ принялъ Симеона на воспитание въ свой домъ, у котораго взросъ до совершеннолѣтня. Растущи же отрокъ лѣты, ростяше и разумомъ, вкупѣ и добронаравимъ; вданъ⁶ былъ въ научение Божественнаго Писания и добрѣ научився на рускомъ языке чтению. Потомъ⁷ по совѣту благочестивыхъ своихъ воспитателей женился на вдовѣ Марии Павловой.

¹ Далее в ркп. следует вычеркнутый и взятый в квадратные скобки текст: [съ предложениемъ въкратцѣ Священнаго Писания].

² Слово в ркп. правлено.

³ Имя вписано поверх строки простым карандашом (вероятно, другой рукой).

⁴ Испр., в ркп. года.

⁵ На поле напротив — глосса той же руки: Псал. 145, ст. 7.

⁶ Далее в строке стерто 2—3 буквы.

⁷ На поле напротив — запись той же руки: Въ 1707 году.

Избранный же от младыхъ лѣтъ быть чистымъ сосудомъ молитвы и служения Богу, горело сердце его, долженствовавшие (*sic!*) быть храмомъ⁸ Святаго Духа, от младенчества особѣнною любовию къ Богу л. 69 Утѣшителю, // — и не находить своему сердцу духовнаго спокойствія въ семъ мирскомъ житейскомъ попечении: вся молвы житейския разсмотревъ, суетна ему оказалось. Промысломъ Божиимъ устроющуся⁹ тако,¹⁰ нача Симеонъ воспоминати житія святыхъ и преподобныхъ отцевъ нашихъ, в монашествѣ просиявшихъ, — начаше въ его душѣ раждатися желание къ монашеству, также прозобаше ревность къ оставлению мира и вся яже въ мирѣ и къ¹¹ восприятию святаго монашескаго ангельскаго образа.

Въ такомъ желаніи Господу помогающу своему рабу въ благомъ его намѣрени, укрѣпи его своею благодатию къ скорому тѣчению назначенному ему пути. Тако Симеонъ, укрѣпляемъ помощію Божіею, начаше удалятися от мирскаго житія и тщится исполнити свое желание, оставляя свою сожительницу, съ которою проживъ полгода, также свое и наслѣдіе, возжелалъ иноческаго цѣломудреннаго равноангельнаго л. 69 об. чистаго житія¹² и положилъ надежду на единаго // Бога и покровитѣльницу жизни нашея преблагословенную¹³ Пресвятую Богородицу, остави миръ и вся яже въ мирѣ: по слову Господню, «вземъ крестъ свой и послѣдуй Христу»,^(ср.: Мк 10: 21) предпринялъ путешествіе по святымъ русскимъ местамъ и скрылся помощію Божіею от многмятежнаго мира.

Въ том же году, 1707, пришелъ Симеонъ¹⁴ въ Одринъ Николаевскій монастырь Орловской губернии¹⁵ Карачевскаго уѣзда, который существуетъ въ настоящее время. Возгорелъ его желание остаться¹⁶ въ Одринѣ Николаевскомъ монастыре; прииде къ настоятелю, испросивъ¹⁷ чест-

⁸ Слово в ркп. правлено: буква р вписана в строку позднее.

⁹ Начальная буква в слове (диграф оу) зачеркнута.

¹⁰ Последняя буква в слове (ѡ) испр. из а.

¹¹ Предлог вписан поверх строки.

¹² Далее в строке вытерто несколько букв.

¹³ Испр., в ркп. — праблагословенную.

¹⁴ Имя вписано более мелким почерком поверх строки.

¹⁵ Испр., в ркп. — губернии; слог -бе- в слове вписан поверх строки.

¹⁶ Начальная буква в слове (ѡ с выносным т) написана как предлог.

¹⁷ Испр., в ркп. — испроси в.

наго отца благословения в обители его остатся в монашество. Видя же настоятель Симеона зѣло добронравна и честна, принялъ его в монастырь свой и благословилъ ему келлию, также и послушание монастырское. Наложенное же¹⁸ от настоятеля послушание¹⁹ проходилъ со всякимъ смиренномудриемъ и страхомъ Божиимъ, разжежашеся же духомъ и тщится угодити Богу и по силѣ своей подражати житию преподобныхъ отецъ, // въ монашествѣ просиявшихъ. И тако работаше Господу Богу въ монастырѣ святителя Николая съ смирениемъ, послушание проходя съ великою любовию. Видя настоятель его добронравное и цѣломудренное житие, и ревностное послушание,²⁰ и во всякой добродѣтели преуспѣвающе, пострыже Симеона въ²¹ рясофоръ²² и нарѣчь имя ему Серафимъ. л. 70

Послѣ пострыжения своего недолго прожилъ въ Николаевскомъ монастырѣ, Господу Богу тако наставляющу своего раба, призывая его къ назначенному ему пути,²³ возгореся в нѣмъ желание пустыннаго жития. Въ то время въ Брянскихъ дремучихъ, то есть въ темных и непроходимыхъ, лѣсахъ жили монашествующия, вышедшии из Песоцкаго Предтечева монастыря. Вышли они ради сичевой вины. Съ древняго времени находилися въ городѣ Брянскѣ Орловской губернии²⁴ монастыри — мужеский Петропавловский, женский Воскре//сенский; близ л. 70 об. города Брянска на томъ мѣстѣ, гдѣ находится въ настоящее время Зарецкая слабода, былъ Бѣлопѣсоцкый Предтечевский мужеский монастырь, и находился онъ под ведѣниемъ Петропавловскаго монастыря, со всѣми угодыями, сорокъ пять лѣтъ.

Въ 1706 году²⁵ по высочайшему повелению государя Петра Перваго въ мѣстѣ съ прочими строениями города Брянска долженъ былъ передѣлаватся для того присланнымъ от государя брагодиромъ (*sic!*)

¹⁸ Вписано поверх строки.

¹⁹ Слово вписано поверх строки.

²⁰ Слово в ркп. правлено.

²¹ Предлог вписан поверх строки.

²² Напротив, на правом поле — запись карандашом: 1710 г.

²³ Далее над строкой проставлена карандашом цифра 1 в круглых скобках как возможный знак ссылки для комментария; на нижнем поле листа — такая же цифра, но пояснение отсутствует.

²⁴ Испр., в ркп. — губерни.

²⁵ Испр., в ркп. года. Возможно, здесь и далее даты вписывались в строку позднее — в специально оставленные для этого пустые места.

Василиемъ Димитриевымъ Кадушинымъ, для²⁶ чего монаховъ из Предтечева²⁷ монастыря и монахинь изъ Воскресенскаго женскаго монастыря приказано было перѣвестъ въ Петропавловскій монастырь. Когда етотъ переводъ состоялся, то большая часть братии Предтечевскаго монастыря не согласилась въ одномъ монастыре жить вкупѣ съ монахиними, хотя и на время, но не пожелали такового // общего жития, презывая себѣ на помощь Господа Бога, создателя своего, и Пресвятую Богородицу, ходатаицу своего спасения, и отдѣлились от братства со архимандритомъ Леонидомъ — иеромонахи, иеродиаконы и схимонахи, всѣхъ числомъ съ монахами шестнатцать человекъ, семьнатцатый — архимандритъ Леонид. И²⁸ отправились въ Брянскія лѣса, которые носили в то время громкое название дремучихъ лѣсовъ. И въ двенадцати верстахъ от города Брянска избрали себѣ мѣсто въ урочищѣ²⁹ Полбино, на Бѣлыхъ Бѣрегахъ рѣки Снежита, и скрылись от города во глубинѣ лѣсовъ, подобно какъ преподобный Сергій послѣ смерти³⁰ благочестивыхъ своихъ родителей, раздавъ роднымъ и бѣднымъ наслѣдие свое, упованиемъ на единого Бога, «дающаго пищу алчущимъ»,³¹ (Пс. 145: 7) скрылся от мира в глубинѣ лѣсовъ в десяти вѣрстахъ³² от Радонежа, «водворися въ пустыни, чая Бога спасающаго»,³³ (Пс. 54: 9) съ братомъ своимъ Стефаномъ.

л. 71 об. Тако архимандритъ с братиею подражатели³⁴ // явились преподобному Сергию: скрылися в глубинѣ лѣсовъ в двѣнатцати верстахъ от города Брянска и водворилися в пустыни, надѣющися на помощь Божию, построили себѣ часовню для соборнаго монашескаго правила; тако с помощью³⁵ Божиею начали жить.

²⁶ Слово в ркп. правлено: после буквы д следует буква а (вычеркнута).

²⁷ В ркп. присутствует редакторская правка: над последней буквой слова (а) скорописью, возможно, другой руки проставлено иное окончание: ского (т. е. Предтечевскаго).

²⁸ Союз вписан в строку позднее.

²⁹ Испр., в ркп. — урочищѣ.

³⁰ Далее в строке вытерта буква е.

³¹ На поле напротив — глосса той же руки: Пса<л>. 145, с<ти>х 7.

³² Слово в ркп. правлено: буква р вписана позднее простым карандашом.

³³ На поле напротив — глосса той же руки: Пса<л>. 54, с<ти>х 9.

³⁴ Буква т в слове испр. из л.

³⁵ Буква ю в слове дописана сверху простым карандашом.

В 1712 году находилось въ сей пустыни девять монаховъ, десятый — иеромонах Иссаиа. Тако имъ подвизающимся въ безмолвии, прослышавъ³⁶ объ ихъ³⁷ подвигахъ и безмолвной пустыни отецъ Серафимъ, и возгореся³⁸ душею, желая такового уединеннаго и безмолвнаго жития, и моляшеся къ Богу со слезами:

«Господи, свѣдетѣлю сокровенныхъ, испытателю тайнъ чловѣческихъ! Ты веси, яко ничтоже от сущихъ въ житии семь паче Твоя любовь предпочитаю, тѣмже молю Тя, Владыко, настави мя на путь Твой — и пойду воистиннѣ творити волю Твою. И просвяти душу мою, да славлю Тебе, Господа моего».

Тако ему моляшуся,³⁹ сердцевидецъ же Господь, ведая его намерение, и знаить, что можетъ быть ради избраннаго // своего раба въ пустыни, л. 72 укрепи его своею чловѣколюбною⁴⁰ благодатию, желая всемъ спастися.

Тако Господу наставляющу своего раба къ предлѣжащему пути, такъ что Серафимъ вожжеся духомъ и тщится скоро исполнить свое желание къ путешествию въ пустынные места. И прииде къ настоятелю Николаевскаго монастыря,⁴¹ прошаше⁴² его благословения выйти из обители къ намеренному⁴³ своему путешествию. Благочестивый же настоятель не хотяше отпустить Серафима, зная его богоугодное и цѣломудренное житие, и во всемъ послушлива, и къ послушанию ревностна. Но Серафимъ со смиреніемъ просяше честнаго отца благословения, открывая ему свое желание и намериніе. И видя настоятель его непреложное и таковое его ревностное желание къ пустынному житию,⁴⁴ любезно давъ ему свое благословение, с миромъ отпусти его.

Смиранный же Серафимъ просяше его отеческихъ святыхъ молитвъ, тако отъиде въ свой // путь и моляшеся Богу, презывая на помощь себе л. 72 об. святыхъ угодниковъ и Пресвятую Богородицу Дѣву. И прииде въ пус-

³⁶ Буква ы в слове испр. из а.

³⁷ Испр., в ркп. — ихъ.

³⁸ Последняя буква в слове правлена.

³⁹ В слове после буквы у вытерта буква т.

⁴⁰ Слово вписано поверх строки.

⁴¹ На поле напротив — запись чернилами: въ Одринѣ.

⁴² Далее в строке следует предлог въ.

⁴³ В слове слог -ре- вписан над строкой.

⁴⁴ Далее следует взятый в квадратные скобки вычеркнутый текст: [сказав ему: Буди на тебѣ воля Божия]; слово ему вписано поверх строки.

тынь к честным отцамъ, подвизающимся въ пустыни на Бѣлыхъ берегахъ рѣки Снѣжета вышепомянутымъ инокамъ, числомъ ихъ девять, десятый — иеромонахъ Иссаиа. И приняли они отца Серафима любезно въ богоспасаемую свою пустынь. Тако «водворихся (*sic!*) въ пустыни, чая Бога спасающаго»,^(Пс. 54: 8–9) воздая благодарение Господу Богу, яко не оставляетъ свою помощь своихъ рабовъ.

Тако начя подвизатися съ честными отцами и удостоился принять иноческаго великаго ангельскаго образа, съ переимѣнованиемъ: вмѣсто Серафима нареченъ Серапиономъ. Тако блаженный⁴⁵ отецъ Серапионъ начя болѣе подвизатися, пребывая въ бдѣнии и моляшеся день и ночь, умершвляя свои страсти. На соборное монашеское правило собиралися въ часовню и отправляли в ней вечерню, повечерие, утреню, часы. Но л. 73 какъ храма в нихъ // не было, в томъ и великая имъ нужда была. И тако они о семь дель⁴⁶ начаша велми заботитися — о построении въ своей пустыни церкви, и моляшеся неусыпно къ Богу: «Господи, не остави прошения рабовъ своихъ,⁴⁷ желающимъ (*sic!*) спастися⁴⁸ во уединенномъ⁴⁹ семъ мѣсте, но благоволи, Господи, на мѣсте сѣмъ прославитися пресвятому Твоему имени и Пресвятыя⁵⁰ Владычицы наша Богородицы! Буди святая воля Твоя, Господи!» И начаша со тщаниемъ и великою ревностію ходатайствовать о построении церкви въ новой своей пустыни, но дѣло сие шло неуспѣшно.

Въ 1714 году блаженный отецъ Серапионъ удалился на уединение, избралъ себе уединенное мѣсто близъ реки Снѣжета на Бѣлыхъ Бѣрегахъ, гдѣ нынѣ красуется имъ вновь основанная святая обитель, и вселися на избранномъ мѣсте въ сей пустыни,⁵¹ вперивъ⁵² умъ свой божественному желанию, и оставилъ вся долу влекущая мудрования, процвелъ, яко прекрасный кринъ добродѣтели, и страстей искоренилъ терние; насадилъ в нѣмъ // плоды трудовъ своихъ, своимъ глубокимъ безмолвиемъ въ самомъ уединении, строгимъ постомъ и слѣзами, всегдашнимъ бдѣниемъ и непрестанною молитвою душепагубныя страсти

⁴⁵ Слово вписано по верх строки.

⁴⁶ В слове буква е испр. из ъ.

⁴⁷ В слове буква с испр. из т.

⁴⁸ Далее в строке стерты 4 буквы.

⁴⁹ Слово в ркп. правлено.

⁵⁰ Слово в ркп. правлено; далее в строке вытерто две буквы.

⁵¹ Далее в строке вытерта одна буква и вычеркнуто правленное слово воспариль.

⁵² Слово в ркп. правлено (ошиб. испр. на восперивъ).

умертвилъ, на высоту смиренномудрия возшелъ и былъ подвижникъ добродѣтелей, какъ истинный воинъ Христа Бога, на страсти вельми подвизался противъ козней бесовскихъ въ жизни временной в пѣнии, бдѣнии и пощении, всяко плотское наслаждение возненавидѣлъ. Посему и вселися въ него Пресвятый Духъ, егоже дѣйствиємъ свѣтло украсишь.

Такъ подвизашася блаженный отецъ Серапионъ, неутомимыми трудами дѣлаше неусыпно, устроилъ себе келлию из пещаной земли, которая по сие время видна, какъ она была, подвизашася въ ней, радуясь духомъ, яко обредъ (*sic!*) желаемое помощью Божию: «Се, удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни, чая Бога, спасающаго мя». (Пс. 54: 8–9) //

л. 74

В 1720-го года (*sic!*) принялъ на себя ето строение Петропавловскаго монастыря архимандритъ Петириимъ, такъ какъ в ведении его состояли ети вновь выселившися монахи в новой пустыни.⁵³

Въ 1721-го года февраля по ихъ вышеупомянутому ходатайству о построении церкви въ новой пустыни разрешено построить имъ церковь указомъ Духовной дикастерии, о которой они ходатайствовали къ великому государю и великому князю Петру Алексиевичу, всея Великия и Малыя и Бѣлыя России самодержцу. Великий государь Петръ Алексѣевичъ на сие богоугодное дѣло обративъ внимание, и по высочайшему рассмотрению сего⁵⁴ дѣла издалъ указъ на построения церкви во имя Рождества честнаго и славнаго пророка Предтечи и Крестителя Иоанна: построить новую церковь в⁵⁵ новостроеной⁵⁶ пустыни на Бѣлыхъ Бѣрегахъ рѣки Снѣжита. // По указу великаго государя самодержца высокопреосвященный Игнатий, митрополитъ Сарска и Подонска, между патриаршества, благословилъ Брянскаго Петропавловскаго монастыря архимандриту Питирииму с братиею новостроеной⁵⁷ пустыни приступить къ построению новой церкви; построить же церковь въ новой избранной пустыни, въ Брянскомъ лѣсе на Бѣлыхъ Бѣрегахъ рѣки Снѣжита. О семъ архимандритъ Питириимъ объявилъ братии: о построении имъ церкви⁵⁸ во избранной ими пустыни.

л. 74 об.

И бысть отцамъ радость велия, яко не презре Господь моления рабовъ своихъ, и воспѣли благодарное пѣние Господу Богу и Пречистой

⁵³ Далее вытерто два-три слова.

⁵⁴ Буква с вписана в слово позднее.

⁵⁵ Предлог вписан поверх строки чернилами.

⁵⁶ В ркп. слово исправлено из: новопостроенной.

⁵⁷ В ркп. слово испр. из: новопостроенной.

⁵⁸ Далее в строке вытерто: на.

Его Матери. Но какъ настоятеля в нихъ еще не было, то они о семь весьма заботились, потому что безъ пастыря пребывати не подобаеть. //

л. 75 Святїи и богоноснїи отцы нашы в писанїяхъ своихъ святыхъ завѣщеваютъ, яко не подобаеть⁵⁹ братїямъ, нѣколикимъ числомъ о имени Христовѣ собравшимся, жити безъ настоятеля, но всячески должны имѣть единого искуснаго⁶⁰ в разсужденїи⁶¹ духовномъ, которому бы всю свою волю отдали и во всемъ повинулися, якоже самому Господу. И сїе они исполняя, пожелали в новостроенной своей пустыни быть настоятелемъ сего блаженнаго отца Серапиона, могущаго управити и наставить⁶² души братїи⁶³ на путь спасенный.

И по ихъ согласномъ избрании архимандритъ Питиримъ представилъ в Духовное правительство на утверждение, и по представленїю архимандрита Питирима утверждень былъ Серапионъ⁶⁴ строителемъ и первоначальникомъ въ новой пустыни.

л. 75 об. Тако первоначальникъ блаженный⁶⁵ отецъ Серапионъ, побуждаемый чувствомъ высокаго благочестїя, употреблялъ всѣ мѣры къ построенїю храма в своей пустыни, къ чему // и⁶⁶ убѣждалъ братїю; избралъ мѣсто, гдѣ быть храму, близъ своего избраннаго уединеннаго мѣста, по другую страну рѣки Снѣжита.

Блаженный отецъ Серапионъ моляшеся Богу, дабы было благословенїе Божїе на мѣсте семъ и прославитися Его пресвятому имени. И началъ с братїею своею со тщанїемъ готовить въ своемъ лѣсе матерїаль на создание храма, и дѣлаше своими неусыпными трудами. И тако благое желанїе и усердное тщанїе о Бозѣ: Богъ не оставилъ его. Тако поспѣшествомъ Божиимъ быстро производилось создание храма, такъ что на другой годъ храмъ былъ построенъ и освященъ во имя Рождества честнаго славнаго пророка и крестителя Иоанна. И устроилъ храмъ по благословенїю высокопреосвященнѣйшаго митрополита Игнатїа въ благоустройствѣ, по чину церковнаго зданїя, стройно; и убрали⁶⁷

⁵⁹ *Испр., в ркп. добавьт.*

⁶⁰ *Слог -го в слове вписан над строкой.*

⁶¹ *В слове буква с испр. из д.*

⁶² *В слове слог на- вписан по верх строки.*

⁶³ *Испр., в ркп. — братїия.*

⁶⁴ *Имя вписано по верх строки.*

⁶⁵ *Далее в строке вычеркнуто: Симеона.*

⁶⁶ *Союз вписан на боковом поле.*

⁶⁷ *Буква у в слове вписана позднее.*

внутри церкви по чину церковного предания: иконостасъ поставили, Царския // двѣри бѣлыя попросту, мѣстныя иконы по чину церковнаго правила; на освященномъ антиминосѣ — сего указа⁶⁸ патриаршая печать. л.76

Тако премилосердый и человеколюбивый Богъ пекийся⁶⁹ о спасении всякаго человека и удостоверилъ насъ о своемъ человеколюбии явлениемъ въ миръ сей во плоти, дабы превѣсти каждаго человека къ богознанию и преклонить⁷⁰ волю его къ содѣйствию благодати своея; и яко ревностнѣйшимъ въ течении пути добродѣтельно,⁷¹ тако и колеблющемся въ пути искушений уготоваль мѣста, соответствующия расположению ихъ, дабы съ большею удобностию и благоотииемъ могли возносить мысли свои къ престолу величества Его⁷² и соединить духъ свой съ Нимъ. И каковое⁷³ при семъ бываетъ веселие духовное, и происходитъ какая радость, коликая слава Божия и коликая // польза душевная бываетъ въ храмѣ Божиимъ! Сие таковое мѣсто и пристанище спасительное: подобно какъ корабельники и кормчии всячески пекутся, какъ бы, пучину преплывши,⁷⁴ пристанища достигнуть, таковое и сие мѣсто: непрерывно подобаеъ силитися⁷⁵ противъ буряхъ страстныхъ и достигать спасительнаго⁷⁶ пристанища, и нужно всячески тщится войти въ церковныя ограды. л.76 об.

Не извесно (*sic!*) ли о семъ, что какъ пристанища в мори, такъ Богъ устроилъ монастыри⁷⁷ и церкви, дабы намъ можно, от бури житейскихъ беспокойствъ къ нимъ пребѣгая, превеликой тишины наслаждаться, поелику церковь есть иночествующимъ пристанища от всего свободное, да и пристанище душамъ духовное, врачество есть цѣлительное, богатство неоскудное, къ Небесному Царствию руководство. И потому со страхомъ да приступаемъ, съ благодарениемъ, съ припада//ниемъ л.77

⁶⁸ В слове последняя буква испр. из ъ.

⁶⁹ Буква и в слове вписана позднее.

⁷⁰ Слово в ркп. правлено.

⁷¹ Слове в ркп. правлено.

⁷² Слово вписано поверх строки.

⁷³ Последняя буква в слове вписана в строку позднее.

⁷⁴ В конце слова вычеркнута вторая буква и.

⁷⁵ В слове последняя буква и вычеркнута.

⁷⁶ Испр., в ркп. — спасительго.

⁷⁷ Испр., в ркп. — монастыри.

и признаниемъ грѣховъ своихъ, со слезами и плачемъ прилѣжныя возсылая⁷⁸ Богу молитвы.

Такъ пребывая блаженный отецъ Серапионъ въ трудахъ тѣлесныхъ, какъ и въ подвигахъ духовныхъ былъ неутомимъ и являлъ высокий образъ молитвы, смирения, поста и нестяжатѣльности. Съ братиею своею ежедневно приходилъ⁷⁹ въ церковь на полунощницу, утреню и ко всякой церковной службы, такожде и братии своей непрестанно внушалъ приходитъ въ церковь на общее соборное пѣние. Таже смиренный старецъ Серапионъ и въ келии⁸⁰ за свое стадо⁸⁰ совершалъ частыя молитвы по заповѣди апостольской: «Непрестанно молитесь».⁸¹ (1 Фес. 5: 17) Построилъ келлии для братии, какъ подобаеть быть общежитию, и совокупилъ братию.

л. 77 об. И нача смиреннаго старца Серапиона⁸² пустынь процвѣтати и // день от днѣ умножатися. Проходяше же о богоугодномъ его житии и о собранномъ его стадѣ слухъ въ России, и бѣ имя его честно не токмо въ народѣхъ, но и въ царствующемъ домѣ. Благочестивѣйшая царицѣ (sic!) Евдокиа Феодоровна изволила пожертвовать отцу Серапиону иконы: Живоначальной Троицы, Владимирския Божия Матери, Иоанна Предтечи — въ серебрянныхъ вызалоченыхъ окладахъ.⁸³ И цвѣтяше обитѣль добротами своими, внѣшними и внутренними, богоизбранный и богоугодный ликъ добрѣ иночествующихъ, имже предводитель бѣше таковъ, какъ заповѣдалъ Господь во Евангелии, глаголя: «Хотя быти въ васъ⁸⁴ вящшій,⁸⁵ да будетъ вамъ слуга, и иже аще хоцетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ».⁸⁶ (Мф. 20: 26–27)

л. 78 Тако блаженный служаше, работаше неусыпно, // труждаяся въ службахъ монастырскихъ, угождая всѣмъ съ любовию во вся дни живота

⁷⁸ Последняя буква в слове *испр.* из м.

⁷⁹ Слово в ркп. правлено: читающаяся в приставке буква е *испр.* простым карандашом на и.

^{80–80} Вписано позднее, частично — на боковом поле листа.

⁸¹ Далее в строке, а также на боковом поле листа читается глосса той же руки: К Солу<н>. Гл. 5, с<ти>х 18.

⁸² Имя вписано над строкой.

⁸³ Над строкой читается скорописная запись простым карандашом: Еще есть.

⁸⁴ Далее вытерто и вычеркнуто слово (слуга?).

⁸⁵ Слово в ркп. правлено.

⁸⁶ На поле напротив — глосса той же руки: Мат., гл. 20, ст<и>х 26–27.

своего. Блаженный⁸⁷ отецъ нашъ Серапионъ моляшеся Богу, желая благословения Божия над обителью, доставляющее инокомъ пропитание, дабы служило къ умножению благочестия.

И такъ смиренный Серапионъ былъ первый начальникомъ и основателемъ обители въ Брянскихъ лѣсахъ, работая Богу день и ночь, радуясь духомъ о Бозѣ.⁸⁸ Но ненадолзѣ наслаждахуся такового тихаго,⁸⁹ сладкаго по Бозѣ, душе же утѣшнаго⁸⁹ и безмолвнаго жития. Глаголетъ апостоль: «⁹⁰Вси же⁹⁰ хотящии благочестно жити о Христѣ Иисусѣ гоними будутъ». ⁹¹(2 Тим. 3: 12) Ненавидяй же добра⁹² врагъ научи многихъ чловѣковъ своюю злою завистию пакости творити блаженному строителю // Серапиону и⁹³ новостроеной его обители, но блаженный отецъ л. 78 об. благимъ побѣждаше злое и всѣхъ одолѣваше⁹⁴ своимъ тѣрпѣниемъ, еже видя Богъ, храняше того и обитель его защишаше. «Не дасть бо Господь жезла грѣшныхъ на жребии правѣдныхъ», (Пс. 124: 3) зане тако на праведнаго помышляюща неправды.

Преждепомянутый Брянскаго Петропавловскаго монастыря начальникъ⁹⁵ съ братиею гнѣвашеся на пустынь, яко оставили ихъ монастырь и вселилися на чуждей части. Видя же⁹⁶ новую пустынь⁹⁷ умножающуюся и процвѣтающую,⁹⁸ и⁹⁹ ярящися гнѣвомъ на блаженнаго строителя Серапиона. Несмотря на то что его съ братиею неусыпными трудами обитель

⁸⁷ Последняя буква в слове вписана в строку позднее.

⁸⁸ Далее в строке следует, по-видимому, редакторский знак — вертикальное отчеркивание простым карандашом.

⁸⁹⁻⁸⁹ Вставка над строкой.

⁹⁰⁻⁹⁰ Вычеркнуто синим карандашом.

⁹¹ На поле напротив — глосса той же руки: Тимо<ф>., гл. 3, ст<и>х 12.

⁹² Слово вписано поверх строки.

⁹³ Союз вписан в строку более мелко.

⁹⁴ Испр., в ркп. — одолѣвашаше.

⁹⁵ В слове -ни- вписано поверх строки.

⁹⁶ Далее следует взятый в квадратные скобки текст: [свою обитель умоляющуюся (sic!), а].

⁹⁷ Слово вписано поверх строки.

⁹⁸ Далее вписано над строкой, по-видимому, другой рукой: и подвигшися на ню вѣлии завѣстию.

⁹⁹ Союз вписан на боковом поле.

л. 79 процвѣташе и уже имѣла полную возмо//жность къ безбедному¹⁰⁰ существованию, — она с¹⁰¹ своею смиренною братиею превосходила Петропавловский монастырь, — и пред начальствомъ зрится новопроцвѣтающая обитѣль въ самом жалкомъ положении. Тако они, подвигшеся¹⁰² завистию, и мыслеша, какъ бы уничтожить новую пустынь, о чемъ здѣлано¹⁰³ было в Духовную дикастерію донесение; въслѣдствие ихъ донесения послѣдовали разные запросы.

Блаженный отецъ Серапионъ, съ малолѣтнаго своего возраста научившийся великому терпению, мужественно показа тщание за святое мѣсто: видя себе съ братиею въ таковой напасти, молящися прелѣжно къ Богу съ пощениемъ и слѣзами,¹⁰⁴ от Него защищения прося и Пресвятую Богородицу въ помощь презывая, созва свою братію и спроси от нихъ совѣта идти съ прошениемъ лично въ Духовную¹⁰⁵ дикастерію. Ревностнѣйшая же¹⁰⁶ по благочестию братія по благому совѣту своего настоятеля соизволили идти съ прошениемъ от всей братіи. //

л. 79 об. Тако, надѣяся на помощь¹⁰⁷ Божию, поиде въ Московскую Духовную дикастерію, просиль ея милостиваго удовлетворения о оставлении пустыни самостоятельною, но прошение ето смиреннаго старца не было уважено. Блаженный же отецъ Серапионъ, ревностный по благочестіи и неутомимый въ тѣлесныхъ трудахъ, неусыпный въ молитвахъ, презывая себе на помощь¹⁰⁸ Господа Бога и Пресвятую Богородицу, возложивъ себя на волю Божию, рѣшилъ идти в С. Петербургъ въ Святѣйшій Синодъ. Прииде въ Святѣйшій Синодъ, смиреннѣйше просиль милости и благословения на оставление пустыни самостоятельною. Святѣйшаго¹⁰⁹ же¹¹⁰ Синода присудствующи, видя такового сидинами

¹⁰⁰ В слове буква н вписана поверх строки.

¹⁰¹ Предлог вписан поверх строки.

¹⁰² В слове буква д вписана поверх строки.

¹⁰³ В слове буква н правлена из л.

¹⁰⁴ В слове после буквы с мелко вписана буква о.

¹⁰⁵ Буква ю в слове вписана в строку более мелко позднее.

¹⁰⁶ Частица вписана над строкой.

¹⁰⁷ В слове -мо- вписано поверх строки.

¹⁰⁸ Слово в ркп. правлено.

¹⁰⁹ Слово в ркп. правлено.

¹¹⁰ Частица вписана в строку позднее.

украшена¹¹¹ смиренного старца, удовлетворили его своею милостию, и такъ отецъ Серапионъ возвратился изъ С. Петербурга съ успѣхомъ.

При етомъ обратномъ его путешествии // во обитѣль, промысломъ л. 80
Божиимъ тако строящуся и Царицы Небесной Пресвятыя Богородицы вся на пользу бывающу, и утѣшая своего раба, сущи в скорбномъ семъ пути, во утѣшении его былъ исполненъ духъ неизреченной¹¹² радости. Какой же то радости суща въ скорби? Но радость его была истинная и богоугодная, яко обрете истинное сокровище и безцѣнный бисеръ и утверждение¹¹³ обитѣли.

Какой¹¹⁴ же то безцѣнный бисеръ и утверждение обители воистинну¹¹⁵ обрете въ царствующемъ градѣ Москвы? Безцѣнный бисеръ,¹¹⁶ еже то безцѣнное сокровище даровася его обители: икона Троиручицы, Царицы Небесной, Пресвятыя Богородицы. Се истинное безцѣнное сокровище, и добрый бисеръ, и утверждение обители: ея утверждена обитель, якоже иногда святаго Иоанна Дамаскина отсеченною руку исцѣлила и утвердила, якоже никогда ни болѣла. Сие преславное // чудо Царицы л. 80 об.
Небесной простирается во вся концы вселѣнныя. Тако обитель Ея нынѣ красуется въ российскихъ предѣлахъ¹¹⁷ на высотѣ своего величия. Но и сие дѣло содѣлолось преславно. Нельзя подумать, что такъ дѣло сие содѣлолось, но¹¹⁸ промысломъ Божиимъ и содѣйствиемъ Пречистыя Ея Матери, Пресвятыя Богородицы.

Прежде сего¹¹⁹ времени московскими жителями, древними¹²⁰ иконописцами, была изображана икона Пресвятыя Богородицы со Афонской горы, Хилиндарской обитѣли, съ чудотворной иконы Троиручицы, Пресвятыя Богородицы, которая стоитъ во Афонской¹²¹ Хилиндар-

¹¹¹ Слово вписано поверх строки вместо вычеркнутого изначального варианта (умашена).

¹¹² В слове буква й испр. из ю.

¹¹³ Буква ж в слове вписана поверх строки.

¹¹⁴ Буква о в слове правлена.

¹¹⁵ Слово вписано поверх строки.

¹¹⁶ Слово в ркп. правлено.

¹¹⁷ В слове буква е испр. из ѣ.

¹¹⁸ Союз вписан поверх строки.

¹¹⁹ В ркп. слово испр. из: всего.

¹²⁰ Слово вычеркнуто простым карандашом.

¹²¹ Буква н в слове вписана поверх строки.

ской¹²² обитѣли на игуменскомъ мѣстѣ. А въ сию Хилендарскую обитѣль перешла от¹²³ святаго Иоанна Дамаскина таковымъ образомъ.

л. 81 Когда Иоаннъ¹²⁴ Дамаскинъ пришелъ въ Лавру святаго Саввы Освященнаго, гдѣ и остался навсегда для совѣршенія подвиговъ спасенія, // образъ¹²⁵ Богоматери Триеручицы, который Иоаннъ взялъ съ собою пре выѣздѣ изъ Дамаска, былъ постоянно при немъ; по святой же кончинѣ его перешелъ въ собственность Лавры, гдѣ и находился до 1222-го года. В етомъ году пребылъ в Лавру знаменитый архиепископъ Сербии на возвратномъ пути изъ Иерусалима, куда онъ ѣздѣлъ для посвящения своего от тамошняго патриарха Германа в санъ архиепископский. Братия Лавры по особому соизволенію Божіей Матери поднесли ему въ благословенія икону Триеручицы, Пресвятыя Богородицы, которая и перенесена была имъ въ его отечество Сербию.

л. 81 об. Когда в етой странѣ при возникшихъ смутахъ, во время страшнаго разоренія ея турками, благочестивыя же сербы, желая предохранить драгоценный даръ святой Лавры от истребленія, поручили его // благочестивому заступничеству самой Царицы Небесной: по сохранившемуся достовѣрному преданію, они возложили святую икону на осла и пустили его идти¹²⁶ на произволь, наблюдая за нимъ лишь издали. Животное направилось къ Афонской горѣ и, прешедъ, какъ бы руководимое, к Хилендарскому монастырю, остановилось передъ его вратами. Хилендарскія иноки с торжествомъ и радостію приняли святую икону и поставили ее въ алтарѣ соборнаго храма. Тамъ она находилась нѣсколько лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока слѣдующее обстоятельство не вызвало ее оттуда на другое мѣсто. По смерти послѣдняго игумена Хилендарской¹²⁷ обители братія приступила къ избранію новаго настоятеля, но никакъ не могла согласится между собою на выборѣ. Возникли неудовольствія и распри, и монастырь раздѣлился на двѣ противныя партіи. Пресвятая Владычица, имени которой была посвящена обитель, соизволила сама принять участіе въ спо//рномъ дѣлѣ и прекратила смуты между братіей.

¹²² Буква с в слове вписана поверх строки.

¹²³ Предлог вписан в строку позднее.

¹²⁴ Буква а в имени вписана поверх строки.

¹²⁵ На поле напротив — запись той же руки: Из историческаго сказанія об иконѣ Божіей Матери, называемой Троеручицы; далее — *скорописью*: съ кра (?).

¹²⁶ Слово вписано поверх строки.

¹²⁷ Буква р в слове вписана поверх строки.

Въ одинъ день, когда иноки хилендарские по обычаю собрались къ утреннему богослужению, они увидѣли, что икона Троеручицы стояла не въ алтарѣ, а на игуменскомъ мѣстѣ. Приписавая ето тайнымъ дѣйствиемъ еkkлесиарховъ,¹²⁸ братия отнесла ее в алтарь, но на слѣдующе утро она снова явилась на игуменскомъ мѣстѣ. Икону поставили опять въ алтарь и приняли всѣ мѣры предосторожности для отвращения умышенности, т. е. освидѣтельствовали церковныя двери, заперли и запечатовали ихъ. Поутру икона опять явилась на мѣстѣ игумена. Въ то время, когда изумленные иноки неудомавали, чему приписать ето чудное переходение образа, к¹²⁹ нимъ явился извѣстный всѣмъ свято-стию жизни затворникъ // и разказавъ бывшее ему видѣние, въ кото- л. 82 об.

ромъ Богоматерь изъясляла свою волю, чтобы братия не заботились о хранении иконы Ея въ алтарѣ и не переносили бы ее туда съ игуменскаго мѣста, потому что для устранения несогласий при избрании игумена, какъ теперь, такъ и на будущее время, она сама хочетъ занять ето мѣсто своею иконою и непосредственно управлять монастыремъ.

Съ етого времени и донинѣ въ Хилендарской обители неизмѣнно исполняется святая воля Владычицы Небесной: тамъ не выбираютъ уже из среды братии игумена, а назначаютъ лишъ его намѣстника, завѣды- вающаго монашескими дѣлами и занимающаго¹³⁰ въ церкви второе мѣсто послѣ игуменскаго, надъ которымъ стоитъ чудотворная икона Триеручицы. Священнодѣйствующиe въ храмѣ обыкновенно прини- л. 83

маютъ от Нея благословения на всѣ церковныя службы, какъ бы от присутствующаго игумена. Эkkлесиархи¹³¹ предъ началомъ богослуже- ния, одѣвшись в мантии, по существующему на Афонѣ положению, под- ходятъ къ иконѣ, дѣлаютъ пред нею два земныхъ (*sic!*) поклона съ крестнымъ знаменiem, лобызаютъ правую руку Богоматери и потомъ, уже без крестнаго знамения, а какъ пред настоятелемъ, кланяются до земли.

Копия же съ етой чудотворной иконы, имѣющей ликъ Богоматери чрезвычайно выразительный,¹³² съ давняго времени¹³² въ России, в царствующемъ градѣ Москвы, которую они пожертвовали¹³³ блажен-

¹²⁸ В слове вторая буква к вписана поверх строки.

¹²⁹ Предлог вписан поверх строки.

¹³⁰ Слово в ркп. правлено.

¹³¹ Буква и испр. в ркп. из ъ.

¹³²⁻¹³² В ркп. зачеркнуто; сверху небрежной скорописью, по-видимому, другой руки написано: и и пребывая (?).

¹³³ Буква е в слове испр. из и.

л. 83 об. ному отцу Серапиону.¹³⁴ И сия икона изображена с Афонской чудотворной иконы // московскими жителями, древними¹³⁵ иконописцами Артемием Федоровымъ и Афонасиемъ Ивановымъ.¹³⁶ Тако промысломъ Царицы Небесной хранимъ былъ образъ Ея¹³⁷ московскими жителями къ¹³⁸ большому прославлению.

По возвращении отца Серапиона из Петербурга прииде въ Москву, но Царица Небесная предварила его пришествие: возложила на сердце московскимъ жителямъ¹³⁹ препроводить икону Триеручицы въ его новую обитель. Когда московския жители узнали пришествие блаженнаго отца Серапиона въ Москву, возгорѣлось въ нихъ желание пожертвовать ему сию икону, съ слѣдующею надписью: «1718-го года, мѣсеца декабря въ шестнатцатый день, написанъ сей святой образъ московскими жителями иконописцами Артемиемъ Федоровымъ и Афанасиемъ // л. 84 Ивановымъ, по обѣщанию по родителейхъ¹⁴⁰ своихъ».

О семъ предание говоритъ, что при вынось имъ иконы Триеручицы Пресвятыя Богородицы из Москвы она была¹⁴¹ сопровождаема съ подобающею честью, съ колокольнымъ звономъ. Симъ какъ бы предвозвѣщалось настоящее прославление святыя иконы Царицы Небесной.¹⁴²

Блаженный же¹⁴³ отецъ Серапионъ идяше съ иконою въ свою пустынь, радуясь о Бозѣ, съ неизреченною радостію благодарение возсылаше Господу Богу и Пречистой Его Матери. Дошедше же въ свою обитель, и честно принесе честную икону Триеручицы, таже съ подобающею честью поставиша на избранномъ мѣстѣ въ своемъ храмѣ.

¹³⁴ В ркп. имеется правка: в строке читается Симеону; при этом имя зачеркнуто, а поверх него вписано: Серапиону.

¹³⁵ Слово вычеркнуто синим карандашом.

¹³⁶ Далее в ркп. следует вертикальное отчеркивание простым карандашом (редакторский знак).

¹³⁷ Местоимение вписано поверх строки.

¹³⁸ Предлог вписан поверх строки.

¹³⁹ Сверху над словом — редакторская правка простым карандашом: иконописцамъ.

¹⁴⁰ В слове буква х испр. из м.

¹⁴¹ Слово вписано поверх строки.

¹⁴² Слово в ркп. подчеркнуто простым карандашом; напротив на боковом поле — редакторская помета простым карандашом: Слѣдуетъ под чертой.

¹⁴³ Вписано над строкой скорописью.

Таковою радостию радуясь духомъ, отецъ Серапионъ съ своею братиєю таже воспѣли благодарственное¹⁴⁴ пѣние Царицы Небесной, яко не оставляетъ своюю милостивною¹⁴⁵ помощию, но покрываетъ своихъ рабовъ отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей.¹⁴⁶ //

Теперь возвратимся на первое сказание¹⁴⁷ — о возвращении блаженного отца Серапиона изъ Святѣйшаго Синода съ успѣшнымъ удовлетворениемъ, и яко мало преста отецъ нашъ Серапионъ отъ плача и печали, утѣшаше же братию надеждою на Бога: «Братие, мы поемъ: “На Господа всякъ кто надежду стяжавъ, вышши есть всѣхъ скорбящихъ”». (Степенны в неделю утра, антифон 2-й, глас 4)

л. 84 об.

Здѣ воспомяну слова нѣкая, плача достойна: таковое бѣдственное положение постигло¹⁴⁸ отца Серапиона.

Вышеупомянутый Святѣйшаго Синода удовлетворительный и милостивый успѣхъ¹⁴⁹ — воздвиже къ болшей зависти враговъ его, которыхъ¹⁴⁹ пренесе ему болѣзненное озлобление. Зане тако сотвори врагъ, всякаго блага ненавистникъ и христіанскаго спасения губитель, древний сѣятель¹⁵⁰ плѣвелъ посредѣ пшеницы, богоборецъ дияволъ: идѣже бо быше образъ благочестия и спасения, благоговѣнія же и всякия душевныя пользы, тамо потщася лука/вый плѣвѣлы своя всѣяти некими нашедшимися¹⁵¹ зломудрыми и страха Божия не имущими людьми, иже «мнящися быти мудры¹⁵² и первии, заблудиша и объюродѣша», (ср.: Рим. 1: 22) сотвориша премногия соблазны, и многимъ быша на соблазнъ и душевное разорение. Сихъ ради глаголетъ апостоль: «Предаде ихъ Богъ въ неискусень умъ, творити неподобная».¹⁵³ (Рим. 1: 28) Яже вся тако бывающая

л. 85

¹⁴⁴ Вторая буква н в слове вписана поверх строки.

¹⁴⁵ Испр., в ркп. ошиб.: милостинью.

¹⁴⁶ Далее в ркп. следует запись той же руки: и обр. (зачеркнуто); над строкой скорописью: и прилагаетъ въ радость.

¹⁴⁷ Слог -за- вписан поверх строки.

¹⁴⁸ Слово дописано на левом поле листа.

¹⁴⁹⁻¹⁴⁹ Вписано той же рукой поверх строки.

¹⁵⁰ В слове буква я испр. из е.

¹⁵¹ В слове слог -ся вписан в строку позднее.

¹⁵² В слове последняя буква правлена.

¹⁵³ На поле напротив — глосса той же руки: К рим. Гл. 1, ст. 28. По окончании цитаты в тексте простым карандашом проставлена вертикальная черта, по-видимому, означающая открывающую скобку — редакторская помета для обозначения начала текста, который подлежит изъятию.

мужи благоговѣйнии и боящиися Бога, живущии в новой обители, то видяще, въздыхающе, горько плакаху и моляшеся Господеви, еже приити имъ в¹⁵⁴ познание заблуждения своего и лютыхъ страстей, гордости и тщеславия избавитися.

Еже начаша тако нападовати на святое мѣсто и Богомъ собранную братию и на раба Божия блаженнаго отца Серапиона клеветати, такowymi зельными клеветами и злохулениями возложиша вины на невиннаго такового, якобы онъ въ самовольной отлучкѣ из монастыря для подачи прошений въ Москвѣ и С. Петербурге,¹⁵⁵ еще въ самовольномъ л. 85 об. устроении пустыни, // въ самовольномъ принятии на себя звания строителя. Но еще мало етой клѣветы: присоедилиша¹⁵⁶ его къ расколу съ давняго времени и нарицаше его раскольникомъ.¹⁵⁷ Къ симъ же инья вины приложиша, словесы неправедныя на неповиннаго и чистаго сердцемъ смиреннаго старца Серапиона ложно написанныя поставивше, судъ на него творяху.

Невинный же страдалецъ никакому злу объяснилъ на судѣ сбывшыюся всю истинну, якоже подобаетъ рабу Божию: не улстити на судѣ языкомъ своимъ, но истину открывая. Писано бо есть: «Не сотвори, ни обрѣтеся лѣсть во устѣхъ его».¹⁵⁸ (1 Петр 2: 22) И еще: «Отрекохся тайныхъ срама, не въ лукавствии¹⁵⁹ ходяще, не лстяще словесе Божия,¹⁶⁰ но явлением истинны представляюще себѣ ко всякой совѣсти человечестѣй, пред Богомъ»,¹⁶¹ (2 Кор. 4: 2) т. е. отвергнувъ скрытныя, постыдная дѣла, не пребегая к хитрости и не искажая слова¹⁶² Божия, а открывая истинну, представляемъ¹⁶³ себе совѣсти всякаго л. 86 человекъ пред Богомъ. Сие же храняше смиренный // старецъ, но оныи не вѣриша его истиннымъ словесемъ, ниже¹⁶⁴ сами что вѣдаютъ

¹⁵⁴ Предлог *вписан* *поверх* строки.

¹⁵⁵ В слове буква *р* *вписана* *поверх* строки.

¹⁵⁶ *Испр.*, в *ркп.* — *приесодиниша*.

¹⁵⁷ *Далее* в строке *следует* *закрывающая* *скобка* *простым* *карандашом*.

¹⁵⁸ *На* *поле* *напротив* — *гlossa* *той* *же* *руки*: Петр. Гл. 2, с<ти>х 22.

¹⁵⁹ *Испр.*, в *ркп.* — *лукавствии*.

¹⁶⁰ Буква *я* в слове *испр.* *из* *и*.

¹⁶¹ *На* *поле* *напротив* — *гlossa* *той* *же* *руки*: 2 Корин. Гл. 4, с<ти>х 2.

¹⁶² В слове буква *о* *испр.* *из* *а*.

¹⁶³ В слове буква *м* *испр.* *из* *т*.

¹⁶⁴ Слово в *ркп.* *правлено* *из* *нежели*.

от¹⁶⁵ Божественнаго Писания о истиннѣ, но едино имуще, дабы свое желание неистовое исполнить, потому что они и не вѣроваше истиннѣ, и представляютъ, яко онѣ не истинну¹⁶⁶ объясняетъ, но себя оправдываетъ.

¹⁶⁷Абие приводятъ его публично къ присягѣ. Благочестивый и смиренный старецъ такъ же истинныя слова свои объяснялъ, якоже и въ судѣ. Тако, помощию Божию укрепляемъ, не поколебался въ таковомъ неправѣдномъ осуждении съ пути истиннаго ревнитель благочестия, по словеси апостола: «Добро же, еже ревновати всегда въ добромъ». ¹⁶⁸ (Гал. 4: 18) Тако тии, упившиися злою завистию, «и не вѣдятъ, что творятъ», (Лк. 23: 34) писано бо есть: «Осуетишася помышлении своими, и омрачися неразумное ихъ сердце: глаголющеся быти мудри, объюродѣша». ¹⁶⁹ (Рим. 1: 21–22) И паки: «Идѣже бо зависть и рвение, ту нестроение и всяка зла вещь». ¹⁷⁰ (Иак. 3: 16) Тако и тии гнѣвашеся и яряшеся, какъ бы озлобить старца и обитель его упразднить, // собравше вся оныя ложно написанныя вины на неповиннаго смиреннаго старца, и отписаше¹⁷¹ въ Духовную дикастерію. И начаша чести вины неправедныя, на невиннаго и смиреннаго старца Серапиона ложно написанныя, вняли етому писанию, въ простотѣ своего незлобیا повѣриша словесемъ неправѣднымъ. И по семъ вызванъ былъ старецъ къ допросу, и писанныя на него слышавъ, ни отвѣта его приняли, точію словесемъ онымъ ложнымъ вѣровали. Абие изгнаше его отъ новостроенной¹⁷² его пустыни, лишили его строительства, возложиша на невиннаго ¹⁷³страдалца, смиреннаго¹⁷³ старца, железныя цепи, и отправленъ былъ въ Московскій¹⁷⁴ Андрониковъ монастырь для прохождения самаго труднаго и тяжелаго послушания.

л. 86 об.

¹⁶⁵ Далее вычеркнуто слово Писания.

¹⁶⁶ Вторая буква н в слове вписана мелко поверх строки.

¹⁶⁷ Здесь простым карандашом проставлена открывающая квадратная скобка.

¹⁶⁸ На поле напротив — глосса той же руки: Къ гал. Гл. 4, с<ти>х 18.

¹⁶⁹ На поле напротив — глосса той же руки: Рим. Гл. 1, с<ти>х 21–22.

¹⁷⁰ На поле напротив — глосса той же руки: Иаков. Гл. 3, с<ти>х 16.

¹⁷¹ В ркп. слово испр. из отравиша.

¹⁷² В ркп. слово испр. из новопостроенной.

^{173–173} Вписано поверх строки той же рукой.

¹⁷⁴ Испр., в ркп. ошиб. Москоский.

л. 87 Тако блаженный отецъ Серапионъ въ старости своей ¹⁷⁵-бысть въ великой скорби изгнания, ⁻¹⁷⁵проходяше трудное послушание хлѣбопекарное, неповинный же никоему злу, терпя неправедное то оболгание и изгнание, доне//лѣже извѣстися о невинности страдальца, о злобѣ же и неправдѣ лжеглаголевыхъ клѣветниковъ.

Смиранный же старецъ отецъ Серапионъ въ скорби великой баше, моляшеся Господу Богу Иисусу Христу, яко да не предасть мѣста святаго въ запусѣнїя, ¹⁷⁶-и взываше псаломски ⁻¹⁷⁶: «Суди, Господи, обидящїи мя, побори борющыя мя, да возвратятся вспять и постыдятся мыслящїи ми злая». ¹⁷⁷ (Пс. 34: 1, 4) //

л. 87 об. Таже моляшеся со слѣзами и плачемъ Пречистѣй Богородицы, умильно взываше: «О, всепѣтая Мати, роджшая всему роду христианскому спасения, Царице небеси и земли, предстательнице скорбящимъ, обидимымъ покровительнице! Зриши наша напасти и мою бѣду и скорбь, помози мнѣ, скорбному существу. Но, о Богомати, Ты сама изволила ¹⁷⁸ посѣтити ¹⁷⁹ сие святое мѣсто своимъ честнымъ образомъ, и умилосердися на рабы Твоя, избави насъ от бѣдъ и защити сию обитель сама, якоже хощиши, от належачихъ напастей.

л. 88 О, всемилостивая Госпоже Дѣво, Владычице всѣхъ тварей, боголѣпная Царице, роджшая Царя Христа Бога нашего, Пречистая Богородице! Услыши насъ, молящихся Тебѣ, и яви милость Твою на рабѣхъ Твоихъ: моли Сына Твоего, Господа же нашего Иисуса Христа, еже избавитися намъ от всякаго зла, и сохрани обитель // нашу от нашедшихъ всѣхъ напастей и неправеднаго ¹⁸⁰ сего осуждения.

¹⁷⁵⁻¹⁷⁵ Вписано по верх строки скорописью.

¹⁷⁶⁻¹⁷⁶ Вписано по верх строки той же рукой.

¹⁷⁷ На поле напротив — запись скорописью: Псало<м>. Далее в основном тексте вычеркнут следующий абзац (обрамлен сверху и снизу двумя горизонтальными чертами и перечекнут двойным косым крестом): Тако обитель его лишена была своего пастыря и находилась под ведениемъ вышепомянутаго Петропавловскаго монастыря, который етого искали и желали, блаженнаго старца Серапиона таковому жестокому страданию вдали своими ложными доносами и лживыми писаниями въ Духовную дикастерію. Тако стражайше было приказано отъ правительства имѣть надзоръ Петропавловскому настоятелю новою пустынью.

¹⁷⁸ В слове буква в вписана по верх строки.

¹⁷⁹ Слово в ркп. подчеркнуто простым карандашом; на поле напротив читается также выполненная простым карандашом редакторская правка-замена: избрать.

¹⁸⁰ Слово в ркп. испр. из: неправедному.

О, премилостивая Владычица, Богородице препѣтая!¹⁸¹ Ты видиши насъ, во всякой бѣдѣ и нуждѣ сущыя. Помяни рабы Твоя, и не презри слезъ и въздыхания нашего, и обнови насъ благодатию своея милости, да со благодарениемъ утѣшаемся, обретше бо¹⁸² Тя помощницу!

Умилосердися, Госпоже Пречистая Богородице, на рабы Твоя во одержимой скорби и изгнания, помилуй насъ, якоже Иоанна Дамаскина помиловала. Ты бо,¹⁸³ вси его, -¹⁸³ суща въ напасти и болѣзненной скорби, скоро услыша слезныя его въ рыдании молитвы, и своимъ милосердиемъ, яко Преплагаая, исцѣлила¹⁸⁴ болѣзненною его скорбь, и помиловала, и даровала ему по его прошению. Тако и сию обитель избави¹⁸⁵ от напастей и помилуй рабовъ Твоихъ, желающимъ (*sic!*) спасения, спаси¹⁸⁶ сама своимъ ходатайствомъ, Ты бо ходатаице спасения нашего, да величаю на мѣстѣ семъ пречестное имя Твое, всепѣтая Богомати, избавление наше!» //

¹⁸⁷И тако обитель его лишена была своего пастыря и находилась¹⁸⁸ л. 88 об. под вѣдениемъ Петропавловскаго монастыря, которыи етова желали и искали: смиренного старца Серапиона такавому страданию вдали своими лживыми писанми.¹⁸⁹

Тако имъ владѣющимъ новою пустоью съ 1724-го года до 1727-го года, Человѣколюбець же Господь укрепляя своего раба въ таковомъ прескорбномъ пути, вкупѣ и защищая, ложное же¹⁹⁰ и неправѣдное осуждение обличая неистовыхъ гонителей.¹⁹¹ «Кто бо велий, яко Богъ нашъ», (ср.: Пс. 76: 14) открывай сокровенная и тайная обличай, улови премудрыя въ хитрости ихъ.⁻¹⁹¹

¹⁸¹ Слово в ркп. испр. из: препѣтая.

¹⁸² Слово вписано поверх строки, возможно, другой рукой.

¹⁸³⁻¹⁸³ Вписано поверх строки, по-видимому, в два приема, разными руками.

¹⁸⁴ В ркп. буква с в слове вычеркнута.

¹⁸⁵ Слог -ба- в слове вписан поверх строки.

¹⁸⁶ Слово в ркп. правлено.

¹⁸⁷ На верхнем поле листа над первой строкой текста проставлена чернильная помета: Здѣ.

¹⁸⁸ Слог -ди- в слове вписан поверх строки.

¹⁸⁹ Слово в ркп. исправлено из писаниями.

¹⁹⁰ Частица вписана поверх строки.

¹⁹¹⁻¹⁹¹ Текст вписан между строк скорописью, по-видимому, другой руки (имеет внутреннюю правку).

Начальникъ Андроникова монастыря съ братиею позналъ невинность смиренного старца, и убѣдившись¹⁹² сердце его жалостию, что таковое бѣдствие страдает безвинно въ таковой¹⁹³ маститѣй¹⁹⁴ старости,¹⁹⁵ потщася о семь донести¹⁹⁶ Духовной дикастерии. По етомъ донесении дикастерия, разобравши дѣло о невинности старца, тѣх же враждебной зависти, потщася скоро свободить от такового неправедна-

л. 89 го осуждения: отпустили старца со извением, // зане тако по невѣдению сотворили, и отправили его на жительство въ Николаевский Одринъ монастырь, гдѣ полагалъ начало своего монашества, до решения дѣла.

Таковое блаженный старецъ Серапионъ претерпѣлъ гонение, досаждение, клѣветы, осуждение, узы железные, и претерпе вся напасти добльствѣннѣ, по апостолу: «Якова изгнания¹⁹⁷ прияхъ, и от всѣхъ мя избавилъ есть Господь». ¹⁹⁸ (2 Тим. 3: 11) И паки: «Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушение, зане искусенъ бывъ, приметъ вѣнецъ жизни, его же обѣща Богъ любящимъ Его». ¹⁹⁹ (Иак. 1: 12)

Врази же его все посрамлени быша, якоже глаголетъ пророкъ: «Ровъ изры, и ископа ѿ, и падеть въ яму, юже содѣла»;^(Пс. 7: 16) также и съ ними неповиннии прелести ради лукаваго, паче же нерадѣння ради, послушали прельщенныхъ челоуѣковъ: сотворили тако благочестивому старцу и обители его. //

л. 89 об. Въ 1727-го года (*так!*) указомъ изъ Духовной дикастерии от 9-го февраля, съ высочайшего соизволения императрицы, паки назначили блаженного старца Серапиона строителемъ въ Бѣлобѣрежскою пустынь, его трудами основанную. О семь дано знать игумену Николаевскаго Одрина монастыря Макарию.

Блаженный же старецъ отецъ Серапионъ по принятии вторичнаго управления пустыни управлялъ ею до блаженной кончины своея, но не безъ искушения. Прошедши мало²⁰⁰ времени, воста паки буря, паки го-

¹⁹² Буква я в слове, возможно, исправлена на ъ.

¹⁹³ Далее вычекнуто: старости.

¹⁹⁴ Буква ѣ в слове испр. из о.

¹⁹⁵ Слово вписано поверх строки.

¹⁹⁶ Буква и в слове испр. из ъ.

¹⁹⁷ Испр., в ркп. ошиб. изгнания.

¹⁹⁸ На поле напротив — глосса той же руки: 2 Тим. посл. Гл. 3, с<ти>х 11.

¹⁹⁹ На поле напротив — глосса той же руки: Иаков. Гл. 1, с<ти>х 12.

²⁰⁰ Слово вписано поверх строки.

нение и неудовольствия, обаче, мноюю завистию подвизаеми, не преставаху от неистовства своего, ниже довольствовахуся,²⁰¹ яко единою побѣждени и посрамлени были, но къ другимъ лжамъ обратившася и, совѣщавшеся, иная оболгания на невиннаго старца²⁰² Серапиона составиша: не богобоящийся, ниже неповинна никоему злу // мужа щадяще,²⁰³ но едино имуще желание, яже истинну лжею покрыти, якоже глаголетъ божественный Исаи: «Зачинають трудъ, и раждаютъ беззаконие»,^(Ис. 59: 4) иже «положиша упование себѣ лжу и рѣша: покроемъ себе лжею». ^(Ис. 28: 15) Таково тии имѣли тщание, дабы блаженнаго старца Серапиона оболгать и вторично от обители его изгнать,²⁰⁴ себе же лжею свою оправдать, еже начаша доносить жалобы на блаженнаго старца Серапиона, якобы онъ принимаетъ въ свою пустынь бѣглыхъ людей, еще о принятии²⁰⁵ и пострижении²⁰⁵ въ монашество самовольно, без разрѣшения начальства, и протчии хуления.

²⁰⁶ Блаженный же старецъ претерпѣ вся мужественно, молящеся Господу Богу непрестанно и плачася, глаголаше: «Многими скорьбми подобаетъ²⁰⁷ намъ внити въ Царство Небесное»,^(Деян. 14: 22) «нужно бо есть, и нуждницы восхищаютъ е»^(Мф. 11: 12)». //

Тѣми словесы утѣшася, и помышляя въ себе, и глаголя: «О, Серапионе! Достоинъ²⁰⁸ и множае страдати за грѣхи твоя, и весьма удостоюся страдати! Некиимъ страданиемъ ради Господа подобаетъ чрез многия скорби очиститися, аще и малѣйшимъ чимъ подражатѣль буду страстей Бога моего! И поминай оскорбившихъ тя,²⁰⁹ яко велика тебѣ приобретения исходатойствовавшихъ. Мужайся, и да крепится сердце твое, и претерпи сия вся Господа ради, нищету бо избралъ, и въ ней подобаетъ терпети, еже претерпевати скорби, гонение, поношение, укорение, осуждение и прочия. И сего ради примуть тя въ веселии въ вѣчныя кро-

²⁰¹ В ркп. слово правлено из: довольниствовахуся.

²⁰² Далее вычеркнуто: Си.

²⁰³ Вторая буква щ в слове, возможно, испр. на ш.

²⁰⁴ В ркп. слово правлено: пропущенная буква г вписана поверх строки простым карандашом.

²⁰⁵⁻²⁰⁵ Вписано позднее под строкой.

²⁰⁶ На боковом поле напротив открывается квадратная карандашная скобка.

²⁰⁷ Буква а в слове испр. из о.

²⁰⁸ В слове буква и вписана мелко поверх строки.

²⁰⁹ В слове буква т испр. из м.

вы, “идѣже отбѣже болѣзнь, и скорбь, и въздыхания²¹⁰ нѣсть там²¹¹». (ср.: Молитва Последования панихиды)

л. 91 Тако блаженному старцу пребывающу въ молитвѣ и постѣ, Человѣ-колюбець же Господь защищая присно раба своего, и разсыпашася ихъ вся клеветы, и ничтоже²¹² успѣли. Тогда полкъ // враждебныхъ разсыпая до конца, и всѣ умолкоша.²¹³

Блаженный же отецъ Серапионъ хранимъ остался благодатию Божию: от того времени без препятствия созидашеся монастырь поспѣшествомъ Божиимъ, и устроилъ²¹⁴ обитель, и совокупилъ братию. Паки начя обитель смиреннаго старца процвѣтати,²¹⁵ но не избераше старецъ себѣ упокоения, но всегда трезвяся, да не когда чрезъ благоговѣнныя приведетъ лукавый чуждый помысль, то есть тщеславия и гордость, во еже не хотѣти трудитися. И от того сего соблюдале себе опасно, а смиренномудрия внемаше и благоговение всегда храняше, съ братиею дѣлаше всегда купнодушно, со всякимъ смирениемъ. И начаше помалу посещать христолюбивые людие обитель его.

л. 91 об. Въ 1731-го года (*sic!*) помѣщикъ Иакинфъ Алымовъ предоставилъ въ вѣчное владѣние строителю Серапиону съ братиею пустыни своей земли, называемая пустошь Полбино, // со всѣми къ нимъ пренадлѣжностями, что свидѣтельствуеть слѣдующимъ писмомъ, которое приводится въ подлинникѣ.

«Честный отецъ строитель Серапионъ съ братиею, о Христе спасайтесь!

Имѣется за мною въ Брянскомъ уѣздѣ, въ Ботоговскомъ стану пустошь²¹⁶ Полбино, Афонасьевское тожь, по продажѣ брянскаго помѣщика Ивана Осипова сына Безобразова. И оную пустошь, со всѣми угодьями, отдаю въ вѣчное владѣние вамъ въ обитель, строителю монаху²¹⁷ Серапиону с братиею. И съ сего числа, по сему письму, извольте оною моею пустошью со всѣми угодьями владѣть вы. А мнѣ и по мнѣ женѣ моей и дѣтямъ дѣла нѣтъ; и наслѣдникамъ моимъ не вступатся²¹⁸ и у васъ не отымать.

²¹⁰ В слове буква я испр. из е.

²¹¹ Слово вписано поверх строки.

²¹² В слове слог ни- вписан поверх строки.

²¹³ Здесь проставлена закрывающая квадратная карандашная скобка.

²¹⁴ В слове буква л вписана поверх строки.

²¹⁵ Слово в ркп. правлено.

²¹⁶ Буква о в слове правлена.

²¹⁷ Далее вычеркнуто: Илариону.

²¹⁸ В слове буква в вписана поверх строки.

И сие письмо пишу я вамъ для увѣренія своею рукою. А ежели жена моя и дѣти будутъ впредь сие мое писмо нарушать какимъ-нибудь вымысломъ, да воспримутъ судъ отъ Бога, яко // обидчики святыя обители».

Пять лѣтъ монастырь владѣлъ означенною землею безспорно. В 1736-мъ году крестіане полбинскіе изъявляютъ на нее претензію, возникаетъ дѣло. Въкратцѣхъ сказать, что земля послѣ кончины блаженнаго строителя Серапиона отошла: перво перешла въ руки наслѣдниковъ колѣна Алымова, отъ которыхъ перешла она къ брянскому помѣщику, а затѣмъ куплена уже за вѣсма дешевую цѣну.²¹⁹

Строителю Серапиону была пожертвована еще земля въ вѣчное владѣніе въ 1733-го года (*sic!*) помѣщикомъ Тимофеемъ Даниловымъ Житковымъ, состоящеея Карачевскаго уезда Орловской г... (*sic!*) въ урочище Царево²²⁰ побоище, которая тоже во владѣніи пустыни не находится. Главная причина всѣхъ утратъ земель — частый переходъ въ завѣдованіе отъ одного къ другому монастырю послѣ блаженной кончины // строителя Серапиона.

Паки востала прежняя буря на обитель, паки гоненіе и²²¹ неудовольствіи: переходить отъ одного къ другому монастырю, отъ чего терялись документы, которые не были предъявлены при генеральномъ размежеваніи земли.

Тако²²² основавъ пустынь строитель Серапионъ, и управлялъ ею мудро, строго и тщательно. Все его вниманіе было обращено на то, чтобы монашествующіи строго исполняли свои послушаніи. Онъ бдительно слѣдилъ за добронравственною и цѣломудренною ихъ жизнью. Часто отлучаясь²²³ старецъ Серапионъ²²³ изъ пустыни по дѣламъ обители, наставлялъ остающіюся свою²²⁴ братію, словесно и писменно, къ прохожденію монашеской жизни, къ храненію своей совѣсти, и поучалъ: «Братіе, образъ житія храните целомудренно и богоугодно, да обрящемъ милость въ день Судный отъ подвигоположника²²⁵ нашего Владыки Иисуса Христа».

²¹⁹ Далее в строке следует: Г... Ж... .

²²⁰ Далее в строке вычеркнута буква з.

²²¹ Далее вычеркнуто повторно написанное слово гонение.

²²² В слове буква о испр. изъ.

²²³⁻²²³ Вписано поверх строки той же рукой; испр.: в ркп. стерець.

²²⁴ Слово вписано поверх строки.

²²⁵ В ркп. слово правлено из подвижника: слоги -гополо- вписаны поверх строки.

л. 93 Блаженный отецъ Серапионъ // поучая непрестанно братию свою богодухновенными учения, услаждающими души, страсти же лукавыя изсушающими, въ немъже разумъ божественный, имже право разумѣвая евангельская предания, заповѣди, прещения²²⁶ и обетования,⁻²²⁶ таже святыхъ апостолъ предания соблюдая, еще же преподобных и богоносныхъ отецъ нашихъ учения и наставления от всея души крѣпко защищая, невредимо, яко зѣницу ока, храняше, имиже поучаше братию со всякимъ смиреніемъ къ дѣланию заповѣдей Божиихъ. И во учении его и совѣте ходящии во смирение, и терпение, и любовь предъуспѣваху.

Таже поучая и писменно.

Первое: о строгомъ правилѣ отправления службы церковной, подробно, какъ и какой. //

л. 93 об. Второе: объ исполнении указовъ царскихъ.

Третье: «Образъ житія хранить по уставу. Излишнихъ вещей, кромѣ уставленныхъ нужныхъ потребы, не иметь. Кто въ семь изоблится и въ противность сему поступить, тому без пощады наложится епитимия по уставу».

Четвертое: заповѣдуетъ строгое воздержание от напитковъ и угрожаетъ строжайшимъ беспощаднымъ за то наказаніемъ въ премеръ прочимъ.

Такожде и естественными всѣми добротами бѣ преукрашенъ: лице его свѣтло, яко аггела, взоръ тихъ, слово смиренно и дерзости чуждо. Всѣхъ любовію привлекаше къ себе, якоже магнить желѣзо.

л. 94 Нынѣ же обители его боголюбезная²²⁷ простирается во вся предѣлы российския и своею любовію всѣхъ привлекаетъ христо//любивыхъ людей²²⁸ на духовное торжество. Кто слышитъ объ Бѣлобѣрежской обители, духомъ движется, и любовію возгорается, и тщится напитать свою душу духовною трапезою и богоугоднымъ торжествомъ. Бываетъ въ лѣтнѣе время, а во особенности въ праздники, высокоторжественныя дни,²²⁹ стечения христолюбивыхъ богомольцевъ множество, от всѣхъ российскихъ²³⁰ предѣлъ.

Блаженный старецъ отецъ Серапионъ во время своего управления пустыню положилъ прочное начало пустыни, давши ей независимость къ самостоятельности. Онъ упрочилъ ее къ существованію²³¹ своими

²²⁶⁻²²⁶ Вписано *поверх строки*.

²²⁷ Слово *вписано* *поверх строки*.

²²⁸ *Испр., в ркп.:* людей.

²²⁹ Слово *вписано* *поверх строки*.

²³⁰ В слове *первая буква с* *вписана* *поверх строки*.

²³¹ Буква *ю* в слове *испр.* *из я*.

неутомимыми трудами, такожде и приобретениемъ нѣкоторыхъ пожертвований христоролюбивыхъ брянскихъ помѣщиковъ и другихъ лицъ произвелъ²³² необходимыя постройки.

По семь нача имѣти тщание о создании новой каменной церкви, ибо прежняя церковь зело мала: моляше²³³ Бога, да по//можетъ ему въ намеренномъ дѣлѣ ради славы пресвятаго имени своего. Поспѣшествомъ же Божиимъ дивно устроилъ храмъ каменный двухъэтажный во имя Владимирския Божией Матери, а во второмъ этаже — во имя Живоначальной Троицы. Существуетъ и донынѣ. л. 94 об.

Тако подвизавшеся въ такомъ терпѣнии всячески, скорбнымъ и ускимъ (*sic!*) путемъ шествуя, и достиже уже къ тѣлесной немощи, въ старости сый маститѣ. Разумѣ же конецъ временнаго сего жития своего, облѣчеса въ схиму, с переименованиемъ имя: вмѣсто Серапиона наречень Симеоном. Братия же, видяща его тако изнемогающа, къ Богу отъити хотяща,²³⁴ скорбѣти начаше о разлучении его, глаголюще: «Оставляеши насъ, отче,²³⁵ сиротами. Не будетъ тебѣ съ нами — оскудеетъ мѣсто сие».

Блаженный же отецъ, утѣшая ихъ, глаголаше: «Не скорбите²³⁶ о семь, возлюбленнии! // Богъ, милостивъ и челоуѣколюбивъ сый, всѣмъ желаетъ спастися. (ср.: 1 Тим. 2: 4) Но разумѣйте о семь: аще стяжу дерзновение къ Богу и дѣло мое угодно Ему²³⁷ будетъ, не токмо не оскудеетъ мѣсто, но и больше распространится по моему преставлении, аще любовь имате, заповѣди моя соблюдете, и любы Божия пребудетъ въ васъ. Вы знаете, въ коликихъ скорбѣхъ преиде животъ мой, и не вменияхъ оныя быти скорбми, но всегда радовался въ нихъ о Бозѣ,²³⁸ и Богъ²³⁸ мене не остави, но храняше мя от²³⁹ всякия напасти²³⁹ непреязненныхъ:²⁴⁰ “Любящимъ Бога вся споспѣшествуетъ во благое” (Рим. 8: 28)».

²³² Далее зачеркнуто: но.

²³³ В ркп. испр. из: моляшеса.

²³⁴ Слово вписано поверх строки.

²³⁵ Слово вписано на левом боковом поле.

²³⁶ Испр.; в ркп. скорибите, при этом слог -би- вписан поверх строки.

²³⁷ Слово вписано скорописью на боковом поле.

²³⁸⁻²³⁸ Вписано поверх строки.

²³⁹⁻²³⁹ Вписано поверх строки вместо вычеркнутого в основном тексте слова всѣхъ.

²⁴⁰ В ркп. испр. из непреязненныхъ.

Приблизившись къ концу жития своего, любезно братию цѣлова, плачущихъ и рыдающихъ о разлучении такового имъ пастыря и защитѣля своей обители, таже глагола имъ: «Се, братие и отцы, отхожду от васъ ко Владыце ²⁴¹-моему Иисусу-²⁴¹ Христу на²⁴² вѣчный²⁴³ покой²⁴⁴».

л. 95 об. И²⁴⁵ успѣ сномъ честнымъ смерти блаженный отецъ нашъ Симеонъ, чистый сердцемъ, предавъ душу свою // святую въ руцѣ Господа своего, (ср.: Лк. 23: 46) Емуже поработа усердно. И погребень честно въ храмѣ Владимирския Божия Матери, егоже самъ создалъ.

Преставился²⁴⁶ первоначалникъ и основатель обители схимонахъ Симеонъ в лѣто от Рождества Христова 1740-го года ноевриа 15 дня, въ субботу,²⁴⁷ 1-мъ часу дня.

«Блаженни мертвии, умеравшии о Господѣ. Ей, почиють от трудовъ своихъ».²⁴⁸ (ср.: Откр. 14: 13)

«Блаженни чистии сердцемъ — тии Бога узрятъ».^(Мф. 5: 8)

«Блаженни изгнанни правды ради — тѣхъ есть Царство Небесное».^(Мф. 5: 10)

Таковый путь прошелъ в своей земной жизни воистинну сей блаженный отецъ Симеонъ, и²⁴⁹ сплѣте себе вѣнецъ своимъ таковымъ подвигомъ,²⁵⁰ и приметь его⁻²⁵⁰ от подвигоположника Владыки Господа Иисуса Христа во Царствии Небеснемъ. Аминь...

²⁴¹⁻²⁴¹ Вписано по верх строки.

²⁴² В ркп. предлог испр. из и.

²⁴³ В ркп. испр. из вѣчнымъ.

²⁴⁴ Слово вписано по верх строки.

²⁴⁵ Союз вписан в строку позднее.

²⁴⁶ Буква л в слове вписана по верх строки.

²⁴⁷ В слове первая буква б вписана по верх строки.

²⁴⁸ На поле напротив — глосса той же руки: Апока<л>., гл. 14, ст. 13.

²⁴⁹ Союз дописан на боковом поле листа.

²⁵⁰⁻²⁵⁰ Вписано по верх строки.

А. С. Хомяков в записках В. И. Хитрово

1.

В 1860 году, в последний год жизни, А. С. Хомяков хлопотал об устройстве в Петербург на службу своего двадцатидвухлетнего родственника и крестника — Дмитрия Владимировича Хитрово. Хлопоты оказались небезуспешны. Среди благодарных слов Хомякова в письме к другу юности А. В. Веневитинову упомянут отец молодого человека — Владимир Иванович Хитрово (1806—1866): «Его отец (отличный человек, но лицо вполне типическое, которого существование Самарин долго считал мифом) <...>»,¹ — пишет Хомяков.

Что же это за человек, Владимир Иванович Хитрово?

Он «лицо вполне типическое» и вместе с тем «миф»... Он автор записок: «Замечания (Mémoires de ma vie)», которые фигурируют в печати по крайней мере с 1924 года,² но рукопись которых так до сих пор не обнаружена.

Хитрово приходились родственниками Хомякову по линии матери. Старшая дочь Хомякова Мария, запомнившая Владимира Ивановича Хитрово набожным и немного забавным человеком, указывает, что он был им «родней по Демидовой, сестре бабушки».³

---

¹ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: В 8 т. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1904. Т. 8 (далее — Хомяков. Т. 8). С. 83.

² Одно из первых упоминаний записок В. И. Хитрово находим в путеводителе Б. В. Шапошникова по Бытовому Музею Сороковых Годов (*Шапошников Б. В. Бытовой Музей Сороковых Годов*. 2-е изд. М.: ГИМ, 1925. С. 21).

³ Хомяковский сборник. Томск: Водолей, 1998. Т. 1 (далее — Хомяковский сб.). С. 192.

У бабушки — матери Хомякова, Марьи Алексеевны Киреевской, — была сестра Анна Алексеевна (1773—1844), вышедшая замуж за Евграфа Амосовича Демидова (1777—1830). Сестра Евграфа Амосовича, Елизавета Амосовна (1778—1824), — супруга Ивана Герасимовича Хитрово (1776—1845). Именно их сын — Владимир Иванович Хитрово — «друг и почитатель»⁴ Хомякова, автор записок. Таким образом, Хомякова и Хитрово «связывает» общая тетка, Анна Алексеевна Демидова.

Корень их свойства лежит в роде Амоса Демидова (1753—1806?) — младшего сына знаменитого промышленника и не менее знаменитого оригинала Прокопия Акинфиевича Демидова (1710—1786?),⁵ запечатленного некогда Д. Г. Левицким.

Именовать Владимира Ивановича Хитрово автором записок о Хомякове было бы не точно. Хитрово с юности, по свидетельству сына, «имел обыкновение писать ежедневно свои Замечания, что он видел и слышал».⁶ Многотомный дневник носил название «Mémoires de ma vie». Дмитрий Владимирович Хитрово вспоминал: «Влад<имир> Ив<анович> очень любил заниматься, вел ежедневный дневник, весьма интересный, нечто вроде семейной хроники, и, как глубоко набожный человек, составлял еще систематические выписки и комментарии на религиозные вопросы, под именем “Цветника Духовного”, оставшиеся теперь у наследников в нескольких десятках томах <так!>».⁷

Однако тома эти потеряны, известны лишь выписки из дневника. Выполненные его сыном предположительно для потомков А. С. Хомякова, они касаются в первую очередь жизни Алексея Степановича и их общих с Хитрово родственников. Авторство выписок подтверждается краткими подстраничными примечаниями (обозначением «Дим. Хитр.», «Д. Х.»). Этот «реферат» находился среди других материалов хомяковского собрания в Музее Сороковых Годов в Москве.⁸ Ныне выписки

⁴ Хомяковский сб. С. 192.

⁵ Подробнее см.: *Черкас А.* Демидовы. 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеческих родов. М.: Современник, 1995. С. 98—100; *Шубинский С. Н.* Русский чужак XVIII столетия. [СПб.]: Тип. Акад. наук, 1864.

⁶ Здесь и далее при цитировании «Замечаний Владимира Ивановича Хитрово» не указываются номера архивных листов.

⁷ См.: Приложение. С. 419.

⁸ Музей существовал в доме А. С. Хомякова на Собачьей площадке в 1920—1929 годах. Подробнее см.: *Сильверсван Е. Н.* «Дом Хомякова» в моей памяти // А. С. Хомяков: Личность — творчество — наследие. Смоленск: Гос. музей-заповедник «Хмелита», 2004. (Хмелитский сборник. Вып. 7). С. 342; *Зубова Н. Л.* «Здесь, в старых переулках за Арбатом»: Дом Хомяко-

хранятся в ОПИ ГИМ («Замечания (Mémoires de ma vie) Владимира Ивановича Хитрово» — ф. 178, ед. хр. 2 (103 л.)).

2.

Жанр дневника — излюбленный жанр образованного дворянства. Дневник позволял фиксировать события жизни для себя и потомков. Кроме того, это средство самодисциплины. Такого рода документ был предназначен для личного, семейного пользования и не должен был становиться достоянием печати. В этом отличие таких записок от дневников «публичных» людей — литераторов, художников, музыкантов, политиков, — которые, хотя и могут писаться без оглядки на широкого читателя, легко превращаются в «записки для других».

«Замечания Владимира Ивановича Хитрово» не предназначались для посторонних глаз, не должны были быть «записками для других», если бы не удивительная судьба, которая ждала их после смерти автора. Дело в том, что одним из героев записок, эпизодически появлявшимся в жизни Хитрово и, соответственно, на страницах дневника, был человек, принадлежавший к «литературному обществу». Это Алексей Степанович Хомяков. Хомяков фигурирует в тексте записок на правах родственника и друга. Друга оригинального, яркого, не похожего на привычное окружение Хитрово.

Однако перед нами, как было сказано выше, не первоначальный текст «Замечаний» Хитрово, рукопись которых либо погибла в революционных пожарищах, либо (хочется надеяться) затерялась в архивах. Благодаря усилиям сына В. И. Хитрово — Дмитрия — записки, с их эпохой, подробностями жизни автора и его современников, превратились в воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове. То, что Дмитрий выписал из отцовского текста, он назвал: «Замечания (Mémoires de ma vie) Владимира Ивановича Хитрово. (Выписки из оных). Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове». Именно Хомяков стал центральной фигурой этого текста.

Несомненно, полностью «Mémoires de ma vie» Хитрово не менее интересны, чем уцелевшие выписки о Хомякове. Из текста очевидно, что, общаясь с Хомяковым, Хитрово сталкивался с Н. В. Гоголем, К. С. Аксаковым, И. В. Киреевским, С. П. Шевыревым... Остается сожалеть, что о них на этих страницах сообщается крайне мало.

Обаяние записок Хитрово, которое чувствует читатель с первых строк, состоит в безыскусности этих свидетельств, их очевидном отли-

---

вых на Собачьей площадке // А. С. Хомяков: Проблемы биографии и творчества. Смоленск: Смоленский ГПУ, 2002. (Хмелитский сборник. Вып. 5) (далее — *Зубова*. Дом Хомяковых).

чии от литературных мемуаров. Эта «осязательность минувшей жизни, непосредственное погружение в ее быт и психику», по замечанию М. О. Гершензона, «уже есть большая и притом самостоятельная ценность».⁹ Знакомясь с записками, невозможно не соотносить их с картиной жизни, представленной на страницах русской словесности второй половины XIX века, с ее художественными образами и жизненными коллизиями.

«Ужасные» истории, обсуждавшиеся в гостиных 1840–1850-х годов, нравы эпохи, сплетни — эта сторона записей Хитрово словно переносит нас в прозу Достоевского или Лескова, возможно, Салтыкова-Щедрина. Так, образ старой барыни — матери Хомякова — и распределение ролей в семье Алексея Степановича (мать — Хомяков — его жена) напоминают эпизоды толстовского романа 1858–1859 годов «Семейное счастье».¹⁰

Как раз в то время, когда Хитрово аккуратно записывал светские новости и домыслы, журнал «Москвитянин» отмечал: «Городские слухи везде, не в одной Москве только, могли бы <...> назваться оборотной стороной жизни: это целый мир фантазий; существенность идет своим чередом, а слухи создают свое».¹¹ В «Москвитянине», кстати сказать, был особый раздел «Московская летопись» (М. П. Погодин за подписью «М<осковский> Ж<итель>») составлял ежемесячный отчет о «Жизни в Москве»: выставки, маскарады, рауты, «жизнь купцов, ремесленников, иностранцев».¹²

Слухи об освобождении крестьян, об отравлении Наполеона III, об Антихристе, история госпожи Леонтьевой, уморившей своих детей, или судьба бывшего послушника Донского монастыря Зыкова, зарезавшего княгиню Голицыну... — подобные новости мы в избытке находим у Хитрово. Ясно, что их было в тексте дневника несоизмеримо больше: Дмитрий Хитрово помещает в «выписки» лишь те, которые имеют отношение к общению Хомякова с Хитрово-старшим. «Все подробности разговора и разные мелочи передаются здесь потому, чтобы показать, что и кто занимали А<лексея> С<тепановича> и сколько можно выставить его внутренний домашний быт», — поясняет Дмитрий Владимирович.

Первые «выписки» относятся к 1820 году, когда в Москве на Светлое Воскресенье состоялось знакомство Владимира Ивановича Хитрово

⁹ Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев: Очерки прошлого. М.: Московский рабочий, 1989. С. 29.

¹⁰ Ср.: Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 12 т. М.: Правда, 1984. Т. 2. С. 292–294.

¹¹ Москвитянин. 1846. № 3. С. 279.

¹² Там же. № 4. С. 209–210.

и Хомякова, что примечательно, при игре в битки. Сообщения о Хомякове в 1820—1830-е годы немногочисленны и кратки; Хитрово-сын это объясняет следующим образом: «За всё это время Замечания Хитрово представляют о Хомякове только отрывочные сведения, касающиеся более или менее главных эпох его жизни, а несравненно более подробные описания о нем мы встретим в конце сороковых годов, когда писавший Замечания жил в тульском имении своей жены по соседству с Богучаровым, и потом большую часть года в Москве».

Общение за детской игрой естественным образом сменилось обсуждением прочитанных книг: в конце 1832 года сообщается, что Хомяков «давал ему (В. И. Хитрово. — Е. Д.) читать книги, послужившие ему в большую пользу после восьмилетней военной службы, проведенной в манежных учениях, походах, строгой тогдашней фрунтовой службе и проч.».

К сожалению, книги, которые молодой штабс-ротмистр Хитрово получил для прочтения от Алексея Хомякова и которые были ему так полезны, не названы. Что это могло быть, остается только гадать. Нет здесь ни слова о выходе в свет драматических сочинений Хомякова, запрещении для постановки «Димитрия Самозванца», о хомяковских стихотворных опытах и его наездах в Петербург... А вот московский и поместный быт 1840—1850-х годов («выписки» обрываются в конце 1853 года) обрисован в публикуемом тексте более подробно.

Вскоре после революции, когда, как известно, предпринимались попытки сохранить дом Хомякова на Собачьей площадке в качестве музея, было найдено компромиссное название — «Бытовой Музей Сороковых годов»,¹³ — в котором угадывается скрытая цитата из заглавия знаменитых мемуаров Б. Н. Чичерина. Как один из памятников быта в музее хранился реферат «Mémoires de ma vie» Хитрово. По нему, наряду со свидетельствами внучки Хомякова — Анны Алексеевны Челищевой¹⁴ (1888—1923), — реконструировалась планировка, расположение и назначение комнат хомяковского дома.

Однако между чичеринской Москвой и записками Хитрово мы найдем мало точек пересечения. Быт Хитрово — не университетская публика, хотя Владимир Иванович несколько раз встречается у Хомякова С. П. Шевырева, упоминает Ю. Ф. Самарина, Т. Н. Грановского, К. А. Кос-

¹³ *Зубова. Дом Хомяковых. С. 166.*

¹⁴ ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 111, л. 5. См. также: Хомяковский сб. С. 199 (нами ранее было неточно указано, что свидетельство, которым пользовались сотрудники при создании музея, принадлежит дочери Хомякова — О. А. Челищевой; ср.: *Зубова. Дом Хомяковых. С. 165*). Подробнее о судьбе внучки Хомякова А. А. Челищевой см. в воспоминаниях ее сестры: *Бобринская М. А. Записки // Новый журнал. 1992. № 188. С. 298—299, 301, 323—324, 326—328.*

совича. Но Хитрово в первую очередь записывает то, что ему интересно и понятно в многосторонней жизни Хомякова, — это его богословствование, духовные разговоры, шутки, семейные отношения, общение с родственниками. В набожной душе Хитрово находит особый отклик свидание с Гоголем (1850 год), беседы Хомякова с К. С. Аксаковым и И. В. Киреевским, известие о возможном отпевании Гоголя в университетской церкви.

Примечательно, что Хитрово нередко оказывается среди хомяковских оппонентов: «<...> много мы спорили и кричали с Алексеем Степановичем, но Гоголь поддерживал меня (не объяснено, в чем спор заключался)». Явно с сочувствием к Киреевскому сообщается, что тот «приносил А<лексею> С<тепановичу> весьма глубокомысленную книгу о братолюбии; А<лексей> С<тепанович>, пробежав ее, начал было критиковать некоторые места, но Киреевский остановил его тем, что подобные сочинения не должно разбирать литературным порядком, как простое сочинение, а читать с благоговением, перекрестившись сначала». Константин Аксаков, напротив, на страницах «выписок» рассуждает с близких к Хомякову позиций.

Увлечение вертящимися столами и пишущими тарелками в 1853 году (на фоне Крымской войны), о котором здесь упоминается, заставляет вспомнить страницы дневника А. Ф. Тютчевой, наблюдавшей подобные опыты «на вечерах у императрицы».¹⁵ Московские адреса «Mémoires de ma vie» перекликаются с «Рассказами бабушки», записанными Д. Д. Благово. Дворянство, как известно, «тяготело к определенным районам — например, между Остоженкой и Спиридоновкой, в районе Красных ворот. Родственные и дружественные семьи покупали (или нанимали) дома поближе друг к другу».¹⁶ Арбатский околоток в Замечаниях Хитрово представлен Охотниковыми, Екатериной Сергеевной Герард; не без участия Хитрово семья Хомякова из дома на Арбате (что напротив церкви Николая Явленного) перебирается в собственный — на Собачьей площадке.

3.

Как и во многих других мемуарах и свидетельствах современников, в тексте Хитрово мы видим Хомякова спорящим. Основные его оппоненты здесь — мать, Марья Алексеевна, и автор дневника, Хитрово-старший.

¹⁵ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: Воспоминания. Дневник. М.: Мысль, 1990 (далее — Тютчева. При дворе). С. 122—123, 125.

¹⁶ Анциферов Н. Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов. 1795—1829: Сб. ст. М.: Гослитмузей, 1946. С. 159.

Религиозные темы постоянно становятся предметом бесед Хитрово и Хомякова. Последний нередко подшучивает над односторонностью взглядов Владимира Ивановича, которого он называл «охранителем Божьей репутации». При этом Хомяков прибегал ко всевозможным забавным розыгрышам (он вообще любил «веселые выходки», как замечает автор «выписок», или любил «мистифицировать», по слову Катерины Михайловны Хомяковой).¹⁷

Вот пример одной из таких мистификаций, записанных Хитрово: «Вспоминали о спорах за загробную жизнь, то А<лексей> С<тепанович> сказывал мне, что у него есть описание одного священника в Смоленске, который обмирал будто бы и имел разные видения, но не дает мне прочесть, как я ни упрашивал, говоря, что это вздор, ибо не верит мытарствам <...>. После обеда А<лексей> С<тепанович> достал и дал мне эту тетрадку о священнике обмиравшем, чему я очень рад был. Каково было мое удивление, когда, приехав вечером в Тулу, стал я читать тетрадку, которая оказалась стихотворение про какую-то Адель и Аннету <...>. Ну, думал я, этим видениям Алексей Степанович смело может не верить».

Хомяков предстает в записках не житийной фигурой, а живым человеком — разным в разных обстоятельствах. На взгляд нецерковных людей, он был своего рода «старовером», в чем-то вызывающе-строгим, даже косным. По воспоминаниям А. И. Кошелева, в офицерской среде Алексея Степановича из-за строгой приверженности к постам называли «католиком».¹⁸ Сам Хомяков эту ситуацию описывал следующим образом: «Я был воспитан в благочестивой семье и никогда не стыдился строгого соблюдения обрядов Церкви; это навлекло на меня то название лицемера, то подозрение в тайной приверженности к латинской церкви <...>».¹⁹

Напротив, с точки зрения «староверов», к каковым можно отнести и Хитрово, и мать Хомякова, Марию Алексеевну, нередко он шокирующий их модернист, церковный вольнодумец. Только Хитрово при этом остается верным поклонником ищущего и «глубокого» ума Алексея

¹⁷ Хомяков. Т. 8. С. 89.

¹⁸ Кошелев А. И. Записки (1812—1883 годы). М.: Наука, 2002 (далее — Кошелев. Записки). С. 51.

¹⁹ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: В 8 т. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1907. Т. 5 (далее: Хомяков. Т. 5). С. 311; *Birkbeck W. J. Russia and the English Church During the Last Fifty Years. London, 1895. Vol. I. P. 71.* Ср. с текстом Хитрово: «<...> спорили потому, что ему казалось, будто при всей своей преданности Богу и набожности, А. С. мудрствует полютерански <...> а Хомяков за излишнюю привязанность к обрядам называл его (В. И. Хитрово — Е. Д.) католиком».

Степановича («я удивляюсь ему, как он глубоко богословствует <...>»; см. текст от 18 августа 1853 года), с которым он вновь и вновь сверяет свои собственные размышления, а Марья Алексеевна сердится, совершенно серьезно обзывая сына, как грибоедовская Хлестова, «реформатором».²⁰

Эта особенность общения Хомякова была подмечена А. И. Кошелевым.²¹ Хомяковский спор с обрядоверцем не был тождественен спору с приверженцем веры без обрядов. Кошелев писал, что, когда Хомяков «видел перед собою людей, для которых обрядность составляла суть церкви, то считал долгом разить эту обрядность; когда же <...> встречал людей, которые, соглашаясь с главными догматами церкви, с ее идеальной стороною, считали обряды принадлежностью толпы, а не развитой части исповедников, то он защищал обряды, будучи глубоко убежден, что мы, как люди, должны иметь и определенные осязательные формы для выражения наших чувств и убеждений, что мы обязаны дорожить связью с народом <...>».²² «Наш строгий пост, наш труд бессонный — // Плебейской веры быт простой», — сходная мысль, что на церковно-бытовом уровне нужно преодолеть пропасть, разделяющую аристократию и народ, выражена в послании Хомякова Н. А. Муханову «Благочестивому меценату» (1858 год).

«Выписки» из дневника Хитрово — прекрасная иллюстрация к тому, как Хомяков «не боялся шутить над мелочностью людей верующих» (по определению дочери Хомякова Марии).²³ Так, он в разговоре с Хитрово называет знаменитое сочинение митрополита Стефана Яворского «Камень веры» «Кирпичом веры», подчеркивая, видимо, не столько восприятие содержательной стороны этого труда, но стилия автора, выросшего на традициях латинской схоластики XVII—XVIII веков. Любопытно также, что в «выписках» говорится о сомнении Хомякова по поводу необходимости частной молитвы за умершего человека («он всегда спорил, что наша молитва за усопших не приносит душе пользы и что даже частное приношение жертвы за душу не нужно»). Но в подобном духе Хомяков рассуждал с Хитрово, человеком «излишней привязанности к обрядам». Когда же англиканин Уильям Пальмер перевел хомяковское стихотворение «К детям» (1839 год), Хомяков был обрадован, что английский богослов не отвергает возможность «молитвенного об-

²⁰ Давыдова Е. Е. «Что год, что день, то связи рвутся...» (А. С. Грибоедов и братья А. и Ф. Хомяковы) // Грибоедов и Пушкин. Смоленск: Смоленский ГПУ, 2000. (Хмелитский сборник. Вып. 2). С. 219.

²¹ Хомяков. Т. 8. С. 123; Кошелев. Записки. С. 51—52.

²² Хомяков. Т. 8. С. 123.

²³ Хомяковский сб. С. 192.

щения между живыми и мертвыми», которое обыкновенно отрицается духом «реформаторства».²⁴

Потому записи Хитрово тем более ценны, что переносят нас в мир устного слова Хомякова. Хомяков был человеком не только письменной, но и устной культуры. П. И. Бартенев вспоминает, что за обедом Хомяков, «окруженный целою толпою детей своих с их гувернантками, неумолчно говорил <...>. Помню, как однажды, когда мы уходили вместе из дому, он мне сказал, что его многогочечие может приносить пользу, так как не всё же можно записывать».²⁵

Не единожды писалось о комнате-«говорильне» в его доме на Собачьей площадке²⁶ — диванной, три стены которой были «заняты диванами» для гостей.²⁷ «Говорильню» без натяжки можно определить как способ существования славянофильской мысли (название представляет собой кальку не из английского языка и не связано с англофильством Хомякова,²⁸ как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в английском слово заимствовано из французского. В современном французском существительное *parloir* (образованное от глагола *parler*) означает приемную, а в XIX веке имело значение гостиной, «разговорной»²⁹ или залы, в которой принимают посетителей).

Свой жизненный распорядок Хомяков как-то в письме 1843 года сформулировал так: «Осенью охотился на славу <...> зимою езжу на вечерние беседы <...>».³⁰ Вспомним, что Хомяков в 1856 году выступил в качестве главного «идеолога» журнала «Русская беседа». В предисловии к первому номеру журнала он писал: «“Беседа” определяет свое значение самым именем своим. Простая, искренняя, непритязательная русская беседа обо всём, что касается просвещения и умственной жизни людей».³¹ По воспоминаниям Э. А. Дмитриева-Мамонова, Николай I

²⁴ Хомяков. Т. 5. С. 285.

²⁵ Бартенев П. И. Воспоминания // Российский архив. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Т. 1 (далее — Бартенев. Воспоминания). С. 65.

²⁶ Зубова. Дом Хомяковых. С. 161; Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 255, 425.

²⁷ Шапошников Б. В. Бытовой Музей Сороковых Годов. С. 31.

²⁸ Зубова. Дом Хомяковых. С. 168.

²⁹ *Reiff Ch. Ph.* Nouveaux dictionnaires parallèles des langues russe, française, allemande et anglaise... СПб., 1885. С. 528.

³⁰ Хомяков. Т. 8. С. 69.

³¹ Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988 (далее — Хомяков. О старом и новом). С. 247—248.

как-то сказал о Хомякове: «Я знаю Хомякова, он делает дело». «Государю было известно, — объясняет Мамонов, — что главное дело Хомякова было вести беседу в обществе».³²

Одна из возможных форм «беседы в обществе» запечатлена Хомяковым в его диалоге «Разговор в Подмоскownой», где действие происходит в Тульской губернии, как, кстати, и в большей части записок Хитрово (alter ego Хомякова носит в диалоге фамилию Тульнев). Благодаря неизменному уважению Хитрово к собеседнику «выписки» при всей монологичности дневникового жанра сохраняют память о беседе, диалоге, споре. Начиная с записей 1850 года Дмитрий Хитрово помещает в своих «выписках» подробные цитаты из дневника отца, и здесь мы оказываемся посвящены в разнообразные соображения Хомякова, как то: о домашнем воспитании детей, о мытарствах, о наследственном священстве, о крепостном праве, о молитве за усопших, о Стефане Яворском или о Спасе Нерукотворном.

Мы видим Хомякова в роли увлеченного рассказчика, повествователя. Некоторые его житейские (подчас вполне анекдотические) истории были, как известно, записаны старшей дочерью, Марией Алексеевной Хомяковой.³³ Бартенев в «Биографических воспоминаниях...» также зафиксировал ряд эпизодов из детства Алексея Степановича, слышанных им, в том числе, от самого Хомякова.³⁴ По замечанию дочери, Хомяков в общении был необычайно широк, он так же «увлекался в разговоре с крестьянами, как и с своими умными друзьями», любил «разговаривать и шутить» с детьми.³⁵ Понятно, что беседа Хомякова с Хитрово отличалась от разговора с «умными друзьями», и понятно, что при знакомстве с содержанием бесед Хитрово-старшего и Хомякова надо делать скидку на восприятие Хитрово (и старшего, и младшего), на их круг знаний. Хитрово-сын свидетельствует, что Владимир Иванович часто «посещал славянофильский кружок известного Алексея Степановича Хомякова» (см. Приложение). Но отношения отца с Хомяковым но-

³² Цит. по: Пирожкова Т. Ф. Славянофильская журналистика. М.: Издательство Московского университета, 1997. С. 11; здесь же см. об идее «воспитания общества» у славянофилов, о салонных разговорах и спорах Хомякова (с. 10–14). Ю. Ф. Самарин в письме К. С. Аксакову от 19–20 июля 1846 года писал, сколь неверно судить о Хомякове по наружности, «как те, которые видят в Хомякове ко всему равнодушного болтуна и спорщика» (Самарин Ю. Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М.: Терра, 1997. С. 173).

³³ Хомяковский сб. С. 191–193, 195.

³⁴ Бартенев П. И. Биографические воспоминания об А. С. Хомякове // Русская беседа. 1860. Кн. 2 (20). С. 29–38.

³⁵ Хомяковский сб. С. 191.

сили отчетливо семейный характер, связанный с их родством через Демидовых. В тогдашних салонах Елагиных и Свербеевых или в доме Аксаковых Хитрово не бывал (поэтому-то Самарин долгое время считал «существование» Хитрово «мифом»). Судя по всему, Владимир Иванович Хитрово был в семье Хомякова персонажем из анекдотов и смешных историй, передававшихся друзьям. Так, Хомяков рассказывал, что Хитрово, когда «ходил по паркету, старался наступать там, где брусья не скрещивались»; поводом для шуток и веселых рассказов было также чрезвычайное благоговение Хитрово «перед святительским саноном». ³⁶

4.

Пристальное внимание Хитрово привлекают к себе отношения Хомякова с матерью. В «выписках» нередко встречаются указания на то, что Марья Алексеевна на сына «сердилась». Ценнейшее свидетельство находим мы в записях 1852 года. В день погребения своей жены, Екатерины Михайловны, Хомяков рассказывает Владимиру Ивановичу, что «получил себе сегодня утешение душевное, которое приписывает Кат<ерине> Мих<айловне>, что это ее молитвы произвели, а именно: вчера вечером Марья А<лексеев>на сделала ему по обыкновению ужасную сцену, бранила его как попало, А<лексей> С<тепанович> от расстройства сам рассердился, — все эти брани происходят оттого, что Мар<ье> Ал<ексеевне> вообразилось, что А<лексей> С<тепанович> ее не любит, и это подозрение продолжается несколько лет (по моему мнению, это от ревности, ей хотелось бы, чтобы он кроме ее никого не любил). Сегодня утром <...> опять была сцена и наконец <...> Марья А<лексеев>на дала ему слово, что с сегодняшнего дня не будет более к нему придирается и что теперь она верит, что он ее любит, — он говорит, что это как бы благословение свыше». Но сцены и «брани» затихли ненадолго... Еще ранее в тексте Хитрово мы читаем: «Должно признаться, тяжелый и несносный характер имеет Марья Алексеевна».

Было бы преувеличением видеть вражду в ее отношении к сыну. Это была страстная любовь деспотичной матери-барыни в традициях XVIII века, не терпевшей хомяковского вольнодумства, «противоречья» и требовавшей постоянных доказательств любви к ней. Как свидетельствует Хитрово, Марья Алексеевна не верила, что сын ее любит (точнее, говорила, что не верит). Со своей стороны, она не любила многое, что было в его образе жизни и что становилось всё определеннее начиная с 1840-х годов.

³⁶ Там же. С. 192.

В тексте «выписок» говорится о мнительности Марьи Алексеевны и о сценах, этим вызванных. Недовольство сыном могло возникать по самым разным поводам (примечателен «большой спор» Марии Алексеевны с Хомяковым о том, кто — он или она — переложил печь в гостиной). Неизменных упреков заслуживали хомяковское неумение, на ее взгляд, вести хозяйство, отношение к крестьянской реформе, религиозное свободомыслие, воспитание детей — ее внуков. Так, Хитрово рассказывает о сыне управляющего именем Хомякова Сеничке Трубникове, «который ходит иногда играть с детьми Хомяковыми». Но, как говорится в «выписках», «Марья А<лексеевна> не всегда позволяет Сеничке играть с ее внуками, ибо он слишком резв и разбитной мальчик — русак, а Марья А<лексеевна> всегда заботилась, чтобы ее внуки имели аристократический сдержанный нрав, но А<лексей> С<тепанович> не обращает на это никакого внимания».

Красноречива также следующая сценка: «По случаю пребывания в Москве Императорской Фамилии (1849 год. — *Е. Д.*), приехал сюда и министр граф Блудов, который в этот день звал к себе на вечер А<лексей> С<тепанович>а. Всех больше по этому поводу суетилась Марья А<лексеевна>, беспрестанно призывала к себе Катерину Михайловну спрашивать, какую жилетку наденет, и чтобы фрак надел и ордена чтобы надел».

5.

Надо оговориться, что «реферат» записок Хитрово показывает Хомякова преимущественно с одной стороны — в спорах и отношениях с «уставными» людьми, со схоластикой XVIII века. В медицине Хомяков был убежденным гомеопатом, приверженцем лечения малыми дозами лекарств. Но к способу его общения более применим термин «аллопатия» — греческое «аллос» (другой, отличный) кажется пружиной его споров. Неудивительно, что в разговорах с Хитрово — человеком, верным не только духу, но и букве духовного предания — Хомяков выглядит своего рода «протестантом». «Алексей Степанович всё не верит “Житиям Свят<ых> Отец”, — сокрушается Хитрово, — и разным толкованиям Св<ятых> Отцов, как их личные человеческие рассуждения и мнения о духовных предметах, только одно Евангелие и Апостолов свято принимает, а прочим духовным книгам не слишком верит».

Иногда может возникнуть впечатление, что спор для Хомякова — лишь форма «гимнастики ума», приятный досуг, литературная «болтливость». Однако сам Хитрово, отмечая пристрастие своего друга к спору «во что бы то ни стало» и нередко бывая простодушной жертвой розыгрышей (вспомним эпизод с «обмиравшим священником») и контрвер-

сий, верно замечает, что спор был необходим Хомякову для выяснения истины, а боязнь «острых углов» свидетельствовала бы о слабости веры: Хомяков «всегда очень любил спорить о религиозных предметах и в этих спорах нарочно придерживался различных противоположных мнений, то так, то иначе, чтобы посредством спора разъяснить себе яснее, что бы за и против мнения, которое он поддерживал.

Случалось с ним иметь прегорячие споры по несколько часов, он сам тоже при этом очень горячится, но трудно его в чем-нибудь урезонить, так как он очень <горячится>».

Хомяков спорит не только внутри своего «привычного круга», но, к изумлению знакомых, может отыскать достаточно неожиданную аудиторию для дискуссии. «Дня через два был у А<лексея> С<тепановича>, с которым мы спорили, сначала я его затронул, зачем он ходил в Кремль спорить с раскольниками, — и что я слышал от одного знакомого, там бывшего, будто они его переспорили и что он стал в тупик. Он уверяет, что это неправда, в чем я не сомневаюсь, ибо не знаю человека, который мог бы переспорить Хомякова или привести в недоумение: он на всё сумеет возразить, и так находчиво, <ч>то если и неправо судит, то шутками и криком отыграется, он спорил со мною и уверял, что я католически сужу, напр<имер>, верю в мытарства, которых будто вовсе не существует, и загробной молитве об умерших и под<обное>».

Шутки и смех у Хомякова выступают в роли другого, не менее важного, чем спор, инструмента общения. Смех его служит ответом на различные ситуации. Он смеется, когда с ним не соглашаются. Смеется, когда его что-то в позиции противника задевает за живое. Смеется, когда доводы в споре кажутся исчерпанными. Ценнейшее свидетельство о жизни Хомякова мы находим в записях о 1852 году, о днях неожиданной болезни, смерти и отпевания Катерины Михайловны — трагических страницах в биографии Хомякова. И всё же вскоре Хитрово свидетельствует, что забавные суждения Марьи Алексеевны вызывают общий смех в доме на Собачьей площадке. Именно в эту пору Хомяков пошутил над Хитрово, выдав некое «стихотворение про какую-то Адель и Аннету» за записки «обмиравшего священника».

Мемуаристы отмечают особый характер хомяковского смеха. В смехе его, громко раздававшемся в московских гостиных, было что-то, что надолго оставалось в памяти — почти все, кто писали о Хомякове, вспоминали этот смех.

А. Н. Муравьев говорит, что «громкий и пронзительный» смех его «был неприятен для слуха». Он часто просил Хомякова «смеяться проще». ³⁷ «Речь его оканчивалась обыкновенно смехом, детским, веселым,

³⁷ *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев: Тип. А. Давиденко, 1871. С. 22.

с вопросительным междометием, особенно после какой-нибудь ловкой выходки, удачного удара <...>. Рассердит он вас иногда донельзя, — вспоминает М. П. Погодин, — вы готовы бранить его из всех сил; он выслушает вас с невозмутимым спокойствием и чрез минуту заставит вас хохотать еще громче его, смеясь с вами над собою». ³⁸ Чичерину Хомяков запомнился человеком с «каким-то сухим и не совсем приятным смехом». ³⁹ Глаза Хомякова А. Рачинскому казались «добро-смеющимися», с «невыразимой, но неоскорбительной насмешкой». ⁴⁰

А. И. Герцену, который в «Былом и думах» рисует Хомякова в почти демоническом ореоле, смех этот представлялся неискренним: «Он мастерски ловил и мучил на диалектической жаровне остановившихся на полдороге, пугал робких, приводил в отчаяние дилетантов и при всём этом смеялся, как казалось, от души. Я говорю “как казалось”, потому что в несколько восточных чертах его выражалось что-то затаенное и какое-то азиатское простодушное лукавство вместе с русским себе на уме». ⁴¹ Самарин объяснял смех Хомякова внутренним одиночеством, ощущением «постоянного своего противоречия с общественной средою», с ее равнодушием. «Победить равнодушие можно только смехом или плачем. Хомяков смеялся на людях и плакал про себя». ⁴²

Что такое Хомяков? — спрашивал П. А. Флоренский: «Этот вопрос — не формальный вопрос: Хомяков сам подает повод к двойственному толкованию себя, и при том или другом желании, его можно толковать на-двое». ⁴³ Еще раньше Чичерин писал, что друзья Хомякова видели в нем только хорошее, а «враги» преимущественно обращали внимание на «отрицательные качества». «Потому о нем выражались самые противоположные суждения со стороны людей, близко его знавших. Настоящее лицо составлялось из обоих». ⁴⁴

В конце XIX века «кто-то из западнического лагеря» говорил В. Н. Лясковскому, одному из ранних биографов Хомякова: «Настоящий

³⁸ Русская беседа. 1860. Кн. 2 (20). С. 10.

³⁹ Чичерин Б. Н. Москва сороковых годов. М.: Издательство Московского университета, 1997 (далее — Чичерин. Москва сороковых годов). С. 21.

⁴⁰ Рачинский А. Из воспоминаний об А. С. Хомякове // Русский архив. 1876. № 5. С. 101; Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. С. 339.

⁴¹ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 9. С. 157.

⁴² Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1907. Т. 2. С. 15.

⁴³ Флоренский П. А. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 290.

⁴⁴ Чичерин. Москва сороковых годов. С. 200.

Хомяков утрачен, есть теперь Хомяков Аксаковский, Самаринский, Юрьевский, Кошелевский. Какой из них ближе к подлиннику, мы не знаем, а потому и судить о подлинном не беремся». ⁴⁵ К этому списку можно добавить Хомякова глазами Владимира Ивановича Хитрово.

6.

Хомяков был на два года старше Владимира Ивановича Хитрово. Хитрово родился 20 января 1806 года в небольшом, но «отлично устроенном» и живописном имении Любимовке Брянского уезда Орловской губернии. Любимовка была им унаследована от матери, Елизаветы Амосовны Демидовой. От матери же ему передалась привязанность к этому месту — оправдывая свое название, оно было особенно дорого Хитрово. «Широкие горизонты, обширные степи, необозримые поля, почти девственные леса нашего Брянского уезда создавали самую поэтическую обстановку <...>», — пишет Анна Федоровна Тютчева, ⁴⁶ дочь уроженца этих же поэтических мест.

Хитрово был крещен в честь святого равноапостольного Владимира Киевского. История дворянского рода Хитрово богата событиями, но в судьбе Владимира Ивановича чрезвычайно важна одна страница этого родословия. Родовое имение Хитрово, находившееся в семи верстах от Калуги, село Калуженка (по-другому Тиньково) прославилось обретением чудотворной иконы Богородицы Калуженской, или Калужской. По семейному преданию, в 1748 году она «явилась в доме» дедушки Владимира Ивановича — майора Герасима Кондратьевича Хитрово. В семье говорили, что икона была найдена на чердаке дочерьми Герасима Кондратьевича, но в церковно-исторических источниках сообщается, что обретение образа Богородицы на полотне произошло двумя служанками, одна из которых при этом повела себя кощунственно, за что была поражена параличом. Святыня, родовая собственность семьи Хитрово, была позднее перенесена из их дома в великолепный храм Рождества Богородицы в селе Калуженка. «Теперь эта икона и село Калуженка пользуются большою известностью по всей Калужской губернии, и множество богомольцев стекаются туда с разных концов России», — пишет Дмитрий Владимирович Хитрово.

Сын майора Герасима Хитрово — Иван Герасимович — служил в гвардии, но вышел в отставку прапорщиком. От брака с Елизаветой Амосов-

⁴⁵ Лясковский В. Н. Алексей Степанович Хомяков. М.: Университетская тип., 1897. С. 340.

⁴⁶ Тютчева. При дворе. С. 65. Речь идет о тютчевском имении Овстуг, в котором А. Ф. Тютчева жила с конца 1840-х годов.

ной Демидовой имел троих детей, в том числе — сына, Владимира Ивановича Хитрово. Воспитанием детей занималась мать. Детство Владимира прошло всё в той же Любимовке, отец же предпочитал жить отдельно в Петербурге, где имел широкий круг знакомств.

Не ранее 1823 года (может быть, в 1824-м, когда умерла Елизавета Амосовна) Владимир Иванович переезжает в Петербург, чтобы поступить в Школу гвардейских подпрапорщиков (в 1826-м школа была переименована в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров). Первоначально она располагалась в казармах лейб-гвардии Измайловского полка, а с 1825 по 1839 год находилась в доме графа Чернышева у Синего моста.⁴⁷

В течение двух лет Хитрово изучал математику, русский язык, историю, географию, тактику, французский и немецкий, законоведение, топографию и другие предметы. Преподавателями в школе были люди небезызвестные в педагогическом мире: Константин Иванович Арсеньев был здесь профессором истории (в 1828 году он станет наставником цесаревича), Феодосий Сидорович Толмачев преподавал русский язык (позже будет давать уроки в семье Карамзиных, с ним окажется знаком А. С. Пушкин), математику вел Николай Никанорович Навроцкий, в будущем член-корреспондент Академии наук. «Учебников в то время было очень мало, и они стоили очень дорого». Их не хватало на всех учеников, и подпрапорщики составляли записи «почти по всем предметам, причем на обязанности преподавателей лежало наблюдение за правильностью и опрятностью ведения этих записок».⁴⁸ Не отсюда ли на всю жизнь привычка Владимира Ивановича Хитрово вести поденные записи, исписывать десятки томов выдержками из духовных книг и комментариями к ним?

Лично руководивший школой великий князь Николай Павлович «желал, чтобы на подпрапорщиков смотрели не как на мальчиков, а как на юношей, обязанных сознательно подготовиться к высокому званию офицера. С этой целью они считались на действительной службе, составляли строевую часть, были обязаны подчиняться требованиям воинской дисциплины и при поступлении в школу присягали на верность под знаменами своих полков» в портретной галерее Зимнего дворца.⁴⁹

Хитрово был выпущен из школы прапорщиком лейб-гвардии Московского полка. Будучи в Оренбургском уланском полку, в 1831 году

⁴⁷ *Пушкарёв И. И.* Николаевский Петербург. СПб.: Лига Плюс, 2000. С. 362.

⁴⁸ Михаил Юрьевич Лермонтов. Его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей. 5-е изд., доп. М., 1916. С. 26.

⁴⁹ Там же. С. 23.

участвовал в основных операциях Польской кампании. Получил орден Святой Анны 4-й степени «на шпагу» (крест прикреплялся на эфес шпаги). Хомяков ко времени Польской кампании был уже в отставке. За полгода до Польского восстания, в мае 1830 года, он по дороге в деревню на одной из станций встретил генерала И. Ф. Паскевича — «пешком, веселый, в живом разговоре с кем-то. Воображение тотчас окружило его войском, представило его готовым к войне, — писал Хомяков А. В. Веневитинову, — и эта вся процессия шла мимо меня, и эта жизнь деятельная, жизнь мне по сердцу так живо меня зазывала; матушка догадалась и сказала мне грустным тоном: “Я знаю, об чем ты думаешь, да невозможно”». ⁵⁰

В 1832 году Владимир Хитрово тоже оставил эту деятельную жизнь, выйдя в отставку в чине штабс-ротмистра. Вскоре началась новая жизнь — семейная. Жена его, Софья Михайловна Сатина, была из тульских дворян, но первые годы после женитьбы семья жила в Любимовке, а в 1844 году, когда Хитрово пришлось продать это имение, перебралась в тульское — Коледино Крапивенского уезда, расположенное в 25 верстах от Тулы, сравнительно недалеко от хомяковского Богучарова.

Сын Хитрово вспоминал, что Владимир Иванович тут же увлеченно «занялся необходимыми по имению постройками, отстроил большой дом и служебные строения, сам разбил перед домом английский сад, и, сверх того, будучи глубоко религиозным человеком, он возобновил на свои деньги, оставшиеся от продажи Любимовки, храм в Коледине, который поэтому пользуется по Тульской губернии известностью одного из лучших храмов губернии». Этот храм он показывал Хомякову, когда тот навещал его в 1848 и 1850 годах. В июле 1850 года церковь была освящена — Хомяков хвалил ее, «не одобрил только, зачем при балдахине над местною иконою Казанской Божией Матери сделаны резные ангелы с рипидами, говорит, что это похоже на кукол».

Нельзя пройти мимо другой любопытной зарисовки, оставленной Хитрово в дневнике. Речь идет о 1848 году. 17 октября в Коледине на именины жены Хитрово «к обеду, съехались <...> все его крапивенские соседи, крапивенские помещики, которые, как пишет автор Замечаний, изумлялись все костюму Алексея Степановича и бороде его: он был в своей славянке, в пунцовой рубашке без галстука и вместо жилета на нем была поддевка, но взамен этого, как сказано в Замечаниях, все остались в восхищении от его любезности и ума, а когда он говорил, то со вниманием и любопытством слушали его. Одежду его тут многие объясняли именно тем, что он стоит во главе одного либерального об-

⁵⁰ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель, 1969. С. 550—551.

щества, которого члены все носят русское платье и называются славянофилами <...>».

В 1849 году семья Хитрово (родители и двое детей, из которых дочь была годовалой) перебирается в Москву и устраивает сына Дмитрия — крестника Хомякова (Владимир Иванович же стал крестным отцом дочери Алексея Степановича Софьи) — в частный пансион. Судя по всему, вскоре сын вернулся к форме домашнего воспитания, преимущественно которого особенно подчеркивал друг Хитрово — Хомяков. В 1855 году Дмитрий Хитрово поступил в Московский университет на юридический факультет.

Владимир Иванович Хитрово, как и Хомяков, пережил жену.⁵¹ Софья Михайловна умерла в апреле 1858 года. Сын вспоминает, что это событие оказалось разрушительным для их семьи. Отца оно «поразило, он впал в страшную меланхолию и еще более уединился сам в себя, нося с собою только одно воспоминание о жене, с которой теперь, кажется, хотел жить одною жизнью <...>».

Любопытно, что в «выписках» Хитрово не единожды обсуждается тема второго брака. Хомяков был посвящен в превратности судьбы Николая Карловича Гриббе, женившегося на племяннице своей покойной жены. Нельзя не вспомнить, с другой стороны, об истории самого Хомякова, признававшегося Хитрово, что он никогда не женится после смерти Екатерины Михайловны («я спрашивал у него, намерен ли он жениться, говорит, что никогда, и что после Кат<ерины> Мих<айловны> никого не может любить, в чем я его поддерживал. Рассуждали о том, что достойно всякого порицания и осуждения, если после жены, с которой был очень счастлив, и особенно имея от нее детей, вздумает вторично жениться»).

Возможно, эта тема имела особое значение для автора «выписок», Дмитрия Владимировича Хитрово. Через четыре года после кончины жены, Софьи Михайловны, отец женится на Авдотье Петровне Беклемишевой (1826 — после 1867). По утверждению сына, это было сделано в болезненном состоянии духа. Спустя еще три года — осенью 1865 года — Владимир Иванович приезжает из Коледина в Москву лечиться и свидеться с родными, а 8 января 1866 года умирает у них на руках. Похоронили его в Москве рядом с Софьей Михайловной на кладбище Новодевичьего монастыря.

Там недалеко через полвека окажется и Хомяков — в 1931 году на новой части Новодевичьего монастыря был перезахоронен его прах. Но старое Новодевичье после революции было подвергнуто разорению — могила Хитрово утрачена.

⁵¹ Хомяковский сб. С. 79.

***

«Замечания... Владимира Ивановича Хитрово. (Выписки из оных). Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове» печатаются по рукописи, хранящейся в ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 2.⁵² Текст публикуется с исправлением опечаток, допущенных в издании 2004 года, и некоторыми дополнениями. Ряд исправлений сделан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Астерисками (звездочками) мы обозначили примечания автора «Выписок...», а арабскими — автора настоящей публикации. Приносим особую благодарность за помощь А. П. Дмитриеву.

<Д. В. Хитрово>

Замечания (Mémoires de ma vie)*

Владимира Ивановича Хитрово. (Выписки из оных).

Воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове

Первые воспоминания об Алексее Степановиче Хомякове В<ладимира> И<ванови>ча относятся к 1820 году. На первый день Пасхи этого года он в первый раз встретил его и мать его Марью Алексеевну у Надежды Степановны Бибиковой, родственницы Демидовым, которые были в свойстве и с Хомяковыми, потому что мать Алексея Степ<ановича>, Марья Алексеевна († 1857 г.), рожденная Киреевская, была родная сестра Анне Алексеевне Демидовой († 1844 г.), муж которой Евграф Амосович Демидов был родной дядя автору Замечаний по его матери Елизавете Амосовне.¹ Собственно по Демидовым они и познакомились, и это знакомство перешло впоследствии в более короткие дружественные отношения. Об этом первом знакомстве еще детьми только говорится, что они играя пробовали битки — [и играли вместе весь день] это было на первый день Пасхи в Светлое Воскресение. Это было в Москве, на Большой Ордынке,² где тогда жили все родные Хомякова, а он

⁵² Текст ранее полностью издавался нами в сборнике «А. С. Хомяков: Личность — творчество — наследие» (Смоленск, 2004. (Хмелитский сборник. Вып. 7). С. 53—137). К сожалению, эта публикация не обошлась без ряда существенных недочетов и опечаток. Однако работа дорога нам памятью о живом участии и советах В. Е. Кулакова, В. А. Кошелева, Е. В. Пастернак, Н. В. Серебрянникова, Г. А. Давыдова.

* Так они озаглавлены в подлиннике. В. И. Хитрово († 1866 г., 8 янв.) имел обыкновение писать ежедневно свои Замечания, что он видел и слышал, и из них извлекается всё, что относится до А. С. Хомякова, с которым он был всегда очень хорош.

сам с матерью и сестрою Анною Степановною, * жил в своем доме на Петровке.⁴

Под 1824 г. упоминается о встрече с А<лексеем> Ст<епановичем> в Петербурге, куда он был переведен в конную гвардию офицером из армии, а на следующий год Хомяков подал уже в отставку.⁵ Вообще во всё это время встреча В<ладимира> И<вановича> с Хомяковым была очень редкая, и о ней говорится немного, отчасти потому, что они еще мало были знакомы, а отчасти и потому, что автор записок, служивший в военной службе, находился в разных городах и потом участвовал в походе в Польшу, следовательно, с Хомяковым часто видаться не мог.

В феврале 1830 г. встреча Ал<ексея> Ст<епановича> Хомякова в Москве,⁶ куда он возвратился в отпуск после Турецкой кампании (1829); по объявлении ее он вторично вступил на службу в гусары Принца Оранского полка⁷ и был адъютантом генерала кн. Мадатова.⁸ Прибавляется, что адъютантский мундир очень к нему шел; он часто посещал на маслянице этого года балы Благородного собрания⁹ и, когда дамы выбирали его в кавалеры на мазурку, что случалось весьма нередко, он постоянно отказывался от этой чести. Раз один знакомый А<лексея> С<тепановича>, ** не танцевавший мазурки, принужден был отказаться танцевать ее с одною хорошенькою Г<ончаро>вою,¹⁰ он, подошед к нему, сказал ему смеясь, что жалеет, что это не ему удалось отказать.

1830 г. От 4 февраля повествуется, как А<лексей> С<тепанович> был восприемником черкеса Лукмана, перешедшего в православие с именем Димитрия (Кадзоков,¹¹ кажется, служит теперь в Тифлисе), которого мать А<лексея> С<тепановича> в бытность свою на водах на Кавказе вывезла в Москву еще мальчиком.

В 1832 г. В<ладимир> И<ванович>, подав в отставку после разных походов и Польской кампании, снова видится в Москве в доме своей тетки А. А. Демидовой с Хомяковым, который давал ему читать книги, послужившие ему в большую пользу после восьмилетней военной службы, проведенной в манежных учениях, походах, строгой тогдашней фрунтовой службе и проч. Это было в конце 32 г. и в следующем 1833 году они виделись часто, но в жизни А<лексея> С<тепановича> не было никаких особенных событий. В конце июня он уехал в Крым из тульского имения Богучарова.¹²

В это пребывание Хитрова близ Тулы в селе Петрушине,¹³ у тетки, *** близ Богучарова, очень ему памятное переменою его судьбы через

* Анна Степановна († 1839) вышла потом замуж за Василия Ивановича Хомякова.³

** Хитрово.

*** Той же А. А. Демидовой.

женитьбу [в Туле на тамошней помещице Сатиной († 1858)],¹⁴ при родственном участии отца¹⁵ и матери Хомякова, он рассказывает, как в Богучарове Хомяков ездил на охоту и любил иногда пошутить с товарищами по охоте, давая некоторым из них, которые больше боялись ездить верхом, — сам же А<лексей>й Ст<епанович> отлично ездил, — давал им тряских лошадей, чем возбуждалась всеобщая веселость. Упоминается об рыбной ловле на удочках в богучаровском пруду с сестрою Анною Степ<ановной>, гулянье по роще и под<обное>. Вообще видно, что А<лексей> С<тепанович> с молодости вел ту же жизнь, какую вел и впоследствии, любил веселиться попросту и шутить, не позволяя себе, впрочем, никаких излишеств. Немалую долю времени — в остальное он больше писал и читал — он отдавал приезжавшему на летние вакации студенту Московского университета Дмитрию Степановичу Кадзокову, вышеназванному крещеному черкесу, которого родители Х<омяко>ва очень любили. Впоследствии Кадзоков * уехал служить на Кавказ [руководствуясь своими собственными соображениями].

1833 г. июнь.

Из Крыма А<лексей>й Степанович возвратился уже осенью этого года, потому поспешил, что с дядею его Степ<аном> Алекс<еевичем> Киреевским¹⁶ сделался желчевый удар в Богучарове и он возил его сам в Москву. В июле 1834 года сделался удар с отцом А<лексей>я Ст<епановича> в Липицах,¹⁷ Смоленской губ<ернии>. С этого времени он впал в детское состояние и умер в Москве в апреле 1836 г. и похоронен в Богучарове, а в прошлом году (1835) умер и дядя его Киреевский.¹⁸

В июне 1836 г. была свадьба сестры А<лексей>я Ст<епанов>ча, а 5 июля этого же года его венчали самого в домово́й церкви Паниных¹⁹ с Екатериною Михайловной Языковой, в которую он был давно влюблен.²⁰

Под 1838 г. не раз упоминается о частых свиданиях с Хомяковым, у которого родился сын Федор,²¹ названный так в честь покойного брата А<лексей> С<тепановича>, Федора Степановича, который служил в гражданской службе по мин<истерству> ин<остранных> дел и скончался в 1829 году.²² Этот первый сын А<лексей> С<тепановича> умер ребенком.²³

За всё это время Замечания Х<итров>о представляют о Хомякове только отрывочные сведения, касающиеся более или менее главных эпох его жизни, а несравненно более подробные описания о нем мы встретим в конце сороковых годов, когда писавший Замечания жил в тульском имении своей жены²⁴ по соседству с Богучаровым и потом большую часть года в Москве. Во всё это время от самой женитьбы автор Замечаний проводил больше в своем небольшом родовом имении

* Есть частные сведения, что он продолжает служить там до сих пор.

в Брянском уезде Орловской губернии²⁵ и редко ездил в Москву. Это необходимо было упомянуть для объяснения пробелов, относящихся до главного лица, и довольно отрывочных сведений, которые мы старались сгруппировать хронологически, чтобы не выпустить ничего, где бы А<лексей> С<тепанович> не являлся и не участвовал, с кем тогда был близок и т. д.

В 1839 году, в ноябре скончалась сестра А<лексея> С<тепановича> Анна Степ<ановна>.²⁶ Он был очень дружен с нею, и это обстоятельство очень огорчило его.

28 ноября 1840 г. сам Алексей Степанович с женою Катериною Михайловною приезжали в село Рябчи, в Брянском уезде, Орловской губер<нии>, к Анне Ал<ексеевне> Демидовой,* а 30-го нояб<ря> он приезжал навестить и Влад<имира> Ив<ановича> Х<итрово> в его Любимовке, где он всё жил, — это в верстах четырех от Рябч<ей> и приходом туда.²⁷ Пребывание в тех местах А<лексея> С<тепановича> произвело на всех очень приятное впечатление. Вместе с В<ладимиром> И<вановичем> они осматривали в ближайшее воскресенье рябчинскую церковь, отделанную по-городски, и великолепную ризницу, которая действительно чрезвычайно роскошна, как наприм<ер>, всё вышитое по карте золотом на малиновом бархате священническое и дьяконское облачение, богатые парчевые ризы и проч<ее>. Так как муж и жена Демидовы (т. е. вышеуп<омянутые> Евграф Ам<осович> и Анн<а> Ал<ексеевна>) очень любили украшать храмы. [Так например, там есть малиновые бархатные ризы, все шитые по карте золотом — цветами и виноградом, а на оплечах священника и дьякона вшиты изображения Спасителя и Богоматери золотом же, голубые бархатные ризы шитые серебром и проч<ее>.]

Ал<ексе>й Ст<епанович> очень хвалил ризницу; после осмотра церкви гуляли по саду и обедали у хозяйки дома, где очень приятно провели время; между прочим [некто Владимир Ростиславич Демидов,²⁸ большой совопросник религиозных предметов вел длинные разговоры] с Х<итрово> и его двоюродным братом Владимиром Ростиславичем Демидовым, племянником Анны А<лексеевн>ы, А<лексей> С<тепанович> всё рассуждал и о религии, и о последних войнах, в которых принимали они участие, и вообще много спорили. Очень понравился А<лексею> С<тепановичу> рябчинский священник, духовник хозяйки дома, о. Яков, которого он хвалил как за отчетливую службу, так и за благоразумные рассуждения о лютеранской религии, о которой он спорил с ним; этот отец Яков заслужил благосклонное внимание покойного государя Александра Павловича, который проездом на юг России изволил

* Тетка Хомякову по матери.

посетить Рябчи, ночевал там у Демидовой * 8 сентября 1823 года, а сентября 9-го Его Величество слушал там обедню. Мимо этих Рябч<ей> пролегал тогда большой Смоленский тракт, но вообще весь этот брянский уезд находится в весьма дальнем расстоянии от губернских городов и отличается особенно диким местоположением — песчаными обрывами, горами и дремучими лесами, где водятся медведи и кабаны, но Хомяков в свое пребывание там не охотился, несмотря на различные предложения, а посетил эту орловскую глушь единственно для свидания с родными. 2-го декабря Хомяков с женою уехали назад в Москву; все жалели его [После его отъезда Х<итров>о толкует, что заметил, будто Хомяков знает хорошо хозяйство, и тамошние брянские помещики, видевшиеся с ним, хвалили его после за многие полезные указания].

Осенью 1841 г. (2 сентября) Х<итрово> в свою очередь посетил А<лексея> С<тепановича> в Богучарове. Нашли тут Дмитр<ия> Ст<епановича> Кадзокова, который только приехал туда из Грузии, куда он совсем переселился на жительство, и переоделся в черкесское платье, а после обеда все ездили с А<лексеем> С<тепановичем> на охоту.

(Словами дневника).³⁰ Всё утро, на другой день (3 сент<ября>) А<лексей> С<тепанович> долго занимался с управляющим по хозяйству, и потом приходили священники — ходили все с А<лексеем> Ст<епановиче>м смотреть богучаровскую церковь; она великолепно отделана, весьма обширна и прекрасной архитектуры. За несколько дней перед тем освящал ее тульский Преосвященный Дамаскин.³¹ Весь вечер долго гуляли и потом долго играли в карты.

В 1842 г. (с января) по случаю приезда Х<итрово> на несколько месяцев в Москву, очень часто упоминается о свиданиях с А<лексеем> Степ<ановичем>, но это был бы один простой перечень их. Хомяковы жили тогда на Арбате, против церкви св. Николая Явленного.³²

Между прочим здесь можно записать под 12 апреля, что во время обеда у Анны А<лексеевны> Демидовой, где много было гостей, по большей части помещиков, приехал Ал<ексей> Ст<епанович> и объявил новость, будто подписана и объявлена вольность всем крестьянам, чему все перетревожились, а Марья Ал<ексеев>на (мать его) на него сердилась за это,³³ но он ее оспаривал. Бывши у него на другой день, я узнал, что этот слух вышел по недоумению, ибо объявлен указ не о вольности, но об обязанных крестьянах — кто захочет (Слова днев<ника>).³⁴

В доме А. А. Д<емидов>ой Хомяков бывал часто, в особенности при всех домашних всеночных и молебнах.

* Ее в то время там не было; она находилась в Москве. После обедни в Рябчах 9-го сент<ября> государь обедал в с. Островне гр. Похвиснева.²⁹

Встречаем далее некоторые веселые выходки Хомякова: так, на похоронах одной общей родственницы в великий пост был обеденный стол в Донском монастыре, он уверил одного приятеля, строго соблюдавшего посты, что положено в тот день и на поминах есть рыбное, тот ел, а сам он после ел только одно грибное, чему тот тогда приятно изумился. У А. А. Демидов³⁵ был однажды парадный завтрак, на который двоюродный брат Хомякова А. С. Киреевский, гусар, явился для фарса в голубой венгерке и шапке с серебряною кистью, то Хомяков, не любивший вообще франтовских выходок, всё время трунил над Киреевским, называя его «сизый ястребочек», чему тот сердился. Эта черта Хомякова, не любившего франтовства, была столь заметна для всех, что даже сам автор Замечаний, далеко не щеголь, упоминает как о событии (2 мая 1842 г.), что они ходили с ним гулять по Москве и Алексей Степанович был в новом пальто.

Проводя лето этого года в тульском имении, так описывается свидание с Хомяковыми в Богучарове: «18 июля приехали в Богучарово, где приятно провели несколько дней; ночевали все в конторе, потому что дом переделяется. Управляющим у Алексея Степановича некто Василий Александрович Трубников;³⁶ проспорили с Алексеем Степановичем до часу ночи, а 20-го после завтрака мы все выехали в Тулу и были на скачке с Алексеем Степановичем, куда приезжала с другими дамами и жена его Катерина Михайловна» (Слова дневника).

С февраля 1843 года в Москве. Частые свидания с Алексеем Степановичем у него и в доме Демидовой, где его очень потешал приезжавший тогда из брянского уезда к ней бывший тамошний становой Иванов, собственно памятный ему по одному анекдоту, рассказанному о нем самою хозяйкою дома. Однажды в ее брянском имении, в котором был и Алексей Степанович (см. выше), было большое церковное празднество с архиереем и, между прочим, в качестве блюстителя порядка и Иванов. Это происходило летом. После всеночной архиерея и почетных гостей разместили в большом доме и во флигелях; Иванову же отвели помещение в деревянной беседке в саду, где имел обыкновение ночевать от мух большой домашний медведь, ручной до такой степени, что старая ключница гоняла его веником из кладовой. Этот медведь, которого люди в суетах забыли запереть в амбаре, пришел среди ночи в беседку, где ночевал Иванов, и стал стучать в дверь, которая была заперта на ключ; Иванов, проснувшись, стал окликать незванного гостя, предполагая впрочем посещение кого-нибудь из прекрасного пола, до которого он был охотник, но каково было его удивление, когда медведь, наскучив долгим ожиданием, сорвал дверь с петель и, увидев также неожиданно для себя оторопевшего Иванова в ночном белом костюме, встал с ревом на задние лапы и бросился от него бежать по-

дальше из сада. В свою очередь становой в страшном испуге выскочил в чем мог в окно и опрометью бежал сам не помня куда, как он после говорил сам. Оба, медведь и становой, оставили по себе весьма заметные следы своего испуга; по этим признакам нашли, однако, утром в канаве около сада блюстителя порядка брянского уезда, уверявшего и до сих пор настаивавшего, что он видел самого черта, хотя он прежде и после этого происшествия несколько раз видал этого медведя, — сам же медведь после этого ночного свидания с Ивановым пропадал несколько дней, так что его после насилу нашли.

Кажется, в сем виде передавали рассказ этот тогда в присутствии самого героя происшествия веселому Хомякову, которого это всегда забавляло, когда он в это время бывал у Демидовой, где Иванов, Василий Иванович, постоянно торчал на глазах, пока был у ней в Москве, заискивая ее протекции для дальнейшего движения по службе, но кажется, дальше станowego в отставке он не пошел.

К этому же времени относятся воспоминания о том, как весело проводили время с А<лексеем> Ст<епановичем>, бывая на парадных обедах и балах чаще у его родственницы Натальи Васильевны Охотниковой,³⁷ дом которой на Пречистенке против церкви Троицы в Зубове,^{* 38} также вспоминаются посещения театров и концертов, где в то время отличался знаменитый певец Рубини.⁴⁰

1843 г. Перед Пасхою, которая была 11 апреля, Х<итрово> с Ал<ексеем> Степ<ановичем> ходили вместе смотреть дом Лобанова на Собачьей Площадке,⁴¹ за который просили 95 тысяч руб<лей> ассигнациями, и этот именно дом впоследствии и был приобретен Хомяковыми. Пасху (11 апр<еля>) встречали Хомяковы и Демидовы, а с ними и прочие все их родные в одной церкви, у Николы Явленного на Арбате, а до начала заутрени А<лексей> Ст<епанович>, став рядом с Х<итрово> (принявшим особенное исключительное религиозное направление в простоте души верующего, без научных богословских познаний, которые, однако, он под влиянием А<лексея> С<тепановича> развил впоследствии гораздо значительнее, как об этом будет ниже), начал с ним спор о религии, который с легкой руки продолжался потом во всё время их знакомства; пишется, что они проспорили почти всю заутреню, и отвлекло их только тогда, когда в церкви начали христосоваться. Х<итрово> говорит, что спорили потому, что ему казалось, будто при всей своей преданности Богу и набожности, А<лексей> С<тепанович> мудрствует по-лютерански, не приемля Четьи-Минеи,⁴² Камень Веры Стефана Яворского⁴³ и другие книги, а Хомяков за излишнюю привязанность к обря-

* Этот дом принадлежит Охотниковым до сих пор. В 1856 г., во время коронации, его занимал Принц Петр Георгиевич Ольденбургский,³⁹ а в настоящее время там помещается частная гимназия Г. Крейманна.

дам называл его католиком. День этот все обедали у матери Хомякова Марии Алексеевны, а во время обеда приехал, опоздав, как это с ним часто случалось, А<лексе>й Ст<епанови>ч от Митрополита Филарета^{*44} и Генерал-Губернатора.⁴⁵ Все ходили к вечерне вместе, а потом вышепоименованный спор продолжался еще весь вечер Светлого Воскресения и после, во всё время пребывания в Москве, говорится о подобных спорах, как о главном матерьяле разговора между ними, и предлог<е> для прений всякого рода.

В феврале 1844 г. снова приезд автора Замечаний из брянского имения, где жил всё время с осени прошлого года, в Москву по случаю болезни тет<ушки> А. А. Демидовой, которая занимала тогда дом Бычковой⁴⁶ в приходе Троицы в Зубове на Пречистенке. Накануне именин Дем<идово>й (2 февр<аля>)⁴⁷ Ал<ексей> Степ<анович> слушал у нее всю ночь с своим семейством, и был с ним племянник жены его Валуев,⁴⁸ а на другой день все они обедали у нее, и Хомяков много острил за обедом.

Тетка Хомякова Демидова становится опасно больна, потому он ее посещает каждый день, что он всегда делал в отношении всех больных родных и знакомых. Здесь должно упомянуть о частых встречах А<лексея> С<тепановича> в доме Демидовой с кн<язем> Алексеем Павловичем Мещерским,⁴⁹ приятелем автора Замечаний, с которым А<лексей> С<тепанович> познакомился еще прежде и узнал его ближе в последнее время — но жаль, что не сохранились подробности о разговорах его и спорах с кн<язем> Мещерским, о которых говорится в Замечаниях. Это интересно бы было вследствие разностей и особенностей религиозного направления у того и другого. Кн<язь> Мещерский был человек весьма образованный и оставил после себя «Заметки Русского Путешественника» (1842),⁵⁰ по поводу поездки своей за границу, и другие статьи мало известные, но общего у них с Хомяковым не могло ничего быть, так как кн<язь> Мещерский исповедовал внешнюю старую веру православную отцов с оттенком строгого отшельнического аскетизма схимнических пещер. Поэтому если бы записаны были подробности этих споров, вследствие их частых свиданий в то время и прежде, о чем не раз упоминается в Замечаниях, то это могло бы быть очень интерес-

* С покойным Высокопреосвященным Митрополитом Филаретом А. С. Хомяков в то время был постоянно очень хорош, но впоследствии их отношения охладели, как сам Хомяков жаловался, но вследствие чего неизвестно. Главною причиною, что до конца пятидесятых годов Хомякова и его друзей правительство считало какими-то богоотступниками и отчаянными либералами, и это подозрение было довольно сильно с конца сороковых годов. С сего времени Митрополит Филарет, встречая Хомякова в самой Москве — был с ним холодно вежлив, но встречаясь с ним за чертами города, был с ним необыкновенно любезен и дружески жал ему руку. Это рассказывал сам Ал<ексей> Ст<епанови>ч.

но, но что у них бывали продолжительные споры, это верно, и есть об этом в Замечаниях Хитрова. Этот кн<язь> Мещерский был богатый человек, имел превосходное имение в Орловской губернии с великолепным домом, где им по примеру предков давались роскошные балы и обеды. Он некогда служил в Семеновском полку и имел обширные связи, так что ему предстояла блестящая будущность, но вследствие известной Семеновской истории был переведен в армию майором и с горя вышел в отставку, предался полному уединению и самой крайней набожности: устраивал у себя в имении богатые молельни, принимал странников, странниц и монахов, большею частию его обманывавших, заводил хоры певчих и проч. и на это положил бóльшую часть своего имущества, потом отправился путешествовать по Европе и на Восток, чтобы найти себе удобное место настоящего иноческого уединения, которого в России найти не мог, несмотря на то, что в своей в имении у себя импровизированной роскошной домашней обители вел очень строгую жизнь с постоянным молитвословием и даже спал в гробу, поставленном в образной, но этого удобного для него уединения он нигде найти не мог, передал имения своему брату кн<язю> Андрею⁵¹ с пожизненною платою ему известной суммы в год и поселился в сороковых годах в Москву на постоянное жительство. Здесь кн<язь> Алексей Павлович скончался в январе 1857 года.

Летом 1844 года А<лексей> С<тепанови>ч по обыкновению находится в Богучарове и ездит часто на охоту с управляющим Трубниковым. Днем читали и гуляли; говорили об А. А. Д<емидов>ой, ей лучше, но Марья Алексеевна по своей мнительности часто о ней беспокоится, хотя она только что возвратилась от нее из Москвы. 24 июля А<лексей> С<тепанович> ездил после обеда на бал и благородный театр в Тулу; на другой день, по его возвращении ездили на охоту и слушали, как гончие гоняли, — был и Трубников, то спорили о духовных предметах (Слова замечаний⁵²).

15 ноября 1844 г. приезд в Москву, по случаю болезни А. А. Демидовой, и в первый же день автор Замечаний встречает Хомякова у постели больной, которая становится опаснее. Теперь около этой умирающей тетки сосредоточивается всё описание, так как у нее и прежде главным образом и чаще всех сходились все родные и хорошие знакомые на богомольях и семейных праздниках. В эти последние дни жизни своей Анна А<лексеевна> стояла на Пречистенке же в доме Охотниковых.

Алексей Степанович бывал у больной каждый день, ибо она видимо слабеет и тает; доктор Блюменталь⁵³ находит, что у нее водяная в груди, но на консилиуме, на котором всё время был и А<лексей> С<тепанович>, опровергали это и говорят, что это расстройство желудка от постоянной постной пищи.

На Екатеринин день (24 нояб<ря>)⁵⁴ был завтрак у Хомяковых, но он был мало оживлен, хотя гостей было довольно, вследствие болезни тет<ушки> Демид<овой>. Хомяковы переехали теперь с квартиры от Николы Явленного на Собачью площадку в большой новокупленный ими дом Лобанова (Слова замеч<аний>).

4-го декабря Анна Алексеевна скончалась, и А<лексей> Ст<епанович> был очень огорчен, ибо искренно любил ее. Наследником сделан был родной племянник умершей Никита Степанович Киреевский († 1868),⁵⁵ который во всём завещанно<м> А<нной> А<лексеевной> другим поступил очень благородно и по воле завещательницы, даже словесно выраженной. Мать А<лексея> Ст<епанови>ча Марья Ал<ексеев>на, сестра покойной, была тоже очень огорчена, но хандрила и сердилась больше на окружающих и особенно воспитывавшихся у покойной родных по мужу племянниц, которых та, по ее мнению, слишком любила, а так как одна из них не была очень счастлива по замужеству, то, по мнению Мар<ьи> Ал<ексеевны>, это очень расстроивало покойную ее сестру и причинило ей преждевременную смерть (умерла в 70 л<ет>).

Еще ей не нравилось, что не так распоряжается Кир<еевски>й, который не сообщил ей заблаговременно о содержании духовной и распоряжался в доме покойной самостоятельно как наследник, но после она обошлась, много плакала и была со всеми ласкова, а А<лексей> С<тепанови>ч разделял со всеми родными от души общее горе, со всеми был ласков и неизменно хорош как прежде. Покойницу по отпетии у Троицы в Зубове Донским Архимандритом Феофаном⁵⁶ отвезли в ее брянское имение для предания земле.

По случаю оставшегося наследства было много разных сплетен между родными и между прочим и на Ал<ексея> Ст<епановича>, будто он претендует, почему не он сделан у тетки душеприкащиком, а Ник<ита> Ст<епанович> Кир<еевски>й, но это оказалось сущюю ложью (Слова замеч<аний>), и Марья Ал<ексеевна>, мать его, стала со всеми очень ласкова и говорит, что после смерти сестры любит всех родных ее еще больше, чем любила их при ее жизни. Эти междуусобные брани за наследство между родными, которые породили бездну сплетен — и в том числе и на Хомякова — продолжались и впоследствии немало. Даже между обоими братьями Киреевскими (главный наследник и душеприкащик был вышешпоименованный Никита Степ<анови>ч и другой брат Алексей, более обойденный) произошли недоразумения в то время: наследство было изрядное, но вовсе не столь значительное, как полагали, и притом назначены были хорошие награды разным лицам и прислуге, но довольными оставались мало, — упоминается, напри<мер>, что священнику села Рябчи, где похоронена завещательница, оставлено

было 2000 руб<лей>, но он остался недоволен, ибо ожидал 10.000 р<ублей>.

Впрочем, всё это было скоро забыто.⁵⁷

16 января 1845 года, после сорокового дня по Анне Алексеевне, все родные сошлись на большом бале у Охотниковых, на Пречистенке; был и Алексей Степанович. Ужинали на отдельных столиках — Хомяков, В<ладимир> И<ванович>, А<лексей> Киреевский и Михайла Павл<ович> Болотов,⁵⁸ много спорили и очень весело провели время, при этом было много выпито шампанского (Сл<ова> замеч<аний>).

В<ладимир> И<ванович> бывал часто с А<лексеем> Ст<епановичем> и на богомольях, также и в светских обществах.

29-го, по случаю отъезда в тульское имение, куда они перебрались совсем после продажи брянского имения, Хитровы приезжали прощаться к Хомяковым, и Марья Алексеевна два раза принималась плакать по покойной сестре, потом всё хандрила о своих обстоятельствах. (Сл<ова> замеч<аний>).

В этом году Хитров с Хомяковым почти не видятся с самого этого времени: Хитров, поселившись вновь в имении жены селе Коледине на постоянное уже жительство, хлопочет о хозяйстве и занимается переделкою церкви⁵⁹ и поэтому редко оставляет свое имение. Он ездил только в Калугу, где хоронили его отца, умершего от удара на девяностом году от рождения.⁶⁰

Свидание с А<лексеем> Ст<епановичем> два раза в сентябре (19 и 20) и в начале декабря в Богучарове. Про первое говорится, что когда приехали туда Хитровы, «то Алексей Степанович только что возвратился из своего Смоленского имения Липиц с женою и детьми,⁶¹ — приятно провели свое время, ходили в церковь и по хозяйству, а вечером Влад<имир> Ив<анович> сидел с Марьею Алексеевною во флигеле, а А<лексей> Ст<епанович> с его женою, Катериною Ивановною Сокоревою,⁶² жившею у Хомяковых в доме, и Лизаветою Александровною Хомяковой⁶³ играли в карты, а на другой день Х<итро>в с А<лексеем> Ст<епановичем> несмотря на дождь ходили гулять», а про второе сказано, «что они, вместе с Софьею Осиповною Трубицыною, *⁶⁴ были снова в Богучарове, А<лексей> Ст<епанович> отпустил себе бороду, а по примеру его и управляющий его Трубников (осень 1845 г.); Хитрову,

* Софья Осиповна Трубицына, рожденная Кадеус, была сродни Марье Алекс<еев>не Хом<яковой>. Об ней часто упоминается в Замечаниях при воспоминаниях о Хомяковых, у которых она бывала весьма часто. Недалеко от Богучарова у нее было небольшое поместье, которое она продала по смерти своего сына, которого она очень любила, и устроила монашескую общину близ города Болхова, Орловской губ., где и спасается до сих пор во главе нескольких десятков сестер, а казначеею у нее дочь Хомяковской экономки мать Надежда Алферьевна Милохова.

почти всю жизнь с женьбы страдавшему жестокими спазмами, А<лексей> С<тепанович> давал еще гомеопатических крупинок» (Сл<ова> зам<ечаний>).

В этом году было горе в семействе Хомяковых: скончался Дм<ирий> Валуев.⁶⁵

В 1846 году,⁶⁶ в июне были в Богучарове (12 и 13), с сестрою К<а-териной>, которую Марья Ал<ексеевна> очень рада была видеть по воспоминанию о покойной тетушке.⁶⁷ Всё утро (13) читал в библиотеке Monte-Christo,⁶⁸ а Ал<ексей> Степ<анович> не вставал еще, потому что встает поздно. Когда все собрались, то после чая всё утро проспорили с Ал<ексеем> Ст<епановичем> и Трубниковым — в настоящее время общепринятый предмет разговоров о вольности и равенстве.

1 июля был в Туле у Преосвящ<енного> Дамаскина по поводу переделки колединской церкви и встретил Ал<ексея> С<тепанович>а, который приезжал к нам на квартиру пить чай, а потом уговорил ехать с ним на скачку. На другой день перед вечером Хомяковы, и с ними Трубицына приехали к Х<итро>во в Коледино, и с Ал<ексеем> Ст<епановичем>, несмотря на дождь, недолго гуляли по саду, который ему понравился, ибо действительно он велик и красив не по имению; зато на следующий день была хорошая и ясная погода, и всё утро с Ал<ексеем> Ст<епановичем> гуляли по саду и роще. Коледино* по своему местоположению очень понравилось Ал<ексею> Ст<епановичу>, который здесь еще в первый раз; после завтрака по пути Алексей Степанович с Катериною Михайловною вместе с Хитровым заезжали в церковь, которую похвалили. А<лексей> С<тепанович> долго осматривал иконостас в холодной церкви и советует вычинить и возобновить этот же самый, и сделал разные полезные замечания: предположено поступить по его указаниям, но приделы в теплой церкви он одобрил по их простоте, и они уже отделаны и освящены.

В августе ездили в Богучарово, куда приехали накануне Успеньева дня, и встретили здесь приехавшего из Симбирска шурина А<лексея> С<тепановича> Петра Александровича Бестужева.⁶⁹ После всеночной, А<лексей> С<тепанович> с ним, К. И. Сокоревою и Л. А. Хомяковою, играл весь вечер в карты. На другой день были у обедни, церковь здесь великолепная, и пели очень стройно Трубников с своим семейством; день провели приятно в спорах и шутках, а во время прогулки А<лексей> С<тепанович> показывал нам свое искусство в стрельбе в цель из пистолета. Весь вечер опять играли в преферанс.

В сентябре (3) видится с А<лексеем> С<тепановичем> в Богучарове и советуется с ним насчет бесчинства причта в Коледине, так как дьякон

* В Крапивенском уезде, Тульской губернии, в 25-ти верстах от Тулы по Киевскому шоссе.

и дьячок постоянно делают дерзости новому священнику и пьянствуют, а владыка не сумел распорядиться построже. В большинстве сел везде в отношении сельского духовенства одно и то же, да вдобавок еще разные кляузы и сплетни; А<лексей> С<тепанович>, указывая на это как на общее зло, не одобряет, почему Пр<еосвященный> Дамаскин не поступил строже с колединскими причетниками, которых он отдал только под начало, несмотря на то, что они ругали священника площадными словами в самом алтаре после богослужения.

Вечером этого дня возвратилась в Богучарово мать А<лексея> С<тепановича> из поездки своей в Ростов с Трубицыною.⁷⁰

11 октября ездили Х<ит>ровы в Богучарово, ибо получили письмо от А<лексея> С<тепановича>, который зовет на крестины дочери его Софии,⁷¹ которые и состоялись 13-го, причем восприемником был Х<итров> с Марьею А<лексеев>ною, а сам А<лексей> С<тепанович> еще в 1838 г. крестил у него сына.⁷² Крещение было совершено в домово́й церкви. Здесь пробыли три дня, по утрам и после обеда много гуляли, а вечером по большей части А<лексей> С<тепанович> играл в карты с домашними и между прочим с своим соседом полковником Ротмистровым. * Целое утро (12) А<лексей> С<тепанович> играл с знакомым своим Загрядским **⁷³ биллиард, а во время обеда завязался большой спор по случаю рассказа Трубникова, что в Воронеже открыты мощи Тихона Задонского,⁷⁴ и большие разномыслия по сему поводу с А<лексеем> С<тепановичем>.

24 ноября отправились в Богучарово на именины Катерины Михайловны, где нашли Загрядских, Ротмистрова с женою, С. О. Трубицыну, которая вскоре уехала, потому что сын ее болел. А<лексей> С<тепанович> на днях приехал из Москвы и рассказывал, что там есть слухи о проекте насчет освобождения крестьян. Весь вечер А<лексей> С<тепанович> проиграл в карты до поздней ночи. На следующий день рано утром приехал к Марье А<лексеев>не священник из тульского имения покойной тет<ушки> Анны А<лексеев>ны Д<емидовой> Петрушина,⁷⁵ — Михайла Иванович, человек весьма выдержанной и строгой жизни, с своим зятем, у которого возникло дело с дьячками за грубости, то было следствие, которое производил богучаровский священник Карницкий,⁷⁶ ибо он благочинный; но следствие произвел неправильно, и поэтому священник написал возражение, которое и привез прочесть Марье А<лексеевне> и А<лексею> С<тепановичу>. Он поправлял ему

* Этот Ротмистров всюю душою был привязан к А<лексею> С<тепановичу> и так любил его, что не мог долго пережить его († 1862).

** Алексей Александрович Загрядский, кандидат Московского университета по математическому факультету, заменил впоследствии Трубникова и заведовал имениями Хомякова.

прошение и советовал не «затрогивать благочинного» (Сл<ова> з<апи-сок>).

Этот о<тец> Карницкий, Иван Яковлевич, священником в Богучарове до настоящего времени и был вполне благодетельствован Хомяковыми, у которых его можно было видеть часто на службах и запросто у них в доме; благодаря им он пользовался расположением местных архиереев, которым он обязан хорошими повышениями.

По возвращении в декабре этого года из Орловской губ<ернии>, куда Хитровы ездили по старой памяти повидаться с родными и навестить старинные места жительства, они поехали в январе 1847 года в Москву и дорогой заезжали 9 числа в Богучарово. Хомяковы живут здесь так долго потому, что Катерина Михайловна не совсем здорова после родов,⁷⁷ и собираются в Москву не ближе масляницы. Дети играли, а А<лексей> С<тепанович> играл в карты; после ужина долго не ложились спать, просидели до двух часов — все рассуждали о разных предметах.

В Москву Хомяковы приехали на третьей неделе великого поста, в двадцатых числах февраля, и сейчас дали знать о том В<ладимиру> И<вановичу>; советовался с ним относительно воспитания детей,⁷⁸ по поводу чего и без того было дано многое множество разных советов более или менее неудобноисполнимых. А<лекс>ей С<тепанови>ч не одобряет вообще общественного воспитания, особенно у нас в России, и поэтому не советует отдавать детей в пансион или в гимназию, а переехать со временем в Москву и брать учителей по урокам до 18-ти летнего возраста, и обещается доставить тогда хороших учителей через приятеля своего профессора Шевырева;⁷⁹ также не советует брать гувернеров, потому что в настоящее время никто не обращает внимания на щегольской выговор, а следует обращать исключительное внимание на научное образование и нравственность, которые в пренебрежении в открытых учебных заведениях. Также пустяки — отдавать учиться к профессорам, деньги платят им большие, а учение у них недобросовестное, — по всем этим причинам А<лексей> С<тепанович> советует пока учить и воспитывать сына дома, так и предположил поступить.

Вскоре Хитр<ово> возвратились в свое тульское поместье.

В июле получили известие из Богучарова, что А<лексей> С<тепанович> с женою и старшими детьми уехал за границу,⁸⁰ пишут, что на пароходе их застигла жестокая буря; теперь они в Италии, где Катерина Михайловна лечится, и возвратятся в сентябре. В Богучарово ездили опять 15 авг<уста> к Марье Алексеевне. Она только что получила письма от своих из чужих краев, пишут, что они в Голландии: Катерина Михайловна пила воды и берет теперь морские ванны, но жалуется, что у нее начались боли под ложечкой и испорчен желудок, отчего Марья

Ал<ексеевна> в большом беспокойстве и перетревожила всех, потому что говорила нам всем таким тоном, как будто у Кат<ерины> Мих<айловны> чахотка, но, прочитав полученное письмо, видно, что все эти недомогательства произошли у Катер<ины> Мих<айловны> от минеральной воды и излишнего употребления устриц: тогда по более внимательном прочтении письма все успокоились. В сентябре Марья Ал<ексеевна> присылала в Коледино* узнавать о здоровье и пишет, что А<лексей> С<тепанович> с Катер<иной> Мих<айловной> в Лондоне⁸¹ и возвратятся скоро в Россию.

7 октября из Тулы, где в это время по случаю усилившейся болезни жил автор Замечаний, Х<итров>о отправились всем семейством в Богучарово по случаю возвращения молодых Хомяковых из-за границы.⁸² Много рассказывал А<лексей> С<тепанович> про свое заграничное путешествие. В Париже они пробыли недолго, всего одну неделю, потому что он не понравился им⁸³ ни по красоте, ни по образу жизни, но в Лондоне прожили больше месяца — это великолепный и чудесный город, по словам его. В Оксфорде профессора и члены университета давали А<лексею> С<тепановичу> обед. Еще был разговор о том, что Государь Николай Павлович в теперешний свой проезд по России, будучи в Смоленске, говорил речь тамошнему дворянству относительно крестьян, чтобы сделать их вольными или иначе обязанными; сам А<лексей> Ст<епанович>, в бытность свою в Петербурге, был приглашен в Павловск к Великой Княгине Елене Павловне,⁸⁴ где между прочим был также разговор о предполагаемом освобождении крестьян. Под влиянием этих разговоров долго сидели вечером, а А<лексей> С<тепанович> играл еще в карты. В этот день, утром, ходили гулять в оранжереи и на гумно. На другой день, только что поднялись, ездили мы на охоту и дорогой много рассуждали о воспитании. Теперь А<лексей> С<тепанович> говорил Вл<адимиру> Ив<ановичу>, что лучше отдавать учиться детей в гимназию, с тем чтобы ходить каждый день ночевать домой, для чего следует жить постоянно в Москве.

На память Хомяков привез из Англии Хитрову в подарок отличной работы набалдашник из слоновой кости с резным изображением охоты за оленями (собаки и олени великолепно вырезаны), которым этот последний всегда любовался.

Катерина Мих<айловна> совершенно восстановилась в своем здоровье.

В 1848 году с января В<ладимир> И<ванович> переселился в Тулу лечиться по случаю лечения развившейся болезни своей и поэтому не выезжал никуда и ни к кому, поэтому почти и не виделся с А<лексеем> С<тепановичем>.

* Тульское имение Хитровых.

Вообще весь этот год был тяжелый; кроме смут политических, волновавших тогда всю Европу⁸⁵ <и> Россию, свирепствовала повсеместно ужасная холера, сильно действовавшая, в особенности летом, и в поместьи автора сих записок. Поэтому за всё это время, кроме общих упоминаний, что Хомяковы живы и здоровы, ничего подробного не встречаем о них.

Только от 25 августа этого года он пишет, что «утром отправились из Коледина в Богучарово, куда приехали во время всеночной, которая шла в церкви, и все были рады нашему приезду. Здесь, в Богучарове, гостят родные Катерины Михайловны, Бестужевы из Симбирска.⁸⁶ Весь вечер проговорил с Алексеем Степановичем, у них холера не слишком была сильна; он с успехом пользовал больных смесью дегтя с маслом и утверждает, что этим средством у себя и в соседстве уничтожил действие болезни⁸⁷ и что об этом он писал даже в Петербург. Вечером сидели долго и все спорили о политике. Здесь гостит тоже некто Михайло Гаврилович Своехотов,⁸⁸ человек очень веселого нрава, который отпускает разные забавные шуточки, как напр<имер>, он очень искусно, сидя у окна, выходящего в сад, кричит вороною, что очень забавляет детей, сочиняет для них легенькие стишки, вроде:

“Милый Коля,
Шаловливая воля,
Пошел гулять
И стал скакать:
Вывихнул ножку,
А мамаша не дала ему бомбошку” и т. д.

— и это утешает детей. Он между прочим и лекарь, давал В<ладимиру> И<вановичу> Галлеровых капель от нервной слабости по причине тяготивших его спазм, но капли эти не помогли.

После обедни (26 авг<уста>), отслуженной весьма торжественно, Петр Александрович Бестужев звал всех нас к себе на пирог во флигель — у него дочь Наталья была именинница⁸⁹ — тут много ели и пили шампанского и разных вин, отчего все присутствовавшие на завтраке повеселели заметно, а когда пришли назад в большой дом, то завязали оживленный разговор о политике с Марьей Алексеевною, которая горячилась, не замечая, что у всех в голове. За обедом А<лексей> Ст<епа<нович> много шутил и острил и всех заставлял оживляться и смеяться; вообще день этот провели очень приятно. Самые дети и те особенно резвились и играли» (Слова замеч<аний>).

Во время модного в то время толка по случаю европейских смут Хитров рассказывает один анекдот про себя, что когда он, весьма религи-

озный человек, сказал, что он радуется, что в Берлине открылась холера, А<лексей> С<тепанович> возразил ему, что духовник не даст ему за это причастие; Бестужев поддержал сторону Хитр<ово>, говоря, что пруссаки еретики, но последний сказал на это, что не потому, а за то, что они совершенные атеисты, хулят и уничтожают Евангелие, как ему сам рассказывал А<лексей> С<тепанович> по прибытии из-за границы, и тем подрывают репутацию Спасителя, как выразился Хитр<ово>, А<лексей> С<тепанович> подхватил это слово репутация Бога, очень много смеялся над этим и всё называл шутя Хитрова — охранителем Божьей репутации.

Хомяковы возвратились давно из Москвы, но потому не давали знать о себе знакомым, что везде свирепствовала холера.

В начале октября А<лексей> С<тепанович> ездил в Москву для торгов на винокурение, а 17 числа этого месяца, по случаю именин жены Хитрова,⁹⁰ он приезжал из Богучарова в Коледино. В этот день, к обеду, съехались к В<ладимиру> И<вановичу> все его крапивенские соседи, крапивенские помещики, которые, как пишет автор Замечаний, изумлялись все костюму Алексея Степановича⁹¹ и бороде его: он был в своей славянке, в пунцовой рубашке без галстука и вместо жилета на нем была поддевка, но взамен этого, как сказано в Замечаниях, все остались в восхищении от его любезности и ума, а когда он говорил, то со вниманием и любопытством слушали его. Одежду его тут многие объясняли именно тем, что он стоит во главе одного либерального общества, которого члены все носят русское платье и называются славянофилами; правительство сначала тайно присматривало за ними, находя их подозрительными, но напоследок оставляет их без внимания. При Хомякове возобновлялся опять разговор, что Государь хочет непременно сделать крестьян вольными, хотя еще в начале этого года по поводу таких чрезвычайно перетревоживших всех помещиков слухов ходила в Туле, где тогда жил В<ладимир> И<ванович> (см. выше), по рукам записка одного весьма высоко стоящего лица, * что вольной крестьянам не будет, и распространены были слухи, будто Государь отвергает все представляемые ему проекты об освобождении крестьян. По поводу этих разговоров о вольной крестьянам при Хомякове нелишне припомнить рассказ В<ладимира> И<вановича> о нем, что когда впоследствии, в 1858 году, действительно приступили к нашей крестьянской реформе и уже открыты были комитеты, Хомяков, которого вообще тульские дворяне считали за первого глашатая и горячего сторонника так называемой эманципации, явился на выборы в тульское благородное собрание во фраке, тогда некоторые из дворян, — частью из придирок к нему, а частью от излишней страсти к формальности, наделали Хомякову дерзо-

* Наследника Александра Ник<олаевича>.

стей и требовали, чтобы он удалился из собрания, потому что он во фраке, а не в мундире. Тогда Хомяков принужден был уехать, но, достав где-то мундир, возвратился снова в собрание; неугомонные из дворян, не остановившись на придирке к мундирности, от которой впоследствии не знали как откреститься, требовали от него, чтобы он еще присягал особо, хотя к присяге приводили всех еще прежде и в том числе и его. Тогда Хомяков, чтобы отделаться от всех этих заносчивых требований, сказал им смеясь: «Господа, как вы хотите, чтобы я присягал — Бог запрещает клясться небом и землею; небо от нас высоко, а землю у нас отнимают», — общий хохот, и его оставили в покое.

На другой день имянин встали поздно, долго спорили, гуляли по саду и после раннего обеда А<лексей> С<тепанович> уехал в Богучарово (Слова замеч<аний>).

10 и 11 октября, по случаю дня рождения Марьи Алексеевны, В<ладимира> И<вановича> находим с семейством в Богучарове. Накануне рождения была в церкви всеночная, на которой все были и поздравляли М<арью> А<лексеевну>, которая отправилась после того к себе во флигель пить чай, и там вышеназванная Софья Осиповна Трубицына, с своею экономиссою Надеждою Алферьевною услаждала слух М<арьи> А<лексеев>ны пением духовных кантатов, и пение это было весьма умилительное. Пока эти песнопения возносились во флигеле, в доме А<лексей> С<тепанович> играл в карты, а после ужина с Хитр<ов>ым и Бестужевым между разговорами о Турецкой и Польской кампаниях — много шутили и смеялись, и засиделись дольше двух часов, так что Кат<ерина> Мих<айлов>на несколько раз присылала в кабинет сказать, что пора спать. На другой день был большой обед, были гости Ротмистровы, Загрядские и другие.

Вышепоименованная Трубицына, родственница Марьи Ал<ексеев>ны, часто бывала у нее по близости своей Желыбинки от Богучарова; после смерти сына, которого она нежно любила, С<офья> О<сиповна> приняла чисто духовное направление и с помощью названной Надежды Алф<ерьевны> устроила в Желыбинке нечто вроде общины со всеми монастырскими правилами, принимала к себе странников и странниц, в келье у нее в роще жил пустынный, очень хороший человек Константин Иванович,⁹² не могший получить посвящение, потому что он был женат, тем не менее его в желыбинской пустыне называли «батюшкою», и впоследствии он был монахом. Монастырь в Болхове, о чем уже было говорено, Софья Ос<иповна> устроила гораздо позднее, продав дом в Туле и другое имение.

Приехав 24 ноября в Богучарово, встретили там приехавшим Тульского Преосвященн<ого> Дамаскина, который здесь и ночевал. Преосвящ<енный> Дамаскин был в самых дружественных отношениях

с Хомяковым, под этим числом упоминается, что по случаю постройки церкви в Кол<едине> был при архиерее спор с Ал<ексеем> Ст<епановичем>, для <кого> создается храм, для Бога или для людей, Ал<ексей> Степ<анович> утверждал, что для людей, но прочие доказывали противное. Во время обедни при Дамаскине пели певчие очень стройно, и особенно хорошо пропели они концерт, что весьма понравилось пресвященному. Этот хор был организован богучаровским управляющим Трубниковым. Когда архиерей уехал, долго толковали о хозяйстве; А<лексей> С<тепанович> советует не продавать ржи до генваря, ибо в степях совершенный голод и на нее будет большое требование; еще советовался с ним В<ладимир> И<ванович> насчет болезни своего бурмистра, у которого была водяная в груди, то доктор Брёмме, * лечивший и самого В<ладимира> Ив<ановича> от геморроя, советовал поить больного 6 недель одним молоком, и это подтвердил и А<лексей> С<тепанович>, который находит, что это единственное средство.

В 1849 году в Москве с 20 января. При свидании с Хитр<ово>: А<лекс>ей С<тепанови>ч рассказывал новость, что в губерниях Киевской, Подольской, Виленской, Волынской, учредили инвентарий,⁹³ т. е. что крестьяне не должны работать больше того, как будет назначено правительством, и тамошний Ген<ерал>-Губ<ернатор> Бибиков⁹⁴ сделал это объявление на площадях с барабанным боем; теперь подобный приказ велено объявить князю Голицыну⁹⁵ в его губерниях — Минской, Могилевской и проч., а затем, вероятно, и всей Великой России. В Рыбинске цена на хлеб стала возвышаться, а поэтому она поднялась и в Москве, то А<лексей> С<тепанович> писал в Богучарово, чтобы на неделю остановиться продажею ржи.

24 января, в честь молодых Киреевских, Никиты Степановича, женившегося в Париже на французской актрисе, Марья Алекс<еевна> давала обед и присылала звать родных; были Бестужевы и Чижов,⁹⁶ и все долго сидели после обеда с А<лексеем> С<тепанови>чем. Марья А<лексеев>на не соглашалась долго принять молодых Киреевских, почему Ник<ита> Ст<епанович> женился на иностранке и притом на артистке, то свои насилу уговорили ее принять их и сделать стол им как племянникам.

Хитровы пробыли в Москве недолго и вскоре возвратились в Тулу.

По случаю воспитания детей Хитровы переехали с 23 февраля из тульского имения на постоянное жительство в Москву и поселились в одном из переулков Покровки. Вскоре видятся с А<лексеем> С<тепановичем>, который одобряет воспитание детей в частном пансионе, с тем чтобы дети ходили домой и были на глазах своих родителей. Он сознался, что ошибся распоряжением насчет ржи, которая, думал он, подорожает, но

* Брёмме, один из лучших врачей в Туле в то время.

она подешевела. Автор Замечаний, на похоронах маленькой дочери его сестры,⁹⁷ 1 марта, встретил там А<лексея> С<тепановича>, с которым он спорил о крестьянах, ибо А<лексей> С<тепанович> уверяет, что непременно скоро у нас сделают инвентарий, как в Белоруссии, что надобно это предупредить, сделав крестьян обязательными, а то само правительство распорядится (Слова замечаний).

Еще А<лексей> С<тепанович> толковал, что нужно строго исполнять посты и приучать поститься детей, и советовал посему В<ладимиру> И<вановичу>, чтобы он в посты брал детей из пансиона обедать домой.

На пятой неделе поста, 14 марта был у Алексея Степановича, которого нашел очень встревоженным; на днях приятеля его Юрия Федоровича Самарина⁹⁸ Государь посадил в крепость за то, что он написал записку, в которой бранил наших остзейских немцев и что они занимают все места в государстве. Бывши чрез несколько дней (26 марта) у А<лексея> С<тепановича>, узнал от него, что Самарин выпущен из крепости, Государь сам призывал его к себе, разговаривал с ним, посадил с собою и поцеловал и отпустил в Москву, чем все его родные и приятели очень довольны.

По случаю пребывания в Москве Императорской Фамилии,⁹⁹ приехал сюда и министр граф Блудов,¹⁰⁰ который в этот день звал к себе на вечер А<лексея> С<тепановича>. Всех больше по этому поводу суетилась Марья А<лексеевна>, беспрестанно призывала к себе Катерину Михайловну спрашивать, какую жилетку наденет, и чтобы фрак надел и ордена чтобы надел.*

Были у него в этот день Мамонов¹⁰¹ и А. Н. Попов,¹⁰² который служит при Блудове. Была здесь всеночная в доме по случаю вербной субботы;¹⁰³ после оной долго еще сидели с А<лексеем> С<тепановичем>. Говорят, что у Государя есть и было желание сделать реформу в управлении крестьянами и для этого учреждается инвентарий, который вводится уже в Белорусских губерниях и через два года предполагается ввести и у нас в Великоруссии; инвентарий это предварительная мера к окончательному освобождению крестьян (Слова замечаний).

На Фоминой неделе¹⁰⁴ (14 апреля) В<ладимир> И<ванович>, заехав к А<лексею> С<тепановичу>, нашел его немного встревоженным: [поскольку] граф Орлов¹⁰⁵ два раза присылал ему сказать, чтобы он сбрил свою бороду,¹⁰⁶ — что так угодно Государю, но он горячится и не хочет брить ее, то В<ладимир> И<ванович> и общий их приятель генерал Плещеев, Александр Павлович,¹⁰⁷ которого всегда можно было

* У А<лексея> С<тепановича> был орден Владимира 4-й степени с бантом за храбрость в Турецкую кампанию и орден Анны 3-й степени. Он их никогда не носил.

встретить у Хомякова, уговаривали его сбрить бороду, но он никак не соглашается, говорит, что когда прикажут сбрить бороды всем, тогда и он сбреет свою, а если ему одному прикажет это Государь, то он сбреет ее, но примет это за оскорбление, и в заключение не верит, чтобы Государь это сказал, а подозревает, что только Государевым именем хотят заставить сбрить эту любезную ему бородку, которую из всех славянофилов носят только А<лексей> С<тепанович>, оба Аксаковых, отец и сын,¹⁰⁸ да Бестужев¹⁰⁹ (Слова замечаний).

Был В<ладимир> И<ванович> у него 19 апр<еля>, а бороды своей А<лексей> С<тепанович> не сбрил. Все более говорили об инвентарии, советовал А<лексей> С<тепанович> Хитрову, чтобы он крестьян своих в имении сделал обязанными, как и он хочет поступить. Приезжал к А<лексею> С<тепановичу> Обер-Прокурор Св. Синода граф Протасов.¹¹⁰

При свидании в конце апреля (26 ч<исла>) В<ладимир> И<ванович> пишет, что А<лексей> С<тепанович> решается сбрить бороду, но очень недоволен этим, но не упоминает при последующих свиданиях, сбрил ли он ее, как этого очень хотелось правительству. Зашедши к нему в половине мая, В<ладимир> И<ванович> застал у него [А. И.] Герцена.^{*111} Разговаривали вообще <о> тогдашней Венгерской войне¹¹² и известной петербургской истории Петрашевского с компаниею,¹¹³ и общее настроение против распространившегося тогда атеистического и коммунистического направления было столь велико, что у самого А<лексея> С<тепановича> вырвалось (Слова замечаний) под 14 мая) досадное выражение, что он готов скорее пожертвовать своими детьми, чем видеть их безбожниками и безнравственными либералами.

В июне, пред отъездом В<ладимира> И<вановича> на лето в свое поместье, сообщается, что А<лексей> С<тепанович> намерен провести лето в Липицах Смоленской губернии, а Марья А<лексеев>на хотела жить в Богучарове. Сказывал А<лексей> С<тепанович>, сын Петра А<лександровича> Бестужева, Владимир,¹¹⁴ выдержал экзамен для поступления в университет, но ему отказали в приеме туда вследствие новых распоряжений по университетам, вследствие обнаружившегося крайне либерального направления в оных. Однако слышно, что генерал-губернатор граф Закревский¹¹⁵ и Московский Губернский Предводитель Дворянства Чертков¹¹⁶ ходатайствуют об удержании по университету старого порядка вещей.

Летом, в июле, ездили в Богучарово и узнали, что и Марья А<лексеев>на в Богучарове; здесь на сих днях по ее предписанию была свадьба дочери их экономки, сестры жившей у Трубицыной Над<ежды>

* Какого, впрочем, не сказано, но это догадка моя. Д<митрий> Х<итрово>.

Ал<ферьевны>, обед, отпуск приданого и проч., да М<арья> А<лексеевна> пожертвовала ей сто руб<лей> в приданое.

По возвращении Хомяковых из Липиц, Смоленской губ<ернии>, 12 сентября ездили в Богучарово, застали одних дам, а А<лексей> С<тепанович> был на охоте, с которой не возвращался до самого вечера, а до его приезда В<ладимир> И<ванович> просидел у Марьи Ал<ексеевны>, которую нашел он встревоженною следующим обстоятельством, занимавшим их как *nouvelle de jour*. У знакомой ее Софьи Осиповны Трубицыной случилось горе: прошедшего ноября из Херсонской Духовной Консistorии получена была бумага в Тульскую Консistorию с просьбою отнестись к проживающему тут поручику Еринг и отобрать от него сведения по просьбе жены его, которая, 14 лет не получая об нем никакого известия, просит у него позволения (если он окажется в Туле) о вступлении во вторичный брак; становой Преображенский,¹¹⁷ зять б<ог>учаровского управителя Трубникова, приехавши в имение Трубицыной Желыбинку (в 6 верст<ах> от Богучарова), начал требовать от Константина Ивановича (Еринг, см. об нем выше) показание, женат ли он, тот сконфузясь потерялся, уверял, что он не женат, и под диктовку станового написал, что не имеет жены. Становой взял у него указ об отставке, в котором К<онстантин> И<ванович> по неосторожности вычистил и замарал маслом то место, где прописано было, что он женат, и представил указ в Тулу; то, когда он с Трубицыною приехал в Тулу, то явились исправник Казаринов¹¹⁸ с частным приставом на квартиру с шумом и, схватив К<онстантина> И<вановича> за шиворот как преступника, хотели тащить в острог, так что с ним сделалось дурно, и доктор Брёмме принужден был в предупреждение удара пустить ему кровь — однако в острог не взяли, а оставили на поруках у Трубицыной, которая очень его уважает. Об нем весь вечер был у В<ладимира> И<вановича> спор с Алексеем Степановичем и Трубниковым; они не принимали никаких резонов в оправдание, судят его за то, зачем он скрывал, что он женат, и выскоблил в своем пачпорте. В<ладимир> И<ванович>, не оправдывая этого, думал, однако, что Трубников держит более сторону своего зятя, который вероятно хотел за К<онстантина> И<вановича> содрать с Трубицыной взятку, так как она недавно продала имение и у нее были деньги, с чем, поддерживая его, согласилась и Марья А<лексеевна>, вообще не жаловавшая Трубникова и всё его семейство. В утверждение сего, на другой день В<ладимир> И<ванович> в бытность в Туле виделся с К<онстантином> И<вановичем> и по этому поводу объяснялся с ним откровенно; он чистосердечно открылся ему, что когда он служил в уланах, то во время выхода полка из Херсона напоили его пьяным и обвенчали пьяным, что уже на другой день он увидел около себя женщину и узнал, что это была его жена, которая была поль-

ка и католичка. Он вскочил, уехал в полк и с тех пор не видал ее, вот уже 14 лет, но это не было безызвестно в монастырях, где он проживал, как, напри<ер>, в Троицкой Лавре. Многие судят Трубицыну, зачем она позволила ему выстроить у себя в Желыбенке келью и держит его у себя; она оправдывается, что он человек кроткий и духовный и нужен ей для общины, которую она там устроила на 16 человек, что вызвало у одного приятеля Х<итрово> остроумное восклицание — «право, престранные эти барыни, теперь Софья Осип<ов>на сидит и думает — как мне спастись, одной или сам шестнадцать?», чему все немало смеялись.* С<офья> О<сиповна> утверждала, что ее намерение устроить монастырь одобрял и покойный Митрополит Филарет.

В Москву приехали Хомяковы 9 декабря; А<лексей> С<тепанович> был болен глазом, и поэтому он сидит дома, все окна в кабинете завешаны; сказывал, что рожь в Туле 6 р<ублей> 50 к<опеек> ассигн<ациями>,** и желает продать ее, так как, по его мнению, на будущий год урожай будет повсеместно хороший и она упадет в цене.

Был у А<лексея> С<тепановича> Свербеев.¹¹⁹

Алексея Степановича лечит от глаза¹²⁰ доктор гомеопатии Леонард, который и Хитрову, когда он застал его у него, навестив однажды А<лексея> С<тепановича>, назначил от болезни какие-то крупинки, которые прописал ему, по словам Леонарда, сам А<лексей> С<тепанович>.

Бывши у А<лексея> С<тепановича> на святках, В<ладимир> И<ванович> нашел его глаз в том же положении и слышал у него, что в Туле дворянские выборы были шумные и что губернский предводитель Норов¹²¹ остался опять на своем месте, и будто он решился беспокоить Государя от имени дворянства, чтобы в Опек<унском> Совете платить по <четы>ре процента, ибо для дворян весьма обременительно. Еще был снова разговор об инвентарии и о предполагаемом освобождении крестьян от крепостной зависимости. Между прочим здесь в Москве большие идут толки о какой-то княгине Трубецкой, которую сослали в Сибирь за жестокое обращение с людьми и за то, что засекала человека, а мужа ее посадили в монастырь на покаяние, — эта Трубецкая распяливала (будто) людей на кольца, привязывала им к спине кошку, которую секла, а та от боли драла им когтями спину; производившая эти ужасные пытки над своими людьми княгиня Трубецкая была сама из простого звания.

1850-й год. Между прочими незначительными свиданиями, от 15 января В<ладимир> И<ванович> вспоминает, что он вечером у А<лек-

* Об ней и ее общине уже сказано выше, так как она была близка Хомяковым.

** Здесь счета более все на ассигнации, как тогда более считали.

сея> С<тепановича> встретился: «с известным автором Мертвых Душ Н. В. Гоголем и приятно провели свое время; много мы спорили и кричали с Алексеем Степановичем, но Гоголь поддерживал меня (не объяснено, в чем спор заключался). Рассказывали мне также здесь, что в Туле во время последних дворянских выборов отравили нечаянно двух белевских помещиков; противная сторона, желая устранить их, чтобы шары их не препятствовали им выбрать, кого они хотели, зазвав их к себе, попотчевали вином, в которое подмешали дурману единственно с тем намерением, чтобы они занемогли головною болью и не в состоянии были на следующий день быть на выборах, но ошибкою переложили прием, один из них умер, а другой опасно болен. Всё это очень скверно» (Слова замечаний[>]).*

В январе у Хомяковых родился сын Николай.¹²²

От 11 февраля у В<ладимира> И<вановича> написано: «От обедни проехал я к Хомяковым, — при мне Марья Алексеевна бранила и наделала неприятностей Алексею Степановичу, несправедливо укоряя его, что он дурно управляет имением, всё настаивает, чтобы он отказал Трубникову, — А<лексей> С<тепанович> огорчился и расстроился, я его успокаивал. Должно признаться, тяжелый и несносный характер имеет Марья Алексеевна, на ее месте следовало бы только благодарить Бога: Алексей Степанович сказывал, что он купил недавно 200 душ, в два года заплатил пропасть долгов частных, да сверх того, теперь в ломбарде лежит около трехсот тысяч билетами, следовательно, он не дурно управляет, а прибавляет, очищает долги и капитал составил, а прежде известно, что имение всё было в долгах до его принятия в свое управление, а она всё ноет и жалуется, что бедна, и беспрестанно бранит сына; полагаю, что это больше от старости лет, ибо ей уже за восемьдесят лет. Собирался было А<лексей> С<тепанович> ехать ко мне, но мы уже ездили с ним для развлечения на аукцион лошадей в манеж, где и пробыли с час времени» (Слова замечаний[>]).

По поводу толков о предполагаемом освобождении крестьян, что выгоднее продать имения и на эти деньги купить дом в Москве, рассуждали с А<лексеем> С<тепановичем>, и В<ладимир> И<ванович> удивлялся ему, почему он торгует имение в 150 тысяч сер<ебром> и не купит лучше дома, но А<лексей> С<тепанович> говорит, что он со временем сделает своих крестьян условными и тем избегнет понудительных мер, особенно инвентария, который по понятию общему есть настоящее разорение (от 18 февр<аля>).

* Мы теперь будем больше писать прямо от имени автора замечаний, так как он стал писать гораздо подробнее и сами события больше группированы, чем прежде. Дим<итрий> Хитр<ово>.

На другой день за обедом был комический разговор насчет того, что общая наша знакомая Катерина Сергеевна Герард¹²³ (бывшая в очень хороших отношениях с Митр<ополитом> Филаретом) называет Митрополита Филарета викарием Христовым, то А<лексей> С<тепанович>, смеясь этому, говорил, что, кажется, Спаситель не имеет нужды в помощниках в управлении миром, на что я возразил — видно, в это время Митрополит управлял, когда в Германии и Франции сделались бунты (19 февр<аля>).

В<ладимир> И<ванович> заезжал к А<лексею> С<тепановичу>, думая ехать с ним на погребение двоюродной сестры Хитрова Гриббе,¹²⁴ но А<лексей> С<тепанович> не поехал по случаю флюса, — был по случаю смерти Гриббе разговор, что когда некто уговаривал мужа¹²⁵ покойной, будто он плачем своим ропщет на Бога, этот последний, служивший долго при Аракчеве, возразил, что он не граф Аракчев, который, когда повар зарезал его любовницу,¹²⁶ кричал во всеуслышание: «Соберите весь Синод из Петербурга, чтобы доказали мне, что есть Бог, и то я не поверю». А<лексей> С<тепанович> нашел, что Гриббе верно сказал это. Этот Гриббе оставил записки об графе Аракчеве, которые читал иногда родным, и без слез не мог читать, как несправедливо и жестоко наказывали молодую девушку, сестру убийцы Настасьи, за которую дело стало, ибо Настасья до крови исщипала этой несчастной всё лицо, а она пошла просить, рыдая, защиты у брата в кухне. Не говоря о самом поваре, дерзнувшем убить любовницу графа Аракчева, невинную сестру его, только потому, что по поводу ее стало дело, наказывал плетьюми палач, привязав ремнем за горло к позорному столбу, и многих других били кнутом нещадно. Повар и сестра его были засечены до смерти, — так рассказывал Гриббе в своих записках. *¹²⁷

1 апреля,¹²⁸ на именинах Марьи Алексеевны, было у Хомяковых много гостей, родных и знакомых; Шатилов (Ив<ан> Вас<ильевич>),¹²⁹ Вас<илий> Ив<анович> Хомяков,¹³⁰ Н. В. Дурново,¹³¹ Аксаковы, генерал Плещеев и друг<ие> обедали здесь и приятно провели время с Алексеем Степановичем и всё более трактовали о политике заграничной: очень досадно на англичан за греков и хотелось бы, чтобы их поколотили, но это очень трудно по их первенству во флоте перед всею Европою, да притом навряд она решится вступить в борьбу с Россиею, которая после Венгерской кампании получила моральный перевес в Европе. ** В 6 часов была у Марьи Ал<еевны> всеночная.

* Гриббе умер в 1865 году.

** Все подробности разговора и разные мелочи передаются здесь потому, чтобы показать, что и кто занимали А. С. и сколько можно выставить его внутренний домашний быт.

12 апр<еля>, на именины зятя А<лексея> С<тепановича> ездили вместе с А<лексеем> С<тепановичем> к нему поздравлять, было много гостей. Главный предмет разговора — только на днях совершившаяся знаменитая история послушника Донского монастыря Зыкова,¹³² который зарезал княгиню Голицыну.¹³³ Его жалеют более, чем винают, он сделал это преступление от отчаяния, что на маслянице люди княгини Голицыной, в которую он был влюблен, били его и не сделали ему правосудия, сколько он не просил, чтобы удовлетворили его за нанесенное оскорбление, тем более что Зыков знал, кто бил его, и самолюбие его было тем чрезвычайно оскорблено; думают, что в пылу раздраженной желчи, что принужден был выдти из монастыря, а кн<ягиня> Голицына, очень богатая, замуж за него идти не хотела, ему 23 года, а ей 47 лет, он зарезал ее, а главное, московские барыни ужасно его избаловали.

В дни рождения и именин (1 мая и 20-го мая)¹³⁴ Алексей Степанович проводит постоянно время в кругу родных и хороших знакомых, которые без всякого особого приглашения обедали у него в эти дни и просиживали иногда до поздней ночи.

Автор Замечаний упоминает, что, по личным его вопросам, у него был перед вакантным временем в частных учебных заведениях разговор с А<лексеем> С<тепановичем> снова о том, где лучше, в пансионах или в гимназиях, воспитывать детей, А<лексея> С<тепановича> находил, что сначала полезнее отдать ребенка в частный пансион, где вообще лучше учат иностранным языкам, а потом должно перевести в гимназию, откуда переход в университет лучше, так как там лучше учат наукам. Домашнее же воспитание, кому это вполне доступно по средствам, А<лексею> С<тепановичу> предпочитал всегда всякому другому воспитанию.

В это время по Москве ходила весьма скандальная история про дочь какого-то генерала Смирнова; рассказывали, будто на днях приезжает к нему ночью частный пристав и велел разбудить его, тот вставши спрашивает — что ему угодно? Он отвечает, что приехал взять гувернантку его в полицию, и спросил у генерала — где его дочь, он с изумлением отвечал, что в своей комнате, на что частный пристав попросил его посмотреть, точно ли там дочь его, и оба пошли в ее комнату; отец с ужасом увидел, что в комнате нет никого, — дело оказалось, что гувернантка всякую ночь водила дочь его в веселый дом, где ее мать находилась содержательницею.

30 мая. Ездил с женою к Хомяковым, нашел у Алексея Степановича генерала Плещеева, который со всеми фамильярен и на ты, говорили о политике; дал (мне) А<лексея> С<тепановича> для малолетней дочери,¹³⁵ заболевшей молочницею, гомеопатических порошков, которые, по его мнению, должны помочь более аллопатических лекарств, и не одо-

брял, почему призвали доктора Куртнера,* который лечит ее. Ходил в спальню к Марье Алексеевне, жалуется на управляющего своего Трубникова, что он поморил всех лошадей, и решились они отказать ему; еще разговаривали с нею о покойной Анне А<лексеев>не Демидовой и об ее духовной: ее наследники не думают удовлетворять Демидова, Всеволода Петровича,¹³⁶ как им приказано, а нижегородские мужики опять взбунтовались за оброк вследствие того, что Киреевские наложили на них по 150 р<ублей> (ассигн<ациями>) на тягло, а Анне А<лексеевне> они платили только 40 р<ублей>.

Вскоре (2 июня) опять виделся с А<лексеем> С<тепановичем> и просидел у него весь вечер — были у него Попов, Аксаков и студент Барте-нев¹³⁷ и вели ученые разговоры; Катерина Михайловна уехала с старшими детьми к Преп<одобному> Сергию у Троицы. Толковали с А<лексеем> С<тепановичем> и Марьей А<лексеевной> о хозяйстве, из всех мест пишут, что от настоящей продолжительной засухи все хлеба и травы погорели, что всех очень тревожит.

Летом (15 июля)¹³⁸ ездили из своей деревни в Богучарово к А<лексею> С<тепановичу> и очень рады были видеться с Хомяковыми; нашли А<лексея> С<тепановича> за вистом с Ротмистровым и Загрядским, — по обычной своей любезности А<лексей> С<тепанович> велел подать шампанского и пил за здоровье имянинника (самого Хитрова), — Хомяков на днях только возвратился из Москвы, куда он ездил по делу. Так как была суббота, то все по обыкновению ходили в церковь ко всеночной, где отличался Трубников с своим хором, состоящим из его семейства, сыновей и дочерей; хорошо поет тут сын его Сеничка, который ходит иногда играть с детьми Хомяковыми, но Марья А<лексеевна> не всегда дозволяет Сеничке играть с ее внуками, ибо он слишком резв и разбитной мальчик — русак, а Марья А<лексеевна> всегда заботилась, чтобы ее внуки имели аристократический сдержанный нрав, но А<лексей> С<тепанович> не обращает на это никакого внимания. Вечером, после всеночной, сидя в кабинете до часу ночи, проспорили и кричали с А<лексеем> С<тепановичем>, так что Катерина Михайловна несколько раз присылала сказать, что пора спать и чтобы не кричали.

Был у А<лексея> С<тепановича> священник села Петрушина покойной Анны А<лексеевны> Дем<идовой> Михаила Иванович, человек весьма строгой и духовной жизни. Спор был о духовном. Алексей Степанович всё не верит «Житиям Свят<ых> Отец» и разным толкованиям Св<ятых> Отцов, как их личные человеческие рассуждения и мнения о духовных предметах, только одно Евангелие и Апостолов свято при-

* Этот доктор Куртнер служил врачом в Шереметевской больнице и был домашним лекарем у Хитров<ых>, — А. С. после встречал его там нередко и спорил тогда с ним о лечении больных, коих приезжал навещать.

нимает, а прочим духовным книгам не слишком верит. Главный же спор состоял в том, что на утверждение, что мучение в аде будет и чувственное, А<лексей> С<тепанович> сильно оспаривал это и доказывал, что оно будет только душевное, т. е. нестерпимая тоска и грусть, лишение лицецерения и Благодати Божией, но вовсе без огня чувственного, которое несвойственно благодати Божией и есть одна только аллегория, что под словом огня и червя неугасимого должно разуметь внутреннее угрызение совести, а также А<лексей> С<тепанович> не верит мытарствам. Подобный богословский спор продолжался и на другой день, после обедни, в который вмешался еще и Трубников, который весьма резко опровергал чудеса и явления, описываемые в Жит<иях> Св<ятых> Отц<ов>, и утверждал, что всё это неправда.

Ему отказывают в управлении;¹³⁹ несмотря на то, что он искусный спорщик, а по хозяйству большие сделал упущения, впрочем, человек он хороший; едва ли на его место не будет назначен брянский уроженец Иван Григорьев, состоящий помощником у Трубникова, ибо этим Иваном А<лексей> С<тепанович> вообще доволен. Сказывала Марья А<лексеев>на новость, будто Гриббе * просил позволения у Митрополита Филарета жениться на родной племяннице покойной жены своей,¹⁴⁰ но митрополит этого не позволяет, — а А<лексей> С<тепанович> спорил, что митрополит делает несправедливо, потому что тут родства нет, что на жениной племяннице можно жениться. Гриббе впоследствии так и сделал: мимо митрополита обвенчался на своей племяннице, но не обошлось это ему без некоторого преследования от правительства.

До обеда и после обеда всё семейство Хомяковых, мы, (Х<итрово>), Загрядские и Monsier Круаза, муж гувернантки Х<омяковых> Сильвии Круаза,¹⁴¹ ходили гулять по саду и в лес, а потом к тульскому шоссе.

Приезд Хомяковых к нему в Коледино 20-го числа этого месяца Влад<имир> Ив<анович> описывает так: «Часа в три приехал Алексей Степанович с Катериною Михайловною и старшими детьми, и при них англичанка мисс Эмма;¹⁴² провели весь день очень весело и приятно, долго гуляли по саду, где и чай пили, а потом ходили гулять в рощу, которая ему всегда очень нравилась. Указав одно место в роще, А<лексей> С<тепанович> обратился к Кат<ерине> Мих<айловне> с воспоминанием, что такая площадка в роще напоминает ему одно место, виденное им в Англии. Гуляя, спорили о разных предметах, но А<лексея> С<тепановича> трудно в чем-нибудь переспорить. Вечером после ужина смеялись с А<лексеем> С<тепановичем>; он стал держать пари, что никто не перепрыгнет через соломенку, это всех заняло, как можно сделать

* Об этом Николае Карловиче Гриббе,¹³⁰ по жене двоюродном брате Хитрова, сказано выше по поводу смерти его жены и рассказов Хомякову о гр. Аракчееве, при коем Гриббе некогда состоял.

так, дети, которые начали было дремать, и те развеселились: когда принесли соломенку, А<лексей> С<тепанович> положил ее у самой стены и так вышло, что в самом деле невозможно перепрыгнуть через соломенку, все очень смеялись этому. Потом А<лексей> С<тепанович> рассказывал нарочно разные истории о привидениях, чтобы напугать всех этою ночью, и заставлял детей и некоторых взрослых трусов ходить по одиночке по палисаднику впотьмах. — На другой день А<лексей> С<тепанович> проспал до 12 часов, когда он проснулся, ходил к нему наверх в кабинет, рассказывал А<лексею> С<тепановичу> разные свои подвиги в Турецкую компанию, и смеялись, потом сошли вниз пить чай; коснулась речь разных тульских знакомых, и между прочим не раз упомянутого выше жившего у Трубицыной «батюшки Константина Ивановича», и А<лексей> С<тепанович> с Катер<иной> Мих<айловной> бранят его и очень к нему не благоволят, быть может, им по соседству много наклеветали на него, во всяком случае одно нехорошо — зачем он живет у Софьи Осиповны на правах настоятеля ее жалыбенской общины и позволяет ей и ее нареченным сестрам целовать у себя руки как у духовника, впрочем, всё это делается С<офьей> О<сиповной> без всякой задней мысли, а единственно по неразумию и излишнему, вследствие чрезмерной духовной ревности, пристрастию ко всему монашескому, а К<онстантин> И<ванович> был ведь отчасти монах.

Ходили с А<лексеем> С<тепановичем> и детьми пешком в церковь колединскую, которая совершенно уже отделана и освящена в начале этого месяца, а именно 8 июля;¹⁴³ А<лексей>ей С<тепанович> очень хвалил ее, а особенно большую холодную церковь и алтарь, не одобрил только, зачем при балдахине над местную иконою Казанской Божией Матери сделаны резные ангелы с рипидами, говорит, что это похоже на кукол. Всю дорогу туда и обратно проспорили с ним, отчего незаметно зашли в овраг, а главное, толковали о священниках вообще, а больше потому, что я на своих ему жаловался. А<лексей> С<тепанович> отличный христианин и добродетельный человек, но любит толковать своеобразно. Насчет духовенства приходилось защищать священников против его нападений, но, впрочем, и сам Алексей Степанович не вполне винит их и оправдывает тем, что они не слишком образованны, и осуждает, зачем священство получается по наследству, подобно левитам в Старом Завете, тогда как в Новой Благодати этого не должно быть. А<лексей> С<тепанович> говорит — всякий, кто выдержит курс богословия, мой ли сын или ваш, мужик ли, того и посвящай, а то определили занимать эти важные места одних только сыновей из духовного звания, оттого и корыстолюбие в них сильно вкоренилось, ибо им нужно запастись деньгами для детей, и будучи озабочены семейством, не радят о своей должности, так как они обязаны учить своих прихожан, и к то-

му же они, хотя семинаристы и учены, но совершенно необразованны, а если бы всякому званию предоставлено было по экзамену занимать духовные места, тогда бы тут были священники и из дворян, и из богатых купцов, и действительно так было до Императрицы Анны Ивановны,¹⁴⁴ которая [по своей глупости и будучи постоянно пьяна] установила этот порядок».

Возвратившись из церкви, долго сидели мы с А<лексеем> С<тепановичем> в гостиной, а барыни гуляли в саду; А<лексей> С<тепанович> всё занимался детьми, смеялся и играл с ними, и между прочим пробо-вал свою силу, делая разные *tours d'adresse*.¹⁴⁵ За обедом опять спорили о вольности людей, А<лексей> С<тепанович> говорит, что рабство не в духе христианства, и на возражение, будто в России иначе не может быть и не должно и будто это не возбраняется и по Евангелию, он гово-рит, что Спаситель в гражданские законы не вмешивался, что Спаситель приходил устроить Церковь, а не государство, и если бы Он при прише-ствии в мир захотел быть земным Царем, то, конечно, непременно бы был им, а только из великого смирения и по своей воле не захотел это-го, следовательно, и мы не должны быть господами над подобными нам людьми, и смеялся, что когда мы умрем, тогда наши кучера и лакеи с кнутом будут гнать (наши тени) нас по ночам, приговаривая: «иди в такой-то адский квартал то за тем, то за другим», и уверял еще, что мы тоже и воры, ибо крадем дни у наших крестьян. Со всем этим, по правде сказать, нельзя не согласиться, а в заключение в наших местах весьма часты случаи многосечения и истязания розгами крестьян и вообще злоупотребления помещичьей власти, о чем меня (В<ладимира> И<вановича>) уездный предводитель несколько раз спрашивал официаль-но по разным случаям, то я также официально, по принятому порядку, отвечал, что обращение такого-то соседа или соседки с своими крестья-нами мне неизвестно, на что А<лексей> С<тепанович> сильно горячил-ся, доказывая, что я поступал неблагородно, скрывая истину и отдели-ваясь казенными ответами.

Толковали также много о Киреевских, что они не исполнили завеща-ние покойной нашей тетки Анны А<лексеевны> и не отдали еще денег Всеволоду Демидову, и жалели очень К<иреевских>, что они так посту-пили.*

Перед вечером Хомяковы уехали в Богучарово — очень жаль их бы-ло, ибо неприятно и полезно провели мы время (Сл<ова> з<амечан-ний>).

23 августа, перед отъездом в Москву с сыном В<ладимир> И<ванови>ч заезжал в Богучарово: «Приехав туда, застали Хомяковых за сто-

* Впоследствии Никита С<тепанови>ч К<иреевски>й отдал завещан-ные деньги В. П. Д<емидов>ву, сколько мог.

лом, и мы тут отобедали, — я хотел было продолжать путь в Москву, но А<лексей> С<тепанович> не пустил, и мы остались ночевать, — очень весело провел свое время, только по временам делалось грустно расставаться с своими. Рассказывали Хомяковы, что Софья Осиповна возвратилась из Киева, куда ходила с своими на богомолье, и хочет начинать строить церковь и общину в своей Жалыбенке с 8 тысяч<ами> руб<лей> асс<игнациями>, никто не может разуверить ее, что это вещь невозможная, надеется на сборы и на обещания разных лиц, но это неблагоприятно, хотя надежда в этом случае на Бога весьма похвальна. Алексей Степанович советовал ей открыть сначала подписку, тогда она увидит по подписке, какое количество денег может надеяться иметь, и тогда приступать к делу, а с ее средствами не доведет она церкви до крыши. А<лексей> С<тепанович> обещает пожертвовать ей сто тысяч кирпичу, если подписка окажется достаточною; бранили также много К<онстантина> И<вановича>, все его трогают, тогда как он никого никогда не касается. Сказывали, что в Москве Донского архимандрита Феофана отрешили от места и назначили на покой в дальний монастырь, а Зыкова участь еще не решена.¹⁴⁶ Долго я сидел с Марьею А<лексеев>ною.

После ужина до часу не ложились, много шутили в кабинете, — дал мне Михайло Гаврилович * гомеопатического лекарства от спазм, которыми так давно и так жестоко страдаю, А<лексей> С<тепанович> уверил меня, что со мною сделаются страшные корчи, он знал, что я мнителен, я испугался, поверив ему, но лекарства все-таки принял. Небольшие спазмы мучали ночью. Рано утром нехотя уехали в Москву на почтовых» (Слова зам<ечаний>).

В конце декабря, а именно 18-го числа, приехала в Москву одна Марья А<лексеевна>, а молодых Хомяковых еще нет, остались хозяйничать в деревне; сказывала она, что С<офье> О<сиповне> много подписали в Туле на общину и А<лексей> С<тепанович> подписал ей тоже довольно и содействовал ей. Алексей Степанович с семейством возвратился в этом году в Москву дня за два до Рождества, и всё это время провел он в Богучарове. **

1851-й год. Раз за обедом у Хомяковых некто вздумал с обидою толковать о наследстве, которое будто желают получить от него, то этот разговор Хомяковы тотчас прервали; ибо Алексей С<тепанович> и Катерина Мих<айловна> не привыкли, чтобы у них серьезно говорил кто-нибудь неприятности, тем более крайне неосновательные.

* Своехотов.

** В деревне А<лексей> С<тепанович> всего больше читал и писал, а как развлечением пользовался охотою с борзыми и гончими.

Советовался В<ладимир> И<ванович> с А<лексеем> С<тепановичем> насчет хозяйства, и А<лексей> С<тепанович> полагает, что следует теперь же, в январе, продавать рожь, которая должна подешеветь, ибо надеются на богатый урожай в текущем году. Морозы в эту зиму однако были сильные, и в газетах пишут, что в некоторых местах (как, напр<имер>, в Курской губ<ернии>) замерзло много людей. В газетах же есть, что юнкера Брянского полка Соколова, 45 лет, за подстрекательство крестьян к неповиновению разжаловали в солдаты. Говорил А<лексей> С<тепанович>, что общего их с В<ладимиром> И<вановичем> хорошего приятеля тульского архиерея Дамаскина¹⁴⁷ перевели в Олонец, но Дамаскин, поняв, что это вежливый намек, чтобы он подал в отставку, так как он и так немало имел неприятностей по службе, подал прошение, чтобы его перевели на покой в белевский монастырь, где он впоследствии и умер. На место его назначен ректор Киевской Духов<ной> Академии Димитрий,¹⁴⁸ которого посвятили 4 марта, его очень хвалят как человека ученого и образованного. Он близко сошелся с Алексеем Степановичем, который всегда очень его уважал. С уважением говорит также о нем и автор Замечаний, который тоже по А<лексею> С<тепановичу> с ним познакомился и был в хороших отношениях. Здесь следует заметить, что знакомство с Пр<еосвященным> Дамаскиным было основано у А<лексея> С<тепановича> чисто на помещичьих связях, как храмостроителя с местным архиереем: притом Дамаскин был человек простой и общительный, не особенно ученый и едва ли распорядительный, любил знаться с помещиками и часто посещал их. Вновь уже назначенный Преосвящ<енный> Димитрий* был человек распорядительный, но без излишней строгости, а напротив того, весьма снисходительный и кроткий в христианском смысле этого слова, и крайне нелюбостязательный, за что А<лексей> С<тепанович> особенно уважал его, но главные дружественные связи с Пр<еосвященным> Димитрием были у него потому, что он часто советовался с ним и толковал по духовным ученым вопросам, ибо Димитрий был человек ученый и весьма образованный.

О свиданиях за всё это зимнее время с А<лексеем> С<тепановичем> рассказывается, что было много общих обыкновенных разговоров о разных московских событиях и новостях, справедливых и, быть может, сплетнях. Всех занимало, как решили участь Зыкова, зарезавшего княж<иню> Голицыну; 24 января его, несчастного, как сказано в Замечаниях, везли на эшафот по улицам, над головою палач переломил шпагу; он на 20 лет осужден в каторжную работу; говорят, что было большое стечение народа и экипажей, знакомые и родные Зыкова навзрыд

* Ныне Архиепископ Херсонский и Одесский, назначен на место Иннокентия.¹⁴⁹

плакали, сам он очень болен и слаб, всё время заключения в остроге проводил в молитвах. Говорят, что князь Сергей Михайлович Голицын¹⁵⁰ просил за него графа Закревского, чтобы его не возили по улицам на эшафоте, но граф не согласился.

Еще были новости, что какой-то откупщик подмешивал в вино вредное зелие для крепости вина, отчего было много смертных случаев и в народе пошли толки, будто откупщик подкуплен Венгерцами отравлять нас, — кой-где были и беспорядки, разбили кабаки, и действительно открылось, что откупщик очищал вино посредством купороса, его потребовали было в Петербург, но он отравил себя ядом.

Еще рассказывали ужасы: один купец отравил отца своего и теток для получения наследства; другой богатый купец Горшков зарезал своего отца кинжалом, за что Государь велел судить его в 24 часа, и он осужден на вечную каторгу в Сибирь.

Некая госпожа Леонтьева, будучи в связях с офицером кн<язем> Оболенским, уморила своих детей варварским образом, посадив их в мешок, бросила в холодную комнату, где они с голоду умерли, а третьего заперла в тесный шкаф, в котором она истязала его вместе с своим любовником, но граф Закревский, узнав об этом, прислал его взять, и несчастного мальчика успели спасти, он и рассказал в полиции всё, что с ним делали.

Также по семейным обстоятельствам какой-то генерал удавился. Свои люди зарезали помещика Самсонова, который будто на охоте застрелил собаками мальчика за то, что он бросил в собак камнем, и под<обное>. Еще сказывали, что в военном госпитале истопник бросился с кочергою на главного доктора оного Пфёля¹⁵¹ и сильно ушиб его. — Подобные новости, важные и ничтожные, с обычными пересудами занимали сколько нужно тогдашнее московское общество, и говорилось об этом и в доме Хомяковых, как и везде.

Так как А<лексей> С<тепанович> (см. выше) принимал участие в Гриббе, который женился на своей двоюродной племяннице, то В<ладимир> И<ванович> сообщал ему об огорчении Гриббе, что, по представлению Митрополита Филарета, Гриббе Высочайше повелено разойтись с женою впредь до окончательного решения дела, а его из командиров внутреннего гарнизонного батальона в Москве перевели в Образцовый полк в Царское Село, вроде причисленного сверх штата и, кажется, без жалованья.

Вечером (6 марта) отправился В<ладимир> И<ванович> к Хомяковым, нашел их за столом, обедали у них их родные Языковы¹⁵² и Шеппинг;¹⁵³ долго сидел у А<лексея> С<тепановича>, с которым долго не видались по той причине, что Катерина Михайловна боялась бывшей в доме Хитровых кори, оттого Х<итрово> и не ездил. Говорили о рас-

пространившемся слухе относительно освобождения дворовых людей, в августе текущего года. А<лексей> С<тепанович> уверяет, что так скоро этого не может быть, потому что еще не решено, будут ли праздновать юбилей 25-летия царствования Государя Императора, по недостатку денег, коих в нынешнем году 30 милл<ионов> сер<ебром> недостает в казне по приходу, а что точно говорят, будто есть проект освободить дворовых людей, чего казне нельзя сделать без денег, ибо при освобождении дворовых следует их выселить в степи для избежания беспорядков.

Заезжал (15 марта) к А<лексею> С<тепановичу> с погребения своей хорошей знакомой Катерины Сергеевны Герард,¹⁵⁴ которую знал и А<лексей> С<тепанович>. Говорили об ней, и как ее любил М<итрополит> Филарет, с коим она очень часто видалась. Он сам и отпевал ее у Троицы в Зубове, где отпевали и покойную тет<ушку> Анну Ал<ексеевну> Дем<идову>. Разрешительную молитву при предании земле читал сам митрополит, читая которую, он прослезился, ибо очень уважал Катерину Сергеевну и привык к ней. Она каждую неделю по несколько раз ездила к нему и по пути иногда заезжала на Покровку к В<ладимиру> И<вановичу>, жившему там в Казенном переулке, у Якова Ап<остола>¹⁵⁵ и всегда расточала разные похвалы Высокопреосвященному, которому на самом деле цены не знала, называя его Викарием Христа, о чем и говорено было выше по поводу шутки Хомякова по сему. Кат<ерина> С<ергеевна> скончалась весьма преклонных лет, ей было около девяноста лет, но она была бодрa и свежа. Суждение о ней с А<лексеем> С<тепановичем>. Она была отличная христианка и добродетельная женщина. В ее доме получали прекрасное образование разные бедные сироты; после ее смерти остались у нее в доме две бедные сироты,¹⁵⁶ которые у нее жили, одна из них дочь бывшего священника Покрова в Левшине,¹⁵⁷ она дала ей отличное образование. У Герард было прекрасное состояние, которое она большею частию употребляла на духовные цели, так, ее воспитанницы вышивали постоянно разные богатые облачения в храмы, сама же она одевалась необыкновенно просто и даже оригинально, она вообще не любила роскоши¹⁵⁸ и была умная женщина. Она известна была Москве по своим близким отношениям к митрополиту Филарету, который часто у нее бывал и в праздники присылал к ней чудовских певчих¹⁵⁹ поздравлять ее. В ее комнатах было всё, что могло только напоминать митрополита: не говоря уже о большом количестве его портретов в разных видах, у нее стояли на столах и модели его домово́й церкви¹⁶⁰ и покоев как на тро́ицком подворье,¹⁶¹ так и в скиту. С особенным тщанием приказывала она убирать в своем большом саду, что в Штатном переулке на Пречистенке, беседку, где за просто под сению расцветших деревьев пил у нее чай владыка. Она при

жизни много ему жертвовала, и поэтому он отпевал ее без всякого зова, единственно как хороший знакомый, что она знала и вперед; при описываемом погребении сам выносил ее несколько по Пречистенке, провожал, сколько позволяли ему его слабые силы, когда погребальная колесница следовала в Новодевичий монастырь, где она и похоронена.

Во время великого поста В<ладимир> И<ванович> часто встречается А<лексея> С<тепанови>ча на церковных службах в молитвах и посте, которого А<лексей> С<тепанович> всегда строго держался.

На святой неделе, в субботу, Х<итрово> встретил в Кремле Алексея С<тепанови>ча с Аксаковым, спорящих с раскольниками, но их трудно уговорить, так они упрямы (слова З<амечаний>).

Дня через два был у А<лексея> С<тепановича>, с которым мы спорили, сначала я его затронул, зачем он ходил в Кремль спорить с раскольниками,¹⁶² — и что я слышал от одного знакомого, там бывшего, будто они его переспорили и что он стал в тупик. Он уверяет, что это неправда, в чем я не сомневаюсь, ибо не знаю человека, который мог бы переспорить Хомякова или привести в недоумение: он на всё сумеет возразить, и так находчиво, то если и неправо судит, то шутками и криком отыграется, он спорил со мною и уверял, что я католически сужу, напр<имер>, верю в мытарства, которых будто вовсе не существует, и загробной молитве об умерших и под<обное>.

Нашел здесь нового богучаровского управляющего Загрядского, который сказывал А<лексею> С<тепановичу>, что вновь назначенный тульский преосвященный Димитрий проездом из Петербурга на епархию ночевал в Богучарове в доме А<лексея> С<тепановича>, а в церкви служил всеночную. Пришла Марья А<лексеев>на в кабинет, начала жаловаться, что она больна и скоро умрет, А<лексей> С<тепанович> утверждал, что она здорова и больна воображением, она кричала и горячилась, что чуть жива, и стала уверять, что у нее челюсть отпала, — разинув рот, велела Загрядскому щупать себе челюсть, мы все уверяли ее, что она целехонька, но она никак не соглашалась, а спорит, что в Дрездене несколько десятков лет тому назад доктор сказал ей, что у нее отпала челюсть, а А<лексей> С<тепанович> спорил с нею, что доктор тот жид и врал. Он часто спорил с нею в этом роде, например, у них был однажды в Богучарове большой спор о том, кто переложил печь в гостиной — А<лексей> С<тепанович> доказывал, что он, а Мар<ья> Ал<ексеевна> переспоривала его, что она, и бранила его за противоречие. Потом А<лексей> С<тепанович> уехал в гости, а мы остались одни с Марьей А<лексеевной>, которая стала вспоминать о своей покойной сестре, и зашел разговор об ее духовной, — бранила сына, зачем он отдал 40 тысяч Киреевским, говорит, что Анна А<лексеевна> ей их подарила, на это я заметил ей, зачем же она сама сказала им при мне, что

она должна Anne Ал<ексеевне> эти 40 тыс<яч>, а поэтому и стали К<иреевские> их спрашивать, то А<лексей> С<тепанович> и отдал их по чести, хотя не было ни векселя, ни расписки, но она продолжала горячиться, ибо, на самом деле, всё сделалось не так, как желалось А<нне> А<лексеевне> при жизни и в Рябчах, которые после были проданы ее же племяннику по мужу, завелись вообще другие порядки.

9 мая собрались все у А<лексея> С<тепановича> и очень приятно провели время; находились больше в саду, где сам А<лексей> С<тепанович>, Бестужев и друг<ие> прыгали через куст, палку и стул, пробовали свое искусство, но лучше всех прыгал Гобертс, англичанин молодого Докторава,¹⁶³ который играл с детьми Хомякова.

20-го мая, на именины А<лексея> С<тепановича>, собрались к нему много гостей, мужчин <так!> и дам, поздравлять. А<лекс>ея С<тепанови>ча не было, когда пришел В<ладимир> И<ванович>, он ходил к обедни в Чудов монастырь: Катерина Мих<айловна> сказывала, что А<лексей> С<тепанович> дал задатку княг<ине> Черкасской за пензенское имение 11 тыс<яч> руб<лей> сер<ебером>, а не ассигнациями, которые должны пропасть, ибо она их не возвратит, но Марья А<лексеевна> этого не знает и не подозревает, что 10 тыс<яч> серебром, а ей сказали, что ассигнациями, иначе беда будет, если она это узнает. Когда пришел А<лексей> С<тепанович>, долго с ним об этом говорили: уговаривал его лучше отказаться от задатка, потому что посланный им человек в Пензу пишет, что земли там всего 200 десятин хорошей, а остальная вся глина и песок, крестьяне совершенно разорены и беспреестанно их поджигают. А<лексей> С<тепанович> хочет дожидаться возвращения Загрядского, которого он на днях послал осмотреть подробно имение, и тогда решится на что-нибудь, впрочем, он уже объявил Черкасской, что он, может быть, откажется от ее имения, та рассердилась и теперь везде бранит его на чем свет стоит. Очень она недобросовестно поступила, обманув А<лексея> С<тепановича> добротой земли, но он ее защищал, что всякий должен хвалить свое добро, и винил себя, зачем покупал, веря на слово, и наказывается теперь за свою неосмотрительность и легковерие; я утверждал, что она должна возвратить задаток, и того же мнения был находившийся тут С. П. Шевырев, но А<лексей> С<тепанович> настаивал на своем, и Д. Н. Свербеев поддерживал А<лексея> С<тепановича>.

Летом, находясь в деревне, не видались с А<лексеем> С<тепановичем>, но встретил его в конце августа в Москве при приезде туда. А<лексей> С<тепанович> ездил нарочно сюда на несколько дней и сбрил бороду, потому что был зван на вечер к Вел<икой> Кн<ягине> Екатерине Михайловне.¹⁶⁴

Вскоре он возвратился назад в Богучарово, а большую часть лета провел в Смоленской деревне. В августе этого года по случаю празднования двадцатипятилетия царствования императора Николая I, Государь и вся Царская фамилия была в Москве, прибыв из Петербурга в первый раз по вновь отстроенной железной дороге.

В половине ноября приезжал опять в Москву А<лексей> С<тепанович> навещать Марью А<лексеевну>, которая с осени одна здесь; А<лексей> С<тепанович> вовсе не нашел ее столь больною, как ему писали, и говорит, что так и надеялся, что найдет ее не такою, как его уведомили, ибо она очень мнительна. Когда несколько ослабнет, то тотчас начнет жаловаться на болезнь и уверять, что ночью умрет, и чтобы ей тотчас прислали духовника исповедоваться, а когда заспорит, то очень громко начнет говорить.

Около двадцатых чисел декабря Хомяковы приехали в Москву совсем из деревни, где они долго всегда любят прожить.

Помещен рассказ об А<лексее> С<тепановиче>, делающ<ий> честь его добродетели, именно: он получил на святках (при В<ладимире> И<вановиче>) письмо от одного гарнизонного офицера, который пишет, что, провояжая арестантов в одной деревне, украли у него 50 руб<лей> сер<ебром> казенных денег, то просит его помочь ему, что он бедный человек, не имеет возможности пополнить эту сумму и что его предадут суду, то А<лексей> С<тепанович> дал ему эту сумму. Это обстоятельство осталось для других, кроме свидетеля, неизвестным.

Еще в другом месте своих Замечаний В<ладимир> И<ванович> рассказывает про Хомякова, что когда он рассказывал ему про одних бедных соседей своих У** (Ульянинских)¹⁶⁵ по Коледину, которых подожгли, то А<лексей> С<тепанович> сам с Марьею А<лексеев>ною предложил им денежную помощь¹⁶⁶ и впоследствии не раз давал им денег на помощь. В<ладимир> И<ванович> часто говорит об А<лексее> С<тепановиче>, что он помогал бедным.

1852-й год. Этот год, с начала его, был несчастный для семейства Хомяковых.

Неожиданно, 26 января, получили известие с Собачьей площадки, что Катерина Михайловна опасно больна: она простудилась, сделалась у нее горячка, и вдобавок выкинула и теперь без всякой надежды. Я (В<ладимир> И<ванович>) сейчас же отправился к Хомяковым, нашел А<лексей> С<тепановича> в кабинете за обедом с родными, еще были А. И. Кошелев¹⁶⁷ и Павлов.¹⁶⁸ А<лексей> С<тепанович> до того изменился, что поразил меня, сделался точно шестидесятилетний старик, говорит, что никакой нет надежды, чтобы Катерина Михайловна была жива. Ее сообщили Свят<ых> Таин и ожидают конца, начала уже бредить, меня это очень огорчило. А<лексей> С<тепанович> плачет и про-

сил меня, чтобы я уехал, а завтра чтобы приехал, не понимаю, для чего он прогнал меня, с чувством пожал мне руку и заплакал; я пошел от него к Марье А<лексеевне>, которая тоже встретила меня с плачем; расспрашивал про Катерину Михайловну: она простудилась, гуляя в своем саду, сделалась у нее горячка и воспаление в груди, а теперь она, говорят, уже при последнем издыхании.

27 (воскресенье). В полдень поехали навестить больную к Хомяковым, подъезжая к крыльцу, сердце замерло: на крыльце сказали нам роковую весть, что Катерина Михайловна вчера в 11 час<ов> 30 мин<ут> ночи кончила жить!..¹⁶⁹ Я прошел к Алексею Степановичу, нашел его разговаривающим с Кошелевым, но не тревожил его, а сел на кресло и грустно задумался, А<лексей> С<тепанович> подошел ко мне и тоже начал плакать. Неожиданна была эта смерть женщины, полной жизни, в какую-нибудь неделю, что она была больна.

По рассказам А<лексея> С<тепановича>, доктора много виноваты в ее смерти тем, что они дали порошок (каломель),¹⁷⁰ от коего она преждевременно родила, и умерла более от изнеможения сил, чем от болезни, впрочем, от чего бы то ни было, а ее нет на свете. Тело лежит в маленькой зале,¹⁷¹ я ходил туда с генералом Плещеевым, а в большом зале шьют покров.

Марья Ал<ексеевна> очень поражена, сказывал Вас<илий> Ив<анович>,¹⁷² что с нею ночью и сегодня по утру, когда А<лексей> С<тепанович> был у обедни, сделались такие сильные судороги, что полагали, что она умрет. Детей я не видал, они наверху, ходила к ним моя сестра. Много приезжало навещать А<лексея> С<тепановича>, который сильно поражен своим несчастьем и как бы убит горем, но покорно и твердо переносит его, и велика его христианская покорность — он сам не мог бы придумать лучшего счастья, какое дал ему Бог; впрочем, велика и утрата его, они друг друга страстно любили.

28 <января>. Взяв ванну, отправился я к Хомяковым; нашел у А<лексея> С<тепановича> Шевырева, Шеппинга, Кошелева, Генер<ала> Шатилова, Василия Павловича Охотникова,¹⁷³ Свербеева и много других знакомых мне и незнакомых мужчин и дам. Вскоре по нашем приезде началась панихида с певчими, и многие дамы плакали. После панихиды открывали лице умершей, она очень изменилась и стала портиться.

Слушал у Марьи Алексеевны в кабинете молебен; к концу пришел А<лексей> С<тепанович>, когда священник начал поминать за здоровье «Марию и Алексея со чады», — он, подошед ко мне, сказал с большим душевным движением: «А Екатерину не поминают», тут стояла сестра Катерины Мих<айлов>ны Прасковья М<ихайловна> Бестужева; они, обнявшись, горько плакали.

Потом долго сидели в кабинете, всё более разговаривали о Кат<ерине> Мих<айловне> и рассуждали о ее болезни, рассказывал А<лексей> С<тепанович>, что Овер¹⁷⁴ большую сделал ошибку, дав ей порошок, от которого она родила, что прочие доктора Альфонский,¹⁷⁵ Клименко и особенно Кильдишевский¹⁷⁶ были против этого, да и Овер сам тоже говорил, что она может умереть, если дать ей этот порошок каломель, и, несмотря на это, прописал ей его, она вскоре после этого и выкинула; некоторые оправдывают Овера, что иначе нельзя было сделать, потому что у Катерины Михайловны были воспаление и горячка вместе, и начинался тиф. Вообще этот разговор был крайне оживленный и в виду гроба уже поздний, то так как А<лексей> С<тепанович>, несмотря на кажущуюся твердость, говорил и оспаривал все эти доводы с сильным душевным движением, между прочим, что 25-го Кат<ерине> Мих<айловне> так полегчало, что он, Алексей Степанович, полагал, что она не только вне опасности, но и выздоровела, другие говорили, что доктора не виноваты, но что поздно их призвали и под<обное>, и решили спор тем, что тут явно действовал Промысл Божий, о чем особенно хорошо говорил Степан Петрович Шевырев, и А<лексей> С<тепанович> смирился духом.

29-го назначено было погребение; приехав к Хомяковым, нашли тут уже много съехавшихся отдать последний долг умершей; вся эта грустная обстановка, притом при всей своей неожиданности, чрезвычайно грустно подействовала на меня, и я находился в сильной ажитации, которая и без того часто тревожит меня. Увидав меня, подошел ко мне А<лексей> С<тепанович>, взял меня под руку, и долго ходили с ним по зале, он говорил мне, что получил себе сегодня утешение душевное, которое приписывает Кат<ерине> Мих<айловне>, что это ее молитвы произвели, а именно: вчера вечером Марья А<лексеев>на сделала ему по обыкновению ужасную сцену, бранила его как попало, А<лексей> С<тепанович> от расстройства сам рассердился, — все эти брани происходят оттого, что Мар<ье> Ал<ексеевне> вообразилось, что А<лексей> С<тепанович> ее не любит, и это подозрение продолжается несколько лет (по моему мнению, это от ревности, ей хотелось бы, чтобы он кроме ее никого не любил). Сегодня утром (дн<ем> от 29) опять была сцена, и наконец, по убеждению А<лексея> С<тепанови>ча, Марья А<лексеев>на дала ему слово, что с сегодняшнего дня не будет более к нему придирается и что теперь она верит, что он ее любит, — он говорит, что это как бы благословение свыше. Алексей Степанович как ни крепится, но видимо, как огорчен; спорит, чтобы рассеять всё более и более наступающую тоску: на мое предложение, чтобы он молился о Катерине Михайловне, намекая на то, что он всегда спорил, что наша молитва за усопших не приносит душе пользы и что даже частное приношение

жертвы за душу не нужно, что Церковь вообще молит за всех, А<лексей> С<тепанович> говорил опять в этом же духе, и говорил еще, что вдовство есть духовное монашество, что надобно жить в чистоте более духовной, т. е. не прилепляться сердцем уже ни к какой женщине, а пребывать ей верным до самого гроба, — я отвечал, что при духовной чистоте надобно соблюдать и телесное, вообще же его смирение в несчастии, его поразившем, большое. Во время совершения печальной церемонии выноса и отпевания, на которое привели и всех детей, мужество не один раз оставляло всегда твердого А<лексея> С<тепанович>а, удрученного великим горем, особенно сильно выражающимся в эти печальные торжественные минуты. Тело предано земле в Даниловом монастыре;¹⁷⁷ у монастырских врат встре<ти>л его архимандрит с братиею, гроб до могилы с родными и знакомыми нес А<лексей> С<тепанович>.

Так описывается у Хитрова это печальное обстоятельство в жизни А<лексея> С<тепановича>, имевшее на него столь сильное влияние. В последующее за погребение<м> время А<лексея> С<тепановича> часто навещают его приятели, некоторые приезжавшие даже нарочно из Петербурга навестить его, но он постоянно грустен и притворно весел и много спорит с бывающими у него; ездил он в Опек<унский> Совет торговаться на имение. В это время приезжал нарочно из деревни навещать Хомякова его двоюродный брат Никита Степанович Киреевский (о нем б<ыло> выше) и из Петербурга Алексей Владимирович Веневи<тинов>.¹⁷⁸

21 февраля застал А<лексея> С<тепановича> в хлопотах насчет отпевания Николая Вас<ильевича> Гоголя, к нему приезжал какой-то господин от попечителя Назимова¹⁷⁹ с просьбою о том, чтобы он похлопотал, чтобы Гоголя отпевали в Университетской церкви.¹⁸⁰ Был Киреевский,¹⁸¹ который приносил А<лексею> С<тепановичу> весьма глубокомысленную книгу о братолюбии; А<лексей> С<тепанович>, пробежав ее, начал было критиковать некоторые места, но Киреевский остановил его тем, что подобные сочинения не должно разбирать литературным порядком, как простое сочинение, а читать с благоговением, перекрестившись сначала.

25 февр<аля> приехал к А<лексею> С<тепановичу>, нашел его рисующего портрет Катерины Михайловны, который очень ее напоминает. Застал у него Ф. В. Чижова и Бестужева, — был религиозный спор. Дня через три (28) опять навестил А<лексея> С<тепановича> и застал его за портретом Катер<ины> Мих<айловны>: у него были Бестужевы, Геркен¹⁸² и друг<ие>. Долго я с А<лексеем> С<тепановичем> посидел и разговаривал о покойной Катерине Михайловне, я спрашивал у него, намерен ли он жениться, говорит, что никогда, и что после Кат<ерины> Мих<айловны> никого не может любить, в чем я его поддерживал. Рас-

суждали о том, что достойно всякого порицания и осуждения, если после жены, с которой был очень счастлив, и особенно имея от нее детей, вздумаешь вторично жениться.

(3 марта) Спорили с А<лексеем> С<тепановичем> за одного знакомого, про которого Бестужев рассказывал некоторые его любовныехождения, и А<лексей> С<тепанович> начал строго и резко судить его. По поводу таких споров, у Хомякова, когда справляли сороковой день по Кат<ерине> Мих<айловне> (5 марта), читали разные выписки из духовных книг, но он перебивал чтение; перервал чтение о словах Святит<ителя> Димитрия,¹⁸³ где он говорит, что молитвою, милостынею, а наипаче Бескровною Жертвою можно умиловать Господа и освободить душу из ада, А<лексей> С<тепанович> вскочил и начал уверять, что Святитель Димитрий этого никогда не писал (он его очень уважает), что читавший выписки клеветает на него, и когда сей последний доказал ему, что это точно слова Димитрия Ростовского, то он возразил — я и ему не верю. Потом начал бранить Стефана Яворского за его Камень Веры, называя его сочинение не Камнем Веры, а Кирпичем веры, еще обругал архиерея Питирима¹⁸⁴ и упрашивал бывшую тут Софью Петровну,¹⁸⁵ дочь Бестужевых, чтобы она не верила мытарствам, в чем его поддерживали и другие. Духовный разговор прервался приездом Писемского¹⁸⁶ и Шевырева. За обедом А<лексей> С<тепанович> не ел рыбного, потому что был великий пост, и всё время проговорил с Круаза, рассказывая ему о разных злоупотреблениях помещицкой власти и притеснениях, учиняемых крестьянам. После обеда А<лексей> С<тепанович> ходил к вечерне в свой приход, к Николе на Песках.¹⁸⁷ Марья А<лексеевна> все кряхтит и жалуется на боль.

30 марта, на Пасху, ездил к А<лексею> С<тепановичу>, с полчаса посидел, нашел его грустным, он после обедни ездил в Данилов монастырь на могилу Катерины Михайловны. Марья А<лексеевна> насмешила, говорит, что у нее сохнет во рту, потому что в желудке начинается антонов огонь,¹⁸⁸ — это возбудило общий смех, и она призналась, что она мнительна и боится умереть.

2 апр<еля> заезжал к А<лексею> С<тепановичу>, у которого нашел Бестужевых и Коссовича *¹⁸⁹ и был разговор о том, что многие члены англиканской церкви желают вступить в лоно православия,¹⁹⁰ и А<лексей> С<тепанович> по этому поводу переписывался с членами Синода и теми из англичан, которые просили об этом Греческих Патриархов; эти отказали им, то они обратились к нашему Синоду, и в этом случае А<лексей> С<тепанович> также оказывает свою искреннюю готовность разъяснить этим ищущим Православие главные начала оног

* Казтан Андреевич Коссович, профессор С<анк>т Петербургского Университета и известный санскритолог.

и желание содействовать им всячески в благом деле, ибо хотя очень мало число англичан, желающих вступить в Православие, но здесь важно положить начало, которое может служить побудительным примером и для других.

(9 апр<еля>) Рассказывали тоже, что будто нижегородского архиепископа Иеремию¹⁹¹ за ссору с губернатором кн. Урусовым¹⁹² (предложение в рукописи оборвано. — Е. Д.).

А<лексея> С<тепановича> навещали профессор Грановский,¹⁹³ Аксаковы, Бестужевы и Свербеев. Марья А<лексеев>на приметно слабеет и страшно боится умереть, хочет собороваться маслом, а между прочим не перестает ссориться с Алексеем Степановичем, — ибо у них после смерти Катерины Михайловны большие идут беспорядки в доме. А<лексей> С<тепанович> действительно до сих пор не мог еще взяться за это и ничего не знает, как у него по хозяйству, потому что слишком поражен кончиною жены, то ему не до этого. Впрочем, по домашнему хозяйству насчет провизии и под<обного> всегда любила заниматься Марья Ал<ексеев>на сама¹⁹⁴ и предолго держит у себя повара, когда заказывает ему обед.

P. S. Если он изготовит что-нибудь нехорошо, то М<арья> А<лексеевна> покричит на него и, так как она больше стала лежать в постели и почти не вставала, то, подзвав его к постели, снимет с себя башмак и пошлепает им повара, насколько позволят ей ее старческие силы, но это как со стороны других, так и виновного возбуждает скорее смех, чем огорчение.

Рассказывал я Алексею Степановичу, что у моего приятеля князя Мещерского встретил я князя Голицына, племянника Мещерского, женатого на дочери сестры его Софьи Павловне Чертковой,¹⁹⁵ за которой они отдали приданого дом свой у Троицы на Арбате¹⁹⁶ и деревню в срок тысяч годового дохода, а у самого Голицына покуда еще ничего нет, а ожидает выиграть процесс, который имеет с братом своим, тогда получит тысячу душ; он родился и воспитывался в Париже и крещен в католическом законе и был подданный французский, поэтому имение его матери 5 000 душ в Смоленской губ<ернии> велено было конфисковать, то дед их купил его на свое имя, чтобы сохранить им его, — теперь по возвращении их в Россию и подданство, этим имением завладел брат с матерью, и ему не дали ничего, почему у него завязался процесс. Служил он по возвращении из Франции в гусарах на Кавказе и, женись на Чертковой прошлого года, отрекся от католического вероисповедания по убеждению и принял нашу Православную веру, — А<лексей> С<тепанович> находит, что хотя обращение Голицына в православную веру весьма похвально, но вряд ли сделано им по искренному убеждению, и сомневается, не сделал ли он этого ввиду получаемого наследства

и чтобы удержать за собою женино имение, и полагает, что обращение таких господ не бывает всегда прочно, что иезуиты, имеющие всегда самое сильное влияние на таких господ, рано или поздно постараются захватить их в свою среду.

А<лексей> С<тепанович>, толкуя и споря о разных предметах, всё рисует с большим усердием портрет покойной жены,¹⁹⁷ — был тут и К. Аксаков, который тоже был против меня, они, не принимая никаких учений и толкований Свят<ых> Отцев, принимают только Евангелие и Апостолов, а оба отличные христиане, каким дай Бог быть всем тем, которые до утонченных подробностей принимают все существующие толкования древних и новейших толкователей Свящ<енного> Писания.

(11, 15, 20 апр<еля> в сл<овах> замеч<аний>) Рассуждали о нынешней погоде, говорят, что для хлебов это очень вредно, ибо в полях до сих пор снег не сходил, и говорят, что санный путь по проселкам лучше, чем зимою.

1 мая у А<лексея> С<тепановича> было много гостей поздравлять, но особенного оживления не было.

Алексей Степанович с семейством провел лето в Смоленской деревне и свидание с ним (18 авг<уста>) в Богучарове, где А<лексей> С<тепанович> рассказывал новость, что ходят тревожные слухи о холере, которая свирепствует уже в Варшаве. А<лексей> С<тепанович> всё грустит по Кат<ерине> Мих<айловне>, Марья А<лексеев>на очень похудела и постарела, и ужасно боится умереть, всё уверяет, что у нее водяная в голове.

Она в Москву приехала одна, зимою, А<лексей> С<тепанович> остался в деревне по хозяйству.

1853 год. Алексей Степанович возвратился из деревни только в январе этого года, и (17 янв<аря>) был у него, нашел его еще спящим; когда он встал, ходил к нему в кабинет, очень приятно было свидеться. Приходил к нему какой-то чужак — поляк — всё просил у А<лексея> С<тепановича> написать ему технических терминов для охоты, которые он намерен собирать и печатать.

Ездил А<лексей> С<тепанович> в Рязань покупать имение с аукциона 450 душ, по 650 руб<лей> за душу; воротился 22 ян<варя>.¹⁹⁸ Приходил К. Аксаков. Спорили относительно образа Спаса Нерукотворного, А<лексей> С<тепанович> говорит, что это не истинное происшествие и много было спора в этом роде, — Аксаков поддерживал его и на выражение, что А<лексей> С<тепанович> неправославно рассуждает, Аксаков уверял, что напротив того, но что его не понимают.¹⁹⁹

А<лексей> С<тепанович> всегда очень любил спорить о религиозных предметах и в этих спорах нарочно придерживался различных про-

тивоположных мнений, то так, то иначе, чтобы посредством спора разъяснить себе яснее, что бы за и против мнения, которое он поддерживал.

Случалось с ним иметь прегорячие споры по несколько часов, он сам тоже при этом очень горячится, но трудно его в чем-нибудь урезонить, так как он очень <горячится>.

Двадцать шестого числа, в день годовщины кончины Катерины Михайловны, были мы все в Даниловом монастыре и служили панихиду, потом ходили на ее могилу слушать литию.

Разные споры и толки с А<лексеем> С<тепановичем>, больше о религиозных вопросах, основанием чего всё служат одни и те же недоразумения. Говорится, от 28 марта, об одном подобном споре, в котором участвовал слепец Серебряков, познакомившийся с А<лексеем> С<тепановичем> через профессора Шевырева. Этот Михайло Алексеевич Серебряков²⁰⁰ рассказывал про себя, что он будто был научен особым духовным образом и был сначала философ антихристианский, но что теперь совершенно покаялся и что ему было видение во время болезни, именно будто во сне явилась ему сама Богоматерь и т. д. В этом роде он рассказывал про себя, стараясь собою заинтересовать, но на самом деле человек он умный. Спор завел он тоже с А<лексеем> С<тепановичем> насчет книги о поминовении умерших душ, которую давал читать Х<итрово> и на которой он сделал отметки против доводов разных учителей Церкви, то Серебряков говорил ему, что он злоупотребляет своею ученостью и даром слова, и что он горд умом. С ним через Хомякова познакомился и автор этих записок, которому в этот год выпало особенное счастье на слепцов, именно на это лето он разыскал к себе в гувернеры одного иностранца слепца, с которым тоже познакомил и он с своей стороны Серебрякова. Этого слепца зовут Вильгельм Францович Гольдштам; человек очень приятный и веселый, прекрасно поет на разных языках, но он собственно немец и обладает обширною памятью, почему прекрасно знает математику и историю, но берется за всё, занимается лечением посредством магнетизма и разным гаданием. Конечно, не для этого приглашал к себе В<ладимир> И<ванович> сего В<ильгельма> Ф<ранцевича>, но единственно для развлечения, чтобы приятнее провести время в деревне, тем более, что посредством разных разговоров на иностранных языках это могло быть бесполезно и для детей в вакации.

Алексей Степанович говорит, что от него вообще вреда не может быть никакого, пусть его поет и гадает и занимает всех в деревенской скуке и уединении, но Марья Алексеевна много горячилась, зачем он берет его, что он жид (у нее все немцы жида, сказано в Замечаниях).

26 апреля, на святой, приехал ко мне Алексей Степанович, часа два у нас сидел, большой был у меня с ним спор о Дионисии Ареопагите,

утверждает, что его сочинения²⁰¹ не существуют, когда с лишком тысячу лет вся Церковь их принимает. Я уже начал делать духовные выписки и показывал их ему несколько раз. Вчера он ехал ко мне, но в Кремле его окружили раскольники, которые собираются там всю святую неделю, и он с ними проспорил до самого вечера, оттого и не попал ко мне.

В мае ездил к нему прощаться, ибо отправляемся в деревню.

18 июля, из Коледина ездили мы в Богучарово, приехали к обеду, стол уже был накрыт, а А<лексей> С<тепанович> купался. Вечером ходили гулять в Дуброво и всю дорогу проспорили. Марья Алексеевна не выходит из комнаты, сделалась очень слаба; у нее сидела всё время Софья Осиповна.

19 июля. Были все у обедни. После обедни приходили к А<лексею> С<тепановичу> священники; так как тут идет следствие дьячка с священником за грубости, то А<лексею> С<тепановичу> хочется их помирить, о чем он хлопочет и настаивает, чтобы дьячок просил прощение у священника, а то Преосвященный велел перевести его в другое село. Марье А<лексеев>не тоже жаль дьячка, но нельзя идти против священника, ибо дьячок действительно оскорбил его.

Утро мы с А<лексеем> С<тепановичем> гуляли по роще и всё спорили, он ужасно мудрствует и никак его не уредишь. К обеду приехали Ротмистровы и Протопопов²⁰² и дети Хомяковых из Слободки.²⁰³ Марья Алексеевна в ужасной тревоге, что нам угрожает война с Турками, сторону которых держит Англия и Франция, переговоры всё еще продолжаются, а войска наши заняли уже Молдавию и Валахию, однако все журналы утверждают, что будет мир, чего и все желают.

Вспоминали о спорах за загробную жизнь, то А<лексей> С<тепанович> сказывал мне, что у него есть описание одного священника в Смоленске, который обмирал будто бы и имел разные видения, но не дает мне прочесть, как я ни упрашивал, говоря, что это вздор, ибо не верит мытарствам, поэтому не хочет мне дать, а посылал попросить это описание у Марьи А<лексеев>ны, которой он отдал его. Я пошел к Марье А<лексеев>не, думая, что у нее действительно оно есть, но она удивилась и стала уверять, что в первый раз про это слышит, и что А<лексей> С<тепанович> меня обманывает, — потом пресерьезно сказала: помилуйте, теперь не до мытарств, на нас идут Турки и вся Европа, куда мы денемся с несчастными детьми? Мы много смеялись этому с А<лексеем> С<тепановичем>.

После обеда А<лексей> С<тепанович> достал и дал мне эту тетрадку о священнике обмиравшем, чему я очень рад был. Каково было мое удивление, когда, приехав вечером в Тулу, стал я читать тетрадку, которая оказалась стихотворение про какую-то Адель и Аннету, и очень

смеялись с моею сестрою этой галиматии. Ну, думал я, этим видениям Алексей Степанович смело может не верить.

Любопытны разговоры помещиков о предстоящей войне. Еще она не начиналась, а уже в избытке русского патриотизма, некоторые заслуженные люди уверяли уже, что нам нечего бояться Англичан, что Французы будут с нами, а не против нас, и что мы непременно, как дважды два четыре, возьмем Константинополь и совсем вытесним турок из Европы. Быть по сему. Рекрутский набор уже объявлен, а в Москве, говорили, открылась холера.

Проездом в Москву, 18 августа, были опять в Богучарове; ездили после обеда на охоту и брали с собою сыновей на долгой линейке (долгуше).²⁰⁴ Возвратились назад пешком уже поздно и были встревожены, узнав, что один из охотников заболел припадками холеры, почему я не поехал, а остался ночевать в Богучарове, и до двух часов не ложились спать, всё спорил с А<лексеем> С<тепановичем> и очень горячо (о Божией Матери) — я удивляюсь ему, как он глубоко богословствует; Марья А<лексеев>на сердилась на него, говоря, что он много заимствовал от реформатов. На другой разговаривали с студентом Козаковым,²⁰⁵ который не соглашается также с А<лексеем> С<тепановичем> относительно духовных мнений Хомякова.

Вчерашнему больному стало лучше.

Кроме войны, которая была объявлена и началась уже, вся Москва занялась разговорами и толками о пишущих тарелках. Говорили даже в домах высшего общества такие вещи, что наприм<ер>, когда у тарелки спрашивают об умерших, то она пишет: «такой-то в рай, а такой-то в аду» и под<обное>.

Распустили в публике об этих пустяках мнение Высокопреосвященного Митр<ополита> Филарета, который будто говорил, что попусшением Божиим за наши грехи дьявол говорит посредством тарелок и что здесь скрывается волхование, чего Митрополит никогда не говорил. Говорили, что баронесса Розен,²⁰⁶ бывшая тогда в хороших отношениях с митрополитом, рассказывала, что она была свидетельницею, как один дерзкий вольнодумец осмелился спросить: сколько лет Богу? — и вдруг стол с шумом упал и рассыпался, а пишущая тарелка разбилась вдребезги.

В конце октября приехала из Богучарова Марья А<лексеев>на, ездил к ней, и она толковала о пишущих тарелках: был у ней такой рассказ, что один молодой человек, некто Окулов, который ничему не верит, спросил: есть ли Бог? — тарелка отвечала: если ты еще раз спросишь, то сейчас умрешь. Различные мнения о пишущих тарелках, что это тайное действие подземной адской силы или просто действие магнетизма.

Уведомляла, 1 ноября, Марья А<лексеев>на, что приехал А<лексей> С<тепанович>, и я ездил к нему. Он приезжал на один день, по тому

случаю, что один приятель его защищает диссертацию в университете, и сегодня же в ночь опять едет в деревню, а совсем хочет переехать к Рождеству. Многие приятели приезжали видеться с А<лексеем> С<тепановичем>.

Слышал здесь новость, будто приехал курьер с известием, что в Азиатской Турции князь Барятинский²⁰⁷ разбил семнадцатитысячный турецкий авангард. Смешной рассказ, забавлявший всех, как одна вольноотпущенная дворовая женщина прибегала к своему барину (знакомому Хомяковых) в сильном испуге спросить: правда ли, что народился Антихрист и идет с турками на нас, и что турки выбрали в Патриархи Антимоса какого-то, и что этот Антимос и есть именно антихрист. Не лучше были рассказы и образованного сословия в Москве, что вся Европа перевернется вверх дном благодаря могущественному влиянию России, и об этом будто предсказывали как различные чудесные знамения на небе, так и пишущие тарелки.

Россия одержала в этом году две победы: князь Андроников²⁰⁸ разбил Турок наголову близь Ахалциха, а адмирал Нахимов²⁰⁹ уничтожил при Синопе весь Турецкий флот. Всеобщий поэтому восторг в Москве.

В это время в Москве ходили тоже слухи, что Наполеон²¹⁰ отравлен; об этом много говорили в высших слоях московского общества. Наши победы над Турками произвели весьма неблагоприятное впечатление на всю Европу, которая явно восстает на нас, особенно Англия и Франция, и в Москве думали, что нам угрожает всеобщая европейская война, если это зимою не заключим мира с Турциею.

Обо всех этих обстоятельствах рассказывается осенью и зимою 1853 года.

Дня за два до Рождества приехал из Богучарова Алексей С<тепанови>ч, то В<ладимир> И<ванович>, нашедший теперь по своим семейным расчетам удобнее для себя переехать с Покровки на Арбат в конце декабря, тотчас поспешил видеться с Хомяковыми. Встретил у А<лексея> С<тепанови>ча генерала Тинькова,²¹¹ Бахметева,²¹² Мамонова и Елагина²¹³ (25 декабря). Был здесь разговор о политике, которая теперь исключительно занимает всех; сказывали у А<лексея> С<тепановича>, что флоты английский и французский выступили в Черное море и хотят блокировать Одессу и Севастополь, против которых не в состоянии драться наши корабли. Это поселило во всех смущение, но ободряются пущенным слухом, что Наполеон внезапно умер.

Разговаривали как-то с А<лексеем> С<тепановичем> о стологадании; он смеется этому, как забаве. Однако оно наделало шуму по Москве; ходило между прочим по рукам слово митрополита Филарета, что гадать на столах грех. Пробовал и В<ладимир> И<ванович> сам гадать, положив на стол тарелку с карандашем и бумагою, он с своим постоян-

но лечившим у него доктором заставил ее вертеться и писать: выходили какие-то буквы не совсем понятные, но все-таки были видны слова и цифры, а иногда просто иероглифы какие-то. Эти опыты на досуге он часто повторял с своими домашними. Доктор говорил ему, что это ни что иное, как действие магнетизма, что мысли, переливаясь током из мозга на пальцы, которые держат на тарелке, заставляют писать ее, но без всякого предвещения. (Конец 1853 года).

Комментарии

¹ Хомякова Марья Алексеевна (1771–1857) — дочь майора Алексея Никитича Киреевского (1745–1812), мать А. С. Хомякова; похоронена в тульском имении Богучарово. Бибикова Надежда Степановна (1761(?)–1835) — дочь подпоручика Степана Ивановича Бибикова (1729–1790), тетка М. А. Хомяковой (мать М. А. Хомяковой — Анна Степановна Киреевская (урожд. Бибикова; 1754–1781) — приходилась старшей сестрой Н. С. Бибиковой); замуж не вышла, похоронена в некрополе Донского монастыря. Демидова Анна Алексеевна (1773–1844) — сестра М. А. Хомяковой, тетка А. С. Хомякова и В. И. Хитрово. Демидов Евграф Амосович (1777–1830(?)) — муж А. А. Демидовой, сын Амоса Прокопьевича Демидова (1753–1806), внук Прокопия Акинфиевича Демидова (1710–1786(?)). Демидова Елизавета Амосовна (1778–1827(?)) — жена гвардии прапорщика Ивана Герасимовича Хитрово, мать В. И. Хитрово.

² На Большой Ордынке в приходе церкви святого великомученика Георгия на Всполье находился дом Киреевских (ныне № 41), которым владел А. Н. Киреевский, а затем его сын С. А. Киреевский (см.: *Бусева-Давыдова И. Л., Нащокина М. В. и др.* Москва: Архитектурный путеводитель. М.: Стройиздат, 1997 (далее — *Бусева-Давыдова*. Москва). С. 252). Здесь родился А. С. Хомяков. В 1817–1821 гг., видимо, на месте прежде сгоревшего, был построен каменный двухэтажный дом. В письмах Е. М. Хомяковой в 1837 г. неоднократно фигурируют «за Москворецкие тетушки» <так!> и обеды «за Москвой-рекой» (Искусство. 1928. Кн. 1–2. С. 163, 166–167; ср.: *Мазур Н. Н.* К ранней биографии А. С. Хомякова // *Лотмановский сборник*. М.: ОГИ; Издат. центр РГГУ, 1997. Т. 2. С. 216). От вдовы С. А. Киреевского Натальи Васильевны (1781–1847) дом на Большой Ордынке перешел в 1838-м или 1839 г. к купцам Шапошниковым. Есть сведения, что три деревянных одноэтажных дома на Большой Ордынке (№ 42–44) до середины XIX в. принадлежали «сестрам Бибиковым» (см.: *Шмидт О.* Замосковоречье. 2-е изд. М.: ГПИБ, 2000. С. 186–187).

³ Хомякова Анна Степановна (7 февраля 1806–1839) — младшая сестра А. С. Хомякова; с 1836 г. замужем за родственником, штабс-капитаном артиллерии В. И. Хомяковым, воспитывавшим после ее смерти сыновей Ивана (1837–?) и Степана (1838–1894).

⁴ В конце XVIII в. к Хомяковым перешло владение князей Щербатовых на Петровке. В начале XIX в. им здесь принадлежало два дома: один, деревянный,

переживший пожар 1812 г., находился на углу Петровки и Кузнецкого моста (снесен в 1890-х); другой, по соседству, построен С. А. Хомяковым, по-видимому, по проекту архитектора О. И. Бове в 1824 г. (*Сорокин В.* По древней дороге в Боярское Кучково село Высокое // *Наука и жизнь.* 1991. № 2. С. 75; Там же. 1983. № 1. С. 69; *Мазур.* К ранней биографии. С. 218). Это здание унаследовали сыновья А. С. и В. И. Хомяковых (см. коммент. 3).

⁵ Хомяков переведен из Астраханского кирасирского полка в лейб-гвардии Конный осенью 1822 г., через два года стал думать об увольнении от службы, в конце 1824 г. подал прошение об отставке, которая состоялась 7 марта 1825 г. (*Мазур.* К ранней биографии. С. 218; ср. с письмом брата Хомякова, Федора, к матери от 2 февраля 1825 г., где говорится о необходимости Алексею воспользоваться увольнением и поехать за границу: ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 37, л. 15 об.).

⁶ Хомяков вернулся в Москву в начале 1830 г.

⁷ 14 апреля 1828 г. высочайшим манифестом была объявлена война Турции; 28 апреля Хомяков выехал из Петербурга на фронт (письмо С. А. Хомякова жене от 24 мая 1828 г.: ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 38, л. 14) и вскоре получил назначение в гусарский полк принца Оранского.

⁸ Мадатов Валериан Григорьевич (1782—1829), князь — генерал-лейтенант; командующий русской армией в русско-турецкой войне 1806—1812, участник войны 1812 года и русско-персидской 1826—1828 гг., во время русско-турецкой войны в 1828 г. находился в армии, действовавшей в европейской Турции. Хомяков занял место при нем в январе 1829 г. В 1830-х Хомяков совместно с М. Е. Коцебу и И. М. Бакуниным составлял книгу «Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова» (СПб.: Печатано в тип. Крайя, 1837); Хомяковым как свидетелем последних месяцев жизни князя написана заключительная часть книги.

⁹ 18 марта 1830 г. «штаб-ротмистр А. С. Хомяков» был в Российском Благородном собрании на концерте (см. сделанную им запись в «Визитерной книге» Благородного собрания: *Временник Пушкинской комиссии.* М.: Наука, 1988. Вып. 22. С. 64).

¹⁰ Фамилия дана полностью на полях. В 1830 г. все три сестры Гончаровы были членами Российского Благородного собрания: имена Екатерины (1809—1843), Александры (1811—1891) и Натальи Николаевны (1812—1863) встречаются в «Книге для записи дам и девиц — членов собрания на 1830 г.» на правом листе, где записывались незамужние девицы.

¹¹ Кодзоков (Кадзоков) Дмитрий Степанович (Лухман Магометович; 1818—1893) — общественный деятель; кабардинец, в конце 1820-х ребенком привезен М. А. Хомяковой в Москву с Минеральных вод; в 1834 г. окончил пансион профессора М. Г. Павлова, в 1838 г. — словесное отделение Московского университета. С 1839 г. жил в Пятигорске, нашел на Кавказе своего отца — Магомета Кодзокова. В письмах к М. А. Хомяковой называет ее «любезной матушкой». В завещании, составленном ею 1 мая 1844 г., сообщается, что «Дмитрий Степанов сын Кодзоков» — черкес, родом из Пятигорска, губернский секретарь (ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 88, л. 8—8 об.). См.: *Кумыков Т. Х.* Жизнь и общественная деятельность Д. М. Кодзокова. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изда-

тельство, 1962; *Андронников И.* Лермонтов: Исследования и находки. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1967. С. 473–479. Письма Кодзокова к А. С. и М. А. Хомяковым 1839–1840 гг. опубликованы: *Дзамихов К. Ф.* Эпистолярное наследие Д. С. Кодзокова из фондов Государственного Исторического Музея // *Кавказиология: Электронный журнал.* 2019. № 1. С. 123–127, 128–169 – копии писем Кодзокова (далее – *Дзамихов.* Наследие Кодзокова).

¹² Сретенское, Богучарово (Бучарово) тож – имение Хомяковых в Тульском уезде Тульской губернии (см.: *Троицкий Н. И.* С. Богучарово. Родина Ал. Ст. Хомякова. Тула: Тип. Н. К. Конышевой, 1914; *Юркин И. Н.* Тульские помещики Хомяковы в екатерининскую эпоху // *Хомяковский сб.* С. 253; *Мир и музей.* 1999. № 1. С. 18–19).

¹³ Имение А. А. Демидовой в Алексинском уезде Тульской губернии; при ней здесь начато строительство каменного храма во имя Спаса Нерукотворного. Имение с 1840-х гг. принадлежало В. К. Куликовской.

¹⁴ Сатина Софья Михайловна (после 1800 – 27 апреля 1858) – дочь статского советника Ивана Михайловича и Анны Сатиных.

¹⁵ Хомяков Степан Александрович (1767–1836) – отец А. С. Хомякова; сын лейб-гвардии поручика Александра Федоровича Хомякова. В службу вступил капралом в 1776 г. в Преображенский полк; оставил военную карьеру в 1796 г. поручиком лейб-гвардии Конного полка. В 1801 г. избран предводителем дворянства Тульского уезда (вновь выбран на эту должность в 1820 г.); с 1832 г. – сычевский уездный предводитель дворянства (его формулярный список, хранящийся в Вяземском филиале Государственного архива Смоленской области, см.: А. С. Хомяков: Проблемы биографии и творчества. Смоленск: СГПУ, 2002. (Хмелитский сборник. Вып. 5). С. 177–178); по другим сведениям, С. А. Хомяков – тульский уездный предводитель с 1817 по 1822 г. (см.: *Черноятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. М.: Тип. Губернского правления, 1907. Т. 1 (10). С. 35).

¹⁶ Киреевский Степан Алексеевич (1779–1835) – гвардии поручик, в отставке с 1801 г.; брат М. А. Хомяковой, был женат на Н. В. Киреевской (урожд. Тургенева).

¹⁷ Имение Хомяковых в Сычевском уезде Смоленской губернии, прежде принадлежавшее Грибоедовым; перешло к Хомяковым с женьитьбой деда Хомякова, Александра Федоровича Хомякова, на Анастасии Ивановне Грибоедовой в 1760-х гг. Подробнее см.: А. С. Хомяков: Личность – творчество – наследие. Смоленск: Гос. музей-заповедник «Хмелита», 2004. (Хмелитский сборник. Вып. 7). С. 180–188.

¹⁸ С. А. Хомяков скончался 2 (по другим сведениям, 4-го) апреля 1836 г. и похоронен в Богучарове, в церкви, построенной крепостным архитектором С. Александровым. С. А. Киреевский умер 9 октября 1835 г., похоронен в некрополе Донского монастыря.

¹⁹ Панины были соседями Хомяковых в Смоленской губернии: находившийся в опале с 1804 г. Никита Петрович Панин (1770–1837) жил в имении Дугино Сычевского уезда. В Москве они владели особняком на Большой Никитской улице, унаследованным супругой Панина Софьей Владимировной от отца –

В. Г. Орлова. Домовая церковь, расположенная в мезонине этого дома, в 1765 г. была освящена во имя преподобного Мемнона и девяти Кизических мучеников (см.: *Романюк С.* Из истории московских переулков. М.: Сварог, 1998 (далее — *Романюк.* Переулки). С. 103). В письме к П. А. Бестужевой в 1852 г. Хомяков называет днем свадьбы 6 июля (Хомяковский сб. С. 91, 118).

²⁰ Языкова Екатерина Михайловна (1817—1852) — дочь лейб-гвардии прапорщика М. П. Языкова (1774—1819) и Е. А. Ермоловой (1777—1831), сестра Н. М. Языкова. Знакомство Хомякова с ней состоялось не ранее второй половины 1835 г., когда она приехала из Симбирской губернии в Москву.

²¹ Хомяков Федор Алексеевич (23 июня — 22 октября 1838) — второй сын А. С. и Е. М. Хомяковых. В письме к П. М. Бестужевой Хомяков в конце октября — ноябре 1838 г. сообщал: «Второй раз веселие к нам в дом входит в виде младенца, и второй раз горестная потеря убивает наши надежды. Наш Фединька, которым мы так радовались, не остался с нами. Он обновил нашу церковь, которая еще не освящена <см. коммент. 18>. Два дня был он болен. Накануне смерти доктор, видя его, не полагал опасности, а на другой день 22-го окт<ября> он умер, кажется, душливым катарром. Воля Божия!» (ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 27, л. 136).

²² Хомяков Федор Степанович (1801 (или 1802) — 1829) — старший брат А. С. Хомякова, с апреля 1828 г. служил дипломатическим секретарем в канцелярии И. Ф. Паскевича в Тифлисе; скончался 15 января 1829 г., похоронен в тифлисской церкви Святого Георгия (*Давыдова Е. Е.* «Что год, что день, то связи рвутся...» (А. С. Грибоедов и братья Алексей и Федор Хомяковы) // Грибоедов и Пушкин. Смоленск: СГПУ, 2000. (Хмелитский сборник. Вып. 2). С. 190—224; *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков: Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М.: Новое литературное обозрение, 2000 (далее — *Кошелев.* Хомяков: Жизнеописание). С. 120—127; *Дзамихов.* Наследие Кодзокова. С. 167).

²³ Первым сыном Хомяковых был не Федор, а Степан (9 апреля 1837 — февраль 1838). Из письма Хомякова к П. М. Бестужевой от 22 февраля 1838 г.: «Бог даст нам других детей, может быть и лучше етого; но всё-таки первый не вознаградим потому самому, что он доставил нам и первый страх, и первую радость» (ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 27, л. 129 об.).

²⁴ Имение С. М. Сатиной-Хитрово — Каледино (Колядино) Крапивенского уезда Тульской губернии. В имении с 1754 г. — каменная церковь во имя Казанской Божией Матери.

²⁵ Имение Любимовка.

²⁶ Смерть была неожиданной. На известие о кончине А. С. Хомяковой письмом от 21 декабря 1839 г. отреагировал Д. Кодзоков, который не смог приехать на похороны: «...будучи вместе с дорогими моему сердцу, я бы мог плакать с вами <...> ибо Анету я очень и очень любил» (*Дзамихов.* Наследие Кодзокова. С. 154).

²⁷ Рябчи — усадьба Демидовых, расположена на реке Белизна, в 225 верстах от города Орел. В Любимовке не было церкви: здешним приходом была церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Рябчи, построенная

в 1819—1822 гг. на средства Е. А. и А. А. Демидовых (расширена в 1827—1829 гг.; см.: Из исторического описания церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Орел: Тип. Губернского правления, 1905. Т. 1). Позднее село Рябчи перешло к Владимиру Ростиславовичу Демидову.

²⁸ Демидов Владимир Ростиславович — гвардии поручик (1836), сын одной из дочерей Амоса Прокопьевича Демидова, Анны Амосовны Демидовой (1774 — после 1830), бывшей замужем «за Ростиславом Ивановичем по фамилии Демидов-Калмык (воспитанник ее отца)» (*Головищиков К. Д.* Род дворян Демидовых. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1881. С. 157—158); В. Р. Демидов был женат на Аграфене Васильевне Демидовой (урожд. Вепрейской).

²⁹ Имеется в виду село Островня Рославльского уезда Смоленской губернии. Пребывание Александра I «в селе Рябчихах, в доме помещицы Демидовой» описано в книге «Путешествие Его Величества Государя Императора чрез Орловскую губернию в 1823 г.» (Орел: Тип. Губернского правления, 1823. С. 27; см. также: Русская Старина. 1872. № 8. С. 144—146).

³⁰ Когда Д. В. Хитрово прибегает к формулам «Словами дневника», «Слова Замечаний» и т. п., он, судя по всему, включает в свои записки прямые цитаты из дневника отца.

³¹ По некоторым сведениям, деревянная Сретенская церковь села Богучарово известна с 1754 г., новая — построена на средства М. А. Хомяковой в конце 1820-х — 1836 гг. крепостным архитектором Сергеем Александровым, получившим вольную по завершении строительства (*Хомяков. Т. 8. С. 44*; см. также: Хомяковский сб. С. 139; *Мазур.* К ранней биографии. С. 201, 216). Освящение церкви и хлопоты в связи с этим упоминаются в письме Хомякова к Н. М. Языкову от 1 июля 1841 г. (*Хомяков. Т. 8. С. 103*). Дамаскин (1778—1855; Дмитрий Россов) — архиепископ Тульский и Белевский с 1821 г.

³² Этот адрес фигурирует на письме Хомякова из Липиц к жене от октября 1841 г. («На Арбате, против Ц<еркви> Никола Явленного, в доме г-жи Нечаевой»; см.: *Хомяков. Т. 8. С. 18*). Церковь святого Николая чудотворца Явленного (Арбат, д. 16), по преданию, построена в 1593 г. по повелению Бориса Годунова, название связано с тем, что в ней явилась исцеляющая икона святителя Николая. Храм неоднократно перестраивался в 1836—1860 гг.; снесен в 1931—1933 гг. (см.: *Романюк С.* Москва. Утраты. М.: Центр, 1992 (далее — *Романюк. Утраты*). С. 190—191). С 1849 г. в церкви Никола Явленного протоиереем был Павел Игнатьевич Беневоленский (1799(1800?)—1865) — профессор логики и психологии Московской духовной академии, духовник Хомякова (вероятно, отец Павел Беневоленский упомянут в дневнике И. В. Киреевского сентября 1853 г.: «Ездил к Священнику Беневоленскому»; см.: *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1966. Bd. 14. S. 181*). В 1852 г. Хитрово называет приходом Хомякова церковь Никола на Песках (см. коммент. 187).

³³ Отношения М. А. Хомяковой с сыном складывались непросто. По воспоминаниям П. И. Бартенева, она «вмешивалась во всё и, бывало, присылала свою девуку в кабинет к Алексею Степановичу с разными выговорами. Тот посылал ей ответ. Она возражала, и эти разговоры оканчивались тем, что девка являлась в кабинет и произносила: “Матушка приказала сказать вам, что у Вас

козлиная борода”. У нее был старший сын Федор Степанович, служивший в Министерстве Иностранных Дел и потом при Паскевиче на Кавказе, где он и умер в ранних летах. “Этот-то что, дурак, совсем дурак, а вот мой Федя!” — неоднократно говаривала она» (*Бартенева*. Воспоминания. С. 66—67).

³⁴ 2 апреля 1842 г. был издан указ об обязанных крестьянах, который разрешал помещикам заключать с крестьянами соглашения (по ним крестьяне переводились в вольные хлебопашцы, получая в пользование участки земли за определенные повинности). «Как ожидание указа здесь переполошило всех? Это было помора. У кого дрожь, у кого расстройства желудка и проч. Появился — и водворилось спокойствие <...> Покуда не будет размежеванья, не будет почти возможности разумных отношений между крестьянином и землевладельцем. Понимают ли эту простую истину? А все-таки хорошо, если хоть кто-нибудь попробует воспользоваться новым указом <...> Указ очень хорош тем, что не принудителен и не определен» (из письма Хомякова А. В. Веневитинову от весны 1842 г.; см.: *Хомяков*. Т. 8. С. 52—53). А. И. Кошелев отмечает, что указ об обязанных крестьянах «остался мертвою буквою» (*Кошелев*. Записки. С. 23).

³⁵ Киреевский Алексей Степанович (род. 1805) — один из сыновей С. А. и Н. В. Киреевских, двоюродный брат А. С. Хомякова, служил при В. Г. Мадатове, снискав у князя плохую репутацию (С. А. Хомяков сообщал супруге: «Ив<ан> Вас<ильевич> (Шатилов. — *Е. Д.*) показывал мне письмо Мадатова, как он дурно отзывался об Алексее Киреевском: имянно сими словами: “Сколько много доволен я Хомяковым, столько недоволен Киреевским”. Брату Ст<епану> Ал<ексеевичу> мы сего не сказывали, что его огорчать тем, что без поправки; а он всю теперь хлопочет около Петра Никиф<оровича> (Беклемишева (1770—1852), шталмейстера двора, родственника Киреевских по линии матери — Натальи Степановны Бибиковой. — *Е. Д.*), чтобы куда-нибудь Алексея поместить в Адъютанты. Горько подумать, что Бог его наказал таким сыном, которой имеет столь дурную репутацию» (8 июля 1829 г.; ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 38, л. 6; ср.: «Горько слушать, как дурно здесь все наши и родные отзываются о сыне почтенного Степана Алексеевича <...>» (из письма С. А. Хомякова к М. А. Хомяковой от 16 июля 1829 г.; Там же. Л. 10 об.). А. С. Киреевский был «известным повесой и неудачливым игроком» (*Мазур*. К ранней биографии. С. 222).

³⁶ Управляющий в Богучарове до 1850 г.; любопытное свидетельство находим в письме Н. М. Языкова к А. М. Языкову от 27 ноября 1843 г.: «На днях приехал в Москву <Д. Н.> Свербеев. Он целую неделю просидел в Богучарове <...> нашел Хомякова сидящим добропорядочно, в тепле, светло, здорово <...> Споры его, так сказать, не прекращаются, — у него управитель такой спорщик по части духовных дел и знаток Писания, что они беспрестанно в действии оба по этой части, даже в то время, когда ездят вместе на охоту» (*Языков Н. М.* Свободомыслящая лира: Стихотворения, поэмы; жизнь Н. Языкова по документам, воспоминаниям. М.: Московский рабочий, 1988. С. 281—282; далее — *Языков*. Свободомыслящая лира). По предположению П. И. Бартенева, Трубников был родственником А. Н. Попова (см.: *Хомяков*. Т. 8. С. 161; см. также с. 191).

³⁷ Охотникова Наталья Васильевна (1788—1858) — урожденная Шатилова, супруга гвардии корнета Павла Яковлевича Охотникова (1776—1841). Их дети:

дочери — Аграфена, Надежда (1810—1829), Анна (1820—1859) — и сыновья, Василий (см. ниже в тексте) и Николай (1811 или 1812—1864), женатый на С. В. Сабуровой. Усадьба Охотниковых на Пречистенке (ныне д. 32) — «одна из выдающихся классических построек» послепожарной Москвы (см.: *Бусева-Давыдова*. Москва. С. 287). «Вечера у Тетушки О<хотниковой>» упоминаются в письме Е. М. Языковой февраля 1837 г. (Искусство. 1928. Кн. 1—2. С. 160—161; А. С. Хомяков общался и с семейством Охотниковых, жительствовавших в 1831 г. в Петербурге; см.: *Мазур*. К ранней биографии. С. 215). С 1868 по 1915 г. в доме Охотниковых помещалась частная гимназия Л. И. Поливанова (*Шмидт* О. Пречистенка. Остоженка. М.: [Б. и.], 1994. С. 44); гимназия Ф. И. Креймана в 1871—1905 гг. располагалась на Петровке (№ 25) в доме Е. Н. Самариной, напротив Высоко-Петровского монастыря.

³⁸ Церковь святой Троицы в Зубове на Пречистенке построена в 1642 г.; перестраивалась в 1849 г., в 1933 г. разрушена (*Романюк*. Утраты. С. 179—180; *Романюк*. Переулки. С. 332—333).

³⁹ Петр Георгиевич, принц Ольденбургский (1812—1881) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант, член Государственного совета; в 1841—1859 гг. — президент Вольного экономического общества, с 1842 г. — председатель департамента гражданских и духовных дел.

⁴⁰ Рубини Джованни Баттиста (1795—1854) — итальянский оперный певец.

⁴¹ В. Б. Шапошников сообщает, что Хомяковы купили дом на Собачьей площадке у князя В. А. Лобанова-Ростовского (*Шапошников* В. В. Бытовой Музей Сороковых Годов. 2-е изд. М.: ГИМ, 1925. С. 10). В «Книге адресов столицы Москвы...», вышедшей в 1839 г., собственный дом на Собачьей площадке указан как владение Бориса Александровича Лобанова-Ростовского (коллежского советника, обер-прокурора 1 отделения 6 департамента Правительствующего Сената) и его супруги Олимпиады Михайловны (урожденной Бородиной) (см.: *Метелеркамп* В. Д., *Нистрем* К. М. Книга адресов столицы Москвы, составленная из документов и сведений... М.: Тип. С. Селивановского, 1839. С. 35). Н. М. Языков писал брату Александру 22 сентября 1844 г.: «Хомяковы переехали в Москву, в новокупленный дом, которого огромность вовсе поглощает всех их» (*Языков*. Свободомыслящая лира. С. 294).

⁴² Четьи-Минеи — полный годовой круг житий святых. В XVI в. над ними трудился митрополит Макарий, который со своими ближайшими помощниками за более чем 20 лет (с 1529 г.) собрал двенадцать месячных книг (Великие Минеи-Четьи митрополита Макария). В конце XVI—XVII вв. Четьи-Минеи стали трудом жизни Димитрия Ростовского, который был им предпринят по монашескому обету в 1684 г. и завершен в 1705 г. (первый том его Минеи был напечатан в 1689 г.). Любопытно, что зачастую сторонний взгляд сводил «московское» направление чуть ли не к содержанию Четьих-Миней: так, А. И. Тургенев, узнавши в ноябре 1844 г., что И. В. Киреевский будет издавать журнал «Москвитянин», подшучивает: «Навряд ли это состоится: Четья Минеи журнала не наполнить» (*Письма А. И. Тургенева И. С. Гагарину* // Символ. 1988. № 19. С. 199).

⁴³ Стефан Яворский (в миру Симеон; 1658–1722) — с 1700 г. — митрополит Рязанский и Муромский; с 1701 г. — местоблюститель патриаршего престола; с 1721 г. — глава Святейшего Синода. В проповедях и богословских трудах Стефан Яворский ориентировался во многом на католических писателей XVI–XVII вв. «Камень веры православным Церкви Святыя сыном на утверждение и духовное созидание, претыкающимся же о камень претыкания и соблазна на востание и исправление» (1713–1718) — антипротестантское и антипетровское сочинение (впервые издано только при Петре II и вновь запрещено при Анне Иоанновне) — «для XVIII века наиболее полное собрание догматических воззрений Православия по поводу иконопочитания, Святого Креста, мощей святых, Евхаристии, молитвенного призывания святых, поминовения усопших, литургии, постов, благих дел и других преданий Православия» (*Паламарчук П. Г. Прямой наследник Патриархов // Митрополит Стефан Яворский. Сказание об антихристе. Догмат о святых иконах.* М.: Паломник, 1999. С. 11). Творчеству Стефана Яворского и его современника и противника Феофана Прокоповича посвящена магистерская диссертация Ю. Ф. Самарина (1840–1844), работа над которой происходила в пору интенсивного общения с Хомяковым (см. письма Хомякова Самарину: *Хомяков.* Т. 8. С. 229–232; примечательно, что первый печатный экземпляр 3-й части диссертации «Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники» Самарин подарил именно Хомякову — две другие части не были разрешены к публикации). Подробный самаринский разбор «Камня веры» см.: *Самарин Ю. Ф. Избранные произведения.* М.: РОССПЭН, 1996. С. 43–59.

⁴⁴ Филарет (Василий Михайлович Дроздов; 1783–1867) — с 1821 г. — митрополит Московский; духовный писатель. В холодности митрополита по отношению к Хомякову в Москве и, напротив, в расположении за пределами города сказывалось его поведение как официального лица, почти государственного чиновника. П. И. Бартев отмечает: «Отношения А. С. Хомякова к митрополиту» Филарету были позднее <...> нарушены доселе неуясненным обстоятельством» (с 1850-х (?). — *Е. Д.*), — в доказательство чего Бартев приводит слова из одного из писем митрополита Филарета о «суемудрии г-на Хомякова» (*Хомяков.* Т. 8. С. 415).

⁴⁵ Щербатов Алексей Григорьевич (1777–1848), князь — генерал от инфантерии, в 1843–1848 гг. московский военный генерал-губернатор; в его канцелярии служил приятель Хомякова Н. Ф. Павлов.

⁴⁶ Дом Варвары Николаевны Бычковой (1799–1862) в Пречистенской части в Денежном переулке.

⁴⁷ 3 февраля — день праведных Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы.

⁴⁸ Валуев Дмитрий Александрович (1820–1845) — историк, археограф, любимый ученик Хомякова; племянник Е. М. Хомяковой, сын ее старшей сестры Александры Михайловны (1796–1822) и Александра Дмитриевича Валуева (1789–1841). Подробнее см.: *Кошелев.* Хомяков: Жизнеописание. С. 301–305, 308–311; *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. М.: Издательство Московского университета, 1997. С. 42–62.

⁴⁹ Мещерский Алексей Павлович (1797—1858), князь — сын князя Павла Ивановича Мещерского (см.: Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л.: Наука, 1989 (далее — Рассказы бабушки). С. 34—35); в службу вступил подпрапорщиком в 1815 г. в лейб-гвардии Семеновский полк, в 1820 г. переведен штабс-капитаном в Троицкий пехотный; через семь лет по болезни уволен майором.

⁵⁰ В 1839 г. Мещерский совершил путешествие по Европе, описанное им в «Записках русского путешественника: Голландия, Бельгия и Нижний Рейн» (М., 1842) и в книге «Очерки берегов Рейна и Швейцарии...» (М., 1844). В тексте Д. В. Хитрово неверно указана дата смерти Мещерского. Речь идет, видимо, о старинном имении Мещерских (впоследствии Озеровых) — селе Рековичи (или Руковичи) в Брянском уезде Орловской губернии. В XVII в. в селе было две церкви; в 1837—1846 гг. на средства двоюродной сестры А. П. Мещерского А. Б. Озеровой построен каменный храм Преображения Господня.

⁵¹ Мещерский Андрей Павлович (1802—1852(?)) — брат Алексея; по свидетельству Е. П. Янковой, князь Андрей был женат, имел детей (Рассказы бабушки. С. 35). Его супруга — Ольга Петровна Мещерская (урожденная Козлова).

⁵² Здесь кончается первая тетрадь «выписок» из «Замечаний...» В. И. Хитрово; вторая — имеет заглавие «Замечания В. И. Хитрово. О Хомякове. (Продолжение: 1844-й год)».

⁵³ Возможно, имеется в виду врач Р. Я. Блюменталь († 1862) (см.: Венгеров С. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Пг.: Т-во художественной печати, 1915. Т. 1. С. 65).

⁵⁴ 24 ноября — день великомученицы Екатерины — день ангела жены Хомякова Катерины Михайловны и одной из дочерей, Катерины Алексеевны, которой было в это время полтора года.

⁵⁵ Киреевский Никита Степанович (1813—1868) — брат Алексея Степановича Киреевского, двоюродный брат Хомякова, крестный отец его дочери Марии (Хомяковский сб. С. 182, 205). О женитьбе Н. С. Киреевского на французской актрисе см. ниже.

⁵⁶ Феофан (Феодор Александров; 1785 или 1786—1852) — с 1832 г. — настоятель московского Донского монастыря; церковный композитор. В 1850 г. переведен в Черниговскую епархию, затем в Калязин.

⁵⁷ Здесь кончается вторая тетрадь «выписок» Д. В. Хитрово; третья — озаглавлена «Замечания Владимира Ивановича Хитрово. — Об А. Ст. Хомякове. Продолжение» (на полях помечено: «3-я тетрадь»).

⁵⁸ Болотов Михаил Павлович (1810—1880) — титулярный советник, сын Павла Андреевича Болотова, внук Андрея Тимофеевича Болотова, автора знаменитых записок (в 1863 г. Ю. Ф. Самарин хлопотал о приобретении у М. П. Болотова черного автографа нескольких частей этих мемуаров; см. также публикацию М. П. Болотова: А. Т. Болотов. 1783—1833: Воспоминания о последних годах его жизни // Русская Старина. 1873. № 11. С. 738—753). Супруга М. П. Болотова — Александра Дмитриевна, урожденная Бибикина.

⁵⁹ Село Коледино (Колядино) Крапивенского уезда Тульской губернии принадлежало статскому советнику Ивану Михайловичу Сатину. Расположено при реке Солове. Каменная церковь во имя Казанской Божией Матери построена в 1754 г., в 1840–1850-х гг. храм перестраивался на средства В. И. Хитрово. См. также: Города и селения Тульской губернии в 1857 году... СПб.: Тип. Акад. наук, 1858. С. 173.

⁶⁰ Хитрово Иван Герасимович (около 1756–1845) — гвардии прапорщик, сын майора Герасима Кондратьевича Хитрово, муж Елизаветы Амосовны Хитрово; см. также Приложение.

⁶¹ Липицы — см. коммент. 17. К этому времени у Хомяковых было четыре ребенка: Мария (род. 17 июня 1840), Дмитрий (род. 27 сентября 1841), Екатерина (род. 24 мая 1843) и Анна (род. 29 октября 1844).

⁶² Сокорева Екатерина Ивановна (1780–1847) — предположительно из семьи тульского помещика, поручика Якова Григорьевича Сокорева, входила в ближайшее окружение М. А. Хомяковой (по свидетельству П. И. Бартечева, была ее близкой родственницей; см.: *Хомяков*. Т. 8. С. 6; ср.: *Искусство*. 1928. Кн. 1–2. С. 163).

⁶³ Хомякова Елизавета Александровна (1770(?)–1846) — сестра Степана Александровича Хомякова, приятельница М. А. Хомяковой.

⁶⁴ Трубицына Софья Осиповна (урожд. Кадеус) — дочь тульского дворянина Осипа Андреевича Кадеуса, подпоручица, жила в 6-ти верстах от Богучарова, в сельце Желыбинке (Желыбино, Аннино) Тульского уезда Тульской губернии (Хомяковский сб. С. 119). Сын ее — предположительно Александр Николаевич Трубицын (1827(?)–1847) — служил в Тульской палате Государственных имуществ, похоронен на Всехсвятском кладбище в Туле (*Черноятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. М.: Тип. А. П. Петцман, 1912. Т. 7 (16). С. 161). Община, основанная Трубицыной (позднее ставшей схиигуменьей Софией) в полуверсте от уездного города Болхова, в Орловской губернии, официально существовала с 1853 г.; в 1875 г. община переименована в Болховский Богородичный Всесвятский общежительный монастырь (в «Полном православном богословско-энциклопедическом словаре» основательница монастыря ошибочно названа «помещицей Трубецкой») (Полный православный богословско-энциклопедический словарь. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1913 (репринт. изд.: М., 1992). Т. 1. Стб. 385)).

⁶⁵ Д. А. Валуев умер 23 ноября 1845 г. в Новгороде, похоронен 26 декабря в Даниловом монастыре. О горе, которое пережила семья Хомяковых, потеряв «Митю», см. в письмах Алексея Степановича (к Н. М. Языкову от декабря 1845 г.; *Хомяков*. Т. 8. С. 112–113; к Самарину того же времени — Там же. С. 248–249).

⁶⁶ На полях против этого места сделано примечание: «(Понимается от имени Влад. Ив. Хитрово)».

⁶⁷ Имеется в виду сестра В. И. Хитрово — Екатерина Ивановна (1810–1872; замужем за М. И. Астраковым; ум. 1873); покойная тетушка — Анна Амосовна Демидова.

⁶⁸ Знаменитый роман Александра Дюма (Дюма-отец; 1802–1870) «Le Comte de Monte-Cristo» («Граф Монте Кристо», 1845–1846).

⁶⁹ Бестужев Петр Александрович (ум. после 1860) — с 1828 г. муж П. М. Языковой, сестры Е. М. Хомяковой; штабс-ротмистр в отставке, симбирский помещик, предводитель дворянства Сызранского уезда Симбирской губернии (в 1850–1853 гг.) (см. публикацию писем Хомякова П. М. и П. А. Бестужевым (1852–1858) в изд.: Хомяковский сб. С. 70–141).

⁷⁰ М. А. Хомякова и С. О. Трубицына ездили в Ростов Великий на богомолье, чтобы поклониться мощам святителя Димитрия Ростовского, признанным нетеленными в 1757 г. и хранившимся в храме Зачатия святой Анны в Спасо-Яковлевском Димитриевском монастыре (ежегодные крестные ходы происходили в день обретения мощей 21 сентября). В детстве А. С. Хомяков бывал в Ростове у знаменитого подвижника Амфилохия (1748–1824; в миру Андрей Константинович), гробового иеромонаха при мощах святителя Димитрия (Хомяков. Т. 8. С. 289; паломничество в Ростов описано в кн.: Рассказы бабушки. С. 272–274).

⁷¹ Софья Алексеевна Хомякова родилась 6 октября 1846 г. в Богучарове.

⁷² Хитрово Дмитрий Владимирович (род. 1 июня 1838). См. вступительную статью и Приложение.

⁷³ Загрядский (Загряжский) Алексей Александрович (род. 1820) — сосед Хомяковых по Богучарову, предположительно сын гвардии поручика Александра Дмитриевича Загряжского (род. 1795), в 1820–1840-х гг. депутата дворянского депутатского собрания Тульского уезда. В 1850 г. Загряжский сменил В. А. Трубникова в качестве управляющего хомяковскими имениями; по-видимому, он больше устраивал М. А. Хомякову (по словам Алексея Степановича, присутствие Загряжского «ее успокаивает» (Хомяковский сб. С. 107, 122)).

⁷⁴ Нетленные мощи святителя Тихона Задонского (1724–1783; в миру Тимофей Савельевич Кириллов (Соколов)) — духовного писателя, епископа Воронежского (с 1763 г.) — были обретены в 1846 г. В связи со строительством в Задонском Богородицком монастыре (Воронежская епархия) нового соборного храма в честь Владимирской иконы Божией Матери был разобран прежний «ветхий каменный храм и алтарь, под которым погребен был почивший архипастырь». При этом «оказалось, что склеп, под коим почивал святитель, от давности времени обвалился, гробовая крышка раздавлена кирпичами», но «облачение, в котором был погребен преосвященный Тихон, несмотря на 63-х летнее пребывание в сыром месте, найдено целым», а «тело его обретено нетленным» (<Эристов Д. А.> Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. М.: Книга, 1990. С. 231). Затем при гробе святителя Тихона неоднократно совершались исцеления; 13 августа 1861 г. в Задонской обители состоялось торжественное открытие его мощей.

⁷⁵ Петрушино — см. коммент. 13.

⁷⁶ Иван Яковлевич Карницкий. По-видимому, сын И. Я. Карницкого. Василий Иванович Карницкий (род. 1831) был учителем Закона Божия у детей Льва Толстого.

⁷⁷ Екатерина Михайловна в это время не оправилась после смерти брата — Николая Михайловича Языкова (ум. 26 декабря 1846). Известие о его кончине подорвало ее здоровье, и без того во второй половине 1846 г. расстроенное недомоганиями (11 января 1847 г. Хомяков писал, что осенью 1846 г. она не смогла приехать из Богучарова в Москву, чтобы повидать брата незадолго до его смерти; *Хомяков*. Т. 8. С. 114—115).

⁷⁸ Вопрос воспитания был животрепещущей темой для Хомякова не только в силу практических причин (к началу 1847 г. в его семье росли сын и четыре дочери), но и как одно из звеньев славянофильского учения (примечательны высказанные им позднее мысли в записке «Об общественном воспитании в России» (1850) и в письме к А. Д. Блудовой мая 1849 г. (*Хомяков*. Т. 8. С. 376—377)). Н. М. Языков извещал 15 апреля 1844 г. брата Александра: «На днях у меня обедали Хомяков и Свербеев; много было рассуждаемо и говорено о воспитании детей вообще, много о русском вообще» (*Языков*. Свободомыслящая лира. С. 288).

⁷⁹ Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — поэт, переводчик, критик, историк литературы; в 1834—1837 гг. секретарь Общества истории и древностей при Московском университете; в 1834—1857 гг. занимал университетскую кафедру истории литературы; с 1846 г. статский советник, в 1848 г. избран почетным доктором Пражского университета; с 1852 г. академик.

⁸⁰ Хомяковы выехали из Петербурга в заграничное путешествие 31 мая 1847 г.

⁸¹ В Лондон Хомяковы отправились из Остенде в августе 1847 г. на пароходе «Тритон».

⁸² Д. В. Хитрово, вероятно, допускает неточность при изложении записок отца: 7 октября 1847 г. Хомяковы не могли быть в Богучарове. В октябре они вернулись в Петербург, где пробыли некоторое время, потом «через Москву, не выдавшись ни с кем», по словам М. П. Погодина, уехали в Богучарово (из письма М. П. Погодина к Н. В. Гоголю от 5 ноября 1848 г.; см.: *Литературное наследство*. М., 1952. Т. 58. С. 832).

⁸³ Хомяков бывал во Франции дважды — в 1825—1826 и 1847 гг. Своими парижскими наблюдениями в феврале 1826 г. он делился с братом Федором: «Жить я здесь бы не хотел; но, с другой стороны, признаюсь, что нет города живее, прелестнее, занимательнее. Народ мне не нравится. Он ни то, ни се. Правление не согласно с его духом, и какое-то стремление к коммерческим оборотам или, лучше сказать, к деньгам (следствие конституции) так неловко вмешалось во французские души, что они, сколько мне кажется, потеряли свой природный характер»; отсюда вывод: Франция «ослабла, как человек после потрясений, несоизмеренных с его силами» (*Хомяков*. Т. 8. С. 9—10; ср.: с. 169—170; «Мнение русских об иностранцах» (1846) — *Хомяков*. О старом и новом. С. 120). От впечатлений о Париже как о хорошем лекарстве «от скуки», веселом городе: «веселом по своим художественным богатствам» и по живущим в нем людям (*Хомяков*. Т. 8. С. 90, 104), — после поездки 1847 г. не осталось и следа: «Всё мелко и как-то размельчает душу» (Там же. С. 412); в написанном в 1856 г. «Разговоре в Подмосковной» Хомяков вывел в Тульневе — своем alter ego — чело-

века, резко отрицательно относящегося к Франции и французской культуре. О хомяковском отношении к Англии см.: *Кошелев*. Хомяков: Жизнеописание. С. 357–363.

⁸⁴ Елена Павловна (урожд. Фридерика Шарлотта Мария; 1806–1873) — великая княгиня, жена великого князя Михаила Павловича (1798–1849); будучи разносторонне образованной, любила общество ученых, художников, музыкантов; ее салон с конца 1840-х гг. и особенно в начале царствования Александра II играл заметную роль в общественной жизни.

⁸⁵ Речь идет о революциях 1848 г.

⁸⁶ Бестужевы Петр Александрович (см. выше), Прасковья Михайловна (1807–1862) и их семеро детей: Наталья, Софья (ок. 1830–1877, в замужестве Давыдова), Владимир (род. ок. 1833), Михаил (1835–1886), Екатерина (в замужестве Плотникова), Сергей (1844–1906) и Мария († 1911, Родионова). См.: Хомяковский сб. С. 70–77, 85–86, 101, 104, 112–113, 118, 120, 124, 127, 135–137.

⁸⁷ В своих деревнях Хомяков боролся с разразившейся летом 1848 г. холерой «чистым дегтем» и конопляным маслом (см. его письмо А. Н. Попову от 28 июня 1848 г.: *Хомяков*. Т. 8. С. 173–176; ср. с медицинскими рекомендациями в письме Н. А. Елагинову от 20 июля 1848 г.; см.: РО РГБ, ф. 99 (Елагины), карт. 25, ед. хр. 33). Хомяков даже хлопотал через Попова о том, чтобы петербургские «чиновники» провели испытание предлагаемого им «лечения» (*Хомяков*. Т. 8. С. 175–176).

⁸⁸ Своехотов Михаил Гаврилович (1820–1870-е) — художник («самоучка», как свидетельствует П. И. Бартенев; см.: *Хомяков*. Т. 8. С. 112), врач-гомеопат, знакомый Хомякова (см.: Хомяковский сб. С. 97–98), сопровождал Д. А. Валуева в поездке по Симбирской губернии (см. об этом в письмах Н. М. Языкова осени 1843: *Языков*. Свободомыслящая лира. С. 279, 281) и в заграничное путешествие 1845 (Валуев скончался по дороге — в Новгороде — на руках у Своехотова).

⁸⁹ 26 августа — день святых мучеников Адриана и Наталии.

⁹⁰ 17 сентября — праздник мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

⁹¹ По свидетельству Н. М. Языкова, первым из славянофилов русский костюм надел в конце 1843 г. К. С. Аксаков, введший «в моду» шапки-мурмолки. «Теперь вся публика ждет Алексея Степановича, как-то он, дескать, сошьет себе святославку» (из писем к А. М. Языкову; *Языков*. Свободомыслящая лира. С. 281, 283). Спустя несколько месяцев — 22 апреля 1844 г. — А. Я. Панаева видела Хомякова на последней публичной лекции Т. Н. Грановского в Московском университете: тот был, к ее удивлению, «в суконной поддевке, красной рубашке, с волосами, стриженными в кружок» (*Панаева А. Я.* Воспоминания. М.: Правда, 1986. С. 153). Видимо, осенью 1845 г. Хомяков впервые отпустил бороду (см. выше). Прежде — летом 1844 г. — это же сделал Константин Аксаков; весной 1845 г. Шевырев, «пользуясь каникулами, отрастил себе бороду» и облачился в шелковую рубаху с кушаком (из письма А. И. Герцена А. А. Краевскому, август 1845 г.: *Герцен А. И.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изда-

тельство АН СССР, 1961. Т. 22. С. 242); с середины 1840-х гг. при бороде был и С. Т. Аксаков.

⁹² Константин Иванович Еринг (Эринг) — см. далее в тексте Хитрово.

⁹³ Инвентари — инвентарные правила, определявшие размеры наделов и повинностей помещичьих крестьян юго-западных и западных губерний. Инвентарные правила и возможности их усовершенствования живо интересовали Хомякова (в письме к А. И. Кошелеву 1852 г.; см.: *Хомяков*. Т. 8. С. 140; к А. М. Языкову 1854 г.; см.: Там же. С. 118; ср.: Хомяковский сб. С. 124—125).

⁹⁴ Бибиков Дмитрий Гаврилович (1791—1870) — с 1843 г. генерал от инфантерии, генерал-адъютант, с 1848 г. — член Государственного совета; в 1837 г. назначен подольским и волынским генерал-губернатором и киевским военным губернатором; по инициативе и под руководством Бибикова в 1844—1847 гг. были разработаны инвентарные правила.

⁹⁵ Голицын Андрей Михайлович (1792—1863) — генерал от инфантерии, в 1840—1846 гг. — тульский генерал-губернатор; в 1846—1853 гг. — губернатор витебский, моголевский и смоленский; с 1853 г. — сенатор.

⁹⁶ Чижов Федор Васильевич (1811—1877) — математик, литератор, впоследствии крупный промышленник; друг Н. М. Языкова и Хомяковых. В воспоминаниях о Н. В. Гоголе Чижов писал: «В Москве — помнится мне, в 1849 году — мы встречались часто у Хомякова, где я бывал всякий день <...>» (*Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя... М.: Тип. А. Якобсона, 1856. Т. 2. С. 240—241*).

⁹⁷ У Хитрово было две сестры: Екатерина Ивановна Астракова (см. выше, коммент. 67) и Варвара Ивановна (ум. 1883), замужем с 1846 г. за коллежским ассесором Н. Н. Константиновым.

⁹⁸ Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — историк, общественный деятель; в 1846—1848 гг. служил в Риге чиновником особых поручений при министре внутренних дел. По жалобе остзейского генерал-губернатора А. А. Суворова самаринские «Письма из Риги» (1848), широко распространенные в рукописи и осуждавшие засилие дворян немецкого происхождения в администрации прибалтийских губерний, привлекли к себе внимание властей. 4 марта 1849 г. Самарин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость; 17 марта из крепости привезен в Зимний дворец, где состоялась его личная беседа с императором Николаем I: в словах царя, освободившего его от наказания и повелевшего ехать в Москву к родителям, были не только «упрек и наставление», но и «что-то необыкновенно ободряющее» (из письма Самарина к А. О. Смирновой-Россет 6 апреля 1849 г.; см.: *Самарин Ю. Ф. Сочинения. М.: Изд. Д. Самарина, 1911. Т. 12. С. 379*).

⁹⁹ К приезду царской фамилии в Москву было приурочено освящение нового дворца в Кремле, А. А. Закревский в своем генерал-губернаторском доме дал роскошный праздник.

¹⁰⁰ Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф — с 1838 г. главноуправляющий II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, председатель департамента законов Государственного совета. Вместе с Д. Н. Блудовым из Петербурга в Москву прибыла его дочь Антонина Дми-

триевна, которая, по свидетельству И. С. Аксакова, «только и говорит всякому встречному и поперечному, что она едет в Москву и увидится с Хомяковым» (Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849. М.: Наука, 1988. С. 478). Блудовы остановились у родственника, «гостеприимного москвича» П. П. Писемского, в доме которого на Малой Дмитровке «мирно и дружелюбно» встречались «умственные знаменитости из разных литературных партий»; среди них Хомяков, по словам А. Д. Блудовой, «был блистательнейший» (Хомяков. Т. 8. С. 372–373; ср. свидетельство П. И. Бартенева: «Она и отец ее (в начале 1850-х гг. — Е. Д.) расположились в мою пользу и потому, что знали про мою близость к Хомякову, которого стихи и всё направление были им сочувственны»; см.: Бартенева. Воспоминания. С. 78).

¹⁰¹ Дмитриев-Мамонов Эммануил Александрович (1823–1883) — художник; по словам П. И. Бартенева, Дмитриев-Мамонов — университетский товарищ В. А. Елагина, «отменно даровитый человек, вполне художник, писавший карандашными очерками, а иногда и масляными красками очень схожие портреты, по большей части заочно» (Бартенева. Воспоминания. С. 86). О его талантах см. в письме Хомякова к А. Н. Попову; см.: Хомяков. Т. 8. С. 166–167.

¹⁰² Попов Александр Николаевич (1821–1877) — историк, юрист, приятель Хомякова; с 1846 г. служил в Петербурге во II Отделении Императорской канцелярии под началом Д. Н. Блудова (отзыв Хомякова о Попове в письме к А. В. Веневитинову весны 1842 г.; см.: Хомяков. Т. 8. С. 51). Исправим неточность, вкравшуюся в нашу прежнюю публикацию и заимствованную нами у П. И. Бартенева (Хомяковский сб. С. 121; ср.: Хомяков. Т. 8. С. 208): летом 1853 г. Попов женился на М. П. Мосоловой, дочери П. И. Мосолова (Масалова), предводителя дворянства Одоевского уезда в 1842–1852 гг., жившего в селе Дубки Одоевского уезда.

¹⁰³ Вербная или Лазарева суббота празднуется накануне Вербного воскресенья.

¹⁰⁴ Фомина неделя — следующая после Пасхи неделя.

¹⁰⁵ Орлов Алексей Федорович (1786–1861), граф, князь (с 1856) — один из приближенных Николая I; генерал-адъютант, с 1836 — член Государственного совета, с 1844 — шеф Корпуса жандармов и начальник III отделения.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Мазур Н. Н. Дело о бороде: Из архива Хомякова... // Новое литературное обозрение. 1993–1994. № 6. С. 132–133; Аксаков И. С. Письма к родным, 1844–1849. С. 682–683.

¹⁰⁷ Плещеев Александр Павлович (1793–1867) — полковник (в 1835 г.), генерал-майор (в 1839 г.), участник Кавказской войны, с 1846 г. в отставке; дальний родственник Хомякова (Хомяков — внучатый племянник его сестры Натальи Павловны Плещеевой-Бибиковой (1798–1826), супруги Петра Степановича Бибикова (1768–1828)); приятель Л. С. Пушкина. По отзыву П. И. Бартенева, А. П. Плещеев «отличался необыкновенным мастерством речи» (Хомяков. Т. 8. С. 3; ср.: с. 90). «Он был склонен побалагурить, сострить и поповесничать, не выходя, впрочем, из границ благопристойности» (Бутурлин М. Д. Записки... воспоминания, автобиография, исторические современные мне события... М.: Русская усадьба, 2006. Т. 1. С. 319).

¹⁰⁸ Аксаковы: писатель Сергей Тимофеевич (1791—1859) и его старший сын — поэт, критик, публицист Константин Сергеевич (1817—1860).

¹⁰⁹ Имеется в виду П. А. Бестужев.

¹¹⁰ Протасов Николай Александрович (1799—1855), граф — генерал от кавалерии, в 1836—1855 гг. — обер-прокурор Святейшего Синода.

¹¹¹ По всей видимости, Д. В. Хитрово не разобрал фамилию: в апреле 1849 г. Герцен не мог навещать Хомякова, поскольку в это время два года как покинул Россию. Возможно, в «Замечаниях...» имелся в виду Христиан Иванович Герке, близкий знакомый Веневитиновых, в 1812 г. воспитатель рано умершего П. В. Веневитинова, друг Хомяковых. Герке учительствовал в разных домах, в том числе у Соимоновых, в Москве в начале 1840-х гг., когда Е. М. Хомякова рассказывала о нем в письме к Н. М. Языкову: «Всякий день бывает у нас и делает комплименты маменьке» (Хомяков. Т. 8. С. 92).

¹¹² Речь идет о венгерской революции 1848—1849 гг.

¹¹³ Далее зачеркнуто: «тем не менее по замечаниям можно догадаться, что Герцен вероятно много говорил много резкого против религии и правительства, как это видно из скорбных воззваний автора Замечаний о тогдашнем неверии и либерализме, да и у самого А<лекс>ея С<тепанови>ча вырвалось выражение, что он готов скорее пожертвовать своими детьми, чем видеть их безнравственными и безбожниками (сл<ова> Замеч<аний> под 14 мая)». Здесь же имеется вычеркнутое примечание: «Герцен вообще бывал у Хомякова, но не часто, впрочем, любил его, ибо отлично отзывался в Колоколе, когда А. С. скончался в 1860 году. В Полярной Звезде есть тоже о Хомякове, лучше, чем отзывались о нем в “Моск<овских> Вед<омостях>”». Об «истории Петрашевского» Хомяков подробно написал А. Д. Блудовой, связав «развитие коммунизма» с непопулярностью семейного воспитания, с «коммунистическим началом» «замкнутых школ» (Хомяков. Т. 8. С. 376—377; см.: Там же. С. 191).

¹¹⁴ Бестужев Владимир Петрович — см. выше.

¹¹⁵ Закревский Арсений Андреевич (1783 или 1786—1865), граф — генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в 1828—1831 гг. — министр внутренних дел, в 1848—1859 гг. — московский генерал-губернатор.

¹¹⁶ Чертков Александр Дмитриевич (1789—1858) — в 1844—1856 гг. Московский губернский предводитель дворянства; археолог, библиофил, историк, нумизмат, председатель Московского общества истории и древностей российских (1849—1857).

¹¹⁷ Возможно, титулярный советник Григорий Ильич Преображенский, в 1841—1852 гг. — заседатель земского суда Чернского уезда, непреременный член полицейского управления Чернского уезда Тульской губернии.

¹¹⁸ Казаринов Михаил Павлович (род. 1813) — губернский секретарь, земский исправник Тульского уезда в 1844—1849 гг.

¹¹⁹ Свербеев Дмитрий Николаевич (1799—1874) — дипломат, хозяин литературного салона, родственник Е. М. Хомяковой через семью Обресковых.

¹²⁰ Хомяков нередко страдал от болезни глаз, первое упоминание о которой встречаем в апреле 1830 г. (Хомяков пишет М. П. Погодину: «<...> глаза так разболелись, что мне даже читать много не позволяют»; см.: Литературное на-

следство. М., 1934. Т. 16—18. С. 707). Осенью 1849 г. воспаление глаз и «нестерпимая боль» были настолько сильны, что, как писал Самарин, Хомяков был вынужден сидеть «в темной комнате без чтения, без занятий, без курения и, в добавок, без сна. Такого испытания не выдержал и его характер: говорят, он стал суров и угрюм; молчит по целым дням» (из письма А. Н. Попову от ноября 1849 г.; см.: Самарин Ю. Ф. Сочинения. Т. 12. С. 302). Хомяков признавался У. Пальмеру, что провел в темной комнате более месяца, после чего долгое время не имел «возможности взяться за перо или книгу» (письмо от октября 1850 г.; см.: Хомяков А. С. Сочинения: В 2 т. М.: Московский философский фонд; Издательство «Медиум», 1994. Т. 2. С. 276).

¹²¹ Норов Владимир Андреевич (род. 1795) — гвардии ротмистр, затем статский советник, в 1847—1852 гг. — предводитель дворянства Тульской губернии.

¹²² Николай Алексеевич Хомяков родился 1 января 1850 г.; 31 января его крестили, крестным отцом был Н. В. Гоголь (1809—1852).

¹²³ Герард (Герардова, Жерар) Екатерина Сергеевна (урожд. Всеволожская; 1777—1851) — вдова сахарозаводчика, генерал-майора Антона Ивановича Герарда († 1830), «большого знатока в сельском хозяйстве» (Рассказы бабушки. С. 315), члена-учредителя Московского общества сельского хозяйства (Русский биографический словарь. М., 1914. [Т. 4]: Гааг — Гербель. С. 467). «Великая поклонница митрополита Филарета», она была «из числа тех лиц, которых знала вся Москва»; «всеми любима и уважаема, имела большое влияние» в свете (Рассказы бабушки. С. 274, 315—316). Она неоднократно упоминается в переписке митрополита Филарета второй половины 1840-х гг. (см.: Письма митрополита Московского Филарета к А. Н. М^уравьеву, 1832—1867. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1869. С. 153—155, 317, 358).

¹²⁴ Гриббе Екатерина Егоровна (1802—1850) — дочь Натальи Амосовны Мещерской (урожд. Демидовой; 1775—1830) и Егора Максимовича Мещерского (род. 1759), жена Николая Карловича Гриббе.

¹²⁵ Хитрово говорит о Николае Карловиче Гриббе, но биографические сведения сообщает о его брате Александре Карловиче, авторе воспоминаний. Гриббе Николай Карлович (1800—1865) — генерал-лейтенант (1861); участник Польской компании и Крымской войны. Гриббе Александр Карлович (1806—1876) — в 1822 г. поступил подпрапорщиком в Гренадерский графа Аракчеева полк; в 1836 г. перешел в 1-й округ пахотных солдат; впоследствии полковник. Мемуары Гриббе об А. А. Аракчееве (1769—1834) — «Граф Алексей Андреевич Аракчеев (Из воспоминаний о Новгородских военных поселениях...)» — опубликованы в журнале «Русская Старина» (Русская Старина. 1875. № 1. С. 84—111); перепечатаны в сб.: Аракчеев: свидетельства современников. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 176—200. Ему также принадлежит статья «Холерный бунт в Новгородских военных поселениях...» (Русская Старина. 1876. № 11). Д. В. Хитрово указывает дату смерти Н. К. Гриббе.

¹²⁶ Минкина Настасья Федоровна (1780—1825) — экономка и любовница Аракчеева. Подробнее см.: Аракчеев: свидетельства современников / Сост. Е. Е. Давыдовой и др. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 367, 188, 190—192 и др.

¹²⁷ На полях помечено: «Продолжение будет».

¹²⁸ Начало следующей тетради: «Тетрадь 4-я. Замечания В. И. Х. об Алексее Степановиче Хомякове. 1850-й год (Продолжение)». 1 апреля — день преподобной Марии Египетской.

¹²⁹ Шатилов Иван Васильевич (1792—1864 или 1872) — генерал-майор; сын бригадира Василия Осиповича Шатилова (1752—1803) и Агриппины (Аграфены) Степановны Бибиковой (1761—1797), родственник Хомякова; друг А. Я. Булгакова, А. А. Закревского (адъютантом которого он состоял в середине 1810-х; см.: Русский Архив. 1900. № 9. С. 116, 119). Шатиловы владели селом Паньково Новосильского уезда Тульской губернии.

¹³⁰ Хомяков Василий Иванович (род. 1789) — муж покойной сестры Хомякова, Анны (см. выше), отставной штабс-капитан артиллерии (*Куликов В. В. Усадьба Хомяковых — Слободка // А. С. Хомяков: Проблемы биографии и творчества.* С. 173). 12 апреля празднуется день преподобного Василия исповедника, епископа Парийского.

¹³¹ Н. В. Дурново — родственник Хомяковых через Демидовых.

¹³² Как следует из письма митрополита Филарета А. Н. Муравьеву, послушник Донского монастыря Николай Семенович Зыков был «из дворян» (Письма митрополита Московского Филарета к А. Н. М^уравьеву, 1832—1867. С. 329; ср. примечание: «Бывший послушник Донского монастыря в Москве, весьма нещастно окончивший свое духовное поприще» (Там же. С. 316)).

¹³³ Голицына Вера Дмитриевна (1807—1850) — дочь статского советника Д. В. Голицына, жена Николая Яковлевича Голицына (1788—1850), генерал-лейтенанта, командира лейб-гвардии Конного полка. Убита 7 апреля 1850 г.

¹³⁴ 20 мая — день Обретения мощей святителя Московского Алексия.

¹³⁵ Хитрово Анна Владимировна (род. 1848).

¹³⁶ Демидов Всеволод Петрович (1803—1860) — штабс-капитан в отставке, сын Петра Амосовича Демидова, племянник А. А. Демидовой, двоюродный брат В. И. Хитрово; женат на Екатерине Захаровне Олсуфьевой (1810 — после 1850).

¹³⁷ Бартенева Петр Иванович (1829—1912) — историк, библиограф; познакомился с Хомяковым в мае 1849 г., будучи студентом историко-филологического факультета Московского университета: Бартенева был учителем одного из сыновей Бестужевых, Миши (в этом качестве жил в доме Хомякова на Собачьей площадке с осени 1849 по весну 1850 г.; подробнее об этом см.: *Бартенева.* Воспоминания. С. 64. Бартенева не точен, называя П. А. Бестужева Бестужевым-Рюминым).

¹³⁸ 15 июля — день святого равноапостольного князя Владимира.

¹³⁹ По этому поводу Хомяков писал А. Н. Попову: «Главное мое дело, разумеется, счет хозяйственный при сдаче дел Василием Александровичем. Чем ближе его отъезд, тем более жалею о необходимости расставания; думаю, что и ему это тяжело <...> Едва ли я не виноват сам во многом, что беспорочно им упущено. При его характере ему необходим был помощник-исполнитель, а этого-то и не было. Я же с своей стороны всегда буду любить Василия Александровича».

вича» (Хомяков. Т. 8. С. 199; письмо датировано 28 августа <1851 г.>, однако, судя по содержанию, оно относится к 1850 г.).

¹⁴⁰ См. выше, коммент. 124–125. Н. К. Гриббе женился вторым браком на Александре Давыдовне Жаглевской (род. 1827) — племяннице Екатерины Егоровны Гриббе (Мещерской), дочери Софьи Егоровны и Давида Осиповича Жаглевских.

¹⁴¹ Господин Круаза и его жена кальвинистка Сильвия Круаза, гувернантка детей Хомякова (см. о ней: Хомяковский сб. С. 188, 193–194; ср. в записках М. А. Бобринской: Новый журнал. 1992. № 188. С. 298).

¹⁴² Эмма Гатфильд — англичанка, состоявшая при детях Хомякова (появилась в семье Хомяковых не ранее июня 1845 г. и не позднее мая 1847 г.).

¹⁴³ 8 июля — праздник Явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани.

¹⁴⁴ Анна Иоанновна (1693–1740) — в 1730–1740 гг. — императрица.

¹⁴⁵ Tours d'adresse (*фр.*) — фокусы, упражнения в ловкости.

¹⁴⁶ Подробнее историю Н. С. Зыкова, похорон В. Д. Голицыной в Донском монастыре (у алтарного выступа Михайловской церкви) и перевода архимандрита Феофана в Нежин, а затем в Калязин см.: Налетов А. Г. Усыпальница Голицыных в Донском монастыре: Персональный состав // Исторический сайт. История России. 11.01.2017. [<https://исторический-сайт.рф/Усыпальница-Голицыных-в-Донском-монастыре-Персональный-состав-1.html>].

¹⁴⁷ В 1850 г. архиепископ Тульский и Белевский Дамаскин был назначен в Петрозаводск, но подал прошение об увольнении на покой. С февраля 1851 г. Дамаскин получил в управление Белевский монастырь — Введенскую Жабынскую Макарьевскую пустынь в Тульской епархии (основана на правом берегу реки Оки в 1585 г. в пяти верстах от Белева).

¹⁴⁸ Димитрий Муретов (1806–1883) — окончил в 1834 г. Киевскую духовную академию, где остался в качестве профессора и ректора до 1850 г.; затем назначен епископом в Тулу; в 1857 г. переведен в Одессу; служил в Ярославле, умер в сане Херсонского архиепископа.

¹⁴⁹ Иннокентий Херсонский (Иван Алексеевич Борисов; 1800–1857) — богослов, проповедник; архиепископ Херсонский.

¹⁵⁰ Голицын Сергей Михайлович (1774–1859) — влиятельный потомок князей Голицыных, в 1830–1835 гг. попечитель Московского учебного округа; председатель Московского цензурного комитета; член Государственного совета с 1837, действительный тайный советник (1852); первый тогдашний московский «вельможа», по слову П. И. Бартенева (тот вспоминал, что в 1856 г. именно С. М. Голицын рассказал царю о громком многоречии Хомякова, «одетого в поддевку», на обеде в честь Д. Е. Остен-Сакена, после чего Хомяков вынужден был дать подписку, что сбреет бороду и не будет носить на публике русское платье; подробнее см.: Мазур Н. Н. Дело о бороде. С. 127–138).

¹⁵¹ Пфёль Карл (1801–1873) — врач, доктор медицины.

¹⁵² Возможно, речь идет о ком-то из детей Петра Михайловича Языкова (1798–1851) — брата Е. М. Хомяковой: Марии (1825–1875), Аделаиде (1827–1903; в замужестве графиня Биланд), Василии (1829–1890), Александре

(1831—1896) или Григории (1835—1886). Мария Петровна в конце 1840-х гг. вышла замуж за Д. О. фон Шеппинга.

¹⁵³ Шеппинг Дмитрий Оттович (1823—1895), барон — известный этнограф, фольклорист; муж М. П. Языковой, племянник А. Д. Черткова.

¹⁵⁴ Е. С. Герард умерла 11 марта 1851 г. Как вспоминала Е. П. Янькова, она стала к концу жизни «прихварывать, выезжала редко и окончила жизнь в начале 1850-х годов от очень мучительной болезни, от внутреннего рака; есть почти ничего уже не могла <...> но почти до самой смерти она была всё на ногах и так же весела и разговорчива, как и прежде. Отпевал ее митрополит Филарет у Троицы в Зубове, а схоронить себя она велела в Новодевичьем монастыре <...> Смерть Герардовой была одинаково чувствительна как для ее родных, так и для знакомых» (Рассказы бабушки. С. 318). На надгробии Герард в Новодевичьем монастыре высечена надпись: «Матери благодетельнице» (Московский некрополь: В 3 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 1. С. 264).

¹⁵⁵ Церковь апостола Иакова выстроена в 1676 г., в XIX в. значительно перестраивалась; сохранилась в изуродованном виде (*Романюк*. Переулки. С. 560), сейчас отреставрирована.

¹⁵⁶ Ср.: «У нее в доме всегда жили барыни и барышни; лишившись ее, они с нею лишились угла и хлеба насущного» (Рассказы бабушки. С. 318). Дом Е. С. Герард находился в Штатном переулке (ныне д. 12).

¹⁵⁷ Церковь Покрова Пресвятой Богородицы что в Левшине, построенная в начале XVIII в., находилась на углу Большого Левшинского и Глазовского переулков; снесена в 1930 г. (*Романюк*. Утраты. С. 180).

¹⁵⁸ Ср.: «После смерти мужа она стала одеваться скудно, всегда в темном или в черном, платье узенькое и коротенькое, а на голове чепец в обтяжку из какой-нибудь тюлевой тряпицы, и волосы свои остригла в кружок» (Рассказы бабушки. С. 317).

¹⁵⁹ Чудов кафедральный мужской монастырь, находившийся в московском Кремле на Царской площади и основанный в 1365 г. святителем Алексием (во имя Чуда архистратига Михаила в Хонех), славился митрополичьим Чудовским хором (певчие жили на подворье Троице-Сергиевой лавры, близ Самотеки). Монастырь снесен в 1929—1930 гг.

¹⁶⁰ Домовая церковь в митрополичьих покоях освящена в 1767 г. митрополитом Платоном Левшиным в честь апостолов Петра и Павла; в 1813 г. состоялось переосвящение престола в память Сергия Радонежского.

¹⁶¹ Двухэтажное здание подворья Троице-Сергиевой лавры, стоявшее между 1-м Лаврским переулком и Троицкой улицей в Москве, построено к 1760 г. Во второй половине XIX в. оно сильно перестраивалось (см.: *Романюк* С. По землям московских сел и слобод. М.: ЗАО «Сварог и К», 1998. Ч. I. С. 215—216).

¹⁶² Ср.: «Видя в расколе явление, открывающее дверь в тайники народной души, Хомяков говорит (в 1860 г. — Е. Д.), что нам нечего стыдиться нашего раскола: “он достоин великого народа и мог бы внушить почтение иноземцу”. Он скорбит о другом — о том, что церковь встала на неправый путь в своем отношении к расколу <...>» (<Мендельсон Н. М.> Общество любителей Российской словесности при Московском Университете. М.: Печатня А. Снегиревой, 1911. С. 55).

- ¹⁶³ Докторов — речь идет о семействе Дохтуровых.
- ¹⁶⁴ Екатерина Михайловна (1827—1894) — великая княжна, дочь великого князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны; впоследствии замужем за герцогом Мекленбург-Стрелицким Георгом.
- ¹⁶⁵ Ульянинские — тульские дворяне (см.: *Жарова Е.* Род Ульянинских. М.: [Б. и.], 2013).
- ¹⁶⁶ «Много лет спустя» после смерти М. А. Хомяковой П. И. Бартенев слышал от священника церкви Николая на Песках, что, «когда жена его заболела чахоткой, Мария Алексеевна подарила ей прекрасную корову, чтобы она могла отпоить себя молоком» (*Бартенев.* Воспоминания. С. 67).
- ¹⁶⁷ Кошелев Александр Иванович (1806—1883) — публицист, общественный деятель, друг Хомякова, издатель и первый редактор журнала «Русская Беседа» (1856).
- ¹⁶⁸ Павлов Николай Филиппович (1803—1864) — прозаик, критик, публицист.
- ¹⁶⁹ На полях запись: «26 янв. 52 г.».
- ¹⁷⁰ Ср. с темой вины в письме Хомякова П. М. Бестужевой от 22 февраля 1838 г.: «Я виноват тем, что допустил Шнауберта лечить малютку; Шнауберт виноват тем, что не сказал, что считает его отчаянным, хотя говорил это в других домах; но вы сами знаете, что, когда кто-нибудь умер, всегда после смерти находят, что кто-нибудь виноват в этом, а виновата судьба» (ОПИ ГИМ, ф. 178, ед. хр. 27, л. 129—129 об.). Каломель — «сладкая ртуть, одна из солей ртутных» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Прогресс, 1994. Т. 2. Стб. 193).
- ¹⁷¹ Маленькая зала обыкновенно являлась и дамской гостиной, и рабочим кабинетом хозяйки дома, которая, занимаясь рукоделием, могла здесь принимать ближайших друзей.
- ¹⁷² Василий Иванович — вероятно, В. И. Хомяков (см. коммент. 130).
- ¹⁷³ Охотников Василий Павлович (1814—1888) — сын Павла Яковлевича и Натальи Васильевны Охотниковых (см. коммент. 37), майор в отставке, статский советник.
- ¹⁷⁴ Овер Александр Иванович (1804—1864) — врач, с 1842 г. возглавлял терапевтическую кафедру Московского университета; с 1850 г. — инспектор городских больниц гражданского ведомства.
- ¹⁷⁵ Альфонский Аркадий Алексеевич (1796—1869) — хирург, почетный гоф-акушер, тайный советник, в 1842—1848 и 1850—1863 гг. ректор Московского университета; с 1848 г. — заслуженный профессор, почетный член Московского университета; имел обширную акушерскую практику.
- ¹⁷⁶ Клименко — Клименков Степан Иванович (1805—1858); с 1834 г. — врач студенческой больницы при Московском университете, с 1838 г. — доктор медицины, с 1852 г. — адъюнкт государственного врачеведения, гигиены и диететики; Кильдишевский (правильно — Кильдюшевский) Павел Николаевич (1799—1858) — известный врач, хирург Шереметьевской больницы, основатель medico-фармацевтического общества; действительный статский советник.
- ¹⁷⁷ В июне 1931 г. могила Е. М. Хомяковой, как и могила Хомякова, была вскрыта; их прах перевезен на кладбище Новодевичьего монастыря, поскольку

некрополь Данилова монастыря был упразднен; см.: *Лидин В. Г.* Перенесение праха Гоголя // Российский архив. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. Вып. 1. С. 244–246.

¹⁷⁸ Веневитинов Алексей Владимирович (1806–1872) – младший брат Д. В. Веневитинова, друг Хомякова; с 1829 г. служил в Министерстве внутренних дел; впоследствии товарищ министра уделов.

¹⁷⁹ Назимов Владимир Иванович (1802–1874) – с 1849 г. – попечитель Московского учебного округа; с конца 1855 г. виленский военный губернатор, гродненский, минский и ковенский генерал-губернатор.

¹⁸⁰ Хомяков считал, что Гоголя следует отпевать в приходской церкви святого Симеона Столпника за Арбатскими воротами; «университет же спохватился, что когда-то дал ему диплом почетного члена», и настоял на том, чтобы отпевание совершалось в храме мученицы Татианы – домовая церковь Московского университета (см. об этом в письме А. Н. Попову 23 февраля 1852 г.; см.: *Хомяков*. Т. 8. С. 201; см. также письмо Д. Н. Свербеева к жене от 26 февраля (Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С.747)).

¹⁸¹ Киреевский Иван Васильевич (1806–1856) – критик, философ. Ср.: «...Киреевский упрекал Хомякова в излишнем рационализме и в недостатке чувства в делах веры» (*Кошелев*. Записки. С. 53).

¹⁸² Вероятно, речь идет о Х. И. Герке (см. выше). В первой половине 1850-х гг. Хомяков отзывался о нем так: «<...> значительно постарел телом, но сердцем всё еще молод и зелен» (*Хомяков*. Т. 8. С. 82; о преклонных годах Герке свидетельствует также то, что в 1849 г. Хомяков пишет о нем как о «старичке»; см.: Там же. С. 190).

¹⁸³ Димитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало; 1651–1709) – религиозный писатель, проповедник, составитель Четьих-Миней (см. коммент. 42), митрополит Ростовский с 1702 г.

¹⁸⁴ Предположительно – архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим (1665–1738; в миру Петр Потемкин), родился в старообрядческой семье, в 1704 г. перешел в официальную церковь; непримиримый борец со старообрядчеством.

¹⁸⁵ Софья Петровна Бестужева – дочь П. А. и П. М. Бестужевых (см. выше); с 1854 г. замужем за Н. Д. Давыдовым.

¹⁸⁶ Вероятно, Писемский Павел Петрович (1797–1857) – племянник Д. Н. Блудова, подполковник в отставке; в его московском доме Хомяков познакомился в 1849 г. с Д. Н. и А. Д. Блудовыми.

¹⁸⁷ Церковь Николая Чудотворца что на Песках, стоявшая в Большом Николопесковском переулке (д. 6), известна с 1635 г. Большим перестройкам подверглась в 1819-м; в 1932 г. снесена.

¹⁸⁸ Антонов огонь – гангрена.

¹⁸⁹ Коссович Каэтан Андреевич (1815–1883) – филолог, переводчик, преподаватель греческого языка и санскрита.

¹⁹⁰ В это время Хомяков состоял в переписке с английским богословом дьяконом Уильямом Пальмером (1811–1879), который, находясь под влиянием «Оксфордского движения», хотел присоединиться к православной церкви.

¹⁹¹ Иеремия (Соловьев) (1799–1884) — епископ Нижегородский с 1850 г., конфликтовал с губернатором М. А. Урусовым из-за средств и церковного имущества.

¹⁹² Урусов Михаил Александрович (1802–1883) — князь, нижегородский военный губернатор, с 1854 г. — витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор.

¹⁹³ Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) — историк, с 1839 г. — профессор всеобщей истории Московского университета.

¹⁹⁴ Ср.: «Я узнал ее, когда она уже не сходила с постели и тем не менее командовала всем многолюдным домом» (*Бартенев*. Воспоминания. С. 66).

¹⁹⁵ Речь идет об одном из братьев Мещерских (см. выше, коммент. 49–51). Их сестра Софья Павловна (1802–1879) была замужем за штабс-капитаном Александром Дмитриевичем Чертковым (1800–1859) (не путать с известным археологом и историком). Дочь С. П. и А. Д. Чертковых — Юлия Александровна (1827–1864) в 1850 г. вышла замуж за Петра Петровича Голицына (1827–1902) — сына Петра Алексеевича Голицына (1792–1842; перешел в католичество одновременно с женитьбой на польке Елизавете Антоновне Злотницкой (1800–1866), переехал в Париж в 1820-х). Не ясно, с кем была тяжба у Петра Петровича: его братья — Антон (1818 или 1821–1883) и Августин (1823–1875; историк, религиозный писатель) — жили во Франции и были католиками.

¹⁹⁶ Церковь святой Троицы на Арбате (Арбат, 55) известна с 1642 г., после пожара в 1818 г. восстановлена с великолепным иконостасом; в 1931 г. сломана (*Романюк*. Утраты. С. 194–195).

¹⁹⁷ В юности Хомяков много занимался живописью: он обучался зиму 1825–1826 гг. в парижской Академии изящных искусств; согласно хранящейся в архиве Эрмитажа «Книге для внесения билетов, выданных художникам и любителям живописи...», 7 мая 1827 г. Хомякову был выдан билет, позволяющий «копировать оригиналы Императорского Эрмитажа» (цит. по: А. С. Хомяков: Проблемы биографии и творчества. С. 134). О портретах покойной жены Хомяков в 1852 г. писал П. М. Бестужевой (*Хомяковский сб.* С. 85, 90, 92, 98, 104). Он заботился о развитии художественных дарований своих старших детей, сам давал им уроки рисования (Там же. С. 174–175).

¹⁹⁸ На полях помечено: «23 янв.».

¹⁹⁹ Отзвук спора о подлинности истории Спаса Нерукотворного находим в письме Хомякова к А. И. Кошелеву осени 1852 г.: «<...> читал ли он в творениях св. отцов великолепное завещание Ефрема Сирина и может ли он после этого памятника стоять за легенду о нерукотворенной иконе Спасителя?» (*Хомяков*. Т. 8. С. 139).

²⁰⁰ Серебряков Михаил Алексеевич (род. 1809) — из мещан, слепой математик, механик, в Москве жил с 1848 г.

²⁰¹ Речь идет о религиозно-философских сочинениях «Ареопагитики», приписывавшихся мученику Дионисию Ареопагиту (I в.), но созданных, видимо, не ранее второй половины V в. По словам Г. Флоровского, «сборник произведений под именем Дионисия Ареопагита принадлежит к числу самых загадочных памятников христианской древности <...> никак нельзя видеть в его авторе того

Дионисия Ареопагита, который был обращен проповедью апостола Павла» (см. 17-ю главу Деяний Апостолов). «Попытки отождествить мнимого Дионисия с каким-либо известным нам Дионисием из деятелей и писателей IV–V веков или с каким-нибудь другим историческим деятелем <...> нужно признать решительно неудачными и произвольными» (*Флоровский Г. В. Corpus Areopagiticum // Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. СПб.: Глагол, 1997. С. IX–X.*)

²⁰² Установить точно, о ком идет речь, не удалось; возможно, имеется в виду кто-то из семьи Петра Сергеевича Протопопова (1784–1861), предводителя дворянства Епифанского уезда, в 1823–1828 гг. жившего в селе Бутырки Епифанского уезда. Его сыновья: Дмитрий (1830 – после 1870), подпоручик, депутат дворянского депутатского собрания Епифанского уезда в 1859–1861 гг.; Евгений (род. 1831).

²⁰³ Село Слободка Тульского уезда Тульской губернии в начале XIX в. принадлежало гвардии прапорщику Ивану Васильевичу Хомякову (РГАДА, ф. 1354, оп. 1306, С-52 кр); затем Слободка перешла к В. И. Хомякову, а впоследствии к его сыну Степану (он здесь и был похоронен; см.: *Чернопятов В. И. Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 7 (16). С. 170*). См. также: Хомяковский сб. С. 251, 256; *Куликов В. В. Усадьба Хомяковых – Слободка // А. С. Хомяков: Проблемы биографии и творчества. С. 172–176.*

²⁰⁴ Долгуша или долгушка – повозка на длинном ходу, тарантас.

²⁰⁵ Казаков – кандидат словесного отделения Московского университета, учитель греческого языка старших детей Хомякова, Дмитрия и Марии (с 1853 г.).

²⁰⁶ Розен Прасковья Григорьевна (игуменья Митрофания; 1825–1899) – была знакома с митрополитом Филаретом с 1838 г.; решила уйти в монастырь в 1852 г., впоследствии – настоятельница женского Серпуховского Введенского Владычного монастыря.

²⁰⁷ Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь – генерал-адъютант с 1853 г.; в ходе Крымской войны, будучи начальником Главного штаба войск на Кавказе, отличился в сражении при Кюрюк-Дара; позднее командующий Отдельным Кавказским корпусом, наместник на Кавказе.

²⁰⁸ Андронников (Андроникашвили) Иван Малхазович (1798–1868), князь – в 1849–1856 гг. – тифлисский военный губернатор; во время Крымской войны 14 ноября 1853 г., командуя пятитысячным отрядом, разбил под Ахалцыхом двадцатитысячный турецкий корпус.

²⁰⁹ Нахимов Павел Степанович (1802–1855) – адмирал, руководил Синопским боем (18 ноября 1853 г.), в ходе которого русская эскадра уничтожила турецкий флот в Черном море. «Уничтожение турецкого флота под Синопом всех русских несколько оживило» (*Кошелев. Записки. С. 58*).

²¹⁰ Наполеон III (Шарль-Луи-Наполеон Бонапарт; 1808–1873) – президент Франции с декабря 1848 г.; император с декабря 1852 г.

²¹¹ Братья Тиньковы, двоюродные братья А. С. Грибоедова: либо Тиньков Сергей Николаевич – генерал-майор с 1845 г., либо Федор Николаевич – генерал-майор с 1843 г.

²¹² Бахметев Петр Владимирович (1818–1896) – прапорщик, губернский секретарь, позднее действительный статский советник, с 1849 г. – муж духов-

ной писательницы Александры Николаевны Бахметевой (урожд. Ховрина; 1823—1901), дружившей с Хомяковым, Аксаковыми и Самариным.

²¹³ Мамонов — см. коммент. 101. Видимо, Елагин Василий Алексеевич (1818—1879) — старший сын А. П. и А. А. Елагиных, историк, публицист, сводный брат И. В. и П. В. Киреевских; в 1839 г. окончил Московский университет, с 1846 г. женат на Е. А. Мойер.

Приложение

<Д. В. Хитрово>

<Дополнительные заметки

к «Родословной книге рода Хитрово». СПб., 1866>

* * *

Отец Павел Флоренский говорил о необходимости изучения «генеалогической подпочвы» А. С. Хомякова, тщательного рассмотрения корней и ветвей (современной родни) его генеалогического или идиологического дерева: Хомяков, по мысли Флоренского, был «натурою на редкость почвенною, на редкость связанною с родом и бытом».¹ Поэтому нельзя пройти мимо родства, точнее — свойства Хомякова с родом Хитрово, тем более, что имя Владимира Ивановича Хитрово давно встречается в штудиях, связанных с Хомяковым, и все-таки остается в тени исследовательских интересов.

В 1866 году в Петербурге вышел труд Василия Николаевича Хитрово (1834—1903) «Родословная книга рода Хитрово». Видимо, вскоре по свежим следам, в конце 1860-х годов, были составлены дополнения к этой книге. Записи сохранились в рукописи и опубликованы не были. По нашему предположению, они принадлежат Дмитрию Владимировичу Хитрово, сыну В. И. Хитрово и крестнику Хомякова.

Из его ближайших родственников в петербургском издании были указаны лишь имена Ивана Герасимовича и Владимира Ивановича Хитрово.² Восполняя оставшееся за пределами печатного родословия, Дмитрий Владимирович написал краткие очерки жизни своих деда, бабки и отца. Об авторстве заметок свидетельствует также то, что биографические сведения о родственниках содержатся здесь в жанре, близком семейному преданию или мемуарам, а краткая летопись жизни самого Д. В. Хитрово, на которой фактически обрываются записи, дана в официальных определениях, более свойственных формулярному списку.

¹ Флоренский П. А. Около Хомякова // Флоренский П. А. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 311—313.

² <Хитрово В. Н.> Родословная книга рода Хитрово. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1866. С. XV, XVIII, 226.

Текст публикуется по автографу, находящемуся в ОР РГБ, ф. 480 (Хитрово), карт. 2, ед. хр. 6, л. 4—5 об.

* * *

Иван Герасимович, гвардии прапорщик, родился во второй половине XVIII стол<етия>, женат был на Елизавете Амосовне Демидовой (скон<чалась> 13 мая 1824 г<ода>), родной внучке знаменитого основателя Воспитательного Дома в Москве Прокофия Акинфиевича Демидова,¹ от которой Иван Герасимович имел сына Владимира († 1866) и двух дочерей: Варвару, замужем за Константиновым в 1838 г<оду>, и Екатерину, замужем за Астраковым в 1846 году. Большую часть времени Иван Герасимович проводил в Петербурге, где имел весьма обширное знакомство, а жена его безвыездно жила в своем небольшом имении Любимовке, в Брянском уезде Орловской губернии, отлично устроенном. Она была женщина замечательного в то время образования и сама занималась воспитанием своих детей; она не пережила своего мужа и скончалась в 1824 году. Последние двадцать лет своей жизни, после смерти жены, Иван Герасимович жил в Калуге, вблизи которой у него были имения, и там же скончался в глубокой старости 14 декабря 1845 года и погребен в своем родовом имении, в семи верстах от Калуги, селе Калуженке, известном своею чудотворною иконою, именуемую Калуженскою,² которая, по преданию, явилась в доме родителей Ивана Герасимовича и отыскана была на чердаке его сестрами. Теперь эта икона и село Калуженка пользуются большою известностью по всей Калужской губернии, и множество богомольцев стекаются туда с разных концов России.³

Владимир Иванович, родился в имении своей матери Любимовке, Брянском уезде Орловской губ<ернии>, 20 янв<аря> 1806 года. Первоначальное образование он получил дома, потом отдан был в Школу Гвардейских Подпрапорщиков и Кавалерийских Юнкеров, и по выходе оттуда служил в Л<ейб> Гв<ардии> Московском полку, пехотном Тарутинском и наконец в Оренбургском уланском, участвовал в усмирении польского мятежа в 1831 году, за что имел орден С<вятой> Анны на шпагу и крест *Virtuti militari*; в 1832 году Владимир Иванович вышел в отставку штабс-ротмистром и женился в Туле в 1833 году на Софии Михайловне Сатиной († 1858), от которой он имел двух детей, сына Димитрия и дочь Анну.

После женитьбы Владимир Иванович уехал жить в село, наследованное от матери имение Любимовку, известную своим прекрасным местоположением; он сам занимался рассадкою сада и роши в имении, и вообще пользовался спокойною деревенскою жизнью, редко заглядывал в Москву и имение жены село Коледино, в Тульской губернии, Крапи-

венского уезда, хотя оно было гораздо больше Любимовки и требовало большего внимания, но Влад<имир> Ив<анович> предпочитал ему Любимовку, тем более что к ней привязывала его родная тетка по дяде А. А. Демидова,⁴ жившая в семи верстах от Любимовки и где жили также его сестры. После кончины тетки, в 1844 г<оду>, Владимир Иванович нашелся принужденным продать свою заветную Любимовку и переехал на постоянное жительство в Тульское имение Коледино, которое однако заняло его не менее Любимовки, и тотчас по прибытии в него он занялся необходимыми по имению постройками, отстроил большой дом и служебные строения, сам разбил перед домом английский сад, и, сверх того, будучи глубоко религиозным человеком, он возобновил на свои деньги, оставшиеся от продажи Любимовки, храм в Коледине, который поэтому пользуется по Тульской губернии известностью одного из лучших храмов губернии. Вообще в Коледине Влад<имир> Ив<анович> пользовался безмятежной, вполне семейною и отрадною жизнью, тем более что он успел излечиться от страшной болезни (спазмы в геморрое), одержавшей его около 20 лет, и мог спокойно пользоваться семейным счастьем.

В 1849 году он переехал жить для воспитания сына в Москву, где вел регулярную жизнь и проводил время в тесном кругу родных и хороших знакомых, между которыми особенно часто он посещал славянофильский кружок известного Алексея Степановича Хомякова, который по Демидовой, Анне Алексеевне, о которой мы говорили выше, приходился ему сродни и с которым он состоял в самых близких связях дружбы.

На весну и лето до осени Вл<адимир> Ив<анович>, верный себе, уезжал с семейством в Коледино, которое он начал любить. Но в 1858 году воспоследовало для Владимира Ивановича одно роковое событие, имевшее окончательное влияние на его дальнейшую судьбу, это именно кончина нежно и глубоко любимой им жены Софьи Михайловны († 24 апр<еля> 1858). Это горестное для всего семейства событие сделало в нем сильный переворот как в нравственном, так и в физическом отношении. Обстоятельство это его поразило, он впал в страшную меланхолию и еще более уединился сам в себя, нося с собою только одно воспоминание о жене, с которой теперь, кажется, хотел жить одною жизнью; здоровье его видимо расстраивалось, настроение его духа было болезненно и до крайности возбужденное, и в таком состоянии он вторично женился на Авдотье Петровне Беклемишевой (в 1862 г<оду>), и переехал жить в Коледино, где постоянно и жил глаз на глаз с молодою женою до осени 1865 г<ода>, когда он принужден был выехать в Москву для свидания с родными и лечения, сильная натура его была уже надломлена от стольких физических и в особенности моральных страданий, и он умер на руках зятя и сестер 8 янв<аря> 1866 года, и погребен рядом с так

долго и горько оплакиваемую им женою в Новодевичьем монастыре.⁵ Влад<имир> Ив<анович> очень любил заниматься, вел ежедневный дневник, весьма интересный, нечто в роде семейной хроники, и, как глубоко набожный человек, составлял еще систематические выписки и комментарии на религиозные вопросы, под именем «Цветника Духовного», оставшиеся теперь у наследников в нескольких десятках томах.

Димитрий Владимирович родился 1 июня 1838 г<ода> в Москве; восприемниками были друг его отца А. С. Хомяков и двоюродная бабка Анна Алексеевна Демидова. Первоначальное воспитание он получил дома и в 1855 году, выдержав экзамен, поступил в Московский университет, на юридический факультет, где кончил курс кандидатом 25 марта 1860 г<ода>.⁶ Высоч<айшим> приказом по Государственной Канцелярии назначен младшим помощником экспедитора. В 1864 году надворный советник.

Анна Владимировна родилась 25 апреля 1848 года.

Примечания к Приложению

¹ Демидов Прокопий Акинфиевич (1710—1788) — сын Акинфия Никитича Демидова, действительный статский советник; в 1745—1769 гг. владел Невьянской группой железодельных заводов на Урале, пожертвовал крупные суммы денег на создание Московского воспитательного дома и на стипендии немущим студентам Московского университета; основатель Демидовского коммерческого училища (1772), автор сочинений по пчеловодству. Воспитательный дом в Москве появился в 1764 г. при Екатерине II по проекту И. И. Бецкого; это закрытый приют, куда принимались подкидыши, дети, рожденные вне брака, и дети, оставленные родителями по бедности (см. также: Материалы для истории Императорского Московского воспитательного дома. М.: Тип. А. Сена, 1863—1868. Т. 1—2).

² Ср.: «Эта икона Богоматери явилась в 1748 году в семи верстах от Калуги, в сельце Тинькове, в доме боярина <Василия Кондратьевича> Хитрова. Явилась таким образом: однажды две девушки — служанки Хитрова, вошли на чердак его дома <...> Одна из них, разбирая вещи, нашла сверток сурового полотна. Развернув сверток, она увидела прекрасное изображение благоговейного лица, как будто монахини, читающей по книге свое правило. Девуцу тронуло это изображение»; но другая повела себя кошунственно, за что «была поражена <...>: ноги и руки ее скорчились, вся она впала в расслабление и лишилась зрения и языка». Ночью во сне ее родителям «явилась Пресвятая Богородица», которая сказала, что дочь их своим дерзким поступком оскорбила Ее саму, «потому что это изображение есть Мой образ, чрез который <...> Я буду ходатайствовать за город ваш и жителей его». Больная исцелилась, и потом много чудес происходило от этой иконы. Среди прочих выздоровела единственная дочь боярина Хитрова Евдокия, после чего «боярин не осмелился более держать икону у себя дома и торжественно перенес ее в церковь Рождества Богоматери», что на Ка-

луженке (или Калужке) (*Бухарев И., протоиерей*. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы: История их и изображения. М.: Православное братство «Спорушницы грешных», 1994. С. 149–150; ср.: *Булгаков С. В.* Настольная книга для священно-церковно-служителей. М.: Московская Патриархия, 1993. Ч. 2. С. 1574; *Малинин Д.* Калуга. Калуга: Калужская экскурсионная комиссия, 1912. С. 178). Братом упомянутого выше В. К. Хитрово был майор Герасим Кондратьевич Хитрово — отец Ивана Герасимовича.

³ В память о чудесном избавлении жителей Калуги в 1771 г. от страшной язвы (морového поветрия) помощью Калужской иконы было установлено каждый год 2 сентября обходить с ней вокруг города. В 1812 г. она не раз являлась французам, как в Калуге, так и под Малоярославцем, неизменно принося победу русским, что и праздновалось по завершении войны ежегодно 12 октября также крестным ходом вокруг Калуги. «В связи с этим событием была попытка оставить икону навсегда в Калуге, но закончилась неудачей, благодаря противодействию г. Хитрово, родовой собственностью которого была икона. <...> Церковь на Калужке построена в 1760 г. на церковные доходы тщанием гг. Хитрово на месте прежней бывшей деревянной. Для сельской церкви она очень благолепна» (*Малинин Д.* Калуга. С. 45, 178).

⁴ А. А. Демидова была, по-видимому, столь же горячей и прямодушной женщиной, как ее сестра, Марья Алексеевна Хомякова. Показательно отношение хомяковской родни к участию Николая I в судьбе вдовы и детей А. С. Пушкина. В феврале 1837 г. Екатерина Михайловна Хомякова признавалась брату Николаю Михайловичу Языкову: «Мои за Москворецкия тетушки сердятся, как мог Г<осударь> сделать так много для его семейства. Не стоит того, говорят, он безбожник, он ни разу не преобщался в жизни и что написал, ни кто не знает» (цит. по: Письма Е. М. Языковой о Пушкине // Искусство. 1928. Кн. 1–2. С. 167; сохранены особенности орфографии Е. М. Хомяковой. Ср. с ироничным упоминанием «тетушек» Хомякова в его письме к А. Н. Попову (*Хомяков*. Т. 8. С. 185)).

⁵ Ср.: Московский некрополь: В 3 т. СПб., 1908. Т. 3. С. 275, 277.

⁶ К этому времени относятся хлопоты Хомякова об устройстве Д. В. Хитрово на службу в Петербург. 21 января 1860 г. он просил А. Н. Попова помочь ему поместить Дмитрия во II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии под начало Д. Н. Блудова: «Есть у меня крестник, сын вам известного В. И. Х., Дмитрий, добрый, тихий и на вид спаржеобразный юноша, несколько смахивающий на юношеский образ Дон-Кихота, впрочем, действительно хороший юноша, не без познаний, из первых кандидатов юридического факультета, нрава несколько детского, как все плотно сидевшие дома, но готовый на труд и способный полюбить его. Этот юноша, и особенно по желанию отца, хотел бы служить в Питере. Вот мне, как крестному отцу, обязанному несколько пещися о нем, и пришла мысль обратиться к вам с просьбою великою» (*Хомяков*. Т. 8. С. 222). В устройстве «в деле служебном» Д. В. Хитрово принимал участие и А. В. Веневитинов (Хомяков благодарил его отдельным письмом; см.: Там же. С. 83).

Барышня с белым тюльпаном (Письма Ирины Куниной-Александр к В. Н. Орлову)

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве, в фонде Владимира Николаевича Орлова (1908–1985), известного советского литературоведа, критика, публикатора литературного наследия А. А. Блока, биографа и популяризатора творчества крупнейшего поэта XX века, среди многочисленной корреспонденции сохранились четыре письма 1984 года, присланные из Женевы. На персональных бланках были оттиснуты имя, адрес и телефон отправителя:

*Irina Alexander
4, Rue de Hesse
CH – 1204 GENEVE
(022) 212174.*

Инициатива эпистолярного знакомства принадлежала швейцарской корреспондентке, личности незаурядной, заслуживающей отдельного рассказа.

Имя Ирины (Ираиды) Ефимовны Куниной-Александр (15.06.1900, Санкт-Петербург – 13.12.2002, Женева), писательницы, литературного критика, переводчицы на сербохорватский язык и пропагандиста советской литературы в Хорватии конца 1920-х – 1930-х годов, мемуаристки, стало известно российским читателям в начале 1990-х годов. Тогда на страницах журнальной периодики появились фрагменты ее воспоминаний, запечатлевших жизненный опыт ровесницы XX века, вовлеченной в круговорот эпохальных исторических событий.¹ В индивидуальной биографии Ирины

---

¹ Кунина И. 1) Встреча с Блоком; Моя гумилевская весна // Литературное обозрение. 1991. № 9. С. 92–101; 2) Век

Куниной-Александр они обернулись драматическими коллизиями личных семейных отношений, сменой стран проживания, освоением новых географических и культурных ландшафтов, адаптацией к среде через преодоление настроенности «к этой русской» вплоть до подзрений в сотрудничестве с разведслужбами, знакомством и дружбой с представителями «левой» художественной интеллигенции, прежде всего с выдающимся хорватским писателем XX века Мирославом Крлежей,² с политическими деятелями (например, с Иосипом Броз Тито).

«Ирина Кунина-Александр, русская по происхождению, сыграла заметную роль в культурной жизни Загреба в период с 1928 года до начала Второй мировой войны. Она была необыкновенно красива, обаятельна и привлекательна. Писательница по призванию, обладала большой культурой, поддерживала контакты с наиболее заметными деятелями своего времени в области литературы, философии и изобразительного искусства не только в нашей стране, но и в мире. Ее дом в Загребе был местом встреч самых выдающихся представителей нашей культуры, членов левого фронта...», — такую комплиментарную характеристику дал нашей героине хорватский писатель и публицист Э. Ченгич в мемуарной книге «С Крлежей изо дня в день» («S Krležom iz dana u dan».³ Однако канва ее биографии настолько прихотлива, непроясненные или же сознательно опущенные эпизоды, как и хронологические неувязки автодокументального повествования «длиною в жизнь» настолько многочисленны, что сравнение с «железной женщиной», М. И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, стало риторическим клише в критических отзывах на представленные публике версии ее «жития».⁴ С аллюзии на это расхожее мнение и вопроса «Кто она, Ирина Александр?» начинается

мой, зверь мой...: Из книги воспоминаний // Дружба народов. 1995. № 8. С. 180–188; № 9. С. 136–175.

² См.: Кунина И. Фуга «Крлежиана 2»: Глава из книги «Век мой, зверь мой» // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 254–276.

³ Цит. по: Lukšić I. Ispovijest djeteta srebrnog vijeka ([Электронный ресурс]. URL: <https://radiogornjigrad.blog/2013/07/10/irena-luksic-ispovijest-djeteta-srebrnog-vijeka>; дата обращения: 15.03.2024). См. также: Лукшич И. Русская эмиграция в Хорватии в период между двумя мировыми войнами // Хорватия / Россия: Культурно-исторические связи = Hrvatska / Rusija: Kulturpo-rovijesne veze / Подгот. изд. И. Лукшич. Zagreb: Most/The Bridge, 1999. С. 203–218 (двуязычное издание).

⁴ Например, отклик Зорислава Паунковича на первые издания документально-биографических произведений Ирины Куниной так и назывался: «Еще одна железная женщина» (2007) (см.: Русский журнал / Russian Journal. www.russ.ru; дата обращения: 03.04.2024).

Ирена Лукшич⁵ свое литературоведческое расследование, сопроводив подготовленное ею первое издание мемуаров писательницы предисловием под заглавием «Isrovijest djeteta srebrnog vijeka», тем самым указав на жанровую природу биографического повествования («исповедь», «признание») и генезис авторского голоса, которому это повествование принадлежит («дита серебряного века»).

Ирина Кунина родилась в Петербурге в обеспеченной буржуазной семье еврейского происхождения,⁶ окончила классическую гимназию и курсы Раева. Совсем юной девушкой познакомилась с тогдашними литературными кумирами Александром Блоком и Николаем Гумиле-

⁵ Ирена Лукшич (Irena Lukšić, 1953—2019) — филолог-славист, профессор Загребского университета, писатель, автор работ по истории русской эмиграции в Югославии и российско-хорватским культурным связям, библиографических обзоров, биограф и исследователь творчества Ирины Куниной-Александр, переводчик на хорватский язык и публикатор ее сочинений и архивных материалов; полученный ею при личной встрече текст воспоминаний является его авторизованной версией и может считаться дефинитивным. См.: *Aleksander Irina*. 1) *Svi životi jedne ljubavi: memoari i dokumenti / Prir. i prev. Irena Lukšić*. Zagreb, 2003 (название «Все жизни одной любви» принадлежит публикатору); 2) *Samo cinjenice, molim! Tekstovi i dokumenti / Prir. i prev. Irena Lukšić*. Zagreb, 2007; 3) *Douglas Tweed i ostali / Prir. i prev. Irena Lukšić*. Zagreb, 2011. Противоречивые, не лишённые политической предвзятости оценки личности и деятельности Куниной-Александр зафиксированы в откликах на указанные издания; см. список литературы при посвященной ей статье: *Židovski biografski leksikon* ([Электронный ресурс]. URL: <https://www.zbl.lzmk.hr>; дата обращения: 08.04.2024). Приводя калейдоскоп мнений современников писательницы, И. Лукшич замечает: «В любом случае, правду о ее жизни и творчестве и истинные мотивы, которые привели ее в Хорватию, мы еще долго не узнаем». См. также: *Vojvodić J. Irena o Irini // Vijenac*. Zagreb, 2008. № 369 ([Электронный ресурс]. URL: <https://www.matica.hr/vijenac/369/irena-o-irini-4691>; дата обращения: 08.04.2024).

⁶ Глава семьи, Ефим Ильич Кунин, — юрист, крупный чиновник; брат Илья был связан с кинопроизводством; младший, Михаил, — музыкальный издатель (см.: *Кунин М. Е.* 1) Из истории нотопечатания: Краткие очерки. М.: Советский композитор, 1963; 2) Нотопечатание: Очерки истории. Изд. 2-е, доп. М.: Музыка, 1966), заслуженный работник культуры РСФСР (1974); сестра Беатриса (умерла в 1942 г. при эвакуации из блокадного Ленинграда) вышла замуж за Владимира Борисовича Фейнберга (1892—1969), впоследствии известного советского режиссера; их сын — писатель Владимир Владимирович Кунин (Фейнберг; 1927, Ленинград — 2011, Мюнхен), избравший псевдонимом фамилию матери, автор повестей и сценариев более чем к 35 фильмам, среди которых такие популярные, как «Хроника пикирующего бомбардировщика» (реж. Н. Бирман, 1967), «Интердевочка» (реж. П. Тодоровский, 1989), а также «Сволочи» (реж. А. Атанесян, 2006), получивший скандальный резонанс; в начале 1990-х эмигрировал в Германию.

вым — в авторском мифе мемуаристики эти встречи будут осмыслены как инициация, символическое «посвящение» в писательство и принятие на себя этой миссии. В годы Гражданской войны большая семья спасалась от голода в хлебном Киеве, где она, поэтесса, мелодекламатор, входит в круг завсегдатаев литературно-художественного клуба «ХЛАМ».⁷ В конце 1919 года вместе с уходом белых покидает Киев и после многочисленных злоключений, уже будучи женой полковника русской армии, участника Первого Ледяного похода З. А. Чернова,⁸ в ноябре 1920 года эвакуируется вместе с мужем из Крыма, следуя типичным маршрутом через Константинополь на Балканы, в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Невозможно без содрогания читать пронзительные страницы, повествующие о беженском существовании в Которе, Герцег Нови, затем в Загребе (глава «Беда кораблю без ориентира»): бытовая неустроенность, социальная маргинализация, глубокая депрессия мужа (выведен под именем Евграфа Звенцова), сопровождающаяся вспышками агрессии, болезнь и смерть полугодовалого младенца,⁹ драма разрыва семейных отношений.

После развода с мужем Ирина Кунина в конце 1923 года возвращается в Петроград. Прекрасные внешние данные и семейные связи открывают ей путь в кинематограф (Севзапкино), где в 1924—1926 годах она снялась в нескольких фильмах, в основном короткометражных комедиях (реж. В. Шмидтгоф) (не сохранились), и в драме «Тарко» (реж. В. Фейнберг), а также выступила как сценарист в соавторстве с тем же В. Фейнбергом («Триста тридцать три несчастья») и с «фэксами» — Г. Козинцевым и Л. Траубергом («Мишки против Юденича») (не сохра-

⁷ Описанию пребывания в Киеве посвящена одна из наиболее выразительных глав «русской версии» мемуаров, где воссозданы запоминающиеся портреты Николая Агнивцева, четы Мандельштамов, Ильи Эренбурга. См.: *Кунина И.* Век мой, зверь мой...: Из книги воспоминаний // Дружба народов. 1995. № 9. С. 136—154 (глава «Киев»).

⁸ О Захаре Александровиче Чернове см.: *Волков С. В.* Белое движение: Энциклопедия гражданской войны. СПб.: Нева; ОЛМА-Пресс, 2002. С. 614; обстоятельства смерти в 1925 г. («расстрелян при переходе границы с особым поручением») не конкретизированы. См. со ссылкой на тот же источник: *Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И.* Эмигранты из России в Загребе. Изд. 2-е, испр. и доп. [Загреб: Б. и.], 2019. С. 350.

⁹ Хорватские историки, приводя данные Загребского некрополя, называют даты жизни Чернова Александра (Шурика), сына З. А. Чернова и И. Е. Куниной (Черновой): 23.02.1921—14.07.1922 (могила не сохранилась); см.: *Пушкадия-Рыбкина Т., Грубмайр И.* Эмигранты из России в Загребе. С. 350. В мемуарах ребенок именуется Кириллом. Согласно архивным документам, И. Е. Кунина в первом браке носила фамилию мужа (Там же. С. 170).

нились), пробовала себя и в газетной журналистике. Тогда же выходит единственная изданная в СССР книга Ирины Куниной — ее беллетристический дебют: авантюрная повесть «Дуглас Твед, его жизнь и достижения» (антикапиталистический памфлет, пародирующий жизнеописание Генри Форда «Моя жизнь, мои достижения»), стилистически ориентированная на киноязык того времени. Интерес представляет авторское предисловие, где задана игровая парадигма — мистификация, основанная на манипуляции со статусом автора и его гендерной репрезентацией: «Меня всегда возмущает, что женщина, пишущая авантюрный роман, выбирает себе мужской псевдоним. Обиженный и возмущенный таким бесцеремонным обращением с нами, я решил подписать свой роман женским именем».¹⁰ Подобный прием свидетельствует, с одной стороны, о внимании к повествовательной условности и социальной детерминированности литературной маски, с другой — отсылает к современному контексту: адресатом полемической реплики, без сомнения, является Мариэтта Шагинян, автор авантюрно-приключенческого романа «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924–1925), выпускавшегося сериями под псевдонимом Джим Доллар.

Вскоре жизнь Куниной кардинально меняется: в 1926 году в Вене (!) она выходит замуж за Божидара Александера (Aleksander, Theodor Kražimir, 1900–1976) — юриста, адвоката, доктора права, представителя разветвленного семейного клана хорватских промышленных магнатов (пивоваренное и солодовое производство, цементные заводы, банки, адвокатские конторы), выходцев из Австро-Венгрии.¹¹ Они познакомились на юридическом факультете Загребского университета, который Ирина посещала еще во время своего первого пребывания здесь. Она вновь в Югославии, но уже в совершенно ином социальном статусе, в родственных отношениях с одной из самых богатых в Хорватии семей,¹² известной в том числе и своим щедрым меценатством. Теперь она — хозяйка литературного салона в роскошном доме, ставшем местом встреч представителей художественного авангарда. Получая из

¹⁰ Кунина И. Дуглас Твед, его жизнь и достижения. Л.; М.: Земля и фабрика, 1925 (обл. 1926). С. [3].

¹¹ О Божидаре Александере см.: Židovski biografski leksikon ([Электронный ресурс]. URL: <https://www.zbl.lzmk.hr>; дата обращения: 08.04.2024). Подробнее об истории этой семьи и ее представителях в разных поколениях см.: Dobrovšak Ljiljana, Žebec Šilj Ivana. The Alexander Family Chronicle // Colloquia Humanistica. Warszawa. 2020. Vol. 9. P. 255–272 ([Электронный ресурс]. URL: <https://www.archive.org/details/ch.2020.015>; дата обращения: 14.04.2024).

¹² См.: Zakošek B. Irina u obitelji Aleksander // Aleksander Irina. Svi životi jedne ljubavi. S. 333–352.

СССР книжные новинки, Ирина регулярно выступает с литературно-критическими обзорами на сербохорватском языке, лучшим из которых признан обзор «Русская литература после революции»,¹³ а также с популярными лекциями, восполняя дефицит сведений о литературной жизни Советской России. В центре ее внимания — К. Федин, Л. Леонов, А. Толстой, М. Зощенко, Н. Баршев и, конечно, Е. Замятин, знакомый еще по Петрограду, с которым у нее сложились особенно доверительные отношения, о чем свидетельствует их десятилетнее эпистолярное общение, прерванное смертью писателя в 1937 году.¹⁴

Межвоенная Хорватия представляла собой периферию русского рассеяния, и конъюнктура издательского рынка была здесь намного менее благоприятной, чем, например, даже в соседнем Белграде, региональном центре русского зарубежья.¹⁵ Да и в целом Югославия, возникшая как новое государство (и геополитический проект) на руинах бывших империй, оставалась провинциальной окраиной Европы. Достаточно критично описывает Кунина-Александр окружающую ее атмосферу в письмах к Замятину из «европейской глуши», подчеркивая характерное для провинциального менталитета карикатурное сочетание модных внешних атрибутов и обветшалых стереотипов массового сознания: «Здесь мне нелегко. Страшная, совершенно неперева<вае>мая провинция с тяготением к “культуре” Европы — джаз-банду, кричаще-последней моде и прочим пошлостям. Конечно, и здесь людей найти можно, но вся так называемая интеллигенция всё еще в один голос вопит: о русской душе, непонятной никому, кроме Достоевского, о великой русск<ой> литературе, умершей в один день с Чеховым, и о русск<ом> балете, который “herrlich, kolossal, einzig”.* Особенно меня пресловутая “великая русская душа” — die russische Seel — возмущает. Больше всего из-за того, что слышите Вы это в бальном разговоре молодого “европейца” с русск<ой> эмигранткой, читаете в газетах, в статье о России и т. д.» (письмо от 8 декабря 1927 г.).¹⁶

¹³ Aleksander I. Ruska književnost posle revolucije // Vijenac. Zagreb. 1928. № 7—8. S. 339—340.

¹⁴ См.: Два письма И. Е. Куниной-Александр к Е. И. Замятину / Публ. Е. Ю. Литвин, коммент. В. М. Загребина и М. Ю. Любимовой // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб.: РНБ, 2002. С. 294—300; Неизвестные письма Евгения Замятина из американского архива / Вступ. ст., публ. и коммент. Джулии Куртис // Там же. С. 301—351.

¹⁵ См.: Лукшич И. Белградская периодика русской эмиграции: взгляд из Загреба // Новый журнал. Нью-Йорк, 2010. № 260. С. 323—326.

* Великолепный, грандиозный, единственный в своем роде (нем.).

¹⁶ Два письма И. Е. Куниной-Александр к Е. И. Замятину. С. 296.

Тем не менее Кунина-Александр деятельно выступала с культуртрегерскими инициативами. Немало энергии она отдала устройству издательских дел Замятина: перевела, сопроводив предисловием, повесть «На куличках»,¹⁷ статьи «Москва — Петербург»¹⁸ и «Современный русский театр»,¹⁹ посвятила его творчеству отдельную заметку,²⁰ добивалась от издательств выплаты гонораров, а порой сама авансировала отдельные проекты, что жизненно поддерживало материально нуждавшегося писателя. Замятин доверил Куниной-Александр перевод романа «Мы», однако неясно, успел ли он сам отправить в Загреб авторизованную машинопись романа или она попала к переводчице иным путем. Замысел не осуществился, но авторский экземпляр, представляющий русский текст романа в его полной и аутентичной версии, был передан переводчицей в 1978 году в составе ее личного архива в дар Архиву Университета штата Нью-Йорк в г. Олбани (США) и в настоящее время опубликован в сопровождении научного аппарата.²¹

1930-е годы для Ирины Куниной как писателя — время беллетристического освоения югославянского *locale color*, бытовой фактурности, поэтики политической аллюзии. Рассказы и повести этого десятилетия составили сборник «Красная феска» (Париж: Дом книги, 1938), вышедший с посвящением Божидару Александеру, — рецензент, подписавшийся инициалами И. С. (И. Я. Савич?), назовет их «умелыми литературными репортажами».²² Параллельно ведется работа над автодоку-

¹⁷ Выходила дважды отдельными изданиями: в 1928 г. под названием «*Za božjim ledama*» и в 1931-м под другим названием — «*Tamo gdje je vrag reka o laku noć*».

¹⁸ Под названием «*Moskau — Leningrad*» опубликована в загребском журнале «*Nova Evropa*» (1933. Т. 26, № 10. С. 472—481).

¹⁹ Статья «*Moderno rusko pozorište*» была опубликована в белградском журнале «*Руски архив*» (Београд. 1933. № 22/23).

²⁰ *Kunjina-Aleksander I. Evgenij Ivanovič Zamjatin // Književnik. 1930. № 10. С. 451—457.*

²¹ *Замятин Евгений. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа / Сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М. Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Мирь, 2011.*

²² См.: Грань: Отклики современной жизни и мысли / Под ред. С. В. Иегулова и И. Я. Савича. Париж, 1939. № 1. С. 51—52. См. замечания о рассказе «Пикколо» и — развернутые — о повести «Красная феска», высказанные Замятым в письмах к автору (Неизвестные письма Евгения Замятина из американского архива. С. 320; 327—329, 330; см. с. 337), а также подробный, достаточно критический анализ пьесы «Пушкин» (была поставлена Загребским театром, однако успеха не имела), чему полностью посвящено письмо от 4 февраля 1937 г. (Там же. С. 436—350).

ментальной прозой — осмыслением собственного жизненного опыта в форме биографического повествования, отчасти беллетризованного. На суд читателя была представлена книга «Только факты, сэр!» (Берлин: Петрополис, 1933), где установка на фактуальность программно декларировалась названием, представляющим собой цитату, и эпиграфом: «В этой жизни нам нужны только факты, сэр; ничего, кроме фактов», отсылающим к начальным фразам романа Ч. Диккенса «Тяжелые времена». Инициальная глагольная конструкция — «Помню:», используемая дважды, в первом и втором абзацах, выносит к порогу рецепции поэтику воспоминания, реализованную в форме внутреннего монолога, — «факты» же с неизбежностью становились частью коллажной композиции, сотворенной памятью и письмом. На книгу обратили внимание читатели выдающиеся — ведущий критик русского зарубежья Георгий Адамович, высказавшийся о ней в печати, и писатель Владимир Набоков, известный своей неприязнью к «дамскому» творчеству, — он ограничился рамками эпистолярия. Оба включают сочинение Куниной в гендерную парадигму. Сопоставление с романом Г. Кузнецовой «Пролог», где основная нота — спокойная, тихая «женственность», «история человеческой души, а не летопись событий», по мнению Адамовича, не в пользу Куниной: тема «женщина, застигнутая революцией» решается ею в исступленно-невротическом ключе, изображенный опыт не обладает всеобщностью даже на уровне поколения, оставаясь уделом «одиноким мятежной души», соблазненной революционной романтикой.²³ Набоков в письме к Зинаиде Шаховской от 25 июля 1933 года, каламбурно сближая фамилии писательниц, авторов книжных новинок, дал волю иронии: «Так случилось, что за последнее время я много читал книг женского пола. “Только факты, сэр” госпожи Куниной, например, и “Тело” госпожи Бакуниной. Первая далеко не бездарна, но пишет так, словно моет пол а grandeur,* шумно выжимая — дочерна мокрую — половую тряпку в ведро, из которого затем поит читателя; в общем книга скучная и кривая».²⁴ Напомним, что упомянутый роман Екатерины Бакуниной вызвал волну полемики о статусе «человеческого документа» — повествования интимно-бытового содержания, исповедально-дневникового (автобиографического) в своей основе, стремившегося

²³ Адамович Г. Литературные заметки: Г. Кузнецова. «Пролог». Роман (Париж, 1933); Ирина Кунина. «Только факты, сэр». Роман (Берлин, 1933) // Последние новости. Париж, 1933. 18 мая. № 4439. С. 3.

* С большим количеством воды (*фр.*).

²⁴ Цит. по: Шраер Максим Д. Почему Набоков не любил писательниц? // Дружба народов. 2000. № 11. С. 199.

утвердиться в мейнстриме литературы русской диаспоры.²⁵ На этом фоне и роман Куниной, голос «застигнутой революцией», воспринимался в духе «человеческого документа», но с «большевистским» акцентом.

После вторжения Германии и ее союзников в Югославию (апрель 1941 г.) супруги Александер, спасаясь от фашистов, бежали в США. В Америке Кунина-Александер активно сотрудничала в русских эмигрантских изданиях, подготовила иллюстрированную «Историю России для детей», издала в переводе на английский свой роман «Набегающая волна» (*The Running Tide*, 1943), в центре которого образ первой в мире женщины — капитана морского судна Валентины Орликовой. Непримируемая антифашистская позиция, занятая писательницей, выражалась в возросшем чувстве патриотизма и солидарности с народом Советской России, мужественно сражающимся с врагом. Эти настроения сблизили ее с «левой» редакцией журнала «Новоселье» (ред. С. Ю. Прегель), где она опубликовала несколько рассказов и очерков.²⁶ Один из них — «Петербург — Ленинграду» — был прочитан на вечере, устроенном редакцией 6 марта 1943 года,²⁷ что оставило след в эпистолярных ан-

²⁵ См.: Грякалова Н. Ю. Право на признание: от «человеческого документа» к эго-литературе (М. Башкирцева — М. Шкапская — Е. Бакунина) // Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России на рубеже XIX — XX веков): Коллективная монография. СПб.: Росток, 2021. С. 528—543.

²⁶ См.: Журнал «Новоселье» (Нью-Йорк; Париж, 1942—1950): Роспись содержания / Сост. Владимир Хазан (при участии Ханы Кюнелт); Вступ. ст. Владимира Хазана // Псевдонимы русского зарубежья: материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 526—598. Ср. замечание автора вступительной статьи об идеологической позиции журнала и его редактора: «С момента своего возникновения журнал внятно ориентировался не только на антифашистскую идеологию, но и на патриотические российские ценности, и это провело решительную грань между Прегель и той частью эмиграции, которая, отличаясь не меньшим, нежели она, либерализмом, в отношении к Советскому Союзу занимала куда более жесткие и непримиримые позиции. <...> Советофильство Прегель в значительной мере основывалось на подъеме патриотических чувств и российской национальной идентификации, которые с невиданной силой пробудила у эмигрантов Вторая мировая война» (Там же. С. 533, 534).

²⁷ Кунина И. Петербург — Ленинграду // Новоселье. Нью-Йорк, 1943. Апрель. № 2 [12]. С. 8—14. В заметке «От редакции» отмечалось: «Настоящий номер “Новоселья” посвящен Петербургу — Ленинграду, городу, сотворенному Петром, ставшему в 19 веке хранителем и воплощением русской культуры и являющемуся ныне символом героизма и величия русского народа в его борьбе за свободу и независимость родины. В образе Петербурга — Ленинграда соединяются все лучшие традиции нашего про-

налах. Своим впечатлением о событии не без сарказма делился с В. Набоковым известный литератор, журналист, влиятельный литературный критик Эдмунд Уилсон, отличавшийся «левизной» политических взглядов, что объясняет его интерес к культурной акции русских эмигрантов. «Дорогой Владимир, — доверительно обращался он к русскому писателю. — На днях познакомился с очень хорошенькой русской, Ириной Куниной, она сотрудничает с “Новосельем”. Вам что-то про нее известно? Вчера вечером по ее приглашению ходили на вечер “Новоселья” и ушли с ощущением, что “Новоселье” — это своего рода сталинская “агитбригада”. Весь вечер звучали выступления и стихи, прославляющие оборону Ленинграда. “Установка”, по всей вероятности, выполнена не была, ибо почти все речи получились одинаковыми и <...> прямолинейными <...>. Все как безумные цитировали “Медного всадника” — порой совершенно не к месту. На протяжении всей своей речи мадам Кунина не уставала повторять: “Петербург тире Ленинград”. Домой я вернулся в угнетенном состоянии» (письмо от 7 марта 1943 года).²⁸ Русский писатель ответил своему американскому приятелю в тот же день, не преминув подчеркнуть собственную эстетизированную аполитичность: «<...> твое описание небольшого *soiree littéraire** замечательно. Вот почему я всегда держался подальше от всех этих Поэтических Землячеств в Париже или где бы то ни было. <...> Меня позабавило это твое “тире Ленинград”. В Париже это звучало бы “мир пуст тире Пруст”».²⁹

Супруги Александер прожили в Америке до 1955 года. Божидар занимал пост руководителя одного из департаментов в Организации Объединенных Наций, созданной в 1945 году, по возвращении в Европу — сотрудник UNESCO в Париже, вплоть до выхода на пенсию в 1960 году. Затем супруги поселились в Швейцарии, в Ла Тур-де-Пей (La Tour-de-Peilz), кантон Во, на северо-восточном берегу Женевского озера. В 1965 году совершили поездку в СССР, навестив родственников в Ленинграде. После кончины мужа, последовавшей в июне 1976 года, Ирина Кунина переезжает в Женеву. Здесь она проживет еще четверть века в неустанных трудах: подготовит личный архив к передаче в Университет штата Нью-Йорк г. Олбани (США), примет участие в подготовке

шлого, все муки и сила духа настоящего, все упования на светлое будущее» (С. 3).

²⁸ «Хороший писатель — это в первую очередь волшебник...»: Из переписки Владимира Набокова и Эдмунда Уилсона / Сост. и пер. с англ. А. Ливерганта; вступ. ст. и коммент. Н. Мельникова // Иностранная литература. 2010. № 1. С. 108–109.

* Литературный вечер (*фр.*).

²⁹ [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/pisma/nabokov-i-uilson/>. В печатную версию переписки не вошло.

своих произведений к печати и при этом станет персонажем литературного произведения,³⁰ снимется в документальном фильме, встретит миллениум и, в возрасте 102-х лет, тихо отойдет «в ту область ночи, откуда возвращенья нет».

Важнейшей частью наследия Куниной-Александр являются ее литературные мемуары. Они писались на протяжении нескольких десятилетий и представляют собой образец «бесконечного текста», а значит, по определению, остались незавершенными. Текст структурирован чередой «встреч» на жизненном пути, и первой в этой тематической серии является история встречи с Александром Блоком. 30 января 1918 года поэт выступил с чтением стихов на благотворительном литературно-музыкальном вечере в зале Института инженеров путей сообщения, организованном группой молодых людей в пользу семей А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, первых жертв красного террора.³¹ Этой встрече, по словам мемуаристки, склонной романизировать коммуникативную ситуацию, предшествовало «с полдюжины» телефонных разговоров, что, однако, в ежедневнике Блока за 1918 год (записная книжка № 56) не отражено, хотя он максимально полно отмечал поступающие в течение дня телефонные звонки. Но они, безусловно, были — фамилия барышни, захвавшей за ним 30 января на реквизированном автомобиле, записана на слух и потому искажена: «Барышня Пунина на автомобиле».³² Мемуаристка ошибается в дне проведения вечера, относя его к 26 или 28 января (по старому стилю), — в действительности он состоялся 30 января: дата зафиксирована Блоком и в записной книжке, и в дневнике (запись от 31 января с пометой: «Вчерашнее»)³³ Встречаются здесь и другие ошибки памяти. И это неудивительно, ведь воспоминания писались в течение многих и многих лет, всё более отдаляя автора от пережитых некогда событий.³⁴ Дело не в хронологической точности и следо-

³⁰ Кунина-Александр под именем Сидонии Полак-Уилсон выведена в одном из рассказов Ирены Лукшич: его главный герой, хорватский ученый, едет в Женеву, чтобы получить архив загадочной писательницы... См.: *Lukšić Irena. Sjajna zvijezda Rovinja. Zagreb: Mozaik knjiga, 2001.*

³¹ Депутаты Учредительного собрания от партии конституционных демократов (кадетов), А. И. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин, были убиты в ночь с 6 на 7 января 1918 г. в Маринской тюремной больнице революционными матросами. Расправа была жестокой и бессмысленной.

³² ИРЛИ, ф. 652, оп. 1, ед. хр. 364, л. 16 об. Ср.: *Блок А. Записные книжки. М.: Художественная литература, 1965. С. 387* (как в автографе). В комментариях к данному изданию конкретное лицо не установлено.

³³ *Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 323.*

³⁴ Первоначально данный мемуар был представлен в сжатом виде в автобиографическом романе «Только факты, сэр!», работу над которым ав-

вании деталям, а в символической интерпретации встречи как дара судьбы: ведь за кулисами Блок прочитал молодым своим современникам законченную буквально накануне поэму «Двенадцать» — они стали ее первыми слушателями, в чем виделся знак избранничества. «Как блоковская, Блоком воспетая зима, был наш вечер с ним, его нам Блокоявление, да еще в самые что ни на есть крещенские морозы, сразу после Крещения (Богоявления)...». ³⁵ Кто бы мог подумать, что в 1933 году Кунина-Александр в далеком знойном Загребе переведет поэму Блока, знакомя зарубежную публику с ритмами и голосами революционной России! ³⁶

Знакомство с «новыми людьми», представителями «племени младого, незнакомого», стало для Блока импульсом к написанию очерка «Русские дэнди» (2 мая 1918), выдержанного в тонах язвительного критицизма — им окрашены многие страницы блоковской прозы пореволюционного времени. Фигурировала здесь и наша героиня, причем в сцене, не лишенной эротических коннотаций: «Знаменитый баритон оживленно разговаривал с очень хорошенькой барышней, которая помахивала белым тюльпаном», и еще раз — «барышня с тюльпаном». ³⁷ Практически все персонажи очерка имеют реальные прототипы: и его протагонист, «юноша Стэнч» (так он обозначен в первоначальной дневниковой записи-наброске) — Валентин Стенич, ³⁸ и «очаровательная

тор датирует 1928 годом. Полная версия впервые опубликована в 1959 г. на сербохорватском языке, с приложением очерка Блока «Русские дэнди»; название «Сорок январей» фиксировало временную дистанцию, отделяющую автора от описываемых событий. См.: *Kunjina-Aleksander I. Četrdeset januara (Uspomene na Bloka) // Književnik. Zagreb. 1959. № 6. S. 76–89.* В русской версии это уже «чудовищное расстояние в семь десятков лет» (*Кунина И. Встреча с Блоком // Литературное обозрение. 1991. № 9. С. 94.*)

³⁵ Там же.

³⁶ Опубл.: *Književnik. Zagreb. 1935. № 7–8.* Е. Замятин назвал перевод «превосходным» (Неизвестные письма Евгения Замятина из американского архива. С. 320). Разные мнения на этот счет приводит Йоле Станишич в статье «Блок в Югославии (о переводах “Двенадцати”» (Александр Блок: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1987. С. 202–232).

³⁷ Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 6. С. 53, 55. Очерк «Русские дэнди» в настоящее время готовится к изданию в составе 9-го тома академического Полного собрания сочинений и писем Блока.

³⁸ В. О. Стенич (1897–1938) — самый известный персонаж блоковского очерка. О нем и его трагической судьбе см.: *Вахитова Т. М. «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // Русская литература. 1998. № 4. С. 162–185; Успенский П. Валентин Осипович Стенич — «русский денди»: К типологии форм авангардного поведения // Светлост са истока: јапанска култура и ми = Свет с востока: јапонска култура и ми = Ex oriente lux:*

танцовщица», «маленький розовый комочек, крошечный розово-красный мирок», динамический центр повествования — звезда Мариинской балетной сцены Елена Люком, и другие участники концерта (солист Мариинского театра баритон И. И. Тартаков, артисты Александринского театра супруги Евгений Студенцов и Нина Железнова, известный пианист-аккомпаниатор М. Т. Дулов). А вот Ирина Кунина оставалась долгое время «прекрасной Незнакомкой». Ее воспоминания «Встреча с Блоком», хоть и в значительной степени беллетризованные, дополнили существенными деталями и конкретными именами этот коллективный портрет в интерьере эпохи крушения империи.

Вступить в переписку с В. Н. Орловым, своим коллегой по литературному цеху, Кунину-Александр побудила книга «Гамаюн. Жизнь Александра Блока». Вышедшая первым изданием в 1978 году, она выдержала несколько переизданий и пользовалась неизменным читательским спросом на книжном рынке Советского Союза, не столь уж богатом документальными биографиями из эпохи «Серебряного века». Встреча с книгой стала для писательницы новым витком возвращения в прошлое. По этому случаю были написаны два стихотворения, пронизанные блоковскими аллюзиями и автореминисценциями, отсылающими к страницам мемуарной прозы. Одно из них, «Вы пришли с мороза розовая...» (10 января 1984), было посвящено знакомой, Марине К., которая и рекомендовала к прочтению книгу советского блоковеда.³⁹ Второе, «“Песня Судьбы” меня звала...» (30 января 1984; см. *Приложение к письму 1*), сопровождала дедикация («Вл. Орлову за “Гамаюна”») и следующее примечание: «Ах, уж эти мои блоковские январь! К сорока воспетым еще один прибавился — Орловым и Мариной, давшей мне “Гамаюна” — “Вам необходимо это прочесть...” сказала».⁴⁰ Оба стихотворения были посланы Орлову при письме от 22 мая 1984 года, к ним прилагалась недавняя, 1982 года, фотография. Письмо женевакской незнакомки не осталось без ответа, что ясно из второго ее послания, однако местонахождение письма В. Н. Орлова, к сожалению, неизвестно. Следующие два письма освещают комичную в своих деталях ситуацию, хорошо известную жителям СССР периода «перестройки», — попытку доставить с оказией диктофон, чтобы помочь теряющему зрение литератору про-

japanese culture and we. Београд: Faculty of Philology of the University of Belgrade, 2014. С. 310–359.

³⁹ Текст посвящения: «Марине К., и слушавшей внимательно, и критиковавшей, умно, и помогавшей немного с неудавшейся перепиской, посвящая эти стихи с благодарностью — за помощь и за Вл. Орлова» (РГАЛИ, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 166, л. 3). Первая строка стихотворения — парафраз блоковского: «Она пришла с мороза / Раскрасневшаяся...» (1908).

⁴⁰ Там же. Л. 8.

должать свою писательскую деятельность. Однако в силу ряда нелепых обстоятельств посылка вернулась к отправителю. Прекратилась и едва начавшаяся переписка: Владимир Николаевич Орлов скончался в Ленинграде 8 марта 1985 года.

Письма И. Е. Куниной-Александр публикуются по оригиналам (машинопись со вставками от руки, на именных бланках), хранящимся в РГАЛИ (ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 166).

1

Irina Alexander
4, Rue de Hesse
CH – 1204 GENEVE
(022) 212174

22 мая 1984

Дорогой и многоуважаемый Владимир Николаевич,

Не эгоистически, а с благодарным вниманием к Вам, надеюсь, что это письмо и приложение к нему застанут Вас в хорошем здоровье и настроении, соответствующем моему неумному, несмотря на возраст, порыву и порывистости, а не булыжником упадет в тарелку остывающего на столе супа или дремлющей корректуры.¹

Не стану Вам долго и подробно объяснять, кто я да что — это неважно, но важно, чтобы Вы знали, что Блок читал мне и моим друзьям подросткам — ПЕРВЫМ, чтобы после ни говорил и ни говорили, «Двенадцать» из тетрадки в черной клеенчатой, коробившей мои барские вкусы (тогдашние) малого формата тетради, в которых лавочки в дни моей молодости записывали должников и взятый в долг товар.² Это были тетрадки неотделимые от отрубей на изразцовых полах в слякоти в эстонских молочных и немецких колбасных старого Петербурга, где я родилась, окончила гимназию, и скромная моя слава тогдашней эпохи было храброе знакомство с Блоком, зимой 1918-ого, дружба с Николаем Степановичем,³ которого Вы (единственная несправедливость Ваших замечательных двух книг, с которыми не расстаюсь)⁴ назвали стихотворцем, а его экзотика была не хуже рембоовской <так!> и других поэтов Запада в то время.⁵ На меня она, кстати, производила нехорошее впечатление не стихами, а абиссинскими его халатами и тюбетейками, но согревала во тьме и холоде тех лет, как если б в Сицилии с холодным ветром перешла с тротуара декабрьской стороны на залитый солнцем — противоположный — июньский. К моей комической славе прибавил Блок хорошенькую девушку, игравшую белым тюльпаном, обойдя причину его прихода в ответ на мое приглашение, несправедливым очерком «Рус-

ские дэнди», основанном <так в тексте!> на диком вранье профессионального, но и талантливого, мифомана, Вали Стенича (Сметанича), дружбой с Серапионами — словом, слава хорошенькой девушки, писавшей легко подражательные стихи, напечатавшей несколько книг, на разных языках, вдовы югослава,⁶ проговорившей всю жизнь (я старше Вас) на сербско-хорватском, переводившей и писавшей много о советских писателях и поэтах, попавшей за это в массу неприятностей в далекие времена, но зато и в разные энциклопедии и иные справочники. Создавшей ничего, но обладающей памятью слона, неизвестно почему прославившейся, и потому пишущей теперь, в память о муже и жизни, мемуары, как и полагается.⁷ Но проболев минувшую зиму, мучаясь мировой тоской погони за временем, отнимающей больше всего времени, я с полным отсутствием логики решила — сначала написать Вам — вернее, переписать, <отому> <то> написаны в январе, стихи Вам посвященные⁸ и сказать, как мне жаль, что нет возможности с Вами обо всем лично поговорить. Вы моложе, и могло бы Вам пригодиться то, что я не успею записать.

Если Вы собирались за границу, или собираетесь — я в Женеве и тут помру. В Ленинграде была в 65-ом году,⁹ с покойным другом жизни, и несколько дней в августе 82-ого — тогда уже совсем круглой сиротой среди знакомых улиц и зданий.

Простите за неряшливость письма, но печатаю я плохо и быстро 60 лет одинаково, и так же пишу. Быть может, Вы мне не поверите, но я храню в доказательство рукопись, стихи, посвященные Вам, написаны почти без поправок. Take them as are,¹⁰ со всеми их недочетами.¹¹

Прилагаю и любительскую карточку свою 82-ого года, чтобы стать конкретнее.

[Далее приписка:] (Alexander, Vozidar, международный юрист и бывший <ий> дир<ектор> в ООН в Нью-Йорке, был хорват, мы вместе учились в Загребском Университете).

Жму Вашу руку с благодарностью и уважением

Ирина А<лександр>

(Ирина Ефимовна, урожд. Кунина).

¹ Три последних слова приписаны карандашом.

² Оспаривая утверждение о том, что поэму «Двенадцать» до февраля 1918 г. Блок никому не читал, мемуаристка подчеркивает: «Он читал ее нам в черновике! В тот вечер! <...> Я не только запомнила целые строфы тогда же, клеенчатую тетрадку (меньше школьной, больше лавочной книжечки для заказов), обидевшую меня за него» (Литературное обозрение. 1991. № 9. С. 95).

³ См. мемуарный очерк Ирины Куниной «Моя гумилевская весна» (Там же. С. 97–101).

⁴ Имеются в виду книги В. Н. Орлова «Перепутья. Из истории русской поэзии начала XX века» (М.: Художественная литература, 1976) и «Гамаюн. Жизнь Александра Блока» (Л.: Советский писатель, 1978).

⁵ См. главу о Н. Гумилеве, предваренную эпиграфом из стихотворения «Память» («Только змеи сбрасывают кожи...»): «Он повесил вывеску поэта...» и содержащую резко негативную оценку его творчества, в целом характерную для критика: *Орлов Вл.* Перепутья: Из истории русской поэзии начала XX века. С. 117–127. Считая раннюю поэзию Гумилева отмеченной «неизгладимой печатью декоративной красоты, нарочитого украшения», он писал об экзотических мотивах следующее: «Более свежую струю вносила в стихи молодого Гумилева географическая экзотика, которую он сильно увлекался. Здесь он тоже шел по следам Брюсова (отчасти и Бальмонта), нередко срывался в те же красоты, в звонкое бряцание слов <...>. Но иногда ему удавалось, увлеченно рассказывая о слонах, жирафах, львах и обезьянах, передать романтическое чувство “дальних странствий”...» (Там же. С. 121). Ориентальная тема сближала Гумилева с французским поэтическим ориентализмом от романтиков до парнасцев («Orientales» В. Гюго, «Poemes barbares» Леконта де Лиля, «Трофеи» Хозе-Мария Эредиа, жизнетворчество А. Рембо, первым из европейских поэтов посетившего Абиссинию).

⁶ См. ниже приписку на полях. О Божидаре Александре см. в предисловии к публикации.

⁷ *Сверху приписка:* пишу я, а не слон.

⁸ См. Приложение к письму 1.

⁹ Эту дату своего визита в Ленинград Кунина-Александр отметила в воспоминаниях: «У братьев (в 1965 году) выпросила карточку отца подле моего секретера...» (Кунина И. Век мой, зверь мой...: Из книги воспоминаний // Дружба народов. 1995. № 9. С. 168).

¹⁰ Возьмите их такими, какие они есть (*англ.*).

¹¹ Фраза приписана карандашом. Дальнейший текст также написан карандашом.

Приложение к письму 1

Вл. Орлову за «Гамаюна»

«Песня Судьбы» меня звала
В самую глубь далёка,
И глядя назад, вперед я шла
Дантовским лжепророком.

БАРЫШНЯ С БЕЛЫМ ТЮЛЬПАНОМ

А когда наступила пора итогам —
Их самый последний срок —
Я знала, что первым к нынешним богам
Был и остался Блок.

Что с ним, да вокруг вилась как мгла
Плющом вокруг мощного дуба.
Не трелью свистя, а кушкая <?> в лад,
Надрывая силы сугубо.

А «Песня Судьбы» меня вела
Всё дальше, всё глубже в Далёко,
И глядя назад, вперед я шла
Дантовским лжепророком.

Где твой белый конь, мой бог и поэт?
Я бы вскинула ногу в стремя,
И помчалась стрелой в Петербургский рассвет —
В мое потонувшее время.

Чтоб прощенья просить, что оставила всех
Без себя, моей ласки и жалости,
Всех, кому был утехой веселый мой смех,
Что хранила под спудом усталости.

А что, если в горечи далека́,
Я втройне за всех изболелась?
Ведь на месте своя, не чужая тоска,
Как рубаха своя, ближе к телу.

.....

Так «Песня Судьбы» вела и вела
В самую гущу Далёка,
Я глядела назад, всю жизнь прошла
Дантовским лжепророком.

Я вернусь, чтоб губами к могиле припав
Одного из любимых поэтов,
Прошептать: «Вам спасибо, что я не слепа,
Что светили мне всюду — за это!»

И Орлова нашла бы, чтоб в пояс поклон
Отвесить ему за Блока.
Что всего осветил нам один только он
До устья от светлых истоков.

За чуткое ухо, за такую любовь,
За страданья поэта и юность,
Что перо окунал не в чернила, а кровь,
Когда нам писал «Гамаюна».

НАТАЛИЯ ГРЯКАЛОВА

Вар. I   И поэт нам предстал не птицей мечты
              В символистских сумерках слова,
              Не бугаевским символом высоты,
              А Поэтом! Спасибо Орлову!

Вар. II   И поэт нам предстал не птицей мечты,
              К жизни призванной магией слова,
              Васнецовским символом высоты,
              Угаданным только Орловым.

Он не всех засудил, чтоб герой был Бог —
Показал лишь безумие времени...
Одного, одного он знать-то не мог:
Нашей горькой Истории бремени.
Чтоб сравнить, чтоб сказать: «Так было и есть!»
Это русское наше проклятье,
Потому нам поэт как небесная весть.
Смерть поэта — Христово распятье».

Не в угоду врагам я всё это твержу,
А тоскою сердца дочёрня —
«Пронеси неизбежную русскую жуть», —
Я молюсь в молитве вечерней.

Так книга Орлова меня увела
В самую глубь Далёка,
И глядя назад, до конца я дошла
Дантовским лжепророком.

Женева. 30.I.<19>84

2

Irina Alexander
4, Rue de Hesse
CH — 1204 GENEVE
(022) 212174

19 октября 1984

Многоуважаемый Владимир Николаевич,

Поверите ли, что болезнь глаз помешала мне ответить Вам раньше? Вы можете спросить себя: что я могла Вам ответить? Ответ ответа не требует, но я была больно потрясена Вашим сообщением о потере зрения, считала это для писателя горькой несправедливостью судьбы, с которой у меня нелады — так сержусь я на нее за именно это такое бессердечие — что и слов не находила для письма. А думала об этом горе для

всех нас, Ваших поклонников, и в первую очередь Вас и Ваших — очень, очень часто. А у меня, хоть и уверяет офтальмолог, что опасности для зрения нет, мучительное отсутствие слез и аллергия ко всем лекарствам — как лечить такого пациента? Боли, да и только, а то туман перед глазами. Но не будем об этом, а скажем себе, что мы с Вами, с этим глазным горем, стали братьями во Блоке, как была группа некогда братьев во Толстом. Мне Стефан Цвейг,¹ и после Федин в молодости, об этом рассказывали. Цепь братства и дружбы началась в Ясной Поляне: Ганди, Цвейг, Ромен Роллан,² а когда больной Константин Александрович был в Давосе, мы с мужем и Ромен Роллан заботились о нем, мы ездили его навещать, а Ромен Роллан звонил ему часто и уговорил его приехать, как только ему лучше стало.³ Об этом я еще во время войны писала — именно о цепи дружбы, о братстве во Толстом.⁴ Неужели нас с Вами, дай Бог! братской дружбой свяжут глаза? Вернее: неужели не свяжут? А спрашиваю я это потому, что хочу осмелиться по этим мне еще не данным Вами правам, предложить Вам праздничный — к концу года, т. к. к государственным праздникам не поспеет — подарочек. Пусть та же славная рука, что писала Ваше письмо, мне ответит: могли бы Вы пользоваться диктофоном? Я предлагаю диктофон на кассетный магнитофон, говорят мне — самое легкое дело им пользоваться. Не может писатель, как Вы, ученый, как Вы, столько знающий и умеющий, перестать писать! Сколько писателей, особенно в Америке, диктуют в магнитофон, потом с ленты идет на запись, а можете до того себе «проиграть» и править. Скажите: да, скажите, какая система Вас больше интересует, и это будет послано Вам с кем-нибудь из едущих в Союз — такие случаи нередки. Не беспокойтесь о расходах, с этим связанных, — сама я не могла бы себе это позволить, но я рассылаю в таких случаях фотокопированную карточку всем близким друзьям, категорически отказываясь принимать и делать подарки к праздникам, и прошу участвовать со мной в чем-то меня интересующем. Я делала это не раз, а меня ваш труд больше интересует, чем что-либо иное.

Мне звонили из М<оскв>ы, просили разрешения писать обо мне, вернее, о моих воспоминаниях, но я отказалась давать или обещать шкуру неубитого медведя, но, конечно, pošлю, куда Вы просили.⁵ Ведь и 60 (и даже сто) лет за границей не сделают из меня ни китайку, ни что другое, а подавно просьба автора книги, такой книги о Блоке⁶ — для меня не просьба, а наказ. Нарочно говорю — не приказ, боясь казенщины этого слова во всех случаях, кроме стиха Вашего тезки: «Приказ по Армии Искусства».⁷

Вот как я разболталась, в надежде, кажется, «заговорить» Вас и заставить согласиться принять подарочек от названной сестры во Блоке, лет на пять, пожалуй, старше Вас.

И простите мой русский язык — я всё твержу, что он не русский больше, а этрусский. И подлинно — легко ли: ведь шестьдесят лет на другом славянском языке разговариваю да на четырех европейских, два из них, правда, с детства знала: французский и немецкий. Я ведь на сербско-хорватский больше всех в Югославии перевела и предисловий написала — теперь спохватились и много обо мне там пишут,⁸ под разъезд, что говорилось в старину, а то: под мой отъезд. Мы с веком свой век прожили, но я должна закончить работу — это мои костыли, хоть хожу как в молодости: никто за мной угнаться не может.

Крепко и с заочной дружбой жму Вашу руку и ту добрую, что мне ответила за Вас. Чья она, смею спросить?

Ирина Кунина-Александр.⁹

¹ См. воспоминания о знакомстве с Цвейгом в Зальцбурге в 1930 г., написанные после известия о самоубийстве писателя в феврале 1942 г. в Петрополисе, предместье Рио-де-Жанейро: *Кунина И. Е. Встреча со Стефаном Цвейгом // Новоселье / Под ред. С. Прегель. Нью-Йорк, 1942. Апрель. № 3. С. 29–35.*

² Индийский мыслитель, общественный и политический деятель М. К. Ганди (1869–1948), писатели Ромен Роллан (1866–1944) и Стефан Цвейг (1881–1942) вдохновлялись философией и творчеством Л. Н. Толстого. Идея непротivления злу насилieм была положена в основание гандизма — идеологии «ненасильственного сопротивления» в борьбе за гражданские права и свободы, а также пацифистской позиции названных европейских писателей. Ганди и Роллан состояли в переписке с яснополянским «учителем жизни», Цвейг приезжал в СССР для участия в торжествах по случаю 100-летия со дня рождения писателя. В своей речи в Большом театре 10 сентября 1928 г. он подчеркнул объединяющее значение личности Толстого: «Величайшая заслуга Толстого в том, что он научил западного человека понимать бывший ему ранее чуждым русский народ. <...> В круг идей и творчества Толстого были вовлечены люди разных стран и культур. Под его влиянием находятся и Ромен Роллан во Франции, и Махатма Ганди в далекой Индии. Поэтому сегодняшний праздник — всечеловеческий праздник, и его переживают вместе с нами многие и многие миллионы людей различных стран». Накануне вышла в свет книга Цвейга «Великая жизнь. Лев Толстой», выпущенная ленинградским издательством «Красная газета» тиражом 25 тыс. экз. Во время празднования юбилея состоялась встреча австрийского писателя с К. А. Фединым, с которым впоследствии он поддерживал переписку (см.: *Брайнина Б. Федин и Запад: Книги. Встречи. Воспоминания. Изд. 2-е. М.: Советский писатель, 1983 (Глава 9. Стефан Цвейг — письма — прощание). Подробности своего путешествия в Россию (Москву, Ленинград и Ясную Поляну) Цвейг описал в мемуарно-публицистической книге «Вчерашний мир. Воспоминания европейца» (полный перевод: М.: Изд-во редких книг, 2023).*

³ С сентября 1931 г. до июня 1932 г. Федин лечился в Давосе (Швейцария) от туберкулеза легких, затем продолжил лечение в Германии, в Сан-Блазиене. Он дважды посетил Роллана, проживавшего в Вильнёве на Же-

невском озере, заручившись для этого посредничеством А. М. Горького, который сообщал Федину 9 апреля 1932 г.: «Дорогой Константин Александрович, — написал Роллану, чтоб он пригласил вас, и буду очень рад, если это свидание состоится. Мне, почему-то, думается, что между вами и Ролланом есть — кроме идеологически общей умонастроенности — еще и субъективно сходные черты и что свидание ваше с ним будет приятно и полезно для обоих» (Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 536). 17 июня 1932 г. Федин писал Горькому из Сан-Блазиена: «Перед тем как расстаться с Давосом, я съездил на Женевское озеро, к Роллану. Бесконечно благодарен вам за это знакомство. Как жалко, что вы знаете Роллана только по переписке и книгам. Он произвел на меня большое впечатление. <...> Он очень хорошо меня принял, я был у него дважды и подолгу, и в разговоре он касался множества тем...» (Там же. С. 538, 539). Заметки Федина под названием «У Ромена Роллана» были опубликованы в газете «Известия» (1932. 13 июля. № 192); позже, дополненные впечатлениями от встречи с французским писателем во время его пребывания в Москве с 23 июня по 21 июля 1935 г. по приглашению Горького, перепечатаны в альманахе «Год девятнадцатый» (М., 1936. № 9. С. 40—48).

⁴ О какой именно публикации идет речь, установить не удалось.

⁵ По-видимому, Орлов вел переговоры о публикации воспоминаний Куниной, однако информацией об этом мы не располагаем.

⁶ Речь идет о книге В. Н. Орлова «Гамаюн. Жизнь Александра Блока» (см. предисловие к публикации).

⁷ Стихотворение В. В. Маяковского «Приказ по армии искусства» (1918).

⁸ См., например: *Dvoržak S. Aleksander-Kunjina, Irina // Leksikon pisaca Jugoslavie*. Т. 1. Novi Sad, 1972; *Vaupotić M. Aleksander-Kunjina, Irina // Hrvatski biografski leksikon*. Т. 1. Zagreb, 1983; а также: *Užarević J., Lukšić I. Ruska (sovjetska) književnost u hrvatskim književnim časopisima 1917—1945 // Croatica bibliografije*. Zagreb, 1982. № 29. См. также библиографию при статье, посвященной Куниной-Александр, в электронной энциклопедии: *Židovski biografski leksikon* ([Электронный ресурс]. URL: <https://www.zbl.lzmk.hr>; дата обращения: 03.04.2024).

⁹ Подпись — карандашом.

3

Irina Alexander
4, Rue de Hesse
CH — 1204 GENEVE
(022) 212174

13 декабря 1984

Многоуважаемый Владимир Николаевич,

Вчера вечером одна милая соотечественница взяла Ваш диктофон, чтобы отдать другой, едущей в Москву. Одновременно пишу моей пле-

мяннице, живущей в Ленинграде, и почти наверняка уезжающей в Москву, к родителям¹ на праздники, чтобы взяла там Ваш аппарат и привезла после праздников в Ленинград. Очень хотелось бы, чтобы именно так всё произошло, т.е. чтобы едущая в М<оск>ву непременно взяла его, потому что такие окказы <так!> зимой реже. Русская милая женщина, у которой хороший светлый голос, а не такой жутко-глухой и низкий, как у меня, «наговорила» Вам точное объяснение пользования, на случай, если у Вас никто не смог бы перевести Вам иностранный текст. Впрочем, они в указаниях на восьми языках. Но моя Таня всё объяснила по-русски. А я только своим басом привет послала.

По получении прошу Вас подтвердить, чтобы успокоить особу, взяв-шую на себя пересылку.

С наилучшими пожеланиями к Новому Году Вам и Вашей семье.

Жму руку

Ирина Александер.²

P. S. На одной из кассет написано нами карандашом, что тут «наговорили» инструкции. Когда научитесь, сотрете его новым текстом, уже Вашим.

¹ В Москве жила семья одного из братьев Куниной — Ильи Ефимовича.

² Фраза приписана карандашом.

4

Irina Alexander
4, Rue de Hesse
CH — 1204 GENEVE
(022) 212174

21 декабря 1984

Уважаемый Владимир Николаевич,

Как всё могло бы быть просто в жизни, если бы не было так удивительно и так никчемно сложно! После такой глубокой мысли, объясню Вам, что произошло. Подруга подруги, или знакомая знакомой, уехала, не взяв уже переданный первой Ваш диктофон, и он вернулся ко мне на побывку, к великому моему огорчению.

Уже перед самым отъездом, вернее — отлетом, подруга подруги, или знакомая знакомой, решила, что неплохо бы иметь диктофон, или магнитофон, и установила тут же, что два везти не может. Чтобы не расстроить меня насмерть, из уважения к возрасту, должно быть, меня

успокоили, что в начале января кто-то из наших едет поездом и непременно повезет. Я сообщаю Вам об этом тут же, чтобы не ждали подарка к празднику; ведь диктофон, утешаю я себя, которая в него влюбилась, не пасхальное яйцо, о котором сказано, что оно в такой-то день дорого.¹ Это, правда, нужная вещь, даже необходимая. Я это поздно поняла, но мы, родившиеся на стыке веков, принесли багаж с собой из прошлого века, а этим веком гордились только как обновкой, пока он без нашей помощи не износился.

Теперь, в начале января, как только узнаю, что кто-то едет — поедет и он, а привезут его в М<оск>ву и передадут одной милой, но инвалидной даме, которая не выходит, но телефон у нее есть, и она Вам либо по телефону, либо письменно сообщит. М<ожет> б<ыть>, если нам повезет, кто-нибудь из Ваших знакомых сможет зайти к ней и при первом удобном случае послать Вам? Во всяком случае, в тот же день, когда его повезут в М<оск>ву сначала, я сообщаю Вам ее телефон в М<оск>ве, которого нет у меня под рукой, а ей Ваш, в Л<енингра>де. Вы сами, или кто-нибудь из Вашей семьи, столкнетесь с ней.

А пока еще раз — наилучшие пожелания к Новому Году! Готовьте себя мысленно и душевно к продолжению работы — уверяю Вас, что когда привыкнете диктовать — еще много книг напишете!

Простите, что печатаю, но это теперь уж подавно мне легче: глаза меньше устают. Читать написанное труднее, но оптимистически не унываю. Человеческая глупость всё еще больше меня огорчает и пугает.

С искренним приветом

Ирина Александер.²

¹ Перефразирована пословица «Дорого яичко ко Христову дню».

² Подпись — карандашом.

Алексей Ремизов.
«Обращение к народу русскому»

*Вступительная заметка, публикация текста
и комментарии Аллы Грачевой*

К 1955 году состояние здоровья А. М. Ремизова значительно ухудшилось. Еще два года назад консультировавшие писателя офтальмологи настоятельно рекомендовали ему незамедлительно сделать глазную операцию в связи с катарактой, дополнившей и усугубившей врожденную сильнейшую близорукость. Литератор прошел все подготовительные этапы и был готов к хирургическому вмешательству, однако итогом ряда перенесенных в 1953 году тяжелых инфекционных заболеваний и вызванных ими последствий стал неутешительный прогноз постоянно курировавшего его терапевта В. М. Зернова: его подопечный может не перенести операции. В 1954 году после серьезных колебаний Ремизов согласился с настоятельным советом врача и отказался от радикальной хирургической помощи. Закономерным следствием была дальнейшая потеря зрения. Литератору становилось всё тяжелее без чужой помощи читать и писать, что, учитывая специфику его профессии, было катастрофой. С середины 1950-х годов в рукописных текстах Ремизова строчки и буквы стали наезжать одна на другую. Подчас литератор не замечал, что чернила в ручке закончились и что кончиком пера он просто процарапывает невидимые слова на листе бумаги. В связи с этим сначала в написании каких-то значимых посланий, документов, затем при создании творческих текстов, а потом и в процессе ведения личного дневника Ремизов был вынужден обращаться к доброхотам-помощникам, главным из которых была его друг и верная

поклонница Наталья Викторовна Резникова (1903–1992).¹ В настоящее время целый комплекс ремизовских текстов разного рода, относящихся к 1954–1957 годам, существует только в виде ее автографов. Рукой Н. В. Резниковой записано и ремизовское «Обращение к народу русскому».

Этот текст, сохранившийся в архиве Ремизова и зафиксированный в его послании от 8 апреля 1955 года к неустановленному лицу, связан с несостоявшимся событием, которое должно было стать знаковым для всей литературной общественности русского зарубежья.

15–26 декабря 1954 года в Москве состоялся Второй Всесоюзный съезд советских писателей. На нем были рассмотрены итоги развития советской литературы за 20 лет, которые минули со времени проведения Первого съезда, проходившего 17 августа – 1 сентября 1934 года, и были затронуты многие острые и болезненные темы и вопросы, сопряженные с функционированием литературы в условиях драматического развития советской истории в 1930-х – 1950-х годах.² Проведение этого масштабного мероприятия вызвало ответную реакцию со стороны русских литераторов-эмигрантов.

В 1955 году после четырехлетнего перерыва возобновил свою деятельность парижский Союз русских писателей и журналистов. На общем собрании его членов, которое состоялось 26 марта 1955 года, был избран председатель Союза – Б. К. Зайцев, и вице-председатель – В. А. Смоленский. Не без влияния известий о серьезных сдвигах в жизни писателей в СССР в родственной им по профессии эмигрантской среде возникла идея проведения своего нового съезда, который, в свою очередь, должен был проанализировать результаты и рассмотреть перспективы развития литературы России в изгнании.

Местом проведения съезда должен был стать Париж, а участниками – писатели из разных центров русской эмиграции Европы, а также Северной и Южной Америк. На нем предполагалось присутствие и выступления таких мэтров, как Б. К. Зайцев, А. М. Ремизов, С. К. Маковский, Г. В. Адамович, Гайто Газданов (Г. И. Газданов), Ю. К. Терапиано и др. Главными организаторами будущего форума выступили в основном более молодые и энергичные представители Второй волны русской

¹ См. подробнее: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов в трудах и днях Натальи Резниковой // *Грачева А. М.* Теория русского лада Алексея Ремизова: Генезис. Практика. Рефлексы. СПб.: Росток, 2023. С. 302–318.

² См. подробнее: Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Идеология исторического перехода и трансформация советской литературы. 1954: коллективная монография / Отв. ред. В. Ю. Вьюгин; сост. К. А. Богданов, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетей, 2018. 586 с.

эмиграции (так называемые «дипийцы»),³ некоторые из которых в то время работали на «Радио Освобождение» (с 1959 года — радио «Свобода»)⁴. По воспоминаниям сотрудника радиостанции Бруно Мирковско-го: «В 1955 году “Свобода” старалась организовать съезд русских писателей зарубежья. Она бы оплатила все расходы, связанные со съездом, как снятие помещения и прочее, но официально ответственными за его организацию были бы русские зарубежные писатели. Насколько помню, Ремизов сослался на болезнь, которая мешала ему принять участие в этом съезде-конференции, в то время как Борис Зайцев, Георгий Адамович и Одоевцева согласились».⁵

Несмотря на почти двухгодичное обсуждение в литературной среде вопроса о съезде, в итоге он так и не состоялся. В. Крейд писал о причинах краха надежд на его проведение: «В начале 1955 года решили в Париже созвать съезд писателей русского зарубежья. Намечалось устроить съезд летом. Даже финансы на этот раз не оказались препятствием — средства нашлись, была обещана и дополнительная помощь. Обсуждали подробности, составляли списки докладчиков и всех приглашенных. Съезд был нужен главным образом ради личных встреч, для сближения русских писателей, разбросанных по свету. <...> Через два-три месяца стало ясно, что дело не в деньгах. Недоставало той организующей энергии, которая отличала эмиграцию в довоенные годы <...>. Препятствием стала разобщенность, для преодоления которой съезд и был затеян».⁶

В настоящее время в архиве Ремизова не выявлено конкретного письма литератору с приглашением участвовать и выступить на съезде. Вполне возможно, что такое предложение было сделано ему в устной форме одним из посетителей квартиры писателя в доме № 7 на улице Буало. Ремизов был в курсе планов, связанных с намечавшимся событием, о чем, в частности, свидетельствует датированное 28 марта 1955 года письмо ему из Мюнхена от редактора журнала «Грани», писателя Л. Д. Ржевского: «Кто-то сказал, будто у Вас опять нездоровье, — бере-

³ Более подробно см.: Дипийцы: Материалы и исследования / Отв. ред. П. А. Трибунский. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. 544 с.

⁴ См.: «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Русский путь, 2008. С. 32.

⁵ *Мирковский Б.* Чучи — дитя обалдевшей вдовы. Донецк: Восточный издательский дом, 2001. С. 67.

⁶ *Крейд В.* Георгий Иванов. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 381—382.

гите себя! Очень хотел бы увидаться, приехать в Париж. Вряд ли выйдет весной, а лишь — осенью, когда там проектируется съезд зарубежных писателей, — Вам ведь говорили о нем?»⁷

Историю приглашения А. М. Ремизова на грядущий форум и обсуждения формы участия в нем еще предстоит уточнить в процессе изучения всех сохранившихся письменных свидетельств. В настоящее время в личном архиве литератора удалось обнаружить адресованное ему и непосредственно посвященное ожидаемому событию письмо одного из активных организаторов будущего съезда — литературоведа, сотрудника радио «Свобода» В. В. Вейдле:

«Мюнхен, 28. V. <19>55.

Дорогой Алексей Михайлович,

в устройстве созываемого к осени писательского съезда (Congrès pour la défense des spirituelles, organisé par les écrivains émigrés de l'U.R.S.S.)⁸ произошли значительные и благоприятные для его успеха перемены. Организационный комитет его будет состоять из пяти русских писателей и такого же числа писателей нерусских из Сов<етского> Союза (украинцев, белорусов, грузин, армян). Председателем орган<изационного> комитета предложено избрать Б. К. Зайцева, а товарищем председателя украинца или белоруса. Основной темой съезда будет судьба русской литературы: ее значение в прошлом, вера в ее будущее, искажение ее лица в России, посильное продолжение ее традиций за рубежом. И говорить об этом будем не мы одни, но, что может быть еще важней, выдающиеся представители западных литератур.

Именно для того, однако, чтобы этих западных писателей привлечь, нужно, чтобы среди приглашающих их русских организаторов съезда можно было назвать имена известных и почитаемых на Западе. Первое из них — Ваше имя. И оно первое также и в другом, совсем уж коротком списке — тех имен, память о которых еще хранится и втайне почитается у нас на Родине.

Вот почему, дорогой Алексей Михайлович, я и обращаюсь к Вам — в полном согласии с Б. К. Зайцевым, Л. Д. Ржевским, американцами, помогающими устройству съезда, и всеми заинтересованными в его успехе русскими писателями, которых до

⁷ Ржевский Л. Д. Письмо А. М. Ремизову. 3 сентября 1954 г. (ГЛМ, ф. 156, оп. 2, ед. хр. 692, л. 1).

⁸ Съезд в защиту духовности, организованный писателями-эмигрантами из СССР (фр.).

сих пор я успел повидать, — с горячей просьбой пересмотреть Ваше прежнее решение и позволить нам поставить Ваше имя среди имен русских устроителей съезда. По глубокому нашему убеждению, только этим и будет дан настоящий смысл предстоящему чествованию и прославлению всем нам дорогой подлинной русской литературы.

Сердечно Вам преданный, искренно чтущий и любящий Вас
В. Вейдле».⁹

Как очевидно из этого письма, в каком-то более раннем послании к организаторам Ремизов, вероятно, из-за проблем со здоровьем, дистанцировался как от непосредственного участия в предстоящем съезде, так и от использования своего имени в качестве одного из титульных организаторов будущего форума. Сохранившаяся в архиве запись его «Обращения к народу русскому», возможно, является откликом на просьбу если не выступить лично, то как-то письменно поддержать участников съезда, адресующихся не только к эмигрантской аудитории, но и к читателям в СССР, до кого, несмотря на препоны, все-таки доносился голос литературы русского зарубежья. Публикуемое послание можно условно назвать ремизовским «письмом к съезду» — его «заветом» «народу русскому». Содержание этого обращения непосредственно связано с основной художественно-теоретической задачей Ремизова 1950-х годов — с пропагандой «теории русского лада», которая, по его мнению, являлась «ключом» к воссоединению письменной культуры с народной, напрямую связанной со стихией устного слова.

Текст публикуется по источнику: *Ремизов А. М.* «Обращение к народу русскому». Автограф Н. В. Резниковой. Дата: «8. IV. 1955» (ГЛМ, ф. 156, оп. 2, ед. хр. 222. 1 л.).

⁹ Вейдле В. В. Письмо А. М. Ремизову. 28 мая 1955 г. (ГЛМ, ф. 156, оп. 3, ед. хр. 689. 1 л.).

* * *

8-IV-1955

Обращение к народу русскому

«Народу русскому...»¹ и моя память уносит меня к началу XIX-го в.: дактилическое окончание фразы. Гордость Карамзина и восторженность Шевырева.² Карамзин научил нас петь прозу. Карамзин проник вглубь русских ладов и открыл любимое русское — дактиль. Прозой Карамзина

начинается книжная русская речь. Державин напутствовал <в> 1791-м: «Пой, Карамзин! — И в прозе Глас слышен соловьин». ³ Дактилическое окончание было принято в XIX и XX веке как единственный русский лад, ⁴ а между тем Марлинский в 20-х годах, ухо разнообразное, в рецензии на карамзиниста Нарезного — «Славенские» — забеспокоился: монотоние. ⁵ А как бы отозвался Мусоргский? Я слышу после Хованщины и Бориса: ⁶ бабья жалостливость, сахарная пудра, вымоченная в молоке селедка, или, как скажет Пьер Булез (Pierre Boulez — глава современной абстрактной музыки) ⁷ — парафин. Среди гармонии русских ладов есть лады более глубокие, чем дактиль, что и открыл Мусоргский. Гордость Карамзина — «История Государства Российского». ⁸

Пишу это Вам, а как и с чем я могу обращаться к русскому народу: я не Гоголь — ни призывать, ни учить — не знаю.

А. Ремизов

Комментарии

¹ «Народу русскому...» — Обращение, неоднократно использовавшееся в русской поэзии, публицистике и в пропагандистских документах. Ср.: «Всему народу русскому, крестьянскому» (Н. П. Огарев, 1863); «Еще народу русскому / Пределы не поставлены: / Пред ним широкий путь!» (Н. А. Некрасов. «Кому на Руси жить хорошо», 1863—1876); «Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!» (М. Волошин. «Ангел Мщенья», 1906); «Народу русскому дивитесь...» (И. Северянин. «Все — как один», 1917). Ср. также: Воззвание «К народу русскому» от имени правительства Антанты (Президентская библиотека, фонд «Документальные материалы периода I Мировой войны и временного правительства» (Коллекция документов, полученная из Академии наук СССР), шифр хр. 29).

² ...дактилическое окончание фразы. Гордость Карамзина и восторженность Шевырева. — Эссе Ремизова перекликается с его изложением истории русской литературы в тетради с творческими записями, условно датированной 1956 г. См.: «Шишков — начинает XIX век. Оправдал русское право на русское. <...> Русскую “изящную” прозу начинает Карамзин “Записками путешественника”. “Новый слог” Карамзина — “просторечие” образованного общества. <...> Карамзин гордился — расслышал в речевом природном русском дактилическое окончание и назвал свою историю — “История государства российского”, и чувствительные места своих повестей передает дактилем» (Ремизов А. М. Рабочие тетради // Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910-е — 1950-е годы). СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 319).

³ «Пой, Карамзин! — И в прозе Глас слышен соловьин». — Цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Прогулка в Сарском селе» (1791).

⁴ Дактилическое окончание было принято в XIX и XX веке как единственный русский лад... — Ср.: «В речевом природном дактилическом окончании не замыкается круг выражения. То, что я называю чувствительным <?> высоким дыха-

нием Гоголя, <1 нрзб.>, Достоевского — слышал Мусоргский» (Ремизов А. М. Рабочие тетради. С. 320).

⁵ *Марлинский в 20-х годах, ухо разнообразное, в рецензии на карамзиниста Нарезного — «Славенские» — забеспокоился: монотоние.* — Имеется в виду оценка А. А. Бестужевым-Марлинским в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» (1823) цикла исторических мини-повестей В. Т. Нарезного «Славенские вечера» (1809—1826): «Нарежный в “Славенских вечерах” своих разбросал дикие цветы северной поэзии. Впрочем, проза его слишком мерна и однозвучна» (Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 2 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. Т. 2: Повести. Рассказы. Очерки. Стихотворения. Статьи. Письма. С. 538).

⁶ *Я слышу после Хованщины и Бориса...* — «Хованщина» (1872), «Борис Годунов» (1869, 1872) — оперы М. П. Мусоргского.

⁷ *Пьер Луи Жозеф Булез* (Pierre Louis Joseph Boulez, 1925—2016) — композитор и дирижер, один из лидеров французского музыкального авангарда.

⁸ *«История государства Российского»* (Т. 1—12, 1803—1826) — труд Н. М. Карамзина по русской истории, оставшийся незаконченным.

Неопубликованная пьеса Александра Володина «Дневники королевы Оливии»

Александр Володин (1919–2001) написал около тридцати пьес и киносценариев.¹ Первые четыре, главные, его пьесы — «Фабричная девчонка», «Пять вечеров», «Старшая сестра», «Назначение» (1957–1964) — объединяет наиважнейшая черта. Это всё пьесы, в которых оказалось запечатлено время, была явлена острейшая общественная проблематика, что делало их событиями культурной жизни. В последующих произведениях для театра и кино (кроме, пожалуй, «Осеннего марафона»), при всем их очаровании, благородстве героев и тем, при неизменном профессионализме автора, почти не осталось и следа от той социально-исторической остроты, которая была свойственна его ранним пьесам.

После «Назначения», где сущность государства была проанализирована с беспристрастностью социолога, автор как-то вдруг перешел к пьесам и сценариям скорее мелодраматическим и сентиментальным, к историям о молодоженах, страдающих от избытка чувств («С любимыми не расставайтесь»), о переживаниях дурнушки с добрым сердцем («Присшествие, которого никто не заметил»), о девочке-сироте, разыскивающей родную мать («Дочки-матери») и т. д. Странная метаморфоза, если вдуматься. А между тем переход этот имел свою причину и был внутренне обусловлен.

До сих пор осталось неопубликованным произведение, которое стало некоей рубежной точкой в судьбе драматурга, произведение, участь которого и объясняет внезапный по-

---

¹ Многократные авторские переделки пьес в сценарии и обратно оставляют вопрос о точном количестве драматических произведений Володина открытым.

ворот автора к приключенческо-мелодраматическим сюжетам, красочной условной поэтике, к внешнему отказу (внутренне он никогда от этого не отступался) от обсуждения каких бы то ни было общественных проблем бытия.

Это пьеса «Дневники королевы Оливии» (1964) — первая метафорическая пьеса Володина.

Сам автор никогда не упоминал о ней. Только в перестроечное время название «Дневники королевы Оливии» стало мелькать в интервью и воспоминаниях знавших Володина людей, но текст ее оставался неизвестным.

10 мая 1964 года А. Гребнев записал в своем «Дневнике последнего сценариста» слова Володина: «“Не могу писать больше реалистические вещи, — сказал он мне. — Скучно. Всё надо описывать... Тянет на условность, символику. Вот еще один сценарий написал с «фантастическим» сюжетом”». ²

И в «Оптимистических записках» (журнальная публикация, 1964) появились размышления о необходимости новой поэтики: «В последней пьесе, “Назначение”, был оптимизм совершенно явный, это комедия. Ее ругали неразборчиво, но категорически, за всё вообще. <...> Но зато [я] сумел еще раз оттолкнуться от себя и начал писать иначе. <...> теперь фантастика становится эмоциональной, нравственной, духовной, какой угодно, — это один из современных способов сюжетного мышления». ³

«Дневники королевы Оливии» имеют внятный общественный и историко-литературный контекст. Его составляют по-шварцевски тихий госпереворот 14 октября 1964 года («Человека легче всего съесть, когда он болен или уехал отдыхать» («Тень»)), после которого Н. С. Хрущев был освобожден от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС и прочих государственных должностей.

Другая историческая аллюзия — это всколыхнувшиеся после XX съезда слухи о «Завещании», т. е. об «утаенном письме» Ленина к съезду, ⁴ где предупреждалось, что Сталин в качестве руководителя партии представляет собой опасность для государства.

² Гребнев А. Дневник последнего сценариста (1945–2002). М.: Русский импульс, 2006. С. 47. Сценарий с «фантастическим сюжетом» и был «фантастической пьесой» — «Дневниками королевы Оливии».

³ Володин А. Оптимистические записки // Володин А. Записки нетрезвого человека. СПб.: Симпозиум, 2020. С. 50–51. Далее ссылки на это издание даются в тексте: ЗНЧ-20.

⁴ Письмо В. И. Ленина (от января 1923 г.) к XIII съезду РКП (б) было опубликовано еще в 1927 году и упомянуто в речи Н. С. Хрущева на XX съезде партии (1956), когда речь шла о разоблачении культа личности.

Не были забыты и домашние импровизации сына Володи, который, как писал драматург еще в «Оптимистических записках», «излишки своего ума уделяет шуточкам. <...> Он любит пожить “в образе”, например — восторженной туристки, или председателя колхоза, или представителя очень маленькой страны» (ЗНЧ-20. С. 44–45).

Для самого Володина всегда была важна внутренняя органика среды обитания его героев. Его самого манили маленькие города, где можно испытать «щемяще-прекрасное одиночество в этих праздничных толпах людей, где почти все друг друга знают, и только ты — никого...» (ЗНЧ-20. С. 98).

И, наконец, сюжет пьесы — своего рода сиквел «Римских каникул» (1953, в нашем прокате с начала 1960-х) с блистательной Одри Хепберн в роли юной принцессы, лишенной любви и счастья. Пьеса — как бы продолжение событий фильма, рассказывающее о том, что же может случиться с маленьким королевством после того, как героиню переоденут, причешут согласно дворцовому этикету и увезут подальше от живой жизни...

Исторические пьесы на современный лад, с «аллюзиями», стали актуальны на советской сцене с середины 1960-х. В БДТ был поставлен, но тут же запрещен после прогона спектакль «Дион» (1965) по пьесе «Римская комедия» Леонида Зорина о философе и поэте, жившем во времена императора Домициана, — сатира на современные, но ничуть не изменившиеся нравы. Там же, на сцене БДТ, дважды ставили «Лису и виноград» Г. Фигейредо (1957 и 1967). Писали у нас о нашумевшей пьесе Роберта Болта «Человек на все времена» (1960), посвященной Томасу Мору (переведена и опубликована в 1968 г.).

Однако «Дневники королевы Оливии» и следовавшие за ними метафорические пьесы Володина стоят в другом ряду. Более всего метафорические пьесы Володина соприродны полу-притчам — полу-сказкам Е. Шварца, впервые тогда прочитанным и поставленным. В Москве, в «Современнике», шел легендарный спектакль «Гольый король» (пост. 1960), у Н. П. Акимова в ленинградском Театре Комедии — не менее легендарные «Тень» (пост. 1960) и «Дракон» (написан 1943, пост. 1962). Они действительно близки Володину по художественной методке, по способу отстранения материала, но — не по осмыслению проблемы, не по гражданскому звучанию.

Главным открытием Шварца в «Драконе» была природа власти, история роковых превращений ее обладателя. По Шварцу, замковый камень государства — тип правления. Общественное устройство, зиждящееся на героях и тиранах, рано или поздно предполагает неизбежное перерождение героев в чудовищ. По уничтожении одного Дракона не-

изменно появится следующий, и дело не в персоне, занимающей трон (хотя и это важно), а в устройстве общества в целом.

Для Володина способность власти переобуваться в воздухе, на голубом глазу объявлять числитель знаменателем, а знаменатель числителем — самоочевидная и существенная, но не основополагающая часть бытия. Все надежды Володина — как раз на частную жизнь отдельного человека, который способен возроптать, как бы бессмыслен и отчаянно безнадежен этот ропот ни был... По Володину, выход из порочного круга только один — разорвать его. В конце концов, всегда найдется кто-то, доведенный до полного отчаяния. У Володина это, как правило, — женщина. Поколение за поколением володинские женщины спасают мир ценой своей жизни.

Пьесы, действие которых происходит в другой реальности (или вымышленной, или уже «переваренной» мировой литературой), Володин называл *метафорическими*. Они и по сути своей были метафорами, то есть содержали основной механизм метафоротворчества: перенос качеств и характеристик одного явления на другое; здесь — перенос современных психологических состояний и социально-общественных практик в другое время и другое пространство. В таких пьесах действие происходит не здесь и не сейчас, но разрешаются в них нравственные коллизии, волнующие автора именно здесь и сейчас. Их нравственная проблематика неизменно попадает в самую сердцевину законной реальности, в центр происходящего. Их конфликты порождены володинским пониманием нравственности, все они о том, что мучит автора «во-первых».

Это не сатиры, не притчи, не памфлеты, не антиутопии, и одновременно это — и памфлеты, и притчи, и сатиры, и антиутопии. Дело в пропорциях. В гротесковых и сатирических жанрах главное — публицистичность. Они выводят на первый план социальную и духовную дисгармонию общества. Но персонажи в притче или в памфлете, как правило, лишены индивидуальности, их переживания обычно уплощены и схематизированы, их чувства и психология — чувства и психология типичных представителей, а авторская интонация — обличительная.

У Володина характеры и эмоции героев не шаржированы и не обобщены; здесь всё психологически достоверно, чувства персонажей глубоки и эмоционально точны, портреты индивидуальны. Гротескны лишь обстоятельства их жизни. И всё происходящее словно бы пронизано грустной и чуть улыбающейся мелодией финала феллиниевских «Восьми с половиной».

Эта фактура придает поэтике пьесы явственное сценическое напряжение, о чем сам Володин и говорил А. Гребневу, упоминая о «сценарии с «фантастическим» сюжетом» и рассуждая в «Оптимистических записках» о новом изводе «современной фантастики». Им двигала жажда

театральной красочности, а не той постной, серой реалистичности, которой он ужасался еще в послевоенном театре и которая всё еще продолжала свое бытование.⁵

Еще одним творческим импульсом Володину могла послужить эстетика Театра на Таганке. Брехтовского «Доброго человека из Сезуана» привозили на гастроли в Ленинград летом 1964 года, и спектакль поразила способностью насыщать суховатую и декларативную драматургию Брехта психологической глубиной, живой кровью и азартом. Театральная эстетика Ю. Любимова была прямым продолжением и развитием вахтанговской.⁶ Творческий феномен и сама личность Вахтангова очень много значили для Володиной; этим своим преклонением перед режиссером он в свое время покорила комиссию на вступительных экзаменах в ГИТИС (1939), когда рассказывал о Вахтангове, «трепыхаясь и задыхаясь», «дребезжа ручкой по чернильнице» («Оптимистические записки»).

Вахтанговская театральность лежит в основании всего драматического повествования «Дневников королевы». Это подчеркнуто рамочным обрамлением действия, где в качестве слуг просцениума выступают Музыкальные девушки, и карнавальностью имен героев. В пьесе нашли свое воплощение и другие знаковые элементы театральной поэтики тех лет: музыкальные заставки и интермедии, которые придавали действию толику условности, отличавшую современный театр от театра, как тогда казалось, устаревшего. Интермедией-заставкой наподобие той, что открывает «Дневники королевы», начинался еще первый вариант «Пяти вечеров».

Имена персонажей — Хуан, Родриго, Педро, дон Альваро и т. д. — отчасти продиктованы сохранившимся еще с предвоенных времен восхищением героической Испанией, отчасти (с легкой авторской ухмылкой) модой на все испанское, привнесенной в отечественную культуру Э. Хемингуэем (пик его популярности как раз приходится на середину 1960-х). Отчасти связаны с именем Алексея Константиновича Толстого. Это из его «Дон Жуана» заимствовано имя героини — «Нисетта», а утрированные обстоятельства происходящего перекликаются с «Желанием быть испанцем» Козьмы Пруткова («Дайте мне мантилью; / Дайте мне гитару; / Дайте Инезилью, / Кастаньетов пару...»).

⁵ «После войны я пошел в театр не сразу. <...> Но то, что я увидел, не имело ничего общего с тем театром, который я помнил... То, что происходило в помещениях с рядами стульев, нескромно, неискусно претворялось театром... Лучше было оставаться от этого в стороне. Больше в театр я не ходил» (ЗНЧ-20. С. 40).

⁶ Сам по себе Театр им. Вахтангова к тому времени давно уже утратил былую творческую харизму.

Вахтанговская театральность носит слегка «капустнический» характер. Капустник — это не КВН. Капустник, ставший в 1960-е общественно-значимой театральной формой, буффонаден и пародиен. Действительность в нем — главное действующее лицо, и она присутствует здесь «сам третей». В капустнике происходящее на сцене и действительность схватываются и связываются самим зрителем. Капустник свободен от цензуры, он возродился именно тогда, когда в обществе отчетливо сформировалось пограничье мертвого «разрешенного» и живого «неразрешенного» смыслов. Капустник рассчитан на *своего* зрителя, на единственный прогон и на долгую славу.⁷

В остальном это абсолютно реалистическое произведение, обращенное к современности, к самым больным и острым ее проблемам — к тем, которые прямоком, на материале повседневной жизни затронуть было бы невозможно. А если эти проблемы актуальны во все времена, так на то оно и искусство. А что касается мощной социальной аналитики, так ведь вообще-то Александр Моисеевич Володин был одним из умнейших и честнейших людей своего времени, настолько умным, что старался этого не выказывать, прикрываясь маской чудака, импульсивного, до легкого юродства, «прикидываясь шлангом», как сказали бы немного позднее.

«Дневники королевы Оливии» — первая *метафорическая* пьеса Володина. Ее действие происходит в вымышленном времени и пространстве. Вся эта подчеркнутая театральность контрастирует в пьесе с ошеломительной узнаваемостью происходящего на сцене, где всё было свое, родное, до боли знакомое.⁸ Современные люди оказываются в обстоятельствах как бы не здесь и не сейчас, но суть бытия остается прежней, нашей общей — середины 1960-х годов.

Реальность «Дневников королевы» концептуально «приподнята» гротесковым антуражем. Вместо гигантомании СССР — микромания самой маленькой в мире страны победившего идиотизма и регламента.

⁷ В свое время еще К. С. Станиславский отмечал особую эстетическую природу капустников, которые практиковали в Московском Художественном театре: «Среди шуток и забав артистов на капустниках выделились некоторые номера, которые намекали на совсем новый для России театр шуток, карикатуры, сатиры, гротеска» (*Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве*. М.: Вагриус, 2000. С. 395).

⁸ Для театра тех лет дерзким и обличительным жестом считалась сценка из «Иркутской истории» А. Арбузова, где новоиспеченный муж (член бригады коммунистического труда) с возмущением узнает, что у его молодой жены (кассирши в продмаге) есть небольшой доходец в виде недоданной сдачи и мелкого обчета покупателей. Потрясенный, он требует от нее немедленно покинуть клан барыг и жуликов и приобщиться к рабочему классу — перейти на работу в его бригаду.

Гигантские величины, являвшиеся нашей национальной гордостью, заменены на микроскопические, однако суть происходящего понятна до мельчайших подробностей и деталей.

Володин воссоздает самое маленькое в мире государство абсолютно узнаваемым и смешным: страх, мракобесие он пишет с натуры и передает со свойственной ему безукоризненной четкостью. И обнаруживается, что нездешний антураж только обостряет похожесть и укрупняет события.

Ценность «Дневников королевы» прежде всего — в хроникальной точности картины жизни, в передаче душевного состояния и умонастроения людей 1960-х: их простодушной дисциплинированности, апатии, покорности, их готовности к утрате здравого смысла и духовной спячке.

Перед нами крошечное государство с населением в шестьдесят семь человек, сделавшее свои размеры предметом национальной гордости, а основой идеологии — отказ от телесной близости. Эта идеология привела страну на грань вымирания, а людей, живущих в ней, — на грань душевного и психического расстройств.

Некто Хуан (он ровесник автора, ему сорок пять лет)⁹ возвращается из дальних странствий к девушке, из-за которой когда-то покинул страну и которую всё еще любит, — возвращается и обнаруживает, что за двадцать лет на его родине всё сильно изменилось.

Согласно заветам покойной королевы-девственницы, отношения между людьми регламентированы и официализированы до предела, выражение любых чувств под запретом, население катастрофически уменьшается, государство вот-вот исчезнет с лица земли.¹⁰

Граждане страны поражены «кастручей», причина которой — запрет на чувственность. Название недуга говорит само за себя: кастрация — оскпление, охлащивание, лишение возможности продолжения рода — жестокое увечье. Жертвы кастрации эмоционально ущербны — вялы, полусонны, лишены ярких чувств и собственной воли, они — «сердцем хладные скопцы» (А. Пушкин).

Кастручка — болезнь, при которой люди регулярно испытывают истерические припадки, во время которых стараются избавиться от своего имущества, отдать, подарить или всучить свои вещи кому угодно. Припадки заканчиваются ступором, протрацией, заторможенностью.

В культурно-историческом плане феномен массовой кастрации отсылает к секте скопцов (хлыстов и проч.) — общности, известной в Рос-

⁹ Возраст героя косвенно подтверждает время создания пьесы — автору сорок пять исполнилось в 1964 году.

¹⁰ Население СССР последовательно и неуклонно уменьшалось. По прогнозам демографов начала XX столетия, народонаселение Российской империи к концу века должно было превысить 300 миллионов человек; в реальности оно уже к середине века оказалось вполуполовину меньше.

сии с XVIII века, члены которой исповедовали крайний аскетизм, вершиной чего и являлось прекращение телесной близости между людьми и рождения детей, — всё во имя моральной чистоты и духовного просветления.

Кастручча — имманентное состояние человека, в котором легко узнаются признаки и фазы алкогольного опьянения. Периоды возбуждения с высокой степенью откровенности по самым болезненным для страждущего вопросам (главный из них — желание избавиться от всего материального) сменяются «похмельным синдромом»: разбитостью, стремлением забыть произошедшее и чувством раскаянья.

Жизнь обитателей королевства доведена до крайней аскезы. В жилищах нет ни малейших признаков быта. У каждого есть всё необходимое в единственном экземпляре — и точно такое же, как у других. Имущество граждан соответствует номенклатуре казарменного довольствия: кровать-раскладушка и портрет королевы на стене. При вспышке болезни всё, что героиня может отдать в приступе горячки, надето на ней. Радость одного из персонажей (Мигуэля) по поводу госзакупки за границей восьми авторучек сурово осуждается как низкопоклонство.

Времяпрепровождение героев — обязательно массовое и предельно регламентированное: во времена воздержания все играют «в города», перечисляя названия мест, в которых им никогда не доводилось и не доведется побывать, или «в слова», что уж совсем отдает каким-то детсадовским слабоумием, а во времена обязательных плотских утех развлекаются массовыми танцами и хоровым пением.

Не только чувственность, но и любое проявление эмпатии, душевной теплоты, открытости под запретом. Под негласным запретом — творчество и научные изыскания. Каждый, имеющий индивидуальные интересы и занятия — научные, как Мигуэль, или творческие, как Педро, отец Хуана, — под подозрением, а то и вовсе может быть обвинен в подрыве государственных устоев. (Кстати, творческие люди менее всего подвержены кастручче.) Граждане боятся всего — властей, друг друга, себя, своей тени. Местные фрондирующие вольнодумцы («двое в замшевых курточках») по совместительству — сотрудники охраны.

Первостепенная обязанность граждан — гордиться общественным строем и всем, что к нему прилагается: количеством раскладушек, шашистов-стоклеточников, врачей, минеральных источников на душу населения; и ненавидеть врага — государство Гондурас, которого никто в глаза не видел, так как оно находится на другом конце света. Образ врага формируется всеми возможными способами, в том числе — обидчивой ревностью к его достижениям: «А мы говорим — Гондурас, Гондурас. — Кто говорит? Никто не говорит»; «Опередим Гондурас по росту человеколюбия в стране!»

Реальность, изображенная в пьесе, мучительно узнаваема. Жестокость законов и идиотизм нравов так оскорбительны в своей обыденности, что драматизм рождается в самом процессе узнавания самоубийственных законов, зеркально воспроизводящих законы страны победившего социализма. Люди принимают навязанные им формы бытия «всем сердцем», потому что у них нет другого выхода, их жизнь протекает в наглухо запаянном пространстве.

Как бы мракобесно и макабрически ни выглядели предлагаемые обстоятельства, это поразительно веселая пьеса — не смешная, а именно веселая, потому что написана она абсолютно свободным человеком. У Володина нет презрения к своим героям. Его взгляд исполнен удивления и сострадания, потому что это пьеса о *своей* жизни, о *своем* времени, о *своих* современниках. Его герои так же, как и в прежних пьесах, симпатичны и любимы им, но автор четче думает и резче видит. Нежный Володин уступил место Володину, обладающему трезвым аналитическим умом и душой, исполненной горечи. Любовь к героям осталась, а вот нежность ушла, потому что нежность — чувство, требующее тепла и света, а здесь не было ни света, ни тепла: персонажи пьесы — люди раздавленные, а это вызывает боль и сострадание, но не нежность.

Добыв подлинные дневники королевы и обнаружив, что покойная Оливия любила и была любима, Хуан решает немедленно оповестить об этом народ. Увы, сограждане наглухо закрывают окна и ставни, глаза и уши. Они внимают только призывам Родриго, прекрасно понимающего, что, если нельзя пресечь протест, то его следует возглавить. И тогда правитель объявляет о перемене идеологии: Оливия любила, была любима, значит, всем надо предаваться любви и радоваться жизни. Парламент разворачивает идеологическую доктрину на сто восемьдесят градусов и предписывает населению радостный взгляд на мир, веселье и плотские утехы. Но жизнь по приказу и в предписанных рамках остается прежней. В ней неизменным остается главное правило — следовать строгому и такому узнаваемому регламенту: «Передайте Педро, он сможет по своему вкусу красить стены домов в мажорную гамму! Расцветку пускай уточнит у Шерифа. И, наконец, пустое “вы” повсеместно заменяется сердечным “ты”».

Вот, собственно, и весь сюжет. Но, как обычно у Володина, всё начинается там, где кончается массовое, всеобщее и вступает в силу личное, индивидуальное. Главное в его пьесе — судьбы не властителей, а обычных людей. Истинная трагедия происходит не тогда, когда населению предъявляют новый порядок вещей, и не тогда, когда население принимает его всем сердцем: это, увы, — дело житейское.

Второе действие представляет собой картину государственного перерорта, в жернова которого попадает Нисетта, дочь правителя Родриго.

Отец заставил дочь «приручить» Хуана, соблазнить его, женить на себе, ввести в семью, чтобы тем самым обезвредить. Но если государством можно управлять насилием и страхом, то человеком — нельзя, не получится, даже если это твоя собственная дочь...

Трагедия наступает тогда, когда человек начинает осознавать себя величиной, отдельной от государства, начинает понимать свою меру участия в происходящем и меру своей ответственности за это участие, когда он начинает чувствовать себя личностью. Трагедия происходит, когда Нисетта начинает понимать, *что* она совершила, и принимается решать свои жизненные проблемы сама.

На фоне всеобщего ликования и праздничных лозунгов Нисетта признается Хуану, что обманула его: «Неужели вы поверили, что я, действительно, в вас влюбилась? Вы ровесник моему отцу! Украли наши дневники и считаете, что все женщины должны броситься на вашу раскладушку?» Исходя из своего жизненного опыта, девушка уверена, что на одну пакость следует ответить другой — и этим исчерпать ситуацию: «Если я сделала подлость, так и вы сделайте мне что-нибудь, и будет равновесие. Стукните меня по физиономии...». Но в ответ она получает признание в любви: «А я не верю, что ты врала. <...> — Почему? Вы так убеждены в своих достоинствах? — Я убежден в твоих достоинствах».

Нисетта любима, она выведена Хуаном из общего массива окружающих «рож», она — отдельная, единственная, и, следовательно, она... личность. И Нисетта осознает, что подлость и предательство во имя родины всё равно остаются подлостью и предательством; они навсегда останутся с ней, после чего ее жизнь превратится в жизнь Паолы, с душераздирающим чувством вины, которое не искупить общественным признанием и наградами. И совершенно неважно, что предательство — норма жизни и *modus vivendi* сограждан: «Все так или иначе врут, кто врут, кто привирает. Всё обесценено. Порядочность, женщины, идеи — нет ничего». Это общее правило уже не работает в ее собственной жизни.

И вот Нисетта, обнаружив, что была любима и, кажется, сама любила, Нисетта, повторяя судьбу своей матери, прекрасной Роситы, покончит с собой. Впрочем, смерть — смертью, но способ самоубийства тоже имеет значение: девушка бросится с силосной башни. Вот только силосная башня — сооружение, предназначенное для хранения заквашенных кормов для скота (силоса) — часто представляет собой яму с навесом или приземистое строение.

Для Володина важно не сатирическое изображение происходящего, а история страдания, щедро отмеренного и угнетенным, и угнетателям, и умным, и глупым, и добрым, и злым... Это история отсутствия любви, независимо от того, разрешена она или запрещена. Это история о пере-

избытке страдания, независимо от того, явное оно или скрытое, это плач по своему времени, по своей стране, своей судьбе.

Самое ценное в пьесе — сохранение воздуха времени. Самое мощное — то отчаяние, или, точнее, та отчаянная свобода, с которой она написана.

Володин, писавший прежде такие по-настоящему духоподъемные пьесы, ощутил и перенес на сцену безысходность бытия, не только конкретного, советского, образца 1964 года, а бытия как такового, бытия под мусором житейской шелухи — идиотской летки-енки, шлягеров о любви к жизни и массовых гуляний с салютом.

Девиз Володина, который он сформулировал для себя, еще приступая к первой своей пьесе «Фабричная девчонка»: «Вам кажется это хорошим? Нет, это не так хорошо, как кажется... Вы считаете это плохим? Вы ошибаетесь» («Оптимистические записки») — остается в силе и продолжает работать, обретая всё большую и большую мощь и правоту.

Вот, собственно, и вся жизненная философия автора, понятная и самоочевидная сегодня, но оскорбительная в те годы, когда лучшим романтическим фильмом о любви считалась лента Г. Чухрая «Сорок первый» (1956, по повести Б. Лавренева (1926)), героиня которого, девушка-красноармеец Марютка, не задумываясь убивает возлюбленного — белого офицера.

Во второй редакции «Дневников королевы Оливии» («Кастручча»),¹¹ которая была опубликована в самом начале перестройки и прошла практически незамеченной в потоке возвращенной литературы,¹² финал, откорректированный четвертьвековым жизненным опытом автора, еще безнадежнее. Нисетта не обманывала Хуана, признаваясь ему в любви, она и вправду полюбила его. Хуан и Нисетта (имена героев во второй редакции изменены, но это неважно) поженились и прожили целый год, за время которого Хуан прижился, остепенился, растолстел, полюбил диван, стал уважаемым человеком и почетным гражданином королевства. Но Нисетта всё равно бросится с этой чертовой силосной башни, теперь — из-за метаморфозы, произошедшей с любимым, метаморфозы, которая не оставляет шансов ни на что...

По сути своей «Дневники королевы Оливии» должны были бы стать не менее значительным театральным событием, чем в свое время «Пять вечеров», потому что в этой пьесе, как и в «Пяти вечерах», была не просто рассказана история любви, в ней присутствовало время, историче-

¹¹ Володин А. «Кастручча» (Трагикомедия) // Театр. 1988. № 5. С. 3—20.

¹² Одной из немногих постановок пьесы стал спектакль Театра Олега Табакова («Табакерки»). Премьера состоялась 2 мая 1988 г., режиссер — М. Мокеев.

ское время, препарированное с горечью и болью. Это всё та же пьеса о любви и о том, что у каждого времени свои «пять вечеров».

Различие «Пяти вечеров» и «Дневников королевы Оливии» при сравнительно небольшой временной дистанции их создания (1958—1964) поразительно.

Ильин вернулся к Тамаре через пятнадцать лет, и он успел ее «разморозить», оживить, отогреть, несмотря на то что сам вернулся оттуда, где «резина ломается как картон». Славик, Катя и Миха Тимофеев были живыми и теплыми, искренне радовавшимися его появлению, «подтаявшее время» (выражение А. Кушнера) это позволяло — «подтаявшее», т. е. готовое как заново схватиться льдом, так и пуститься в ростепель. Но Володин еще в середине мягких 1960-х понимал, в каком направлении движется страна, что произойдет с городом и миром, в которые его Ильин вернулся бы не через пятнадцать лет, а через все двадцать, сорокапятилетним.

В «Пяти вечерах» «график учета профсоюзных взносов» еще не поглотил человека целиком, еще оставался интонационный разрыв между внутренней жизнью человека и внешней, регламентированной; еще оставались, по выражению Н. Берковского, кавычки, то есть внутреннее отстранение человека от всего казенного. И вот уже, спустя шесть-семь лет реального исторического времени, жизнь внешняя, официальная, публичная, какая угодно, поглотила домашнюю... Отец и мать не могут обнять сына, от страха и униженности они ушли в свой вымышленный, наглухо задраенный «творческий» мир. На лицах приятелей не дрогнет и мускул при виде старого товарища... «Тамара» окажется полупомешанной — и никогда не сможет вернуться к прежней жизни, к прежним чувствам.

В «Пяти вечерах» была показана история возрождения человека к нормальной жизни. В «Пяти вечерах» любовь побеждала всё. Теперь любви нет, при том, что внешний сюжет завязан именно на возвращение в жизнь людей любви, нежности, искренности... Они не могут вернуться по приказу. Изменения, произошедшие с людьми, — н е о б р а т и м ы.

В «Дневниках королевы» властвует расчеловеченность. Внешняя расчеловеченность при внутренней горячей и острой боли — вот, в сущности, драматическая проблематика, драматический смысл пьесы. Теперь уже речь идет об изменившемся устройстве общества и государства, а не об отдельных его персонажах.

Это горькая и реалистическая пьеса о том, что произошло со страной, в которую двадцать лет назад возвращались победители, полагая, что возвращаются в отчизну, где всё после победы будет иначе...

Эта пьеса должна была прозвучать, и она, несомненно, изменила бы что-то в культурном пространстве тех лет. Пусть и немного, но она добавила бы самоуважения всем: и автору, и театру, и зрителям, а это — «не так мало», как сказано в этой пьесе по другому поводу.

В отличие от пьес о современности, которые завлиты выхватывали у автора из рук, театры ставили, а журналы немедленно публиковали, метафорические пьесы Володина долго лежали без движения, и, хотя все они (кроме «Дневников королевы») были залитованы, напечатаны и даже поставлены, произошло это значительно позднее времени написания и осталось неизвестным тому зрителю-современнику, к которому они были обращены. Метафорические пьесы задохнулись в письменном столе, ведь пьесе еще больше, чем любому другому жанру, нужен читатель, зритель-сопереживатель.

Рукописи не горят? Горят, еще как, — синим пламенем. Но произведения искусства, бывает, возвращаются из небытия, возвращаются, когда в них возникает острая потребность.

Александр Моисеевич Володин возвращается.

Текстологический комментарий

Пьеса «Дневники королевы Оливии» хранится в санкт-петербургской Государственной театральной библиотеке, где, внесенная в каталог и оформленная по всем правилам библиографического описания, пролежала, не привлекая ничего внимания, шестьдесят лет.

Хранение залитованных (то есть прошедших цензуру, горлит) пьес — нормальная практика Театральной библиотеки, хранение же *незалитованной* пьесы — ситуация неординарная, за что следует низко поклониться сотрудницам библиотеки, сохранившим, возможно, единственный экземпляр пьесы. Необходимо отдать должное и самому автору, который, следуя заветам Г. К. Честертона («Где умный человек хранит камешек? — На морском берегу»), спрятал пьесу именно там, где ей и надлежит быть.

Описание бумажного носителя

На титульном листе название: «ДНЕВНИКИ КОРОЛЕВЫ ОЛИВИИ» — прописными литерами, двойное подчеркивание, точка в конце названия.

Ниже — обозначение жанра: [«Фантастическая пьеса»] — строчными литерами, в прямых скобках, точка после заключительной скобки.

Датировка отсутствует.

Перед названием впечатано (на той же машинке, с гораздо более истертой лентой) авторское предуведомление:

«Дорогой читатель! В эту пьесу я бухнул сразу много мыслей, которые приходили мне в голову, и много чувств, которые я испытывал по разным поводам. Буду рад, если в этом сумбуре ты всё же найдешь что-нибудь близкое тебе». Подпись — автограф чернилами: «Володин».

На титульном листе от руки проставлен библиотечный шифр:

«С I (м). В-680 (Б) Театр. б-ка (ГТБ) Рук. I. ОКХ. В 680 (Б)».

На второй странице машинописи — библиотечный штамп (чернильный оттиск в рамочке) «ОКХ» (Отдел книжного хранения) и инвентарный номер «55205 рук». Этим же номером помечены 17-я и 69-я (последняя) страницы текста.

Первый экземпляр машинописи объемом 71 стр. выполнен свежей лентой, бледнеющей по ходу набора; шрифт, знакомый и по другим сохранившимся машинописным материалам Володина.

Колонцифры по центру верхнего поля.

Пагинация начинается с третьей страницы с колонцифры «1» и заканчивается колонцифрой «69»; титульный лист и страница «Действующие лица» не нумерованы.

Ремарки даются с отступом по левому краю, но не отделены от основного текста дополнительным межстрочным интервалом. Также не отделены увеличенным интерлиньяжем и стихотворные строки.

Реплики оформлены по правилам введения прямой речи в прозе (двоеточие и тире): «ПЕДРО: — Уже пора», — тогда как в драматургическом тексте, независимо от знака после имени героя (точка или двоеточие), тире не предполагается: «П е д р о . Уже пора». Эта особенность машинописи при публикации будет исправлена без дальнейшего комментария.

Текст явно набирался под диктовку и впоследствии не вычитывался, о чем свидетельствуют многочисленные ошибки, опечатки и речевые несообразности.

При подготовке машинописи к изданию мы придерживались следующих положений.

Все явные смысловые, орфографические и пунктуационные ошибки, старые орфографические нормы или просто излюбленные орфографические предрассудки автора, равно как и его машинистки, исправлены без оговорок. Например:

«досчатый» — «дощатый»;

«чорт» — «черт»;

«няньчить» — «нянчить»;

«Адис-Абеба» — «Аддис-Абеба»;

«кричащего креста здесь *нехватало*» — «кричащего креста здесь *не хватало*»;

«освободить от заключения Хуана де Карраскиль» — «освободить от заключения Хуана де Карраскиля»;

«я думал о вам всё это время» — «я думал о вас всё это время»;

«когда в подлости не до этого» — «когда подлости не до этого»;

«всё наше поколение, которое морочило нас» — «всё ваше поколение, которое морочило нас»;

«все в веерах и спиралях широкой юбки» — «вся в веерах и спиралях широкой юбки»;

«Хуан остался среди людей один словно бы неживых» — «Хуан остался один среди людей, словно бы неживых»;

«П а о л а. Но я боялась, что уходите в армию» — «Но я боялась, что вы уходите в армию».

«Сколько ночей мы могли бы просыпаться рядом! Мы оба вместе купались в тенистых излучинах реки». — «Мы оба вместе купались бы в тенистых излучинах реки».

«Кажется, вот она подмигивает или захихикает» — «Кажется, вот она подмигнет или захихикает».

«П а о л а. ...я хочу спросить.

Н и с е т т а (Ш е р и ф у). Пускай просит». — «Пускай спросит».

«Н и с е т т а. Обожаю таких.

Р о д р и г о. Каких, каких?» — «Каких, таких?»

«П е д р о. — В дверь негромко постучали.

П е д р о. — Стучат в дверь». —

«В дверь негромко постучали.

П е д р о. Стучат в дверь».

И так далее.

Последовательно сохраняем излюбленный пунктуационный знак Володина — тире, которое автор использует для усиления интонации:

«Л у с и а. Пока — пускай».

«П е д р о (осторожно). Но — потом?..»

«Х у а н. Потом — да. После — конечно, может быть».

«Х у а н — худой, ошетиженный — встал с раскладушки».

«Задумалась, затем стянула с себя свитер — осталась в сорочке, заправленной в юбку»;

«Если хотите — Росита любовница».

По возможности сохраняем авторские знаки препинания, если это не мешает адекватному прочтению текста: «Скажи мне, Нисетта. Если он устанет...».

Внутри каждого из двух «Действий» разбивка на акты или явления (перемена декораций) отмечена двойной горизонтальной чертой. Такого рода пометы оставляем без изменения.

Как мы уже отмечали, машинопись пьесы не только не вычитана, но и не размечена для набора. А между тем, специфика полиграфической разметки в пьесах Володина чрезвычайно важна. Как показывает анализ прижизненных изданий, автор всегда пытался избегать канонических правил издательского набора и старался подавать ремарки как прозаические отрывки.

Драматургия лишена повествователя, звучащего авторского голоса. Это обстоятельство подчеркивается полиграфически. Основное содержание — реплики персонажей — подаются обычным кеглем, а вспомогательные авторские замечания, ремарки — второстепенными шрифтами (курсивом или пониженным кеглем). Однако Володину чрезвычайно важен голос автора: он присутствует в его пьесе наравне с репликами персонажей. Володин на протяжении всего своего творческого пути всегда старался преодолеть правила оформления драматического текста, включая в него авторское повествование наравне с диалогом персонажей, уравнивать его в правах с диалогом.

Другое дело, что у него не всегда получалось в полной мере отстоять это свое намерение, сталкиваясь со строгими корректорскими нравами советского времени. Хотя иногда ему это удавалось.

Нам представляется оптимальной полиграфическая поэтика книги Володина «Для театра и кино» (М.: Искусство, 1967) — первого авторского сборника, где ремарки, хотя и подаются пониженным кеглем, представляют собой коротенькие новеллы. Например:

«В паузах последующей сцены Катя, продолжая работу, может проносить в микрофон:

- Последняя минута, заканчивайте.
- Звенигород, там Кубинка, это местечко.
- Пятьдесят три, кто подойдет.
- Муром, четвертая кабина, Муром, четвертая.
- Закончили, разъединяю, всё, всё...

Из закулисной кабины: “Папа, передай трубку маме. Мама? Всё в порядке, уже пять зубов. Два сверху, три снизу”» («Пять вечеров»).

При подготовке машинописи к печати мы также будем следовать этому алгоритму и давать володинские ремарки как прозаические отрывки: «Она прижала к себе воображаемого младенца и, глядя на всех испуганно и дико, запела песню, которая казалась ей колыбельной. “Перестать!” — крикнул ей Р о д р и г о. “Нельзя так распускаться, ты не одна!” — укорила ее Н и с е т а».

Или:

«Но вдруг на площади что-то произошло. Это чувствовалось по тому, что смолкли голоса и смех — остались только бряцающие в пустоте звуки духового оркестра. Кто-то пробежал мимо окон. Еще несколько

человек. То тут, то там стало слышаться: “Нисетта... Нисетта?.. Нисетта!..”.

Кто-то крикнул так, что отдалось в комнате: “Нисетта бросилась с силосной башни! Нисетта разбилась!”».

* * *

Редакция альманаха и Елена Гушанская приносят сердечную благодарность Владимиру Александровичу Лифшицу за предоставление права на безвозмездную публикацию пьесы.

Наша признательность — всем сотрудницам Театральной библиотеки, хранившим пьесу на протяжении более полувека, а также Алене Моргун и Борису Волоху за помощь в подготовке электронной версии текста.

Александр Володин

ДНЕВНИКИ КОРОЛЕВЫ ОЛИВИИ
(Фантастическая пьеса)

Дорогой читатель!

В эту пьесу я бухнул сразу много мыслей, которые приходили мне в голову, и много чувств, которые я испытывал по разным поводам. Буду рад, если в этом сумбуре ты всё же найдешь что-нибудь близкое тебе.

В о л о д и н.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Хуан
Родриго
Мигуэль
Нисетта
Паола
Педро
Луиса
Потертый
Порочный
Женщина
Девочка
Двое в замшевых куртках
Три члена парламента
Шериф
Музыкальные девушки

Х у а н (*ему сорок пять лет, начал седеть*). В нашей стране все пишут дневники: школьники, крестьяне и даже члены парламента. Такая традиция, она началась еще с королевы Оливии. К этому занятию приступаю и я. По-моему, каждый, кто имел время подумать о жизни, что-нибудь да может бросить в общую копилку. Уже двадцать лет я не был на родине. Воевал в России против немцев, потом побывал во Франции, на Алеутских островах, а также в тех странах, которые попадались по пути.

Х у а н прислушался. Откуда-то доносятся звуки танца летка-енка, прихлопы, смехи, возгласы веселья. Он зажал уши руками, обернулся.

Эй, что там такое! Нельзя ли потише?..

Звуки веселья стали глуше.

Когда-то в России, на фронте я молил прекрасную Оливию: поставь меня на нашу площадь, дай мне оглядеть ее всю, домик за домиком, забор за забором, дерево за деревом, и всех, кто сидит за окошками! А потом швырни на меня, если хочешь, немецкую мину, дева Оливия! Тогда уж пускай.

Из-за кулис опять слышатся звуки летки-енки. Х у а н, страдая, заткнул уши.

Вот этот шум всё выбивает из головы. Прерывается нить мыслей. И главное, как громко. Почему обязательно надо так громко? Эти прихлопы, и барабаны, и все выстраиваются в затылок — не люблю!

Музыка, как бы удалившись, притихла.

Двадцать лет я не решался вернуться в родные места. В юности я бежал от несчастной любви на край света. Однако по пути пришлось пересечь границу нашей страны, в силу чего я невольно уклонился от службы в армии. А у нас это имеет особенное значение: мы занимаем последнее место в мире по количеству народонаселения, сейчас население составляет шестьдесят семь человек. Поэтому у нас самый большой процент людей, работающих по совместительству. У нас две футбольные команды, в одной одиннадцать человек, в другой десять, не хватает вратаря, поэтому мы играем в одни ворота. Наш самый большой в стране стадион — самый маленький в мире; в нем шесть мест. Мы находимся в состоянии войны с республикой Гондурас. Но военные действия не могут развернуться в силу отсутствия флота. У каждого государства по одному катеру, но они не могут преодолеть океан. Наша национальная игра — настольный теннис, национальное кушанье — перловый суп. Отсюда национальный герб — куропатка ест перловый суп. Прошло столько времени, а я всё еще люблю перловый суп... Мне исполнилось сорок пять лет, и родина словно бы протянула ко мне свою руку, положила ее на

плечо и сказала: «Пора». И вот я спустился по трапу с самолета, который залетает сюда раз в год — и иду домой.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Комната удивляет расцветкой. Одна стена черная, другая — оранжевая, третья исполосована пробами. На ней висит старомодный портрет красивой молодой женщины. Под двумя раскладушками, сдвинутыми в угол, составлены разноцветные банки с краской. Малярные кисти, как винтовки в пирамиде, прислонены к стене. Старый П е д р о и старая Л у и с а в латаных комбинезонах красят стену. (Через окна видна площадь, о которой говорил Х у а н.)

П е д р о. Не успеем перекрасить даже стену, о рамах и говорить нечего. Ничего не успеем.

Л у и с а. Самолет прибыл. Сейчас он уже идет домой.

П е д р о. И зачем затеяли перекрашивать? Главное, неизвестно, будет ли лучше.

Л у и с а. Вполне вероятно, что будет хуже.

П е д р о. Я думал, что вам этого хочется.

Л у и с а. Какая глупость! Я-то думала, что этого, наоборот, вы хотите!

П е д р о. Если бы он приехал позавчера...

Л у и с а. Ну, если бы он приехал позавчера!

П е д р о. Оранжевая гамма. Немного рискованно, зато было решение.

Л у и с а. Общее решение — это главное.

П е д р о. Правда, это могло и не произвести на него впечатления. В Европе он насмотрелся таких интерьеров, что боже мой.

Л у и с а. Я тоже подумала: это могло показаться ему провинциальным.

П е д р о. А теперь, кажется, ничего. Как, по-вашему?

Л у и с а. По-моему, неплохо.

П е д р о. Нет, серьезно.

Л у и с а. Мне нравится.

П е д р о. Может быть, он забыл дорогу, запутался, и мы успеем покрасить какую-то часть, чтобы можно было хотя бы представить целое.

Л у и с а. За двадцать лет можно забыть дорогу.

П е д р о (*к портрету на стене*). Слава благочестивой Оливии, что мы еще живы.

Л у и с а. Благодарение деде Оливии, что он еще жив.

В дверь негромко постучали.

П е д р о. Стучат в дверь.

Луиса. Откройте.

Педро. Откройте вы.

Луиса. Это Хуан!

Педро. Чего же вы боитесь?

Луиса. Вы не боитесь — вы и откройте.

Педро. Если постучат еще раз — откроем.

В дверь еще раз постучали.

Педро и Луиса вежливо улыбнулись и с этой минуты будут вежливо улыбаться всё время. Опираясь на кисти, как на посохи, они подошли к двери, сначала, улыбаясь, приоткрыли ее на цепочке, после чего, улыбаясь, впустили Хуана. Сейчас он особенно тщедушен на вид — вытянул вперед шею, потому что за спиной у него увесистый рюкзак. Одет по-дорожному — ковбойка, джинсы.

Хуан. Это я, Хуан...

Педро (*вежливо улыбаясь*). Ах, это вы, Хуан!

Луиса (*так же*). Я говорила вам, что это Хуан!

Хуан подавлен тем, как они постарели, молчит. Да и сам, как он понимает, произвел на них не лучшее впечатление.

Педро (*улыбаясь*). Что, Хуан, не узнаете? Это мы, ваш отец, ваша мать.

Луиса (*улыбаясь*). Ведь мы с вами постарели, Педро!

Хуан (*поддаваясь тону разговора, тоже улыбнулся*). Напротив, вы прекрасно выглядите! Вот я — это действительно, наверно, сдал.

Педро. Что вы, Хуан! Уж вам-то грех жаловаться.

Хуан. Мама...

Луиса. Как он хорошо сказал: мама. Помнишь, ты так назвал меня в тот день, когда покинул нас и оставил одинокими навсегда? «МАМА». Он так и сказал тогда, помнишь, Педро?

Педро (*остановил ее взглядом*). Но вообще — на будущее, должен сказать, что у нас более принято говорить «МАТЬ».

Луиса (*оробела*). Верно: мать, отец.

Педро. Или — попросту: Педро, Луиса.

Луиса. Хуан, вы не сказали, как вам нравится расцветка комнаты?

Хуан. Очень интересна.

Педро. Нет, правда?

Хуан. Во всяком случае, непривычно.

Педро. На эту стену не смотрите, она не закончена.

Хуан. Почему, мне даже эта стена нравится. Именно так, как есть.

Педро (*рассмеялся*). А сейчас вы увидите, как она должна выглядеть.

Л у и с а. Вы полежите, отдохните с дороги, а мы тем временем закончим. (*Укладывая Хуана на раскладушку.*) Можете лежать и смотреть. Вам это будет интересно.

П е д р о. А то желтый цвет — как-то неопределенно.

Х у а н. Зачем же сейчас красить! Хороший веселый детский цвет!

П е д р о. Если станет хуже — перекрасим обратно.

Л у и с а. К прежнему всегда можно вернуться. Сравним — и снова покрасим в желтый.

П е д р о (*приступая к работе*). Или в красный. Если только не будет слишком ярко.

Л у и с а. Если не будет слишком бросаться в глаза.

Х у а н. Да перестаньте же, отложите, мы ни о чем еще не поговорили!

П е д р о. Сначала надо закончить. Нельзя бросать дело посередине.

Х у а н. Я хочу рассказать вам, где я побывал! Я был в России. На вас, Педро, она произвела бы впечатление: белые колокольни, белые деревья, белый снег...

П е д р о. Однообразно.

Х у а н. Я есть хочу! Я с дороги, я хочу перловый суп!

Л у и с а. А как же, я специально сварила тебе перловый суп! Помнишь, Педро, как он в молодости любил перловый суп?

П е д р о. Ха! В молодости и я любил перловый суп. Когда я был молод...

Л у и с а. Он на свои деньги покупал краску, чтобы красить дома на улице!

П е д р о. На последние деньги покупал краску.

Л у и с а. Потому что улица — это ведь не просто дома, которые неизвестно зачем торчат рядом...

П е д р о. Улица должна расти как растение!

Л у и с а. Она должна выпускать из своего стебля цветы только там, где это нужно. Я правильно выражаюсь?

П е д р о. Только там, где это естественно.

Л у и с а. Но он успел покрасить только половину дома.

П е д р о. Так до сих пор и стоит недокрашенный дом.

Л у и с а. Надо сознаться, он чересчур этим увлекался, это была самая настоящая страсть. Причем красил на свои средства — совсем подозрительно. Естественно, попал под статью, и ничего даже не стал говорить в оправдание: да, виновен.

П е д р о. С тех пор приходится красить только в комнате.

Л у и с а. Зато сколько угодно, никто не видит.

Х у а н. Но если никто не видит — какой смысл?

П е д р о. В том-то и дело, что нет смысла. Но об этом не надо думать.

Луиса. Ведь все эти его находки, может быть, даже открытия в области колорита — они никого не интересуют, никому не нужны, он работает в пустоте!..

Педро (*по-мужски сдержанно*). Должен сказать — существуем в полном одиночестве. Луиса — женщина, ей это особенно тяжело. Она, разумеется, помогает мне, но не потому, что ей это нравится. Просто она думает, что я болен.

Луиса. Неправда, я помогаю ему именно потому, что я это люблю: колорит, сочетание красок... Он думает, что я дура, ничего в этом не понимаю.

Педро (*тронут*). Кое-что она уже схватила. Иногда делает такие замечания, что ого-го!

Луиса. Какая жалость, что нам предстоит с вами расстаться, Хуан. Вы тоже полюбили бы всё это и делали бы замечания.

Хуан. Я вас не оставлю. Я не пойду в тюрьму.

Луиса. Как не пойдете?

Педро. Зачем же вы тогда вернулись?

Луиса. Возможно, всё ограничится добровольным домашним заключением. Это и гуманно, и дешевле обходится государству.

Хуан. Но ни в одной другой стране проступок, который я совершил, не подвергается наказанию!

Педро. У нас маленькая страна, если бы за границу убежало шесть человек, это составило бы десять процентов населения. Поэтому мы вынуждены считать преступлением многое из того, что другие страны у себя терпят.

Луиса. Он, наверно, забыл, чему нас учит королева Оливия.

Все трое обратили взгляды к портрету королевы.

Педро (*мягко*). Вглядитесь в ее черты. Вспомните свое детство. Синий свет за окном, солнце на оранжевой половице...

Луиса. Он вообще забыл свою страну.

Педро. А ведь и у нас есть что любить.

Луиса. И есть чем гордиться.

Они присели с обеих сторон от Хуана на раскладушку.

Педро. Известно ли вам, например, что у нас самый оперативный парламент в мире. Сколько у нас членов парламента?

Хуан. Не знаю.

Педро. В парламенте у нас четыре человека, это надо знать.

Луиса. Парламент заседает непрерывно: два человека заседают, два спят.

Педро и Луиса сообщают об этом с некоторым сдержанным экстазом, как отличники, отвечающие урок. Глаза их скромны и невинны — так и следует смотреть жителям маленькой страны.

Педро. У нас две партии.

Луиса. Хотели создать третью, но не хватило народа.

Педро. Сельским хозяйством у нас занимается шесть человек.

Луиса. У нас самый большой процент писателей на душу населения. Один писатель-очеркист.

Хуан поддается гипнозу покоя, неспешности, аккуратности. Глаза его становятся скромными и покорными.

Луиса. А знаете ли вы, что наша страна делит с Гондурасом первое место по массовости спорта?

Педро. В настольный теннис у нас играют все за исключением шести крестьян.

Луиса. На международных соревнованиях по теннису мы делим с Гондурасом два последних места.

Педро. А теперь отгадайте, кто у нас абсолютный чемпион по настольному теннису? Пусть отгадает!

Хуан. Кто же, кто же... Но откуда я могу знать!..

Педро и Луиса. Ларс!

Хуан. Ларс!

Педро и Луиса. Кто бы мог подумать!

Хуан. Никогда бы не догадался!

Все счастливо смеются.

Педро (*вдруг серьезно*). Хуан, вы должны сегодня же явиться с покаянием.

Хуан. Сегодня я не могу идти.

Луиса. Почему же?

Педро. Зачем тянуть! Чем дольше вы будете откладывать, тем строже к вам отнесутся.

Хуан. У меня есть одно дело. Одна встреча. Может быть, это и пустяк.

Луиса. Какая встреча, Хуан?

Педро. Какой пустяк?

Хуан. Мне надо увидеть Паолу.

Педро. Обязательно сейчас?

Луиса. Только разочаруешься. Ты, наверное, представляешь ее вот такой девушкой...

Педро. Еще не так и стара, а уже что-то с печенью.

Луиса. И что-то с сердцем.

П е д р о. И что-то с почками.

Л у и с а. А, казалось бы, — и всего-то ей сколько? Лет сорок?

П е д р о. Никак не больше.

Л у и с а. Но и никак не меньше.

Х у а н. Интересно было бы повидать ее.

Л у и с а. Вы не женаты, Хуан?

Х у а н. Нет.

П е д р о. И детей у вас нет?

Х у а н. Нет.

Л у и с а. Вы одиноки, Хуан.

П е д р о. Как мы.

Л у и с а. Тут подросли такие девушки...

П е д р о. Что ни говори — новое поколение. Чем короче юбки, тем больше им идет.

Л у и с а. Мини-юбки и сапожки.

П е д р о. Сапожки и мини-юбки.

Л у и с а (*мужу*). Представь себе Паолу в мини-юбке!

П е д р о. Представляю...

Л у и с а. Хотя я и не отрицаю, что у нее доброе сердце.

Х у а н. Это очень, очень важно.

Л у и с а. Но я слышала и другое мнение, что она, наоборот, злая женщина.

Х у а н. Если хотя бы кто-то сказал, что она добрая, значит, так и есть, иначе никто бы ни за что так не сказал. А именно доброты сейчас повсюду не хватает, буквально во всех странах дефицит.

П е д р о (*в окошко*). Паола!

Голос П а о л ы из противоположного дома: «Что, дядюшка Педро?»

Зайдите к нам на минутку.

П а о л а. Я градусник ставлю ребенку!

Л у и с а. Поставьте и зайдите.

Х у а н. Она замужем?

Л у и с а. Не замужем она, и ребенка у нее нет, и никому она не ставит градусник, только об этом не надо с ней говорить. Ни к чему вам с ней встречаться, напрасно вы это затеяли.

В комнату вошла грузная женщина с лицом, опухшим от бессонных ночей. Увидев Х у а н а, она тихо вскрикнула и отвела лицо в сторону.

Х у а н тоже отвел от нее взгляд, повернулся к стене.

«И я буду смотреть в сторону, — продолжала П а о л а. — Так будет совсем хорошо. И можно разговаривать...».

Х у а н. Я думал о вас всё это время.

П а о л а. Ну вот, теперь успокойтесь.

Х у а н. Сначала я думал о вас плохо. Я вспоминал, как вы мучили меня. Но это прошло. Я даже не знаю, вы были виноваты или нет.

П а о л а. Какое это имеет значение. Сейчас.

Х у а н. Нет, это важно! Вы же любили меня. Тогда, помните?

П а о л а. Разумеется, я вас любила. И позволяла вам так много... почти всё. Но я боялась, что вы уходите в армию, а потом ко мне не вернетесь, и я останусь с ребенком на руках, и кто меня тогда возьмет?.. Вот почему, вот почему, вот как я погубила вас! Вот как я погубила себя!

Х у а н (*уткнулся лицом в ладони*). Как мы были глупы и жалки! Оба! Почему мы были так глупы...

П а о л а (*торопливо, почти просительно*). Я не хочу оправдываться, но в наше время все девушки были такие, не я одна.

Х у а н. Какое мне дело до всех!

П а о л а. Но мы были чисты, мы чтити деву Оливию, не то что сейчас, современные девицы — сразу позволяют бог знает что!

Х у а н. Всё, всё могло быть иначе. Я не бежал бы от вас на край света, я не стал бы преступником. Мы оба любили, иначе я не запомнил бы это на двадцать лет. Мы непрерывно жаждали прикосновений, мы обнимались так, словно я хотел стать тобою, а ты хотела стать мною. Сколько ночей мы могли бы просыпаться рядом! Мы оба вместе купались бы в тенистых излучинах реки. Один взгляд в глаза затемнял бы наше сознание и увлекал из толпы домой... Я был бы тогда совсем другим человеком, может быть, я не бродил бы по фермам в поисках работы. Кем я мог быть? На что был способен? Кто знает...

П а о л а. Что вы несете, Хуан? Посмотрите на меня. Да нет же, не смотрите. Я старая дева, я неврастеничка, я опухла от почек и бессонницы...

Х у а н. Но и вы были другою! Безлюбье выматывает, как болезнь! Вспомните, вы были тоненькая, твердая, как палочка! Я говорил вам: «Обнимите меня». Вы быстро и послушно закидывали круглые руки мне на шею.

П а о л а (*почти не слушая его*). Боже мой, как будто вы могли не вернуться ко мне! А если бы и не вернулись — как будто я могла бы выйти за другого!

Х у а н. У нас были бы дети, маленькая девочка, сейчас она была бы уже большая...

П а о л а (*быстро, мучительно, словно в горячке*). О, Хуан, — это, вот это, вот это главное, вот что мучает меня, вот что!.. У нас были бы свои дети, я кормила бы их грудью! Они сидели бы за длинным столом и кричали: «Мне! Мне!..» И я тогда не заболела бы. Нас было бы два здоровых человека. Два здоровых человека на целую страну — это не так много...

Л у и с а. Вы поставили ребенку градусник, Паола?

П а о л а. Бегу, бегу. (*Деловито, заботливо.*) Как только вы отбудете наказание, вам сразу надо жениться, это естественно. Сейчас у нас тринадцать девушек! И примерно семь гораздо лучше, чем я была тогда. Просто другое поколение. И они все, все¹ понимают — это я из зависти их поносила. Дева Оливия, если бы я тогда всё так понимала, — у нас были бы дети, я кормила бы их грудью!..

Она прижала к себе воображаемого младенца, принялась нянчить и тетешкать его.

П е д р о. Паола, вы повторяетесь.

Л у и с а. Ребенок наверно плачет, нельзя столько времени держать градусник.

П а о л а (*тихо, рассудительно*). Меня нет, Хуан, это не я пришла. Я лично тогда же и умерла. И я никому не скажу, что видела вас. А то спросят, почему я не сообщила куда надо. Вы сами должны явиться, тогда вы можете рассчитывать на смягчение. Но главное — мы должны быть отдельно. Вы отдельно, и я отдельно. И условие — не смотреть в лицо, в глаза. Смотреть надо в сторону...

Не повернув к нему головы, она скрылась за дверью.

П е д р о. Ну, вот вы и повидались. Теперь, пожалуй, уже пора.

Л у и с а (*ласково*). Думаете, нам этого хочется? Нет. Но надо. Надо, сын.

Х у а н лег на раскладушку лицом вниз: «Сейчас я не могу. Не сейчас».

Л у и с а. А я думаю, что сейчас вам даже полезно немного отвлечься.

Х у а н. Как отвлечься?

П е д р о. Следствие, суд, всё же какие-то новые интересы.

Х у а н. Паола больна.

Л у и с а. Если хотите, она вас будет навещать.

Х у а н. Я еще не могу идти. Я должен хотя бы повидать людей. На улицах пусто. Какие-то люди пробираются вдоль стены и тут же скрываются. Почему пусто на улицах?

П е д р о. Кто умер, кто нездоров. Теперь многие стали болеть.

Х у а н. Чем?

Л у и с а. Кто чем. У нас не любят об этом говорить.

Х у а н — худой, ошетиненный — встал с раскладушки. — Я хочу видеть моих друзей. Где Мигуэль? Где Родриго? Живы они или нет? Мигуэль! (*Крикнул он.*) Родриго!

¹ В машинописи так, но возможны варианты прочтения: и «они все всё понимают», и «они всё, всё понимают». — Е. Г.

Он свистнул в два пальца и прислушался.

Педро. Они могут обидеться. Мигуэль уже кандидат наук, дон Родриго — член парламента, у него взрослая дочь Нисетта.

Хуан. Хочу видеть кандидата наук, члена парламента и его взрослую дочь.

Педро (*осторожно*). Но — потом?..

Луиса. После того, как вы их повидаете?

Хуан. Потом — да. После — конечно, может быть. Возможно, я совершу еще одно-два преступления и покаюсь сразу во всем.

Луиса. Этим не шутят, Хуан.

Педро. А мы ничего не слышали, мы всё время были заняты.

Старые люди снова принялись красить стену. В их движениях странная заведенность.

Всё же, когда она была синяя, смотрелось лучше.

Луиса. Синяя смотрелась гораздо лучше.

Хуан (*вопл*). Всё уже покрашено! Больше ничего не надо красить!

Педро (*жене*). Именно синяя, а не голубая.

Луиса. Именно синяя, милый. Цвет речной воды.

Хуан бросился к отцу, вырвал у него кисть. Не зная, как прекратить это, сунул кисть в ведро с краской и мазанул крест-накрест стену. Это была совсем неподходящая вопиющая багровая краска. И еще крест-накрест. И еще.

Педро, он же всё испортил!

Педро (*откинулся, глядя на стену, и тихо проговорил*). Вот этого. Вот этого кричащего креста здесь не хватало. Багровый вопиющий крест... Откуда вы знали, Хуан?

Хуан (*к портрету королевы*). Прости меня, Оливия.

Он вышел из дома.

=====

На авансцену, сдвигая занавес, выбежали девушки в мини-юбках.

Подражая Педро и Луисе, они пляшут, действуя воображаемыми кистями.

Подражая Паоле, они пляшут, нянча воображаемых младенцев.

Они красят кистями вдоль и поперек.

Они подбрасывают и снова нянчат младенцев.

Разбегаясь с хохотом, они снова раздвинули занавес.

=====

Дом Родриго. Блекло. Сумрачно. Холодильник на замке.

Буфет на замке. Две раскладушки. На стене портрет королевы. На стульях, составленных кружком, сидят: кандидат наук Мигуэль, здоровяк, Родриго, его апатичная дочка Нисетта и усталая Паола. Они играют в города.

Родриго. Париж.
Нисетта. Женева.
Мигуэль. Амстердам.
Паола (*не сразу*). Москва.
Родриго. Анапа.
Нисетта. Авиньон.
Мигуэль. Нью-Йорк.
Паола (*не сразу*). Кострома...

За окошком показался Хуан. Он смотрит в комнату.
Все обернулись к нему.

Родриго. Опять на «а». А... А... Анапа была.
Хуан. Родриго!..
Родриго (*спокойно*). Здравствуйте, Хуан. Заходите, мы играем в города. Анкара!
Нисетта (*глядя на Хуана*). И снова «а». Как нарочно. Аддис-Абеба.
Мигуэль (*глядя на Хуана*). Братцы, да что это вы, опять на «а».
Хуан. Мигуэль!
Мигуэль. Привет, дорогой. Я еще утром видел, как вы проходили мимо. Алупка.
Паола (*не глядя на Хуана*). А... а... (*вскричала*). А!
Все (*удивлены*). Что с вами? Что с вами?
Паола. Я проиграла.
Родриго. Стоит ли убиваться, столько городов на «а». Анкара, Армавир... Хуан! Где же он там?

Хуан вошел в комнату.

Мигуэль (*продолжает*). Арарат..
Нисетта. Арарат — гора.
Родриго. Возьмите стул, Хуан. Кстати, забыли Арканзас.
Мигуэль. Довольно, а то Хуану скучно. Он сам, наверно, изъездил все эти города.
Родриго. А на родине все-таки лучше? Сознайтесь! А что, у нас тоже есть чем погордиться. Известно ли вам, например, что у нас самый большой процент минеральных источников на душу населения? Один источник на шестьдесят семь человек.
Нисетта (*благодарно*). У нас три врача: самый высокий процент медицинского обслуживания в мире. Правда, один врач сейчас болен гриппом. Если он умрет, то мы окажемся на пятом месте.
Родриго. Паола, что ты молчишь? Человек двадцать лет не был на родине...

Паола (*не глядя на Хуана*). У нас самый высокий в мире процент стеклочетных шашистов. Раньше у нас был один стеклочетный шашист, но теперь он научил играть своего сына.

Родриго. Могу поделиться государственной тайной: основывается концерт по производству светло-зеленой краски для плетней. Для этого из сельского хозяйства будет переброшено два человека.

Мигуэль (*ехидно*). Зеленая краска ядовита.

Нисетта. А за вредность будут выдавать какао.

Родриго. А в Гондурасе за вредность выдают молоко, по калорийности несравнимые вещи.

Нисетта. А мы говорим — Гондурас, Гондурас...

Родриго. Кто говорит? Никто не говорит.

Нисетта. Я сказала в том смысле, что — говорят. Вообще говорят.

Родриго. И еще могу вас порадовать, но это — тоже между нами: намечено расширение раскладушечной промышленности с целью обогнать Гондурас по количеству раскладушек на душу населения.

Мигуэль (*ехидно*). Bravo. Bravo, bravo.

Нисетта. О росте благосостояния свидетельствует одно уже то, что в родильном доме установлена очередь на усыновление детей. Инесилья удочерила дочку.

Паола (*нервно*). Решила замаливать свои грехи.

Родриго (*предостерегая*). Тихо, Паола, тихо.

Паола (*сдерживаясь*). Пардон. (*Еще более нервно*). Нельзя спасаться за счет детей!

Родриго. Паола, здесь посторонние.

Паола (*не в себе*). И опять, как всегда, несправедливо! Уж поверьте, Инесилья получила девочку за взятку! Я год стою в очереди за дочкой, а мне отвечают одно и то же. Потому что им надо сунуть. Как будто я не понимаю. А я из принципа не буду этого делать. И потом, у меня нет денег.

Нисетта. Тише, на улице слышно.

Родриго. Прежде чем обвинять государство, подумали бы о себе. Простите за бестактность, но вам не дают ребенка, потому что вы нездоровы.

Паола. А кто здоров? Все больные, нечего прикидываться. У меня хотя бы кастрючка безобидная, я ничего особенного не требую. Я хочу, чтобы стоял большой стол, и за ним сидели бы дети и кричали: «Мне! Мне!» А я разливала бы всем перловый суп и качала бы маленького и кормила бы его грудью!

Она прижала к себе воображаемого младенца и, глядя на всех испуганно и дико, запела песню, которая казалась ей колыбельной. «Перестать!» — крикнул ей Родриго.

«Нельзя так распускаться, ты не одна!» — укорила ее Н и с е т т а.

Но женщина продолжала петь, заботливо нянча клубочек пустоты в своих руках. Не глядя друг на друга, все понуро разбрелись по комнате.

Р о д р и г о (*извиняясь, пояснил Хуану*). Кастручча.

М и г у э л ь (*подтвердил*). Кастручча.

Н и с е т т а (*вздыхнула*). Кастручча. Досадно, что это случилось именно при вас.

Х у а н. Паола!..

Она не ответила.

Простите меня.

Н и с е т т а. За что вы просите прощения?

Х у а н. Я не писал ей писем.

Р о д р и г о. Странно, вы и не должны были писать.

Н и с е т т а. Зачем было возбуждать напрасные надежды, если вы всё равно не могли вернуться и жениться на девушке!

Р о д р и г о. А Паола со своей стороны винит себя в том, что она была слишком осторожна и не вступила с вами в интимную связь. Однако я считаю, что она может гордиться собой. Да и мы можем гордиться ею!

Н и с е т т а. И вообще, девушка не должна отдаваться мужчине до официального оформления. Может быть, я в этом вопросе немного старомодна...

Х у а н подошел к П а о л е и поднял ее со стула. Она встала, глядя в сторону.

Х у а н. Уберите волосы назад, как было.

П а о л а убрала волосы назад, оставила только челочку на лбу.

Обнимите меня.

П а о л а закинула прямые руки ему на плечи.

Х у а н. Скажите: «Я хочу, чтобы вы приходили ко мне каждый день».

П а о л а. Я хочу, чтобы вы приходили ко мне каждый день.

Р о д р и г о (*мягко*). Тут мы обязаны опять вмешаться, Хуан. Иначе вы можете поступить опрометчиво.

Н и с е т т а. Не забывайте, что вам предстоит идти с повинной, и еще неизвестно, чем это чревато.

Р о д р и г о. Помните Паолу несбыточной надеждой, чтобы сразу же оставить вдовой?

Н и с е т т а. Не говоря о том, что вы по существу еще не видели наших девушек! У нас двенадцать девушек, помимо меня! Представляете, Паола, как он будет потом грызть локти?

М и г у э л ь (*он до сих пор молчал*). Отстаньте от него.

Р о д р и г о. Слушайте нас, Хуан. Не поддавайтесь слепым чувствам. Оливия говорила об этом недвусмысленно. Два пути перед вами. Один путь — разума и покоя. Другой путь — угар обманчивых страстей. Выбирайте.

П а о л а (*в ознобе от возбуждения и страха*). Слушайтесь их! Не мучайте меня, не приближайтесь ко мне так близко! Мне нельзя смотреть в ваши глаза, там я увижу усталую, опухшую, немолодую женщину! Да и вы в моих глазах увидите не то, что надо! Пустите меня... да пустите же меня!

Х у а н снял ее руки со своих плеч. Она тут же опустилась на стул, положила ладони на колени и впала в апатию. В этом состоянии она будет пребывать в продолжение последующей сцены.

Р о д р и г о (*оживленно*). Могу вам сообщить еще одну государственную тайну! Хотя теперь это уже почти не тайна. Мы закупили в Парагвае восемь авторучек!

М и г у э л ь. Наконец-то! Абсолютно писать нечем.

Н и с е т т а. Хотя тут помолчали бы.

Р о д р и г о. Со своей стороны — для укрепления дружественных связей мы подарили президенту Парагвая чашку с блюдцем.

М и г у э л ь. Всё готовы раздарить.

Н и с е т т а. А я считаю наоборот, что это мизерно. Либо ничего не дарить, или уж подарили бы сервиз!

М и г у э л ь. Когда в политику вступают такие умы, остается замолчать. Давайте лучше играть в слова.

Р о д р и г о. Сели. (*Х у а н у.*) И вы. Когда мало народу — неинтересно.

Н и с е т т а (*отводя Х у а н а от П а о л ы*). Это у нее реакция, через какое-то время пройдет.

Усадила его. Все, как прежде, устроились кружком.

Р о д р и г о. Ве...

М и г у э л ь. ...селье. Рож...

Н и с е т т а. ...дество. Сол... Хуан, ваша очередь, продолжайте. Ну? Это же просто: сол... нышко. И скажите начало нового слова. Трав...

Р о д р и г о. ...ка. Ба...

М и г у э л ь. ...бочка. Фи...

Н и с е т т а. ...алка. Ру...

Х у а н. ...чеек. Раскладушка.

Все засмеялись.

Н и с е т т а. Вы должны были сказать только рас... А папа бы продолжил: рас-свет. Птич-ка. Песен-ка. Лесен-ка. Па...

М и г у э л ь. ...ровозик.

Н и с е т т а. Нет, лучше па — дарок.

Р о д р и г о (*нервно*). Мигуэль сказал «паровозик», это его право. А во-вторых, не падарок, а подарок.

Н и с е т т а. Почему, иногда так пишется, иногда так. Смотря какой подарок.

М и г у э л ь. Бросьте препираться, пускай будет подарок, какая разница.

Н и с е т т а (*непонятно возбуждена*). Потому, что отец берется судить, когда — спросите его, хоть раз в жизни, хоть что-нибудь — булавку, он, он подарил кому-нибудь? Смотрите, на буфете замок. На холодильнике замок! Стыдно перед посторонним человеком, запирать на замок колбасу!

Р о д р и г о. Ты прекрасно знаешь, что я нездоров! Мне нужно особое питание, чтобы залить жиром легкое! И все это знают. И ни у кого нет претензий!

М и г у э л ь. Положим, вы давно залили жиром всё что можно, вы самый полнокровный человек в стране. И если к вам приходит в гости друг, который двадцать лет скитался, не мешало бы предложить ему хотя бы бутерброд.

Р о д р и г о. Вы полагаете, что он двадцать лет ничего не ел? Он же пришел к нам из дому! Его наверняка там накормили. Хуан, вы ели дома или нет? Скажите честно.

Н и с е т т а (*с тем же страшным возбуждением*). О чем вы спрашиваете, до еды ли ему? На наших глазах произошла трагедия, перед вами две судьбы, а мы делаем вид, что ничего не понимаем. Улыбаемся, даем советы, играем в слова...

Х у а н (*пристально глядя на нее*). Как вы похожи... Сомнений нет, вы дочь Роситы?

Н и с е т т а. Моя мать была Росита. Ну и что?

Р о д р и г о (*пресекая разговор*). Моя жена умерла. Роситы больше нет.

Х у а н. Рыжая Росита! Тихая Росита с лицом, нежным, как у мраморных ангелов в церкви!..

Н и с е т т а. Моя мать как раз была нежная и отзывчивая женщина. В этом я пошла в нее. Нет, в быту я рассудительна, в какой-то мере даже эгоистка, и горжусь этим. Но когда я вижу перед собой несчастье или болезнь — прости меня, дева, — я хочу что-то предпринять, как-то помочь, если ничем уж нельзя помочь, то хотя бы что-то подарить, какой-нибудь пустяк... (*Она огляделась, сорвала со стены украшеньице.*) Хуан, подарите ей это, когда она придет в себя!

М и г у э л ь (*поднимается*). Опять начинается. Я ухожу.

Р о д р и г о. Ничего не начинается. (*Отобрал у Хуана подарок.*)
Зачем ей эта салфетка! Я видел у нее точно такую же салфетку на стене.

Н и с е т т а (*задумалась, затем стянула с себя свитер — осталась в сорочке, заправленной в юбку*). Тогда подарите ей свитер. От вас ей будет приятно получить.

Хуан, теряясь, принял свитер, но Родриго тут же отнял его.

Р о д р и г о. Он не налезет на нее! Зачем ей ваш свитер?

Н и с е т т а. Почему же не налезет, он растягивается!

М и г у э л ь. Зачем ей растягивать свитер, когда она сама может связать себе по размеру!

Н и с е т т а (*Хуану*). Ну, тогда — что вам нравится? Всё, что на мне. Выбирайте.

Р о д р и г о. Ей ничего не нужно, у нее всего по две пары! Хуан, скажите ей!

Н и с е т т а (*торопясь, снимает юбку*). Молния, черт, заедает. (*Кинула ее Хуану*.) Не отдавайте отцу, что вы всё отдаете, как рохля...

Р о д р и г о (*отбирая*). Кастрючка, кастрючка...

М и г у э л ь. Везет нам сегодня.

Н и с е т т а (*скинула туфли*). Ну, хоть туфли-то я могу подарить? У нас один размер!

Р о д р и г о (*отбирая*). Стыдно дарить разношенные туфли! Я бы воспринял это как унижение!

Н и с е т т а (*наконец разошлась*). А!.. Раз пошла такая пьянка — берите колечко. Хуан, это лично вам. Кого люблю, тому дарю! Мигуэль, а вы что мнетесь? Так ничего не останется!

М и г у э л ь. Мне бутылку виски.

Н и с е т т а. Виски не держим. (*Кинула заколку*.) Оп!.. А потом вы мне что-нибудь подарите. Черт возьми, из головы вон! Есть же прелестная кружевная сорочка! Кому прелестную кружевную сорочку?

Она стала снимать через голову сорочку, но Родриго вскричал: «Посмотришь, бесстыжая, в зеркало! Посторонний человек в доме!»

Н и с е т т а не сразу поняла его. Она замерла и прислушалась, хотя Родриго уже замолк. Она оглянулась на зеркало, руками крест-накрест прикрыла плечи. Потом, что-то потерянно бормоча, опустилась на колени перед портретом Оливии. Сначала она бормочет невнятно, голос ее постепенно становится громче.

...Дева, научите меня противиться безумию. Дайте мне силы не поддаваться обманчивым чувствам. Вы переписывались с Вольтером, вам наносили визиты монархи. Помогите мне стать разумной, сдержанной, уравновешенной, вежливой, объективной, как вы...

Она уронила голову, поникла. Родриго поднял ее, усадил на стул возле стены, как смог, прикрыл наготу. Нисетта позволяла делать с собою всё. Так же, как Пола, она впала в апатию и в этом состоянии будет пребывать до конца сцены.

Мигуэль. Женщины, впечатлительные натуры... Что же, мужички, сообразим на троих?

В руке у него появилась бутылка. Мигуэль поставил ее на пол.

Родриго отпер буфет, достал три рюмки, запер снова. Они сели в кружок, разлили.

Со свиданьем.

Хуан. Родриго! Мигуэль! Что здесь происходит?

Родриго. Тебе всё кажется.

Хуан. Что мне кажется?

Родриго. Вот это всё. Ничего особенного не происходит. Живем, хлеб жуем.

Хуан. Почему мы так странно встретились?? Я же тосковал по вас, мерзавцы! Почему мы разговариваем как случайные знакомые? Не надо так! Не путайте меня!

Родриго. Мой совет — не обращайтесь внимания.

Мигуэль (*злоюще усмехнулся, выпил*). У кого вы спрашиваете? У человека, который давно доказал свою несостоятельность.

Родриго. Вы у него спрашивайте, он вам на всё раскроет глаза. А через месяц сопьетесь, как он.

Мигуэль. И то верно.

Родриго. Мы хотя бы делаем дело. Как умеем. Забота о населении растёт, парламент принял билль о том, чтобы велосипеды красили только в такие цвета, которые благотворно влияют на нервную систему. Это сейчас проблема номер один.

Мигуэль. Хоть выпить-то можно без этого?

Родриго. Послушайте, вы всё время ратуете за якобы свободу слова, так давайте ее и другим!

Мигуэль. Бедняга, я его лишаю свободы слова. Вы знаете, кто этот человек? Это же член парламента, он же делает одолжение, что пьет с нами из одной бутылки, эту бутылку можно будет сдать в музей!

Родриго (*Хуану*). Никогда не пейте с неприятными людьми.

Мигуэль. Кстати, спросите, что он понимает под свободой слова? Право свободно говорить, что мы всем довольны и счастливы?

Родриго. Лучше спросите у него, чего он добивается. Революции? В нашей стране? Чтобы потом три года восстанавливать народное хозяйство?

Мигуэль. Лучше спросите у него, что произошло с Роситой.

Р о д р и г о. Жена моя умерла, Хуан. Роситы больше нет.

М и г у э л ь. Уклончиво.

Р о д р и г о (*не сразу*). Ни для кого не секрет, что моя жена Росита в день открытия силосной башни бросилась с нее на землю. В чем и доказала свою нелояльность.

Х у а н. Рыжая Росита!..

Р о д р и г о. Рыжая, рыжая!.. Вы помните ее?

М и г у э л ь. У нее были зеленые глаза. Вечером они казались синими.

Р о д р и г о. У нее были синие глаза! Которые вечером казались наоборот зелеными!

М и г у э л ь. Считайте, что так.

Р о д р и г о. Что значит — считайте? Это моя жена! Я видел ее и утром, и вечером, и ночью!

М и г у э л ь. Если бы Росита не вышла за вас, то она была бы лояльна и жила до сих пор.

Р о д р и г о. Она не любила очкариков! Она говорила, что человек в очках не способен на решительные поступки! И она была права. Вот он меня тут нещадно критикует. А между тем в парламенте я занимаю левое крыло. И там только ждут удобной ситуации, чтобы меня забаллотировать... Но есть сила... которая поможет мне. Есть тайна, которая отделила меня от всех, но и подняла меня надо всеми. Я выражаюсь несколько туманно, но какая это тайна — не суждено вам узнать. Выпили.

Выпили. Р о д р и г о поднялся и тихо, но в крайнем возбуждении сказал:

Я прочитаю вам небольшой цикл стихов.

М и г у э л ь. Не люблю дилетантства.

Р о д р и г о. Пить надо меньше...

Единственная. Не из женщин,

А из всего. Такая малость.

Всё меньше оставалось, меньше —

Единственное, что осталось.

Не жду газет. Не верю в бога.

Работа? Нелады и с ней.

Зато тебя так стало много,

Как было много жизни всей.

М и г у э л ь. Где-то читано.

Р о д р и г о. Вы не могли этого читать. Потому что этого никто, кроме меня, не мог написать.

М и г у э л ь. Почему же этого никто, кроме вас, не мог написать?

Р о д р и г о. Потому что ни у кого, кроме меня, не было Роситы!..

Темнеет в мире. Я иду ко дну,
 С каким бы наслаждением я сменял
 Весь белый свет, который серым стал,
 На светлую, на рыжую одну.
 На тихую, крикливую одну,
 На хмурую, счастливую одну,
 На мягкую, на твердую одну,
 На скромную, на гордую одну,
 На сильную, на слабую одну —
 Я брат ее, я раб ее, тону!
 По мелочам не затеваю торг.
 Стучи, аукционный молоток!
 Все суетные блага на кону!
 Меняю. Срочно. Оптом. На одну...

М и г у э л ь. Мягкую или твердую? Скромную или гордую? Что-нибудь одно.

Р о д р и г о (*к портрету Оливии*). Королева! Как вы разговаривали с идиотами?.. Да, Мигуэль! И скромная, и гордая! И мягкая, и твердая! Такая она была! В течение двух бредущих рядом минут она была разная! Нежный пламень из рая в ад протекал через ее тело, это мне доподлинно известно. У меня тысяча фотографий Роситы, и нет двух одинаковых...

Он отпер шкаф, достал кипу фотографий, вручил Х у а н у и, чтобы не мешать ему, отступил в сторону. Х у а н печально, с тяжелым сердцем рассматривает фотографии одну за другой — но постепенно что-то начинает смущать его. Еще несколько фотографий — и он в недоумении поднял голову.

Х у а н. Но это всё один и тот же снимок?

М и г у э л ь. Дон Родриго отпечатал тысячу копий.

Р о д р и г о. Ну и что? Это не имеет значения.

М и г у э л ь. Просто я советую Хуану не разглядывать так внимательно всю тысячу.

Р о д р и г о. Росита не любила фотографироваться, она оставила один единственный снимок, который понадобился для документа. Но взгляните повнимательней. Скажем, здесь. Простушка, официантка. Кажется, вот она подмигнет или захихикает. А теперь — только сразу, взгляните на эту. И сравните. Благородство, покой, совершенная серьезность — вам не кажется?

Х у а н (*не уверен*). Что-то — да. Что-то есть.

Р о д р и г о. А что здесь? Другой человек, другая женщина! Разве не так?

Х у а н. В каком-то смысле вы правы.

М и г у э л ь усмехнулся.

Р о д р и г о. А вот здесь. Как бы вы ее охарактеризовали?

Х у а н. Трудно сказать...

Р о д р и г о. Только из речки, с купанья. Холодная, здоровая, хочет есть. Юность, юность! Никаких помыслов о любви! Сгребать сено, растапливать печку, стирать белье... Теперь на минутку прикройте глаза. Вот интересная копия: женщина — мать. Молодая, но — мать. Кому? Неважно. Любому человеку. Усталость, грусть, предчувствия... Этот снимок, к сожалению, я не могу вам показать, это интимное. Если хотите — Росита любовница. Нет, не то, что вы думаете. Любовь, что греха таить, она раздевает, обнажает человека, иной раз это прекрасно, иной раз чересчур просто... Но Росита умела одеваться музыкой. Едва ли это понятно. Это только она умела, только она. Секрет утерян... А теперь я покажу вам самые любимые фотографии. Тут триста штук, я специально отобрал.

М и г у э л ь. Этого не хватало.

Р о д р и г о. Вы не торопитесь, Хуан?

М и г у э л ь. Он торопится.

Р о д р и г о. Вас не спрашивают.

М и г у э л ь. Дайте мне фотографии.

Р о д р и г о (*враждебно*). Зачем?

М и г у э л ь. Вы знаете, что это кончится плохо.

Р о д р и г о. Ну, хорошо, не триста. Двести!

М и г у э л ь. И двести нельзя.

М и г у э л ь пытается отнять у него фотографии, но Р о д р и г о выпрямился и дал ему пощечину.

Держите его.

Х у а н обхватил дону Р о д р и г о сзади. М и г у э л ь вырвал у него снимки и положил их на буфет. Едва фотографии исчезли, как Р о д р и г о сник, сгорбился, взялся рукой за лоб.

Р о д р и г о. Устал...

М и г у э л ь. Если бы вы знали, Хуан, как мне всё это надоело. Давайте-ка его к этим.

Они усадили Р о д р и г о к стене. Он впадает в такую же неподвижность и апатию, как П а о л а и Н и с е т т а.

Вот так и живу, как в зоопарке. Один — жертва кастручки, другой — жертва последствий кастручки, третий — жертва борьбы с последствия-

ми кастрючки. Невежество, конформизм, духовное рабство, вырождение. При Оливии хотя бы было нормальное королевство среднего размера. А сейчас? Лезем из кожи вон, пытаемся увеличить народонаселение. Но скажите, какой может быть прирост в стране, где все друг друга на «вы»!

Х у а н. Пейте.

М и г у э л ь. А вы?

Х у а н. Пропущу.

М и г у э л ь. Напоить меня хотите? А я не буду.

Х у а н. Будете, будете.

М и г у э л ь (*согласился*). Буду. Теперь это мое основное занятие. Самоизоляция. Самоуничтожение. Тупик.

Х у а н. Вы хорошо рассказывали. Продолжайте.

М и г у э л ь (*подозрительно*). Что вам от меня надо? Хотите выпытать? Больше ничего не скажу. Если я что и сказал, то я был пьян. Я не несу ответственности.

Х у а н. Никакой.

М и г у э л ь. На чем я остановился?

Х у а н. На том, что все друг с другом на «вы».

М и г у э л ь. Всё помнит.

Х у а н. Помню.

М и г у э л ь. Но я почему-то вам верю.

Х у а н. Теперь уж ничего другого не остается.

М и г у э л ь. Всё началось с королевы Оливии. Куртуазный век, прелестная девушка, интеллектуалка, переписывалась с Вольтером. Но в жизни у нее что-то не заладилось, какая-то сердечная неурядица, и она сделала из этого далеко идущие выводы. Эти ее трогательные девичьи филиппики против губительных страстей... Вы не пьете, я тоже не буду.

Х у а н. На меня не смотрите, я вообще мало пью.

М и г у э л ь. А если вы шпик?

Х у а н. Осведомители теперь как раз пьют.

М и г у э л ь. Главное, есть хочется. У этого жмота сухарем не разживешься. (*Выпил.*) На чем я остановился?

Х у а н. Против губительных страстей.

М и г у э л ь. Но я пьян. Раньше я прикидывался, а теперь я действительно захмелел. Я ничего не помню, что говорю.

Х у а н. Хорошо, мы это учтем.

М и г у э л ь. Использовали авторитет чистого юного существа для запрещения естественных человеческих чувств. Всё противозаконно! Вся неисчислимая толпа радостей жизни! И результат этой политики страшен. Заболевания самые причудливые, вспышки подавленных эмоций, невроты судьбы — вы видели. И вместе с тем — стыд за свои болез-

ни, боязнь их обнаружить... Как жить, Хуан? Что делать? Ради чего? Моя специальность заключается в поисках истины. Но что, если истина тебе известна, а сказать ничего нельзя? Потому что это вредно говорить, опасно говорить, не нужно говорить! И эта истина... (*он пьяно притянул к себе Хуана*). Только вам скажу: истина эта... (*он огляделся по сторонам, затем показал пальцем на Родриго*), может быть, у него в боковом кармане, у этого левака Родриго...

Хуан (*теперь уже не отпуская, держит Мигуэля*). Какая истина? Почему в кармане? Не понял вас?

Мигуэль. Я пьяный.

Хуан. Вы не так много выпили, нельзя распускаться! Почему Вы показали на Родриго?

Мигуэль. Куда хочу, туда и показываю. Я свободный человек. (*Вдруг посмотрел на Хуана лукаво и трезво.*) Но дорого бы я дал... (*пауза*), дорого бы я дал (*пауза*). Дорого бы я дал, чтобы прочитать дневники этой прелестной девушки!

Хуан. Что вы болтаете, дневники королевы продаются на каждом углу.

Мигуэль. Не те-е, что продаются! А по-одлин-ник! По-одлинник! Во-от что хотелось бы почитать!

Мигуэль замотал головой и неожиданно начал рвать на себе рубаху. Но так же внезапно перестал.

Не пугайтесь, я не болен (*с трудом проговорил он*). Единственный. Последний. Всё понимающий человек. Умные люди погибают интеллигентно. Они спиваются.

Он побрел в угол комнаты и лег на пол, свернувшись и подложив под голову ладошки.

Хуан остался один среди людей, словно бы неживых.

Он подошел к Пале, пригнулся, взгляделся — она смотрела безразлично.

— Послушайте, Нисетта... — И та не пошевелилась. Хуан хотел было, но не решился дотронуться до нее.

— Родриго! — Он схватил за плечи и стал трясти члена парламента.

Но и тот был странно задумчив и вял.

Высунувшись в окно, Хуан закричал:

— Господа! Кто-нибудь, зайдите на минутку! Дамы и господа! Прошу вас, ненадолго!..

Никто не откликнулся.

— Я знаю, что вы дома! Вы же слышите меня, господа, тут нужна помощь! Эй, вон там! Вы только что захлопнули ставню, я видел.

Забывшись, Хуан обратился к неподвижным обитателям комнаты:

— Я видел, как он захлопнул ставню, я специально к нему пойду, уж ему-то придется показаться мне на глаза!.. Вот досада, забыл, какое окно — площадь круглая,

можно перепутать. Ничего, сейчас я кого-нибудь сюда приведу, не может быть, чтоб никого не было!..

Он выбежал из дома на площадь. Некоторое время слышен его голос:

— Господа! Дамы и господа! Не может быть, чтобы никого не было! Вы дома! Я видел, как вы закрывали ставни. Дамы и господа, смешно же!..

На сцене гаснет лишний свет. Паола, Нисетта, Родриго и Мигуэль, недвижимые, остались на своих местах...

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

...Сцена снова освещена. Постепенно возрождается жизнь. Утомленное, больное шевеление то тут, то там. Первым поднялся Родриго. Огляделся, убрал стоявшую на полу бутылку с вином в холодильник, запер его. Увидел фотографии на буфете. Спрятал их, запер буфет. Растолкал неприлично спавшего на полу Мигуэля. Не вступая в пререкания, тот поплелся досыпать домой.

Очнулась Паола. Она не сразу сообразила, что происходит. Причесалась, заколола волосы гребенкой, Родриго выпроводил и ее. Затем подошел к дочери, постоял над ней, жалея. Решился всё же потревожить, потрепал по голове. Нисетта вскочила.

— Что такое? Что такое? — Вспомнила, как о скучном, обыденном. — А...

Стала устранять недочеты в одежде.

Затем отец и дочь начали прибираться в комнате. Рассеянно, иногда забывая, что, собственно, надо бы сделать.

Родриго. И всё это происходило в присутствии Хуана. Вот что плохо.

Нисетта. У него у самого рыльце в пушку, будет молчать.

Родриго. А если он воспользуется случаем и станет меня шантажировать?

Нисетта. Чего ради?

Родриго. Ради того, чтобы я за него вступился и хлопотал о смягчении наказания.

Нисетта. Ну, похлопочите.

Родриго. Я не могу себе этого позволить. Из-за того, что к нам похаживает Мигуэль, считается, что я попал под влияние интеллигенции. Теперь выяснится, что у меня еще и кастручка.

Нисетта. Вы же были друзьями детства. Неужели он захочет вас предать!

Родриго. Как вы мало знаете людей! В его глазах я — судья, обвинитель. Как член парламента, я его наказываю. И вдруг он узнает, что я и сам не без греха. Ради одной справедливости он захочет потопить и меня.

Нисетта. Кто-то стоит за дверью.

Родриго. Откройте, но не торопясь, как будто вы просто хотели выйти.

Нисетта (*открыла дверь не торопясь*). Никого нет.

В окне показался Хуан. Он смотрит в комнату. От растерянности отец и дочь говорят так, словно он не может их слышать.

Нисетта. Он.

Родриго. Я говорил.

Хуан. Дома ремонт, на улицах никого. Решил зайти к вам. Может быть, я не вовремя?

Родриго. Что вы, нисколько!

Нисетта. Вы всегда вовремя.

Хуан. Вчера мы так хорошо посидели...

Родриго. Вы преувеличиваете.

Нисетта. Ничего особенного.

Родриго. Заходите, пожалуйста.

Нисетта. Пожалуйста, заходите.

Хуан вошел.

Родриго. Мы как раз только что говорили: «Хорошо бы кто-нибудь зашел!»

Нисетта. И только успели это сказать: «Хорошо бы кто-нибудь зашел!» — как вы пришли. Очевидно, просто совпадение.

Родриго. Причем, удачное совпадение. Мне даже пришла в голову такая формулировка: пора удачных совпадений. Более того: эпоха удачных совпадений!

Нисетта. А знаете, чем я это объясняю? Вот эти все удачные совпадения?

Родриго. Ну, ну? Любопытно.

Нисетта. Тем, что мы живем в такой маленькой стране. (*Смущенно.*) Нет, все-таки — славная, поистине солнечная страна!..

Родриго. Но я поспорил бы: причем здесь — маленькая? Не люблю, когда это подчеркивают. Разве здесь у нас мало нового, неизвестного, неизведанного?

Нисетта (*спохватившись*). Что же мы стоим? Давайте присядем. (*Кокетливо.*) Ведь вам уже скоро идти...

Хуан (*присел*). Куда?

Родриго (*игриво*). Вот хитрец! Вы что, забыли? (*пояснил дочери*). Ничуть не изменился. Всегда такой был.

Нисетта. Какой?

Родриго. Шалопай и трепач.

Нисетта (*захлопала в ладоши*). Как это хорошо, обожаю таких!

Р о д р и г о. Каких, таких?

Н и с е т т а (*смело*). Шалопаев! (*Смутилась*.) Конечно, в хорошем смысле.

Х у а н. Я хотел с вами посоветоваться.

Н и с е т т а. Я вам лучше посоветую. Папа — начальство, он вам ничего не скажет, а я простая смертная.

Х у а н. Я двадцать лет не был здесь. И вот я вернулся.

Р о д р и г о (*взволнован*). Мы рады этому.

Н и с е т т а. Все рады, все! И особенно женщины.

Р о д р и г о. Поймите, ваше возвращение лишней раз свидетельствует о преимуществах нашего образа жизни. Справедливое наказание здесь, на родине, вы предпочли так называемой свободе вдали от нее, на чужбине.

Н и с е т т а (*в нетерпении поднимая руку*). И еще, и еще о чем свидетельствует!..

Р о д р и г о (*любуюсь дочерью*). Какая-нибудь глупость, не слушайте ее. Ну, говори, что там.

Н и с е т т а. И еще свидетельствует о вашем патриотизме. Не показном, а именно о подлинном. А уж в этом женщины всегда разберутся!

Х у а н (*решился*). Но всё дело в том, что я еще не хочу идти с повинной.

Р о д р и г о. Как не хотите?

Н и с е т т а. Как не хотите?

Х у а н. Я еще не готов.

Н и с е т т а. Тут не надо готовиться, не надо задумываться!

Р о д р и г о. Пошел — и всё. Главное прийти. А там всё само завертится.

Х у а н. Что — всё?

Р о д р и г о. Всё завертится, это уже не ваша забота!

Х у а н. Я еще не успел почувствовать, что вернулся. Что я на родине, дома! Такое впечатление, что я один хожу по улицам. Кто-то украдкой перебегает из калитки в калитку. Улицы пусты, а в домах какая-то секретная жизнь. Мигуэль с похмелья спит. Родители перекрашивают стены. Ничего нет, никого нет. Я знаю, я человек неупорядоченных чувств, я, бывает, увлекаюсь. Но я хотел прижиться здесь, как приживают росток к дереву, стать как все, покрыться общей листвой. Помните, как мы по вечерам выходили на площадь, гуляли по ней навстречу друг другу, кружились — неожиданные встречи, неясные ожидания, улыбки...

Н и с е т т а. Это правда, папа, так было?

Р о д р и г о. Была пыльная площадь, пыльные велосипеды, пыльные женщины с продуктовыми сумками.

Х у а н. Но в городском саду играл духовой оркестр!

Р о д р и г о. Обычно он репетировал похоронный марш.

Х у а н. Но плясала Росита!

Р о д р и г о. Росита плясала.

Х у а н. Если бы я мог сейчас увидеть, как пляшет Росита — тогда, пускай что угодно. Ведь родина — это что, это, в сущности, наша молодость! Тогда, может быть, я бы почувствовал, что действительно вернулся. Тогда я готов держать ответ. А так — нет. Так я не могу, так — непонятно, ради чего!..

Р о д р и г о (*хмуро*). Спляши ему, Нисетта.

Он достал из буфета проигрыватель. Н и с е т т а в ожидании рассеянно ходит по комнате, как бы продолжая наводить порядок. Она, однако, не касается предметов, а словно бы вспоминает, как это делается, забыв, что именно и зачем. Так она обошла комнату раз и другой.

Н и с е т т а начала плясать, мрачно, стиснув зубы, перегибаясь и кружась, вся в веерах и спиральных широкой юбки. Она пляшет, словно для себя самой, как будто в комнате никого нет. Пляска-импровизация, пляска-отчаяние, пляска назло всем! Полыхают рыжие волосы, заломлены руки.

Р о д р и г о выключил проигрыватель. Постолав, пластинка смолкла.

Х у а н (*пораженный пляской*). Благодарю вас.

Р о д р и г о. Ну?

Х у а н. Что?

Н и с е т т а. Вот же я вам сплясала.

Х у а н. Мне кажется, что до сих пор я вас не понимал. Я вас не видел. Увидел только сейчас.

Р о д р и г о. Вот и прекрасно, теперь вы можете спокойно идти.

Н и с е т т а. Да и у нас, честно говоря, дела.

Х у а н. Как я ошибался в вас, Нисетта! Только сейчас я понял, сколько же таится у вас там, в сердечке, — бог мой, вы и сами не знаете, какие там неожиданности! А вы, Родриго? Мне кажется, никогда не знал вас так хорошо, как узнал сегодня. Я просто увидел, как вы смотрели на дочь, когда она плясала. Ведь снаружи вы складчатый бронированный носорог. А внутри — совершенно беззащитный, добрый-предобрый ушастый пес! Который дрожит от страха, что эту его беспомощность обнаружат и перестанут его уважать. Нет, вы не такой, каким хотите казаться. Вы не такой!

Р о д р и г о. Нет, я такой! Скажите ему, Нисетта!

Н и с е т т а. Не обманывайтесь, он именно такой.

Х у а н. Бросьте, я знаю, как он до сих пор любит Роситу. А это говорит о многом.

Р о д р и г о. Роситы нет. Нельзя любить то, чего нет.

Х у а н. Испугались, что мне известна ваша тайна? Не бойтесь. Вы прекрасно знаете, что можно, можно любить и то, чего уже нет!

Р о д р и г о. А я настаиваю, что нельзя.

Х у а н. Нет, можно!

Р о д р и г о. Нет, нельзя!

Х у а н. Родриго, вы можете быть со мною откровенны. И я буду с вами откровенен. И если хотите — сразу же открою вам один секрет, который, надо сознаться, тяготил меня. Родриго! Ходят слухи, в общем — говорят, что у вас — только не обижайтесь, я всё равно не поверил! Будто вы прячете у себя дневники королевы Оливии... Чтобы вы окончательно мне поверили, я даже открою вам, кто мне это сказал.

Р о д р и г о. Мигуэль! Друг детства Мигуэль!

Х у а н. Вы не так меня поняли. Мигуэль — умнейший человек, он, честно говоря, поумнее нас с вами. И душой он чист, за это я ручаюсь! Но вчера, когда вы здесь, ну... дремали — Мигуэль...

Р о д р и г о, побледнев, прижал руку к груди.

Н и с е т т а (*странно зазвевшим голосом*). Отец, это правда?

Р о д р и г о. Ты с ума сошла!

Н и с е т т а. Почему ты схватился за карман пиджака?

Р о д р и г о. Я схватился за сердце!

Н и с е т т а. Сердце с левой стороны.

Р о д р и г о. Это рефлекторная боль.

Н и с е т т а. Отец, я слышала эти разговоры. Я не верила им. И не буду верить. Но чтобы пресечь эти сплетни — я прошу, покажите ему, что у вас там, в кармане пиджака.

Р о д р и г о расстегнул внутренний карман пиджака, достал оттуда тетрадку в старой потертой коже с золотым тиснением и швырнул ее Х у а н у.

Н и с е т т а (*вскричала*). Отец!

Х у а н, робея, раскрыл тетрадку.

Н и с е т т а. Читайте.

Х у а н (*спросил у Р о д р и г о*). Можно читать?

Р о д р и г о. Ваше дело.

Х у а н (*прочитал*). «Страсть — это болезнь души...».

Н и с е т т а. Это из «Утренних мыслей».

Р о д р и г о. Раздел «Сущность страсти и метод борьбы с нею».

Н и с е т т а. Читайте дальше.

Х у а н. «Страсть не знает наслаждения...».

Р о д р и г о и Н и с е т т а (*на память, вместе*). «Страсть не знает наслаждения, так как мечется между желанием и удовлетворением».

Х у а н. «Страсть вызывает...».

Р о д р и г о и Н и с е т т а. «Страсть вызывает перерождение мозга, если не будет вырвана с корнем из нашего организма».

Родриго. По существу, здесь кончается канонизированный текст. Дальше дневники, к сожалению, обрываются.

Хуан (*перевернул страницу*). А это что?

Родриго. Поэтические опыты, не представляют интереса.

Нисетта. Читайте.

Хуан.

К чему, к чему горячки страшный пыл,
Смертельный яд, безумия припадок?
Всё подчиним суровому расчету,
Послушны будем трезвости надежной.

Нисетта (*повторила*). Всё подчиним суровому расчету. Послушны будем трезвости надежной...

Хуан.

О, милый друг мой! Эта дрожь и взгляды —
Пародия на истинное счастье...

Нисетта. Как?

Родриго. Иносказание. Друг — читатель. «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат». Вы же не скажете, что поэт обращается к родственнику!

Хуан.

Мой милый друг! Нам боги счастье шлют,
Лишь предвещающая будущую кару...

Родриго. То же самое. Завещание народу, как бы заповедь.

Хуан. Но дальше — тут как-то странно.

Счастливые созвездия мои
Сошли с небес и светят в бездну ада.
Стыдом увенчанная королева,
На время я задерживаю смерть,
Чтобы из многих тысяч поцелуев
Еще один — последний дать тебе.

Нисетта. Кому?

Родриго (*словно бы не понял*). Что?

Нисетта. Поцелуй — кому?

Родриго. История не сохранила его имени. Он не был достоин.

Н и с е т т а. А кто решал этот вопрос, достоин он или нет? Почему это всё держат от нас в секрете?

Р о д р и г о. Хорошо, я открою вам этот секрет. Да, у королевы были заблуждения. Но ради своего народа она вернулась на правильный путь. К сожалению, вскоре скончалась от сердечного недомогания. Кавалер ее где-то схватил воспаление мозга и мирно закончил свои дни на вилле ветеранов труда.

Н и с е т т а. Пойдите, не надо спешить... А если она могла быть счастливой с этим ветераном? Если бы они оставили нам детей, которые унаследовали бы ее красоту и ум и стали бы цветом нации? И у нас не было бы запретов и страхов, и наша страна не превратилась бы в деревню? Я ничего не понимаю! Ничего не понимаю! И что там еще окажется? Читайте!

Х у а н.

Мой милый друг, нам гибель суждена.
Разбейся, сердце! Мне сладка она!
Враги моей любви беззаконной
Пушкой коснеют в жизни полусонной!

Н и с е т т а. Враги ее любви беззаконной!..

Х у а н.

Люблю, люблю, не в силах перестать!
Такого счастья им вовек не знать!
Пушкой живут полумертвы оне...
Прощай, прощай и помни обо мне.

Н и с е т т а. Пушкой живут полумертвы оне! Кто это — оне, вы не догадываетесь, отец?.. Это вы! Враги ее любви беззаконной! Полумертвы живете... Но и мы полумертвы! Мы все полумертвы! Как жить теперь? Как жить?

Р о д р и г о. Отвечайте ей, Хуан.

Н и с е т т а. Значит, всё было напрасно? Всё, чему нас учили? Всё, во что мы верили? Значит, это была ложь?

Р о д р и г о. Учтите, Нисетта, королева была ненамного старше вас.

Н и с е т т а рыдала на раскладушке.

Х у а н. И вы таили это от народа.

Р о д р и г о. Народ на этот счет спокоен, за него не тревожьтесь.

Х у а н. Народ спокоен, потому что он ничего не знает.

Р о д р и г о. Так не лучше ли сохранить состояние покоя и равномерно-прямолинейного движения?

Х у а н. Родриго, кажется, вы негодяй.

Р о д р и г о. Быстро же вы меняете свои взгляды на людей. Так подаетесь внезапным эмоциям, что за вами, знаете, не уследишь. Не приживетесь вы у нас. Неслучайно вы отсюда бежали, напрасно вы сюда вернулись.

Х у а н. А вот я как раз теперь и понял, что не напрасно.

Р о д р и г о. Вам видней. Я пошел в парламент. Как только там станет известно, что вы читали дневник, вас вдобавок ко всему объявят государственным преступником.

Х у а н. Не советую говорить, как он мне достался.

Р о д р и г о. Почему же, ни для кого не секрет, что вы его отняли у меня силой, Нисетта подтвердит.

Х у а н. Вы подтвердите, Нисетта?

Н и с е т т а. Уходите! Вы давно должны были уйти!

Х у а н. Хорошо. Но я иду на площадь, чтобы рассказать это во всеуслышание! Потому что народ должен знать всё.

Р о д р и г о (*спокойно*). Ну что же, идите.

Х у а н. И пойду.

Р о д р и г о. Идите, идите.

Х у а н. А что вы меня пугаете?

Р о д р и г о. Разве я пугаю? Я, наоборот, говорю — идите!

Х у а н (*с дневником в руке пошел к двери, обернулся*). Я хочу, чтобы вы знали. Я не деятель, не борец, не революционер. Я устал мотаться по чужим странам. Я охотно обошелся бы без этого. Но если никак нельзя...

Р о д р и г о. Нельзя, нельзя.

Х у а н. Тогда заранее прошу прощения.

Р о д р и г о. Бог простит.

Х у а н вышел. Р о д р и г о подошел к окну, не высовываясь, однако, наружу.

Голос Х у а н а. Дамы и господа... (*непоставленный голос человека, который только учится просить милостыню*). Дамы и Господа!..

Р о д р и г о. Это все уже слышали, пора к делу.

Н и с е т т а. Наверно, он ждет, что дамы и господа выйдут к нему на площадь.

Х у а н (*голосом зазывалы или посредственного актера*). Дамы и господа! Я должен сделать важное сообщение!

Р о д р и г о. Непорочная Оливия, да он глуп!

Х у а н. Прошу внимания, дамы и господа!

Р о д р и г о. Становится скучно.

Н и с е т т а. Скучно, неумно, ненужно, смешно! О, благочестивая Оли..., типун мне на язык. К дьяволу всех, и умников, и дураков, и пра-

вых, и левых, и хитроумное начальство, и тупой народ, и всё ваше поколение, которое морочило нас, и всё наше поколение, которое верило вам!

Х у а н (*вдруг во всю глотку*). Долой дона Диего! Долой дона Альваро! Долой дона Алонсо! Долой дона Родриго!

Р о д р и г о быстро захлопнул створки ставень. С площади доносилось дробное хлопанье ставень.

Х у а н. Долой дона Диего! Долой дона Альваро! Долой дона Алонсо! Долой дона Родриго!

Р о д р и г о (*заглушая его, стал кричать*). А-ба-ба-ба-ба!..

Площадь дружно отозвалась: А-ба-ба-ба-ба!.. И стихла, прислушиваясь.

Х у а н. Долой дона Диего! Долой дона Альваро! Долой дона Алонсо! Долой дона Родриго!

Р о д р и г о (*скандирует*). Род-ри-го! Род-ри-го!

Вступила площадь: «Род-ри-го! Род-ри-го!»

=====

На авансцену выбежали Музыкальные девушки и стали плясать, дурачась и передразнивая странности действующих лиц спектакля. Они передразнивают, но так обаятельно, как передразнивает красота, так необходимо, как шутит талант, так жизненно, как веселится юная женственность.

Поплясали и разбежались. А на сцене снова дом родителей Хуана.

=====

На стенах комнаты изображен пейзаж, в котором наличествуют горы, эвкалиптовый лес и река, впадающая в море.

П е д р о (*с кистью в руке оглядывает панораму саркастически*). Прости мне, Оливия, эту пошлость. Но человеку, который приговорен к домашнему заключению, необходим простор для глаза и разнообразие впечатлений.

Л у и с а. Вы поставите внизу свою подпись?

П е д р о. Чтобы потом по этой мазне судили о моем творчестве?

Л у и с а. Но ведь это единственный памятник стенной живописи, который вы оставляете людям.

П е д р о. Тем хуже для них.

Л у и с а. Зато наш сын будет коротать свой срок в такой красоте...

Постучали в дверь. Л у и с а открыла. В комнату вошел Х у а н в наручниках. Его сопровождает Р о д р и г о.

Р о д р и г о (*оглядев стены*). Вам здесь не будет скучно.

П е д р о. Простите за этот ужас, Хуан. Это не мой стиль.

Х у а н. Очень красиво.

П е д р о. Хотел написать что-нибудь серьезное, но она мне не разрешила.

Р о д р и г о. Как вам известно, ваш сын будет отбывать срок заключения под домашним арестом. Прошу освободить помещение. Вам предоставляется времянка из обменного фонда в переулке Светлых снов.

Л у и с а (сыну). Зато теперь вы будете чисты перед законом.

П е д р о. Теперь никто не посмеет показать на вас пальцем.

Л у и с а. Сами-то вы довольны, Хуан?

Х у а н (не желая расстраивать). Еще бы!

П е д р о (указывая на душу, которая в груди). Тут-то, тут-то — всё в порядке?

Х у а н. Тут-то всё в порядке.

Р о д р и г о. Первое время, не обижайтесь, я буду вас запираť. Потом будете запираť себя сами.

Он похлопал Х у а н а по плечу, обнял стариков и вывел их из дома. В двери щелкнул замок. Х у а н. остался один. Сначала он сидел, согнувшись, как все узники сидят в своих камерах на дощатых табуретах.

Потом стал шагать, сцепив руки за спиной, как шагают все узники по квадрату камеры.

Потом лег на пол лицом вниз, перекатился на спину, полежал так и еще раз перекатился. Здесь можно было делать всё, что угодно. Тогда он снова сел и согнулся.

Музыка одиночества, усталости, скуки, тюрьмы.

Вдруг лязгнуло оконное стекло, полетели осколки. Х у а н не шевелился.

К окну подошел стекольщик, вставил другое стекло и исчез.

Вот за окном появился человек. Он смотрел на Х у а н а, ухмыляясь. Потертая средним образованием физиономия.

П о т е р т ы й. Ну, что?

Не получив ответа, обиделся.

Что же вы молчите? И сказать нечего? Решили поставить точку над «и» в своем презрении к обществу. Не постеснялись возвести клевету. И на кого? На деву, на символ! Ведь это символ наш, об этом вы подумали? И вот она не может вам ответить. Не может плюнуть вам в лицо. Но найдутся люди, которые это сделают.

Он изловчился, чтобы выполнить свой долг, но, услышав чье-то приближение, был вынужден отложить. Вспугнул его человек со следами многих пороков на лице. Некоторое время он пытался привлечь внимание Х у а н а ужимками и мимикой.

П о р о ч н ы й. Уважаемый...

Х у а н поднял голову.

Шериф подкуплен. В нашем распоряжении целый час, можете говорить абсолютно свободно.

Х у а н. О чем говорить?

П о р о ч н ы й. О прекрасной Оливии, только о ней! Пора сорвать ханжеский покров тайны, который возбуждал нездоровый интерес. Вы читали подлинные дневники. Какие виды любви предпочитала королева? Судя по всему, она была сексапильна. Возможно, какие-то особенности, странности, отклонения... Что бы там ни содержалось: секретные признания, конкретные сведения о любовнике, интимные фотографии — покупаю всё!

Х у а н. Бог подаст.

П о р о ч н ы й. Я плачу не деньгами. *(Из предосторожности огляделся. В руке у него пачка открыток.)* Уникальная коллекция, лучшие девушки Европы и Америки от тринадцати до тридцати одного года. Разнообразные позы. В Париже продаются только из-под полы. В заточении — предмет первой необходимости. Срок пролетит как миг. Выйдете на волю культурным человеком. Вы мне не верите? Взгляните хотя бы на одну фотографию. Это бесплатно.

Х у а н *(пошел было к нему, но, преодолев искушение, вернулся)*. Не хочу вас обманывать. Ничего т а к о г о я не знаю.

П о р о ч н ы й. Не мутите воду. Если столько времени это держали в тайне от народа, значит, было из-за чего! Если вас не устраивают картинки, я могу предложить...

Он протянул руку и вывел к окну привлекательную женщину с открытыми плечами.

— Я очень развратна, — сказала она, глядя в глаза Х у а н у. — Я пришла сюда не потому, что меня позвал этот спекулянт.

П о р о ч н ы й. Нет! Нет! Она сама пришла!

Ж е н щ и н а. Я хотела поблагодарить вас. Наконец я могу прямо смотреть в глаза клиентам. К сожалению, мы мало знакомы. Я не знаю, как с вами говорить... *(Смущаясь.)* Седенький. Я давно хотела полюбить седенького!

П о р о ч н ы й. Ладно, плыви!

Бросив Х у а н у взгляд на память, женщина уплыла.

Ну, как?

Х у а н. И вы плывите.

П о р о ч н ы й. Но в вашем распоряжении еще минимум полчаса! Уплочено же!

Х у а н. Быстрей. Бегите. Тревога. Все в бомбоубежище!

П о р о ч н ы й. Сексуальный психопат.

Он спрятал открытки, удалился.

Х у а н опять сидел, согнувшись, как сидят узники на дощатых табуретах. Он и не заметил, как поодаль от окна остановилась Д е в о ч к а - ш к о л ь н и ц а. Она покусывала платочек и отставила ногу так, словно оказалась здесь случайно. Но вдруг она подошла и уселась на подоконник, в страхе глядя на Х у а н а.

Он обернулся. Домашняя, книжная девочка с глазами умными-умными, мрачными-мрачными. Ему стало жалко ее.

— Да нет же! Ничего страшного! — сказал он.

Девочка вздрогнула, но осталась на месте.

— Уж поверьте мне, серьезно, ничего особенного! Послушайте:

Враги моей любви беззаконной
Пускай коснеют в жизни полусонной.
Люблю, люблю. Не в силах перестать.
Такого счастья им вовек не знать.
Пускай живут полумертвы оне.
Прощай, прощай и помни обо мне.

Такие стихи обнаружены в дневнике, вот и всё. Ну и что такого? Ты, видно, умная девочка, сумеешь сделать из этого правильные выводы.

Девочка слабо улыбнулась, еще глядя на него, но уже продолжая свои собственные мысли тревожные-тревожные, смелые-смелые... Она соскочила с подоконника и, ни слова не сказав, ушла.

Однако оказалось, что не она одна слушала Х у а н а. У окна покуривали двое в замшевых курточках. Они возбужденно и дерзко поглядывали по сторонам.

П е р в ы й. Стишата, положим, те еще.

В т о р о й. Ты что, подтекст не понял?

— Почему не понял? Понял.

— Думаешь, они зря перепугались. Тут, милый, в принципе вся система трещину дала.

— Какое-нибудь объяснение найдут, не привыкать.

— А кто пикнет — заметут, как этого, и концы в воду.

— Всего бояться тоже нельзя. Вот — он. Не испугался?

— А толку что?

— Пошли. Сам факт, что мы здесь стоим, — это уже как бы протест. Там тоже не дураки.

— А что, мы стихи читаем. (*Дерзко озираясь*). — Кто честной бедности своей стыдится и всё прочее, тот самый низкий из людей и всё такое прочее.

— Стихи сейчас — тоже не особенно.

— Ну, уж, стихи.

— У королевы что нашли: стихи? Сейчас самая крамола. (*Дерзко озираясь*.) А ведь смо-отрят, смо-отрят, во все окошки!

— (*Дерзко озираясь.*) А спросят, я скажу: шли мимо, заговорились, остановились. А где остановились — и не обратили внимание.

— А спросят — о чем говорили?

— А где доказательства?

— Вон идет доказательство.

— Ну, этот и сам. Такое несет...

— А ты уверен, что он не шпик? Из таких-то и вербуют, чтобы никто не догадался.

Дерзко озираясь, уходят.

Подозрительно глядя им вслед, к окну подошел М и г у э л ь. Одет он неряшливо. Он опух, словно пил несколько дней подряд. — Хуан! — позвал он осторожно.

Х у а н (*обрадовался, метнулся к окну*). Вот — сижу.

М и г у э л ь. А я думал, что ты агент Гондураса. Стакан есть? Ладно, не ищи, будем из одного.

Он достал из штанов бутылку и граненый стакан, налил Х у а н у.

Штрафной.

Х у а н выпил. М и г у э л ь налил себе.

Этот спекулянт купил шерифа, нам минут пятнадцать осталось.

Х у а н. А я убежден, что правда все-таки потом восторжествует.

М и г у э л ь. Но почему-то потом, много позже, когда уже это будет безразлично. Вы верите в справедливость, Хуан, вот в чем ваша беда. Справедливость занимает свое место в жизни только тогда, когда подлости не до этого. Счастье занимает свое место в жизни только тогда, когда несчастьем лень заниматься своим делом. Сила бесчестья такова, что может доверить свои дела невеждам и тупицам. Вы верите в прогресс, Хуан, вот в чем ваша беда. Прогресс предпринимает свои шаги только тогда, когда реакция собирается с мыслями для серьезного предприятия.

Сзади к М и г у э л ю подкрался Ш е р и ф. Он схватил с подоконника бутылку: — Э, друзья, так не годится, здесь вам не распивочная.

М и г у э л ь. Отдайте бутылку, это моя бутылка.

Ш е р и ф. Ничего не знаю. (*Убрал в карман.*)

М и г у э л ь. К нашему разговору о справедливости и прогрессе. Я даже рад.

Ш е р и ф. Заключение, приведите себя в порядок. К вам посетитель.

Х у а н. Какой посетитель, мне никого не нужно.

Ш е р и ф (*подмигнул*). Такой посетитель, что будете довольны.

Увел Мигуэля.

В комнату вошла женщина в черном плаще. Она откинула с лица капюшон. Это Н и с е т т а. Она сейчас бледней и серьезней, чем была прежде.

Н и с е т т а. Если бы вы не сидели в заключении, я не пришла бы к вам. Но я знаю, что вам сейчас так одиноко, как мне. И поэтому я решилась... Хуан, со вчерашнего дня мне стало пусто жить. Это сделали вы. Но когда я стала искать, у кого я могу просить помощи или хотя бы совета, я подумала — у вас.

Х у а н. Странный выбор. Что я могу посоветовать, моя собственная жизнь состоит из одних ошибок и неудач.

Н и с е т т а. Вы говорите... о Паоле? Вы до сих пор любите?

Х у а н. В России есть такое выражение: у меня по ней сердце болит. Мне трудно смотреть на нее.

Н и с е т т а. Какой вы... ранимый человек. Здесь таких давно уже нет. Восторги, тревоги, страдания... Как это хорошо!

Х у а н. Вы так странно говорите. Я начинаю волноваться.

Н и с е т т а (*улыбнулась*). И это хорошо.

Х у а н. Что?

Н и с е т т а. Вы умеете волноваться непонятно из-за чего. Как вас будут любить женщины!.. Тогда и мне не так стыдно. Просто, я первая вас узнала. (*Она отвернулась, сказала просто и жалко.*) Хуан, я полюбила тебя.

Х у а н. Не может быть.

Н и с е т т а грустно усмехнулась.

Я не верю вам!

Н и с е т т а. Еще вчера я думала, что у меня больше ничего уже не будет в жизни. Еще вчера я решила: стоит ли влачить свою жизнь дальше? Мне она не нужна. Может быть, тебе пригодится? Тогда возьми ее.

Х у а н (*в сильном волнении*). Кого?

Н и с е т т а (*невольнo рассмеялась*). Да жизнь, жизнь мою, боже, какой смешной...

Х у а н. О чем ты говоришь! Подумай, какая глупость! Нет, ты не была бы со мной счастлива.

Н и с е т т а. Благодарю за деликатность.

Х у а н. Ты не поняла меня!

Н и с е т т а. Нет, ты хорошо сделал. Другой бы... Как-нибудь воспользовался. Я хочу уйти. Прогони меня.

Х у а н. Ты не поняла меня, ничего не поняла! Я просто боюсь, что ты не будешь со мной счастлива!

Н и с е т т а опять устало усмехнулась.

Я же скоро постарею! Ты знаешь, сколько мне лет?

Н и с е т т а. Какие глупости ты говоришь, прости меня.

Х у а н. А ты!.. Ты юность, ты с ног до головы музыка! Позавчера, когда ты скинула с себя свитер, прости, что напоминаю, это я, это я подумал, что для меня всё уже кончено, что всё уже в прошлом, в таком далеком прошлом, плюсквамперфект, что для меня ничего этого уже не будет...

Н и с е т т а. Ну и что, а я зато глупая, необразованная, со мной скучно.

Х у а н. Тебе ничего этого не нужно, ты как атом, всё время излучаешь световую энергию!

На площади между тем послышались возбужденные возгласы П а о л ы и ругательства Ш е р и ф а. Вырываясь из его рук, П а о л а пытается приблизиться к окну: «Пустите, не хватайте меня, я хочу спросить!..»

Н и с е т т а (Ш е р и ф у). Пускай спросит.

Ш е р и ф отпустил ее.

П а о л а. Я хочу спросить. Я имею на это право. Ведь я тоже когда-то... Правда, так давно... Скажи мне, Нисетта. Если он устанет и никуда не захочет идти, и дома тоже никого не захочет видеть. Ты простишь его?

Н и с е т т а. Тогда я сама никого не захочу видеть.

П а о л а. А если он разозлится непонятно на что и обругает тебя? Ты на него не обидишься?

Н и с е т т а. Я его поцелую.

П а о л а. А если он начнет думать о чем-нибудь плохом, что ты ему скажешь?

Н и с е т т а. Я скажу: «Не думай об этом».

П а о л а. А он удивится и спросит: «О чем?»

Н и с е т т а. «О том, о чем ты сейчас думаешь». И он перестанет.

П а о л а (Х у а н у). Нет, нет, не смотрите на меня!..

Она отвернулась, закрыла лицо платком и ушла.

Х у а н (Н и с е т т е). Но я заключенный, а ты на свободе. Я здесь буду жить только тобою. А ты?..

Н и с е т т а (рассеянно). Это всё еще может перемениться. Тебя просят, и мой папа будет тебе снова закадычный друг.

Х у а н. Как ты сказала это странно...

Н и с е т т а. Устала я, милый, устала...

В этот момент счастливый, лучистый Р о д р и г о распахнул дверь.

Р о д р и г о. Эта негодяйка уже здесь! Это отважное сердце нашло дорогу в темницу, к бедному узнику! Подобрало ключи, взломало зам-

ки — и здесь! Вы еще не знаете ее, Хуан. Где покой и довольство — там ее не увидишь. Где несчастье, где беда — она тут как тут!.. Не знаю, что между вами происходит, и... знать не хочу. Знать не хочу. Отцы всё узнают последними, таков жребий. А для тебя есть новость, Хуан. Но я хочу сообщить ее в присутствии моих коллег.

Он повернулся к двери, приглашая. В комнату вошли три Ч л е н а п а р л а м е н т а.

Члены нашего парламента: дон Диего, дон Альваро, дон Алонсо. Но на этот раз — совсем, совсем в другом качестве! Скромные вестники справедливости, вестники реабилитации, вестники свободы! И знай, ты не просто реабилитирован, но отныне ты почетный член общества, потому что ты на многое открыл нам глаза. Ты сказал вслух то, что в те кучке мы, может быть, не разглядели, недопоняли, тебе мы не боимся в этом сознаться.

Н и с е т т а (*захлопала в ладоши*). Я была уверена, что всё кончится хорошо.

Р о д р и г о крепко пожал Х у а н у руку и, заметив, что тот в наручниках, захохотал, демонстрируя их всем как потешный казус. Он тут же снял их. Вслед за ним Х у а н у крепко пожали руку остальные Ч л е н ы п а р л а м е н т а.

Х у а н (*взволнован*). Благодарю вас. Благодарю вас.

Р о д р и г о. А почему — вы? Зачем эта официальщина! Неужели нельзя как-то проще, сердечней. «Ты». (*Ткнул он пальцем.*) — «Ты» — «Ты». (*Это уже на кого-то за окном.*) — Дамы и господа, что вы там толпитесь? Ближе, ближе! Смелее, смелее! У меня есть для вас важное и, может быть, неожиданное сообщение: на утреннем заседании парламента принят решение о с в о б о д и т ь от заключения Х у а н а д е К а р р а с к и л я!

Площадь осторожно зашумела.

Р о д р и г о поманил к себе Х у а н а. Тот оглянулся на Н и с е т т у.

Н и с е т т а. Иди, милый, я подожду тебя.

Х у а н подошел к Р о д р и г о, и тот по-братски обнял его.

Население теснилось перед окнами.

Ч л е н ы п а р л а м е н т а, разворачивая бутерброды, беседовали о государственных делах.

Р о д р и г о. Хуан де Карраскиль в своих кропотливых изысканиях открыл нам новое в образе прекрасной Оливии! Отныне Оливия не дева, но — женщина! Не прохладный рассвет, а знойный полдень!

Площадь опять осторожно зашумела. Р о д р и г о поднял руку, призывая к порядку.

Перед нами естественно возникает необходимость кое-что пересмотреть, и, прежде всего, — вопросы любви, которые долгое время были у нас, надо сознаться, в загоне. Отныне любовь — это не частное дело каждого. Это не только любовь мужа к жене, любовника к любовнице. Но это — любовь сотрудника к сотруднице! Прохожего — к прохожему! Ученика — к учителю! Покупателя — к продавцу! Начальника — к подчиненному! Народа — к правительству! Уж я-то знаю, что такое любовь, господа, я любил... (*Преодолевая волнение.*) Ни для кого не секрет, что я любил мою жену Роситу, которая оказалась жертвой господствовавших ложных теорий!..

По площади: Род-ри-го! Род-ри-го! Род-ри-го!
Р о д р и г о опять поднял руку:

Первое сентября объявляется всенародным праздником Любви Всех ко Всем! В этот день на площади организуются массовые игры, танцы, буфет! Передайте Педро, он сможет по своему вкусу красить стены домов в мажорную гамму! Расцветку пускай уточнит у Шерифа. И, наконец, пустое «вы» повсеместно заменяется сердечным «ты»!

Площадь шумела. Отирая пот, усталый, но довольный Р о д р и г о отошел от окна.

Ну, коллеги, теперь вы. А у меня есть дела поважнее.

Он подтолкнул Х у а н а к дочери, а сам отошел в уголок, чтобы счастливо наблюдать за ними, не мешая.

Три Ч л е н а п а р л а м е н т а встали у трех окон. Из среднего окна Ч л е н п а р л а м е н т а осыпал население цветами из специально принесенной корзины. Два других Ч л е н а п а р л а м е н т а стояли у двух других окон и поочередно провозглашали лозунги:

Опередим Гондурас по росту человеколюбия в стране!

Ви-ва! Ви-ва! Ви-ва! — доносится с площади.

Эта тема день истемнила в темень!
Колотись — велела — строчками лбов.
Имя этой теме...

Любовь! Любовь! Любовь!

Хочу быть дерзким! Хочу быть смелым!
Хочу одежды с себя сорвать!
Хочу упиться роскошным телом!
Хочу из грудей венки свивать!

Сви-вать! Сви-вать!

Я вас любил! Безмолвно! Безнадежно!
То робостью! То нежностью! Томим!
Я вас любил! Так искренне! Так нежно!
Как дай вам бог! Любимой быть! Другим!

Дру-гим! Дру-гим! Дру-гим!

Любовь свободна! Мир чарует!
Законов! Всех! Она! Сильней!..

На площади стихийно вспыхнула песня:

Меня не любишь, но люблю я,
Так берегись любви моей!..

В другой стороне прокатилось мощное:

Любви все возрасты покорны.
Ее порывы благотворны.
И юноше...

И вдруг бодрое, светлое:

Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново!
Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова...

Песни перекатывались по площади, как волны:

Страстью и негою сердце трепещет,
Льются томительно песни любви...

...лю тебя снова и снова...
...ой любимый старый дед...
...о-овь, лю-юбовь!..

Но тут Р о д р и г о громово воскликнул:

Тихо все! Поет Нисетта! Исполнение посвящается Дню Любви всех
ко Всем!

Н и с е т т а встала.

Как ящики яблоками, рамы окон были набиты головами.

Н и с е т т а запела южную песню, каждый куплет которой горел, как бикфордов шнур, чтобы взорваться в конце. Голос ее то поднимался вверх, туда, где холодно, то опускался вниз, туда, где темно... Но вот она оборвала песню и начала плясать. Мрачно стиснув зубы.

Где-то забубнили нечеловеческие басы. Чугунно и медно, будто считали дикие неземные считалки. Потом застонали сомкнутыми ртами женщины, закричала труба, заколотился маленький колокол...

Н и с е т т а плясала и плясала, кружась и перегибаясь перед Х у а н о м, перед Ч л е н а м и п а р л а м е н т а, перед окнами, которые набиты, как яблоками, головами, пока отец не остановил ее.

— Хватит. Расходитесь, господа. Нисетта устала, ей надо отдохнуть. А вы гуляйте...

Н и с е т т а вернулась к Х у а н у, а жители страны, увенчанные цветами, отправились гулять по площади.

К окошку подошел М и г у э л ь. Он протрезвился, но был хмур. Р о д р и г о это не понравилось.

— Отчего ты такой мрачный, Мигуэль? — спросил он. — В такой день!

Ч л е н п а р л а м е н т а Д и е г о. Все веселятся, все поют. А ты на что-то злишься.

Ч л е н п а р л а м е н т а А л ь в а р о. Действительно, на что ты зол, Мигуэль? Может быть, мы в чем-то виноваты? Так объясни мне, растолкуй!

М и г у э л ь. Вам это трудно объяснить.

А л ь в а р о. А почему ты со мной на «вы»? Хочешь подчеркнуть свое превосходство?

А л о н с о. У него же научное звание!

Д и е г о. А пьет как сапожник.

А л о н с о. Для всех сегодня праздник. А для тебя траур. В чем дело?

Х у а н. Это мой друг, не трогайте его.

Р о д р и г о. Эй, курточки!

В окне двое в замшевых курточках.

Сведите Мигуэля домой, запрёте дверь, ключик мне.

П е р в ы й (*смущаясь*). Сведем, дон Родриго.

Х у а н. Это мой дом! Почему вы его выгоняете?

Н и с е т т а. Не вмешивайся, без тебя договорятся.

М и г у э л ь (*сгорчил рожу и, рыча как Высоцкий, запел*).

У любви, как у пташки, крылья,

Ее никак нельзя поймать!

Ч л е н ы п а р л а м е н т а, отхлебывая из стаканов крепкий чай, вступили:

Тщетны были бы все усилья,

Но крыльев ей нам не связать!

Песня выплеснулась на площадь:

Любовь! Лю-юбовь!..

Х у а н (*Н и с е т т е*). Ты говорила, что будешь любить моих друзей.

Н и с е т т а. Я вообще не люблю пожилых.

Х у а н. Но ведь я... постой, я ведь тоже... не молоденький.

Н и с е т т а (*сухо*). Слушай, надоело.

Х у а н (*странно, неуместно улыбнулся*). Что... надоело?

Н и с е т т а. Скучно, говорю, скучно!

Х у а н. Я не знаю, в чем я виноват. Но я чувствую, что виноват.

Н и с е т т а. Виноват, виноват... Не могут люди без театральных жестов.

Х у а н. Я, наверно, устал сейчас, плохо соображаю... Или я еще мало тебя знаю, не привык...

Н и с е т т а (*смотрит на него с глубочайшим удивлением*). Неужели вы поверили, что я, действительно, в вас влюбилась? Вы ровесник моему отцу! Украли наши дневники и считаете, что все женщины должны броситься на вашу раскладушку?

Х у а н (*долго смотрел на нее молча. В шуме ликования он никак не мог сосредоточиться. Потом сказал*). А я не верю, что ты врала.

Н и с е т т а. Клянусь блудницей Оливией.

Х у а н. Я понимаю. Но я всё равно не верю.

Н и с е т т а (*с интересом*). Почему? Ну, почему? Вы так убеждены в своих достоинствах?

Х у а н. Я убежден в твоих достоинствах.

Н и с е т т а (*с неприязненным, почти злобным видом*). Только, если можно, без стонов и воплей. Если я сделала подлость, так и вы мне сделайте что-нибудь, и будет равновесие. Стукните меня по физиономии, будьте мужчиной.

Х у а н. Зачем?

Н и с е т т а (*усмехнулась*). Зачем быть мужчиной?

Х у а н. Зачем это было тебе нужно?

Н и с е т т а. Не трясите меня, я девушка.

Х у а н. Зачем! Зачем!

Н и с е т т а. Ну, отец попросил. Больше ничего не скажу. Если бы вы знали, как мне сейчас не до этого.

Х у а н. Ему-то, ему-то зачем это нужно!

Н и с е т т а (*взглянула на него с любопытством*). Значит, вы правда влюбились? Я думала... Вообще, вы простите меня. Впрочем, это уже не имеет значения. Не соображу даже, что вам посоветовать. Постарайтесь, что ли, обратить ваши чувства на другую даму, я не знаю, как это в вашем возрасте... Хотя (*невольно усмехнулась*) — вот же вы доказали... (*всё более раздражаясь*). Что это я перед вами оправдываюсь? Все так или иначе врут, кто врет, кто привирает. Всё обесценено. Порядочность, женщины, идеи — нет ничего. Нет, зачем я объясняюсь? Трачу время, говорю слова. Какие-то рожи кругом, что они мне? Почему я здесь? Послушайте, не можете ли вы куда-нибудь исчезнуть? И туда же взять с собой всех этих, а?

Она встала и лениво, томясь отвращением, поплелась к двери.

Ах, не стоит провожать меня, господа. Ради бога, сидите...

Члены парламента стояли у окна и, отхлебывая из стаканов чай, наблюдали, как на площади веселится население.

Хуан (*бросается к Родриго*). Я не женюсь на ней!

Родриго. Ерунда.

Хуан. Я не люблю ее!

Родриго. Не может быть!

Хуан. Мне не нравится она!

Родриго. Ты не пригляделся, она под платьем не такая худая, как кажется на первый взгляд.

Хуан. Я и вас не люблю, Родриго. Вы мне тоже не нравитесь.

Родриго (*отвел его в сторону*). Не ори, люди же... Не люблю, не люблю, как ты можешь не любить, сегодня все должны любить всех.

Хуан (*во всё горло*). Именно сегодня! Испытываю отвращение! Животную злобу! Звериную ненависть! Ненавижу! Всех!

Члены парламента с чрезвычайным изумлением смотрели на него.

Родриго. Так. (*Членам парламента*.) Танцы. Что будем танцевать?

Члены парламента (*в окна*). Дамы и господа! Что будем танцевать?

С площади: «Летку-енку! Летку-енку! Танцуем летку-енку!»

Все танцуют летку-енку!

В комнату впорхнули девушки в гирляндах цветов.

Члены парламента, взяв девушек за руки, выстроились в затылок.

Родриго (*оставшейся девушке*). Хуан устал, не будет танцевать. Можно понять, такие переживания — не всякий вынесет. (*Членам парламента*.) Я бы не удивился, если бы с ним что-нибудь случилось.

Диего. И я не удивился бы.

Альваро. И я не удивился бы.

Алонсо. Пускай пока отдохнет.

Диего. Пока — пускай.

Альваро. А мы повеселимся.

Алонсо. Все веселятся, все!

Грянула музыка.

Все танцуют летку-енку. Весело смеясь, попеременно выбрасывая ноги и оживленно хлопая в ладоши.

Но вдруг на площади что-то произошло. Это чувствовалось по тому, что смолкли голоса и смех — остались только бряцающие в пустоте звуки духового оркестра. Кто-то пробежал мимо окон. Еще несколько человек. То тут, то там стало слышаться: «Нисетта... Нисетта?... Нисетта!..»

Кто-то крикнул так, что отдалось в комнате: «Нисетта бросилась с силосной башни! Нисетта разбилась!»

Р о д р и г о. Тихо! Что такое? Кто кричал!

Х у а н. Нисетта!..

Р о д р и г о. В чем дело? Нисетта, Нисетта. А что Нисетта? Что Нисетта, черт побери! Я вас спрашиваю!

В комнате кто-то сказал: «Нисетта бросилась с силосной башни!»

Р о д р и г о (с облегчением). Какая ерунда, честное слово...

Он улыбнулся и успокоительно воскликнул:

Глупости, господа... это обойдется! Это уже раз было с ней, двадцать лет назад. Она бросилась с башни, и, как видите, — прошло бесследно. Все танцуют! Все!

Безмятежно улыбаясь, он снова стал танцевать летку-енку, теперь уже один. Все неподвижны, однако это его не смущает.

Некоторое время все еще стояли парами, в затылок друг другу. Затем, как металлические стружки над магнитом в школьном опыте, сдвинулись, переместились — и вот уже всё иначе: двое прильнули друг к другу, словно навек, словно в отдельности им не жить. Эти говорят о чем-то тихо и серьезно — едва ли о Нисетте, скорей, о чем-то своем, но так, как беседуют, когда рядом несчастье.

И даже три Ч л е н а п а р л а м е н т а притихли и задумались о чем-то.

А Х у а н спрятал лицо свое в растерянных руках П а о л ы. Она как прежде не смотрит на него, отвела глаза в сторону.

А музыка между тем рвякает и свистит над маленькой страной и, кажется, раздражена, что под нее не танцуют.

Один только Р о д р и г о попеременно выбрасывает ноги в стороны и оживленно хлопает в ладоши.

Реальный комментарий

«Дневники королевы Оливии».

Словосочетание «королева Оливия», казалось бы, чуждое володинской эстетике, обладает особой органикой и содержит скрытые смыслы.

Во-первых, оно отсылает нас к шекспировской «Двенадцатой ночи» («Двенадцатая ночь, или Что угодно»), динамичной пьесе-карнавалу, где появление незнакомцев-близнецов (брата и сестры) вносит неразбериху в размеренную жизнь королевства и причиняет страдания героине шекспировской пьесы — прекрасной графине Оливии, в которую влюблены едва ли не все персонажи пьесы, но которой совсем не достается счастья.

Кроме того, звучание имени *Оливия* — веселое, оно напоминает о праздничном застолье, о салате «оливье», о невиданных заморских оливках.

Хуан, Родриго, Мигуэль, Нисетта, Паола, Педро, Луиса, дон Альваро, дон Диего, дон Алонсо.

Выбор испаноязычных имен связан, как мы уже отмечали, с устойчивым представлением русской культуры об Испании как о стране риска, свободы, вечного праздника, красивых женщин и страстных мужчин, с воспоминаниями о героике конца 1930-х, о Хемингуэе...

Педро (Петр) — камень, Лусия — свет, Паола — голубка, Росита — роза, страсть, непостоянство, Родриго (славянск. Родерик) — славный правитель.

Имя *Нисетта* — принадлежало самой романтической возлюбленной Дон Жуана в версии А. К. Толстого и стало широко известно по знаменитому романсу П. И. Чайковского на слова А. К. Толстого: «От Севильи до Гренады...»:

От лунного света
Горит небосклон,
О, выйди, Нисетта, скорей на балкон!

(А. К. Толстой. Серенада Дон Жуана из драматической поэмы «Дон Жуан»; музыка Чайковского. Соч. 38, № 1).

Имя Нисетта также встречается в сочинении маркиза де Сада «Жюстина, или Несчастья добродетели» («бесстыдная Нисетта»).

Музыкальные девушки

Рамочное обрамление действия в виде танцевальных интермедий — модный сценический прием, подчеркивающий условную природу происходящего. Музыкально-танцевальные паузы давали возможность переменить декорации при отсутствии занавеса, считавшегося театральной архаикой.

...ему сорок пять лет, начал сесть.

Хуан — ровесник автора, сорок пять Володину исполнилось в 1964 году.

Воевал в России против немцев, потом побывал во Франции, на Алеутских островах.

Биография Хуана объединяет реальную биографию автора (воевал) с его же несбыточными мечтами — Володин был невъездной.

«...в Камчатку сослан был, вернулся алеутом» — так характеризуется в «Горе от ума» затекстовый персонаж, прообразом которого являлся знаменитый брестер, граф Федор Иванович Толстой (Американец) (1782—1846). Принимая участие в кругосветном путешествии И. Ф. Крузенштерна, он повздорил с командиром корабля и был высажен во владениях Российско-американской колонии на Алеутских островах.

Откуда-то доносятся звуки танца летка-енка.

Летка-енка — массовый танец, лишенный эротических контактов, в котором танцующие выстраиваются друг за другом в затылок, кладут руки на талию или плечи впереди стоящего и двигаются, мерно подпрыгивая в такт музыке.

Музыка Рауно Лехтинена на мотив финского народного танца «енки» разошлась по миру в обработке Роберто Дельгадо (1965).

В нашей стране она получила известность как песня «Йенька» (музыка Г. Подэльского, слова Д. Иванова) со словами:

«Раз, два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать!
Славная, милая, смешная енька
Нас приглашает танцевать».

Когда-то в России на фронте я молил прекрасную Оливию: поставь меня на нашу площадь, дай мне оглядеть ее всю... А потом швырни в меня, если хочешь, немецкую мину...

«Наша площадь» — связана с местом, где прошло детство Володина: «Некогда была Сухаревская башня, центр рынка, бескрайнего, как вселенная. <...> Как сохранить вот здесь, внутри, Пастернака, Первую Мещанскую? Она убежала от рынка в свою особенность. На ней особняк, в котором, как говорили, жил когда-то Брюсов. А на углу Грохольского — Ботанический сад, где оранжерея и Самая Высокая Пальма. <...> Этот дом, где я некогда жил, давно уже необитаем... — все окна черны» (ЗНЧ-20. С. 95–97).

Мы находимся в состоянии войны с республикой Гондурас...

Гондурас — государство в Центральной Америке на побережье Карибского моря; язык — испанский, население — около 3 миллионов человек. Выбор страны с таким названием говорит сам за себя. Сравни у А. Галича в «Балладе о прибавочной стоимости»: «Померла у вас тетка в Фингалии».

В «Кастручче» название реального государства заменено на вымышленное — «Берунди», не менее саркастически звучащее.

Национальное кушанье — перловый суп. Отсюда национальный герб — куропатка ест перловый суп.

В «Записках нетрезвого» перловый суп — всегда эмблема детства: «...она кормила так называемого Лелика перловым супом», «пряником был перловый суп».

Куропатка имела славу чрезвычайно похотливого существа. В качестве геральдического знака ее изображение обладает двойным значением: эта птица символизирует истину, но она также — символ хитрости и обмана.

Комната удивляет расцветкой. Одна стена черная, другая — оранжевая. Третья исполосована пробами.

В 1960-е годы в быт активно внедрялись конструктивистские дизайнерские идеи, предлагавшие вместо мещанских обоев штукатурку и окраску стен в различные цвета, вместо кроватей — раскладные диваны, вместо столов с тяжелыми скатертями — низкие столики на тонких ножках и прочее. Раскладушка в качестве спального места являлась неотъемлемой частью советского обихода. А цвет как выражение душевного состояния всегда был близок Володину:

«Серы года предо мною,
да и осталось их мало.
Но, приглядевшись поближе,
я изменился в лице!
Выкрашу серое рыжим,
выкрашу тусклое алым,
выкрашу мглу бирюзою
кистью с лучом на конце!»

Стихотворение «Серы года предо мною...» — Ст-19.¹ С. 276.
Впервые: ПП-99. С. 98.

*Лу и са. Мини-юбки и сапожки.
Педро. Сапожки и мини-юбки.*

Схожие реалии пленительного женского облика упомянуты в стихотворении «Отпустите меня, отпустите...»:

«Акробатки на слабом канате,
речки, заводи, их берега,
на декорационном закате
нитевидные облака,
мини-шубки, и юбки, и платья,
не пускайте меня, не пускайте,
на земле подержите пока!»

Стихотворение «Отпустите меня, отпустите...» — Ст-19. С. 30.
Впервые: Мон-95. С. 73.

Паола (почти не слушая его). *Боже мой, как будто вы могли не вернуться ко мне! А если бы и не вернулись — как будто я могла бы выйти за другого.*

Ср.: «Т а м а р а. Какой был бы ужас, если бы я за кого-нибудь вышла замуж!» («Пять вечеров», конец Второго вечера).

«*Кастручча*» (от лат. castratio — кастрация, оскопление, охолощивание).

Имя *Каструччо* встречается также в повести Никколо Макиавелли «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки» (см.: *Макиавелли Н. Сочинения*. М.; Л.: Academia, 1934. Т. 1).

¹ Названия сборников А. Володина здесь и далее даются сокращенно:

Мон-95 — Монологи. СПб.: Библиополис, 1995.

НВ-99 — Неуравновешенный век: Стихи. СПб.: Петербургский писатель, 1999.

ПП-99 — Попытка покаяния. СПб.: Изд-во альманаха «Петрополь», 1999. (Библиотека альманаха «Петрополь» / При участии Фонда русской поэзии).

Ст-19 — «Простите, простите, простите меня...»: Стихотворения. СПб.: Симпозиум, 2019.

Никогда не пейте с неприятными людьми.

Слова из стихотворения А. Володина «Не могу напиться с неприятными людьми»:

«Не могу напиться с неприятными людьми.
Сколько ни пью — не напиваюсь.
Они уже напились, а я — никак.
И только понимаю их еще лучше.
И чем больше понимаю — тем противней.
Никогда не пейте с неприятными людьми!»

Стихотворение «Не могу напиться с неприятными людьми» — Ст-19. С. 140.
Впервые: Мон-95, С. 30.

Последняя строчка стала названием одного из разделов итоговой поэтической книги Володина «Неуравновешенный век» (СПб., 1999).

«Единственная. Не из женщин...».

Это стихотворение А. Володина было опубликовано много лет спустя после создания пьесы.

См.: Ст-19. С. 274.

Впервые: Мон-95. С. 20.

«Темнеет в мире. Я иду ко дну...».

Это стихотворение А. Володина было опубликовано много лет спустя после создания пьесы:

Впервые: Ст-19. С. 298.

«К чему горячки страшный пыл...».

Первое четверостишие стихотворения А. Володина «К чему горячки страшный пыл...».

Впервые: Ст-19. С. 296.

«Счастливые созвездия мои...».

Последние четырнадцать строк стихотворения «К чему горячки страшный пыл...».

Впервые: Ст-19. С. 296.

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат.

Первая строка стихотворения С. Надсона «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат» (1880).

Кто честной бедности своей стыдится и всё прочее, тот самый низкий из людей и всё такое прочее.

Ср.: «Кто честной бедности своей стыдится и всё прочее,

Тот самый жалкий из людей, трусливый раб и прочее».

Р. Бернс. Стихотворение «Честная бедность», пер. С. Я. Маршака.

Хуан. А я убежден, что правда все-таки потом восторжествует.

Слова из стихотворения А. Володина «Правда почему-то потом торжествует...»:

Зиновию Гердту

Правда почему-то потом торжествует.
Почему-то торжествует.
Почему-то потом.
Почему-то торжествует правда.
Правда, потом.
Но обязательно торжествует.
Людам она почему-то нужна.
Хотя бы потом...
Почему-то потом!

Ст-19. С. 172.

Впервые: День поэзии. Л.: Советский писатель, 1988. С. 150 (без посвящения).

Н и с е т т а. Хуан, со вчерашнего дня мне стало пусто жить. Это сделали вы.

Такое же признание в любви (ср.: «Со вчерашнего дня мне стало пусто жить. Это сделали вы») повторяет и героиня пьесы А. Володина «Беженцы» (1970).

*Н и с е т т а. Еще вчера я решила: стоит ли владеть свою жизнь дальше?
Мне она не нужна. Может быть, тебе пригодится? Тогда возьми ее.*

Ср.: «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее» (А. П. Чехов. «Чайка»). — Надпись на медальоне, который Нина Заречная подарила Тригोरину (конец Третьего действия).

...парламент принял решение освободить от заключения Хуана де Карраскиля!

Впоследствии эта фамилия перейдет к Луису де Карраскилю (Дон Кихоту) — персонажу пьесы А. Володина «Дульсинья Тобосская» (1970).

Отныне Оливия не дева, но — женщина! Не прохладный рассвет, а знойный полдень!

Эту характеристику женской красоты слово в слово повторит некий потрепанный селадон, персонаж фильма «Влюблен по собственному желанию» (сценарий С. Микаэляна и А. Васинского, 1982).

И наконец: пустое «вы» повсеместно заменяется сердечным «ты»!

Отсылка к строкам А. С. Пушкина:

«Пустое вы сердечным ты
Она, обмолвись, заменила...»

А. С. Пушкин. «Ты и вы» (1828).

Площадь шумела. <...> Из среднего окна Ч л е н п а р л а м е н т а осыпал население цветами из специально принесенной корзины.

Дважды в год, в выходные дни в честь празднования 7 ноября (годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции) и 1 мая (Дня международной солидарности трудящихся) в городах СССР устраивались народные шествия, во время которых демонстранты скандировали лозунги, предварительно озвученные дикторами. При всей принудительности этих мероприятий на них нередко царила атмосфера веселья и единения. Вспомним хотя бы фильм Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» («Застава Ильича»).

Два других Ч л е н а п а р л а м е н т а стояли у двух других окон и поочередно провозглашали лозунги: «Опередим Гондурас по росту человеколюбия в стране!»

Помимо политических призывов Члены парламента выкрикивают и строки стихотворений о любви, входивших в школьную программу или часто звучавших по радио в конце 1950-х — начале 1960-х годов.

Цитируемые в пьесе стихи сравниваются далее с текстом первоисточника, чтобы указать на различия в словоупотреблении и синтаксисе.

*Эта тема день истемнила в темень!
— Колотись — велела — строчками лбов.
Имя этой теме...
— Лю-бовь ! Лю-бовь! Лю-бовь!*

Ср. у Маяковского:

Эта тема день истемнила, в темень
колотись — велела — строчками лбов.
Имя
этой
теме:
.....!

В. В. Маяковский. «Про это» (1923), финал вступления к поэме.

*Хочу быть дерзким! Хочу быть смелым!
Хочу одежды с себя сорвать!
Хочу упиться роскошным телом!
Хочу из груди венки свивать!*

Ср. у Бальмонта:

«Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать,
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать».

К. Бальмонт. «Хочу!» (1903).

*Я вас любил! Безмолвно! Безнадежно!
То робостью! То нежностью! Томим!
Я вас любил! Так искренне! Так нежно!
Как дай вам бог! Любимой быть другим!*

Ср. у Пушкина:

«Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим».

А. С. Пушкин. «Я вас любил» (1829).

*— Любовь свободна! Мир чарует!
Законов! Всех! Она! Сильней!..
...Меня не любишь, но люблю я,
Так берегись любви моей!..*

Ср. в тексте «Хабанеры»:

«Любовь дитя, дитя свободы,
Законов всех она сильней.
Меня не любишь, но люблю я,
Так берегись любви моей!»

Ж. Бизе. Хабанера из оперы «Кармен».²

*Любви все возрасты покорны,
Ее порывы благотворны.
И юноше...*

Ария Гремина из оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» (либретто К. С. Шиловского).

*Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново!
Я люблю тебя, жизнь, я люблю тебя снова и снова...*

Строки из песни «Я люблю тебя, Жизнь!» (музыка Э. Колмановского, слова К. Ваншенкина).

*Страстью и негой сердце трепещет,
Льются томительно песни любви...*

Песня Певца за сценой из оперы А. С. Аренского «Рафаэль».

...ой, любимый старый дед...

Ария-вальс, или песенка Адама, из оперетты К. Целлера «Продавец птиц»:

² «Кармен»: Опера в 4-х действиях. Сюжет заимствован из одноименной новеллы П. Мериме. Либретто А. Мельяка и Л. Галеви. Музыка Жоржа Бизе. Перевод для пения А. Горчаковой. Париж, [1897?]. Припев: «Любовь свободна, век кочуя, / Законов всех она сильней».

«Мой любимый старый дед прожил восемьдесят лет.
Как-то, сидя над ручьем, с грустью вспомнил о былом:
“Где же ты, моя любовь”, — заиграла в жилах кровь».

М и г у э л ь (скорчил рожу и, рыча, как Высоцкий, запел):

*У любви, как у птишки, крылья,
Ее никак нельзя поймать!*

Ср. в тексте «Хабанеры»:

*У любви, как у птишки, крылья,
Ее нельзя никак поймать!»*

Ж. Бизе. Хабанера из оперы «Кармен».

Володин неизменно включал имя Высоцкого во все свои синодики самых любимых актеров. Но с песнями Высоцкого у него были непростые отношения.

Об этом свидетельствуют воспоминания В. Желтова «Прерванный концерт Владимира Высоцкого» (см.: О Володине: Первые воспоминания. СПб.: Изд-во «Петербургский театральный журнал», 2006. Кн. 2. С. 156) — о том, как хозяин дома попросил Высоцкого перестать петь: «Ну, хватит, Володя, ребятам надо готовиться к экзамену».

Эту историю лета 1965 года подтвердил и сын Володиной Владимир Александрович Лифшиц (письмо к нам от 15 февраля 2020 г.).

Для человека, прошедшего войну, строки: «Мы ползем, бугорки обнимаем, кочки тискаем зло, не любя» или «Животом по грязи, дышим смрадом болот, как на свадьбе росу пригубя...» и вся героизированная интонация Высоцкого были так же непереносимы, как стук актерских каблуков по планшету сцены во время спектаклей о войне, о чем сам Володин писал в «Записках нетрезвого».

*Некоторое время все еще стояли парами, в затылок друг к другу. <...>
и вот уже всё иначе: двое прильнули друг к другу — словно навек, словно
в отдельности им не жить.*

Эту ремарку воспроизводит сцена из фильма «Происшествие, которого никто не заметил» (1967, реж. А. Володин).

Сведения об авторах

Владимир Сергеевич Березин (р. 1966) – прозаик, критик, эссеист. Окончил физический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и Литературный институт имени А. М. Горького; работал книжным обозревателем и редактором в «Независимой газете» и газете «Книжное обозрение». Печатался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир» и др. Долгое время занимался преподавательской деятельностью. Автор книг: «Свидетель» (СПб., 2001), «Поляков» (серия «ЖЗЛ»; М., 2007), «Диалоги. Никого не хотел обидеть» (М., 2008), «Путевые знаки» (М., 2009), «Путь и шествие» (М., 2010), «Птица Карлсон» (М., 2011), «Группа Тревиля» (М., 2011), «Последний мамонт» (М., 2012), «Виктор Шкловский» (серия «ЖЗЛ»; М., 2014), «Он говорит» (М., 2018), «Дорога на Астапово: Путевой роман» (М., 2018), «Необычайное: Критика, публицистика, эссе» (СПб., 2021) и др. Книги Владимира Березина переведены на английский, немецкий, французский, китайский, польский, сербский и норвежский языки. Лауреат нескольких литературных премий. Живет в Москве.

Анастасия Всеволодовна Володина (р. 1991) – прозаик, кандидат филологических наук, преподаватель эстонского языка. Окончила Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (2013), училась в Тартуском университете, защитила кандидатскую диссертацию «Творчество У. Фолкнера и традиция плантаторского романа» (2016). До 2023 года работала преподавателем эстонского языка в МГИМО. Автор научных статей, посвященных эстонской культуре, русско-эстонскому культурному взаимодействию и эстонскому театру. Публикации выходили в журналах «Театр. Живопись. Кино. Музыка», «Концепт: философия, религия, культура», «Известия ЮФУ» и др. Автор романов «Часть картины» (М., 2022), «Протагонист» (М., 2022), «Цикады» (М., 2024). Рассказы опубликованы в журналах «Юность»

и «The Blueprint». Финалист премии «Лицей» (2020), полуфиналист премии «Ясная Поляна» (2023), лауреат Премии Художественного театра и Московской Арт Премии (2023). Живет в Москве.

Алла Михайловна Грачева (р. 1955) — доктор филологических наук, зав. Отделом новейшей русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга. Область научных интересов — литература Серебряного века и первой волны русской эмиграции, творчество А. М. Ремизова. Автор более трехсот научных работ и публикаций архивных материалов, среди которых — монографии «Алексей Ремизов и древнерусская культура» (СПб., 2000), «Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910—1950-е годы)» (СПб., 2010), «Диалоги Януса: Беллетристика и классика в русской литературе начала XX века» (СПб., 2011), «Теория русского лада Алексея Ремизова: Генезис. Практика. Рефлексы» (СПб., 2023). Главный редактор Собрания сочинений А. М. Ремизова (т. 1—10, М.: Русская книга, 2000—2003; т. 11—18, СПб.: Росток, 2015—2023, продолжающееся издание). Живет в Санкт-Петербурге.

Наталья Юрьевна Грякалова (р. 1953) — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, руководитель Группы по изданию академического Полного собрания сочинений и писем Александра Блока. Область научных интересов — история русской литературы конца XIX — первой четверти XX в., преимущественно модернизма и авангарда, проблемы поэтики, текстологии, архивные разыскания. Автор около 200 статей и публикаций, посвященных А. Чехову, А. Блоку, Н. Гумилеву, А. Ахматовой, О. Мандельштаму, М. Волошину, А. Ремизову, Б. Пильняку, монографий «Малые жанры в русской прозе XX века: Генезис и типология» (Regia, 2003); «Человек модерна: Биография — рефлексия — письмо» (СПб., 2008), «Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма)» (СПб., 2017; в соавторстве с С. А. Кибальником и С. Д. Титаренко). Живет в Санкт-Петербурге.

Елена Мироновна Гушанская (р. 1949) — литературовед, кандидат филологических наук. Окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета (1971), работала в Ленинградском государственном педагогическом институте имени А. И. Герцена и Санкт-Петербургском государственном университете технологии и дизайна (кафедра книгоиздания и книжной торговли). Сфера научных интересов: творчество А. П. Чехова, Александра Чехова, А. Вампилова,

А. Володина, теория и практика редактирования. Автор и составитель книг: «Александр Вампилов: Очерк творчества» (Л., 1990), «Редактирование художественной литературы: Исторический аспект» (СПб., 2007; в соавторстве с И. С. Кузьмичевым), «Александр и Антон Чеховы: Воспоминания. Переписка / Ред.: И. Н. Сухих; сост. Е. М. Гушанская и И. С. Кузьмичев» (СПб., 2012), «За честь культуры фехтовальщик» (СПб., 2016), «Путеводитель по Александру Володину: Опыт аналитического чтения» (СПб., 2024). Живет в Санкт-Петербурге.

Елизавета Евгеньевна Давыдова (Пастернак) (р. 1967) — филолог, кандидат филологических наук. Окончила филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; тема диплома — «Летопись жизни и творчества А. С. Хомякова» (1991). Кандидатская диссертация (1996) посвящена образу Александра I в русской литературе его времени (1777—1825). Работала в редакции журнала «Новый мир» и в музее-усадьбе А. С. Грибоедова «Хмелита». Автор публикаций писем Н. М. Карамзина к С. С. Кушникову (1993), воспоминаний Н. В. Путяты о Е. А. Боратынском (1993), писем А. С. Хомякова к П. М. и П. А. Бестужевым (1998) и др. Участвовала в составлении сборника воспоминаний «Аракчеев: свидетельства современников» (М., 1999), а также в подготовке издания «Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского» (М., 1998; сост. А. М. Песков). Сфера научных интересов Е. Е. Давыдовой — жизнь и творчество А. С. и Д. А. Хомяковых, А. С. Грибоедова, Е. А. Боратынского, Г. П. Павского, Н. В. Путяты и др. Живет в Москве.

Сергей Федорович Дмитренко (р. 1953) — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой новейшей русской литературы, проректор по научной и творческой работе Литературного института имени А. М. Горького; историк русской литературы и культуры, педагогический журналист, прозаик. Автор работ о русских писателях — Н. С. Лескове и М. Е. Салтыкове (Щедрине); составитель многочисленных книг афоризмов, авторских сборников и антологий, в том числе: «Железная дорога в русской литературе» (2 т. М., 2015), «Победа: 1941–1945: Поэзия» (М., 2020). В соавторстве с филологом Натальей Борисенко опубликовал (под псевдонимом *Наталья Кременчук*) роман «Смерть на фуршете» (М., 2014, полный текст: 2017) — юмористический детектив о современной литературной жизни. Автор биографической повести «Салтыков (Щедрин): Генерал без орденов» (серия «ЖЗЛ»; М., 2022). Лауреат Международной премии имени Фазила Искандера (2018), носитель Международной отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка Академии Зауми (2018). Живет в Москве.

Владимир Владимирович Иванов (р. 1943) — искусствовед и богослов. Окончил Ленинградский государственный университет по специальности *история искусства* и Московскую духовную академию. Кандидат богословия. В 1960-е годы совместно с Михаилом Шемякиным разработал теорию метафизического синтетизма. С 1975 по 1987 год занимал кафедру церковной археологии МДА; в 1983 году — священническая хиротония. В качестве приглашенного профессора читал лекции в университетах Германии, Австрии и США. С 1995 по 2009 год — профессор Православного института Мюнхенского университета. Автор более 100 работ по вопросам религиозной философии, эстетики и искусства, вышедших на ряде европейских языков, в числе которых книги: «Russian Icons» (New York, 1988), «Russland und das Christentum» (Frankfurt am Main, 1995), «Петербургский метафизик: Фрагмент биографии Михаила Шемякина» (СПб., 2009), «Триалог: Живая эстетика и современная философия искусства» (М., 2012; в соавторстве с В. В. Бычковым и Н. Б. Маньковской), «Триалог plus» (М., 2013; в соавторстве с В. В. Бычковым и Н. Б. Маньковской) и др. Живет в Берлине.

Евгений Николаевич Кремчуков (р. 1978) — поэт, прозаик, эссеист. Родился в Смоленске, в возрасте девяти лет переехал в Чебоксары. Учился на юридическом и филологическом факультетах Чувашского государственного университета. Стихи и проза с 2012 года печатались в журналах «Новый мир», «Звезда» и других. В соавторстве с Григорием Аросевым написал повесть «Четырнадцатый» («Новый мир». 2014. № 8), роман «Деление на ночь» («Новый мир». 2019. № 7, 8), легендарный «Святые рыбы реки Вспять» («Звезда». 2022. № 12). Автор цикла стихотворений в прозе («Новый мир». 2022. № 11; 2024. № 3), рассказов, книги стихов «Облако всех» (М.; Ростов-на-Дону, 2023), поэмы в прозе «Свидетельство» («Новый мир». 2020. № 11), повести «Ночной словарь родного языка» («Новый мир». 2021. № 9), романа «Волшебный хор» (М., 2023), книги «Фаюм» (М., 2024). Финалист литературных премий «Ясная Поляна» (2023), «Большая книга» (2020, 2023), Премии имени Валентина Катаева за лучший рассказ года (2023). Живет в Чебоксарах.

Анатолий Валентинович Кулагин (р. 1958) — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного областного социально-гуманитарного института (г. Коломна). Область научных интересов: история русской поэзии, в частности — авторской песни. Автор книг «Поэзия Высоцкого: Творческая эволюция» (Воронеж, 2013; изд. 3-е, переработанное), «Лирика Булата Окуджавы:

Научно-популярный очерк» (М.: Коломна, 2009), «У истоков авторской песни: Сб. статей» (Коломна, 2010), «Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта» (М., 2010; в соавторстве с А. Е. Крыловым), «Барды и филологи: Авторская песня в зеркале литературоведения» (Коломна, 2011), «Визбор» (серия «ЖЗЛ»; М., 2013), «Шпаликов» (серия «ЖЗЛ»; М., 2017), «Поэтический Петербург Александра Кушнера» (Коломна, 2020; изд. 2-е, испр. и доп.) и других. Живет в Коломне.

Светлана Игоревна Межерицкая (р. 1975) — кандидат филологических наук, доцент кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы факультета Свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований Российской Академии наук. Член Союза писателей России, руководитель секции художественного перевода Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Специалист в области классической филологии, античной культуры и рецепции античности в русской литературе. Переводчик с древнегреческого и латинского языков. Подготовила к изданию несколько книг переводов произведений древнегреческих ораторов в серии «Литературные памятники»: *Элий Аристид*. Священные речи. Похвала Риму (М., 2006); *Элий Аристид*. Надгробные речи. Монодии (М., 2017); *Дион Хрисостом*. Вифинские речи (М., 2024 — в печати). Участвовала в подготовке переводных изданий по античной литературе и культуре: *Карл Кереньи*. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни / Отв. ред.: С. И. Межерицкая, Л. Ю. Герасимова; вступ. статья Л. Ю. Герасимовой; пер. с немецкого А. В. Фролова, Л. Ф. Поповой (М., 2007); *Альфред и Морис Круазе*. История греческой литературы / Изд. подгот. С. И. Межерицкая; под ред. С. А. Жебелева; пер. с французского В. С. Елисеевой (СПб., 2008). Автор многочисленных статей по литературе и культуре античности, а также переводов с древнегреческого в ведущих российских и зарубежных журналах, посвященных античной и русской словесности, в частности: «Вестник древней истории», «Scrinium», «Русская литература», «Индоевропейское языкознание и классическая филология», «Studia Litterarum», «Aristeas: Вестник классической филологии и античной истории» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Арина Павловна Обух (р. 1995) — член Союза российских писателей и Союза художников России. Выпускница Художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица. Лауреат Молодежной премии Правительства Санкт-Петербурга в области художественного творчества, премии журнала «Знамя», Международного конкурса «Волошин-

ский сентябрь», Общероссийского конкурса «Молодые писатели России: XXI век». Публикуется в журналах «Звезда», «Дружба народов», «Знамя», «Юность». Автор книг: «Выгуливание молодого вина» (СПб.: Петрополис, 2017), «Муха имени Штиглица» (М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2019) и др. Книги и рассказы переведены на испанский, болгарский, турецкий, словацкий и китайский языки. В 2021 году проза Арины Обух была включена в творческое задание на Всероссийской Олимпиаде по литературе. По рассказам автора поставлены спектакли на «Радио России». Живет в Санкт-Петербурге.

Павел Маркович Нерлер (р. 1952) — географ, историк, писатель, литературовед и публицист. Друг и ученик А. Штейнберга, С. Липкина, А. Тарковского и В. Микушевича. Издатель произведений О. Мандельштама, Б. Лившица и других поэтов. Инициатор создания и председатель Мандельштамовского общества. Член Русского Пен-Клуба, Союза писателей Москвы и других творческих ассоциаций. Автор более 600 публикаций по широкому кругу культурологических и филологических проблем, в том числе книг стихов «Ботанический сад» (М., 1998) и «Висококные круги» (М., 2013), книг о Мандельштаме — «Мандельштам в Гейдельберге» (М., 1994), «С гурьбой и гуртом...: Хроника последнего года жизни Осипа Мандельштама» (М., 1994), «Слово и “Дело” Осипа Мандельштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений» (М., 2010), «Осип Мандельштам и Америка» (М.: Ставрополь, 2012 — 2 издания), «Сop amore: Этюды о Мандельштаме» (М., 2014), «Осип Мандельштам и его солагерники» (М., 2015), «“Посмотрим, кто кого переупрямит...”: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах» (М., 2015; автор идеи и составитель); сборника «Путем потерь и компенсаций: Этюды о переводах и переводчиках» (М., 2020) и др. Лауреат Премии имени А. Блока (2015), премий журналов «Новый мир», «Вопросы литературы» и сетевого журнала «Семь искусств» (все — 2014), финалист ряда других премий («НОС», «Писатель XXI века» и др.). Живет в Москве.

Андрей Михайлович Ранчин (р. 1964) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук. Автор более 550 работ, посвященных древнерусской словесности и культуре и русской литературе Нового и Новейшего времени, в том числе книг: «На пиру Мнемозины: Интертексты Бродского» (М., 2001), «Вертоград златословный: Древнерусская книжность

в интерпретациях, разборах и комментариях» (М., 2007), «Путеводитель по поэзии А. А. Фета: Учебное пособие» (М., 2010), «Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме» (Saarbrücken, 2011), «Путеводитель по “Слову о полку Игореве”»: Учебное пособие» (М., 2012), «Борис и Глеб» (серия «ЖЗЛ»; М., 2013), «Переключка Камен: Филологические этюды» (М., 2013), «О Бродском: Размышления и разборы» (М., 2016), «Памятники Борисоглебского цикла» (М., 2017), «Слово о полку Игореве: Путеводитель» (СПб., 2019) «Занимательная Древняя Русь» (СПб., 2021), «Нестор Летописец» (серия «ЖЗЛ»; М., 2022), «Что и почему едят у Гоголя, кто и зачем вяжет у Толстого: Избранные статьи по истории русской литературы» (М., 2022) и др. Живет в Москве.

Иван Валерьевич Родионов (р. 1986) — литературный критик, блогер, редактор. Публиковался на порталах «Год литературы» и «Горький», в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Звезда» и «Юность», в «Российской газете», «Литературной газете» и еще в двух десятках СМИ. Автор книг «Счётчик: Путеводитель по литературе для продолжающих» (Волгоград, 2020) и «На дно, к звездам: Заметки об отечественной литературе 2019–2021 годов» (М., 2022). Выпускник первой и второй Яснополянской школы критики имени В. Курбатова (2021, 2022), победитель Всероссийской мастерской «Мир литературы: Новое поколение» от Ассоциации союзов писателей и издателей России (2022). Обладатель премии «Литблог» (2021) от «Большой книги» за лучший книжный блог года, премии «Гипертекст» (2023) и еще ряда премий. В разные годы — член жюри различных российских литературных премий: «Национальный бестселлер», Премии имени Валентина Катаева, «Ясная Поляна» (рабочая группа), «Лицей» (номинация «Выбор блогеров»). Член редакционного совета литературного журнала «Перископ» (г. Волгоград). Репетитор, преподает русский язык и литературу. Живет в г. Камышине Волгоградской области.

Татьяна Робертовна Руди (р. 1961) — литературовед, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, член редакционных коллегий научных серий «Труды Отдела древнерусской литературы», «Русская агиография» и альманаха «Текст и традиция». Сфера научных интересов: древнерусская литература, текстология и источниковедение, поэтика средневековых текстов, агиографическая топика, творчество русского писателя XVI века Ермолая-Еразма. Автор более 180 научных работ, среди которых — монография «Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной): Исследование

и тексты» (СПб., 1996), книга «Ермолай-Еразм. “Малая трилогия”» (М.; Брюссель, 2020). Публикуется в сериях «Труды Отдела древнерусской литературы», «Русская агиография», «Книжные центры Древней Руси», «Библиотека литературы Древней Руси», в журнале «Русская литература» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Лидия Викторовна Соколова (р. 1947) — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук. Окончила филологический факультет Мордовского государственного университета и аспирантуру при Отделе древнерусской литературы ИРЛИ РАН (1979). Член редколлегии «Трудов Отдела древнерусской литературы». Основная сфера научных интересов — «Слово о полку Игореве» и культура его времени, «Задонщина», «Моление Даниила Заточника». Автор многочисленных работ по истории и теории древнерусской литературы, среди которых — монография «История спора о подлинности “Слова о полку Игореве”: Материалы дискуссии 1960-х годов» (СПб., 2010). Живет в Санкт-Петербурге.

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред здоровью и развитию» книга предназначена
«для детей старше 16 лет».

*Утверждено к печати Ученым советом
Института русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук,
протокол № 4 от 27 июня 2024 г.*

ТЕКСТ И ТРАДИЦИЯ

альманах

Том 12

Издательский редактор • *Андрей Дмитриев*
Оформление переплета • *Давид Плаксин*
Макет и верстка • *Сергей Степанов*

Редакция альманаха:
199034, Санкт-Петербург, В. О., наб. Макарова, 4
e-mail: tatianarudi@mail.ru

Подписано в печать 21.07.2024. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бум. офсетная. Гарнитура Октава. Печать офсетная. Печ. л. 33,2.
Тираж 500 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: 8–921–937–98–70

Отпечатано в ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4.